

№ 4.

1924 г.

БАЛТИЙСКИЙ АЛЬМАНАХЪ

«АВГУСТЪ»

★ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ★
СБОРНИКЪ

Издательство „ПРЕССА“, Рига.

Единственный иллюстрированный сборник литературы, искусства и экономики (на русском языке)

Балтійскій Альманахъ „Аргусъ“

Выходитъ отдѣльными книжками въ 8 — 10 печат. листовъ.

Въ программѣ журнала: балтійскіе авторы (латышскіе, эстонскіе, литовскіе, финскіе, шведскіе и датскіе поэты и беллетристы), переводные рассказы лучшихъ европейскіхъ писателей, очерки по исторіи балтійскихъ литературъ, балтійскій фольклоръ, биографіи замѣательныхъ дѣятелей Литвы, Латвіи, Эстїи и Финляндїи, мемуары и воспоминанія дѣятелей независимости Балтики, постоянные отдѣлы: а) „Со всего свѣта“, б) „Замѣтки библіофила“, в) „На спортивномъ полѣ“, г) „Великій Нѣмой“ (кино), д) „Рампа и лира“, е) „Наши художники“, ж) „Сквозь розовые очки“ (сатира и юморъ), з) Экономическій отдѣлъ съ обширнымъ справочникомъ балтійск. торг. фирмъ.

Въ каждомъ номерѣ отъ 50 — 80 иллюстрацій и зарисовокъ.

Каждый номеръ Балтійскаго Альманаха „Аргусъ“ заключенъ въ многокрасочную обложку.

Въ каждомъ номерѣ статьи по вопросамъ искусства лучшихъ русскихъ писателей, какъ зарубежныхъ, такъ и русскихъ.

Въ слѣдующихъ № № — литературные и художественные конкурсы. Въ всѣхъ годовыхъ подписчикамъ на 1925 годъ въ началѣ подписнаго года будетъ выдано бесплатное приложение:

„Альбомъ поэтовъ и художниковъ“.

Роскошно-иллюстрированное изданіе подъ редакціей художника Бориса, на веленовой бумагѣ, съ многочисленными фотографіями дѣятелей искусства.

Содержаніе № 4.

	стр.
Обложка работы художника барона Розена „Ранняя весна“	3
1. Къ читателямъ	3
2. Г. Рунебергъ. „Нашъ Край“. Стихи. Перев. Ал. Блока	5
3. М. Каудзитъ. „Любовь къ народу“. Стихи. Перев. В. Бабина	5
4. А. Киви. „Сага о коронѣ блага змѣя“ (съ финскаго)	6
5. Аспазія. „Родина“. Стихи. Перев. В. Бабина (съ латышскаго)	8
6. К. Бальмонтъ. „Слово Литвы о любви“	9
7. Ванемъ Иманта. Латышское преданіе	12
8. Фрид. Тугласъ. „Лепестки черемухи“. Съ эстон. Е. Григорьева. Рассказъ	15
9. Мих. Биржишка „Обзоръ литовской литературы“. Очеркъ	26
10. Е. Бенсонъ. „Когда наступаетъ затмѣніе“. Рассказъ съ англійск.	33
11. Ярль Хеммеръ „Первая любовь“ со шведскаго. (Англ. пер. Э. Брайта)	39
12. Тар. Гуша. „Даль“. Съ бѣлорусск. Ружанцовъ	45
13. Диръ Туманный. „Джекъ Лондонъ“. Стихи	47
14. Власть. „Сожь и Диѣбрь“. Съ бѣлорусск. Ружанцовъ	48
15. Эдг. Уздлесъ. „Духъ Джона Голлинга“. (Съ англійск.)	49
16. Игорь Сѣверянинъ. „Безпечно путь свершая“. Воспоминанія	58
17. Екат. Галати. „Данія“. Иванъ Рукавишниковъ „Триолеть“. Стихи	61
18. Со всего свѣта	62
19. Рампа и Лира: Артуръ Тупинъ. Латышская Национальная Опера	71
Р. С. „Шекспиръ на литовской сценѣ“	73
Спекторъ. Годичный концертъ Литовскаго Опернаго Хора	74
О. Н. Русская драма въ Финляндіи	76
Бар. ф. Нолькенъ. Музыкальный сезонъ въ Ригѣ	78
20. Замѣтки библіофила: Статьи и юбилей	81
Рецензіи	86
21. На спортивномъ полѣ	88
22. Страничка моды	89
23. Розовые очки (иностранный юморъ)	91
24. Книжки, полученныя для отзыва	94
25. Экономическая жизнь Латвіи, Эстонїи и Литвы (подъ редакціей Л. Гарфильда)	97
26. Экономическій справочникъ	107

Редакторъ: Евгений Шкляръ. Издатель: „Пресса“ въ лицѣ Л. Б. Гарфильда.
 Редакція и контора: Latvija, Rīga, Бастионный бульв. № 9.
 Телефоны: издательства—46-08 и редакціи 87-36.
 Цѣна отд. №: въ Латвіи—2 лита, Эстонїи—150 мар., Литвѣ—2 лита, Финляндіи—17 мар.,
 вездѣ—50 амер. центовъ. Объявленія: 1 страница—15 дол., 1/2 стр.—8 дол. и 1/4 стр.—5 дол.

БАЛТИЙСКІЙ АЛЬМАНАХЪ

«АРГУСЪ»
* ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ *
СБОРНИКЪ

СЪ ЭКОНОМИЧЕСКИМЪ ОТДѢЛОМЪ.

№ 4.

Редакторъ:
ЕВГЕНІЙ ШКЛЯРЪ.

РИГА
1924

Издатель:
Издательство „ПРЕССА“
въ лицѣ Л. Гарфильда.

Всѣ права сохранены за издательствомъ „Пресса“ въ Ригѣ.
Copyright by „Presse“ Riga, Lettonie.
Alle Rechte vorbehalten. Verlag „Presse“ Riga, Lettland.

Вниманію читателей.

Величайшія трудности, переживаемыя въ настоящее время издательскимъ дѣломъ на Западѣ, въ частности, въ Германіи и Франціи, роковая отдаленность отъ главнѣйшихъ мѣстъ распространенія, досадная неаккуратность книжныхъ фирмъ въ дальнихъ странахъ (Дальній Востокъ, Америка и Южная Африка), расчетъ съ которыми зачастую длится полугодіями и представляетъ рѣдкую, счастливую случайность, — привели къ прекращенію изданія журнала „Балтійскій Альманахъ“ въ Берлинѣ, несмотря на всѣ данныя чисто моральнаго свойства, обезпечившія бы ему постоянный и прочный кругъ друзей-читателей.

Тѣмъ не менѣе необходимость въ подобномъ органѣ, освѣщающемъ культурную работу молодыхъ Балтійскихъ государствъ, на восточномъ „эсперанто“ — русскомъ языкѣ, легко переводимомъ на міровые языки, — дала руководителямъ силу и энергію къ продолженію начатаго при крайне-тяжелыхъ условіяхъ дѣла, встрѣтивъ сочувственное и теплое отношеніе въ лицѣ владельцевъ издательства „Пресса“ въ Ригѣ, которое придавъ журналу художественный характеръ, всѣми силами способствовало его улучшенію и разнообразію, подобно прежде выпускавшемуся тѣмъ же издательствомъ петроградскому журналу „Аргусъ“, просуществовавшему шесть лѣтъ и прекратившемуся только вслѣдствіе отсутствія свободной печати въ Россіи.

Задачи и принципы журнала остаются неизмѣнными, — тѣми, которые возвѣщены въ предисловіи къ первому №, вышедшему въ прошломъ 1923 году. Нововведеніемъ является большой отдѣлъ иллюстрацій и крупныя переводныя произведенія лучшихъ европейскихъ писателей, а также внѣшность журнала, приближающаяся по типу къ „Аргусу“, отчего и названіе это сохранено.

Отраженіе же новѣйшей балтійской культуры, литературы и искусства въ Европѣ является нашей главнѣйшей задачей.

Редакція.

Нашъ Край*)

(Переводъ съ финскаго Александра Блока.)

Нашъ край, нашъ край, нашъ край род-
ной,

О, звукъ всѣхъ громче словъ!
Чей крикъ, растущій надъ землей,
Чей берегъ, вставшій надъ водой,
Любимѣй горь и береговъ,
Родной земли отцовъ.
Ступай надменный чужевѣрь,
Ты звону злата радъ!
Нашъ бѣдный край угрюмъ и сѣрь,
Но намъ — узоры горь и шхерь —
Отрада, слаще всѣхъ отрадъ,
Неоцѣненный кладъ.
Намъ любовь потоковъ нашихъ ревъ,
Ручьевъ бѣгущихъ звонъ,
Однообразный шумъ лѣсовъ,
Свѣтъ звѣздъ, прозрачность вечеровъ,
Все, все, чѣмъ слухъ былъ пораженъ,
Чѣмъ взоръ былъ полоненъ.
Здѣсь съ мыслью, съ плугомъ и съ мечемъ
Отцы ходили въ бой,
Здѣсь ночь за ночью, день за днемъ
Народный духъ пылалъ огнемъ —
Въ согласи съ доброю судьбой,
Въ борьбѣ съ судьбою злой.
Кто счетъ народнымъ битвамъ вель,
Когда все вновь и вновь
Война неслась изъ дола въ доль,
Морозъ и гладь за ней пришелъ, —
Кто мѣрилъ пролитую кровь,
Терпѣнье и любовь?
Да, здѣсь, вотъ здѣсь та кровь текла,
За насъ текла тогда,
Душа народа здѣсь цвѣла

И тяжкимъ вздохомъ изошла
Въ давно прошедшіе года
Подъ бременемъ труда.
Здѣсь — наше все, здѣсь — свѣтлый рай,
Отрада нашихъ дней!
Какъ рокъ жестокой ни пытай —
Онъ все при насъ, родимый край.
Что-жъ намъ любить еще полнѣй,
Святѣй и горячѣй?
И здѣсь и тамъ блуждаетъ взоръ,
Я руку протяну —
Взгляни на радостный просторъ,
Вонъ берега, вонъ рябь озеръ,
Взгляни на все, какъ я взгляну
На милую страну.
И пусть на насъ прольется свѣтъ
Изъ тверди золотой,
Пусть станетъ жизнь игрой планетъ,
Гдѣ слезъ не льютъ, гдѣ вздохомъ нѣтъ,
А все-убогій край родной
Мы помянемъ съ тоской.
О, край, многоозерный край,
Гдѣ лѣснямъ нѣтъ числа,
Отъ бурь оплотъ, надежды рай,
Нашъ старый край, нашъ вѣчный край,
И нищета твоя свѣтла,
Смѣлѣй, не хмурь чела!
Онъ расцвѣтетъ, твой бѣдный цвѣтъ,
Стряхнувъ позоръ оковъ,
И нашей вѣрности объѣтъ
Тебѣ даруетъ блескъ и свѣтъ,
И наша лѣснъ домчитъ свой зовъ
До будущихъ вѣновъ.

А. БЛОКЪ.

М. Каудзитъ.

Любовь къ народу

Тамъ, гдѣ вѣнкомъ увить народъ
И много тѣхъ, кто вслѣдъ идетъ —
Иди безмолвно по пути,
Тая любовь къ нему въ груди.
Тамъ, гдѣ позоръ гнететъ народъ
И мало тѣхъ, кто вслѣдъ идетъ —
Туда явись, на все готовъ
И стань въ ряды его сыновъ!

Перевелъ съ латышскаго В. Бабинъ.

*) Слова этого стихотворенія стали словами народнаго финскаго гимна.

Переводъ А. Блока былъ напечатанъ въ „Сборникѣ Финляндской Литературы“, вышедшемъ подъ редакціей В. Брюсова и М. Горькаго въ издательствѣ „Порусъ“, (Петроградъ, 1917 г.) и за рубежъ почти не проходилъ.

Александръ Киви.

Сага о коронѣ бѣлаго змѣя.

Съ финскаго.

Въ текущемъ году исполняется 90 лѣтъ со дня рожденія выдающагося финскаго писателя Александра Киви, автора вашумѣвшаго въ свое время романа «Семь братьевъ», переведеннаго на всѣ европейскіе языки и вызвавшаго большую критическую статью извѣстнаго французскаго писателя Люсьена Мори въ журналъ „Idées modernes“.

Александръ Киви родился въ 1834 году, въ малевкомъ финскомъ приходѣ Нурми-Ярви, въ семьѣ бѣднаго деревенскаго портного. На маленькаго Киви большое вліяніе оказала его мать, простая, необразованная женщина съ большимъ, на рѣдкость практическимъ умомъ и сильной приверженностью къ религіи. По окончанія приходской школы, молодой

Киви появляется въ Гельсингфорсъ, гдѣ оканчиваетъ свое ученіе и пачиваетъ жалкую карьеру непринзаннаго и вѣчно-голоднаго писателя. Лишенія и страданія, имъ испытанныя, были настолько велики, что онъ сошелъ съ ума и умеръ 38 лѣтъ отъ роду, въ 1872 году, оставивъ единственное крупное произведение, доставившее ему, много лѣтъ спустя, послѣ смерти, европейскую извѣстность. Это произведение — романъ «Семь братьевъ», на которомъ сказывается сильное вліяніе Библии и Калевали. Въ виду особеннаго интереса «Саги о коронѣ бѣлаго змѣя», приведенной Киви въ своемъ блестящемъ романѣ, приводимъ послѣднюю въ точномъ переводѣ.

Одвнъ изъ «семи», братъ Аапо, въ часъ безсонной ночи, въ торфяной лачужкѣ, на взрылевномъ полѣ Импиаары (въ южной Финляндіи), разсказалъ остальнымъ слѣдующую сагу «О коронѣ бѣлаго змѣя»:

«Вотъ равнина, гдѣ, по разсказамъ старыхъ людей, змѣя когда-то сбирался на свои совѣты. На судейскомъ мѣстѣ засѣдалъ ихъ король, — бѣлый змѣй, который показывается очень рѣдко, въ коронѣ, превосходящей по своему богатству всякое воображеніе. По словамъ легенды, одинъ храбрый рыцарь отнял у него эту корону. Однажды пришелъ рыцарь, который замѣтилъ на пустынной равнинѣ короля змѣй съ блестящей короной на головѣ. Онъ подѣхалъ къ нему и ковшомъ своей шпаги сорвалъ съ него корону, затѣмъ припоровалъ коня и усакалъ съ драгоценной добычей, словно подхваченный вѣтромъ и тучами. Но змѣи тоже не медлили: въ гнѣвѣ они бросились за дерзкимъ похитителемъ. Они мчались со свистомъ, свертываясь въ кольца. Тысячи колесъ съ шумомъ катились за рыцаремъ, какъ катятся по дорогѣ дсклы, бросаемые молодыми парнями. Векоръ они настигли рыцаря, столпились у ногъ его лошади, стали бросаться къ ней на крупъ и спину; большая опасность угрожала тогда рыцарю. Въ отчаяніи онъ бросилъ имъ свою шляпу, какъ приманку, и змѣи немедленно изорвали ее въ куски и съ бѣшенствомъ пожрали. Но эта хитрость яепадогю помогла человѣку: змѣи снова покатались за

нимъ, высоко вздымая песокъ по дорогѣ. Герой припоровалъ своего задыхавшагося коня; кровь текла ручьемъ изъ израненныхъ боковъ гордаго скакуна; бѣлая пѣна брызгала изо рта. Рыцарь въѣхалъ въ лѣсъ, но п лѣсъ не оставилъ сатанинскаго бѣга разсвирѣпѣвшихъ змѣй. По дорогѣ ему встрѣтилась горная рѣка. Онъ бросился въ шумный и пѣнный потокъ, черезъ который конь его быстро перевернулъ. Рѣка преградила дорогу и его извивавшимся врагамъ. Но, они, съ шумомъ, напоминающимъ громъ водопада, бросились въ волны и поплыли съ быстротой бури, высоко вздымая бѣлую пѣну. Человѣкъ не переставалъ скакать, преслѣдуемый бѣшеннымъ полчищемъ змѣй. Наконецъ, онъ замѣтилъ издали пылающій огонь, который зажгли, чтобы выгнать лѣсъ. Онъ вернулся въ свой плащъ, намочивъ въ рѣчной водѣ и бросился въ пламя; змѣи, не колеблясь, послѣдовали за нимъ. И такъ герой-побѣдитель мчался среди золотыхъ языковъ бушующаго пламени. Еще разъ онъ воцѣлъ шпоры въ бока своего коня; еще разъ конь ускорилъ свой бѣгъ; затѣмъ съ громкимъ ржаніемъ онъ упалъ, забывъ навсегда пылающій огонь жизни. Но человѣкъ былъ уже въ пламени, снесенный и отъ огня и отъ своихъ страшныхъ враговъ: бушующее пламя истребило, крутятся и шипятъ, безчисленныя полчища змѣй. А герой стоялъ за пылающимъ лѣсомъ съ торжествующимъ взоромъ и чудной драгоценностью въ рукѣ».

Аспазія.

Эльза Плекшань, урожденная Розенбергъ, вступившая на литературное поприще под псевдонимомъ Аспазія, принадлежит къ тѣмъ вождямъ латышской новой литературы, чье значеніе и извѣстность простираются далеко за предѣлами Латвіи.

Она родилась въ 1868 году. Аспазія, какъ поэтесса, является одной изъ центральныхъ фигуръ въ латышской литературѣ послѣднихъ десятилѣтій. Ея литературное и общественное вліяніе очень значительно. Щедро одаренная, интеллигентная душа поэтессы

одинаково чутко откликается, какъ на общественные вопросы своей родины, такъ и на интимныя чувства народнои души, и эти отклики рождаютъ прекрасныя перлы чистой лирики и мужественной гражданской поэзии. Въ стихотвореніяхъ Аспазіи сказывается большой лирической талантъ.

Стиль Аспазіи въ лирикѣ очень красочный, картинный и легкій.

Въ латышской литературѣ и народѣ Аспазія популярна и какъ драматическая писательница (Р. К.)

Родина.

Что мнѣ сказать о родинѣ моей?
Тамъ нѣтъ ни горы, ни рѣкъ широководныхъ,
Что серебромъ въ другихъ краяхъ текутъ,
Величья нѣтъ и нѣтъ красотъ природныхъ.
Тамъ мало розъ, крапивы только жгутъ,
И все-жъ теперь — далече, за морями,
Гдѣ, какъ въ слезахъ, проходитъ день за днемъ,
Она, сквозь мглу, сіяетъ мнѣ въ туманѣ
Желаннымъ, свѣтлымъ, счастья островкомъ.
Въ мечтахъ она, блистая, мнѣ видна,
Лучами звѣздъ кругомъ оплетена.
Душа моя исполнена тоски:

Тамъ солнце яркое теплѣе грѣетъ
И свѣжій дождь нѣжнѣй на землю льетъ.
Весной, мужика, по вишнямъ пчелы рѣютъ,

Среди цвѣтовъ свиваясь въ хоророводъ.
Еще въ лѣсу мнѣ помнится дорожка
И яблони любимой помню тѣнь,
И вижу я лужайку подъ окошкомъ,
Гдѣ въ дѣтскихъ играхъ коротала день.
Ночной порой — пусть все покроетъ
мгла, —

Я каждый камешекъ бы тамъ нашла.
Тотъ мигъ, о родина, запомню я,
Какъ предо мной твои закрылись двери,
Въ изгнаньи я, чужбина мнѣ пріютъ;
Искала я покоя въ вышней сферѣ —
Но раны тѣ не скоро заживутъ.

Возстала я съ приливомъ новой силы —
Тебя я вижу, будто наяву,
Но снова сердце горестно заныло
И лишь къ тебѣ стремленьемъ я живу.
У ногъ твоихъ хотѣла-бъ я рыдать:
«Благослови меня, отчизна - мать!»

Перевелъ съ латышскаго В. Бабнѣвъ.

К. Бальмонтъ.

Перенатка безъ указанія источника
встрѣчается.

Слово Литвы о любви.

Каждый народъ, начавъ говорить о Любви, поетъ звучныя пѣсни, создаетъ красивыя легенды, говоритъ острыя и мѣткія слова, небрасывающіеся потомъ отъ устъ къ устами, отъ сердца къ сердцу, какъ пословица, какъ поговорка, а часто и прямо какъ поцѣлуй.

Въ этомъ — Египетъ не выше и не ниже Вавилона. Не выше и не ниже въ этомъ любой страны, любимая мною съ дѣтства, Литва, съ ея преданіями и народными пѣснями. Свообразіе литовскаго народнаго воспріятія, когда оно касается міра и человѣческаго сердца, ярко склывается въ исполненной тонкаго различія Литовской народной пѣснѣ, которую, по ея особенной внутренней музыкальности, я назову образцомъ и совершеннымъ образцомъ музыки сердца.

Начъ, на долгое время потерявшимъ Родную, все, что любимъ, все, съ чѣмъ съ дѣтства душа сжилась, не говорить ли о нашей боли, какъ сестры сказала бы, Литовская пѣсня «Садикъ»?

Пои, моя сестрица
Что же не поешь ты?
Что ты загрустила,
Руки опустила?
Какъ же буду пить я?
Какъ мнѣ веселиться?
Въ садикъ есть горе,
Горюшко есть въ мадомъ.

Вытоптаны руты,
Сорваны всѣ розы,
Лилія номаты,
Залиты росюю.
Съ Сѣвера-ль былъ вѣтеръ?
Иль рѣка въ разливъ?
Иль гремятъ Церкунасъ?
Жгди свербаня молній?

Нѣтъ, не Сѣверъ вялялъ,
Не рѣка шумѣла,
Не гремятъ Церкунасъ,
Не было злѣсь молній.
Соямы бородагыхъ,
Мужи изъ-за моря
Къ берегу пристаи,
Въ садикъ прибравляеъ.

Руты растоятали,
Розы всѣ сорвали,
Лилія сломили,
Всю росу стяхнули.

Я-то ущѣлял
Только еде-мѣ,
Подъ побѣгомъ руты,
Подъ вѣнчкомъ чернымъ.

Если въ пѣснѣ «Садикъ» тонко склывается дѣвическая — женская чувствительность, не менѣе изящно выражаетъ свою грусть, свое чувство одиночества и оброченности на чужбинѣ, чувство юношеское — мужское, въ пѣснѣ «Сирота».

Средь моречка-моря
Высокая горка,
На горокчѣ-горкѣ
Зеленый дубочекъ.
И юный плыву я,
Плыву и цѣпляюсь,
Родимымъ дубочекъ
Отцомъ обернется-ль?

А вѣжныя вѣтки
Не бѣля-ль ручки?
И зелевъ-листочки
Не слово-ли ласки?
И юный плыву я,
Въ слезахъ уплываю,
Отцомъ тотъ дубочекъ
Не сталъ мнѣ родимымъ.
Ни вѣжныя вѣтки
Не стали мнѣ ручки,
Ни зелевъ-листочки
Привѣтныя ласки.

Приближаясь къ верховному чувству человѣческаго сердца, къ Любви, которая изъ роковой перевязи (вухъ сердце въ одно создаетъ жизнь, Литва то беретъ и описываетъ это чувство въ самомъ простодушномъ, повседневномъ, житейскомъ языкѣ, какъ въ пѣснѣ «Замужество» или въ прекраснѣйшей «Пѣснѣ Перваго Вечера», то окутываетъ свое воспріятіе проникновенной, вѣщей тьмой Міроваго, Вѣчнаго.

Замужество.

Кю хочеть въ толь горькой
Облить себя слезами,
За сына земледѣла
Иди за крѣпостного.
На барщину уметь оны,
На пестрый дворъ на барекій,
Меня въ слезахъ оставить
У жернова стоящей.

Онъ съ барщины вернется,
Оставить дворъ онъ пестрый,
Придетъ — съ красивымъ словоуъ,
И — горькихъ слезъ пригорюня.

Кто хочетъ быть не горькой,
Не быть всегда съ слезами,
За дѣтвинова сына
Пускай выходитъ замужъ.
Пойдетъ онъ въ лѣсъ зеленый,
Въ березовую рощу,
Меня оставивъ спящей,
Перьями укрывши.

Придетъ домой изъ лѣса,
Среди березъ побродитъ,
И принесетъ мнѣ птичекъ
Съ словечками любви.

Въ этой пѣснѣ взять положительный
ликъ простодушнаго счастья. Касаясь
лика роковымъ образомъ отрицательнаго,
художественное чувство немедленно ста-
новится острѣе и выразительнѣе.

Пѣсня перваго вечера.

Что вѣтеръ вѣялъ?
Что лѣсъ гудорилъ?
Въ чемъ дума дилій?
Не вѣтеръ вѣялъ,
Не лѣсъ гудорилъ,
Нить думъ у дилій.

Въ токъ сестрица,
Юница плачетъ
Внучекъ дрогнулъ.

Не плачь, сестрица,
Не плачь, — ты завтра
Заплачешь больше.

Внучекъ снимутъ,
Надѣвуть чепчикъ,
Заплачешь больше.

Распустишь носу.
Гдѣ горсти шелка?
Гдѣ греза дѣвья?

И съ бѣлой ручки
Колечко снимутъ.
Гдѣ гордость дѣвья?

Дѣвушка должна потерять завѣтный
перстень своего дѣвнства. Это — не-
устрашимый законъ Любви. Такъ вѣчно
было и такъ быть должно. Въ этомъ тай-
на, по отъ нея есть ключъ, тайну рас-
крывающей. Ключъ, отмыкающей завѣт-
ный замокъ, и ключъ, бьющей источя-
комъ живой воды.

Гдѣ водъ кленомъ бьетъ источникъ,
Чистая водаца,

Дочки Созанца рано утромъ
Свѣтъ-лицо тамъ моютъ.

Въ томъ ключѣ, подъ этимъ кленомъ,
Шла лицо умытъ я,
Мыла бѣлое словоуъ,
Смыла перстенечекъ.

И пришли сыны тутъ Божьи,
Въ глубь ропяли сѣти.
И вылавлывали перстень
Нѣжными шелками.

Изъ шелковыхъ сѣтей перстню не уи-
ти. Но съ завѣтнымъ перстнемъ, съ пер-
воданнмъ, съ первичнымъ устремлені-
емъ сердца къ сердцу, происходить суди-
бно то, что съ пересыпаемыми изъ
правой руки въ лѣвую сѣменами. Литов-
ская пословица гласитъ: «Бросая въ зем-
лю сѣмена, не пересыпай ихъ изъ правой
руки въ лѣвую, — иначе родится со-
всѣмъ не то, что посѣяно». Эту красно-
рѣчную Литовскую поговорку хорошо
сопоставить для обострѣнія смысла, съ
другой: «Кто разводитъ въ печи огонь,
не говори и не оглядывайся, хотя бы те-
бя звали, а то огонь будетъ выбрасы-
ваться изъ печи и пожаръ тутъ какъ
тутъ».

Мужское и женское сердце должны со-
единяться въ союзъ міротворческаго
значенія и звѣздной красоты, но въ этомъ
соединеніи и роковой разрывъ. Эта не-
избѣжность соединенія и разрыва вели-
кодушно выражена въ космогоническихъ
преданіяхъ древняго Египта. На стѣнахъ
Египетскихъ храмовъ мы видимъ, что
богъ Земли поверженъ ницъ, а богиня Не-
ба, блистательная Матерь Звѣздъ, сги-
баясь и объежая звѣзднымъ своимъ тѣ-
ломъ дугу Небосвода, можетъ соприко-
нуться съ любимымъ лишь въ образѣ
согбенномъ.

Та же мысль и въ Полинезійскомъ
представленіи, въ преданіи Маори, жите-
лей страны, гдѣ растутъ лѣса изъ папо-
ротниковъ. Земля и Небо вѣклились и лю-
бились, тѣсно соединенныя въ долгомъ,
въ безконечномъ объятіи. У нихъ родил-
ись дѣти, но не было ни ночи, ни дня,
одна тьма и тѣнота для всѣхъ живыхъ
существъ. Даже, цѣлуясь, любяще не
видѣли другъ друга въ лицо. Ибо Земля
и Небо въ своемъ объятіи были нераз-
делимы. Наконецъ, могучій, всталъ, де-
годуя, богъ лѣсовъ, и, многорукій, свои-
ми крижистыми руками разорвалъ это
объятіе. Едва Земля и Небо разъедини-
лись, всѣ живыя существа мгновенно
увидѣли себя и другъ друга. Но съ тѣхъ

порь только по ночамъ Небо и Земля могутъ сливаться воедино, и отъ радости Небо тогда свѣтится звѣздами. А съ разсвѣтомъ Небо блѣднѣетъ и по дугамъ ползетъ съдой туманъ, а въ душѣ человѣческой клубится блѣдная печаль.

Разлучены Небо и Земля, разлучены въ самой любви женское сердце и мужское, не понять мужскому сердцу, убѣгающему, женское сердце. вѣчно-лѣнущее къ тому, что оно полюбитъ. И женскому сердцу не понять неизбежность побѣга сердца мужчины, котораго мѣръ вѣчно зоветъ, вѣчно кличетъ къ себѣ для того, чтобы мужскимъ творчествомъ видоизмѣнялись многосложные узоры мѣровой жизни.

Народная мысль Литвы сказала объ этомъ разрывѣ поразительное слово, овявляя не кончающейся поэтической чарой вѣчное разделение, некончающийся разбѣгъ на небѣ Луны и Солнца.

Мѣсяць.

Мѣсяць взялъ Солнышко въ жены,
Перною ранней весной.

Солнышко рано проснулось,

Мѣсяць на небѣ отсталъ.

Мѣсяць бродилъ одиноко,

И полюбилъ онъ Денницу.

Въ сильномъ былъ гнѣвъ Перкунасъ,

Мѣсяць мечомъ разрубилъ.

Что же отсталъ ты отъ Солнца?

Что же одинъ ты блуждаешь?

Что-жъ полюбилъ ты Денницу?

Въ сердцѣ печаль не увяетъ.

Человѣкъ въ первичныхъ своихъ состояніяхъ слушаетъ, какъ говорятъ Небесныя свѣтила и всѣ Стхивъ. Съ ними онъ связуетъ свое воспріятіе всего, что совершается въ его собственномъ сердцѣ. Первобытный человѣкъ — слѣдовать и звѣздочетъ. Вѣрный молитвенникъ въ неприкрытомъ рукотворной кровлей хра-

мѣ Звѣздозаковія, древній Литовець сказалъ звѣздное, вѣщее слово о вѣчной, алой жертвѣ дѣвичьего сердца, и четко установилъ мировое ея значеніе, всеобъемлющій жизненный смыслъ Любви. Литовская «Денница» свѣтитъ всѣмъ днямъ и всѣмъ сердцамъ.

Денница свадьбу справляла,

Перкунасъ мимо мчался,

Зеленый дубъ поразилъ.

Кровь дуба каплетъ и каплетъ,

Окропила дѣвичье платье,

Брызнула кровь на вѣнокъ.

Дочь Солнца слезы роняетъ,

Денница увяшіе листья

Дрожащей рукой собрала.

А гдѣ, моя мать родная.

А гдѣ я вымою платье,

Гдѣ смою я эту кровь?

Дочь моя, дочь молодая,

Иди къ тому озеру прямо,

Гдѣ девять стекаются рѣкъ.

А гдѣ, моя мать родная.

Гдѣ платье сушить я буду,

На вѣтрѣ сушить на какомъ?

Дочь моя, дочь молодая,

Въ томъ садикѣ нѣжно-зеленомъ,

Гдѣ девять раскрылось розъ.

А гдѣ, моя мать родная,

Гдѣ чистое платье натѣну,

Гдѣ въ бѣлое я наряжусь?

Дочь моя, дочь молодая,

Въ ясный тотъ день, какъ засвѣтатъ

Девять сіяющихъ солнцъ.

Вотъ истинно-звѣздныя ризы для нашей земной любви. Сотканный изъ солнечнаго шелка покровъ для танства, въ которомъ нѣжное сердце, любя любовь, и въ любви воистину любя, должно пройти жуть любленія, чтобы найти лучезарный садъ, и, свое счастье любя, назвать міры своей любовью.

П а р и ж ь, 1924.

27 февраля.

Ванемъ Иманта.

Приводимое ниже латышское сказаніе о народномъ героѣ Ванемъ Иманта, относится къ жизни древнихъ ливовъ и латышей во времена появленія въ Латвіи (древней Ливоніи) крестоносцевъ.

Посреди священной рощи, на широкой равнинѣ, одиноко красовался высокій дубъ Союза. Верхушка его была виднѣмъ среди верхушекъ всей рощи. Двѣнадцать сильныхъ мужей не могли обнять ствола этого дуба. Широко вокруг простирался его пышный вѣтви. Подъ этими вѣтвями расположился прибывшій на собраніе Ванемъ Иманта. Вокругъ него столпились лучшіе мужи его народа, а передъ нимъ стоялъ пришелецъ, старикъ, съ юными и смѣлыми глазами. Иманта поглядѣлъ на старика, съ минутой его взоръ выражалъ недоуміе. Наконецъ, онъ прервалъ свое молчаніе:

— Чужестрабець, что привело тебя сюда, въ земли Высокаго Союза, и почему ты нарушаешь торжество вароднаго праздника?

Старець ему отвѣтилъ, сверкнувъ глазами:

— Ванемъ! Я — посоль ливовъ, живущихъ на берегахъ Двины. Къ тебѣ и сратникамъ твоимъ я посланъ ими просить помощи. Не удастся ли намъ общими усиліями предохранить страшное бѣдствіе, надвигающееся и на васъ: на морѣ появились чудища, еще невиданные прежде, — они закованы въ желѣзо. Высадившись на нашей землѣ, они лицемеріемъ обманули насъ и подворились въ нашихъ замкахъ и поселеніяхъ. Они просили разрѣшенія жить въ нашихъ земляхъ по обычаямъ нашей страны. Мы имъ доверили, а теперь не знаемъ, что дѣлать съ бѣдой. Они строятъ каменные крѣпости, которыхъ мы разрушить не можемъ, — они уничтожаютъ ваши свя-

ценные жертвенники, грабятъ пашы поля, безчестятъ нашихъ женъ и дочерей и увозятъ далеко за море нашихъ сыновей. Они все дальше и дальше углубляются въ нашу землю, отымая одинъ замокъ за другимъ, одну килегунду (округъ) за другой. Что ни весна, появляются новые потоки этихъ желѣзныхъ людей. Черезъ нѣсколько дней новая волна ихъ залетѣтъ всю вашу страну, и если они на берегу не найдутъ труповъ своихъ собратій — то горе намъ. Горе и внукамъ нашимъ!

Мужи, окружавшіе Иманту, переглянулись между собой. Только Иманта оставался спокойнымъ и такъ отвѣтствовалъ пришельцу:

— Незнакомецъ, ты подстрекаешь насъ къ кровопролитію, но вѣдь последнее прилпачествуетъ больше дѣлкимъ звѣрямъ, нежели пождамъ народовъ. Ни одинъ благородный человѣкъ не броситъ въ другого копьемъ, если не будетъ на то причины. Но одинъ только звукъ моей трубы — и много сильныхъ и славныхъ ратниковъ присоединится къ этимъ героямъ, которыхъ ты тутъ видишь. Но прежде всего повѣдай намъ, какимъ образомъ попали къ вамъ эти желѣзные люди и чего они хотѣтъ?

Тогда старикъ съ ярко заблестѣвшими глазами отвѣтилъ Имантѣ:

— Сурово и жестоко твое слово, Ванемъ. Я долженъ, согласно твоему желанію, разсказать, какъ эти люди прибыли къ намъ. Нашъ народъ собрался на праздникъ бога Лито (богъ земледѣлія у древнихъ латышей), на всѣхъ холмахъ вызвали огня, всѣ долины были оглашены пѣніемъ веселой молодежи. Какъ вдругъ страшный порывъ бури опрокинулъ всѣ наши свѣтляники и разогналъ народъ: въ ужасѣ, всѣ послѣшили по хижинамъ своимъ. Сильнѣйшій ураганъ разразился на морѣ, разверзлись небеса и тысячи молній возннлись въ волны, вздымавшіяся высоко къ облакамъ. Вѣковыя сосны, съ корнемъ вырванные пѣзъ земли, съ шумомъ опрокидывались съ берега въ разверстыя пучины. Волны разрушали берега и уносили съ собой бѣдныхъ рыбаковъ хижинъ. Дрожали самыя основы земли, твердые скалы колебались. Отъ спльнаго ливня гвбли посѣвы на поляхъ, а долины превращались въ озера. Мы молились небу о томъ, чтобы прекратилась

буря, не зная, что она именно спасала насъ отъ величайшаго бѣдствія. Когда наступило утро и бури утихла, шумъ волнъ донесъ до насъ слабые, жалобные голоса людей, какъ бы молившихъ о спасеніи. Вскорѣ мы среди волнъ замѣтили высокое деревянное строеніе, на которомъ неизвѣстные намъ люди въ диконномъ одѣвннш боролнсь съ волнами и смертью. Тогда двадцать нашихъ юношей немедленно выѣхали въ лодкахъ навстрѣчу погибавшимъ и дѣтельно привялись за ихъ спасеніе. Въ числѣ этихъ двадцати былъ и я, тогда совсемъ молодой и жизнерадостный. Нѣсколько разъ мы пускались въ море и каждый разъ возвращались съ утопавшими, и ихъ муществомъ. Мы съ изумленіемъ разглядывали ихъ лица, одежды, вооруженіе. Языкъ ихъ былъ намъ непонятенъ, но взоръ ихъ выражалъ сильнѣйшую усталость. Мы ихъ накормили, заботились о нихъ, и послѣ трехнедельнаго пребыванія у насъ они, натннувъ свои паруса, на починенныхъ корабляхъ отправились за море. Много лѣтъ проходило, и почти каждый годъ наши мѣста посѣщали чужеземцы, обращавшіеся съ нами вполне прнвѣтливо. Но однажды въ наши мѣста прѣѣхалъ одинъ высокій старецъ и сказалъ намъ на нашемъ же языкѣ, что онъ хочетъ учить насъ заграничной премудрости. Мы съ радостью согласились и старецъ поселился въ моей хижинѣ. Онъ говорилъ очень красиво, но скорѣ сталъ поносить нашихъ боговъ.

— Это совсемъ не боги, а Богъ это тотъ человѣкъ, который погибъ за людей въ дальней сторонѣ. Я ему на это отвѣтилъ тѣмъ, что во всемъ, въ солнцѣ, въ бурѣ, въ громѣ, скрыты божества, и что онъ, если хочеть, — то пусть чтитъ своего умершаго мужа, а мы своихъ боговъ поносить не позволимъ. Въ гнѣвѣ онъ покннулъ мою хижину и сталъ проповѣдовать среди народа ученіе о великомъ умершемъ человѣкѣ, называя нашихъ боговъ идолами. Тогда и народъ разгорѣлся яростью къ проповѣднику и привлекъ его въ священную рощу съ дѣлью принести въ жертву богамъ. Тогда выступилъ я предъ народомъ и указалъ на то, что кровь гостя проливать нельзя. Я предложилъ народу пожалѣть его заблужденія, вѣдь и такъ его богъ мертвъ, а наши вѣчно

живуть. Тогда ярость народа утихла и попережнему старецъ жить среди насъ и кормился отъ рукъ нашихъ. Но вотъ, однажды, изъ чужой страны явились къ нему на помощь болѣе молодые и, ходя изъ хижины въ хижину, проповѣдывали объ умереннѣй и дѣвъ. Его родившей. Вскорѣ пропелась молва, что нѣсколько женщинъ примкнули къ ихъ ученію. Народъ опять началъ волноваться, но мы убѣдили не проливать крови чужеземцевъ, а послать ихъ обратно за море. Старшины согласились со мной, но едва мы хотѣли привести этотъ совѣтъ въ исполненіе, какъ дикіе Земгалы вторглись въ наши мѣста и разрушили все до основанія. Чужеземцы стали на нашу сторону и помогли намъ заманить нашихъ враговъ въ засаду. Мы послушались ихъ и освободились отъ яра дикарей. Тогда чужеземцы предложили намъ жить съ ними въ полномъ согласіи. Послѣ этого, несмотря на то, что я горячо былъ противъ, имъ было разрѣшено выстроить на берегахъ Двины двѣ каменныхъ крѣпости, гдѣ они и поселились. На слѣдующій годъ явились новыя толпы ихъ и старца они начали величать господиномъ всей нашей земли. Они сказали, что ихъ главный первосвященникъ помянулъ этого старца быть нашимъ княземъ по имѣ бога, о которомъ онъ намъ проповѣдывалъ. Я тогда выступилъ на народномъ собраніи и призывалъ народъ къ оружію противъ иноплемениныхъ. Но мужи, введенные въ заблужденіе своими же женами, меня не послушали и рѣшили, что Мейгардтъ будетъ нашимъ отцомъ. Тогда я, соединившись съ нѣсколькими друзьями, съ мечемъ бросился на чужеземцевъ, приказывая имъ вернуться къ себѣ на родину. Они скрылись въ крѣпости, а ночью вышли и перебили почти всѣхъ моихъ сыновей и друзей. Я, какъ впрота, долженъ былъ съ престарѣлой женой и нѣсколькими друзьями удалиться въ землю Эстовъ, къ берегамъ рѣки Эммы.

Вскорѣ ю меня дошла вѣсть о полномъ порабоженіи моего народа чужеземцами. Тогда я направился домой и пришелъ въ ночное собраніе мужей нашего племени, гдѣ мнѣ повѣдали тяжелую быль: нивы, покрытыя хлѣбами, были нивами пришеельцевъ, стада — чужими, каменные крѣпости — престолами рыцарей, герои народа томилась въ цѣпяхъ, а дочери стали наложницами. Даже старшины разбѣгались при одной только встрѣчѣ съ всадниками въ мѣзныхъ доспѣхахъ. О, Ванемъ, я видѣлъ, какъ бичъ взибался въ воздухъ надъ свободными людьми!

Старецъ кончилъ свой разсказъ, слезы градомъ катились по его измученному лицу. Онъ бросился передъ Имантой на колѣни:

— Никогда ни передъ кѣмъ и не преклонялъ своей главы, нынѣ предъ тобой, Ванемъ, я преклоняю колѣни. Иманта, будь нашимъ вождемъ. Спаси мой народъ. Спасая его, ты спасешь себя!

Вокругъ Иманты раздались одобрятельные голоса.

— Къ оружію, братья!

Поднялся и самъ Иманта:

— Хорошо, настала пора провѣтрить копыя. Я впередъ вижу, что борьба эта будетъ кровопролитна и продолжительна. Но мужайтесь, братья, прежде, чѣмъ дважды засверкаютъ звѣзды, звукъ моей воинской трубы пронесется по нашей землѣ!

Наступила упорная и страшная борьба. Сотни дѣтъ прошли съ тѣхъ поръ. Въ этой борьбѣ латышскаго и эстскаго народа за свою независимость пало много доблестныхъ сыновъ, погнѣбъ и народный вождь, славный Ванемъ Иманта, палъ и тотъ же старецъ съ огненными глазами. — и имена ихъ, многихъ-многихъ, свято чтутся тѣми, кто продолжаетъ до конца завѣщанное ими дѣло освобожденія.

Лепестки черемухи

Съ эстонскаго.

Фридебертъ Тугласъ.

Дрожащими пятнами ложилась солнечные лучи на желтый песокъ. Лепестки черемухи, чистые, какъ свѣжинки, безшумно отдѣлялись отъ вѣтокъ, ослабѣвъ отъ горя безвозвратнаго увяданья. Сонно дремали одернутыя свѣтло-зеленой дымкой перушки деревьевъ, купааясь въ теплѣ и свѣтѣ весенняго утра.

Тысячи зеленыхъ мѣняющихся тѣней дрожали на пескѣ, и Лени слѣдила, точно во снѣ, за ихъ пляскаой. Черемуха осыпалась и лепестки ложилась выпучкомъ на серебристо-свѣтлую головку дѣвочки.

Волосы дѣвочки разсыпались. Ихъ гладкія пряди спадали на уши, и отдѣльныя нити волосъ дрожали передъ глазами, какъ золотая прядка. Узкое лицо съ затуманенными глазами казалось еще тоньше за шелковистой сѣтью.

Лени уложила свои куклы: всѣ три рядомъ лежали на землѣ. И сама она устала. Да и какъ не устать заботливой

матери! Вѣдь, дѣти такъ непослушны, такъ шаловливы. Гдѣ имъ оцѣнить материнскую заботу! У матери на сердцѣ забота, въ очахъ скорбь. Но веселой подходитъ она къ дѣтямъ, а руки ея — бархатъ. Сколько у нея было хлопотъ! Учила дѣтокъ и говорить и ходить. Но они безъ нея — ни шагу, и ей приходилось угадать по синимъ глазкамъ то, чего они желаютъ. А безконечныя пѣсни, которыя она имъ напѣвала — о цвѣтахъ, объ ангелахъ, о небѣ! Она напѣвала имъ про предстоящую имъ жизнь: вотъ, онѣ вырастутъ большія и будутъ золотокудрыми принцессами. Они живутъ въ заколдованномъ лѣсу и снятъ — столѣтнимъ сномъ. А принцы блуждаютъ по зачарованной цѣщѣ — въ поискахъ дороги къ замку.

Вся любовь, вся пѣжнность, всѣ дѣтскія сказки переплелись въ колыбельной пѣсенкѣ. И пѣсенка эта звучала, какъ таинственное журчаніе глубокаго ручейка — когда восточное небо чуть зарумянится зарей.

Больно сжалось ея сердце, когда плакали куклы. Ихъ слезы могла видѣть одна лишь она — любящая мать. Тогда она пѣла имъ про принцессу, тоскующихъ въ зачарованномъ замкѣ. И сердечко ея смѣялось ихъ смѣху и ликовала ихъ ликованіемъ. Это могла повѣять только она — любящая мать. Она пѣла имъ про принцевъ, блуждающихъ въ закованномъ лѣсу.

Но теперь она такъ устала, такъ ослабла. Воздухъ такой тяжелый, душный. Мысли въ головѣ — точно сырыя, тяжелыя облака тумана, безъ начала, безъ конца. И больше, чѣмъ когда-либо, сердце ея болѣло о дѣтяхъ: въ послѣднее время они были такіе безчувственные, бездушные. Какъ хотѣлось, чтобы они засмѣялись виднымъ для всѣхъ смѣхомъ, чтобы простерли къ ней руки, удивлялись бы сказкѣ и, засыпая, закрыли бы голубые глазки. Но нѣтъ, — глухими и нѣмыми суждено имъ остаться на вѣки. Не было пѣсни у матери, не было вѣры въ разсказъ о блуждающихъ принцахъ.

Она уложила ихъ на землѣ. Пусть спятъ! Пусть имъ грезятся сны — прекрасные и полные пѣсней, какъ веселій міръ! Пусть снятся имъ сны о любви ихъ матери, о ея заботахъ и ея тоскѣ. И хотя они и глухи и нѣмы, имъ открыть міръ сповидливый. Ибо все, что молодо и прекрасно, видитъ сны, и поетъ, и смѣется во снѣ.

Лени сѣла, опустила руки на колѣни и глядѣла вверхъ, въ просвѣчивавшуюся сквозь листву черемухи небесную свѣ. Въ головѣ уже ронялись новыя мысли — болѣе далекія и отвлеченныя, чѣмъ ея дѣти и ихъ сны.

Велики и необъятны небо и міръ. Земля — мягкая, зеленая, а небо — глубокое, голубое. Такъ бы и сидѣть безъ конца подъ этимъ небомъ и грезить, съ глухой печалью на сердцѣ, съ печалью, навѣянной всѣмъ красивымъ и тихимъ. А въ груди — счастье, и радость при сознаніи, что живешь и что небо такое глубокое и синее.

Она устало вздохнула.

Зажмуривъ глаза, дѣвочка глядѣла въ дрожащую листву. Листья двигались: качались. Вотъ, листочекъ трепещетъ, точно дрожащее крылышко бабочки. И

Лени вся въ ожиданіи: вотъ-вотъ ово сломается: — травянисто-зеленое крылышко бабочки!

Ова набрала въ молодую грудь много воздуха, запрокинула голову и, полулежа на спящъ, оперлась на руки.

Посѣдѣлые стволы деревьевъ кружились передъ глазами, вилообразные и кривые, полные трещины, похожихъ на зарубцевавшіяся раны — со слѣдами жизненной борьбы — воспоминаніями молодости. Природа открыла, полный таинственности, уголокъ своей души: сросшіеся въ сморщенный узелъ вѣтви — змѣи, — узловатыя и вздутыя, точно отъ опухли. — отъ избытка крови. А надъ ними — шатеръ листвы и цвѣтловъ, бѣло-зеленый, съ бѣвиемъ живого сердца, съ знойнымъ дыханіемъ, жаждущій, ширящійся.

Внизу — въ сырыхъ сумеркахъ — чаща чертополоха, крапивы и лѣсной малины, лопухъ, журавлиный горохъ — всякія травы и былинки, все, что ползетъ, что изливается по землѣ, острымъ носикомъ пыливо ващупывая путь, взбѣгаетъ вверхъ по древеснымъ стволамъ, стремясь къ свѣту, къ воздуху. А позади всего — обгорѣлые снизу, толстые столбы садовой изгороди, ея поперечныя доски, и — сквозь свисающую паутину — узкія ключья неба, полей и червѣющего вдали лѣса.

Изъ малинника лилась безконечная пѣсня маленькой птички, и подъ каждымъ листомъ лопуха трещалъ кузнечикъ. Иной жужжалъ точно и не было подъ широкимъ небомъ. Укрывшіеся за садомъ хуторъ гавлъ молчаніе. Только гдѣ-то вдали позванивалъ колокольчикъ на шеѣ овцы. — тихо и разбѣренно — монотонно, какъ будто и овъ неотъемлемо соединенъ съ бѣвиемъ сердца природы, слышимымъ въ это воскресное утро.

Лени сомкнула вѣки. Странная усталость сковала члены, странное чувство и радости, и печали наполнило все ея существо, разлилось по тѣлу дремотной слабостью. Ничего не слышала, не видѣла — лишь сквозь закрытыя вѣки ощущала отражаній золотистый зной. Вдали позванивалъ, замирая, колокольчикъ.

*Лени сѣла, опустила руки на колѣни и глядѣла вверхъ, въ просвѣчивающуюся
сквозь листь черную небесную синь.*

И вдругъ точно сквозь сонъ в слуха долетѣлъ смѣхъ, шопотъ и шуршавіе травы подъ чьими-то ногами. Устало кружились мысли. Но головами она узнала, кто идетъ: изъ-за шухъ не стоило поднимать голову, не стоило оглянуться. Сестра Марія и работникъ Кусты.

И зачѣмъ только у Маріи такой пронизывающей, рязкій смѣхъ! Точно можемъ онъ рѣзаетъ слухъ усталою Лени. Даже здѣсь ей нѣтъ покоя, нельзя быть одной со своими мыслями и куклами. Постоянно они приходятъ, говорятъ и смѣются.

Сухія пѣтки хрустятъ подъ ногами, шелестятъ раздвигаемые кусты. Вотъ, они прошли мимо черемухи. И опять шопотъ и опять смѣхъ Маріи, злойный и порхающий, кокетливый и таинственный.

Передъ глазами Лени сквозь кусты мелькнула ея красная юбка, пестрая и загорная, какъ и сама Марія. Теперь они навѣрное съби: листья уже не шуршатъ. Лишь шопотъ и смѣхъ, смѣхъ и шопотъ. . .

Лени устало потянулась. Ахъ, отъ долгаго сидѣнія заныла грудь. Глубоко вдохнула мелкий воздухъ, полный запаха черемухи и коры черной смородины, и встала: тысячи желтыхъ и зеленыхъ безформенныхъ клочковъ песка и синихъ коры закружились передъ глазами.

За кустарникомъ виднѣлся садъ съ его мшистыми яблонями, а подальше — пчельникъ и рибни, обвитыя хмелемъ, и наконецъ, на фонѣ голубого неба — журавль колодца, точно пошатая къ нему рука великана.

И вдругъ Лени совсемъ близко увидѣла Кусты и Марію. Они сидѣли, прислонившись къ опрокинувшемуся пустому улью. Марія запустила руки въ волосы Кусты, ерошила и гладила пухъ, опускаетъ грудью на плечо парня, полная искривающаго смѣха и переливающейся черезъ край радости.

Въ рукахъ у Кусты былъ большой, намазанный масломъ, ломоть хлѣба. Онъ былъ въ обѣ щеки, смѣялся, обнимая свободной рукой станъ Маріи.

Они сидѣли, и Лени глядѣла на нихъ. У нея пропали и усталость и сонъ. Она была возбуждена, какъ и они. Она смут-

но чувствовала, что здѣсь сокрыто что-то таинственное, воспрещенное.

Но почему такъ трепетно билось сердце, когда она, пробираясь межъ кустовъ, подползала къ нимъ? Точно молотъ стучалъ въ груди.

Теперь она уже стояла у нихъ за спиной.

А, въ сущности говоря, какое ей до нихъ дѣло? Пусть смѣютъ, пусть смѣются. Она играла со своими куклами и будетъ играть опять. Или она просто спокойно выйдетъ изъ-за кустовъ и пройдетъ мимо нихъ, какъ будто ничего не случилось. Да и что вообще случилось? Парень и дѣвка сидѣли на пчельникѣ и смѣялись! Но все-таки какъ билось сердце! Его бѣшеніе заставило дѣвочку затаить дыханіе и застыть среди кустовъ.

Куста кончилъ ѣсть. И вдругъ мощными руками обхватилъ дѣвушку. Ея голова запрокинулась, и губы ихъ слились въ страстномъ поцѣлуѣ. Этотъ поцѣлуй, точно въ борьбѣ, заставлялъ ихъ напрячь мускулы и судорожно сжать руки.

А-а!

Лени широко раскрыла глаза.

А — теперь она все поняла. Кольни дрожали, голова кружилась. Ея первой мыслью было: обжать, что есть мочи, обжать отъ того, чего такъ боялась. . . что было такъ безконечно страшно. . . а — нѣтъ, что было запрещено, было безконечно таинственно!

Но ее удержало безграничное любопытство. Прислонясь спиной къ черемухѣ, прижимая ладони рукъ къ пылавшему лицу, она задержалась, полная страха и стыда.

Сквозь дрожащія пальцы она видѣла ихъ, точно слившихся, головы и волнистый свопъ волосъ Маріи, извивавшихся, какъ змеи. Она видѣла, какъ голова сестры склонилась на обвивавшій шею Кусты руки. Они смѣялись, не говоря ни слова, смѣялись долго, смѣялись каждой частицей тѣла. Марія злобно зашептала:

«Не смѣй больше глядѣть на эту Мали. Не смѣй!»

Нѣтъ. . . не буду! . . .

«Смотришь, точно тебѣ ее съѣсть хочется, точно она для тебя — нѣвѣсть что! Она для тебя ничто, понимаешь — ничто!»

Марія запустила руки въ волосы Кусты, сронила и гладила ихъ, опускаясь грудью на плечо парня, полная искрящегося смѣха . . . .

стр. 18.

„Лепестки Черемухи.“

«Ничего . . . ничего . . . она — ничто! . . .»

Ихъ груди сожнулись. Голова парня прижалась къ пылающимъ щекамъ дѣвушки. И вновь шопотъ:

«И немолода она, я некрасива, и бедна, какъ червовая мышь! Какое тебѣ дѣло до нея, какое ей дѣло до тебя? Не смѣй глядѣть на нее!»

«Она — ничто. . . ничто. . .»

Въ малинникъ безконечной прѣсвѣкой заливалась птичка.

Воздухъ былъ душно-сладокъ, какъ медъ. На серебристые волосы Лени, дрожа, спадали легкіе лепестки черемухи, и маленькая головка дѣвочки кружилась отъ избытка красокъ, отъ запаха цветовъ и знойнаго шопота.

О, какъ хорошо было бы быть подальше отъ всего этого, далеко, далеко!

Точно одурманенная, шла она между кустами черемухи, тихая и усталая. Она позабыла про свои куклы, и они остались на солнцѣ. Капля пота струилась по ихъ розовымъ щекамъ. Они загорали: личики ихъ становились бурными, темными, какъ у араповъ.

Она забыла про своихъ дѣточекъ. Пусть имъ снится сонъ, что мать ихъ устала, что ей хочется плакать и жаловаться, что она не знаетъ, что ей дѣлать! Пусть имъ снится сонъ, какъ ея маленькое сердце разрывается отъ боли и стыда!

Лени покинула садъ, миновала дворъ и вышла въ поле.

Высоко надъ головой сияло небо, необъятное, какъ море. Подъ этимъ безбрежнымъ небомъ, среди шири полей, шла маленькая, усталая и несчастная дѣвочка, съ головой полной горькихъ, приволившихъ ее въ отчаяніе мыслей.

О, эти взрослые люди! Ей было за нихъ и стыдно, и больно. У нея было такое чувство, точно и она, узнавъ ихъ тайну, приняла въ ней участіе. У ней было такое чувство, точно ей слѣдовало рассказать про все отцу и матери, жаловаться въ — потомъ просить прощенья, испросить его хотя бы на козлякахъ!

Она вдругъ разрыдалась больно и горько.

Ей оставалось лишь плакать — плакать надъ жизнью, сокрушаться о всемъ въжюмъ и неосязаемомъ, чего не видятъ люди, чего и знать не хотятъ!

Слезы струились по лицу Лени, и чѣмъ дальше она шла, тѣмъ больше забывала про Марію и Кусту.

Слезы высохли на ея глазахъ. Вотъ, такъ бы ити и ити: съ одной стороны ржаное поле, а съ другой — клеверъ, между ними — межа, уходящая въ бесконечную даль!

Ити бы, ити — и лишь поля и небо, небо и поля. Небо раскинулось необъятно-широю, и въ этомъ безконечно-силенемъ морѣ плыли бѣлесныя, легкія облака. Золотой солнечный дождь цѣловался съ землей, липкой и мохнатой. Земля жадно впитала въ себя этотъ дождь, содрогаясь изъ сладкихъ мукахъ родовъ, дрожа отъ счастья творить новую жизнь. Пробирая земную кору, высобывали свои головки травки и былинки. Въ сырой и сумеречной теплотѣ ползали нити травъ, исчезали подъ землей, припадая къ кормилицѣ ея груди, тянулись къ солнцу жаждущими свѣта головками. По черной, парной землѣ, между пузырьками плѣсени, шал своей дорожкой крошечныя букашки, свѣтло-красныя, словно точки кроваватаго бархата. Подъ каждымъ листочкомъ, каждой шелухой притаился кто-то, выглядывалъ лукаво, показывая язычекъ и рожки, и излываясь въ плѣсень, на каждомъ стебелькѣ качались, ползали удивительныя существа, выдвигая порой пальцы, открывая ротъ и ширя глаза.

Воздухъ былъ точно пропитанъ медомъ. Земля — словно дремающее въ душную лѣтнюю ночь шито: оно дечетъ во снѣ, вдыхаетъ мягкій воздухъ, хватаясь слабыми пальцами за веревки людки.

Поля кончались, Лени шла среди бурнистыхъ тропинокъ, извивавшихся межъ кустовъ. Она шла, ощущая уже переливавшуюся черезъ край радость; разовалась всему, что отрывалось глазами, летало до слуха: и шумившему подъ ногами вереску, и сидѣвшей на вѣтви красношерстой бѣлки, бѣлой корѣ березы и собственной своей жизни. Она пустилась бѣжать. О, какъ стучало сердце, какъ захватывало духъ! Она бѣжала все стремительнѣй, какъ будто за ней гнался кто-то на тысячахъ крыльяхъ, какъ будто сама земля накалалась подъ ея ногами. Изнемогая, она опустилась наконецъ на траву. Въ вискахъ стучало. Она пыталась собраться съ мыслями, но въ головѣ было сумеречно пусто. Наверху сияло небо и по немъ плыли бѣлыя облака, похожія на гребни снѣжныхъ горъ.

Лени снова поднялась и пошла дальше. Вдругъ среди зелени заблестѣлъ мелкій ручеекъ, точно змѣя, извивающійся межъ холмовъ и сврючившихся стволовъ, ясеней и ольхъ. Дѣтвенно-чистый и хрустально-прозрачный, онъ въ своемъ теченіи становился все шире и переходилъ въ рѣчку, степенно и самоуверенно направляющую воды свои къ морю.

Натъ берегами, поросшими кустарникомъ, кружились первыя лѣтнія стрекозы и ихъ, отливавшія металломъ, синія крылышки отражались въ воду, когда онѣ пролетали надъ рѣкой.

Тропинка, по которой шла Лени, ширилась. Сквозъ смѣло вскинутыя вверху вѣтви ясеней краснѣлъ глинистый холмъ. Здѣсь было самое глубокое мѣсто рѣки — темный, казавшійся бездоннымъ, омутъ. На другомъ берегу рѣка переходила изъ грязное болото, гдѣ шептался камышъ и гдѣ на стебляхъ сабельника блестѣла слезъ улитокъ.

На склонѣ холма сидѣлъ настушокъ Видрикъ. Держа въ рукахъ уличку, онъ сосредоточенно слѣдилъ за поплавкомъ, слегка дрожавшимъ на зарыбившей водѣ.

«Видрикъ!»

Испытная и усталая. Лени съла рядомъ съ Видрикомъ и тоже стала сморгать на поплавки

стр. 21.

„Телестли черемухи.“

Она едва повернула голову и злобно пробурчала:

«Уж ты молчи лучше! Наконец-то клюнула, а ты опять спугнула.»

Съ раздраженіемъ сплюнула въ воду. Сидѣвшая рядомъ съ нѣмъ собака быстро наклонила впередъ голову и внимательно наблюдала, какъ плевочъ расхотѣлся по водѣ.

Испытная и усталая, Лени съла рядомъ съ Видрикомъ и тоже стала сморгать на поплавокъ.

Видрикъ былъ странный мальчикъ. Во всей его наружности: въ сѣромъ, точно высохшемъ лицѣ, съ невозмутимо-спокойнымъ взглядомъ полузакрытыхъ умныхъ глазъ; въ его тонкихъ, сухихъ губахъ, вокругъ которыхъ какъ будто играла на-

смѣшная улыбка, но которой на самомъ дѣлѣ не было: въ его тяжелой походкѣ и скупой рѣчи — во всемъ этомъ было что-то старческое. Когда онъ смѣялся, то это звучало такъ, точно онъ хотѣлъ сказать: «Смотри, я смѣюсь, но, вѣдь, смѣюсь надъ людскою глупостью». Онъ былъ одоленъ и вѣчно голоденъ, точно по цѣлымъ недѣлямъ сидѣлъ въ лѣсной чащѣ, грызъ древесную кору и глядѣлъ на небо. Но онъ и на это не обращалъ вниманія. Его совершенно не трогало, что онъ переходилъ отъ хозяина къ хозяину, что иногда — въ теченіе дѣтя — приходилось пасти стадо и въ двухъ хуторкахъ: онъ почти всегда ссорился и сто запросто прогоняли.

Эти ссоры происходили не оттого, что онъ былъ болѣе плохимъ пастухомъ, чѣмъ другіе, или оттого, что его не удовлетворяла ѣда. Нѣтъ, раздоры происходили всегда изъ-за мыслей, ропшихся въ головѣ мальчика.

Былъ онъ какъ-то пастухомъ въ церковномъ имѣніи. Такъ оттуда его прогнали уже черезъ недѣлю: оказалось, что онъ придерживался личнаго мнѣнія и насчетъ священнаго писанія. А что онъ доказали тѣмъ, что прогнали его? Ровно ничего. Онъ уходилъ, полный самозванія и сокрушенія о людяхъ, которые не видаютъ, что творятъ. Бралъ подъ мышки лапти, суму и уходилъ вмѣстѣ съ шедшимъ до его стопамъ мохнатымъ несомъ Эку. Въ сумѣ же были: кусокъ твердаго, какъ камень, хлѣба въ три кнѣпи. Въ двухъ изъ нихъ говорилось о небѣ, о паровой машинѣ, о царяхъ, а третья была написана отъ руки, па синей бумагѣ, и ея не видѣлъ ни одинъ чужой глазъ. Въ ней была даже страничка, написанная кровью, странница, преспренная бурями, таинственными знаками. Были въ ней отрывки изъ седьмой книги Моисея, заклинанія для отысканія кладовъ, несчастливые дни въ году. . .

Онъ навсета хотѣлъ остаться пастухомъ. Его страстью была рыбная ловля. Въ этомъ было вѣчто особенное: смотришь на поплавокъ и думаешь — гадаетъ какая клонеть рыба: большая или малая, окунь или плотва: возможно, что и никакая. А когда почувствуешь, что рыба уже схватила червячка, то ча-

жется, будто на концѣ лески — вся тайна міра. . .

Онъ сидѣлъ сгорбившись, опираясь корпусомъ на тощія руки, выставивъ ноги, черныя, похожія на корни деревьевъ. Рядомъ съ нимъ сидѣла собака — старая, съ посылъвшей мордой, худая дѣтота, что можно было сосчитать ея ребра и слѣдить за бѣшеніемъ ея сердца.

Лени глядѣла на поплавокъ. Скууло было смотрѣть на то, что не двигалось и въ чемъ не было ничего особеннаго. Но глаза собаки и Видрика были къ нему прикованы, и малѣйшее его трептаніе заставляло дрожать и ихъ ушедшія въ паеши головы.

Среди напряженнаго ожиданія пробка вдругъ погрузилась въ воду.

Собака вскочила, поглядѣла въ лицо Видрику и глухо заворчала.

Видрикъ выдернулъ удочку — но рыба на крючокъ не оказалась.

«А чертъ!» процѣдилъ Видрикъ, в Эку съѣла, разбѣсивъ уши, полная стыда, злобы и разочарованія. «Цѣлый день кружится негодвая, не беретъ, но и не уходитъ!»

Онъ собрался плюнуть на червяка, чтобы вновь закинуть удочку, и тутъ только замѣтилъ, что рыба все-таки клюнула, оторвавъ червяка вмѣстѣ съ крючкомъ.

Теперь Видрикъ разсвирѣль:

«Ты что же думаешь — съ кѣмъ дѣло имѣешь? Считаешь меня дуракомъ или просто глупымъ? Или, можетъ быть, думаешь, что міръ существуетъ лишь для того, чтобы ты надъ нимъ издѣвалась?»

Видрикъ обстоятельно прицѣплялъ новый крючокъ и заговорилъ уже спокойно, какъ человѣкъ, къ которому вернулось душевное равновѣсіе, полный сознанія, что если его и обманули, то обманувшій не получалъ отъ этого никакой пользы.

«Хотѣлъ бы я знать, куда ты пойдешь — съ крючкомъ въ брѣхъ? Погибнешь, какъ падалъ.»

Онъ презрительно сплонулъ въ воду.

Лени смотрѣла на него широко раскрытыми глазами. Онъ всегда былъ для всѣхъ чужимъ, она не боялась этого страннаго, не по годамъ серьезнаго мальчика, и его смѣха, отъ котораго морщилась кожа на лицѣ.

Но какой онъ былъ оливкой и жадной, этотъ Видрикъ! Загорьлое темное тѣло его покрывали лохмотья, пальцы были заскорузлыя, и на скулахъ лежали сивія тѣни.

Привязавъ крючекъ, Видрикъ разорвалъ пополамъ большого дождевого червяка, падѣлъ одну половину на крючекъ, плюнулъ на него и произнесъ угрожающимъ тономъ, точно имѣлъ дѣло съ легионами: «Посмотримъ!..»

И вновь оба — пастухъ и собака — усталились на качавшейся поплавокъ. И попрежнему надъ рѣкой стояла тишина, полная полуденнаго солнечнаго сіянія и запаха спирея, волной несшагося съ луговъ.

Изъ-подъ полуопущенныхъ рѣсницъ Лени глядѣла на нехудалое лицо Видрика и на голодную морду Эку, и ей стало пухъ обонять то безконечности жаль.

Неожиданно для себя самой она спросила шопотомъ, наклонивъ голову къ мальчюку:

«Видрикъ, почему это ты все сидишь здѣсь на берегу?»

«Ну куда же мнѣ идти?» грубо отрезалъ онъ.

И даже не повернулъ головы въ ея сторону! Вновь воцарилась душная тишина.

«Видрикъ... хочешь... я принесу тебѣ хлѣба съ маслом?»

«Хлѣбъ съ маслом?» Онъ все-таки повернулся къ ней и посмотрѣлъ на нее полувопросительно. И за нимъ повернула морду и собака, точно съ такимъ же выраженіемъ, какъ и у пастуха. «Что-жь, — почему бы мнѣ не хотѣть хлѣба съ маслом?»...

Лени вскочила, и ее вдругъ переопланила такая переливающаяся черезъ край радость, что она ликующе заплѣла на никому непонятномъ языкѣ дѣтскаго лепета:

«*pīopīle pīsiin! Pīmīpīna pītispīlen pīvaspīta!*».

Но когда Видрикъ посмотрѣлъ на нее ничего не понимающимъ взглядомъ, она, уже убѣгая, крикнула ему:

«Объжди! Я сейчасъ!»

Она торопливо бѣжала по тропинкѣ къ усадьбѣ. Здѣсь было попрежнему все тихо. Сестра Марія опиралась о калитку сада, съ утомленными, полузакрытыми

... Онъ увидѣлъ хлѣбъ съ масломъ. Онъ вынулъ его изъ руки Лени, отломилъ собацѣ, и сталъ жадно ѣсть.

«Тоскотки черемухи.»

стр 24

глазами, съ тремя желтыми, дикими тюльпанчиками въ спутанныхъ волосахъ.

«Ты его откуза?» спросила она устало и безучастно.

«Я... я была внизу на лугу, знаешь, гдѣ большой камень Калевинюта?»

Но нѣтъ — нѣтъ, нужно лгать! Точно кто-то ей приказывалъ лгать...

«Знаешь, тамъ, гдѣ такъ много желтыхъ тюльпанчиковъ и анютиныхъ глазокъ.»

«Да-а?»..

Сонныя пѣки Маріи трепетали, увидѣвше тюльпанчики спалали на лобъ.

Въ сумеречной, прохладной кѣлти стоялъ легкій запахъ плѣсени. Сквозь щель бревенчатыхъ стѣнъ проникалъ солнечный свѣтъ, и въ полость лучей его трепетала золотистая пыль... Лени поднялась на цыпочки и достала съ полки шпрѣвѣй, какъ шить, хлѣбъ. Она отрезала толстый ломоть и въ полость врывавшагося черезъ баки солнечнаго свѣта трожашими руками намазала его густымъ слоемъ масла.

Она проскользнула мимо окошечка, пробѣжала черезъ садъ и, запылаясь, остановилась.

Въ лепесткахъ черемухи, среди сіяющаго солнечнаго свѣта отдыхали ея дѣтки. О, несчастныя крошки — пухъ свились страшные свы. Имъ свидѣлось, что мать ихъ равнодушно проишла мимо

нихъ, бросивъ на нихъ лишь ничего не выражавшій взглядъ съ головой, полныхъ другихъ мыслей, съ одной заботой на сердцахъ. Имъ снилось, что проходит мимо нихъ, она приглатила волосы, воткнула въ нихъ цвѣтень и спустила на добъ волнующую пряху.

Леня торопилась.

Она безконечно ридовалась, что Витрику захотѣлось хоть хлѣба съ масломъ.

Видрикъ по прежнему сѣлалъ на берегу. Подъ сочувственное вѣчаніе Эку, онъ ругалъ чортаво окуня, который перегрызъ леску и теперь съ прежнимъ упорствомъ водилъ его за носъ. Видрикъ вильзѣлъ, какъ онъ кружился вокругъ поплавка, какъ билъ хвостомъ по пробѣ — и если бы онъ могъ смѣяться, то изъ воды несомнѣнно раздался бы его двавольскій хохотъ.

На мигутку въ углахъ глаза Витрика мелькнулъ намекъ на удовольствіе: онъ увидѣлъ хлѣбъ съ масломъ. Онъ взялъ его изъ рукъ Лени, отломилъ кусокъ, собакъ, сплюнулъ и сталъ жадно ѣсть.

Леня съѣла съ нимъ рядомъ.

О, какъ онъ ѣлъ! Точно никогда не видѣлъ ничего, кромѣ черстватаго хлѣба и водянистаго картофеля.

Дѣвочка смотрѣла на пастуха. Лицо и уши ея горѣли. Бѣсный Видрикъ, бѣзвнѣшій!

О, какъ стучало сердце, какъ будто хотѣло выпрыгнуть изъ груди. Какъ кружилась голова!

Дрожащей рукой Лени обхватила Витрика и вѣжно и тихоюко приставилась головкой въ его плечу. Молчать теперь... быть тихой-тихой — иначе разорвется сердце, вотъ-вотъ разорвется...

Передъ темнѣющими глазами — ключа синяго неба, черной воды и красной глины холма: въ груди и стытъ, и желаніе, и тоска и ожиданіе.

Теперь только произойти нечто великое и чудесное, точно въ сказкѣ: и страшно, и заманчиво, и таинственно. Оно должно притти, какъ прилетаютъ лебеди весной или какъ распускается черемуха — сразу, за ночь.

Блестя, отливающимъ металломъ, крылышками, кружились надъ рѣкой стрелы, а зеленая лягушка сѣдела на широкомъ листѣ кушничника и неподвижно уставилась въ солнце.

Удочка согнулась, выпрямилась, и на солнце поблестѣла чешуя большого окуня.

стр. 24

„Теплѣеши чернѣеши.“

Но Витрикъ не обращалъ вниманія ни на что. Онъ продолжалъ жевать и глотать: добъ у него была въ глубокихъ складкахъ, глаза бродили по глинистымъ слоямъ холма. Кончивъ ѣсть, онъ вновь закинулъ въ воду свою удочку, спокойно и хладнокровно.

Леня безвнѣшно уронила руки на колѣня.

Она закрыла лицо руками и, незаметно для нея самой, между пальцевъ струилась слеза, сперва тихо, потомъ все неудержимѣе. И вдругъ все ея тѣло затряслось отъ неудержимыхъ рыданій.

Витрикъ повернулся къ ней.

«Ты чего это?»

Леня бросилась па землю, слезы ручьями текли по ея лицу.

«Витрикъ... ты не... любишь меня!»

Но въ этотъ же моментъ Витрикъ зашвыкалъ:

«Ш-ш! Клоусть!»

Удочка согнулась, выпрямилась, и па солнце заблестѣла чешуя большого окуня. Видрикъ схватилъ его за хвостъ и съ силой ударилъ рыбой о скалу.

«А-а, чортъ!» вскрикнулъ онъ, весь полный торжества добыты.

«Ты это надъ кѣмъ издѣвался? Думалъ, что самый умный на цѣломъ свѣтѣ, ты-то! Посмотри, Леня, сколько въ немъ еще злости!»

Но Лени уже не вытла ничего. Отъ слезъ въ глазахъ было темно. Медленно, съ поникшею головою, шла она по ведущей къ тому тропинкѣ, тѣхъ и устало, точно она вдругъ постарѣла, точно радость жизни навсегда исчезла изъ ея сердца.

Снова она въ саду. Точно снѣгомъ покрыта земля: лепестки опавшаго цвѣта черемухи покрыли и платья и кудри кукль.

И кукламъ снятся сны:

... Въ воздухѣ стоитъ звонъ колокольчиковъ: то вѣдутъ принцы. Они спѣшать подняться къ замку, и мантіи на плечахъ у нихъ развѣваются, какъ орлиныя крылья. Передъ ними шествуютъ музыканты, съ непокрытыми головами, въ вѣнкахъ изъ васильковъ. И арфы поютъ гимнъ любви. Вотъ, распахнулись ворота. Възбѣгаютъ принцы, и одинъ изъ нихъ, склонивъ колѣни, спрашиваетъ: «Что вы — зачарованныя принцессы?»

«Мы...» раздается стыдливый ответный шопѣтъ.

Но — ахъ — почему у принцессы на лицахъ блкая насмѣшка?

«Барышни, да поглядите же на себя въ зеркало!»

А-ахъ! Отъ солнца онѣ загорѣли, почернѣли, какъ арапы!

Лени опустила переть куклами на колѣни.

Легкій вѣтерокъ пронесся надъ зарухой черемухи и стряхнулъ послѣднѣе лепестки... Фосфорные, — больше ихъ наверху не было. Деревья стали темно-зелеными. Земля же подъ ними была бллая, какъ въ тихій зимній вечеръ. На этомъ блломъ ковръ склонила колѣни маленькая дѣвочка съ увядшими цвѣткомъ въ волосахъ. Грудь ея рвала отъ тоски: такъ трепещетъ сердце жертвы пылающей гдѣ-то на небесахъ алтаря. — сердце жертвы, отклоненной богами!...

Съ эстонскаго перевела Е. Григорьева.

Михайль Биржишка.

Обзоръ литовской литературы.

Предлагаемый вниманию читателей „Балтійскаго Альманаха“ очеркъ принадлежит перу популярнѣшаго въ Литвѣ общественнаго дѣятеля и поборника либеральной независимости Милина

Биржишка, выдѣлавъ съ отдѣльной брошюрой въ Вильно, въ 1921 году, очеркъ мы замечаемъ это единственное обзорное литовское литературное сочиненіе на русскомъ языкѣ. Редакція

I.

Народная поэзія. До сихъ поръ собрано и опубликовано не менѣе 7000 литовскихъ народныхъ пѣсень (daina) и ихъ варианты и около 2500 напѣвовъ, кромѣ того, болѣе 2000 сказокъ, сказаний, легендъ, 3 съ лишнимъ тысячъ загадокъ, поговорокъ и поговорокъ.

Большинство пѣсень лирическія, свадебныя, похоронныя, семейныя, сельско-трудовые и вообще бытовыя. Эти пѣсни, преимущественно «про боя» (до 50 проц. пѣсень) и «про руту» (30 проц.), произнесены чистымъ, нѣжнымъ чувствомъ, отличаются образностью выраженія и мелодичностью напѣва.

Условія современной жизни (спослѣ увѣщанія крѣпостничества), все рѣче дифференцирующія общество, разлагающія деревню и ея общинность, усиливающія тягу изъ деревни и вносящія въ нее мѣстечково-городскую культуру, неблагоприятны для народной пѣсни «патріархальной» — крѣпостническихъ временъ. Она все чаще уступаетъ мѣсто малокультурной частушкѣ (dainiuka), иногда то же, что и daina, или литературнымъ пѣснямъ: Страдаса, Вевужиса, Баронаса, которыя уже давно распеваются народомъ и попадаютъ почти въ сборники народныхъ пѣсень.

Менѣе извѣстны въ ученомъ и литературномъ мѣрѣ литовскія сказки (pasaka). Главныя ихъ сюжеты общи всему азіатско-европейскому міру. Болѣе самобытны мифологическій элементъ, и вообще сильны еще отзвуки тогда сохранившагося (ведѣствіе о вѣдѣ) подчиненія

литовцевъ христіанству) двоевѣрія (смѣшенія тохристіанскихъ вѣрованій съ христіанскими), дающіе богатый матеріалъ изслѣдователямъ народныхъ вѣрованій.

Христіанскія легенды сравнительно немногочисленны и мало оригинальны; вліяніе христіанства на народное творчество проявилось преимущественно внѣшнимъ образомъ — подставкою христіанскихъ понятій, часто просто названій при сохраненіи прежнихъ сюжетовъ.

Довольно богатъ животный эпосъ.

II.

XVI, XVII и XVIII вѣна. Кольбелью литовской письменности является Малая (прусская) Литва, Герцогъ Альбрехтъ прусскій, высаждая въ своихъ владѣніяхъ реформацию, старался, чтобы «слово Божіе» распространилось между всѣми его подданными, въ т. ч. пруссами и литовцами. Въ основаніи (1544) имъ же кенигсбергскомъ университетѣ былъ учрежденъ нѣсколько стипендій для литовскихъ пасторовъ и проповѣдниковъ, поощрялъ ихъ къ составленію религиозныхъ книгъ на литовскомъ языкѣ, завѣлъ (онъ и его преемники) нужными средствами для изданія ихъ. Профессора университета Станиславъ Рапагелдинисъ (ум. 1545) и Абрагамъ Кульва (ум. 1545), уроженцы Великой (позднѣ русской) Литвы извѣстны, какъ первые переводчики духовныхъ пѣсень и псалмовъ. Стипендисты — пасторы Мартиль Мажвичисъ (ум. 1542), Балтр. Видентасъ (ум. 1587), Гинасъ Бреткунасъ (1535—1602) и дру-

гіе переволять катехизисы, евангелія, постиллы, духовныя пьесы. Выдающийся знаток литовскаго языка Бреткунасъ оставилъ въ рукописи переводъ Бібліи. Первая литовская книга — катехизисъ 1547 года въ переводѣ Мажвидиса.

30-лѣтняя война на полстолятія прервала литературную дѣятельность пасторевъ; она возобновилась лишь во второй половинѣ XVII вѣка и особенно усилилась въ XVIII вѣкѣ. Возрастаніе интереса въ литовско-прусскомъ, преимущественно пасторско-учительскомъ обществѣ къ самобытно-культурнымъ особенностямъ литовскаго народа шло наряду, отчасти въ зависимости отъ постепеннаго исчезновенія этой, уничтожаемой прежде католическимъ мечомъ, а затѣмъ протестантскимъ просвѣщеніемъ, самобытно-сти. Появляются грамматика и словарь Гаака, Ругиговъ, Клейна, Мильке.

Убаюканный чиновничье-пасторской опекою, забытый крѣпостной литовскій народъ окультуривался по прусскому образцу. И только въ половинѣ XVIII вѣка появляется (изд. 1818), какъ пассивный протѣстъ противъ тяжелыхъ крѣпостныхъ условий и только-что усиленнаго свѣжею колонизаціею напора иѣмечины, знаменитое произведеніе крупнѣйшаго литовскаго поэта, пастора Крист. Дуонелайтиса (1714—1780), написанное гекзаметромъ: реалистическія идилліи изъ жизни литовской деревни.

Въ Великой Литвѣ литовскій языкъ не употреблялся въ письмѣ почти до конца XVI вѣка. Патристическо-національныя тенденціи болѣе или менѣе яркою чертою проходятъ черезъ періодъ реформаціонныхъ бурь въ Литвѣ (XVI то XVII в.), породивши обширную полемическую литературу на латинскомъ, польскомъ и белорусскомъ языкахъ. Проникнуты ими литовскія дѣтщины (на белорусскомъ языкѣ), исторіи Стрыйковскаго (на польскомъ), Ковловича (на латинскомъ) и другіе.

Реформаты (кальвинисты) и католики идутъ къ народу съ устною и печатною проповѣдью на его родномъ языкѣ. По порученію жемайтскаго епископа князя Меркеля Гедрайтиса (еп. 1576—1609), яраго литовскаго патриота, кунигасъ (кеевлясъ) Ник. Даушка переводитъ и издастъ катехизисъ (1595) и постиллу;

въ предисловіи къ послѣдней онъ горячо нападаетъ на соотечественниковъ, пренебрегающихъ роднымъ литовскимъ языкомъ.

Изъ среды іезуитовъ выходятъ извѣстныя виленскій проповѣдникъ Конст. Шривдасъ (1564—1631), авторъ литовскихъ проповѣдей (1629—1644) и словаря (съ 1629 года, 6-ое изданіе). Въ 1737 году іезуиты издали литовскую грамматику. Реформаты, покровительствуемые могущественными князьями Радзивиллами, издали въ литовскомъ языкѣ катехизисъ (1598), постиллу (1600) такъ называемыя кейланскія богослужебныя книги (1653), «лондонскую» біблію, неоконченную печатаніемъ въ Эднбургѣ (1659—1662).

Къ половинѣ XVII вѣка окончательно восторжествовала католическая реакція, съ іезуитами во главѣ, а также исчезли послѣдніе отзвуки бывшихъ политическихъ и культурно-національных стремленій литовскаго общества. Общественная разруха XVII—XVIII вѣковъ заглушила письменность. Она возрождается лишь въ XIX вѣкѣ.

III.

1801—1864 г.г. Политическій кризисъ польско-литовскаго государства во второй половинѣ XVIII вѣка вызвалъ въ шляхетскомъ обществѣ сильное культурно-политическое движеніе. Поднятіе культурнаго уровня шляхетскихъ и народныхъ массъ путемъ распространенія среди нихъ освобожденнаго отъ іезуитскаго засилья просвѣщенія стало ближайшей задачей передовыхъ слоевъ общества. Просвѣтительное движеніе первой трети XIX вѣка, продолжавшее дѣло послѣднихъ десятилѣтій XVIII вѣка, лишь въ измѣнившихся политическихъ условіяхъ (подъ Россіей), пробудило въ Литвѣ, особенно въ жемайтской шляхтѣ (въ западной части, въслѣдствіи Ковенской губ.), болѣе глубокий интересъ къ родной старинѣ и языку.

Польскіе труды Чапскаго (о литовскомъ статутѣ, 1800—1801) и Богуша (о пренебреженіи литовскаго народа, 1806), особенно дѣятельность преобразованнаго изъ виленской іезуитской академіи университета, вольскаго по направленію, во интересованнаго также прошлымъ

Литвы, въ известной мѣрѣ и шведскимъ языкомъ, поощряли жемайтцевъ къ знанію своимъ прошлымъ и языкомъ. Они стали изучать свой языкъ, знакомиться съ прежнею литовскою литературою, составили словари, грамматики. По почину жемайтскаго епископа князя Юсефа Арунодфа Гедрайтиса (1754—1838), духовенство старалось замѣнить «жаргонныя» (подъязымы) литовскія изданія XVIII вѣка новыми, болѣе литературными. По инициативѣ епископа переведенъ Новый Заветъ, изданный (1816) Библейскимъ обществомъ. Виленскіе студенты-жемайтцы собирали народныя пѣсни, издавали популярныя книжки для народа. Не только жемайтская, во и вообще учащаяся молодежь, даже не говорящая полнотой литовски, заинтересовывается полными драматическими моментами прошлымъ, пѣснями и языкомъ литовцевъ. Профессоръ кенигсбергской семинаріи Любвикъ Гедминъ Реза (1777—1841), первоучикъ, точнѣ редакторъ перевода Библии (1816), издатель Душайтиса (1818) и народныхъ пѣсень (1825), много послужилъ какъ русско-литовскому, такъ и польско-литовскому обществу въ дѣлѣ ознакомленія съ литовскою письменностью и народнымъ творчествомъ.

Интересъ къ Литвѣ и ея народу въ польской литературѣ особенно проявился въ замѣчательныхъ прозвѣдѣніяхъ уроженца Литвы и воспитанника виленскаго университета Атама Мицкевича (1798 до 1855); «Гражина» (1823), «Жюратъ Валандордъ» (1826—1827) и др.

Народилась и оригинальная поэзія на литовскомъ языкѣ гени жемайтской шляхты. Наиболѣе крупная личность — Доминія Пошкусъ (1760—1831), авторъ словаря (рукоп.) и многочисленныхъ одъ, эпиграммъ и тому подобн. стихотвореній, а также резкихъ, съ резкимъ мужествомъ написанныхъ сатиръ противъ крѣвостическаго жизнеуклада. Жемайтско-литовскій мужикъ Сильвестръ Валюнасъ (1790—1831), интеллигентъ изъ крестьянъ, составилъ популярную въ народѣ историческую думу про князя Кейстута и его Бируту, профетизирующую Пошквой: его произвѣденія на польскомъ языкѣ пока не найдены. Стихотворенія этихъ и другихъ поэтовъ распространялись въ рукописяхъ. Лишь Симонъ Станевичъ, знатокъ литовскаго языка и со-

биратель народныхъ пѣсень, издалъ (1829) сборникъ своихъ стихотвореній, въ томъ числѣ написанную съ большимъ подъемомъ патристическую оду жемайтскаго студенчества — «Слава жемайтцевъ», популярную политическую аллегорію «Коль и метѣль» и др.

Особо отъ жемайтскихъ поэтовъ стоитъ уроженецъ восточной Литвы кув. Антонъ Страдасъ (1763—1833), всю жизнь прожившій вмѣстѣ съ народомъ, вѣдалъ ни съ духовнымъ начальствомъ, ни со шляхтою. Въ своихъ пѣсняхъ (1814, новое изданіе 1911) онъ то оплакиваетъ сиротскую долю, то исплываетъ беззаботную востушескую пѣсенку, то обрушивается на крѣпостниковъ и пророцествуетъ народу «весну»: онъ одинъ изъ самыхъ любимыхъ народныхъ поэтовъ.

Неудачный нехотъ польско-литовскаго востанія 1831 года повлекъ за собою рядъ обрусительныхъ мѣръ, закрытіе университетовъ и вообще стѣсненіе общественно-культурной жизни края. Однако, вліяніе университетской культуры чувствовалось еще не одно десятилітіе.

Въ Большой Литвѣ замечательна сентиментально-романтическая поэзія жемайтской шляхты, но зато выступаютъ жемайтскіе интеллигенты-разочники, преимущественно вышедшіе изъ крестьянъ, болѣе или мѣнѣе перудужаюбиво относящіеся къ шляхетско-польской культурѣ, идеализирующие глубокое прошлое Литвы и стремящіеся практически поднять его образованіе.

Наиболѣе крупную фигуру твоячія является Симонъ Даукантасъ (1793 до 1864), пѣснѣвшій только по-литовски, авторъ обширной литовской исторіи, собиратель народныхъ пѣсень и сказокъ, составитель и введущій общепольско-литовскихъ, преимущественно агрономическихъ книжекъ, для народа. Фанатичесуристъ. — онъ писалъ на малопонятномъ для народа языкѣ.

Съ большимъ успѣхомъ работали жемайтскій епископъ Матвій Валанчусъ (1801—1875, еписк. съ 1850), онъ издалъ цѣнную исторію жемайтской епархіи, духовно-правственные поученія въ видѣ разсказовъ, заключающихъ богатый фольклористическій матеріалъ, и много популярныхъ въ народѣ книжекъ религиознаго содержанія. Кѣтъ послѣ крымской войны былъ представленъ въ центрѣ

общественнаго вниманія вопросъ о раскрѣпощеніи народа, в бюрократіи была вынуждена и въ Литвѣ несколько сократить опеку надъ общественною жизнью. Валанчусъ использовалъ благоприятный моментъ для распространенія въ своей епархіи трезвости, приходскихъ школы, книжекъ, поддержанный духовенствомъ, отчасти и помѣщиками; попытки исключотать право на изданіе популярнаго литовскаго еженедѣльника были безрезультатны. Пришлось довольствоваться календарями Нивнекса. Быстро возростае духовно-нравственная литовская литература, причемъ дѣлались попытки придать ей форму болѣе или менѣе интереснаго разсказа (куп. Юсифъ Довидайтисъ, 1825—1882, Николай Акелайтисъ, 1828—1887, еп. Валанчусъ).

Являются популярными литовскія книжки и по ту сторону Немана, среди сувальскихъ литовцевъ; болѣе или менѣе пользуются правоучительные разсказы и басни куп. Антона Татаре (1805 до 1889).

Помѣщичье-шляхетская интеллигенція въ общемъ поддерживаетъ просвѣтителную дѣятельность духовенства, но не совсемъ ему доверяетъ, пользуясь въ немъ холопоманствомъ и стремленіе къ обособленію литовской политической и культурной жизни отъ «общепольско-шляхетской». Демократическія группы шляхетской интеллигенціи, стремящаяся къ освобоженію польско-литовскихъ областей при участіи народа, наоборотъ, стараются съ нимъ сблизиться.

Пробуждается и литовская поэзія, причемъ выдвигаются преимущественно уроженцы восточной Литвы, вышедшіе изъ народа и пишущіе на своемъ верхнелитовскомъ нарѣчьи, что вызвало даже протесты со стороны высотофыхъ жемайтскихъ пуритановъ. Особенно выдѣляется глубокой знатокъ литовскаго языка и одинъ изъ наиболѣе крупныхъ литовскихъ поэтовъ, куп., затѣмъ сейиенскій еписк. Антонъ Баронасъ (1835—1902), авторъ знаменитой описательной поэмы «Опикитинскій боръ», патріотическаго «Путешествія въ Истербургъ» и др.

IV.

1864—1904. Движеніе польско-литовскаго общества завершилось неудач-

ными возстаніемъ 1863 года. Борьба противъ польско-католическаго вліянія въ Литвѣ, этою «ископни-русскомъ краѣ», въ дѣйствительности представляла просто обрусительную политику. Рикшотетомъ, но особо сильный утаръ получилъ литовское культурное движеніе въ видѣ административнаго запрещенія (1864—1865) печатать литовскія изданія латинскими буквами, съ цѣлью навязать литовцамъ русскій шрифтъ, такъ называемую «гражданку». Последняя, однако, не была принята литовскимъ населеніемъ; напечатанныя русскимъ шрифтомъ казенныя изданія — учебники, молитвенники, духовныя пѣсни (кантатки) могли быть распространяемы лишь насильемъ. Наоборотъ, на латинскомъ шрифтѣ, несмотря на запрещеніе, литовцы создали цѣлую литературу.

Не имѣя возможности печатать въ предѣлахъ русскаго государства (лишь отъ времени до времени разрѣшалось въ видѣ исключенія напечатать популярную или научную книжку), они стали пользоваться типографіями Малой Литвы, откуда затѣмъ контрабанднымъ путемъ переносили печатныя изданія черезъ границу и, несмотря на пресѣлованія, распространяли. По этому пути вельдъ за духовенствомъ пошла и свѣтская литовская интеллигенція, которую выдѣлили изъ себя окръпше послѣ раскрѣпощенія слои крестьянства. Она начинаетъ издавать въ Малой Литвѣ журналы, прѣвазначенные для Великой Литвы, книги, брошюры, затѣмъ воззванія и такъ далѣе, — начинается открытое, неподчиненное русской цензурѣ, національное движеніе.

Единое вначалѣ (сентиментально-романтическая *Aušra* — «Заря» 1883 до 1886, въ которой центральная роль принадлежала жившему въ Болгаріи фольклористу Юв. Басанавичусу (род. 1851), оно разбилось затѣмъ на два теченія: либерально-демократическое (сежембасян. «*Vaivas*», «Колоколь», 1889—1905, и популярное изданіе «*Ukininkas*» — «Хозяинъ», 1890—1905; главный руководитель движенія, поэтъ и публицистъ, авторъ національнаго гимна Вишасъ Кудирка (1858—1899), Павелъ Вишпскисъ (1875—1906) и другіе — и христіанско-демократическое съ клерикальными, отгвкомъ «*Apžvalga*» «Же-

майтеко-Литовское Общество», 1890 до 1896, *Tevynės Sargas* — «Сторожъ Отечества» (1896—1904), — наиболее крупный деятель кун. Юзаас Тумасъ (род. 1869); выдѣлилось и рабочее движение „*Darbininku Balsas*“ — «Рабочій Голосъ», 1901—1906, ред. псевд. Лиздейка (род. 1878).

Зарождается сильное движение среди литовскихъ эмигрантовъ въ Северо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Его «отцомъ» является бывший редакторъ «Аушры» Юзаасъ Шлюпасъ (род. 1861), крупнейшій агитаторъ радикально-антиклерикальнаго направленія. Съ кун. Алекс. Бурбы (1856—1898) начинается клерикальное, а съ кун. Юн. Жилюса — национально-либеральное, къ которому затѣмъ примыкаетъ и Шлюпасъ; рабочее движение въ 90-хъ годахъ находится подъ вліяніемъ радикализма Шлюпаса и лишь къ половинѣ 1900-хъ годовъ пробивается на самостоятельную дорогу и организуется.

Великолитовская издательская деятельность нашла въ Малой Литвѣ лишь слабый отзвукъ; крестьянскія массы продолжали оставаться подъ вліяніемъ отчужденнаго пасорства (газ „*Kše vis*“ — «Странникъ» Фр. Куршайтиса, 1806—1884, и другія изданія). Немногочисленная малолитовская интеллигенція проникается сентиментально-патриотическимъ настроеніемъ, лучшимъ выразителемъ котораго является Георгій Заурэвийс (1838—1904), пѣвецъ по происхожденію, горячій защитникъ угнетенныхъ народностей, который съ конца 70-хъ годовъ въ статьяхъ и пѣсняхъ, полныхъ неподдельнаго чувства, призываетъ малолитовцевъ хранить и защищать свой языкъ всеми легальными средствами.

Наоборотъ, въ Великой Литвѣ движение, несмотря на преслѣдованіе, захватывало все болѣе широкіе круги. Оно посвятило много вниманія собиранію фольклора (труды І. Юнаса, Юн. и кун. Ант. Юшковъ, Басавичюса и другихъ), выработало литературный языкъ. Позиія Баронаса, кун. Ант. Венукуса (1841 до 1892), кун. Силвъ. Гимжаускаса (1846 до 1899), Анд. Вишталюса (1838—1912), Петра Армиласа (1853—1855), Юн. Дагиласа, Ванегеласа (псевд. Ксап. Сака-

лаускаса) отвѣчала національнымъ настроеніямъ интеллигенціи 70 и 80 г.г., такъ называемыхъ аушристовъ.

Въ 90-хъ годахъ усиливается реалистическое направленіе, поэты-аушристы замолкаютъ, выдвигаются новыя таланты: упомянутый В. Кудирка, переводчикъ европейскихъ классиковъ, лирикъ на гражданскіе и патриотическіе мотивы; Майроньс (псевд. кун. Юн. Мачулиса, род. 1863), послѣ Дуонелайтиса и Баронаса наиболее талантливый литовскій поэтъ, авторъ поэмы «Молодая Литва» и друг., но особенно прославившійся своими патриотическими стихотвореніями, распеваемыми молодежью; Атамъ Якштасъ (псевд. кун. Александра Дамбраускаса, род. 1860), авторъ несколькихъ дѣланыхъ, сухопатыхъ, но первѣю ученыхъ стиховъ, попавшихъ въ хрестоматіи; Францъ Вайчайтисъ (1876—1901), авт. грустныхъ, навѣянныхъ предельною тоскою стихотвореній, переводчикъ Пушкина (Скупой Рыцарь); неуравновѣшенный и малокультурный, но талантливый Маргалис (псевд.): эмигрантъ, популярный среди американскихъ литовцевъ Юзаасъ Мачисъ (1867—1902) социалистически настроенный.

Появляется беллетристика. Весьма удачны окрашенные юморомъ рассказы Аишбе (псевд.): наивны, но первѣю замѣлательны — Алекс. Фромаса (1822 до 1900); Деде Атавазасъ (псевд.) иногда вѣрно подмѣчаетъ и изображаетъ неприкрашенныя социальныя отношенія въ современнои деревнѣ; Вишчасъ Петарлс (1850—1902) оставилъ историческую повесть съ довольно интереснымъ сюжетомъ «Альгимавтасъ». Особенно выдѣляются женскіе таланты, главнымъ образомъ помѣщичьихъ дочерей: Бите (псевд. Габриелъ Петкевичюте), Лазину Пеледа (псевд. Софій Трибулаускаене), Шатриосъ Рагана (псевд. Маріи Печкаускайте), известной своею повеллюю «Виктуте». Оригинальны, основанныя на прекрасномъ знаніи крестьянской жизни, проникнутыя народнымъ юморомъ «картинки» Жемайте (псевд. Юліи Жмантеене).

Швентякисъ (псевд.) даетъ рѣзко-обличительные рассказы изъ жизни цуховства.

Въ драмѣ господствуетъ упомянутый Фромасъ, черпающій первѣю изъ народ-

ныхъ преданій. Появляется (1895) первая народная комедія («Америка въ бань») крестьянина Юз. Вилкутайтиса. впоследствии самая популярная пьеса литовскаго театра.

У.

1904—1914. Съ 1904 года литовская общественная и литературная жизнь входитъ въ общій («нормальный») рамки, которыя ставилъ тогдашній политическій строй Россіи всѣмъ «иногородцамъ». 24 апрѣля русское правительство было вынуждено снять запрещеніе съ латинскаго шрифта въ литовской печати, чтобы нѣсколько ослабить все усиливающееся революціонное настроеніе литовскаго общества. Первые годы новаго періода были посвящены, главнымъ образомъ, политической борьбѣ и приспособленію выработанныхъ въ прежній періодъ приемовъ культурно-національной работы и организаціи къ новымъ условиямъ. Общественная жизнь 1905—1907 г. проходитъ подъ влияніемъ, главнымъ образомъ, рабочей и крестьянской демократіи: социаль-демократическіе еженедельники Skardas, „Žarja“ пользуются огромнымъ распространеніемъ: «вилненскій сеймъ», состоявшійся въ ноябрѣ 1905 года революціонный съѣздъ представителей волостей, политическихъ организаціи и дѣятелей, затѣмъ дѣятельность литовской социаль-демократической фракціи во II Думѣ, определяютъ направленіе общественнаго движенія. Мѣщанство колебалось. Групуирующая мѣщанство, основанная Петр. Вилейшисомъ въ Вильнѣ, первая литовская ежедневная газета „Vilniaus žinios“ («Вилненскія Извѣстія», съ конца 1904 года), колебалась между либерализмомъ и консерватизмомъ.

Литература отличалась боевыми настроеніемъ. Юзасъ Валюнасъ (1879 до 1907) вполне овладѣлъ формой мелкихъ рассказовъ, особенно въ «Грустной дождь» (1908). Конст. Ясюкайтасъ далъ кромѣ рассказовъ пролетарскую драму «Голодные люди» (1908); сельскій пролетарій Юварасъ (псевд. Юн. Кришчукас) первыми сборниками боевыхъ пьесъ сталъ любимымъ поэтомъ демократіи, но его поэтическія способности быстро расплылись въ неблагоприятной для его развитія реакціонной атмосферѣ.

Годы политическаго подъема смѣнились вѣкорѣ сильною реакціей, объявившею безпощадную борьбу «политикъ» (точнѣе: революціонной демократіи) и «безбожному прогрессу». На авансцену выступила средняя, по литовскимъ условиямъ, крестьянско-мѣщанская буржуазія, руководимая націоналистами и христіанскими демократами. Ковенскій общественно-литературный еженедельникъ „Draugija“ («Общество», съ 1907 г.), вилненская ежедневная (съ 1913 г.), газета „Viltis“ («Надежда», съв. 1907 года), сейневскій еженедельникъ „Šaltinis“ («Источникъ», съ 1906 г.) направляютъ общественно-національную работу. Профессиональныя и просвѣтительныя организаціи этого направленія покрываютъ Литву. Сильно вылинявшееся либерально-демократическое движеніе, ослабленное переходомъ некоторыхъ вліятельныхъ руководителей въ націоналистическій лагерь, концентрируется около народнаго еженедельника „Liet. Ukininkas“ («Литовскія хозяйства», съ конца 1905 года) и интеллигентской газеты „Lietuvos žinios“ («Литовскія Извѣстія», изд. съ 1909 г.). Пролетарское еде пробивается наружу (ср. ем. „Visuomenė“ — «Общество», 1910—1911) и лишь съ 1914 г. сильно влиять въ рижскомъ рабочемъ еженедельникъ „Vilnis“ («Волна»). Среди литовскихъ рабочихъ въ Шотландіи и Америкѣ социалистическія организаціи и печать безпрепятственно развиваются.

Вообще, даже во время реакціи ярко проявляется общественная дифференціация и усложненіе культурно-національной жизни. Въ первую половину 1914 года издано болѣе 65 литовскихъ периодическихъ изданій, изъ нихъ 25 въ предѣлахъ русскаго государства (10 въ Вильнѣ — 2 ежен., 8 въ Ковнѣ, 4 въ Сейнахъ, 3 въ Ригѣ), болѣе 25 въ Америкѣ (6 социалист.), 1 въ Шотландіи (соц.), около 15 в. въ Малой Литвѣ. Въ то время, какъ въ XVI в. издано болѣе 20 литовскихъ книгъ, въ XVII — болѣе 35, XVIII — около 130, 1801—1864 г.г. около 625, 1864—1904 г.г. около 2 тысячъ, 1904—1914 г.г. до 3 тысячъ.

Зарождается литовское искусство, съ гениальнымъ Николаемъ Чурлянисомъ (1876—1911) и другими главными

художниками, группировавшимися около влиятельнаго Литовскаго Художественнаго Общества. Научныя силы, работающія преимущественно въ области литовскаго языка, фольклора, литературы и исторіи, сосредоточены, главнымъ образомъ, въ Литовскомъ Научномъ Обществѣ въ Вильнѣ (пред. Ю. В. Басанавичусъ) и въ дѣлаемомъ обществомъ ежегодникѣ „Lietuvių Tauta“ («Литовскій Народъ Театра (любительскій) проникъ въ самыя глухія мѣстечки, пользуясь, главнымъ образомъ, переводнымъ репертуаромъ, но имѣются и талантливые, оригинальные драматурги: Жемайтѣ, Жемакальнѣ, псевд. Габр. Янцбергиса («Блинда», 1908), Шауленшиктис (псевд. — «Крылья», 1907) и др.

Выдающиеся мѣсто въ литовской литературѣ заняли Видунасъ (псевд. Вилья. Сторосты изъ Тильзита); реалистъ-теософъ (сатирик) журналы „Šaltinis“, 1905 ю 1909 „Jaunimas“, съ 1911), восторженный поклонникъ древней Литвы, въ своихъ мифологическихъ драмахъ и мистеріяхъ, перерастающей силы современной литовской сцены («Тѣни предковъ», 1908; «Вѣчный огонь», 1913, «Наша побѣда», 1913), онъ затрагиваетъ сложныя національныя и общечеловѣческія проблемы.

Изъ народныхъ преданій и пѣсень Винцасъ Криве-Мицкевичусъ создаетъ растающую, но мѣстами прекрасную драматизированную поэмѣ «Шарунасъ, князь дайнавскій» (1910—1911).

Нѣкоторое время — въ началѣ борьбы съ клерикализмомъ — возбуждалъ къ себѣ интересъ среди молодежи «антиклерикальный католикъ» Яунутисъ-Венуолисъ (псевд. Юс. Альб. Гербачаускаиса) мистическо-политическими статьями.

Изъ другихъ поэтовъ наиболее выделяются кун. М. Густайтисъ, перев. «Крымскихъ сонетовъ» Мицкевича, и Людасъ Гира, популярный пѣвецъ, пробующій свои силы также и въ драматической поэзіи (1910 году: «Гости», «Месть»). Болѣе другихъ опредѣлился: М. Вайткусъ, Юс. Микункисъ, рано умершій З. Геле С. Гайдамавичусъ, 1894—1912), Эм. Степалайтисъ (1892—1908).

Въ беллетристикѣ, кромѣ упомянутыхъ выше, выделялись рассказчики Юс. Гудаукисъ (умеръ 1911), К. Вайрасъ (К. Рачкаускасъ), А. Венуолисъ (псевд.). Въ послѣднее пятилѣтіе до мировой войны появляются повѣсти: «Ошибка» Яздину Челеда, «Кошмаръ» Добиласа, «Пѣснь земли» Кал. Пуйды, «Волны бушуютъ», «Горбувъ», Игн. Шейниса и другія.

Е. Бенсонъ.

Когда наступаетъ затмѣніе.

(Съ англійскаго).

Флорансъ Мэддоктъ въ вѣкторое время закрыла глаза. Она хотѣла вѣмного отдохнуть и побыть наединѣ со своими мыслями.

Ея племянникъ, съ которымъ она обѣдала и затѣмъ провела вдвоемъ весь вечеръ, только-что поднялся къ себѣ наверхъ не для того, чтобы сейчасъ-же лечь спать, какъ онъ ей деликатно объяснилъ, а чтобы почитать спокойно часъ-другой и затѣмъ уже лечь на боковую.

У него не было привычки, какъ онъ самъ заявлялъ, напрягать мозги на сонъ придуманной серьезными мыслями, во сегодня онъ положительно ничего другого не дѣлалъ, какъ только развлекался.

Флорансъ этимъ была огорчена. Она знала, что племянникъ утромъ провезъ вѣсколько часовъ въ Британскомъ музеѣ, днемъ прослушалъ лекцію во Французскомъ институтѣ, а вечеромъ старался разъяснить ей сущность теоріи относительности.

Сеймуру было всего девятнадцать лѣтъ, но ей онъ казался девятидесяти-лѣтнимъ, и какимъ образомъ ея сестра Изабелла могла быть его матерью, казалось Флорансъ сущей загадкой.

Не менѣе загадочнымъ казалось, какъ Сеймур могъ быть сыномъ своего недавно скончавшагося в маю онлаканнаго отца. Онъ мало походилъ на этого отца, в чѣмъ меньше онъ на него походилъ, тѣмъ ей пріятнѣе это было сознать. Сеймуръ намѣревался прогостить у нея всего лишь вѣсколько дней, находясь въѣздомъ изъ Париза (гдѣ онъ изучалъ парижскій выговоръ) въ Веймаръ, куда онъ отправлялся для усовершенствованія своихъ знаній въ вѣмецкомъ языкѣ.

Флорансъ предчувствовала, что племянникъ со временемъ станетъ прекрасно говорить по-вѣмецки.

Она съ удивленіемъ замѣтила, что было всего только половина одиннадцатаго и, въ ожиданіи возвращенія своей сестры изъ театра, придвинула къ себѣ лѣмберный столъ в стала раскладывать пасьянсъ.

Эту пустую трату времени она разрешала себѣ только, когда чувствовала себя не совсѣмъ здоровой, но на этотъ разъ ей

хотѣлось разсѣять свои мысли и отвлечь ихъ отъ происходившаго вечеромъ разговора.

Она съ такимъ же чувствомъ раскладывала карты, съ какимъ пациентъ въ приемной врача разсматриваютъ старыя иллюстрированныя журналы, напряженно раядая своего вызова въ докторскій кабинетъ.

Выражаясь точнѣе, Флорансъ находилась не въ положеніи пациента, ожидающаго своей очереди, а врача, ожидающаго къ себѣ пациента. Пациентъ же, котораго она дожидалась, былъ капризенъ; неудивительно поэтому, что совѣтъ, который она держала для него наготовѣ, ей самой былъ не совсѣмъ по душѣ, но она рѣшила, что это былъ единственный способъ гарантирующей успѣхъ.

Она перешла къ окну, выходящему на улицу, и снова съ сосредоточеннымъ лицомъ, на которомъ уже видѣлись глубокія морщины, привялась за пасьянсъ.

Вечеръ былъ душный, и въ открытое окно сквозь опущенныя жалюзи явственно доносились разнообразныя звуки, нарушившіе ночную тишину. Слышалось отчетливое гоманіе чьихъ-то каблучковъ по тротуару, взрывы отдаленнаго смѣха и отрывки разговора, гудки авто, пробѣжавшихъ тихо хрустѣвшими колесами. Гдѣ-то, по соседству, играли какой-то тавецъ на роялѣ.

Иногда Флорансъ казалось, что у подъѣзда ея дома остановился мягко подкатившій автомобиль, и что вотъ-вотъ должно слышаться щелканіе замка открываемой двери и вслѣдъ затѣмъ шаги Изабеллы.

Она тогда еще ниже нагибалась надъ картами, дѣлая видъ, что всецѣло поглощена пасьянсомъ. Это давало ей возможность избѣгнуть скучныхъ вступительныхъ фразъ о погодѣ, какія доктора обыкновенно говорятъ своимъ пациентамъ, прежде чѣмъ приступить къ разспросамъ о самой болѣзни.

Но, вотъ, снова послышалось гуднїе мотора, и на этотъ разъ автомобиль дѣйствительно остановился у подъѣзда ея дома.

Она явственно услышала смех и два голоса, из которых один, несомненно, принадлежал Изабелле. Велшь затѣмъ раздалось щелканіе замка входныхъ дверей и звонокъ «спокойной ночи». Бросившись Изабеллой кому-то, стоявшему на улицѣ.

Снова хлопнула дверь подъезда, и черезъ мгновеніе въ комнату легкой поступью вошла Изабелла. Шаловливая улыбка не успѣла еще исчезнуть съ ея оживленнаго лица, а большіе, черные глаза смотрѣли весело и возбужденно.

«Одна! воскликнула она. «А Сай-муръ, уже легъ?»

«Да, только-что,» отвѣтила Флорансъ. «онъ очень заинтересовался теоріей относительности.»

Изабелла Энтонъ ушленно посмотрѣла на сестру и только теперь, замѣтивъ карты, подбѣжала къ сестрѣ. Въ ея движенія были гнѣвъ и сама она вся дышала свѣжестью и энергіей.

«Насъяньс! воскликнула Изабелла. «Милочка, ты развѣ нездорова?» свернула она, глядя вопросительно на сестру.

Флорансъ не отвѣчала. Дѣлая видъ, что погружена въ раскладываніе картъ. Въ дѣйствительности она обсуждала, какъ-къ образомъ лучше всего перейти къ щекотливому дѣлу.

«Нѣтъ, я, слава Богу, здорова,» наконецъ отвѣтила она. «Я просто принялась за насъяньс, чтобы узнать, каково проводить время старѣющему челоуѣку и полагаю, что на меня, какъ на вожилую женщину, насъяньс дѣйствуетъ успокаивающе.»

Эти тщательно обдуманная слова должны были подготовить почву для дальнѣйшаго разговора.

Впрочемъ, этотъ осторожный прѣлогъ, оказался валиннимъ, такъ какъ Изабелла сама весьма скоро коснулась сути:

«Я сомнѣваюсь, чтобы это успокаивало и нисколько не нахожу радости быть спокойной. Наоборотъ, я бѣду водноваться, когда почувствую приближеніе спокойствія. Сдѣлай милость, Флорри, перестань стремиться къ спокойствію и старости и брось, пожалуйста, эту гадкую игру,» проговорила она.

«Будь по твоему,» отвѣтила Флорансъ, бросивъ карты. «Расскажи мнѣ, лучше про свой вечеръ. Какъ было въ театрѣ?»

Изабелла замѣчалась:

«Да все тотъ же фаргъ. Бѣгаютъ по сценѣ въ одной рубашкѣ, ложатся спать и вдругъ снова встаютъ.»

«Чудесно! Совсемъ, какъ въ жизни,» вставила Флорансъ.

«Я ничего подобаго себѣ не представляла. Да, ложатся въ кровать, а тутъ уже кто-то вошь кроватью и даже въ самой кровати. Но телефону звонить нежеланные гости, всякіе сюпризы... Очень смѣшно и весело. Мы до упаду хотогали, оживленно разсказывала Изабелла.

«Кто это мы?» спросила леди Мэддоктъ. «Когда вернулась домой, я нашла твою записку только о томъ, что ты собираешься въ театръ и просишь къ обѣду не ждать тебя.»

Изабелла усѣлась въ низкое кресло и закурила папироску:

«Ахъ, милочка, какая ты притворщица! Будто ты не знаешь, кто это «мы»? Ну, не притворяешься ли ты, послѣ этого?»

«Ладно, ладно, я и такъ почти уже угадала, съ кѣмъ ты проведешь вечеръ. Не съ тѣмъ ли, кто тебя провожалъ и съ кѣмъ ты шушукалась у подъезда?» спросила Флорансъ.

«Ну, что-жъ, конечно, Томъ Лэнгхэмъ и я. Вотъ тебѣ и «мы», замѣчала Изабелла.

Между сестрами уже готова была завязаться пустая болтовня, какъ Флорансъ, вспомнивъ о своемъ намбрѣннѣи, вдругъ спросила:

«Не хочешь ли поговорить со мной о кое о чемъ болѣе серьезномъ?»

Изабелла улыбувалась:

«Этѣ тебѣ хочется поговорить со мной,» отвѣтила она. «Насъяньс твой, голубушка, былъ только для отвода глазъ. Не затѣмъ же ты раскладывала карты, что чувствуешь себя старухой, а оттого, что досадила моего возвращенія, чтобы прижать меня къ стѣнѣ. Я прекрасно знаю все твои дипломатическіе ходы. Что-жъ, я готова слушать, начнйай.» проговорила она.

Флорансъ отказалась отъ своихъ дипломатическихъ маневровъ впрямѣ перешла къ сути дѣла:

«Мнѣ очень хотѣлось бы знать, къ чему у тебя конвится съ этимъ Томомъ Лэнгхэмомъ?» спросила она сестру.

«Я была уже сама хотѣла это тебѣ объяснить: если онъ сдѣлаетъ мнѣ предложеніе, я не откажу ему.» отвѣтила та.

«А если онъ не сдѣлаетъ предложеній. — что тогда?» продолжала свой допрос Флорансъ.

Изабелла обвела заботѣвшимся взоромъ комнату и затѣмъ опять останавливаетъ его на своей сестрѣ.

«Въ такомъ случаѣ,» протянула она, «я не выйду за него. Однако, я не думаю, чтобы это могло случиться. Я увѣрена, что онъ будетъ просить моей руки.» добавила она.

«А ты влюблена въ него?» продолжала Флорансъ.

Глаза Изабеллы блеснули, какъ блики солнца на темной поверхности воды.

Я сама этого не могу еще опредѣлить. Однако, не забѣгай впередъ своими вопросами. Сейчасъ я могу только сказать, что достаточно одного лишь толчка, чтобы я въ него влюбилась. Мы съ ними хорошіе друзья. По моему онъ очарователенъ и очень интересенъ, а влюбавокъ еще и милотъ.» проговорила она.

Флорансъ почувствовала всю ненужность своихъ вопросовъ, но именно чувство жалости къ сестрѣ заставляло ее продолжать:

«Ну, а онъ-то любитъ тебя?» начала она снова.

«Голубушка, что за исповѣдь!» возмущилась Изабелла. «Если онъ еще не любитъ меня, то, во всякомъ случаѣ, очень близокъ къ этому. Онъ мной восхищается. Впрочемъ, холодными, разсудительными словами этого не объяснишь и слова мои произведутъ на тебя впечатлѣніе фальши...»

Флорансъ встала и посмотрѣла въ зеркало на свое поблекшее лицо. Ей хотѣлось этимъ созерцаеміемъ самой себя напомнить себѣ о чезъ-то неумолимо жестокомъ, неизбежномъ...

«Если онъ до сихъ поръ еще не высказался,» опять начала Флорансъ, «то это доказываетъ, что онъ самъ еще не знаетъ, какъ быть. Конечно, онъ находитъ тебя, милочка, очаровательной и разумѣется, не безъ основанія, во, вѣдь, ему всего только двадцать пять. Я это точно знаю. О твоихъ же сорока годахъ онъ, навѣрно, уже слышалъ отъ своей матери, и это его смущаетъ.»

Лицо Изабеллы мрачилось. Она поднялась съ кресла, подошла къ сестрѣ и тоже взглянула на себя въ зеркало.

Сестры теперь стояли рядомъ и, глядя на нихъ, ихъ скорѣе можно было бы принять за мать и дочь, чѣмъ за сестеръ, и хотя по возрасту разница между ними была всего лишь въ десять лѣтъ, но эта разница въ годахъ казалась много больше: одна уже увала — другая же была еще въ полномъ расцвѣтѣ молодости.

«Мея это не касается,» проронила Изабелла.

Флорансъ покачала головой.

«Это касается васъ обоихъ, если только ты собираешься выходить за него замужь,» сказала она и тутъ же прибавила: «Впрочемъ, если бы ты любила его, тебѣ не было бы дѣла ни до чего другого, какъ только до его любви.»

Лицо Изабеллы вновь засіяло.

«Такъ вѣрно я люблю его!» горячо воскликнула она.

«Не думаю, чтобы это было такъ,» возразила Флорансъ. «Ты слишкомъ разсудительна и спокойно взвѣшиваешь всѣ факты, которые я тебѣ привожу. Если бы ты дѣйствительно любила его, ты просто разсѣялась бы мнѣ въ лицо на всѣ мои доводы и все-таки поступила бы по своему. Любовь, мой другъ, слѣпа и любовь оправдываетъ, — извини за выраженіе, — всякое сумасбродство!»

Она сдѣлала небольшую паузу:

«Я должна оговориться,» начала она снова, «я далека отъ мысли назвать тебя сумасшедшей, ибо сумасшедшіе никогда не совершаютъ сумасбродствъ. Сумасшедшіе никогда не намѣреваются совершить завѣдому глупость, но глупость у нихъ выходитъ сама собой. Многo женщинъ совершаютъ глупости и ты, дружокъ, готова совершить ужаснѣйшую глупость. Опомнись, тебѣ сорокъ лѣтъ, а ему двадцать пять! Тебѣ не далеко до меня и что же будетъ, когда ты превратишься въ старуху, а онъ еще будетъ молодой человѣкъ трицати пяти лѣтъ? Кто изъ васъ будетъ несчастнѣе — ты, полная морщинъ, или онъ, полный жизнерадостности? Я отъ души желаю тебѣ наслаждаться твоей молодостью, и я увѣрена, что и онъ готовъ считать тебя молодой женщиной не старше тридцати лѣтъ, но повѣрь, дружокъ, гола неумолимы Каждый последующій годъ явля-

ется еще болѣе жестокиѣ, чѣмъ предидущій...»

Изабеллу мрачныя пророчества сестры мало огорчили:

«Къ чему такая прозорливость?» спросила она. «Забывать вчеретъ на десятокъ лѣтъ, когда не знаешь, что можетъ случиться черезъ годъ или два?»

«Не успѣешь оглянуться, какъ они умчаться,» замѣтила Флорансъ.

«Я съ тобой не согласна. Годъ тянется за годомъ, ни скорѣй, ни медленнѣй. Наконецъ рѣчь идетъ о моихъ годахъ,» сказала Изабелла.

Она отвернулась, и лицо ея омрачилось:

«Въ теченіи двадцати лѣтъ моей жизни каждый прожитый годъ казался мнѣ ступеніемъ. За это время ты успѣла состариться и успокоиться, меня же, несмотря на скрытую борьбу, время пощадило, и я все еще молода. Я не желаю здраваться, особенно теперь, когда счастье наконецъ хлынуло на меня. Ты уже прожила свою жизнь. Флорансъ, и можешь успокоивать себя воспоминаніями о прошломъ, — тебѣ легко сказать...»

«Но, дружокъ мой, я, вѣдь, ничего не сказала,» перебила ее Флорансъ.

«Нѣтъ, ты ничего не сказала, но намѣреваешься сказать, предвѣщая поколебать мое рѣшеніе,» слегка раздражаясь, отвѣтила Изабелла. «Если бы ты была въ теченіи цѣлыхъ восемнадцати лѣтъ прикована къ жестокому, безсердечному человѣку и, несмотря на нравственныя мученія, все же сохранила свою молодость, развѣ ты не подумала бы, освободившись, наконецъ, отъ окова, пожить въ свое удовольствіе? Къ чему тогда всѣ страданія, вся борьба, когда ты не считаешь себя въ правѣ предъявлять къ жизни никакія требованія? И если бы жизнь, хотя и поздно, принесла бы тебѣ полную дану прекрасныхъ даровъ, ты развѣ отвернулась бы, сказавъ: слишкомъ поздно! Ты, быть можетъ, скажешь, что всѣ мои влады ревонны, но что и твои влады не менѣе вѣски... Ты только-что выразила сомнѣніе въ томъ, влюблена ли я? Возможно, что это и такъ, но оно не мѣшаетъ мнѣ находить его очаровательнымъ. Ахъ, голубушка, я не умѣю тебѣ всего доказать. Это, вѣдь, ты была умницей въ нашей семьѣ.»

Она прошла въ комнату:

«Хотя твои замѣчанія, Флорансъ, не произвели на меня никакого впечатлѣнія, я въ твоишеіе тебѣ должна сказать, что въ твоихъ дурныхъ словахъ все же была одна вѣрная мысль, на которую ты меня навела и за что я тебѣ благодарна. Меня удивляло, почему Томъ медлитъ съ предложеніемъ, а теперь — ты угадала, — я знаю, что онъ не можетъ примириться съ мыслью жениться на женщиѣ, старше его, Фи, какая глупость! Я глубоко этимъ возмущена!»

«Я рада услышать это,» сказала Флорри.

«Некрасиво съ твоей стороны. Впрочемъ, не воображай себѣ чего-либо особеннаго, я сумѣла переилить это несприятное открытіе,» сказала Изабелла. «Кстати я получу возможность провести спокойно нѣсколько дней и собраться съ мыслями. Томъ завтра уѣзжаетъ въ деревню и вернется только въ концѣ недѣли. Ну, а теперь — спать, не такъ ли? Дай, я тебя поцѣлую разъ. — въ знакъ того, что я простила тебѣ глупости, которыя ты мнѣ сегодня наговорила, и два за то, что ты у меня душечка.»

Флорансъ приблизила свое увидшее лицо къ хорошенькому цвѣтущему личику сестры и дважды поцѣловала его.

«Я только кажусь жестокой,» проговорила она, «но, пойми, я, вѣдь, хочу только добра...»

«Будто я этого не знаю,» отвѣтила Изабелла. «Я прекрасно понимаю это, но ты сама одного понять не можешь — это жажда счастья, неизмѣримой, страшной жажды счастья послѣ долгихъ лѣтъ страданія.»

Спокойство, испытываемое Изабеллой въ теченіе первыхъ двухъ дней послѣ отъѣзда Тома Лонгума, продолжалось недѣлю. Не то, чтобы она начала волноваться. Нѣтъ, для этого не было причинъ, но она почувствовала начало какого-то внутренняго перерожденія въ самой себѣ.

Оно походило на химическій процессъ, при которомъ подъ слоемъ золы невидимыя силы производили свою скрытую работу до момента, пока прорвавшееся наружу пламя не обнаруживало совершившейся кристаллизациі и отложеній.

Отсутствіе молодого человѣка, которое она съ каждымъ днемъ ощущала все

острие и острие, вѣроятно и было им-вудьсомъ тѣхъ скрытыхъ силъ, которыя способствовали процессу перерожденія. Она не могла дать себѣ отчета въ томъ, что въ ней происходило и намеки Флорансъ на молодого человѣка, разбирающагося въ своихъ чувствахъ въ деревнѣ, раздражали ее.

Она стала задумываться о томъ, для чего онъ уѣхалъ въ деревню и, хотя она думала, что это ей не касается, все же чувствовала, что оно ее задѣваетъ. Черныя мысли, закрываясь въ ея душу, затѣвляли умъ и продолжали развиваться, принимая все болѣе и болѣе уродливыя формы.

Отъ нихъ вѣяло делениями холодомъ, и она отъ ужаса содрогалась: когда тумы мрачной тучей надвигались на нее.

Гдѣ-то въ глубинѣ души зародилось сомнѣніе въ истинной цѣли поѣздки Тома, и это сомнѣніе теперь росло и росло, подрывая то доверіе, которое было къ нему.

Какой вѣроятной казалась ей теперь возможность повторенія уже сдѣланнаго однажды предложенія двѣшукъ, ему уже разъ отказавшей въ своей рукѣ.

Почему, въ самомъ дѣлѣ, не попытаться еще разъ, передъ тѣмъ, какъ идти къ ней, Изабеллѣ? Это предложеніе было лишено всякаго основанія, но развѣ ревнивое пуждается въ доказательствахъ?

Достаточно было того, что она не слышала о немъ ничего, ибо онъ не писалъ ей, а если бы и писалъ, то ревнивое поздравіе всегда найдеть себѣ нишу и въ этихъ его письмахъ.

Но мѣръ назрѣванія происходящаго въ ней процесса перерожденія, ей казалось, что въ ней что-то медленно умирало, но это умирание не было мучительнымъ и болезненнымъ, а, наоборотъ, сопровождалось пріятнымъ ощущеніемъ радости, какъ при пробужденіи отъ тяжелаго сна.

Скрытое до сего времени пламя ярко вспыхнуло, и она поняла, что любить его.

А Флорансъ, прозорливая, умная Флорансъ утверждала, что только любовь, сильная любовь въ состояніи заставить ее, отбросивъ въ сторону всякое благо-разуміе и предразсудки, очертя годову, выйти замужъ за человѣка на вѣнцѣхъ гдѣтъ моложе ея. Изабелла готова была разстаться. Что-то скажетъ теперь Флорансъ? — подумала она.

Было уже поздно. Прошло съ часъ, какъ Флорансъ отправилась къ себѣ и

легла спать, но сердце Изабеллы, неисполненное новымъ чувствомъ и рѣшимостью принести себя въ жертву, не давало ей покоя.

Флорансъ должна была узнать объ этомъ не завтра, а сегодня, даже сейчасъ, и убѣдиться, какъ она ошиблась... Она желала скорѣе запечатлѣть свое ясное и твердое рѣшеніе. Отъ ревнивыхъ мыслей, запоздвшихъ было въ ея голову, она ужъ отдѣлалась, какъ отъ найзлойль-выхъ мухъ.

Она пришла къ сестрѣ, Флорансъ была уже въ постели. Въ спальной горѣла только одна лампа надъ абажуромъ, освѣщавшая книгу, которую читала Флорансъ.

«Изабелла!» воскликнула она. «Что случилось, мой другъ? Надѣюсь, ничего гурного!»

Изабелла подошла къ ней на кровать: «Напротивъ, все благополучно. Я просто не могла вытерпѣть и прибѣжала рассказать тебѣ,» проговорила Изабелла. Нотка возбужденія и экзальтаціи, звучащая въ ея голосѣ, будила Флорансъ приподнять абажуръ лампы и освѣтить лицо сестры. Улыбающееся, возбужденное лицо Изабеллы соответствовало тону ея голоса.

«Да въ чемъ же дѣло? Говори!» спросила снова Флорансъ.

Изабелла глубоко вздохнула.

«Что-то такое действительно случилось,» проговорила она наконецъ.

Она протянула руку къ лампѣ и вновь опустила приподнятый край абажура:

«Милая, ты помнишь нашъ разговоръ въ тотъ вечеръ, когда я застала тебя за картами? Мы говорили о вещахъ, которыхъ тогда ни ты, ни я не понимали. Мы тогда обѣ ошибались. Ты утверждала, что моя любовь къ Тому могла бы оправдаться выходомъ за него замужъ. Я же думала, что я вправѣ выйти за него безъ любви. Но теперь узнала, что люблю его, и эта именно любовь къ нему дѣлаетъ нашъ бракъ невозможнымъ. Неужто ты и теперь не видишь, что оно такъ и должно быть? Я не въ состояніи поступить иначе!»

Послѣдовало продолжительное молчаніе. Изабелла держала въ своихъ рукахъ руку сестры и молча глядела ее.

«Я должна была много перестрадать, многое перетумать, вреде чѣмъ найти выходъ изъ создавашагося положенія.

Путь к этому выходу была мрачен, но светочу здравого смысла показывал мне дорогу. Хотя выход уже передо мной, но опасность еще не миновала.»

Она прервала свои слова:

«Я должна быть осмотрительной. Я чувствую, что если бы Томь сбавил мне предложение теперь, я не в силах буду ему отказать. Никогда мне этого не сбавить! Пойми, я еще молода, и кровь во мне еще не застыла. А вдруг онт уже рѣшился просить моей руки? Предупредить его? Нетъ, никогда! Ты права, говоря, что онт убѣхалъ въ деревню въяснѣе положеніе: черезъ день-два онт вернется съ готовымъ рѣшеніемъ. Ахъ, годы, годы! Какъ это все ужасно!

Дыханіе ея прервалось на мгновеніе. Оравнившись, она продолжала:

«Я не стану плакать и убѣивать, по мужественно перенесу это невытаніе. О пемъ я должна думать радостно и весело. Тернистый путь становится непреодолимымъ, когда начинаешь думать о терніяхъ. Мой же путь —» она не закончила фразы.

«Прощай, моя прекраснѣйшая Флоранс!» сказала она, встаная. «Я затѣмъ пришла къ тебѣ, чтобы сообщить, что я ни сегодня, ни вообще когда-либо, не буду больше спорить съ тобой. Конечно! Если бы ты вздумала рыться въ словарь, даже десять разъ перелиставъ его, ты не нашла бы слова, о которомъ я поспорила бы съ тобой.»

Черезъ день послѣ этого, утромъ, Томъ Лэнгхэмъ позвонилъ по телефону и спросилъ, угодно ли мисисъ Энтэмъ принять его въ половинѣ двѣнадцатаго и, получивъ утвердительный отвѣтъ, не замедлилъ двинуться нъ тотъ же день.

Изабелла была не одна: при ней находился какой-то молодой человекъ въ охапѣхъ. Онъ что-то развязно объяснялъ ей, водя пальцемъ по разложенной веревкѣ нмъ картѣ.

«Очень интересно,» сказала она въ ту минуту, когда Томъ вошелъ въ гостиную. «Я думаю, я поняла, но ты лучше еще разъ объясни. Ба, мистеръ Лэнгхэмъ! Какъ это мило! Только-что вернулся изъ деревни?»

Она оперлась на ручки низкаго кресла, на которомъ сидѣла у стола, гдѣ молодой человекъ разглядывалъ карту, и съ всплѣмъ встала.

«Вы видите, я стала настоящимъ калѣйкой,» проговорила она. «Ничего вѣтъ удивительнаго: у меня ревматизмъ, и я думаю, въ мои годы у каждаго найдется что-нибудь въ этомъ родѣ. Ахъ, я забыла представить вамъ моего сына Сеймура, Сеймуръ! Это мистеръ Лэнгхэмъ.»

Флорансъ вошла въ гостиную («дважды» были заранѣе условленный сигналъ). При ослѣпительно яркомъ освещеніемъ свѣтъ, врывавшемся съ душиой улицы сквозь незавѣшанныя окна, она казалась выскохшей и старой...

«Вы знакома съ моей сестрой, не правда ли? Мне кажется, что вы раньше уже встрѣчались,» сказала Изабелла.

Томъ Лэнгхэмъ поздоровался съ Флорансъ. Конечно, онъ зналъ ее, но на этотъ разъ ему и казалось, что онъ видитъ ее впервые.

Онъ повернулся къ Изабеллѣ и сказалъ: «Я было заглянулъ къ вамъ, чтобы узнать, расположены ли вы прокатиться со мной сегодня вечеромъ въ Рэндалгъ? Тамъ играютъ въ поло и...»

Флорансъ прервала его:

«Дорогая Изабелла, я должна помѣнать выполненію этого проекта, было бы крайне неблагоприятно съ твоей стороны настаивать. Пахнетъ грозой, и ты рискуешь промокнуть.»

«Я съ удовольствіемъ приняла бы ваше приглашеніе, мистеръ Лэнгхэмъ, но боюсь, — сестра моя права. Какъ-нибудь въ другой разъ,» поспѣшила сказать Изабелла.

Онъ посмотрѣлъ на нее взглядомъ, полнымъ участія.

«Меня это огорчаетъ, но, но... погода дѣйствительно предательская, и я весьма обеспокоить васъ дольше. Я только захотѣла узнать, свободны ли вы и расположены ли прокатиться,» проворилъ Томъ въсколко растерянно.

«Желаю вамъ скоро поправиться!» добавлялъ онъ, прощаясь.

Послѣ его ухода наступило краткое молчаніе. Изабелла взглянула на Флорансъ.

«Итакъ, Сеймуръ, объясни мне еще разъ, какъ былъ продѣланъ этотъ замѣчательный экспериментъ? Ты говоришь, что телескопъ устанавливается такимъ образомъ, что когда наступаетъ затмѣніе...»

3. Брайтъ.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

(Съ англійскаго.)

Какъ у меня, такъ и у моего спутника, темы для разговора истощились. Мы продолжали молча сидѣть другъ противъ друга въ почти пустомъ отдѣленіи вагона. Начало смеркаться, зажгли газъ. Покачиваніе вагона и монотонный стукъ колесъ дѣйствовали усыпляюще. Какъ всегда бываетъ со мною въ поѣздѣ, подъ монотонный шумъ у меня начала звучать какая-то мелодія. Она поддерживалась стукомъ колесъ, ея ритмъ сочетался съ этимъ постукиваніемъ, а темпъ мѣнялся согласно скорости движенія поѣзда. На этотъ разъ меня захватило «Цыганскій тавецъ» Севъ Сауса. Я остался этимъ доволенъ, мнѣ не разъ приходилось ѣздить подъ болѣе тяжкимъ гнетомъ мелодій. Я растянулся на диванѣ и задремалъ.

Мой спутникъ не выказывалъ никакихъ признаковъ сна. Онъ сидѣлъ, скрестивши руки на груди и пристально смотрѣлъ въ окно, въ бѣлесія сумерки, пlyingшіе мимо оконъ. Остроконечная дорожная шапка еще сильнѣе удлиняла его худощавое лицо, а свѣтъ газового фонаря дѣлалъ его еще болѣе блѣднымъ. Было что то демоническое въ этомъ лицѣ, въ горбачомъ, тонкомъ носѣ, остромъ подбородкѣ и темныхъ горящихъ глазахъ, которые, казалось, поглощали мгаду, быстро бѣжавшую за окнами вагона. Этотъ холостякъ среднихъ лѣтъ былъ мнѣ знакомымъ со вчерашняго дня. Я о немъ зналъ лишь то, что онъ былъ извѣстенъ, какъ человѣкъ свободный, который дѣлаетъ то, что хочетъ и что ему всегда все удается. На

меня онъ произвелъ впечатлѣніе энергичнаго, но нѣсколько грубаго человѣка.

Чѣтъ-ли у Васъ чего нибудь почитать? — продолжите мнѣ книгу, — промолвилъ онъ.

У меня случайно оказалась книга, которую я купилъ у разносчика, проходившаго съ дешевой литературой по поѣзду. Это была «Первая любовь» Тургенева. Я досталъ ее изъ кармана давольно.

Онъ посмотрѣлъ на заглавіе.

— Это интересно? — спросилъ онъ.

— Я еще не читалъ. Заглавіе привлекаетъ. Тургеневъ о первой любви. Можетъ быть въ ней вы увидите и отраженіе своихъ радостей или паденія?

— Паденія, безусловно паденія! Моя первая любовь? Ее недолго разсказать. Она была такъ проста и коротка... Этимъ разсказомъ я никого не скомпрометирую. Хотите, разскажу Вамъ?

— Охотно, промолвилъ я, приподымаясь. Онъ началъ свой разсказъ.

— Мнѣ было тогда около шестнадцати лѣтъ. Я былъ чистымъ и мало развитымъ мальчикомъ.

Стоялъ конецъ весны, когда я ѣхалъ вдоль побережья на одномъ изъ тѣхъ старыхъ, маленькихъ пароходиковъ, которыхъ больше не существуетъ.

Насколько я помню — это было мое первое самостоятельное морское путешествіе. Занятія въ школѣ кончили и я направлялся на лѣтнія каникуды къ родственникамъ.

Погода была прекрасная, но пароходъ шелъ почти пустымъ, кромѣ меня въ первомъ классѣ ѣхалъ лишь разбитый па-

раличемъ господиномъ, который нею до-
рогу плъть ковыякъ подъ палубой, въ
кормовомъ салопѣ.

Капитана я не видѣлъ во всю поѣздки.
Первое время я подолгу оставался на ка-
питанскомъ мостикѣ, тѣмъ и штурвала сто-
ять штурманъ. Это былъ разговорчивый
мужчина съ обвѣтреннымъ лицомъ и гу-
стыми усами: онъ свлевывалъ слюну, жел-
тую отъ трубки, и отличался той спо-
койной грубостью людей ермидныхъ дѣтъ,
которая производитъ такое гипнотизиру-
ющее впечатлѣніе на мальчиговъ, еще
не скловныхъ въ лирическимъ пережи-
ваніямъ и чрезвычайной чувствительности.

На границѣ между годами дѣтства и
мечтательной юностью въ душѣ какъ бы
стоитъ верстовой столбъ, мимо котораго
можно пройти очень скоро.

Штурманъ и шхеры мнѣ скоро надѣлѣ-
ли и спустился внизъ, чтобы выпить лим-
наду. Тамъ мнѣ и было суждено съ
головой увязнуть въ моемъ первомъ чув-
ствѣ. А, впрочемъ, все это, можетъ быть,
было связано съ пасекомъ долнь и блескомъ
солнца на морѣ и тѣмъ чувствомъ
свободы и независимости, которое ощуща-
лось въ связи съ долгими, золотыми ка-
пичуламъ, паветрѣчу которымъ я направ-
лялся.

Черезъ полчаса послѣ того, какъ я
спустился съ палубы внизъ, я былъ уже
влюбленъ.

Въ первомъ классѣ была кельнерша,
которая не могла быть много старше меня.
Ей было, вѣроятно, семнадцать, восемнад-
цать лѣтъ. Она была и горничная и кель-
нерша одновременно, единственная при-
слуга въ первомъ классѣ. Еще и теперь
я нево представляю ее себѣ. Она была
рядомъ изъ Швеціи и въ ней было что-то
цѣломудренное, полное достоинства, почти
царственное, что иногда встрѣчается у
шведокъ. У нея были густые волосы съ
золотымъ блескомъ, само собою понятно,
голубые глаза, красивый ротъ и носъ и
высокая, стройная фигура. Она и на са-
момъ дѣлѣ была очень хороша, для меня
же, вырвавшася изъ школы и изъ пу-
стынныхъ улицъ заходутнаго городиш-
ка, она показалась какимъ то неземнымъ
видѣніемъ. Дома я встрѣчалъ лишь по-
другъ своей сестры, которая была для
меня не женщиною, а какими-то ниже
меня стоящими товарищами. Онѣ ни разу

не пробудили во мнѣ никакого влече-
нія къ себѣ.

Когда я спросилъ принести въ мою
каюту лимонаду, опасности не было вид-
но. Но, въ то самое время, какъ она
пришла въ каюту, поставила лимонадъ
на столикъ и ушла, на меня напала
такая безумная жажда видѣть ее снова,
что я, враскорѣ выпивши первую бутылку,
заказалъ вторую, лишь для того, чтобы
увидѣть ее вновь.

Я помню, какъ кровь ударила мнѣ въ
голову, я былъ такъ изволнованъ, такъ
завкался, когда спросилъ ее, не хочетъ-ли
она присѣсть и выпить стаканъ. — Все
равно ей, вѣроятно, нечего дѣлать.

Она сѣла. Я оправился отъ своего
сердцебіенія и удумалъ, все вошло въ
норму. Я началъ ей разсказывать о томъ,
что недавно читалъ. Насболѣе я пом-
ню разговоръ шелъ о графѣ Монтекри-
сто. При этомъ я выкурить вару ванн
росъ изъ запаса, взятаго мною тайно
для того, чтобы казаться совѣмъ взрос-
лымъ. Она говорила мало, но была все
время весела и охотно слушала все, что
я ей разсказывалъ.

Стучала машина, за бортомъ бурлили
и бѣгали волны, поднимавшіяся поро-
ходомъ. Вечерѣло. Блескъ солнца стано-
вился красивѣе и мягче. Отражаясь отъ
колеблющейся поверхности волнъ, онъ
прывался съвозъ пламунаторы каюты и
игралъ веселымъ зайчиками на полиро-
ванной панелѣ стѣны. Зайчики танцо-
вали по всей каютѣ, отъ ихъ бѣгающихъ
яркихъ бликовъ становилось больно гла-
замъ.

Дѣвушка сѣдла противъ меня, блескъ
солнца игралъ въ ея свѣтло сѣро-году
быхъ глазахъ и они, мнѣ казалось, мѣ-
няли цвѣтъ, какъ перламутръ. А ея по-
досы были настоящимъ фейерверкомъ зо-
лота и искръ въ этомъ танцующемъ
освѣщеніи.

Окружающее принимало для меня не-
обычныя формы, а на сердцѣ становилось
трепожно отъ чувства какого то посторга,
и, вмѣстѣ съ тѣмъ, смутнаго безпокойства.

Вскорѣ она уже говорила мнѣ «ты» и
спросила, не можеть-ли она угостить ме-
ня пившемъ. Я, конечно, согласился, —
я должечъ былъ казаться взрослымъ
мужчиной. Пока она уходила, я уналъ
переть диваномъ, на которомъ она сѣдла,

..Я подолгу оставался на капитанско м мостикѣ, здѣ у штурвала и стоялъ штурманомъ“...
Стр. 40.

на кофѣн; дрожащими руками я гладила зеленый плюшь обивки и мысленно ласкала ея образъ, какъ бы носящійся въ воздухъ.

Это былъ мой первый цуншъ, онъ сдѣлалъ свое дѣло. Все стало необыкновенно ясно и хорошо, такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ вскорѣ показалось. Она будетъ моею навѣки, она такъ же, какъ и я, страстно этого хочетъ. Я увезу ее подалше отсюда, отъ этого старенькаго, галкаго парохода. Но каюта, гдѣ мы полюбили другъ друга, эта каюта священна, она должна быть сохранена отъ всякихъ постороннихъ взглядовъ, на ея столѣ всегда долженъ стоять большой букетъ цвѣтовъ. Когданибудь мы снова вдвоемъ побѣдемъ на этомъ пароходѣ, въ этой же каютѣ. Мы

будемъ вспоминать все то свѣтлое, что мы пережили и, можетъ быть, будемъ плакать отъ счастливой грусти. Все это мелькало въ моей головѣ послѣ второго стакана цунша.

Нѣсколько разъ звонили, и она должна была уходить, чтобы снова подавать коньякъ старому пьяницѣ въ галонѣ. Онъ много выпилъ, часто кашлялъ и уже замѣтно раскраснѣлъ. Во мнѣ все бунтовало отъ священнаго гнѣва, когда онъ, цѣдя сквозь зубы, тянулъ свои заказы и подымалъ на Алицу, такъ звали моего красиваго друга, свои осоловѣлые глаза. Я ей сказала, что онъ — чудовище, что она должна держаться дальше отъ подобной дрянн, а она смѣялась и отвѣчала:
— Знаешь, онъ такой милый.

Я онечадилъ, но Алина сѣла рядомъ со мною на диванѣ, взяла мою руку, гладила ее и называла меня своимъ милымъ. Отъ прикосновенія ей теплой, чуть влажной руки, во мнѣ поднималась какая-то горячая волна. Это было со мною въ первый разъ когда я испытывалъ подобное ощущеніе. Самъ не знаю, какъ это случилось, я сидѣлъ рядомъ съ нею и ласкалъ ее руку, а ее волосы мягко щекотали мою шеку.

Прошло довольно много времени, я находился въ мірѣ, въ которомъ я никогда еще не былъ. Онъ былъ половъ новыхъ опьяняющихъ чувствъ и ароматовъ.

Теперь ты долженъ лечь, уже темно. Вдругъ сказала мнѣ Алина. Она пошла за постельнымъ бѣльемъ, одѣяломъ и подушками и приготовила мнѣ постель на зеленомъ диванѣ.

Я чувствовалъ себя несчастнымъ, это вѣщью уже бочился, но, въ то-же самое время, я былъ такъ счастливъ. Какіе дивные сны я буду видѣть въ этой бѣлой постели, приготовленной ей маленькими ручками. Какъ будетъ приятно моей шеѣ отъ ласкового прикосновенія подушки, которую Алина сѣлала такой пышной и мягкой!

Но я еще не достигъ вершинъ блаженства. Когда я пожелалъ ей покойной ночи, она меня поцѣловала. Отъ такого счастья озабочь прошелъ по всему моему тѣлу. Всякая мысль о снѣ совершенно покинула меня. Я сидѣлъ въ одиночествѣ, въ темнотѣ на моей постели, охвативши вылающую голову руками. За окномъ плескалась и шла вода, гдѣ то вдали глухо стучала машина. Время отъ времени я склонялъ голову къ подушкѣ и слегка касался ее щекою, вѣдь въ подушкѣ осталось что то отъ Алины. Я не осмѣливался лечь въ постель, какъ сѣдуетъ. Это было-бы святотатствомъ, оскверненіемъ моихъ свѣтлыхъ переживаній.

Какъ я былъ молодъ и какъ быть остороженъ съ жизненными цѣнностями. Событвенно говоря, такймъ я былъ только въ этотъ вечеръ. Мнѣ суждено было судьбою пробить чистымъ, мечтательнымъ юношей всего лишь нѣсколько часовъ, а не лѣтъ, какъ могло бы быть, случись все иначе. . .

Такъ я молча сидѣлъ и былъ, конечно, неказанно счастливъ. Я достигъ всего.

Что мы были тайно обручены, въ этомъ не было никакого сомнѣнія. Тайно обрученны! -- какъ часто слышалъ я это раньше отъ товарищей, выговаривавшихъ эти простые слова съ такимъ полнымъ ташны видомъ, съ какимъ обычно говорятъ о еще совѣтмъ невѣдомыхъ, но такихъ пріятныхъ вещахъ. Сейчасъ-и зналъ, что это значить. Это далеко превосходило все мои представленія. Я помню, меня мучила одна только вещь: я жалѣлъ, что курить и пить пушвъ. Мои губы не были такими, какимъ онѣ должны были быть, при первомъ поцѣлудѣ. Я помню, что не хотѣлъ ничего съестъ изъ того, что было дано мнѣ на дорогу. Мнѣ вказалось, что то, святое для меня, на моихъ губахъ будетъ осквернено и исчезнетъ навѣки.»

Мой снупникъ сѣлалъ наузу и закурилъ сигару. Онъ осмотрѣлъ отдѣленіе вагона. Никого не было близко и некому было его слушать. Онъ продолжалъ:

Анотомъ начатая мой адъ. Кто то простучалъ тяжелыми саногамп мимо двери по корридору и схлопнулъ дверь. Это по окончаніи вахты снуписта вивзъ въ свою каюту штурманъ. Его каюта была смежною съ моею. Онъ промышалъ что-то себѣ подъ носъ и съ трескомъ откуворилъ бутылку. Я даже слышалъ, какъ что то плескалось въ стаканѣ, когда онъ наливалъ въ него и какъ трещали сички, когда онъ раскуривалъ свою трубку. Я страшно злился на него, онъ вносилъ разладъ въ мое тихое настроеніе.

Скоро стало еще хуже. Кто то вошелъ въ дверь и я услышалъ, что штурманъ озадакъ въ чьемъ то обществѣ. Сперва я не обратилъ на это никакого вниманія, но скоро меня охватило какое то удивительное, инстинктивное безпокойство. Я почувствовалъ, что возлѣ меня происходило что то гадкое.

И вдругъ я сѣлалъ открытіе: къ штурману вошла Алина. Я сразу узналъ ее голосъ, хотя она тихо шептала. Она зашккала, я разобралъ слова: «слышно» и «молдой барчукъ рядомъ», но штурманъ стукнулъ стаканомъ со столу и грубо закричалъ:

— Къ черту мадчынку, нусть слышить, что угодно!

И я все услышалъ, взбравшись на постель и прижавшихъ ухомъ къ тонкой переборкѣ. Послышалась поцѣлуу. —

*„Дѣвушка сидѣла противъ меня, блискъ солнца игралъ въ ея
свѣтло-голубыхъ глазахъ...“*

Стр. 40.

я окаменѣлъ. Передо мною встали густые, рыжіе усы и ротъ, безпреставно слезывавшій желтую отъ трубки слюну. Скоро къ этому присоединились и другіе звуки, новые звуки, которыхъ и сначала не могъ понять, — я былъ совершенно — павшимъ... Съ усть штурмана каскадомъ слетали грубыя ласкательныя слова, Алина тоже не оставалась пѣмой, и я появляю все.

Что же дѣлаетъ влюбленный юноша въ такомъ случаѣ, какъ вы думаете? Зоветь на помощь, безумствуетъ, ломаетъ стѣну, дверь и начинаетъ душить своего соперника?

Нѣтъ, онъ весь съеживается. Его уби-

ваетъ эта страшная катастрофа всѣхъ его повятій, крушеніе его мечты, уничтоженіе всего, всего.

Я сидѣлъ въ своей каютѣ, совсѣмъ застывъ, все еще припадая ухомъ къ ужасной стѣнѣ. Обрывки мыслей мелкали въ моей головѣ: вбѣжать туда, убить, выброситься за бортъ, какъ ибудь уйти отсюда... Что то оборвалось внутри меня, мысли спутались, я потерялъ способность соображать, я былъ какъ бы парализованъ. Одно единственное видѣніе въ моемъ воспаленномъ мозгу всецѣло захватило меня, а звуки изъ за стѣны зажали меня въ каіе то тупые, щемящія тиски.

Стр. 15. *„Я сидѣлъ въ своей каютѣ, совсѣмъ застывъ, все еще припадая ухомъ къ ужасной стѣнѣ.“*

Вѣроятно я сидѣлъ такъ очень долго. Потому что моимъ членамъ пробѣжало какая то дрожь и я началъ тихо красться по каютѣ. Я самъ боялся шума моихъ шаговъ, но я не могъ сидѣть смирно. Я бродилъ по каютѣ сторбленный, подавленный, и тихій, какъ побитый звѣрь въ своей клеткѣ. Снаружи тихо и однообразно плескались волны и, казалось, самая машина стучала сонно и вяло. Но звуки по ту сторону стѣны не хотѣли превращаться. Они входили въ меня, какъ отравленные ножи и гнали меня по моей душной и тѣсной клеткѣ. — два шага и снова стѣна. Подъ конецъ я свалился на постель, зарылся головою въ подушку

и видѣлся изъ нее зубами, какъ дикій звѣрь. Мной овладѣло отчаяніе, я былъ отравленъ и желалъ лишь одного: — быть на мѣстѣ штурмана!...

Я дожидъ до сорока лѣтъ. Мнѣ пришлось видѣть въ жизни многое и проводить всякія ночи, но, честно скажу Вамъ, эта ночь была худшей изъ всѣхъ, когда либо пережитыхъ мною. Лишь къ разсвѣту, когда снова щелкнулъ замокъ штурманской каюты, пришли сизательныя слезы.

Мой спутникъ смолкъ. Поѣздъ стоялъ на какой то темной, пустынной станціи. Подъ навѣсомъ воззала фонарь выдалъ свой мертвенно-бѣлый свѣтъ на грущу

плакучихъ березъ, накрапывалъ мелкій дождь. Прозвучалъ сонный звонокъ, но вѣдь двинулся дальше.

Больше вы ее никогда не встрѣчали? спросилъ я.

Да, — отвѣтилъ онъ. — Когда мы прибыли утромъ на мѣсто, она стояла на палубѣ. Я вѣрно стиснулъ зубы и смотрѣлъ въ сторону, когда проходилъ мимо. Мой «лимонадный» счетъ остался неоплаченнымъ.

Послѣ этого я никогда больше ее не видѣлъ. Много лѣтъ спустя я снова бѣжалъ тѣмъ же мѣстами, на томъ же пароходѣ. Она исчезла, но штурманъ остался все тотъ же. Я поднялся къ нему. Онъ какъ и раньше, стоялъ у штурвала. Я предложилъ ему сигару.

Ну, штурманъ, — сказала я, — какъ обстоятъ дѣла съ здоровьемъ и любовью?...

— Видите-ли, — отвѣтилъ онъ, — чѣмъ становишься старше, тѣмъ дѣлаешься веселѣе! —

Я вполне согласился со штурманомъ.

Вотъ, этимъ и кончается, собственно говоря, моя исторія. Можно много перенести въ жизни, но есть въ ней что то такое, что входитъ занозой глубоко въ душу и глубоко ранитъ ее на всю жизнь: чѣмъ раньше, тѣмъ крѣпче и больше...

Моя первая любовь переродила меня. Я больше не обращался такъ бережно съ жизненными цѣнностями. Былъ въ жизни и желѣзные схватки и горячія дѣла, но аромат въ моей жизни исчезъ навсегда.

А, если онъ уйдетъ, никогда не вернется.»

Откинувшись на спинку дивана, рассказчикъ посмотрѣлъ на меня печальнымъ и усталымъ взглядомъ. Двѣ морщины рѣзко выступили вокругъ его рта, говоря о чемъ то вѣболѣвшемъ и пзломанномъ.

Поѣздъ снова остановился у станціи, цыганскій танецъ, связанный съ его стукомъ, на пѣкоторое время оставилъ меня въ покоѣ... Была еще ночь, дождь лилъ, какъ изъ ведра. Гдѣ то во тьмѣ, далеко, заброшено и жалобно выла собака...

„Можно много перенести въ жизни, но есть въ ней что-то такое, что входитъ занозой глубоко въ душу и глубоко ранитъ ее на всю жизнь.“

Тарасъ Гуца.

Даль.

(Съ бѣлорусскаго.)

Зацвѣла весною красивая липа.

Сколько шума было тутъ въ это время, сколько разноголосаго пѣнья. Работящiя пчелки, всякiя мушкетки такъ, бывало, разгуляются, что липа тогда казалась какимъ-то чуднымъ музыкальнымъ инструментомъ и чувалось, что тутъ справляютъ свадьбу...

Но отцвѣла липа, начали снѣть ее сѣмена. Росло одно зернышко на самой высокой вѣточкѣ. Можетъ быть, эта вѣтчина и была причиною того, что молодому сѣмечку захотѣлось кипнуть зѣбнущую почву и перебраться подалеже.

И какое должно быть счастье жить тамъ, если отъ одного только взгляда на приволье этой дали дѣлалось светло и радостно на душѣ.

Бывало, чуть только взойдетъ солнце, чуть разेतелаетъ по верхамъ лѣсовъ и холмовъ его золотыя покрывала, какъ это зернышко не сводило очей съ сней дали. Что было въ ней такого, чѣмъ полюбила она, эта даль, молодую жизнь, дитяти липы? Въ эту сторонку, откуда съ наудачней стороны видна была эта даль, бѣжали просторы широчайхъ полей, а на ихъ межахъ, то тамъ, то сямъ пораскидались, какъ молодцы въ живнѣ, дикiя груши: тихiе пригорки, одни за другими, будто волны рѣчины, также, вдали, тянулись въ той пейзажной, прекрасной дали. А тамъ, гдѣ поле упиралось въ темную стѣну бора, на самой границѣ, блестѣла, какъ зеркальце, извилистая ленточка воды.

А тамъ, еще дальше, куда бѣжали и тянулись пригорки, боръ и широкое поле, уже нельзя было разглядѣть ничего въ отдѣльности, была просто даль, которая такъ мощно манитъ къ себѣ душу, въ даль, надъ которой дремали въ золотыхъ мечтахъ неподвижные клубочки курчавыхъ облаковъ.

Есть какая-то красота въ этой пейзажности, гдѣ небо низко-низко наклоняется надъ землей. Какая власть, какая сила тянетъ въ эту безграничность яркой сны?

Эхъ, — вздыхало молодое зернышко полетѣть бы въ эту даль.

Вильгельмъ Пурвинъ.

„Ранняя весна“.

Почувядъ вѣтеръ эти вздохи, всталъ изъ-за пригорка, зѣвнулъ послѣ сладкаго отдыха и подлетѣлъ къ молодому сѣмени.

А я и зналъ, сказалъ онъ зернышку, — что не сегодня — завтра, а попросишься ты въ дорогу, нужно нужно узнавать Божiй миръ.

И стало проситься молодое сѣмя у вѣтра взять его съ собою и унести въ облюбованную даль.

Старой липѣ жаль было пускать свое дитя въ чужой свѣтъ. Богъ знаетъ куда, но чѣмъ помочь?... Можетъ тамъ будетъ лучше ему! Такъ что-жъ становится поперекъ дороги. Благодѣлила мать въ дорогу свое дитя:

— Лети, милое!

Подхватилъ вѣтеръ молодое зернышко и понесъ.

И летѣли они, и казалось, сами неслись имъ навстрѣчу красивые холмы, зеленыя лощинки.

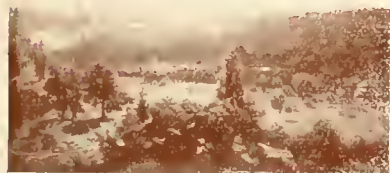
Глядѣть на все молодое сѣмя и глазомъ своимъ не вѣрять: неужели это тѣ самыя картины, на которыя оно еще такъ недавно любовалось? А гдѣ-жъ ихъ красота?... Гдѣ тѣ гладкiя очертанiя? А полоски лѣсовъ? Даже сама рѣчка была не такой, какой казалась она издалека. И беспокойство начало охватывать молодое сѣмя.

Ой, не шутить ли съ нимъ вѣтеръ: развѣ туда несетъ онъ, куда просилась душа?!

А скоро ли та даль, милый вѣтеръ?

— Мы давно миновали ее, отвѣтилъ вѣтеръ, и теперь новыя дали нережь нами...

Певель А. Ружановъ.

Юлій Феддерсъ.
„Въ Ливонской Швейцаріи“.

Петръ
Крaстынинъ.

„Портретъ“.

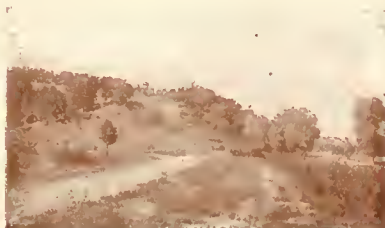
Юлій
Феддерсъ

Джекъ Лондонъ.

(Сонетъ.)

Снѣга и золото-безкрайная Аляска.
На темномъ днѣ ручья сверкающей пе-
сокъ.
Угарь игорныхъ заль. Въ стаканахъ мут-
ный сокъ.
У тлѣющихъ костровъ шамановъ древ-
нихъ пляска.
А послѣ черный фракъ и модная коляска
Для тѣхъ, кто смогъ урвать свой жиз-
ненный кусокъ,
Кто проходилъ сквозь жизнь безстрашенъ
и высокъ,
За кѣмъ тянулась смерть, зубами голодъ
ляскаль...
Пѣвецъ геройскихъ дѣлъ и непреклон-
ныхъ воль!
Въ его крови бродиль скитаній алкоголь,
Онъ проклиналъ покой набитаго кармана.
Онъ бурный бѣгъ страстей спокойно со-
зерцаль,
И воспѣваль мятежь, сжигающей сердца,
Въ страницахъ авантюрнаго романа!
Диръ Туманный.

Москва. 1924.

„Ландшафтъ“.

Власть.

Сожь и Дѣпръ.

(Съ Бѣлорускаго.)

Среди глухихъ пущъ, темныхъ боровъ, на пригоркѣ стояли когда то старыя-престарыя хоромы великаго властелина, съдволасаго старца Рыдана.

Изъ конца въ конецъ земли слылъ Рыданъ богатствомъ вѣсчитаннымъ, а выше всего богатства славилась скрытая за двѣдцатью дверями, двѣдцатью замками, золотая Рыданова корона.

Когда отмыкали замки, отворяли двери и выносили ту корону на свѣтъ, — то если на дворѣ была ночь, днемъ она становилась, а если была зима, то превращалась въ лѣто: такъ блистали драгоценные камни на Рыдановой золотой коронѣ. Завидовали сосѣдніе властелины и князья этой коронѣ и рѣшили добыть ее у Рыдана. Созвали ворожеевъ и знахарей и приказали имъ придумать способъ, какъ украсть корону.

Ворожеи и знахари думали три дня и три ночи и придумали разрыть траву, зернышками которой если посыпать, то все вокругъ засыпается. Придумавъ это, послали злодѣевъ украсть золотую Рыданову корону.

Тѣ, придя къ хоромамъ, слынули соизвѣстия, и вся стража уснула; дотронулись разрывъ-травой до замковъ, тѣ погнадали. Тогда взяли они золотую Рыданову корону и пустились обратно.

Всталъ утромъ съдой Рыданъ, подошелъ къ окну, вдругъ видитъ: вся стража поботомъ синѣя, весь народъ во свѣтѣ непробудномъ валяется. И вонзая старый сразу, что итѣ въ сокровищницѣ его золотой короны. Подошелъ онъ тогда къ колокоду, ударилъ разъ, ударилъ два, и пробудились два Рыданова сына: Сожь и Дѣпръ.

Обратился отецъ къ Дѣпру и говорить:

«Возьми сывокъ, сталевою бровь, кованый мечъ и бѣги садами, дугами до скалистыхъ горъ, можетъ быть догонишь бѣглецовъ съ короной.»

Схватился Дѣпръ и помчался, а Сожь остался при отцѣ. Сълъ на золотой престолъ старый Рыданъ и говорить сыну: «Приложи, сынокъ, ухо къ землѣ, послушай, бѣжить ли Дѣпръ?»—

Приложилъ Сожь ухо къ землѣ и говорить: «Бѣгомъ бѣжить и не утомился еще.»

И другой разъ говорить отецъ:

«Приложи, сынокъ, ухо къ землѣ, послушай!» Приложилъ сынъ къ землѣ ухо и говорить: «Бѣжить, но уже тяжело дышитъ, шумъ землей идетъ.»

Тогда всталъ Рыданъ съ престола и говорить: «Бѣги-жъ ты, сыночекъ, мхами, — болотами на водмогу ему, самъ одинъ не пробѣдетъ черезъ скалистые горы.»

Пустился Сожь мхами — болотами на подмогу брату, а старый отецъ одинъ остался ждать дѣтей. Долго ждалъ старый, не дождался, въ печали великой началъ плакать:

«Лучше бы, намъ, дѣтки мои, слезами разлиться!»

Да и поваль онъ на такой часъ, что и вправду, разлились слезами братья в старый отецъ, и въ рѣки все трое обратились.

Дѣпръ плыветъ садами да дугами, Сожь — мхами да болотами, а Рыданъ, — куда глаза глядятъ. А съ того времени все силы лѣсного края плыть въ чужое море и гамъ провадаютъ.

Перевелъ А. Ружанцовъ.

ЭДГАРЪ
УЭЛЛЕС

Духъ Джона Толлинга

(СЪ АНГЛІЙСКАГО)

Съ моремъ связаны такія исторіи и происшествія, о которыхъ можно сказать, что они никогда не мѣняются.

Такъ, по крайней мѣрѣ, утверждалъ одинъ писатель, находившійся въ числѣ пассажировъ, которымъ я принадлежалъ во время моего послѣдняго рейса, а если выскажетъ писатель нѣчто оригинальное, то ужъ этого нельзя не подчеркнуть.

Случается это, впрочемъ, не слишкомъ часто.

«Феліксъ», — сказалъ онъ мнѣ — морю присуща таинственность, оно заключаетъ въ себѣ нѣчто необъяснимое и чудесное, являющееся загадкой для самой науки.»

(Я увѣренъ, что онъ именно связалъ загадкой для самой науки», хотя эти слова были уже за бортомъ).

Чудесное... это дѣйствительно подходящее выраженіе, что-то для меня неизъяснимое, въ родѣ исторіи съ зеркаломъ въ каютахъ для новобранцевъ на палубѣ «Кэботика.»

Два джентльмена перерѣзали себѣ горло передъ этимъ зеркаломъ. Одинъ изъ нихъ, какъ водится, тотчасъ же умеръ; другой же — еще прожилъ ровно сто чѣтокъ времени, чтобы успѣть занять явшащемуся стюарту о какой-то призрачной флюидомъ, торчащей за его спиной и гласѣ, сообщавшемъ ему, что смерть и

сонъ одно и то же, и что разница между ними заключается лишь въ названіи.

Этотъ джентльменъ и былъ Джонъ Голлингъ, самый наглый изъ каютныхъ воровъ, когда либо плававшихъ во Атлантическому океану.

То, что Голлингъ продѣлывалъ при жизни — ничто въ сравненіи съ продѣлками его духа, о которомъ мнѣ пришлось слышать впоследствии: Когда названное зеркало было убрано съ парохода и сдано на храненіе въ ливерпульскую камеру для багажа, — то сначала кладовщикъ, а потомъ и конторщикъ были найдены мертвыми въ помѣщеніи кладовой.

Послѣ этого происшествія ово было брошено въ море и успокоилось на пятидесяти саженной глубинѣ.

Однако и эта мѣра не спасла насъ отъ духа Голлинга. Лучшимъ авторитетомъ во всѣхъ вопросахъ, касавшихся Голлинга, былъ Спукъ-Симсъ, — стюартъ, служившій вмѣстѣ со мной. Его звали Симсомъ, а Спукъ — была только кличка, которую ему дали за странную вѣру въ духовъ и привидѣнія.

Не было сверхъестественнаго явленія, которымъ бы онъ не заинтересовался и если онъ не былъ занятъ верченіемъ столовъ, то наводилъ на насъ ужасъ своими вѣщаніями предсказаніями.

Разумѣется, я вѣрю въ духъ Голлига — сказалъ мнѣ однажды Спуди во время плаванія, которое я собирался описать — не будь я ясновидцемъ, если Голлигъ не находится въ настоящую минуту на этомъ суднѣ! Мы какъ разъ пересиливаемъ то самое мѣсто, гдѣ онъ скончался въ 3 часа 7 мин. въ злополучное утро, когда я внезапно проснулся съ трясью во всемъ тѣлѣ. Онъ всегда появлялся на корабль въ то время, когда послѣдній проплывалъ вдоль мѣста, на которомъ онъ покончилъ жизнь самоубійствомъ.

Не подлежало никакому сомнѣнью, что Спуди былъ глубоко въ этомъ убѣжденъ, какъ былъ онъ убѣжденъ и въ томъ, что ему суждено умереть въ богатѣльнѣ, а дѣтямъ горючать на улицѣ синичками. Призракъ нищеты дугалъ его и загвалялъ театально припрятывать каждый центъ отъ часовыхъ получекъ.

Самъ я въ никакую чертовщину вѣрить, по должнѣ сознаюсь, что въ плаваніи проходились необъяснимыя, просто невѣроятныя вещи, одинаково случавшіяся какъ съ мужчинами, такъ и съ женщинами.

Возьмите, напримѣръ, нѣсколько мужчинъ и дѣвицъ совершенно незнакомыхъ другъ съ другомъ, посадите ихъ вмѣстѣ и не мѣшайте имъ разговаривать. Черезъ нѣкоторое время у «нея» не будетъ иной мысли на умѣ, кромѣ той, какъ бы подыскать рифму къ слову «любовь»; а у «нея» вы найдете цѣлую кипу писемъ къ жевиху, которому она старается доказать, что они не подходятъ другъ къ другу, и что только теперь она нашла вѣрный путь къ настоящему счастью. Мнѣ это хорошо извѣстно, ибо я читалъ такія письма. Чтобы подобная исторія могла случиться, — вовсе не чудно, чтобы «онъ» былъ красавцемъ, и «она» куколкой.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда я служилъ на «Мессопотаміи», съ нами ѣхала группа джентльменовъ, которая была не хуже и не лучше другихъ компаний, путешествующихъ по горючкимъ дѣламъ.

Члены этой компаніи были извѣстны подъ общимъ названіемъ «Чарли», вѣроятно въ честь своего предводителя Чарли Поля. Чарли Поль былъ плящій молодой человекъ съ красивыми курча-

выми волосами, съ превосходными, лондонскимъ акцентомъ, одѣтый во все лондонское и съ лондонскимъ же моноклемъ въ лѣвомъ глазу. Самъ Чарли Поль работалъ очень ловко и добросовѣстно, такъ же ловко и добросовѣстно работали и остальные Чарли, работали такъ, что, наконецъ, взволновалось само пароходное общество.

Нѣсколько извѣстныхъ шутеровъ было задержано портовой полиціей и отправлено этаннымъ порядкомъ кто въ Америку, кто въ Англию. Около трехъ десятковъ стюартовъ было уволено, почти всѣ будущіе стюарты пароходной компаніи были расчитаны и, казалось, океанъ превращенъ въ пустынное мѣсто.

Часть расѣянной шайки перешла на французскія суда, но тамъ работа была настолько неприбыльна, что можно было умереть съ голоду, ибо насколько французы народъ романтической, настолько они практичны въ дѣлахъ денежныхъ.

Мало по маду молодцы стали возвращаться на американскія и англійскія линіи, стремились поступить на пароходы стюартами, что все таки было далеко не такъ просто. . .

Чарли былъ счастливѣе другихъ — вѣроятно оттого, что онъ избѣжалъ дѣтсваго отзыва, которымъ наградили его товарищи — и, несмотря на то, что агенты пароходства зорко слѣдили за тѣмъ, что творилось у нихъ подъ носомъ, ему все же удавалось незаметнымъ образомъ сдѣлывать на берегъ близъ Соутгэмптона цѣныныя пакетики.

Въ настоящее время самостократы этой своры, какъ называютъ ихъ наши шкипера, являются настоящими дѣльцами. Они отправляются въ плаваніе съ точнымъ расчетомъ на весьма опредѣленный заработокъ, и, какъ всѣ дѣловые люди, съ полнымъ сознаниемъ отвѣтственности за свои операціи.

Они жепаты и, какъ почтенные отцы семейства, воспитываютъ своихъ дочерей въ лучшихъ пансіонахъ, а сыновьямъ даютъ высшее образованіе.

Если они случайно не заняты стрижкой человѣческой породы, то часто разсуждаютъ о дороговизнѣ жизни, о спекуляціи креслами въ театрахъ, или о чѣмъ-нибудь другомъ, не менѣе полезномъ.

Только въ одномъ отношеніи ихъ можно назвать безчеловѣчными, а именно, они не признають на кораблѣ никакой дружбы, кромѣ приносящей крупную прибыль. Женщины, молодыя, старыя, красивыя, или, наконецъ, просто женщины для нихъ рѣшительно ничего не представляютъ. Для нихъ женщина пассажиръ, убранство стола, ласкающее глазъ, и только. Разумѣется, они не брезгаютъ и женщинами. Хищникъ охотится вѣрнѣе только себѣ и гордится своимъ зашіемъ...

Молодцы этой породы всегда готовы, не моргнувъ глазомъ, въ мигъ стянуть пачку баканотъ у любой лэди, только что сказавшей про нихъ: ахъ, какіе они благородные! Они стѣсняются еще болѣе возможностью очаровать свою жертву, которая послѣ преступленія находитъ ихъ еще болѣе благородными, чѣмъ при первомъ знакомствѣ.

Однако достояніе тузы среди хищниковъ нивогда не сочтутъ приличнымъ возиться съ женщинами, поэтому я былъ крайне удивленъ, замѣтивъ Чарли, гуляющаго вотъ ужѣ второй вечеръ подрядъ по валубѣ съ миссъ Лидіей Пэнь.

Потому, что миссъ Пэнь гуляла съ Чарли, я несколько не былъ удивленъ, такъ какъ женщины уже давно перестали удивлять меня.

Миссъ Пэнь занимала каюту 1077, на средней валубѣ, обслуживаемой Снуки Симсомъ и мной. Я былъ ей стюартомъ, а потому лучше другихъ могъ судить о ней.

На ея туалетномъ столѣ лежало множество дорогихъ предметовъ изъ золота и черепаховыхъ бездѣлушекъ, изящныя несесеры и аксесуары для манькюра, а также фотографіи въ серебряныхъ и хрустальныхъ рамахъ. Вся ея одежда была изъ шелка съ вышитыми розовыми бутылочками и синими птицами. Однимъ словомъ, — лэди!

Она сказала мнѣ, что, по порученію своего торговца готовыми дамскими нарядами въ Чикаго, ѣдетъ въ Лондонъ и Парижъ для изученія новѣйшихъ модъ. Повидимому, разѣзды между указанными городами хорошо оплачивались, такъ какъ въ средствахъ миссъ Пэнь не была стѣснена.

Ея каюта принадлежала къ классу А.

Я никогда не отличался умѣніемъ описывать женщинъ, особенности ихъ туалета и наружности даже извѣстныхъ знаменитостей экрана, которыхъ приходилось встрѣчать въ плавани.

Все же и замѣтилъ, что миссъ Пэнь была хорошенькой. У нея были золотыя волосы и притомъ такого оттенка, что въ естественности ихъ нельзя было сомнѣваться. Своей стройной фигурой она походила на иѣжнаго ребенка. Тонкія темныя брови гармонировали съ длинными черными рѣсницами.

Я обожая хорошенькихъ дѣвушекъ. Не хочу сказать, чтобы я въ нихъ всегда влюблялся. Стюарты вообще никогда не влюбляются, много, если они успѣваютъ жениться въ промежуткѣ между двумя рейсами, но чаще всего они заводятъ сольное знакомство во время стоянки ихъ кораблей въ докѣ.

Однако, если бы я былъ молодымъ человѣкомъ съ туго набитымъ кошелькомъ, и достаточно образованъ, чтобы отвѣчать на требованія, я остановилъ бы мой выборъ на миссъ Пэнь.

Она же, сама, была слишкомъ умной и разборчивой, чтобы повиснуть на шеѣ перваго встрѣчнаго молодого кучика.

Наканунѣ нашего перехода у Кэпитана Гибгата плодучаго маяка, въ то время, когда я соображалъ уже заколчить свое дежурство, ко мнѣ подошелъ Снуки Симсъ и спросилъ:

«Ты помнишь, что я тебѣ говорилъ о Голлингѣ?»

Чортъ возьми, я совѣтъ было забыть про него.

«Онъ — на кораблѣ, я видѣлъ его прошлой ночью такъ же ясно, какъ сейчасъ вижу тебя, если даже не отчетливѣе» — сказалъ Снуки.

«Я видѣлъ его прелюбопытнѣе къ шлюбѣ 77; онъ былъ блѣденъ и казался больнымъ. И какъ точно! Да, я и сейчасъ могу его увидѣть. Вотъ только бы не было горъ или бѣды!»

Снуки былъ правъ, мистеръ Элексъ Лэдъ изъ Лосъ Анжелоса вздумалъ въ этотъ день взять обратно своей саквояжъ изъ пароходнаго сейфа и сиратить въ свой сундукъ; онъ заперъ каюту на замокъ и хотѣлъ уже вручить ключъ Снуки, но послѣдній отказался принять ключъ и уперся на своемъ.

«Нѣтъ, сэръ, оставьте лучше ключъ у себѣ, сказали Свукки «и позвольте мнѣ замѣтить.» прибавилъ онъ. — «что на вашемъ мѣстѣ я не оставлялъ бы драгоценностей на ночь въ каютѣ.»

Свукки провизнесъ это въ моемъ присутствіи.

На другое утро, когда мистеръ Лоудъ открылъ своей саквовжъ, онъ обнаружилъ пронажу трехъ тысячъ долларовъ и золотыхъ часовъ съ цѣпочкой.

«Голливъ!» — проворчала Свукки, котораго ничто не могло поколебать. Онъ былъ изъ тѣхъ людей, которые никогда не мѣняють своихъ убѣжденій.

Главное правленіе вароходнаго общества назначило, какъ обычно, разслѣдываше этого случая; тѣмъ дѣло и кончилось.

Это неприятное происшествіе совпало съ пребываніемъ Чарли и миссъ Пэнь.

Чарли былъ серьезно занятъ, она — тоже. Я частенько встрѣчалъ ихъ вмѣстѣ и даже замѣтилъ однажды Чарли, поджидавшаго ее у входа въ каюту въ то время, какъ она рыдась въ видахъ южныхъ океанскихъ острововъ.

У Чарли былъ помощникъ, по фамиліи Коэнь, маленькій человѣчекъ съ такими огромными руками, какихъ я еще не видывалъ.

Про него говорили, что онъ ладонью прикрывалъ цѣлый тюкъ и, закуривая вѣвъ этомъ вопросу, ухитрялся скрыть этотъ тюкъ отъ самихъ зоркихъ глазъ.

Однажды, утромъ я вошелъ съ подносомъ фруктовъ въ кафе въ каюту къ Коэну и, волагая, что онъ спитъ, уже хотѣлъ выйти, какъ вдругъ онъ окликнулъ меня: «Фелпекъ, кто эта дама — «завимающая особое кушэ на пароходѣ?»

Я сообщилъ ему про миссъ Пэнь, ровно столько, сколько счелъ нужнымъ.

«Она кружить Чарли голову» — началъ Коэнь. «Онъ все время торчитъ возлѣ нея. Память этотъ рейсъ вкочить въ восемьсотъ долларовъ, если только кто-нибудь не подаритъ намъ этихъ денегъ. Впрочемъ, это бываетъ только во снѣ!» прибавилъ онъ, зѣвнувъ.

«Видно, придется васъ похоронить, мистеръ Коэнь» — сказала я. «А я хотѣлъ бы быть опущеннымъ въ море» — вздохнулъ Коэнь.

Должно быть Коэнь серьезнымъ образомъ переговорилъ съ Чарли, такъ какъ стюартъ курительнаго салона вечеромъ сообщилъ мнѣ, что Чарли въ этотъ самый день нагрѣлъ на тысячу долларовъ одного англичанина, члена парламента, вздумавшаго было научить его новой карточной игрѣ «въ четыре руки.»

Въ этотъ рейсъ мы подходили къ Шербургу рано утромъ. Я долженъ былъ вынести на палубу багажъ миссъ Пэнь, которая вокадала нарохондъ, чтобы вѣхать въ Парижъ.

Миссъ Пэнь стояла на волѣвшихъ на двѣвѣхъ и смотрѣла въ иллюминаторъ на Шербургъ, котораго она, впрочемъ, не могла видѣть, ибо Шербургъ такое мѣсто, гдѣ море еще не позволяетъ видѣть ясныхъ очертаній земли.

«Стюартъ, не знаете ли вы, сошелъ мистеръ Поэль въ берегъ, или нѣтъ?» спросила меня миссъ Пэнь. «Вчера вечеромъ онъ еще раздумывалъ.»

«Нѣтъ, сударыня, онъ было собрался на берегъ, но когда подошелъ баркасъ, онъ снова заснулъ» отвѣтилъ я.

Мой отвѣтъ, какъ будто, заставилъ миссъ Пэнь нѣсколько призадуматься.

«Благодарю васъ.» — сказала она коротко, и сошла на баркасъ, причемъ, какъ приято, дала мнѣ на чай. Это была единственная женщина, которую я встрѣтилъ, давняя приличные часевые.

Послѣ ухода баркаса произошла маленькая замѣнка въ отходѣ нашего парохода.

Я не мало былъ удивленъ такой непредвидѣнной задержкой, пока не узналъ, что нѣкій англійскій маркизъ обнаружилъ пронажу шкатулки съ драгоценностями своей жены; шкатулка стоимостью въ двадцать тысячъ фунтовъ, исчезла минувшей ночью.

Очень неприятно, когда случаются подобныя весторіи, ибо въ первую голову подозрѣніе падаетъ на каютнаго стюарта. Затѣмъ, въ кражѣ подозрѣваются всѣ по очереди, кончая пассажирами.

Старшій стюартъ созвалъ всю прислугу и началъ безъ обиняковъ: «что это за разговоры про духъ Годлинга?» спросилъ онъ строго. «Я долженъ вамъ заявить, что тамъ, куда отправился Голлингъ, въ деньгахъ, особенно бумажныхъ,

„Онъ былъ туль съ миссъ Нэнъ“ . . .

„Дуль „Джона Голдинга“.

стр. 54.

не нуждаются. — я же сумью справиться со всякимъ духомъ» — добавилъ онъ грозно.

«Ну ка, Спуди, говоря, что ты выдалъ? — обратился онъ къ стюарту.

«Я видѣлъ челоуѣка, направляющагося по корридору къ каютѣ лорда Крэзбороу» — началъ Спуди — «и послѣдовалъ за нимъ въ корридоръ, но тамъ никого не оказалось. Убѣдившись, что каюта была

заперта, я постучался и на мой стукъ его сіятельство отперли дверь и спросили меня, что мнѣ нужно? Это было сегодня въ два часа утра — его сіятельство подтвердятъ мои слова.»

«Что-жь, ты полагаешь, что это былъ духъ?» спросилъ старшій стюартъ.

«Я видѣлъ его лицо — это былъ Голдингъ» — отвѣтилъ Спуди. Старшій стюартъ задумался.

«Ты вѣроятно скажешь, что онъ сошелъ въ Шербургъ. Этотъ городъ наѣвно построили для духовъ. Ступай внизъ и когда увидишь полиция, дай ей свои покаянiя.

На обратномъ пути миссъ Пэнь отсутствовала и единственный человекъ, который этому искренно разодался, былъ Коэль. Чарли очень скучалъ. Когда онъ не бывалъ занятъ, то спонился по тому корридолу, въ которомъ была ея каюта.

По всемъ признакамъ онъ былъ влюбленъ. На этотъ разъ кракъ не было, погода стояла прекрасная, пассажиры не скупились на чаевые и я долженъ сказать, что это былъ самый приятный рейсъ туда и обратно, который я запомнилъ.

Послѣ этого плаванiя мы стали на двѣ недѣли въ докъ для починки винта и когда снова были готовы выйти въ море, я замѣтилъ въ синекѣ пассажировъ опять фамилию миссъ Пэнь.

Сказать вамъ правду я не былъ опечаленъ этимъ открытiемъ, хотя стюартомъ ея на этотъ разъ былъ Сдуки.

Никогда я не видѣлъ человека болѣе счастливаго, чѣмъ Чарли Ноль при ея появленiи на пароходѣ. Онъ, какъ вѣрная собака, не отходилъ отъ нея. Къ концу рейса онъ бросилъ все свои дѣла, что тяжело отражалось на Коэль.

«Мнѣ никогда не случалось видѣть, что-либо болѣе нецѣлесообразное. Феліксъ, горько жадовался онъ мнѣ.

«Какъ только это путешествiе кончится и брошу все и займусь культурнымъ сельскимъ хозяйствомъ.»

Онъ раскладывалъ въ своей каютѣ пассажиры, какой обычно раскладываютъ джентльмены извѣстной профессii, подтасовывая карты выгоднымъ для себя образомъ.

«Видно замѣтилъ онъ бѣднiа Голлингъ правъ, сказавъ про Чарли, что лицейское образованiе раньше или позже проявитъ себя.»

Вы развѣ знали Голлингъ? спросилъ я.

«Еще бы,» отвѣтилъ Коэль, — я былъ первымъ послѣ Сдуки, который заметъ его зарѣзаннымъ. Я помогалъ Сдуки собрать ящики и отправить ихъ его вдовѣ.»

Онъ глубоко вздохнулъ и продолжалъ: «Голлингъ во все время надѣлалъ не мало

глупостей, но онъ никогда не бывалъ глупеень, за исключенiемъ своей жены.»

А вы слышали что нибудь о его духѣ? спросилъ я.

Коэль удыбулся.

Будемъ благоразумны, сказала онъ— все же я допускаю, что путь, по которому пошелъ Чарли,—не по душѣ уважаемому себѣ игроку.»

За два дня до прибытiя въ Нью-Йоркъ, насъ настигъ свирѣпый зюль, вѣсть, предвѣстiей намъ ужаснѣйшую погоду, наиболѣе подходящую для визитовъ Голлингъ.

Около четырехъ часовъ утра, Сдуки, спавшiй на софѣдѣи со мной койкѣ, проснулся съ дикимъ воплемъ и вскочилъ на ноги.

Онъ на корабль! — несудянно прошепталъ онъ.

Въ нашемъ гюмѣ было около тридцати стюартовъ, которые не замедлили высказать Сдуки свое мнѣнiе по поводу появленiя Голлингъ, притомъ въ весьма неслѣстныхъ для него выраженiяхъ.

Онъ на корабль! торжественно повторилъ Сдуки, прячась въ уголокъ полуосвѣщеннаго трюма; онъ дрожалъ всемъ тѣломъ, тряся блестящей въ полумракѣ лысой головой.

«Вы, товарищи, не можете понимать того, что понимаю я, благодаря своимъ способностямъ ясновидѣнiя» — огрызнулся Сдуки. «Вы смѣшаете надо мной, когда я утверждаю, что мнѣ суждено умереть въ богадѣльнѣ, а дѣтямъ моимъ придется торговать спичками на улицѣ. Вы издѣваетесь надо мной, когда я вамъ говорю, что Голлингъ явился на корабль, а я вамъ заявляю, что это такъ.»

Неподалеку отъ Нью-Йорка нашъ пароходъ былъ на два часа задержанъ у Гудзона прибывшей полицией, которая произвела обыскъ по случаю исчезновенiя у одной леди бриллианта. Драгоценный камень пропалъ между семью часами вечера и пятью утра. Его такъ и не нашли.

Миссъ Пэнь на этотъ разъ возвращалась домой и Чарли былъ особенно предупредителенъ и внимателенъ. Онъ совершенно пересталъ работать, такъ что Коэль махнулъ на все рукой и самъ сталъ тратить время на пустыки, врозѣ подчета ильвинныхъ въ водѣ обрывковъ водорослей.

Затѣмъ обратилась къ полиціекому: „Арестуйте его, — онъ преступникъ!“

„Духъ Джона Голливелъ“.

Я уже упоминалъ, что самымъ удобнымъ мѣстомъ для наблюденій на пароходѣ была шлюпочная палуба. Не скажу чтобы я парочко слѣдилъ за пассажирами итъ, я презираю шпионажъ. — Но какъ не замѣтить чего-либо, когда спокойно куришь свою трубочку на палубѣ возлѣ шлюпокъ.

Полдню вечеромъ мы проходили вдоль береговъ Англій, увпзанныхъ ярко блестящими сигнальными огнями маяковъ и портовъ. Я только что вышелъ на палубу покурить, какъ услышалъ голосъ Чарли. Онъ былъ тутъ съ миссъ Пэнь, а такъ какъ вечеръ былъ холодный и сырой, то палуба была пустышна и имъ никто не могъ мѣшать. Онъ положилъ свой макинтошъ на одно изъ находившихся здѣсь кресель, усадилъ въ него

свою даму, тщательно укутавъ ее пледомъ.

Я конечно, все это могъ только предполагать, такъ какъ въ темнотѣ ничего не было видно.

Вы сойдете въ Шербургъ? — спросилъ Чарли.

«Да» послышалась голосъ миссъ Пэнь. «Скажите, что это было съ вами за все время путешествія?» продолжала она.

Отвѣта не послѣдовало. На меня пахнуло дымомъ его гавайской сигары. Онъ очевидно размышлялъ передъ тѣмъ какъ отвѣтить.

Затѣмъ снова послышался его медленный, слегка небрежный голосъ:

«Вы вѣдь, обыкновенно, немедленно сходите съ парохода, не такъ-ли?»

«Да, разумеется, я всегда очень снѣшу — отвѣтила миссъ Пэнь — но почему вы объ этомъ спрашиваете?»

«Надѣюсь, что на этотъ разъ духъ Голлинга не причастенъ къ нашему рейсу» — сказалъ Чарли. Она кашлянула.

«Что вы хотите этимъ сказать?» — спросила она снова.

Онъ понизилъ голосъ и чуть слышно прошепталъ: Я желалъ-бы, чтобы завтра къ утру все было въ порядкѣ, а если нѣтъ, то за двадцать миль до порта насъ встрѣтитъ парадъ полиціи. Я видѣлъ нынче вечеромъ какъ извѣщали полицію по радиотелеграфу: я умѣю разбираться въ аппаратахъ Морзе. Какъ только подойдетъ баркасъ, не теряя минуты, сойдемъ съ парохода.

Послѣдовавшее за этими словами молчаніе продолжалось такъ долго, что я никакъ не могъ понять, что случилось.

Наконецъ она сказала: «не лучше ли намъ сойти врозь?» и вслѣдъ затѣмъ послышалась скрипъ покидаемаго ею кресла.

Было 6 часовъ утра и я разносилъ утренній кофе, какъ вдругъ услышалъ новость: кража! Пострадалъ вакой то русскій, не то графъ, не то князь, занимавшій каюту на средней валубѣ. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ осторожнымъ господамъ, которые не сдаютъ своихъ драгоценностей на хранение въ пароходный сейфъ, а предпочитаютъ держать ихъ при себѣ.

Ночь подушкой у него были спрятаны свертокъ съ неоправленными брилліантами, которые онъ собирался продать въ Нью-Йоркѣ, почему то не продавъ ихъ тамъ, теперь везъ обратно.

Какъ бы то ни было, а думажникъ, въ которомъ находились брилліанты, былъ найденъ пустымъ въ корридорѣ на полу.

Мнѣ понадобилось зайти въ контору пароходнаго казначея и здѣсь я увидѣлъ, какъ русскій баринъ строчилъ радио-телеграмму.

Не подлежало ли малѣйшему сомнѣнію, что насъ ожидалъ обыскъ и аристократическій обыскъ всего судна, начиная съ кля и кончая трубой.

«Пусть лучше пощупутъ водъ вилемъ и ниже» — угрюмо замѣтилъ Спунки, когда я сообщилъ ему эту новость. Ты вотъ не вѣрши въ Голлинга, Феликсъ а я вѣрю. Этихъ брилліантовъ уже нѣтъ на пароходѣ» — прибавилъ онъ.

То, чего я опасался, случилось. Судовая охрана опечатала помѣщенія коче-

гаровъ и стюартовъ и приказала намъ быть готовымъ къ осмотру пассажирскаго багажа.

Полиція прибыла на пароходъ въ 9 час. утра. На этотъ разъ въ парадъ были не французы, а шотландцы, дежурившіе въ Шербургѣ на случай какихъ либо происшествій.

Полиція выслушала показанія потерпѣвшаго, который однако ничего существеннаго сообщить не могъ.

Между тѣмъ пассажировъ созвали въ каютъ-компанію, гдѣ судовой казначей обратился къ нимъ съ краткой рѣчью, въ которой онъ извѣстилъ за причиненное безобразіемъ и объяснилъ, что обнаруженіе вора лежитъ не только въ интересахъ пароходной компаніи, но и въ интересахъ самихъ же пассажировъ.

«Мы васъ задержимъ не надолго, господа» продолжалъ казначей. «въ нашемъ распоряженіи опытные агенты и обыскъ будетъ очень кратокъ, только прошу васъ всѣхъ открыть сундуки и чемоданы» — закончилъ онъ свою рѣчь.

Пароходъ перешелъ на тихій ходъ и началъ обыскъ, какого я не видывалъ за все свои плаванія.

Нѣкоторые пассажиры были слегка покороблены, но большинству приняло участіе въ обыскѣ, помогая полиціи обшаривать корабль. Однако ничего похищеного или неоправленные брилліанты не было найдено.

Только одинъ человѣкъ на всемъ пароходѣ былъ очень смущенъ — это былъ Чарли. Онъ былъ блѣденъ, какъ волотно, и не могъ оставаться спокойнымъ ни одной секунды. Я наблюдалъ за нимъ и миссъ Пэнь, которая, теперь, казалось, была воплощеніемъ спокойствія и хладнокровія.

Онъ держался все время возлѣ нея, не спуская съ нея глазъ и когда осмотръ багажа былъ законченъ и пассажиры вновь собрались въ каютъ-компанію, онъ послѣдовалъ за ней и не отходилъ больше ни на шагъ отъ нея.

«Теперь мы еще осмотримъ всѣ дамскіе ридикюли и сумки, а затѣмъ я попрошу господа пассажировъ, если въ этомъ еще встрѣтится надобность, на личный обыскъ. Леди прошу стать на лѣво, а джентльменовъ направо» обратился къ присутствовавшимъ волидейскій коммисаръ.

Кое кто былъ возмущенъ, но большія часть пассажировъ смотрѣла на процедуру, предстоящую имъ, какъ на малую шутку.

Дамы были выстроены въ рядъ и одинъ изъ сыщиковъ быстро по очереди открывалъ сумки и осматривалъ ихъ, продолжалъ обходить. Когда очередь дошла до миссъ Пэнь, я увидѣлъ, какъ Чарли вдругъ отбѣлся отъ шеренги мужчинъ, быстро перебѣжалъ салонъ и вилотвую подошелъ къ сыщику, который въ эту минуту открывалъ сумку миссъ Пэнь.

Я стоялъ достаточно близко и могъ замѣтить, какъ сыщикъ, измѣнивъ выраженіе лица, воскликнулъ: «сударыня, что это такое?» Съ этими словами онъ вытащилъ изъ сумки бумажный свертокъ и положивъ его на столъ, началъ его разворачивать.

Въ бумагѣ оказался второй свертокъ изъ лоскутковъ шерстяной матеріи, а въ этомъ последнемъ—ярко блестяшіе непрозрачные брилліанты!

Мертвая тишина наступила кругомъ.

«Чѣмъ вы объясняете находеніе этихъ камней въ вашей сумкѣ, сударыня?»—спросилъ сыщикъ.

Не успѣла миссъ Пэнь отвѣтить, какъ Чарли вдругъ произнесъ громкимъ голосомъ: «это я положилъ ихъ вчера вечеромъ въ сумку миссъ Пэнь въ надеждѣ, что ее не станутъ подвергать обыску.»

«Вы сумма сошли!»—воскликнула миссъ Пэнь—«конечно, вы ничего подобнаго не могли сдѣлать.»

Она обвела взглядомъ салонъ. Стюарты стояли по сторонамъ у входа въ каюту, Другой она замѣтила Сзукки.

«Симсъ» окликнула она его.

Пока Сзукки подходилъ, она прошептала что-то агенту, показывая ему что-то, что она держала въ рукахъ.

«Симсъ, вы конечно помните, что я посылала васъ внизъ въ каюту за моей сумкой?»

«Нѣтъ, милэди, вы такого порученія мнѣ не давали»—отвѣтилъ Сзукки.

Она кивнула головой.

«Я такъ и знала, что вы не запомните этого»—сказала она. Затѣмъ, обратилась въ полицейскому:—«арестуйте его — онъ преступникъ!»

Не успѣлъ Сзукки опомниться, какъ былъ схваченъ полицейскими и отведенъ въ сторону.

«Я женщина сыщикъ» — снова заговорила миссъ Пэнь—«и приглашена парходной компаніей для едѣжки за шудерами, но главнымъ образомъ для выясненія продѣлокъ Голлинга. Я обвиняю этого человека»—продолжала она, указавъ на Сзукки.—«въ убійствѣ въ открытомъ морѣ Джона Голлинга и въ цѣломъ рядѣ кражъ, изъ которыхъ послѣдняя случилась на вашихъ глазахъ»—добавила она.

Да, это дѣйствительно былъ Сзукки, который убилъ Джона Голлинга, тотъ самый Сзукки, который, преслѣдуемый маіей шипетты, вздумалъ ограбить Голлинга и когда этотъ послѣдній проснулся, похитилъ его бритвой до горлу.

Онъ же придумалъ исторію съ зеркаломъ и призракомъ. Зарѣзалъ ли онъ и другого джентльмена, я въ точности не знаю, но возможно, что и это было. Что, на самомъ дѣлѣ, значило для Сзукки зарѣзать одного или двоихъ,—для него, который не могъ допустить мысли, что дѣтямъ его придется торговать на улицѣ спичками?

Если бы вы спросили меня, былъ ли Сзукки сумашедшимъ, я отвѣтилъ бы утвердительно. У него не было дѣтей!

Съ миссъ Пэнь я опять встрѣтился, когда она была уже замужемъ.

На судахъ нашей линіи орудовала другая шайка, работавшая до того на китайскихъ и восточно-азиатскихъ пароходахъ. Члены ея были знакомы съ атлантическими дѣльцами, но когда однажды они предложили мужу миссъ Пэнь опять принять участіе въ игрѣ, онъ отъ этой чести отказался.

«Нѣтъ»—коротко отвѣтилъ Чарли (это былъ онъ)—«я въ карты больше не играю.»

«Не успѣлъ Сзукки опомниться, какъ былъ схваченъ полицейскими.»

Безпечную путь свершая...

Воспоминанія Игоря Северянина.

Современная русская критика, не считая Льва Ильича, (пожалуйста) относившаяся къ творчеству И. Северянина, въ настоящее время безоглядно и категорически отвергаетъ посланіе, посланное поэтомъ въ 1919 г. провозгласивъ, говоря о томъ, что ИГОРЯ СЪВЕРЯНИНА «дизайнъ поэта» — НЕЛЬЗЯ ОТРИЦАТЬ, КАКЪ ПОЭТА-НОВАТОРА, и что

«...есть же, какъ нельзя умирать — полагая въ первую очередь умирать и жить — начиная, — предвостановить границы социаль. революціи».

Реакція, поэтому, не составляя съ многими положительными статьями, за которую авторъ обязанъ сказать спасибо, предлагаетъ вниманию читателей настоянія воспоминанія

Первымъ поэтомъ, приветствовавшимъ мое появленіе въ литературѣ, былъ К. М. Фофановъ (1907 г.)

Вторымъ былъ В. Я. Брюсовъ (1919 г.), который, не будучи со мной знакомымъ, прислалъ мнѣ письмо, гдѣ, выражая желаніе имѣть все мои брошюры и, общаясь въ свою очередь выслать свои книги, высказывалъ, что многие мои стихи, представляемые мнѣ случайно, ему нравятся, что ему и неизвѣстно мое отношеніе къ его творчеству. «Все мы учимся другъ у друга,» писалъ онъ, между прочимъ: «молодые у стариковъ, старики у молодыхъ.» Я отвѣтилъ ему вдохновеннымъ письмомъ, говоря, что человекъ, создавшій въ поэзіи эру, не можетъ быть бездарнымъ, что мнѣ давно правятся его стихи, и приложилъ къ письму поэму

На Летуно, ему написанную. Брошюры, какіе нашлись у меня подъ рукой, печаталась каждая въ ста экземплярахъ, только двѣ изъ тридцати пяти вышли въ 200—300 экз., — я послалъ имѣть съ письмомъ. Вскорѣ я получилъ его книги и первое собѣ посвященіе.

Строя струны лиры кларнонъ,
Братъ съ ты соборъ на брань!

Идущъ алмазнымъ, идущъ сапфирнымъ
(брасъ!) отбросъ свой посохъ мирный!

Въ блескъ свѣтлаго досѣха, въ блѣдно
мѣдномъ шлемѣ встань!

Видяхъ лириковъ учитель,
Вожь отражно жадныхъ душъ

Старыхъ граней разрушитель.

Встань вредъ ратью предводитель.

Газушай преграды грезы, стѣны тѣсныхъ
склеповъ рушь!

Не пьянъ вызываетъ пьяный:

Чу! гудитъ автомобиль.

Мчатъ, греца, аэропланы

Храбрыхъ въ сказочныя страны...

Въ шумѣ жизни, въ вихрѣ вѣка рать
веди, взметая пыль!

Это стихотвореніе было написано Брюсовымъ по поводу провозглашеннаго мною въ Россіи, по примѣру Маринетти въ Италіи, футуризма. Въ отличіе отъ школы Маринетти, я прибавилъ къ этому слову — „ego“ и въ скобкахъ: «вселенскій». Спусти нѣсколько мѣсяцевъ, въ Москвѣ народился Кубо-футуризмъ (Влад. Маяковский, братья Бурлюки, Велимиръ Хлебниковъ, А. Крученыхъ и др.). Эти два теченія иногда враждовали между собою, иногда объединялись. Въ одну изъ такихъ полостей, полось дружбы, я даже совершилъ турнѣ по Крыму (Симферополь, Севастополь, Керчь) съ Вл. Маяковскимъ и Д. Бурлюкомъ. Азунитами моего Эго-Футуризма были: 1) Душа — единственная истина. 2) Самоутвержденіе личности. 3) Поискъ новаго, не отвергая стараго. 4) Осмысленныя неологизмы. 5) Смѣлые образы, эпитеты, ассоциансы и диссоциансы. 6) Борьба со стереотипами и заставками. 7) Разнообразіе метровъ.

Что же касается московскаго «Кубо», москвичи, какъ и итальянцы, прежде всего требовали уничтоженія всего стараго искусства, и сбрасыванія съ парохода современности» (ихъ выразитель) Пушкина и др. Затѣмъ, въ своемъ елоготоворствѣ они достигали зачастую полнѣйшей нелѣпности и безвкусицы, въ борьбѣ съ канонами эстетики употребляли отвратныя и просто неприличныя выраженія. Кромѣ того, они и въѣшнимъ видомъ отличались отъ эгипетовъ: ходили въ желтыхъ кофтахъ, красныхъ муаровыхъ фракахъ и разрисовывали свои флюидоміи кубическими изображеніями балеринъ, птицъ и пр. А. Крученыхъ выступалъ съ морковкой въ петлицѣ... Я люблю протестъ, но эта форма протеста мнѣ всегда была чуждой, и на этой почвѣ у насъ возникали разногласія. Изъ эгофутуристовъ только одинъ Н. В. Игнатьевъ ходилъ иногда въ золотой парчевой блузѣ съ чернымъ воротникомъ и такими же нарукавниками, во такъ какъ это было даже почти красиво и такъ, какъ лица своего онъ не раскрашивалъ, и могъ съ этимъ кое-какъ мириться. «Кубисты» же въ своихъ эссеесахъ пошли, однажды — до того, что, давая въ Одессѣ вечеръ, позолотили кассиршѣ носъ, хорошо уплативъ ей за это. — Надо-ли пояснять, что сборъ былъ полный?! Изъ этого видно, что «кубисты» были отличными психологами... Однако, эти причуды не помѣшали имъ быть превосходными, симпатичными людьми и хорошими надежными друзьями. Вражду въ искусствѣ, мы оставалась въ жизни въ наилучшихъ отношеніяхъ, посѣщая вечера противоположныхъ лагерей и не рѣдко въ нихъ участвуя. О Маяковскомъ, Вас. Каменскомъ и Д. Бурлюкѣ у меня остались свѣтлыя воспоминанія, и когда въ прошломъ году въ Берлинѣ, на Unter den Linden меня остановилъ возгласъ Маяковского:

— Или ты, Игорь Васильевичъ, не узнаешь меня! — я отъ всего сердца радъ — быть этой встрѣчѣ: мнѣ вѣтъ дѣла къ какой политической партіи принадлежать, онъ теперь, ибо я вижу въ немъ только поэта, моего вѣкогда враждовавшаго со мною друга, дружественнаго мнѣ врага. Мы зашли въ ресторанъ и просидѣли около часа, бесѣдуя объ искусствѣ и пре-

Е. Н. Роизина-Нисарова.

Артистка б. Император. театр.

Къ ея спектаклямъ на Рижскомъ взморьѣ.

даваясь волнующимъ насъ воспоминаніямъ. Спусти нѣсколько дней, онъ посѣтилъ меня вмѣстѣ съ А. Куенковимъ, и мы продолжали неоконченный разговоръ о стихахъ и чтеніе стиховъ. Заходилъ и я къ нему въ гостиницу, и онъ угощалъ меня тамъ «настоящей» русской павесной пкрой и многими же стихами въ своемъ подолненіи, что онъ любить, вообще, дѣлать уже съ давнихъ поръ. Однако, возвращаюсь къ Брюсову. Когда редакторъ-издатель газеты «Петербургскій Глашатай», Н. В. Игнатьевъ сталъ выпускать альманахъ съ произведеніями эго-футуристовъ, онъ просилъ меня раздобыть для Орловъ вадъ пропастью» какую-либо вещьку Брюсова. Я обратился къ нему, и онъ прислалъ намъ «Сонетъ-акростихъ съ кодою Игорю-Съ-геряину»:

«И ты стремишься вывесъ, гдѣ солнце
вѣчно.
Гдѣ неизмѣннѣвъ гордый сонъ снѣговъ.
Откуда въ доль спадаетъ безконечно
Ручьи алмазовъ, струи жемчуговъ.
Юдоль алмава проидена. Безвечво
Свершай свой путь межъ молній и громовъ.
Вздокъ отважный! Слушай вихрей ревъ:
Внимай съ улыбкой гнѣвамъ бурн
встрѣчной!

Еще грозятъ забурныи высоты.
 Яснелины, гдѣ тучи святы. Но вотъ
 Яснѣтъ глубь въ уступахъ сплхъ бора.
 Назадъ не обращай тревожно взора
 И съ жадной жаждой новой высоты
 Неутомно правь коверъ.—п скоро
 У погъ своихъ весь міръ увидишь ты!

Въ ту-же зиму Брюсовъ, поѣхавъ въ Петербургъ, заѣхалъ ко мнѣ на Среднюю Подъяческую познакомиться лично и вскоре послѣ этого пригласилъ меня въ московскую «Эстетику» при Интер.-худож. кружкѣ, гдѣ онъ состоялъ директоромъ, выступить со стихами «для ознакомленія съ ними москвичей». Я поѣхалъ въ Москву. Мой вечеръ прошелъ съ выдающимся успѣхомъ. Въ день вечера, когда я вилъ у Брюсова чай, мы выбирали съ нимъ поэзы для чтенія, и онъ давалъ мнѣ цѣнныя указанія, что лучше прочесть передъ требовательной московской публикой, отнесшейся ко всему петербургскому со странной предвзятостью. Бывали случаи, когда прославленные петербургскія знаменитости цѣлкомъ браковались москвичами и никакого успѣха не имѣли. Тѣмъ болѣе окрыляла меня мой успѣхъ. Въ одноѣ я не согласился съ Брюсовымъ: онъ совѣтовалъ мнѣ иностранныя слова, успѣвша дико обрусьтъ, произносить на русскій ладъ. Такъ, напримѣръ, сонътъ превращался по этому методу въ советъ, шоссэ - въ шоссе, эстетъ - въ эстетъ и проч. Возможно, Брюсовъ правъ, но эта правота мнѣ не по вкусу...

Наконецъ, въ 1912 году я познакомился съ Федоромъ Кузничемъ Сологубомъ,

представившимъ меня петербургскому литературному міру на специальномъ вечерѣ въ своемъ салонѣ на Разъѣзжей. Онъ написалъ мнѣ восторженный триолетъ и не менѣе восторженное предисловіе къ моей первой книгѣ. У него я познакомился съ Мережковскимъ, Гиппиусъ, Философовымъ, Каратыгинымъ, Кречетовымъ, Ив. Лукавщниковымъ, С. Судейкинымъ, Щелковой-Куперникъ, П. Е. Щоголевымъ, проф. Аличковымъ, Арабаджинымъ, Хованской, П. Потемкинымъ, Тиме, Тхоржевской, Озаровской и др.

Мережковскій, прослушавъ мои стихи, нашель въ нихъ «междупланетную тоску», Тэффи «лирики Бердедея», Щенкина — «жесточность и востоту» и т. д. .... Гиппиусъ больше интересовалась, откуда я взялъ ликеръ „Crème de violettes“, существуетъ ли онъ или мною выдуманъ, гавъ что Сологубу пришлось въ слѣдующій разъ покусать его у Елисеева, и Зинаида Николаевна, испробовавъ его, воздала ему должное по заслугамъ... Такимъ образомъ, отвергнутый, — какъ, впрочемъ, и нѣкій Шекснръ, — Толстымъ Львомъ Николаевичемъ и приѣханный тремя большими поэтами, возникъ четвертый, который пишетъ теперь эту статью, — безлично, путь свершашъ и подписывается подъ нею.

Игорь Сѣверянинъ.

(Озеро Uljasti (Eesti)

1924.

Данія.

Мы ходили съ тобой по утрамъ
 На веселую, пеструю площадь,
 Гдѣ старушки въ старинныхъ чепцахъ
 Продавали осеннія розы.
 Днемъ тревожный восторгъ новизны
 Торопиль насъ вдоль узенькихъ улицъ,
 И отъ ливня зернальный асфальтъ
 Отражалъ фонари магазиновъ.
 Поздней ночью встрѣчалъ насъ въ нафэ
 Гуль оркестровъ и говоръ гортанный...
 А на ратушѣ строго часы
 Отмѣряли безумное время...
 И отмѣрили. Но не забыть
 Запахъ розы, сигары и счастья,
 И твои молодые глаза,
 И твое чужестранное имя.

Москва, 1917.

Ек. Галати.

Карлъ Гунъ: „Веселая поѣздка“.

Тріолетъ.

Злая, черная, нагая,
 Сидитъ старуха на чердакъ,
 Ребенка кость зубомъ стругая.
 Злая, черная, нагая,
 Видитъ: плыветъ къ ней, любовь предлага-
 гая,

Красавецъ въ лунномъ челнокъ.
 Злая, черная, нагая,
 Сидитъ старуха на чердакъ.
 Иванъ Рукавишниковъ.

Москва, 1924.

1.

Вальдемаръ Зейтинъ: 1) и 2) Этюды.

2.

„Ку-клукс-клань“.

(Письмо из Нью-Йорка.)

Вряд ли ктонибудь в Старом Свѣтѣ основательно знаком съ тѣмъ печальнымъ явленіемъ, которое стало обычнымъ во всѣхъ Штатахъ Сѣверной Америки: я говорю объ актахъ непамятуемаго террора тайной организации, публичной иль не, подъ именемъ «Ку-Клукс-Клана».

Въ настоящее время эта организация имѣетъ до 80 филиаловъ, разбѣянныхъ по всей Америкѣ, хотя совсѣлъ недавно, въ 1919 году, она владѣла жалкое и незначительное существованіе. Чисто американская печать полна подробностями то одного, то другого убійства, совершеннаго изъ-за угла членами этой преступной организации. Въ настоящее время ея учредители пытаются дать болѣе определенное направленіе и создать систему въ борьбѣ съ тѣми противниками, которыхъ «Ку-Клукс-Клань» по тѣмъ или инымъ причинамъ рѣшилъ преслѣдовать.

Исторія возникновенія «Ку-Клукс-Клана» такова:

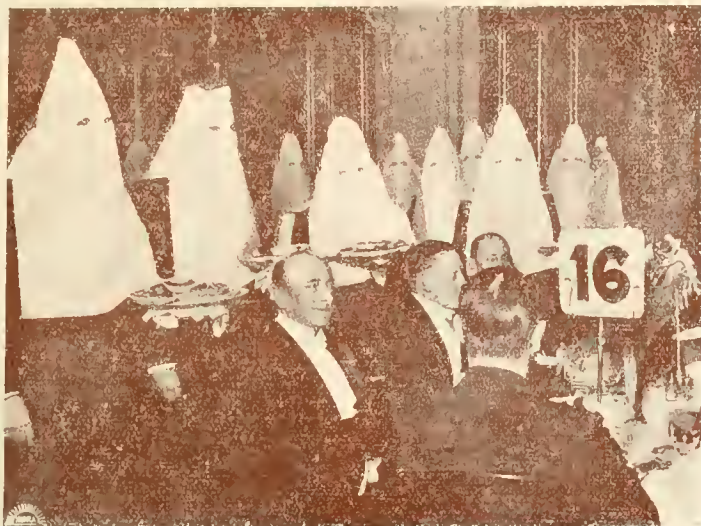
Въ 1915 году, проживавшій прежде въ рабовладельческомъ штатѣ «Георгія», иль-ій Вильямъ Жозефъ Симонсъ, бывшій учитель одного частнаго университета, создалъ организацию, совершенно конспиративную и поставившую себѣ цѣлью борьбу съ наплывомъ негровъ въ Соединенные Штаты. Эта шовинистическая организация получила свое названіе отъ слова «Киклосъ» (по гречески «Союзъ») ведущее свое начало отъ исторической организации, борющейся за независимость Соединенныхъ Штатовъ. Къ этому слову «Киклосъ» было присоединено вполнѣ ствѣи слово «Клань», что означаетъ «племя». Такимъ образомъ «Киклосъ-клань» по американски (англійски) былъ окрещенъ въ «Ку-Клукс-Клань».

Вильямъ Симонсъ вкорѣ присвоилъ этой организации статутъ, точно копирующій со статута прежней освободительной организации съ дополненіемъ геральдическаго начала. Въ посвященные посятъ ключки слугъ Ку-Клукс-Клана. Во главѣ стоять лицо, носящее громкій титулъ — царскаго волшебника, за нимъ слѣдуютъ менѣе ответственные члены организации со столь же пышными титулами, какъ напримѣръ: царскій кланнестъ, королевскій кланнестъ, чародѣй, ку-клукс-титанъ, гидра, ночная сова, фурия и. т. д.

Начиная съ 1919 года въ организации «Ку-клукс-клань» происходятъ крупныя перемѣны. Во главѣ организации становится вышншій вождь ея, журналистъ, Эдвардъ Кларкъ, который кореннымъ образомъ реформируетъ, какъ уставъ, союза, такъ и задачи возложенныя на членовъ его.

Прежде всего онъ основываетъ денежный постоянный фондъ «Ку-Клукс-Клана», который составляется изъ ежемѣсячныхъ членскихъ взносовъ. Каждый членъ организации вноситъ 10 долларовъ въ мѣсяць. Такъ какъ членовъ въ настоящее время въ 100 тыс. человекъ, то одни взносы даютъ организации ежемѣсячно до милліона долларовъ. Куда же идутъ эти деньги? Дѣль въ томъ, что глава организации получаетъ въ годъ 150 тыс. долларовъ, а всѣ предсѣдатели отдѣловъ также огромныя суммы.

Кромѣ того большаѣя сумма денегъ расходуется на агитацию, подготовку террористическихъ актовъ, — а вѣдь безъ презрѣннаго металла не зарѣжешь и курицы — какъ говорятъ въ Америкѣ, затѣмъ на устройствѣ парадныхъ обѣдовъ въ честь организации, причемъ «обѣды» эти

Ветеръ одной изъ лондонскихъ организаций, устроенныя по образцу рцтовъ „Ку-Клукс-Клана“.

неудовмы даже для великолпной американской полицй. Последнее неудивительно, т. к. многие полемы сами являются членами этой организации.

Самъ «дядя Эдуардъ» (Кларкъ) не довольствуется жалованьемъ въ 150 тыс. долларовъ, онъ получаетъ еще на «представительство» въ годъ 170 тыс. долларовъ, т. е. онъ получаетъ тотъ окладъ, о которомъ не снится всему составу американскаго кабинета министровъ въ течение года.

Что касается идеи Ку-Клукс-Клана, то Кларкъ внесъ и здсь нѣкоторую своеобразность: онъ далъ право каждой отдельной мѣстной организации свободу дѣйствй и полную самостоятельность въ вопросахъ этики и борьбы. Такъ, напримеръ, въ Восточныхъ Штатахъ пышнымъ цвѣтомъ процвѣтаетъ борьба съ японскимъ влияемъ, въ Западныхъ — съ неграми, въ промышленныхъ районахъ — съ рабочими, въ Южныхъ Штатахъ — съ католиками и евреями, въ сѣверныхъ — съ кѣмъ повало. Конечно, какъ и подобаетъ черной организации, преслѣдующей только узко-личныя цѣли, — и здсь кричатъ о «засильяхъ» всякаго рода. Напримеръ, въ эмиграционномъ вопро-

сѣ все члены тайной организации получили предписание всеми мѣрами противиться расширенйо иммиграцй въ Америку, забывая, что Соединенные Штаты — страны только эмигрантами.

Членовъ Ку-Клукс-Клана можно сразу узнать на собранйяхъ, гдѣ они вѣтшимъ голосомъ воить о 100 проц. американцевъ. Что всего ужаснѣе, это то, что, чѣмъ больше кланистовъ въ известной мѣстности, тѣмъ подъ большимъ страхомъ находятся жители, такъ какъ кланисты имѣютъ обыкновенье вмешиваться въ частную жизнь обывателей.

Несмотря на строгя репрессйи властей, они и по сей день примѣняютъ по отношенйо къ своимъ противникамъ законы «Лича», являясь первымъ на здоровомъ организмѣ великой заокеанской Республики. Въ послѣднй дни изданъ рядъ суровыхъ распоряженй по отношенйо къ главарямъ этой организованной группы террористовъ, а рядовые члены, при обнаруженйо, безобразно избиваются толпой и превращаются въ «мѣста на столѣ отталенные».

(Нью-Йоркъ).

Спекторъ.

Пятнадцатилѣтіе со дня открытія сѣвернаго полюса.

У монумента надъ гробницей Роберта Е. Пири въ Вашингтонѣ, состоялось на дняхъ чествованіе пятнадцатилѣтія со дня открытія сѣвернаго полюса.

Монументъ Пири стоитъ на гранитномъ пьедесталѣ и представляетъ собою глобусъ, на которомъ у полюса блеститъ бронзовая звѣзда. На одной сторонѣ пьедестала красуется латинское изреченіе: «Я найду нуть или самъ пробью его.»

Достиженіе полюса адмираломъ Пири завершило многолѣтнія попытки отважныхъ исследователей разрѣшить загадку Сѣвера. Еще за сто лѣтъ до высадки первыхъ пиллигримовъ въ Массачусетсѣ, англійская экспедиція направилась къ полюсу. Затѣмъ началось мировое состязаніе за честь водруженія національнаго знамени на «верхушкѣ Земли». Британскія экспедиціи чередовались съ французскими, русскими, голландскими, скандинавскими и нѣмецкими экспедиціями. Терялись жизни, пароходы и огромныя средства, но мечта достигнуть полюса никогда не оставляла мореплавателей и исследователей.

Робертъ Пири, въ это время гражданскій инженеръ на морской службѣ, заинтересовался полярной проблемой во время посѣщенія имъ Гренландіи въ 1886 году. Онъ началъ съ предварительнаго обследованія сѣвернаго побережья Гренландіи. Его пароходъ «Кайто» былъ затертъ льдинами, и Пири сломалъ ногу при попыткѣ очистить руль отъ льда. Пири тѣмъ же мѣсяцъ, высадился у залива Мак-Кормикъ и слѣдующей весной прошелъ 500 миль по снѣжной пустынь, гдѣ еще никогда не ступала человѣческая нога. Онъ былъ болѣе, чѣмъ вознагражденъ, когда, пройдя ледяной хребетъ, достигавшій высоты до 8000 футовъ, очутился въ небольшой цветущей долинь, полной жужжащихъ пчелъ.

Эта экспедиція опредѣлила сѣверное протяженіе Гренландіи и доказала, что Гренландія является островомъ, а не простиравшимся къ полюсу материкомъ, какъ предполагали нѣкоторые географы. Предыдущій переходъ Гренландіи, сѣвер-

ный Нансеномъ, имѣлъ мѣсто южнѣе арктическаго круга, гдѣ ширина острова составляетъ около 250 миль.

Въ 396 географическихъ миляхъ отъ долины, достигнутой Пири, лежалъ сѣверный полюсъ. Чтобы добраться до него, Пири рѣшилъ усвоить жизнь туземцевъ-эскимосовъ, существовать охотой, укрываться отъ бурь въ снѣжныхъ налаткахъ, носить ихъ одежду. Поводились годы, чтобы Пири и его спутники

Итальянская принцесса Джованна.

Къ бракосочет. съ Леопольдомъ Бельгійскимъ.

научились жить по-эскимосски. Въ своей первой полярной экспедиціи, длившейся четыре года, Пири не сумѣлъ подойти къ полюсу ближе чѣмъ на 343 мили. Ледяныя глыбы заграждали доступъ въ полярный океанъ, и экспедиція долгое время вынуждена была довольствоваться изученіемъ побережья Гренландіи и прилегающихъ острововъ.

Въ слѣдующей своей попыткѣ Пири командовалъ мощнымъ ледоколомъ «Рузвельтъ», но и на этотъ разъ онъ потерпѣлъ неудачу.

Только въ 1909 году ему удалось водрузить американскій флагъ на Сѣв. полюсѣ.

Эдиссону — 80 лѣтъ.

Въ связи съ исполнившимся 80-лѣтнимъ юбилеемъ со дня рожденія Эдиссова, американскія газеты полны разсказовъ ообъ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ.

Такъ, уже съ шести лѣтъ маленькій Томъ интересуется различными опытами и наблюденіями. Онъ цѣлыми днями наблюдаетъ, какъ гусыня сидитъ на яйцахъ и слѣдитъ, что изъ этого выйдетъ. Послѣ этихъ наблюденій онъ вдругъ исчезъ. Послѣ долгихъ розысковъ его нашли въ сарайчикѣ, гдѣ онъ устроилъ гнѣздо — наложилъ на него куриныхъ и утиныхъ яицъ и самъ сталъ высиживать ихъ.

Въ другой разъ мать перепугалась, когда мальчикъ захворалъ сильнымъ расстройствомъ желудка. Оказывается, онъ привилъ сильную дозу углекислаго натрія, надеясь, что въ его животѣ разовьются газы, которые позволяютъ ему летать во воздуху.

Эдиссонъ не только не учился въ какомъ нибудь университетѣ, но не окончилъ даже технической школы. Всѣ открытія были сдѣланы имъ не на основаніи теорій, а исключительно интуитивно и на опытѣ. Всѣ свои заработанья за изобрѣтенія деньги онъ моментально тратилъ на новыя опыты.

Будучи мальчикомъ, Эдиссонъ продавалъ газеты, фрукты и лакомства и производилъ опыты. Однажды, отъ неожиданнаго толчка фосфоръ выпалъ у него изъ руки, и вагонъ загорѣлся. Эта исторія недешево досталась маленькому торговцу, и отдѣлаясь онъ, козачо, не деньгами, а известной частью тѣла.

Въ погребѣ своего отца онъ устроилъ себѣ телеграфный аппаратъ изъ самыхъ простыхъ средствъ. Но у него не было денегъ на покупку батареи. Тогда онъ сталъ добывать электрическую энергію путемъ тренія бумаги о шерсть кошки. Послѣ этого онъ поступилъ телеграфистомъ на ж. д., и съ этого времени на-

Наслѣдникъ бельгійскаго престола, принцъ Леопольдъ. Къ его свадьбѣ съ итальянской принцессой Джюванной.

чалась его карьера изобрѣтателя. Въ области телеграфа Эдиссонъ сдѣлалъ выше ста изобрѣтеній. Первымъ его изобрѣтеніемъ былъ биржевой аппаратъ-мультиплексъ. Эдиссонъ долго думалъ, сколько ему спросить за свое изобрѣтеніе: 4 или 5 тысячъ долларовъ. Волновался и фабрикантъ, не зная, сколько сдеретъ изобрѣтатель. Едва Эдиссонъ раскрылъ ротъ, фабрикантъ заявилъ: «Какъ вамъ угодно, мистеръ Эдиссонъ, но больше 50 тыс. доллар. мы вамъ не въ состояніи заплатить.» Тогда Эдиссону было лишь 17 лѣтъ.

Чѣмъ вызваны разливы Двины, Пымана и Ла?

Въ началѣ весны текущаго года обитатели Литвы, Латвіи, Эстїи и Польши были не на шутку встревожены сильнымъ разливомъ рѣкъ, причинившимъ во многихъ мѣстахъ вредъ, благодаря молвой прожиданности и быстротѣ половодья. Между тѣмъ, ученые заранѣе это предвидѣли на основаніи изумительнаго открытія извѣстнаго французскаго физика, аббата Море, который доказалъ наблюденіями надъ активностью солнечныхъ лучей — периодически усиливающейся, — существованіе тѣсной зависимости между половодьями и солнечной активностью. Море говорилъ, что черезъ 11—12 лѣтъ послѣ знойнаго лѣта обязательно сильнѣйшіе разливы рѣкъ, при чемъ иллюстрируетъ эту свою мысль наглядной таблицей, приводимой имъ:

Макимумъ солнечной активности въ 1816 году вызвалъ члвное половодье р. Дунай въ 1826 г., 1829 г. — 1836 г., 1837 г. — 1846 г., 1848 г. — 1856 г., 1860 г. — 1869 году.

Необычайные жары въ 1915—1916 году, вызвавшие даже страшную вешнюю г. п. испанской «отъзни», въ 1924 году ознаменовались грандіозными разливами рѣкъ. Такимъ образомъ, періодъ чередующагося зноя и обилья влаги — установленъ. Море въ одиннадцать лѣтъ (иногда сокращающейся на 1—2 года).

Исторія костела у ст. Вирбалнестъ.

Недалеко отъ стціи литовскихъ желѣзныхъ дорогъ «Вирбалнестъ» (прежде Вержболово) почти на самой границѣ съ Германіей вѣсится новый костель, построенный только въ 1913 году и немало пострадавшій во время войны. Исторія постройки этого костела очень любопытна:

Однажды въ одномъ варшавскомъ ювелирномъ магазинѣ извѣстный парижскій антикваръ З. увидѣлъ серебряный, очень старинный бокалъ, поразившій латока своей антикварной цѣнностью. З. зашелъ въ магазинъ и спросилъ ювелира, кому принадлежатъ бокалъ и продается ли онъ? Ювелиръ отвѣтилъ, что владельцемъ бокала является администрація стараго костела, находящагося неподалеку отъ стціи Вержболово. З. отыскалъ кеендза, принесшаго этотъ бокалъ и вмѣстѣ съ нимъ принужденъ былъ ѡбхатъ

изъ Варшавы въ Вержболово. По прїѣздѣ кеендза немедленно оновѣстилъ коллегъ о намереніи своего свутника приобрести бокалъ. Для рѣшенія этого вопроса былъ созванъ на квартирѣ постоятеля небольшой совѣтъ, гдѣ было рѣшено продать бокалъ за тысячу рублей. З. сдѣлалъ какъ на итогахъ въ соседней комнатѣ и ждалъ результата. Но окончаніемъ совѣта, его пригласили въ соседнюю комнату и заявили, что онъ можетъ купить бокалъ. Въ это время одинъ изъ кеендзовъ случайно заинтересовался, какую сумму онъ могъ предложить за бокалъ. — Стокъ тысячъ рублей. — почти крикнулъ, назектризованный безумнымъ желаніемъ купить этотъ бокалъ. Пронзила выразительная тѣмая сцена и въ результатѣ бокалъ былъ немедленно проданъ. Черезъ нѣсколько дней З. продалъ свой бокалъ въ Парижѣ за 200 тыс. рублей, а черезъ четыре года (т. е. въ 1913 г.) на фредава, вырученныя отъ продажи бокала кеендзамъ, былъ выстроенъ новый, красивый храмъ вблизи нынѣшней стціи «Вирбалнестъ».

Пословицы киргизовъ.

Изъ вѣщихъ народовъ Востока наибольшее количество народныхъ поговорокъ и пословицъ имѣетъ киргизскій народъ. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ: 1) Чего выдалъ Богъ, того не дасть и мулла. 2) Кому не сплетничаютъ, съ тѣмъ не счигаются. 3) Пльшныне бываютъ крикливы. 4) Мужъ — голова, жена — шея. 5) Безстыжая женщина подобна водѣ безъ соли. 6) Домъ съ дѣтми базаръ, а безъ нихъ — кладбище. 7) Длинная вечерка не обожжетъ руки, большая рогля не дасть въ обиду. 8) Лучшее маленькій умъ, чѣмъ большой ротъ. 9) Хорошій ходитъ помогать, дурной — угощаться. 10) У добраго дальнихъ нѣтъ, у дурного — ближнихъ.

Кабанъ въ ледникѣ.

При паденіи лавины, упавшей на дорогу Буртъ д'Озанъ, около Рош-тайлла (во Франціи), на пути ея слѣдованія осѣлъ огромный ледяной пластъ.

При изслѣдованіи этого пласта, въ немъ оказалась въ замороженномъ видѣ дикій кабанъ; по изслѣдованіи мясо его оказалось совершенно свѣжимъ и непорочнымъ, почему жители, извлекли его и съѣли.

Принцесса **Марія Бельгійскія**
Къ бракосочетанію
съ итальянскимъ наследникомъ.

Первые почтовые конверты.

Въ этомъ году исполниется 80 лѣтъ со дня введенія въ обращеніе почтовыхъ конвертовъ, изготовленныхъ не ручнымъ способомъ, а машиннымъ. Въ этомъ же году исполняется 60-лѣтіе со дня официального введенія почтовой открытой карточки, изобрѣтенной почтовымъ чиновникомъ Германіи Стефаномъ. Вскорѣ послѣ принятія Германіей къ почтовому обращенію этой карточки, ея примѣру въ 1870 году послѣдовала Австрія, а затѣмъ Англія.

Ростъ населенія во Франціи.

Опубликованныя данныя о движеніи населенія во Франціи за 1923 г. указываютъ на нѣсколько большой приростъ населенія, чѣмъ въ предшествовавшемъ году. Въ 1923 году превышеніе числа рожденныхъ надъ числомъ смертей составило 94.871 или 24 на 10.000 жителей, въ то время, какъ въ 1922 г. это превышеніе составляло лишь 70579 или 18 человекъ на 10.000 жителей. Число рожденныхъ достигло 761.861 противъ 759.846, число же смертей въ 1923 г. составило 159.990 противъ 689.267 въ 1922 г. Такимъ образомъ смертность сократилась со 176 на 10.000 въ 1922 г. до 170 на то же количество въ 1923 г. Этимъ сокращеніемъ смертности и объясняется большой, чѣмъ въ предыдущемъ году, приростъ населенія. Въ то же время констатируется уменьшеніе какъ числа браковъ, такъ и числа разводовъ. Въ 1923 г. было заключено 336.501 бракъ противъ 383.220, разводовъ же было 23.5099 противъ 27.684 въ 1922 г.

Какъ лечили въ старину.

Современная хирургія — безпрерывная цѣль подлинныхъ, изумительныхъ чудесъ. Быстрота и ловкость, съ какой теперь производятся самыя серьезныя операціи — поистинѣ удивительны. Не то было нѣсколько столѣтій тому назадъ. Обыкновенно, для прекращенія кровоточенія носъ ампутировали, обрубокъ ноги или руки погружали въ сосудъ съ кипящимъ масломъ. Когда маркграфъ Децио заболѣлъ водянкой, то въ 1190 году врачъ попросту вырѣзалъ ему живогъ. Конечно, эта мѣра навсегда избавила его отъ страданій. Герцогъ Леопольдъ Австрійскій сломалъ себѣ голень, и такъ какъ врачъ отказался его ампутировать изъ-за начавшейся гангрены, то онъ самъ наставилъ топоръ на голень, а его камергеръ троекратно ударилъ по голору кузнечнымъ молотомъ, пока нога не была отрублена. Разумѣется, пациентъ подобной операціи не пережилъ. Въ 1400 году, когда герцогъ Альбрехтъ вообразилъ, будто онъ отравленъ, врачъ подвѣсили его за носъ къ потолку и выкололи глазъ, «чтобы ить могъ вытечь яруюку». Таковы были успѣхи хирургіи въ еше недавнія времена.

Лютеръ Бербенкъ — король цвѣтовъ.

Имя Лютера Бербенка извѣстно всей Америкѣ болѣе, чѣмъ имена различныхъ королей стали, нефти, сахара и гвоздей.. Бербенкъ — настоящий «король живыхъ цвѣтовъ». Въ этомъ году исполняется 25 лѣтъ неутомимой дѣятельности Бербенка въ области искусственнаго насажденія цвѣтовъ всевозможныхъ сортовъ и видовъ. Въ Калифорніи и Сапта-Розѣ Бербенку принадлежатъ огромные оранжереи и цѣлые парки, представляющіе собой сказочныя и феерическія развѣтвленія самыхъ причудливыхъ и еще невиданныхъ цвѣтовъ. Бербенкъ настоящей магія и волшебникъ: онъ создалъ 2500 разновидностей растений и 3000 видовъ цвѣтовъ путемъ скрещенія однихъ разновидностей съ другими. Приведемъ только нѣсколько примѣровъ измѣненій, достигнутыхъ имъ въ этой области: Бербенкъ создалъ орхиды, растущіе безъ скорлупы, кактусы безъ шиповъ, обыкновенную ежевику сдѣлалъ бѣлой, создалъ новый плодъ—полусливу-полуабрикосъ, затѣмъ изъ смѣси ежевики съ малиной — примусъ-бери, и, что интереснѣе всего, изъ смѣси томата съ картофелемъ — помидо. Георгинѣ, не имѣющей запаха, онъ придать нѣжный запахъ магнолій, желтый макъ онъ сдѣлалъ краснымъ, а дикій макъ — голубымъ. Наконецъ, онъ первый нашелъ секретъ разведенія знаменитой голубой розы. Этотъ удивительный способъ «мутации», открытый еще ботаникомъ Фризомъ въ 1886 году, Бербенкъ осуществилъ на дѣлѣ, въ буквальномъ смыслѣ, измѣнивъ существующіе законы ботаники.

Докладъ о Тутанхамонѣ.

Недавно въ Карнеги Холлзъ выступилъ съ докладомъ о раскопкахъ гробницы египетскаго фараона Тутанхамона сотрудникъ умершаго лорда Карнарвона и продолжатель его работъ, англійскій археологъ Лоуардъ Крауеръ. Докладъ привлекъ до 2500 слушателей. Съ большимъ интересомъ было прослушано сообщеніе о несмѣтныхъ сокровищахъ, открытыхъ въ этой гробницѣ. Однимъ изъ выдающихся мѣстъ доклада былъ рассказъ Картера о семи годахъ розысковъ въ пустынѣ слѣдовъ гробницы. Среди передвигающихся искомъ пустыни задача найти эти слѣды долгое время ка-

лась почти столь же недостижимой, какъ найти иголку въ стогѣ сѣна.

Древнѣе Тутанхамона.

Извѣстный американскій египтологъ А. Ф. Грагамъ, производя раскопки пирамидъ, нашелъ бронзовую таблицу, надпись которой гласитъ, что въ этомъ мѣстѣ погребенъ Фараонъ Мыцерино, который жилъ и царствовалъ на 2000 лѣтъ раньше, чѣмъ Фараонъ Тутанхамонъ, мумію котораго теперь раскрыли. Американская пресса, какъ равно и общество, приняли живое участіе въ этомъ вопросѣ и въ одинъ голосъ утверждаютъ, что археологъ Грагамъ является первымъ по археологическому открытію въ мірѣ, такъ какъ его фараонъ побилъ рекорды древности по сравненію съ его соперниками. Англійскіе же археологи смотрятъ серьезно на этотъ вопросъ. Они требуютъ предоставленія возможности изслѣдованія таблицы и прежде всего доказательства существованія гроба Мыцерино, и только послѣ этого можно будетъ установить, побѣдилъ ли Тутанхамонъ. Мы прочно держимъ нашего Тутанхамона — заявляютъ англичане — и не позволимъ такъ легко побѣдить его*.

Пользовались ли въ старину электричествомъ?

Одинъ изъ специальныхъ французскихъ журналовъ утверждаетъ, что древніе пользовались электричествомъ и въ оправданіе своего утвержденія ссылается на слѣдующее библейское описаніе, доказывающее то, что евреи при Моисей пророкъ уже были знакомы съ громоотводомъ:

4-ая книга Моисея. Гл. 21. Стр. 4—9. «Они отправились отъ горы Оръ къ Красному морю, чтобы достигнуть страны (грозь) Эдома, и предвѣщный Богъ послалъ на городъ огненныхъ змѣй, отъ чего большое число израильтянъ умерло. Тогда Моисей сдѣлалъ мѣднанаго змѣя. Съ тѣхъ поръ никто не былъ умерщвленъ, т. к. огненные змѣи (молины) поглощались мѣднымъ змѣемъ.

Американскій счастливецъ.

Фирма Ювайшедъ Риталей Кэнди, имѣющая множество магазиновъ въ Нью-Йоркѣ по продажѣ сладостей, устроила конкурсъ, по которому ея покупатели, получая при покупкѣ ея товаровъ, себѣе билеты, голосовали ими за лицо, наилучшее содѣйствующее въ городѣ порядку

уличнаго движенія. Въ результатѣ этого конкурса 2.300.000 голосовъ получилъ поддесмнъ Оскаръ Хетлеръ, руководящій движеніемъ экипажей на углу Гроиндъ и Лафайеттъ Стриттъ, за умѣнье и за внимательное обращеніе съ публикой. Призъ этотъ — домъ въ 25.000 долларовъ, съ обетановкой на 15 000 дол. Хетлеръ на радостяхъ устроилъ со своей стороны широкое, отъ котораго заболѣлъ, но врачъ успокоилъ его почитателей завѣщеніемъ, что болѣзнь его неопасна.

Многіе изъ подававшихъ голоса за Хетлера не знали его имени, указывая въ запискахъ лишь его полицейскій постъ на углу указанныхъ улицъ.

Языкъ воровъ и бродягъ.

За послѣдніе годы значительно увеличилась преступность вѣдствие весьма тяжкихъ условій существованія. Характерно, что въ связи съ ростомъ преступности, появился свой особый языкъ, такъ наз. преступный жаргонъ. Такъ, напримеръ, рука, нарисованная мѣломъ на заборѣ дома или забора, означаетъ добросердечіе хозяевъ, и наоборотъ, стрѣла означаетъ противное. Нѣсколько игральнхъ картъ, нарисованныхъ на столѣ въ время игры, обозначаютъ присутствіе шуллеровъ, изображение попуга мѣломъ говоритъ о преступникѣ, знающемъ нѣсколько языковъ, такъ наз. «интернациональномъ аферистѣ» и т. д. Изображеніе креста или сабли на воротахъ, обозначаютъ близкое присутствіе полиціи. Иногда на заборахъ вдругъ внезапно появляются странные и загадочные знаки: только на другой день, внимательный наблюдатель, удивляясь частичности нищихъ, сможетъ угадать хотя бы неясную, но истинную причину появления этихъ почти незамѣтныхъ знаковъ.

Собака—птицеловъ.

Любопытную исторію передаетъ извѣстный нѣмецкій изслѣдователь Новой Зеландіи, путешественникъ Рейшкель въ своей книгѣ (на нѣмецкомъ языкѣ) «Умпраюшій мѣръ».

Однажды къ нему явилась его собака Цезарь, держа пасть закрытой. Рейшкель замѣтилъ странное поведение собаки и приказалъ ей открыть пасть. Къ во-

Премьеръ Литовской Национальной Оперы, артистъ б. Мариинской Оперы, Киприанъ Піотровскій.

лицкому его удивленію изъ пасти собаки вылетѣлъ совершенно невредимый живой птеничекъ. Собака виновато вилыла хвостомъ и укоризненно глядѣла на хозяина. Черезъ нѣкоторое время, замѣнивъ большую страсть Рейшкеля къ бабочкамъ, она начала въ своей пасти носить почти ежедневно большихъ бабочекъ, нѣсколько ихъ не помявъ. Черезъ нѣкоторое время, когда Рейшкель забогѣлъ и не могъ поднятись съ постели, Цезарь сталъ приносить ему и живность. Въ первый разъ онъ притащилъ въ своей пасти живого пингвина, тогда Рейшкель указалъ собакѣ на непригодность его для ѣды и далъ обнюхать перья куропатки. Съ этого времени собака начала таскать живыхъ куропатокъ, чѣмъ много помогла изнемогавшему отъ лихорадки хозяину. Про эту собаку среди туземцевъ племена Морн говорили: «Это — не собака, это — духъ добраго и отзывчиваго челоуѣка, носившагося въ собачьей шкурѣ». Рейшкель ихъ въ этомъ мнѣніи не разубѣждалъ.

Знаменитий артист Московського Художественного Театра Качалов, —
виленець по походженню.

Загадка Атлантиды.

Рисунки проф. Шульгена с устья Гвадалкивира в Іспанії повинні, по думці цього ученого, підняти зав'язу надь загадкою Атлантиди. Профессор Шульген помагаєть, що именно здесь находится таинственный исчезнувший материк древних, о котором сохранилось упоминание у Платона. По преданию, Атлантида лежала на океані, недалеко от Геркулесовых Столбов, т. е. от нынешняго Гибралтара; зтот остров был таких розміров, как Малая Азія и Египет, вмѣстѣ взятые, имѣли шестисотлетнюю историю, утонченную культуру и большія богатства, и вдруг внезапно исчез в океані.

Шульген нашел теперь мѣсто, гдѣ подь пескомъ дюнь сохранились города Тартессова, библійскаго Таршиша, ко о

рий 3000 лѣтъ тому назадь былъ важнѣйшимъ торговымъ городомъ в мірѣ. Еще раньше на томъ же мѣстѣ, у устья Гвадалкивира, былъ другой важный торговый центр, заселенный критскими купцами-колонистами. История его доходить по меньшей мѣрѣ за 2000 лѣтъ до Р. Х. Шульген помагаєть, что здесь находилась также Атлантида.

Сказочное исчезновение острова надо понимать, по толкованию этого ученого, не дословно, а политически: послѣ битвы при Меліи в 537 г. до Р. Х., в которой Тартессосъ былъ побѣжден карфагеняни, послѣдніе запретили вѣкъ карфагенскимъ торговымъ судамъ плаваніе по морю на западъ отъ Гибралтара.

Латвійская Національная Опера.

(Сезонъ 1923-1924 г.)

Оперный сезонъ открылся въ Ригѣ 5-го сентября 1923 г. оперой Шиллингса «Мопса Лиза», закрылся 31-го мая с. г. оперой Рубинштейна — «Демонъ». Въ текущемъ сезонѣ было шесть новыхъ оперныхъ постановокъ: Тоска, Рузалка, Гугеноты, Бѣгство изъ Серайля, Борисъ Годуновъ. Кроме того на праздникахъ шла дѣтская опера: Анисетъ и Гретиива. Композиторъ Янисъ Модришъ сверхъ того передѣлалъ свою, растянутую на два вечера, оперу «Огонь и Ночь», значительно сокративъ ее, выбросивъ все неоригинальное. Оперу можно было поставить въ одинъ вечеръ, однако симпатіей эта опера, какъ вообще всѣ наши «національныя» оперы, у публики не пользовалась. Онѣ были сняты съ репертуара, вследствие того, что не давали сборовъ. Въ качествѣ оперныхъ директоровъ выступали Рейтеръ и Мецишъ. Инсценировка всѣхъ новыхъ постановокъ — Мельниковъ. Въ качествѣ декораторовъ были заняты художники К. Убанъ, Э. Витольсъ, Х. Куга и Л. Либертъ. Наиболѣе оригинальныя декорации были показаны въ «Бѣгствѣ изъ Серайля» и принадлежать онѣ кисти талантливаго художника Либерта. Впервые латышская публика аплодировала декорациямъ при поднятіи занавѣса. Удачны были декорации оперы «Рузалка» (худ. Витоль).

Во время опернаго сезона были даны 7 симфоническихъ концертовъ, въ качествѣ дирижеровъ выступили: Р. Хагелъ, Г. Фительбергъ, Винсентъ д-Нвиди, О. Фридь и А. Капшъ. Несмотря на первоклассный составъ дирижеровъ, концерты рижской публикой посѣщались слабо. Для того, чтобы привлечь публику въ оперу, былъ приглашенъ цѣлый рядъ солистовъ — гастролеровъ, среди

Премьеръ Латвійской Національной Оперы,
Адольфъ Кактынь.

которыхъ можно отмѣтить имена: Пирогова, Собянова, Кузнецовой, Поземонского, Шотровскаго, Куренко, Василенко и Коваленко.

Востареемся остановиться немножко подробно на музыкальномъ и вокальномъ составѣ оперы. Оркестръ Національной оперы даже по мнѣнію такихъ высокихъ специалистовъ музыки, какъ Хагеля и француза Винсентъ д-Нвиди, очень хорошъ, музыканты даже въ самый короткій промежутокъ времени настолько хорошо улавливають то, что хочетъ незнакомый дирижерь, что въ музыкаль-

ности и интеллигентности исполнителей сомневаться не приходится. Однако в нашем оркестре кроме недостатка в некоторых инструментах, которые должны быть усилены, чувствуется отсутствие сильного первоклассного дирижера. В течение года латышская печать писала об этом, не мало, желая добиться приглашения замѣчательнаго дирижера и выдающагося теоретика проф. Хагеля. Однако, благодаря заинтересованности и упорству некоторых лицъ, это не удалось. Хоръ Национальной оперы очень хорошъ, особенно мужской его составъ, хористы, играютъ на сценѣ куда лучше, чѣмъ тѣ, которыхъ мы видѣли въ Мариинской и Большой операхъ въ Россіи. Переходя къ солистамъ, бросается въ глаза то обстоятельство, что мужской составъ сильнѣе женскаго. Нашу оперу трудно вообразить безъ гастролеровъ, не смотря даже на прекрасные хоръ, оркестръ и режиссера. Если идетъ опера безъ гастролера, то публика идетъ въ оперу очень туго. И это даже несмотря на то, что все новыя постановки прекрасно разработаны, что на нихъ не жалѣли средствъ. До тѣхъ поръ, покада опера не пополнится новыми солистами, какъ женскими, такъ и мужскими, она будетъ влечить жалкое существованіе. Первоклассныхъ пѣвцовъ въ нашей оперѣ слишкомъ мало; рядомъ съ выдающимися артистами вроде Кактыя, Безиня и Брехманъ-Штеггеля, остальные довольно посредственны и блѣдны. У насъ нѣтъ необходимыхъ для оперы ни колоратурнаго сопрано, ни лирическаго тенора, которые могли бы достойно поддерживать довольно хорошій ансамбль.

Относительно новыхъ постановокъ этого сезона, можно отмѣтить тотъ громадный шумъ, который былъ поднятъ печатно вокругъ оперы Борисъ Годуновъ. Виною былъ недурный латышскій композиторъ Мельгайтисъ, взывшій за оркестровку Борисъ Годунова. Постановка была столь интересна, что даже въ инструментации Мельгайтиса она прошла съ большимъ успѣхомъ. Героемъ всей оперы однако былъ Кактыя, который вездѣ, гдѣ бы онъ не выступалъ, показываетъ не только свой прекрасный голосъ, но и глубоко-продуманную игру и громадный темпераментъ.

Примадонна Латвійской Национальной Оперы,
артистка **Брехманъ-Штеггелъ**

Если бы дирекціи въ будущемъ сезонѣ удалось привлечь одного первокласснаго дирижера съ европейскимъ именемъ и двухъ трехъ извѣстныхъ солистовъ, то наша опера будетъ имѣть все шансы сдѣлаться оперой первоклассной. Ненего говорить, что все расходы оправдываются полностью. Только въ этомъ случаѣ она сумѣетъ просуществовать безъ государственныхъ субсидій и покроетъ все дефициты. Необходимо перейти на хозяйственный и коммерческій расчетъ. Необходимо освободиться отъ казенной рутинны. Интересно отмѣтить, что узкій націонализмъ и шовинизмъ изжитъ не только въ нашей внутренней жизни, но и въ оперѣ, теперь уже больше не жалуется на приглашеніе иностранцевъ — артистовъ и дирижеровъ. Если у насъ самихъ нѣтъ первоклассныхъ силъ, то нечего стѣбаться приглашать иностранцевъ. На благотворительномъ базарѣ можно легко выручить національную вазу или платочекъ, но заставить слушать плохой спектакль, да еще требовать за него большія деньги, это слишкомъ.

Относительно балета Национальной оперы говорить много не приходится. Оперы наводятся еще лишь в периодъ зачатія. Кроме Национальной оперы въ столицѣ, имѣется еще опера въ Либавѣ. По составу своихъ солистовъ, не говоря уже про хоръ и оркестръ она ниже рижской. Оперу едва не погубилъ шовинизмъ либавцевъ, выступившихъ противъ лучшихъ двухъ артистовъ евреевъ, которые являются украшеніемъ либавской оперы. Хорошо, что въ послѣдній моментъ восторжествовало искусство, а не члены Национальнаго клуба. Опера перешла на хозяйственный расчетъ и была спасена.

Говоря о недостаткѣ оперныхъ солистовъ Латвіи, необходимо однако отмѣтить, что они имѣются даже въ Латвіи и среди самихъ латышей. Укажемъ на такія первоклассныя силы, какъ теноръ Савсъ и сопрано Вигнеръ-Грюнбергъ. Оба ушли изъ оперы изъ за интригъ, оба выступаютъ на концертахъ и занимаютъ педагогическую дѣятельность.

Въ концѣ опернаго сезона оркестръ Национальной оперы перешелъ на взморье, гдѣ и дасть цѣлый рядъ концертовъ.

Рига.

Артуръ Тупинъ.

Популярная въ Латвіи артистка Русской Драмы
Л. Н. Мельникова.

Шекспиръ на литовской сценѣ.

Режиссеромъ Литовской Национальной Драмы, г. Глискимъ, въ маѣ с. г. была поставлена, единственная переведенная на литовскій языкъ съ цѣлью постановки, трагедія Шекспира «Отелло». Венеціанскаго мавра игралъ Глискій, Дездемону молодая, но высоко-одаренная артистка національной драмы, г-жа Вайнойнайте. Остальныя роли были распределены слѣдующимъ образомъ: Яго игралъ Франасъ Кубертвичъ, Эмилию г-жа Восилюте. Премьера «Отелло» имѣла шумный успѣхъ, хотя технически постановка пьесы Шекспира не могла бы считаться удачною въ условияхъ даже реорганизованнаго ковенскаго театра.

О Глискомъ какъ о актѣрѣ, слѣдуетъ сказать, что актеръ заслуживаетъ въ данномъ случаѣ режиссера. Его «Отелло» могъ бы съ полнымъ правомъ рассчитывать на блестящій успѣхъ на любой ста-

рой европейской сценѣ. Очень жаль, что ни Латвія, ни Эстонія не смогли до сихъ поръ познакомиться съ разнообразнымъ и безпорочнымъ дарованіемъ этого крупнаго литовскаго артиста; оно блещетъ водниными перлами чистаго и благороднаго искусства.

Вайнойнайте — еще молодая актриса, — выдвинувшаяся только на мѣстной сценѣ, но уже завоевавшая симпатіи цѣнителей и восторговавшейся ею игрой молодежи. Можетъ быть, роль Дездемоны слишкомъ ответственна для этой актрисы, но режиссеръ не ошибся въ своемъ выборѣ; игра Вайнойнайте совершенно искренняя, натуральная и чужда претенциозности.

Роль Яго — очень ответственна и неблагоприятна; съ ней съ трудомъ справилась молодая Кубертвичъ. Да онъ и не понималъ трагедіи Яго, ему необходимо было бы глубже проникнуть въ черты шекспировскаго героя, ему необходимо было бы, помимо искуснаго гримма, дать нѣчто

Русская драма въ Эстоніи.

Елена Сергѣевна Кузнецова,
извѣстная драматическая актриса.
(Къ гастрольямъ въ Ревель.)

болѣе связанны е, чѣмъ то, что было имъ дано на премьерѣ: Яго г. Кубертoviча — полная противоположность тому герою, какимъ замыслилъ его Шекспирь.

Г-жа Воспюте (Эмилія) была хороша только въ последнемъ актѣ: въ общемъ же она также, не какъ слѣдуетъ, прониклась и не освоилась съ ролью Эмиліи. — а, можетъ быть, вообще г-жа Воспюте не слѣдуетъ пробовать свои, несомнѣнно творческія, силы въ роляхъ ей несвойственныхъ.

Постановку «Отелло» на сценѣ Национальной Драмы, конечно, слѣдуетъ приветствовать, но необходимо обратить вниманіе режиссера на то, что такая постановка обиживаетъ: было бы право лучше, если бы «Отелло» былъ поставленъ въ сукнахъ, это впечатлѣннѣе бы и испорчено, а дѣйствию придало бы необходимый героическій колоритъ.

Ковно, май 1924 г.

Р. С.

Годичный концертъ Литовскаго Опернаго хора.

Въ маѣ, въ Литовскомъ Государственномъ театрѣ состоялся традиціонный годичный концертъ хора и солистовъ Литовскаго Национальнаго Оперы. Хормейстеромъ оперы, г. Юлиемъ Штаркомъ, предъ нами большая подготовительная работа. Въ числѣ солистовъ исполнить рядъ вещей серьезнаго опернаго репертуара, популярный во всей Балтикѣ, б. солистъ Мариинской оперы, одинъ изъ лучшихъ теноровъ Европы, Киприанъ Пятровскій. Имъ была бесспорна серенада изъ оперы «Донъ-Паскъале» — Доникаги. Большой успѣхъ выпалъ на долю солистки оперы, г-жи М. Раковской, недавно гастролировавшей съ большимъ успѣхомъ по всей Литвѣ. Несколько словъ о г. Билопасѣ: несмотря на наличие голоса большого діапазона, артистъ не работаетъ на т. технику послѣдняго,

Русская Драма въ Эстоніи.

Елизавета Тимофеевна Жихарева
(Премьерша Русской Драмы.)

Артистъ Русской Драмы
г. Лаврентьевъ.

Артистъ Русской Драмы
г. Булатовъ.

Артистка Рижской Оперетты
Вѣра Шахова.

и в результате его выступления приносить очень мало существенного, а порой невольно вызывают чувство негаты и сожалѣнія.

Относительно хора, сравнительно многочисленного, слѣдует, однако, воздать должное по заслугамъ: хоръ, вполне слѣдующий, руководимый опытной и любящей рукой способнаго регента, Штарка, вполне заслужилъ выраженіе бурнаго одобренія, каковымъ встрѣтила его многочисленная публика. Нужно пожелать и въ дальнѣйшемъ хору процвѣтанія, а г. Штарку — той же энергіи, съ какою онъ дѣлаетъ свое культурное дѣло.

Спекторъ.

Kaunas.

Русская драма въ Финляндіи.

Съ большимъ успѣхомъ прошла въ Гельсингфорсѣ, на русской сценѣ «Романъ» Шельдона, поставленный артистомъ В. Волнымъ въ день своего бенефиса. Бенефициантъ провелъ роль (пастора Армстронга) съ большимъ подъемомъ и искренностью. Порою его игра захватывала необычайно яркимъ драматизмомъ. Особенно утѣшили В. Волну моменты пробужденія первой, безозвѣтной, весенней любви.

Идеальной героиней (Маргарита Кваллини) явилась В. Ф. Кюппина, отличная, передавая непосредственность, грусть и кокетливость итальявской актрисы.

Въ остальныхъ рядахъ на своихъ мѣстахъ были: А. Чагровъ (Ванъ-Тайль), С. Нидолитова (сеньора Ваннучи), В. Антоновъ (Артуръ), Д. Бжецкій (Гарри) и Ф. Орлива (Советта).

Въ выборскомъ реаліумѣ лицей въ маѣ были устроены вечера художественныхъ миниатюръ. Неисключительнымъ вниманіемъ присутствующихъ пользовалась Ф. Сергѣева, исполнившая «Аве Марія» и «Пять Ярославны». У Сергѣевой блестяще поставленный голосъ. Въ дубкѣ «Вавька-Ветавька» (муз. Даргомыжскаго) слѣдуетъ отмѣтить г. Бѣгичева, кромѣ того имѣющаго вполне заслуженный успѣхъ въ «Прологѣ» и «Вечерній сонъ». Изъ другихъ исполнителей отмѣтимъ г. Олчанина (Мефисто), г-жу Валерозъ и Гиндичъ, юмориста Сегала и аккомпаниаторовъ проф. Руднева и г-жу Максименко. Декораций хорошо исполнены «душой вечера» В. Уперовымъ.

Гельсингфорсъ

О. Н.

Опереточный артистъ
Евгеній Транскій

Русская Драма въ Латвіи.Артистка Русской Драмы г-жа **Маршева.**Артистъ Русской Драмы г. **Ченгери**Артистъ Русской Драмы г. **Тереховъ.**

Артистъ Русской Драмы въ Латвіи
г. Маликовъ.
извѣстный кино-режиссеръ.

Музыкальный сезонъ въ Ригѣ.

(1923—1924 г.)

Въ отчетномъ музыкальномъ сезонѣ директоръ Латвійской Национальной оперы г. Т. Рейтеръ, талантливый ученикъ А. К. Глазунова, организовалъ рядъ симфоническихъ концертовъ. Въ этихъ концертахъ въ качествѣ дирижера выступалъ не только самъ дирижеръ Рейтеръ, но и гастролеры изъ заграницы — Энди. Ф. Фридь и др. Въ программахъ этихъ концертовъ значались пѣсенки, французскіе, и латышскіе композиторы, но особенно много было исполнено произведеній русскихъ композиторовъ — Чайковского, Скрябина, Лядова.

Большой оркестръ Национальной оперы не всегда игралъ одинаково хорошо, но все же слѣдуетъ полагать, что при дальнейшей усердной работѣ онъ сможетъ считаться оркестромъ европейскаго масштаба. Особенный успѣхъ имѣли концер-

ты подъ управленіемъ г-на и О. Фрида и восьмой концертъ, гдѣ въ качествѣ солиста выступилъ пианистъ П. А. Ораовъ, эта новая блестящая звезда въ европейскомъ музыкальномъ мірѣ.

Изъ оперныхъ спектаклей наиболее посѣщались тѣ, на которыхъ выступали такіе крупные пѣвцы, какъ Собиновъ, выступившій въ «Олегинѣ» и «Лоэнгринѣ», Г. Пироговъ и г-жи М. Кузнецова и Куренко.

Концерты Камерной музыки устраивались въ Латвійской консерваторіи. Струнный квартетъ профессоровъ (г. г. Мецъ, Аринтъ, Юнгъ и Озолинъ) хорошо сыгрался, программы его составлялись умѣло и интересно, точно также какъ и программы трио, во главѣ котораго стоялъ совсемъ молодой, но подающій надежды, скрипачъ Норитъ. На правахъ гастролера

Принцъ Уэльскій въ Паллодресъ.

Къ его тяжкому паденію съ лошади на спортивной прогулкѣ

ра въ началѣ сезона дать два вечера великолѣпный пѣвчій квартетъ Гревс-мюлера.

Изъ пианистовъ, помимо Н. Орлова, пользовались успѣхомъ А. Шнабель, великолѣпный толкователь Бетховена, и В. Настуховъ, молодой талантливый пианистъ, обосновавшійся въ Ригѣ, гдѣ онъ быстро завоевалъ себѣ репутацію выдающагося педагога. Упомянемъ еще пианистовъ г. г. В. Ружницкаго, В. Брокъ, Е. Отто-Древеръ, В. Берлинъ, А. Лемба, Л. Крейцеръ и Е. Горь, а также концерты виолончелиста г. Н. Граудана и скрипача г. А. Меца.

Г. Мецъ задался цѣлью изобразить въ рядѣ вечеровъ историческое развитие скрипичной литературы, начиная съ 17 вѣка и кончая Чайковскимъ. Этой интересной задачѣ посвящено было пять вечеровъ.

Псключительный успѣхъ выдалъ на долю русской пѣвицы Зинаиды Юрьевской. Она приняла участіе въ одномъ камерномъ вечерѣ въ консерваторіи, а затѣмъ дала свой поистинѣ примѣчательный концертъ.

Любители духовной музыки имѣли возможность слушать въ Кафедральномъ православномъ соборѣ отличный архіерейскій хоръ подъ управленіемъ г. Микельсона, а также хоръ «Русскаго кружка любителей православно-церковнаго пѣнія въ г. Ригѣ.»

Въ лютеранскомъ же «Домогомъ» соборѣ въ теченіе всего сезона г. Крейцбургъ устраивалъ съ участіемъ солистовъ духовные концерты, охотно посѣщавшіеся.

Рига.

Слѣдуетъ еще упомянуть о молодой пѣвицѣ - латышкѣ, музыкальной Прмѣ Кливѣ, обладающей прекраснымъ голосомъ но рѣдко выступающей.

Въ концѣ сезона выступила съ большимъ успѣхомъ юная чешская скрипачка Китти Червенкова, давшая три концерта.

Въ самомъ концѣ сезона въ Национальной оперѣ была поставлена опера Мусоргскаго «Борисъ Годуновъ». Опера дѣлала успѣхъ и поставлена хорошо.

Какъ извѣстно, въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, «Борисъ» былъ впервые данъ въ Петербургѣ въ оркестровкѣ самаго Мусоргскаго. Затѣмъ современники композитора нашли, что оркестровка его страдаетъ нѣкоторыми недостатками. И вотъ, оперу вновь оркестровалъ Римскій-Корсаковъ. Въ оркестровкѣ послѣдняго «Борисъ» жель все время не только въ Россіи, но и за границей. Первоначальная же оркестровка «Бориса», сдѣланная Мусоргскимъ, и нынѣ хранится въ архивѣ Петербургской театральной бібліотеки.

Въ Ригѣ же «Бориса Годунова» дали въ новой (слѣдовательно, третьей) оркестровкѣ латышскаго композитора Эмilia Мелигайлса. Въ мѣстныхъ газетахъ по этому поводу началась горячая полемика. Въ этой полемикѣ на страницахъ этого журнала мы участія не принимаемъ, но считаемъ необходимымъ для свѣдѣнія будущихъ изслѣдователей музыкальной жизни отмѣтить тотъ интересный фактъ, что опера Мусоргскаго «Борисъ Годуновъ» была дана въ Ригѣ въ маѣ 1924 г. въ оркестровкѣ г. Мелигайлса.

Баронъ Иванъ ф.-Нолькенъ.

Подлинникъ рукописи Гомера.

Царю Ивану Грозному принадлежала единственный въ мірѣ подлинникъ рукописи Гомера. При перенесеніи его библіотеки въ подземелья Кремля, исчезъ и этотъ подлинникъ, служащій

предметомъ страстныхъ поисковъ ученыхъ всѣхъ странъ. По предположенію историка П. Стеллецкаго, въ Москвѣ скоро начнутся раскопки легендарной библіотеки Грознаго.

Приводимъ нѣкоторыя данныя объ этой библіотекѣ изъ проекта П. Стеллецкаго.

«Нѣтъ на свѣтѣ тысячелѣтняго города, который бы не имѣлъ подь собой еще другого подземнаго. Москва, въ частности Кремль — не исключеніе. Роль крота, какъ нельзя болѣе по сердцу, пришла отъ природы скрытному и до смерти съ дѣтства науганному царю Ивану Грозному.

Если раньше въ землю зарывался обыватель, спасаясь отъ княжескихъ усобицъ, и татаръ, то теперь туда ползъ самъ царь со своими обричниками: безопасно, да и поспособіе насчетъ застѣнковъ. Для связи съ застѣнками въ подземелья изъ дома Малюты Скуратова, на Берсеневкѣ былъ прокопанъ изъ Кремля специальный ходъ подь Москвой рѣчкой; другой ходъ подь — Варшавскую башню, въ Китай-городѣ; третій — подь болотомъ на Моховой, на соединеніе съ старымъ домомъ, гдѣ нынѣ Екатерининскій домъ Поединова (Румянцевскій музей). Недавно обнаруженъ тайникъ на Дмитровкѣ, съ прикованными скелетами. Полна чаръ и средневѣковой романтики старая подземная Москва, съ ея таинственнымъ Кремлемъ. И, однако же, она донынѣ не изслѣдована, числяся на заворкахъ у официальной археологіи.

Грозный — русскій царь — былъ феноменомъ своего времени.

Дальновидный политикъ, удивительный любитель-антикваръ и глубокій начетчикъ, онъ былъ одержимъ мавіей преслѣдованія.

Ему было мало каменныхъ сводовъ, а вужны были тайники въ стѣнахъ (Нов-

городскій соборъ, Александровская слобода) и глубочайшія подземелья (Кремль). Именно въ недосягаемые вѣдра Кремля задриталъ онъ свою, мірового пвтереса, знаменитую библіотеку въ количествѣ 800 книгъ. Завязью послѣдней послужили греческія рукописи, привезенныя въ приданое Ивану III греческою царевной Софіей Палеологъ.

Царскій архивъ значительно возросъ при Василии III и при Иванѣ IV превратился въ уникальную библіотеку. Грозный царь бережливый, какъ позднѣе Петръ I не жалѣлъ средствъ на пріобрѣтеніе книжныхъ уникъ — греческихъ, латинскихъ, еврейскихъ. Его агенты разсылались по Европѣ и турецкой Византіи. Отовсюду стекались въ темную Москву книжные раритеты, по которымъ плачетъ нынѣ культурная Европа. Въ 1554 году, слѣдовательно, черезъ семь лѣтъ послѣ-большого пожара изъ Украины Грознымъ было вывезено свѣтскихъ книгъ въ количествѣ «ноатретицднатъ» экземпляровъ изъ не менѣе знаменитой подземной библіотеки Ярослава Мудраго. За ними въ Москву потянулись кievскіе ученые; не меньшей приманкой служили они и для европейскихъ ученыхъ. И всѣ эти неощущимыя книжныя сокровища Грознымъ спрятаны были въ кремлевскихъ тайникахъ. Не будучи самъ классикомъ, царь выжидалъ случая. Случай послалъ дерптскаго пастора, ученаго вѣмца Веттермава. Полагаясь на его ученость, Грозный приказалъ открыть передъ нимъ свою тайную сокровищницу,

предлагая перевести книги на русский языкъ. Обзоръ статей заповѣданныхъ земель было семь человекъ: три правительственныхъ агента и четыре пѣмца. Личности ихъ, кромѣ одного пѣмца, установлены исторически. Переводъ книгъ не состоялся изъ-за бѣзвѣстности московскихъ чиновниковъ, быть приставленными къ пѣмцамъ для стражи бѣзвѣстно. Раздраженный Грозный велѣлъ запечатать свою сокровищницу подъ три замка. Время ее пощалило: съ того момента не касалась ее рука человѣческая.

Тѣмъ не менѣе, преданіе о завѣтномъ кладѣ было живо, и за поиски его принимались не разъ.

Тщетно искали его поляки, овладѣвъ Кремлемъ, ничего, кромѣ епископальной цѣнной рукописи — Константиновской привилегіи буллы, поднесенный поляками въ подарокъ Ватикану же. — Они не нашли.

Любопытная царица Софія послала на поиски въ кремлевскій подземелья довѣреннаго дьяка Макарьева. Последній счастливо прошелъ подземнымъ Кремлемъ отъ Тайницкой башни до Собакиной (Арсенальной) и видѣлъ свѣтъ изъ палаты, доверху загроможденной сундуками. Софія приказала о видѣнномъ молчать въ ожиданіи лучшихъ временъ. Но звезда ея преждевременно померкла, а Макарьевъ умеръ, едва успѣвъ переть смертью повѣдать тайну приятелю-пономарю, Кожову Осипову.

Энергичный пономарь поставилъ целью жизни отыскать заколдованный кладъ и искалъ его цѣлыхъ 30 лѣтъ, до самой смерти. Слѣды его поисковъ хранятся въ московскихъ архивахъ. Документы частично опубликованы, а новонаходимые извлекаются на свѣтъ. Изъ нихъ видно, что на именованное представленіе Осипова царю Петру въ 1724 году послѣдній приказалъ сенату отпустить необходимыя средства на раскопки. Раскопки были начаты, но смерть царя прекратила ихъ.

Методъ раскопокъ, сначала принятый Осиповымъ, былъ вполнѣ рациональный итти путемъ дьяка Макарьева. Счастливый случай сразу же помогъ Осипову открыть подземный ходъ со ступеньками влѣзь: по его утраченной стѣнѣ, который грозилъ будто бы обрушиться. Ходъ былъ

засыпанъ, а горе-археологъ принялся, метаясь, копать Кремль сверху наперерѣзъ. Предпріятіе безрезультатно если принять во вниманіе толщину культурнаго слоя Еремья въ 18 20 аршинъ. Неудача, однако, не охладила смѣтателя. Черезъ 10 лѣтъ онъ подалъ правительству новое заявленіе о необходимости продолженія начатыхъ при Петрѣ раскопокъ. И любопытно, что даже бироновское правительство Анны Ивановны, уже послѣ измѣннаго мѣсто коффуза, пошло навстрѣчу и обязалось ассигновать нужныя средства. Однако, результатовъ изъ документовъ не видно. Возможно, что глубокой старикъ, Осиповъ, просто умеръ.

Въ 1891 г. въ Москву прибылъ искать греческія рукописи Гомера, а, главнымъ образомъ, бібліотеку Грознаго, привать-доцентъ, филологъ страсбургскаго университета, д-ръ Эд. Тремеръ. Въ своей информативной статьѣ объ этомъ Тремеръ жалуется на убійственный скептицизмъ русскихъ ученыхъ и даже Забѣлина. Тремеру не удалось отыскать завѣтную бібліотеку, но ухалъ онъ убѣжденный болѣе, чѣмъ когда либо, что она существуетъ. Последняя его надежда — археологи, которые, какъ онъ убѣжденъ, — успокоятся не раньше, чѣмъ будетъ вполнѣ доказано, что упоминаемая бібліотека дѣйствительно уничтожена.

Статья Тремера вызвала извѣстный шумъ. Черезъ четыре года были произведены даже новыя раскопки въ Кремлѣ, ничего, притомъ, не давшія. Вопросъ о бібліотекѣ Грознаго послѣ этого былъ снятъ съ очереди на цѣлыхъ двадцать лѣтъ и вновь былъ поднятъ лишь пишущимъ эти строки. Наканунѣ войны царскому правительству былъ представленъ проектъ новыхъ розысковъ европейскаго сокровища. Въ отвѣтъ последовало представить доказательства существованія бібліотеки, на предметъ ассигнованія средствъ на предполагаемая влѣсканія. Одновременно былъ открытъ доступъ во все архивы, и что особенно важно, въ подземелья Кремля. Раскопки въ Арсеналѣ и въ Собакиной башнѣ дали чрезвычайной цѣнности руководящія нити, на граниющая мировая война снова оговладела этотъ вопросъ.

Матисъ Каудзитъ.

Пионеръ латышской литературы.

Въ № 1 „Балтійскаго Альманаха“ была своевременно помѣщена статья, посвященная торжественному юбилею маститаго писателя. Въ настоящемъ №, на стр. 3 редакціей дано стихотв. М. Каудзита „Родина“ въ переводѣ Бабина М. Каудзиту неувааемую славу доставила его необыкновенно-художественная повѣсть „Времена землемѣровъ“, отрывки изъ которой будутъ помѣшены въ ближайшихъ книжкахъ сборника.

Семьдесятъ пять лѣтъ со дня смерти Э. Поэ.

Въ 1924 году исполняется семьдесятъ пять лѣтъ со дня смерти знаменитаго поэта Америки — Эдгара Поэ, по выраженію критики, владычаго въ совершенствѣ «тайной ужаса».

Жизнь этого выдающагося писателя была полна глубочайшихъ терзаний. Эдгаръ Поэ родился 1 января 1809 г. въ Бостонѣ. Три года спустя послѣ его рожденія отецъ его — артистъ любитель и мать — актриса съ нѣкоторой извѣстностью, — оба умерли, одинъ отъ алкоголизма, другая отъ чахотки. Еще во время болѣзни обоихъ, сострадательные люди пытались устроить въ пользу этой несчастной семьи благотворный спектакль, но публика не отозвалась. И когда на другой день нѣкоторые изъ сосѣдей пожелали притти имъ на помощь, то нашли мужа и жену распростертыми на желѣзной кровати, безъ пищи, безъ денегъ, безъ дровъ. Трое дѣтей, полуголыхъ, исхудавшихъ, полумертвыхъ отъ голода, плакали подъ присмотромъ стараго слуги Галлюаза, который, чтобы чѣмъ-ни-

будь унять крики, кормилъ ихъ черствой хлѣбной коркой, смоченной въ можжевеловой водкѣ. Послѣ смерти родителей, богатый американецъ Алленъ взялъ несчастнаго мальчика на воспитаніе. Но Поэ, съ его ужасной наслѣдственностью — пристрастіемъ къ алкоголю, не могъ ужиться съ Алленомъ и 18 лѣтъ отъ роду покинулъ Америку, стремясь умереть за освобожденіе Греціи. Попалъ ли онъ на поля битвы — объ этомъ ничего неизвѣстно. Но только съ этихъ поръ начинаются его безконечныя скитанія по Европѣ. Безъ имени, безъ средствъ, безъ друзей, глубоко несчастный въ своемъ полномъ одиночествѣ, Эдгаръ Поэ взнемогалъ въ борьбѣ, въ безплодныхъ поискахъ какой-то лучшей жизни. По словамъ Бальмонта, Эдгаръ Поэ узналъ, какъ тяжелы ступени чужихъ домовъ. Онъ познакомился съ тѣми экземплярами человѣческой породы, у которыхъ въ груди вмѣсто сердца — приходно-расходная книжка». Вскорѣ, послѣ пятнадцати лѣтнихъ скитаній, онъ женился на своей

двоюродной сестры — Виргинии Клеммъ. Онъ ее любилъ безгранично, безумно, какъ Петръ Лауру, какъ Рафаэль Форнарину. Но и эта сильнѣйшая любовь не принесла ему счастья. И потому, когда, отъ лужды, Виргиния умерла отъ чахотки на рукахъ поэта, ему казалось, что вмѣстѣ съ ней уходитъ въ могилу его послѣдняя, неосуществленная мечта, что обрывается послѣдняя нить его собственной жизни. Не выдержавъ смерти любимого человека и одиночества, Эдгаръ Поэ предался чрезмернымъ излишествамъ и умеръ черезъ два года, отравленный алкогольнымъ ядомъ. Его нашли на мостовой въ Балтиморѣ (въ Америкѣ) въ бессознательномъ состояніи. Когда онъ на мгновѣніе пришелъ въ себя, — то произнесъ неясно имя своей погибшей Виргинии и

закрывъ глаза, заснулъ вѣчнымъ сномъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти, имя его стало извѣстнымъ въ Америкѣ, а въ настоящее время его сочиненія переведены на всѣ языки міра. Особенную извѣстность доставилъ ему: «Необыкновенные рассказы», затѣмъ «Таинственное убійство», «Убійство въ улицѣ Моргъ», поэма «Воронъ» и много повѣстей жуткаго и глубокаго содержанія. Всюду, во всѣхъ своихъ произведеніяхъ онъ останавливается съ содроганіемъ передъ великой тайной — тайной ужаса. Ему кажется, что этотъ грозный призракъ рѣшет своими червыми крыльями надъ бездной вѣковъ, а въ самой тишинѣ чудится зловѣщій шопотъ надвигающейся смерти.

Анатоль Франсъ.

(Къ его 80-лѣтнему Юбилею).

Недавно исполнились 80 лѣтъ крупнѣйшему и славнѣйшему изъ французскихъ писателей — Анатолю Франсу. День этотъ былъ отпразднованъ во Франціи очень торжественно. Маститый «поворожденный» получилъ массу поздравленій со всѣхъ концовъ свѣта, не только отъ другихъ писателей, но и отъ главъ правительствъ. Рамаэй Мак-Дональдъ въ своемъ поздравительномъ письмѣ пишетъ, что онъ завидуетъ Франсу, за которымъ стоитъ 50 лѣтъ «пламеннаго служенія» выявленію лучезарной красоты и гуманности французскаго гения.»

Вся французская печать пѣла хвалебные гимны знаменитому писателю. Во французской газетѣ «Нувелль Литтерэрт» помѣщенъ рядъ мыслей и афоризмовъ Анатоля Франса. Вотъ — нѣкоторые изъ нихъ:

«Мы считаемъ опасными людей, у которыхъ умъ много склада, чѣмъ нашъ и безразличными тѣхъ, у кого иная мораль. И скептиками тѣхъ, кто не раздѣляетъ нашихъ иллюзій,—не спрашивая, есть ли у нихъ свои собственныя.»

«Люди цѣннѣе природы...»

«Страданіе необходимо. Мы счастливы только потому, что несчастливы.»

«Не то удивительно, что звѣздный океанъ такъ великъ, но то что человекъ измѣрилъ его»..

«Цѣлый городъ, цѣлый народъ держатся нѣсколькими личностями, которая мыслятъ сильнѣй и правильнѣй, чѣмъ остальные»...

«Удовольствіе искать всегда представлялось мнѣ самымъ разумнымъ...»

«Мы вносимъ въ любовь — безконечность, не женщины тому виной...»

«Прошедшее — единая дѣйствительность для человека; все, что есть, уже прошлое...»

«Женщина искренна, когда она не лжетъ безъ надобности...»

«Выборъ женщинъ труденъ: съ мужчиной, который нравится женщинамъ, она не будетъ жить спокойно, съ мужчиной, который женщинамъ не нравится, она не будетъ счастлива...»

«Притягательная сила опасности та же что у всѣхъ крупныхъ страстей: нѣтъ наслажденія безъ замиранія сердца...»

«Въ человѣческомъ мышленіи всего больше влечетъ къ себѣ безпокойство. Уравновѣшенный умъ вызываетъ во мнѣ досаду и скуку...»

«Первая добродѣтель всѣхъ подлинно крупныхъ людей — искренность...»

«Всегда наступаетъ моментъ, когда любопытство становится грѣхомъ, и за спиной ученаго всегда стоитъ чертъ...»

Что читалось въ Россіи?

Что больше всего читалось въ старой Россіи?.. Въ современной, какъ извѣстно, больше всего читается шумѣвшій «Таранъ». Между тѣмъ, до войны спросъ на книги былъ вообще большимъ и деревенная литература была въ большомъ почетѣ. Оказывается, излюбленными произведеніями русской читающей публики были слѣдующіе (по свѣдѣніямъ 15 лѣтъ тому назадъ): на первомъ мѣстѣ Пинкертонская литература — за годъ выходило 9 милліоновъ выпусковъ. Изъ большой литературы наиболѣе читались 1) Октавъ Мирбо — 100.000 экземпляровъ въ годъ, 2) Гюи де Мопассанъ — 70.000 экз., 3) Фр. Векклинъ — 60.000 экз., 4) Мор. Метерлинкъ — 40.000 экз., 5) Анатоли Франсъ и Ст. Пшибышевскій по 30.000 экз., 6) Артуръ Шницлеръ — 30.000 экз., 7) Оскар Уайльдъ — 25.000 экз., 8) Августъ Стриндбергъ — 30.000 экз., 9) Кнутъ Гамсунъ — 18.000 экз., 10) Гауптманъ, д'Аннуцио и Жулавскій по 10.000 экз. Изъ русскихъ писателей — Леонидъ Андреевъ — 80.000 экз. въ годъ, М. Горькій — 75.000, Арцыбашевъ — 40.000 («Санинъ»), А. Купринъ — 35.000 экз. Изъ поэтовъ больше всего читались К. Бальмонтъ и Ф. Салогубъ, по 15.000 экземпляровъ въ годъ.

„Milda“. Иллюстрир. журналъ.

№ 1. Kaunas.

Литва, вообще, бѣдна не только художественными, но даже повседневными, періодическими изданіями. Понестись можетъ звучать парадоксально перечисленіе количества ежедневныхъ газетъ: три. Три газеты на литовскомъ языкѣ на полумилліонное населеніе! Еще печальнѣе обстоитъ дѣло съ художественными изданіями. До сихъ поръ на литовскомъ книжномъ рынкѣ выходило всего одинъ богато-художественный журналъ «Gaites» подъ редакціей популярнаго и энергичнаго К. Пуйды. Но влѣдствіе невозможныхъ типографскихъ условій въ самой Литвѣ, журналъ этотъ и понынѣ печатается въ Берлинѣ. Не то съ нововышедшимъ на дняхъ журналомъ литературы и искусства «Milda», редактируемомъ писателемъ Кастантомъ Кристуисомъ. «Milda» — богиня древне-литовской мифологии, — журналъ какъ нельзя лучше оправдываетъ свое названіе. Доминирую-

щимъ началомъ въ отчетномъ первомъ № является наличие произведеній исключительной художественной цѣнности. Статья о гениальномъ литовскомъ художникѣ Чурляинѣ, иллюстрированная цикломъ его безпримѣрныхъ въ исторіи живописи «Созвѣздій». — обстоятельно и популярно изложена. *Ев. Шпр.*

О творчествѣ А. Слонимскаго.

Извѣстнымъ русскимъ критикомъ въ Польшѣ, Е. Шевченко, написанъ блестящій критическій очеркъ о молодомъ польско-еврейскомъ поэтѣ, Антоніи Слонимскомъ. Вотъ что онъ пишетъ о послѣдней книгѣ Слонимскаго: «Droga na Wschód» («Путь на Востокъ»): «Путь А. Слонимскаго извилистый и далекій... Кровь праправнука Агафера... Альмабра, Канръ, Парижъ, Римъ, Афины, Долина Юсафата, Лондонъ, Гамалаи, Сахара. Всюду быть и всюду искать недостижимаго Начала. Тонкій инструкторъ формы стиховъ, весь поглощенный ихъ музыкальнымъ построеніемъ. Антонъ Слонимскій пришелъ къ всеобъемлющей любви и разрушить «прежній храмъ блеска, воздвигнувъ на его мѣстѣ храмъ любви и правды, храмъ своей сущности поэта.»

Вилла имени Сарры Бернаръ.

Друзья, родственники Сарры Бернаръ и почитатели придумали довольно необычный способъ почтить ея память. Они рѣшили — основать поселокъ ея имени, гдѣ бы люди умственного труда — артисты, художники, писатели, танцоры и т. д. могли находить отдыхъ и пріютъ, а утомленные жизнью — пристанище на старости лѣтъ, гдѣ бы каждый художникъ могъ творить спокойно и выносить въ душѣ завѣтный замыселъ, отбѣсненный работою о кускѣ хлѣба. Образовалось общество основателей «деревни имени Сарры Бернаръ» во главѣ его сталъ Анри Бергсонъ. Цѣлый годъ собирали деньги. — И вотъ, наконецъ, собрали достаточно, чтобы заложить основаніе будущему пріюту умственныхъ тружениковъ.

Поселокъ строится вблизи городка Плесси Робинзонъ, южнѣй Парижа, въ живописной, холмистой и лѣсистой мѣстности Куплено, пока, 240 гектаровъ земли съ вѣковыми дубами, платанами и липами

Завѣдуетъ работами Пьеръ Сарду, сынъ знаменитаго драматурга, пьесы котораго Сарра Бернаръ провалила своею игрою. Пока у основателей поселка капитала имѣется 4 милліона франковъ, но они надѣются его увеличить пожертвованіями. Въ поселкѣ строятъ небольшіе дома о 4—6 комнатахъ, которые пойдутъ въ наемъ по 800—2000 франковъ въ годъ. Сами организаторы въ восторгѣ отъ своей идеи и выдѣлили комиссію пропаганды, въ которую вошли очень видные люди, въ томъ числѣ бывшій морской министръ Бекановскій. Проектируется устройство мастерскихъ для художниковъ, уютныхъ рабочихъ павильоновъ среди зелени, для писателей и поэтовъ. Вообще дѣлается многое, чтобы скрасить жизнь людей умственного труда, которымъ нередко очень тяжело достается кусокъ хлѣба...

Маленькій поэтъ и большой критикъ.

Тринадцать лѣтъ тому назадъ, когда Александръ Блокъ написалъ «Балаганчикъ», одновременно появилось его произведеніе «Пѣсни судьбы», эпитафией къ которому была цитата изъ Гоголя — Русь, чего же ты хочешь отъ меня? Какая непостижимая связь таится между нами! Что пророчить сей необъятный просторъ! —

По этому поводу никому невѣдомый критикъ, нѣкто Л. Козловскій, въ одномъ изъ толстыхъ журналовъ писалъ о Блокѣ слѣдующее: — Въ томъ, что такой маленький поэтъ, какъ Ал. Блокъ, занималъ образъ у такого великаго художника слова, какъ Гоголь, бѣды большой, конечно, нѣтъ. Я и не думаю вовсе обвинять Блока въ сознательномъ заимствованіи. Я думаю, что образы, навѣянные Гоголевыми трійкой, безсознательно овладѣли имъ. Это случается съ поэтами гораздо большаго калибра, чѣмъ Блокъ. Но дѣло въ томъ, что колокольчикъ, который «чуднымъ звономъ залпываетъ» у Гоголя, у Блока звучитъ бубенчиками путешескаго козлака. Блокъ написалъ просто неудачную драму. Его герой гоголитъ! — Нуженъ вѣтеръ событий, чтобы разогнать тучи. Миѣ кажется, что вѣтеръ свѣлъ миѣ пѣсню, и я, въ страшной тревогѣ, какъ передъ подвигомъ... Но Блоку только показалось, вѣтеръ не

пѣлъ ему «Пѣсни судьбы». Тишина... собитій нѣтъ и вѣтра нѣтъ...

Кто же оказался правъ? Близорукій ли илчоточный критикъ, или великій подвижникъ, лучший изъ современныхъ русскихъ поэтовъ, Александръ Блокъ, предчувствовавшій уже тогда великія бури и глубочайшія потрясенія? Именно события дали свой страшный отвѣтъ: маленькій критикъ ошибся, но предчувствія А. Блока оправдались, а великій подвижъ земной поэтъ завершилъ своей трагической кончиной.

„Къ синей звѣздѣ!“

Посмертный сборникъ стиховъ Н. Гумилева.

„О тебѣ, о тебѣ, о тебѣ, —
Ничего, ничего обо мнѣ!“

Этими строками поэта хочется начать нашъ маленький критическій очеркъ о прекрасномъ сборникѣ его стиховъ. «Къ синей звѣздѣ» въ отдѣльные, случайные стихи, это единая пѣсня о любви, единая пѣсня, посвященная «дѣвушкамъ съ газетными глазами», о которой поэтъ говоритъ:

„Я, наконецъ такъ сладко знаю,
Что ты лишь синія звѣзда.“

Нужно только влюбленные, только тѣ, которые умѣютъ любить, будутъ читать эту книгу Гумилева, вѣдь она и не предназначалась для печати, а лишь случайно уцѣлѣла отъ «ауто-да-фа». Любовь поэта точно пожаръ въ лѣсу, въ своемъ поэтическомъ дивинкѣ, въ каждой имъ отточенной строфѣ, онъ слилъ въ одномъ гармоническомъ напѣвѣ: требованіе и гордость, любовь и отчаяніе, боль и вѣжность.

Да, такъ и любить умѣть только подлинный поэтъ-романтикъ.

Стихи Гумилева нельзя разбирать эвтомировать, нельзя говорить объ ихъ достоинствахъ, о формѣ; ихъ надо услышать: они таятъ въ себѣ свѣтъ и тепло, они учатъ любить, они согреваютъ.

Поэтъ — большой ребенокъ, поэтъ — воинъ; поэтъ, у котораго «изъ звѣздъ и пѣсней домъ», полюбилъ дѣвущку, но она испугалась его любви, ушла и вышла замужъ за американца. Вотъ тема совѣмъ простая; и такъ же просты стихи, плѣнительные образами, ритмами,

мягкими, свѣтлыми красками, ихъ можно безъ конца повторять, твердить, опьяняясь ихъ музыкой, мелодіей.

Какъ ходитъ стихи, въ которыхъ гуделью собранъ весьхъ своихъ гересевъ, стиховъ друзей, которыхъ онъ очеловѣчилъ, выведя ихъ изъ безыдья, тутъ и Гондла, и Гафизъ, тутъ и муза дальнихъ странствій; Микъ и Лукъ, подѣшше къ капитанамъ, «чтобъ послушать о морскихъ дѣлахъ», Донъ-Жуанъ, Фашиъ и другіе. Весьхъ имъ повелѣлъ поэтъ быть грустными:

..Потому что съ намч иѣту дѣвы.

Для которой гсѣ мы рождены.»

И, собравъ ихъ въ пары, повелъ къ «ее» дому, гдѣ изумительно вросло и трогательно онъ удивляется:

«неужели мы вамъ не присядали,
милая съ такимъ печальнымъ ртомъ,
мы, которые бесю ночь толпились,
передъ занавѣшеннымъ окномъ.»

но нельзя процитировать весьхъ прекрасныхъ стиховъ Гумилева, ихъ слишкомъ много; несомнѣнно тлько поэтъ правъ, утверждая въ полу-юморстическомъ стихотвореніи, что когда въ годъ двѣ тысячи и двадцать пять, тогдашніе миледи прочтуть фоліантъ почтенной толщины:

«о любви несчастной Гумилева.

въ годъ четвертыи міровой войны,
то они сважутъ:

«и бѣ американца не любила.

а любила бы поэтъ я!!.

кромѣ стихотвореній; еще въ печати не появившихся, въ сборникъ вошло нѣсколько стихотвореній, помѣщенныхъ въ сборникъ «Костеръ», но въ новыхъ вариантахъ.

Всѣ стихи относятся къ 1918 г., они написаны въ альбомъ, во время пребыванія автора въ Нарвѣ, гдѣ и въ настоящее время хранятся подлинники.

Берлинь.

Въра Луисъ

Борисъ Гусманъ. «100 поетовъ». Литературные портреты. Съ приложеніемъ библиографическаго указателя русской поэзіи за послѣднее десятилѣтіе 1923. Стр. 291.

«Цѣль данной книги я бы считалъ достигнутой, если бы передъ читателемъ, пробѣжавшимъ этуоды, встали живые лики изображенныхъ въ нихъ поетовъ.»

«Это не критическія статьи, это—«портреты».

«Я никого не хвалю и никого не ругаю, оставляя это право за критиками.»

Такъ въ предисловіи къ «Литературнымъ портретамъ» характеризуетъ Б. Г. свою задачу.

Трудно быть только «фономъ», въ особенности для критика-профессіонала, но еще труднѣе «компоновать» книгу такъ, чтобы ни авторамъ, ни своихъ собратій-критиковъ не обидѣть. Кого взять? Кого выбрать? О комъ, о талантливѣйшихъ только, или «подрядъ»? А потомъ, чье мнѣніе считать авторитетнымъ въ опредѣленіи талантности? Въдѣ таланты различныхъ направленій другъ друга поѣдомъ бѣдятъ, стараюсь другъ друга «взаимно уничтожить». Гусманъ взялъ «впремежку»: признанныхъ и неизвѣстныхъ, маститыхъ и желторотыхъ, расцѣтающихся и мертвыхъ... Передъ читателемъ одинъ за другимъ мелькають лики, то яркіе, то блѣдные, теряющіеся на яркомъ фонѣ—жизни.

Футуристы, экспрессионисты — поэты самыхъ разнообразнѣйшихъ группировокъ, особенно обильно рождавшихся въ послѣднее 10-лѣтіе, оказались втиснутыми въ рамки Гусмановскихъ портретовъ.

Конечно, книга вызвала нападки:

Почему такіе-то включены, а такіе-то «обидены». Почему такъ мало о каждомъ? Почему не всѣ книги въ библиографическомъ указателѣ (имъ же иѣтъ иѣла), не всѣ поэты (ихъ у Гусмана «всего» 890 въ алфавитномъ спискѣ и т. д. — до безконечности. Можетъ быть, въ которые изъ замѣчаній и правды, но если не обращать вниманія на мелочи, вродѣ пропуска той или иной книги въ библиографическомъ указателѣ, можно смѣло признать «100 поетовъ» цѣннымъ вкладомъ въ рядѣ трудовъ по изученію русской поэзіи послѣдняго десятилѣтія. Въдѣ многіе изъ «оригиналовъ» уже и теперь затерты въ сумоидѣ быстро-несущейся жизни, уже и теперь забыты — бабочки однодневки, мелькнувшие мгновенной яркостью!.. Книга Гусманъ несомнѣнно окажетъ еще болѣе цѣвной черезъ нѣсколько лѣтъ (быть можетъ, на грани другого 10-лѣтія), когда русская поэзія откроетъ новую свою страницу.

Москва.

Алексей Авчювъ.

НА СПОРТИВНОМЪ
ПОЛѢ

Англійскій король, Георгъ, поздравляетъ французскихъ футболистовъ - участниковъ Олимпіады.

Булдогъ,
получившій на лондонской выставкѣ
первый призъ за красоту.

Страничка модъ.

Модное neglige изъ вуали съ головнымъ украшеніемъ производитъ впечатлѣніе египетскаго одѣянія.

Матинэ изъ сатина коралловаго цвѣта.
Отдѣлка: цвѣтныя розетки и шелковый поясъ вокругъ талии.

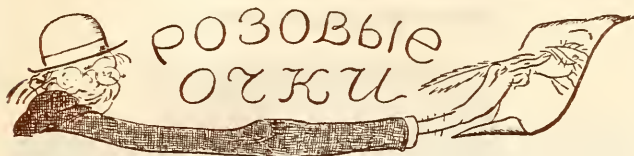

Туалетъ для five o'clock'a. Жемчужно-сѣрый хитонъ въ полоску изъ бархата, верхняя накидка свободно облегаетъ плечи и можетъ быть снята. Шляпа въ товь: сѣрый жоржетъ.

Туалетъ для прогулки: флосъ въ зеленую клетку платье и рукава изъ зеленого жоржета.

Иностраннѣй юморъ.

„Матадоры“ (Гитлеровскій процессъ).

Pöhner.

„Elite“.

Ludendorff.

Hittler.

Каррик. Эриха Бустрау.

Почтовый ящикъ.

(Отвѣты авторамъ и читателямъ.)

Е. Крѣчмякъ. Бирштаны (Литва). При-
сланные Вами переводныя произведенія
изъ Олеся и Алены не подошли.

Ф. Судякову. Бѣльцы (Румынія). Вы
ищите «въ душу видрается грусть про
забытыхъ мечтахъ». Можетъ быть, это
порумынски?

Н. Церуковскому (Москва). Стихи изъ
книги «Соль земли» не подходят. Пора
положить крестъ на подобныя «образно-
сти»: «Вѣтеръ вытеръ лысыя лѣтъ».

Г. Когу. Тельши (Литва). «Накакихъ
перевивовъ въ морщинахъ» — курьезнѣ
ничего не придумали?

Г. Мозалвскому. Люция (Латвія).
Газеказъ «Ласточки» не подходитъ. Пе-
реводъ изъ Казимира Тетмайера пойдетъ.

Вл. Ромоданъ-Корчинскому. Меркни
(Литва). «Противоестественное приклю-
ченіе» изъ Вашего сборника «Бадьянъ»
для журнала не подходитъ.

Гр. Рогову. Берлинъ. Ваши вещицы изъ
книги «Сновъ» подходятъ скорѣе для дѣ-
токъ младшаго возраста.

Робуру. Гамбургъ. Присланное не по-
ходитъ.

Алек. Павловскому. Буэносъ-Айресъ
(Аргентина). Ждемъ отъ Васъ дѣтвѣй-
шихъ извѣстій.

Иностраннѣй юморъ.

Измученная
Германія.

„Едва только за-
свѣтитъ солнце,
какъ это чудище
опять мнѣ начи-
наетъ портить!“

„Elite“

Каррик. ф. Олафа Гульбрансонъ.

„Чортъ знаетъ что происходитъ съ радио: истыкали
мнѣ всю землю!“

Иностраннѣй юморъ.

„Наши эксцентрики“.

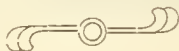
Гуго Штиннесъ.

„Elite“

Книги, полученные для отзыва:

*До свиданья и знакомства доводится, что на все присланные
для книги будущи даны рецензии, написанные специалистами.*

1. **„Записки наблюдателя“**. Чешско-Русское Издательство*. Редакторы: Д. Крачковский и Несси. № 1. Прага. 1924 г.
2. **„Современныя записки“** № 19. Редакторы: редакционная коллегия. Париж 1924 г.
3. **„Дневникъ Пуришневича“**. Из-ство „Националь-Реклама“. Иллюстрированный сборникъ. Рига. 1924 г.
4. **К. Бальмонтъ**. „Гдѣ мой домъ?“. Издательство „Пламя“ подъ руководствомъ проф. А. Ляцкого. Прага 1924 г.
5. **„Нео-классики“**. Сборникъ стиховъ № 1 и 2. Издательство „Нео-классики“. Стихи: О. Мандельштама, Г. Дешкина, Е. Галати и др. Москва. 1924 г.
6. **„Цехъ поэтовъ“**. Сборники стиховъ № 3 и 4. Издательство Ефронъ. Стихи Н. Оцупа, Г. Адмловича, И. Олоевцевой, И. Иванова и др. Берлинъ. 1924 г.
7. **„Манифестъ ничевоковъ“**. Сборники подъ ред. Р. Рока и др. ничевоковъ. Москва. 1923 г.
8. **А. Палтй**. „Бубень дня“. Сборникъ стиховъ. Петроградъ 1924 г.
9. **„Сборникъ самарскихъ поэтовъ“**. Стихи: Ширяевца, Герасимова, Галны Владычиной и др. Самара. 1923 г.
10. **J. Tušliava**. „Nemuno rankoze“ (на литовскомъ языкѣ). Kaunas. 1924.
11. **K. Binkis**. „Šimtai pavasariu“ („Сто весень“) Стихи (на литовскомъ языкѣ).
12. **R. Striupas**. „Žmogus žmogui“ („Человѣкъ—человѣку“) на литовскомъ языкѣ. Kaunas. 1924.
13. **„Dzintar - zeme“**. Романъ. (На латышскомъ языкѣ. Рига. 1924.
14. **„Latvijas grāmata“**. Ежемѣсячный библиографическй сборникъ. № 2. Редакторъ Паэглэ. (На латышск. яз.). Рига 1924 г.
15. **„Aranea di špin“**. Новеллы Марка Разумнаго (на евр. языкѣ). Рига. 1924 г.
16. **„Иллюстрированная Россія“** № 1. Редакторъ Мих. Мироновъ. Парижъ. 1924 года.
17. **„Кинотворчество“** № 2 и 3. Редакторъ Ал. Морскон. Парижъ 1924 г.
18. **„Экономическй вѣстникъ“** № 3. Редакторъ С. Прокоповичъ. Берлинъ. 1924 года.
19. **„Lietuvos Dirva“**. Экономическй журналъ № 8. Редакторъ-издат. агрономъ Кравчунасъ. Kaunas. 1924.
20. **„Lietuvos Ūkis“**. Сельскохозяйственный журналъ № 4. Kaunas. 1924.
21. **„Ekonomists“**. Латвійскй экономическй журналъ № № 11 и 12 Рига. 1924 г.

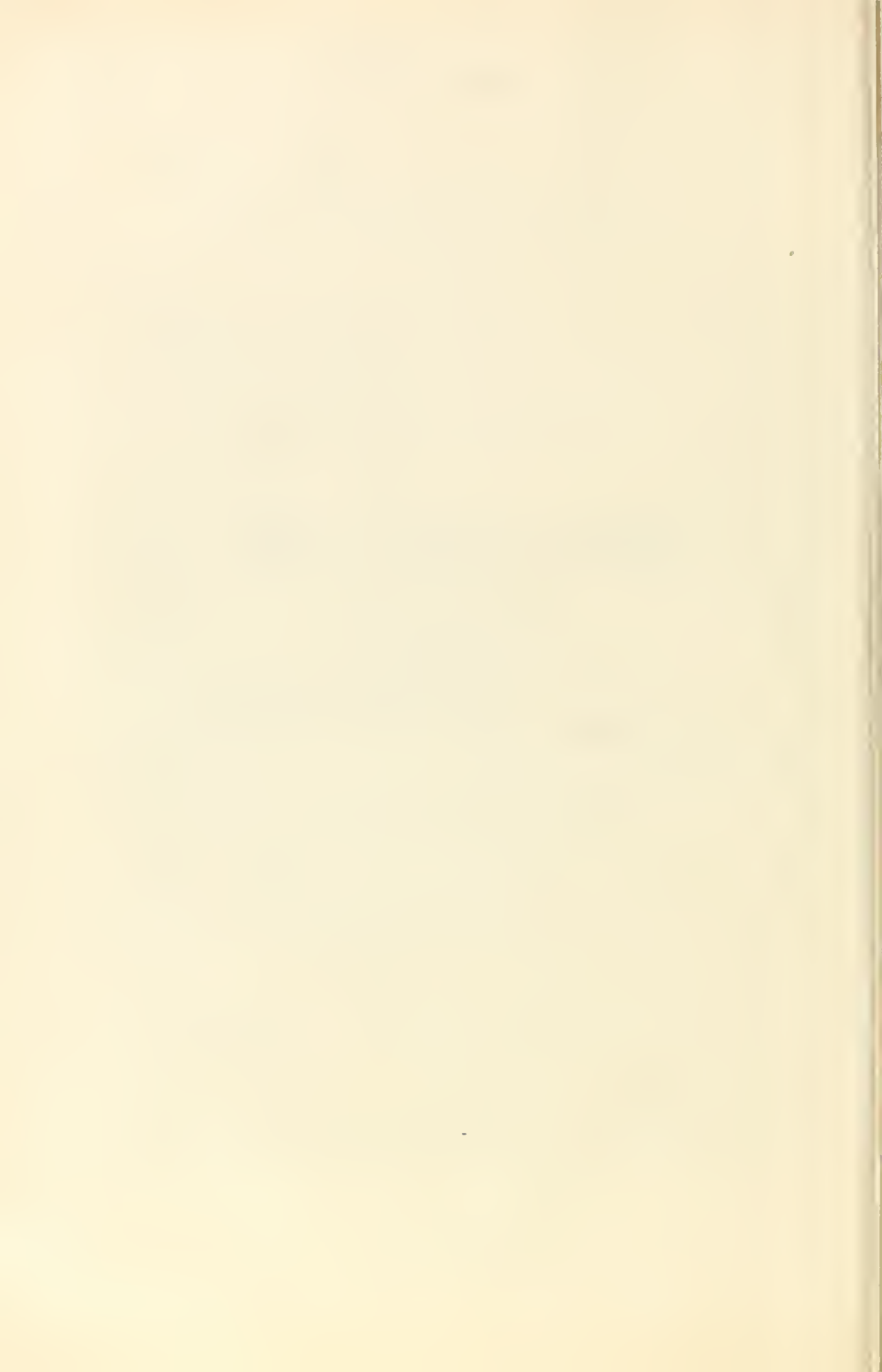

Економическій обзоръ.

Латвія — Эстонія — Литва.

Подъ редакціей Л. Б. Гарфильда.

Латвія.

Торговля и промышленность.

Внешняя торговля и транзитъ Латвіи переживаютъ, начиная съ 1918 года, всевозможныя затрудненія и препятствія на своемъ пути нормальнаго развитія, которое за этотъ слишкомъ пылкій періодъ было заключено въ узкія рамки условностей и формальностей подверженной разнаго рода экономическимъ экспериментамъ. Лишь съ 1921 года наблюдаются извѣстныя тенденціи, основанныя на принципахъ свободы, одержавшихъ верхъ надъ этими условностями.

Общій балансъ латвійскаго экпорта и импорта въ 1922 году достигъ относительно крупной суммы 209,4 миллионъ латъ (1 лать=1 зол. франку=0,2903226 гр. чист. золота), тогда какъ въ 1921 году онъ равнялся 100 милл., а въ 1920 году всего лишь 62,9 миллион. латъ.

Итакъ, въ сравнительно короткій періодъ времени зарегистрировано увеличеніе общаго товарнаго оборота на 233 проц., импорта на 160 проц. и экпорта на 374 проц.

Въ дальнѣйшемъ развитіи товарооборота обращаетъ на себя вниманіе увеличеніе вывоза съ неизмѣннымъ ростомъ ввоза, что благоприятно отражается на общемъ торговомъ балансѣ страны. Статистическими цифрами весьма легко разсчитываются возникающія отъ времени до времени сомнѣнія въ покупной способности Латвіи и медленномъ, но вѣрномъ экономическомъ развитіи страны.

Переходя къ отдельнымъ статьямъ экпорта, надо предоставить первое мѣсто сельско-хозяйственнымъ продуктамъ, коихъ за послѣдній годъ вывезено больше чѣмъ на 2,2 миллиарда рублей или 41 миллионъ латъ противъ 1 миллиарда въ предыдущемъ. Далѣе слѣдуетъ сыбѣ за границу льна, который далъ на 10 миллионъ латъ больше предшествовавшаго года.

Изъ прочихъ продуктовъ мѣстнаго сельскаго хозяйства слѣдуетъ отмѣтить: льняное сѣмя, сѣмена клевера, овесъ, ячмень, горохъ, бобы, вику, чечевицу.

отруби, картофель, жмыхи, масло, яйца, мясо, шетину, конскій и волось другихъ животныхъ, кожи и мѣла.

Изъ импортруемыхъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ слѣдуетъ отмѣтить, какъ болѣе или менѣе значительный — ввозъ пшеницы, пшеничной муки и ржи.

Въ Латвіи въ настоящее время существуютъ уже 60.000 новыхъ хозяйствъ, которыя, правда, находятся въ стадіи развитія, постепенно расширяясь и организуя сбытъ продуктовъ для экпорта за границу.

Второе мѣсто среди вывозимыхъ товаровъ занимаютъ древесные матеріалы, изъ коихъ за послѣдніе годы было погружено на суда свыше 60 миллионъ куб. фт., стоимостью 67 миллионъ латъ.

Наряду съ продуктами земледѣлія и лѣсныхъ матеріалами постепенно увеличивается вывозъ въ западно-европейскія страны и Америку многочисленныхъ изделий латвійской промышленности. Несмотря на разрушенія, произведенныя войной, промышленность сумѣла, несмотря на конкуренцію, добиться сбыта своихъ продуктовъ на мировомъ рынкѣ.

Что касается импорта въ Латвію, то онъ настолько разнообразенъ, что мы ограничимся, не выходя изъ рамокъ настоящего очерка, лишь исчисленіемъ въ которыхъ наиболее важныя статьи: шерсть, шерст. пряжа, нѣльзя, желѣзо, жѣсть и проволока, целлулоза, цементъ, нефть сырая, копра, сѣмена разн., кожа, жиры техничск., резина, сѣра, смола, уголь, камень, смола, хлопокъ, бумага, ткани, пряжа, витки, машин. части, промышл. орудія, инструменты, бумага, соль, стекланы, издѣлія, керосинъ, минеральн. масла, сода, разныя краски, красящ., дубильныя вещества, резиновые издѣлія, суперфосфаты, томасов. мука, каинитъ и проч. удобрительныя средства, пшеница, рожь, ризъ, сахаръ, соль, сало свиное, сельди, какао, чай, кофе, лимоны, табакъ, домашній и ротатый скотъ, свинья.

При сравненіи ввоза обазывается, что таковой усиливается почти вдвое преимущественно за счет самых важных товаров. Это касается главным образом ценных фабрикатов, которые въ Латвіи не вырабатываются.

Стоимость вѣсехъ товаровъ, импортированныхъ Латвіей, показала, что въ данномъ случаѣ за 1923 г. ввозъ изъ Германіи, несмотря на отсутствіе тамъ твердой калькулятивной валюты, все же по количеству занималъ первое мѣсто, хотя, впрочемъ, этотъ привозъ въ сравненіи съ предыдущимъ годомъ сильно ослабѣлъ.

Абсолютная же цифра импорта изъ Германіи песочливо указываетъ на усиленіе ввоза изъ послѣдней. Весьма значительно усилился транзитъ товаровъ черезъ Латвію. На первомъ мѣстѣ стоятъ лѣсные матеріалы, затѣмъ каменный уголь, продукты животноводства и сельского хозяйства, кожи и шкуры, пенька, льняное сѣмя, клеверъ, смола и т. п.

Среди фабрикатовъ, транзитъ коихъ проходитъ черезъ Латвію, надеждитъ отмѣтить издѣлія изъ металловъ, въ томъ числѣ паровозовъ съ тендерами, а равно продукты химической промышленности. Третья и послѣдняя группа обнимаетъ зерно, крупу и муку, далѣе сельди, сахаръ, молоко и молочн. продукты, жиры и мясные продукты, яйца, соль, жмыхи, табакъ и т. д.

Въ смыслѣ развитія виѣшней торговли и экспорта Латвіи слѣдуетъ отмѣтить усилившіяся вывозъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, льна, продуктовъ животноводства, овса и ячменя. Вывозъ льна естественно расширяется, благодаря чему увеличивается также и число лѣсопилотъ. Большая часть льна происходитъ сплавнымъ путемъ изъ Россіи.

Ввозъ текущаго года сильно превзошелъ всѣ ожиданія и въ этомъ году продолжаетъ увеличиваться и прогрессивно возрастать.

Промышленность Латвіи по своему ходу развитія нужно считать отсталой. Помимо возникновенія новыхъ предпріятій во многихъ случаяхъ наблюдается расширеніе существующихъ, но это расширеніе относится преимущественно къ мелкой и средней промышленности, тогда какъ крупныхъ пред-

пріятій заводско-промышленнаго типа за послѣднее время основало не было.

Въ области промышленности создано не мало совершенно новыхъ видовъ промысла. Весьма значительно развитіе въ послѣднее время лѣсного промысла, въ связи съ чѣмъ наблюдается также расширеніе количества лѣсопилотъ, съ увеличеннымъ числомъ гаттеровъ. Изъ деревообдѣльныхъ фабрикъ слѣдуетъ отмѣтить: Юг. М. Браунъ — экспортъ пилен. и строгани. лѣсныхъ матеріаловъ, спичечной соломки, древесной муки, сельско-хозяйственныхъ машинъ, ульевъ разн. системъ; Windoor, Акц. Общ. — экспортъ сельско-хозяйственныхъ машинъ, строительныхъ матеріаловъ (дверей, оконъ, рамъ), ящичковъ, паркетъ; О. Бертинъ-Берзинъ — экспортъ, дубовый паркетъ, разнаго рода дубовая мебель; А. Яисонъ — ручки для инструм., металл., лопаты и т. д.; Эрнестъ Рудзитъ — фанера, фанерныя сидѣнья для стульевъ, древесн. мука; Б. и Н. Шмулявъ — деревляни, трансмиссіонныя шкивы, ручки для инструм. и металл. При нефтеочистительномъ заводѣ А. Эдльриха и Ко. открыта оборудованная новейшими машинами бочарная фабрика. Равно развитіе спичечной промышленности повлекло за собою усиленную выдѣлку соломки.

Металлообработывающая промышленность пока мало измѣнилась въ отношеніе своего развитія. Имѣется производство мукомольныхъ, сельско-хозяйственныхъ и деревообдѣльныхъ машинъ, а равно турбинъ и двигателей малаго размѣра. Производство это рассчитано на внутрѣнній рынокъ. Число предпріятій металлообработывающей отрасли сильно расширилось и возросло.

Изъ крупныхъ заводовъ этого рода слѣдуетъ отмѣтить: Балтійскій машиностроительный, котельный и литейный заводъ, выработ. суды, котлы, паров. машины, трансмиссіи, отливки; машиностроительный заводъ О. П. Келлеръ, выработ. трансмиссіи, деревообдѣлчн. машины; „Stars“ металлообработ. О-во Г. Вальдесполь, бывш. Ферд. Мейеръ и Ко., обработ. шерстообработ. машины, котлы, мельничныя машины, турбины, трансмиссіи.

Самымъ крупнымъ предпріятіемъ Латвіи настоящаго типа является заводъ Бекера въ Либавѣ.

Химическая промышленность осталась, благодаря наступленію всемірной войны, совершенно незначительной и носить пока характеръ мастерскихъ и лабораторій. Акціонерное Общество С. А. Е. А. дѣятельно готовится къ ближайшему будущему выдѣлится на рынокъ химическіе продукты латвійскаго производства. Предполагается изготовлять антрациновые краски изъ полупродуктовъ перегонки каменнаго угля. Приступлено къ изготовленію синтетическаго масла, которое перегоняется на заводѣ Акц. Об-ва «Вольфшмидтъ». Этотъ заводъ расширять свою дѣятельность вселеніемъ выработки фруктовыхъ эссенцій. Успешный спросъ на дрожжи побудилъ фирму «Вольфшмидтъ» повысить производство таковыхъ, несмотря на возникшую конкуренцію со стороны фабрики „Latvijas Raugs“.

Большое развитіе получили за послѣднее время заводъ переработки минеральныхъ маселъ А. Эльриха и Ко., который вырабатываетъ изъ американскаго и русскаго сырья всѣ сорта смазочныхъ и горючихъ маселъ высшаго качества.

Кромѣ названныхъ заводовъ слѣдуетъ отмѣтить: Химич. фабрику «Раро», Е. Розенштейнъ и Ко, выр-б. печати, краски: «Соколы», химия, заводъ, выр-б. снѣжку: Первую Рижскую сахарокулерную и паточную фабрику Бр. Гарберъ и М. П. Гибертъ, выр-б. сахарн. кулеръ, лиз. пива.

Въ бумажно-картонномъ производствѣ сильно расширилъ свою дѣятельность существующія фабрики въ Шлобѣ. Бумажная фабрика въ Лигатѣ приступила къ выработкѣ высокихъ сортовъ бумаги.

Въ кожевенной промышленности же количество работающихъ предпріятій сильно сократилось, благодаря отчасти большому вывозу изъ Россіи громаднаго количества необдѣланныхъ и вполне законченныхъ производствомъ кожъ, что и создало пзвѣстную конкуренцію съ мѣстными фабрикатами.

Крупнѣйшіе кожевенные заводы находятся частью въ Ригѣ, частью въ Либавѣ.

Слѣдуетъ отмѣтить: Акц. Общ. соединенныхъ кожевенныхъ заводовъ Оскаръ Вильдевербергъ: «Корова» либавскій кожевенный заводъ, Акц. Общ.

Весьма успешной и разрастающейся слѣдуетъ признать текстильную промышленность. Всѣ довоенныя предпріятія значительно расширили свою производительность увеличеніемъ числа веретенъ. Расширилось также и производство шерстяныхъ тканей, при чемъ возникло большое число кустарныхъ заведений, въ особенности въ провинціи. Слѣдуетъ отмѣтить расширеніе дѣятельности Акц. Общ. «Текстель». Ткацкая фабрика Гольмъ и Ко. возобновляетъ свою дѣятельность. Нельзя не отмѣтить обработку льна на широкихъ началахъ Лявической Мануфактурой Л. и Ш. Гоффъ въ Либавѣ. Производительность пищевыхъ и вкусовыхъ веществъ замѣтно оживляется послѣ тяжелаго кризиса вълѣдствіе міровой войны.

Ныѣшнее пиво по качеству своему едва ли уступаетъ довоенному. Работающіе крупные пивоваренные заводы слѣдующіе: «Пильгенъ» акц. общ., «Кюммель», акц. общ., «Тангейзеръ» Э. Пильсъ.

Изъ консервныхъ заводовъ слѣдуетъ отмѣтить: Акц. Общ. Л. В. Геггингеръ, фабрику консервовъ, шоколада и жест. упаковки; Товарищество Балтійской паровой консервной фабрики; Арнольдъ Зерепель, фабрики консервовъ и жестяной упаковки.

Производство шоколада и конфетъ до войны не занимало столь видное мѣсто, какъ теперь. Наибольше известными фабриками являются: Акц. Общ. Л. В. Геггингеръ, Рига; В. Кузе, Рига; Акц. Общ. по эксплуатаціи шоколадной фабрики Р. Ригертъ, Рига; Акц. Общ. Ланковскій и Ляколь, Митава.

Въ послѣднее время въ Латвіи сильно развилось мукомольное дѣло, на которое ассигнованы крупныя средства по оборудованію и усовершенствованію предпріятій этого рода.

Изъ крупныхъ мукомольныхъ паровыхъ мельницъ слѣдуетъ отмѣтить: Беренсъ и Ко., Либава; Т-во паровой мельницы «Викторія», Рига; Б. Левитасъ и Ко., Рига; Мукомольное Т-во Фр. Штейнъ, Рига.

Значительно сократилась табачная промышленность. Сейчас работают въ Ригѣ четыре крупныхъ предпріятія: А. Г. Рутенбергъ, А. З. Майкаларъ, М. М. Асимаксъ и Мюндель и Ко.; кромѣ того имѣется цѣлый рядъ мелкихъ предпріятій, имѣющихъ характеръ мастерскихъ.

Среди заводовъ, изготовляющихъ керамическія издѣлія, слѣдуетъ назвать: фарфоровый заводъ С. М. Кузнецова. Хотя заводъ этотъ работаетъ въ прежнемъ объемѣ, все же онъ расширилъ за последнее время свое производство.

Въ заключеніе можно сказать, что въ настоящее время въ Латвіи работаетъ болѣе 2500 крупныхъ и мелкихъ промышленныхъ предпріятій, изъ коихъ самыми интересными въ смыслѣ сдѣлокъ съ заграницей являются среднія и мелкая промышленность, какъ самая жизнеспособная и подвижная единица, нуждающаяся въ темпической поддержкѣ заграницы.

Эстонія.

Торговля и промышленность.

Торговля Эстоніи за послѣдніе полутора года претерпѣвала разнаго рода неудобства, и потому статистика ввоза и вывоза не даетъ ясную картину медленнаго паростанія или сокращенія экспорта и импорта того или другого товара. Наибольшая доля ввоза падаетъ на Германию, которая участвовала своими товарами въ 55 проц. всего эстонскаго импорта. При этомъ, конечно, надо огорчиться, что товары, ввозимые Германией, далеко не всѣ нѣмецкаго происхожденія, а большей частью являлись транзитнымъ грузомъ. Въ отношеніи вывоза Англія занимаетъ первое мѣсто.

Эстонскій вывозъ вполне свободенъ отъ всѣхъ экспортныхъ формальностей. Исключеніе составляетъ экспортъ масла и мяса, за которыми установленъ строгій контроль, такъ какъ таковое должно отвѣчать правиламъ какъ санитарнымъ, такъ и анализу, предусматриваемому заграничными покупателями.

Ревельскій портъ, благодаря возрастающимъ сношеніямъ съ заграничьемъ, очень расширивъ и оборудовавъ новейшими заграничными приспособленіями, электрическими подъемными кранами, для расширенія и увеличенія работоспособности вострсно большое количество складочныхъ помѣщеній и товарохранилищъ, что въ значительной степени облегчаетъ сохраненіе транзитныхъ товаровъ, идущихъ изъ Россіи.

Въ Эстоніи нынѣ существуетъ около 340 акціонерныхъ обществъ съ общимъ основнымъ капиталомъ до 2,5 милліардовъ эст. марокъ. Благодаря сравнительно незначительной задолженности, эстонская марка быстро стабилизировалась и нынѣ занимаетъ прекрасное мѣсто среди прочихъ валютъ молодыхъ государствъ.

Первое мѣсто изъ числа промышленныхъ отраслей Эстоніи занимаетъ текстильная, переживающая въ настоящее время острый кризисъ, ввиду невозможности сбыта въ Россію, что практиковалось въ мирное время. Крупнѣйшими фабриками этой отрасли являются:

Балтійск. Ткацкая Мануфактура, Ревель. Т-во Цингенгофской суконной мануфактуры бывш. Верманъ и Сынъ, Т-во Кренгольмской мануфактуры, Нарва (крупнѣйшая бумагопрядильня въ довоенной Россіи), Акц. Общ. Нарвской суконной мануфактуры, Нарва.

Бумажная промышленность сумѣла быстро приспособиться къ требованіямъ рынка, достигнувъ при этомъ значительнаго прогресса. Крупнѣйшія бумажныя и целлулозные фабрики «Сѣверное бумажное и целлулозное акц. о-во» въ Тургелѣ. На этой фабрикѣ установлены машины новѣйшаго типа и примѣняется самый экономическій способъ работы, чѣмъ и достигается относительная дешевизна готоваго товара: бумага по качеству и цѣнѣ своей вполне успешно конкурируетъ на заграничныхъ рынкахъ даже съ дешевой финской бумагой. Большое количество бумаги этихъ фабрикъ экспортируется въ Россію.

Производство машинъ пока, правда, не достигло той высоты, на которой находилось до войны, но тѣмъ не менѣе постепенно увеличивается и улучшается. Самое главное затрудненіе въ дѣлѣ развитія этой отрасли кроется въ отсутствіи достаточныхъ средствъ для полнаго возстановленія ея.

За послѣднее время иривичи правительствомъ мѣры къ устраненію этого затрудненія, что въ свою очередь даю уже нѣкоторые положительные результаты.

Деревооблѣочная промышленность и производство мебели за послѣдніе два года сильно и замѣтно развились. Къ крупнѣйшимъ заводамъ этой отрасли слѣдуетъ отнести Акц. Общ. А. М. Лютеръ въ Ревелѣ, которому принадлежитъ большая, модно оборудованная механическая мастерская и деревооблѣочная фабрика.

Здѣсь изготовляются, какъ специальность, фаера сиднныя для стульевъ и мебели. Товары этой фирмы всемірно извѣстны подъ марками „Lutherma“ и „Venesta“.

Въ кожевенной промышленности съ 1919 года наблюдается большой подъемъ, возобновили свою дѣятельность цѣлый рядъ новыхъ кожевенныхъ заводовъ, усовершенствовавъ машины и расширивъ производство. Въ настоящее время въ Эстоніи работаютъ 6 крупныхъ фабрикъ, вырабатывающихъ различныхъ сортовъ кожу, 24 среднихъ и 60 мелкихъ фабрикъ. Кожа въ выдѣланномъ и законченномъ видѣ находитъ хороший сбытъ не только въ самой странѣ, но и за границей, при чемъ экспортируется преимущественно въ Америку, Англію и Германію.

Изъ заграницы приходятъ въ Эстонію болѣе цѣнные сорта кожъ, которая въ странѣ не изготавлиются, какъ-то: шевро, лакледеръ и друг.

Химическая промышленность можетъ быть подраздѣлена на пять отдѣльныхъ группъ: 1) химикаліи и краски, 2) дестилляція и перегонка дерева, 3) масла, 4) косметическіе предметы и мыло и 5) изготовленіе свичекъ. Крупнѣйшее предіятіе первой категоріи: химическій заводъ Акц. Общ. Рих. Мейеръ. Химическая отрасль за послѣднее время значительно усовершенствовала свое производство, обмѣнявъ машины старыя на но-

выя и вообще при помощи введенія новыхъ способовъ, не примѣнявшихся до войны. Число химическихъ предіятій, вырабатывающихъ сырое льняное масло, возросло въ теченіе послѣдняго трехлѣтія до десяти, съ ежегодной производительностью въ 185 000 пудовъ и 300 000 пудовъ варенаго масла.

Въ Эстоніи насчитывается 4 фабрики, изготавлиющія свички, обмѣнявшія свои машины на таковыя послѣдняго типа, почему и производительность сильно возросла. Эти четыре фабрики настолько хорошо поставили свое дѣло, что могутъ въ настоящее время экспортировать свички за границу. Свичечная соломка и прежде находила себѣ пѣрвый и регулярный сбытъ въ Швецію, Англію, Данію и Германію.

Также значительно расширилось производство цемента, издѣлій изъ стекла и глины, кирпичная и известковая промышленность.

Въ заключеніе слѣдуетъ обратить вниманіе на двѣ отрасли промышленности, имѣющія большое будущее, какъ-то: изготовленіе рыбныхъ и мясныхъ консервовъ, а также высокоградуснаго спирта для техническихъ и друг. цѣлей.

Л и т в а.

Торговля и промышленность.

Промышленность Литвы находится въ несколько худшемъ положеніи, чѣмъ въ Латвіи и Эстоніи. Правда, существуетъ цѣлый рядъ предпріятій съ хорошо развитой отраслью производства (напр. кожевенная, табачная, обработка янтаря, торфяники и т. д.), но крупной индустріи нѣтъ. Изъ кожевенныхъ фабрикъ, центръ которыхъ находится въ Шавляхъ, слѣдуетъ отмѣтить, пользующіея большой популярностью и за границей, фабрики Х. Френцеля и Хорвакчицаго въ Шавляхъ, экспортирующія свои фабрикатъ за границу; изъ машиностроительныхъ фабрикъ — заводъ акц. общ. «Пьмунасъ», нѣкоторыя машины изготовляетъ и торговый домъ Масюлиса и Балтрунайтиса (Шавля), возлѣ дер. «Петрашупи» находится недавно выстроенный стекольный заводъ «Стипласъ», наконецъ первыя по величинѣ въ Балтійскіе холодильники, устроенны въ Алексоташъ обществомъ «Майстасъ». Появились и два кирпичныхъ завода. Недавно реорганизована купленная крупнейшимъ банкомъ Литвы — «Укіо bankas» — фабрика гвоздей, замковъ и металлическихъ издѣлій бр. Шмидтъ, работавшая прежде на всю Россію и экспортирующая свои издѣлія за границу. Наконецъ, благодаря трудамъ инженера Я. Бергольда и средствамъ, отпускаемымъ крупнейшимъ въ Литвѣ финансистомъ К. Вайлюкайтисомъ, сдѣланы очень удачныя попытки къ выработкѣ собственного литовскаго сахара (объ этомъ статья, помѣщенная въ № 1 журнала). Изъ спичечныхъ фабрикъ необходимо указать на то, что литовскія спички по выработкѣ и качеству не уступаютъ шведскимъ (напр., фабрики «Этна», «Балканъ»). Часть изъ этихъ фабрикъ — въ Ковно, другая — въ Яноя. Табачная промышленность широко развита въ Литвѣ: измѣются табачная фабрика: «Зефиръ», «Вайделюте», «Зива», бр. Саломонъ, «Стамбуль» и др. Очень распространены табачныя издѣлія фирмы Иссерлисъ, въ Клайпедѣ фабрика «Мецифа». Главнымъ центромъ конфектныхъ фабрикъ являются Шавля: здѣсь

много лѣтъ работаетъ заводъ «Бирута», издѣлія котораго премировались на заграничныхъ выставкахъ; отъ этого завода не отстаетъ другое крупное конфектное предпріятіе «Рута», наконецъ, въ Ковно изготовляется шоколадъ лучшихъ сортовъ завода «Тилка», во главѣ котораго находится специалистъ бр. Кагановы. Изъ консервныхъ фабрикъ функционируютъ въ Ковно — фабрика Розмарина, въ Шавляхъ — литовскаго союза кооперативновъ и въ Клайпедѣ фабрика Шмидтъгалъ и Ко. Въ сѣверной Литвѣ, въ мѣст. Юдупе, расположена единственная суконная фабрика Оскара Трея, изготовляющая сукна и матеріи лучшего качества при сравнительной дешевизнѣ товара. Изъ маслобойныхъ заводовъ лучшими считаются фабрика акц. общ. «Рингува» (въ Шащахъ) и англо-литовскаго общ. (въ Шавляхъ). Пивоваренныхъ заводовъ въ Литвѣ немного, но пиво съ весьма малымъ процентомъ алкоголя. Крупнѣйшими заводами считаются: Вольфъ и Энгельманъ (Ковно), «Рагутисъ» (Ковно), Гольдберга (Прены) и Клайпедскаго акц. общ. пивоваренныхъ заводовъ (Клайпеда). Акціонерное общество «Магастъ» въ Поневѣжъ изготовляетъ цементъ, стекло и друг. предметы. Есть даже специальная фабрика, изготовляющая батарейки для фонарей — общ. «Рамбонасъ» въ Клайпедѣ и «Педа» въ Ковно. Специальный заводъ по изготовленію культуры дрожжей и культуръ разныхъ винъ («Рейнвейгъ», «Бордо», «Бургундъ», «Мозель») расположенъ въ Поневѣжъ и принадлежитъ Акц. Общ. ясельниковъ Ст. Монтилло и Ко. Изъ парфюмерныхъ и мыловаренныхъ заводовъ отмѣтимъ фабрики «Флорансъ», Судака, «Космосъ» и др. Нѣкоторые сорта мыла превосходятъ привозныя.

Что касается предпріятій промышленныхъ, находящихся въ Клайпедской (Мемельской) области, то о нихъ подробный отчетъ будетъ помѣщенъ въ очередной книгѣ журвала.

Что экспортирует Литва?

Главнѣйшими предметами, экспортируемыми Литвой, являются льно, ленъ, зерно, скотъ и сельско-хозяйственные продукты, главнымъ образомъ яйца. Огромное количество битой птицы экспортируется за границу изъ холодильниковъ общества «Майстаель». Главнымъ потребителемъ являются англійскій, германскій и чехословацкій рынки. Льнон экспорть возставленъ въ Литвѣ очень высоко. Существуютъ громадныя льноспинные заводы, льнопромышленники составляютъ самую могущественную финансовую группу въ коммерческомъ мѣрѣ Литвы. Въ большомъ количествѣ вывозится при помощи монопольных средствъ ленъ. Экспорть яицъ производится, главнымъ образомъ, союзомъ кооперативовъ и обществомъ „Extras". Большия операціи производятъ также и онтогме торговны рогатого скота.

Литовскіе финансы.

Положеніе литовскихъ финансовъ, несмотря на кампанію, ведущую недавно заграничей политическими педругами, вполне стойкое и прочное. Литъ котируется такъ же, какъ въ моментъ выпуска его: 10 литовъ равны одному доллару. Стойкость литы объясняется полнымъ покрытіемъ выпущенной Литовскимъ Эмиссіоннымъ Банкомъ валюты золотомъ и твердой иностранной валютой.

Что касается банковскихъ операцій, то таковыя производятъ банки: Литовскій Крестьянскій (Укіо), Кооперативный, Кредитный, Торгово-Промышленный, Коммерческій, Клайпедскій Народный, Международный, Еврейскій центральный, Еврейскій народный, Литовскій Народный, Ковенскій Взаимнаго кредита, Нѣмецкій Взаимнаго кредита и частныя банкирскіе конторы: В. Френкель, М. Бруна, Свирскаго и Чарне, Мишельскаго и Бургина, бр. Борншайтисъ, Россіенскаго и др.

Почти все банки имѣютъ отдѣленія во всехъ мѣстечкахъ Литвы, а банкир-

скія конторы въ окружающихъ центрахъ.

Во многихъ банкахъ на должную высоту поставлены товарные отдѣлы. Литовскій Укіо-банкъ началъ производить въ прошломъ году опыты съ засажденіемъ свеклосахарной промышленности, пригласивъ для руководства специалиста, изъ генера Я. Бергольда. Опыты признаны вполне хорошими и будутъ производиться въ большомъ масштабѣ.

При ближайшемъ участіи главнаго акціонера того же банка, финансистовъ бр. Вайлокайтисовъ, построены лучшіе въ Балтискъ холодильники, уже начавшіе экспортъ мяса и битой птицы въ Чехію, Англію и др. европейскіе страны.

Литовскій Торгово - промышленный банкъ открылъ отдѣленіе въ Берлинѣ и производить большія операціи.

Еврейскій Центральныи Банкъ, объединяющій свыше 80 народныхъ банковъ, въ мѣстечкахъ Литвы, является очень прочной и солидной финансовой организаціей, всячески поощряя и выдавая ссуды по поднятію крупной и мелкой торговли.

Въ послѣднее время началъ проявлять инициативную дѣятельность и Литовскій Международный банкъ, созданный при дѣйствующемъ участіи американскаго капитала.

Большую и весьма полезную работу развѣдъ Банкъ Вселитовскаго Союза Кооперативовъ и Литовскій Кредитный Банкъ, поддерживающій промышленныя предпріятія, принадлежація крупному литовскому капиталу.

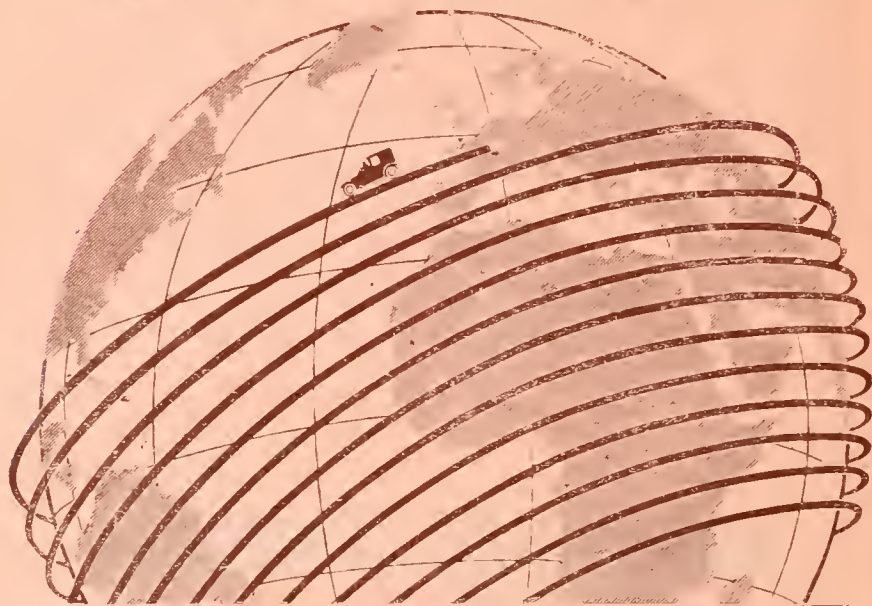
Въ общемъ, при совершенной пезадолженности Литвы, въ послѣдней имѣются на лицо все благожелательныя симптомы вѣрнаго и постепеннаго прорѣзанія и роста ее финансоваго благополучія.

Нѣсколько затруднительное въ настоящее время положеніе съ выдачей ссудъ и кредитовъ торгово-промышленнымъ учрежденіямъ и предпріятіямъ являются временнымъ тормазомъ, къ устраненію котораго принимаются дѣйствительныя и рѣшительныя мѣры.

ЭКОНОМИЧЕСКІЙ СПРАВОЧНИКЪ

**Желаете ли имѣть автомобиль, способный сдѣлать
15-ти кратный пробѣгъ вокругъ земного шара?**

**Таковъ средній пробѣгъ 15-ти лѣтней
службы изготовляемыхъ заводами
„RENAULT“, таксомоторовъ и авто-
мобилей туризма.**

Выносливость авто-
мобилей

„RENAULT“
неограничена.

Генеральный пред-
ставитель
для Латвіи и Литвы

А. Глазницкѣ,
РИГА,

Мельничная ул. 41.
Тел. 27-50, 85-02,
85-03.

Покупайте

только автомобили

„RENAULT“

Автомобили

„RENAULT“
всегда на первомъ
мѣстѣ

Каждъ образецъ вы-
носливости, авто-
мобиль

„RENAULT“
выставленъ
достопримѣчатель-
ностью въ армейск.
музеѣ Франціи.

ЛАТВИЯ

Крупнѣйшія частн. кредитныя учрежденія.

Рижскій Коммерческій Банкъ

основ. въ 1871 г.

Акц. капитал.: 5000000 латъ = 250000000 л. р.

Правленіе:

Рига, Сарайная ул. 23/31

Отдѣленія: въ Латвіи: Двинскъ, Либава, Митава, Рѣжица и Виндава.
въ Литвѣ: Шаули.

Городская контора въ Ригѣ: Известковая 21

Телеграфный адресъ для Правленія и отдѣленія: „**Ригабанкъ**“

Литовскій Торгово-Промышленный Банкъ

Отдѣленіе въ Латвіи:

Либава, Большая ул. 6. Тел. 207.

Основной капиталъ: 6.000.000 лит.

Правленіе: Ковно, Аллея Свободы 66;

Отдѣленія: Биржи, Янишки, Кейданы, Кибарты, Линково, Мариамполь, Можейки, Мемель, Обели, Олита, Ойнишки, Поневѣжъ, Погегенъ, Рокишки, Россіены, Шаули, Свекшна, Тельши, Тауроги, Вилькомиръ, Утяны.

Латвійскій Банкъ Промышленн. и Торговли

Основн. капиталъ: Л. Р. 75.000.000.—

ПРАВЛЕНІЕ:

Рига, бл. Песочная ул. № 15 17

ОТДѢЛЕНІЯ:

въ Либавѣ, Виндавѣ, Рѣжицѣ и Двинскѣ.

Рижскій Международный Банкъ

РИГА,

бл. Песочная ул. 1/3
противъ Биржи

Телегр. адр.: „**Starbank — Riga**“

Основн. капиталъ: Л. Р. 60.000.000.—

Производитъ всѣ банковскія операціи.

Рижскій для внѣшней торговли Банкъ РИГА,

Известковая ул. 12,
почт. ящ. 696.

Телегр. адресъ: „**Foreignbank**“

Осн. капиталъ: Л. Р. 50.000.000.—

Исполненіе всѣхъ банковскихъ операцій.

Акціонерное Общество „Либавскій Банкъ“

Основн. капиталъ: Л. Р. 40000000.—

Либава

Церковная улица № 3, тел. 509, 69

Рига

Мл. Королевская ул. № 2.

тел. 21-14, 39-29, 39-30, 87-39.

Телеграфн. адресъ: „**Aksalibank**“

Третье Рижское Общество Взаимнаго Кредита

основ. въ 1869 г.

Рига, Известковая ул. 18, тел. 19-78,
телегр. адресъ: „**Третье Рига**“.

Основ. капиталъ: Л. Р. 124.270.—

Запасн. капиталъ: Л. Р. 8.963.389.01

Предсѣдатель Правленія: Г. И. Гусевъ

Члены: М. И. Гусевъ, С. С. Климовъ,
В. Ф. Максимовъ, А. И. Трофимовъ

Управляющій дѣлами: А. С. Шибавъ.

Латвійскій Коммерческій Банкъ Акціонерное Общество

Осн. капитал. полностью внес: латъ 500,000.—

Правленіе: **Рига**, Сарайная улица 15
телегр. адресъ: „**Latkombank**“

Отдѣленія: Либава, Большая ул. 15 Гольдингенъ,
Либавская ул. В. Динскъ, Рижская ул. 32. Зилупе,
Вокзальная ул. 2. Пемзаль, б. Рижская ул. 13В.

Мѣняльня копторы въ жел. дор. станціяхъ:

Рига главная, Рига I, Зилупе,
Индра, Ритупе, Земгале, Мейтене.

Телефоны въ Ригѣ: Дирекц. 21-84,
Контора 34-69, Дисконт. и товарн. отд. 51-29

ЛАТВИЯ

Промышленность Латвии.

Акц. О-во дрожжево-винокуренного,
спирто-очистительн. и водочн заводовъ

А. Вольфшмидтъ въ Ригѣ

основ. въ 1847 г.

Ул. полк. Бредиса № 25.

Дрожжи, ликеры, наст. Рижскій травный
бальзамъ, наливки, коньякъ, солодовенный
экстрактъ, укусъ, фруктоныя эссенціи,
амиль-алкоголь, амиль-ацетатъ, укусный
эфиръ, разн. др. алкогольные препараты.

Centralā Savienība „KONZUMS“

Рига, Латвія, Dzirnau ielā № 68.

Центральный Союзъ кооперативовъ Латвіи.

Свои конторы и склады во всѣхъ
городахъ Латвіи.

Собственные мельницы, заводы и фабрики.

Вывозитъ льсъ, льняное сѣмя, зерно, мяс-
ные продукты, скиндаръ, древесн.
смолу, щетину и пр.

Ввозитъ сельско-хозяйственныя машины,
колониальные товары, коженныя
товары, мануфактуру, соль, сельди и пр.

Юг. М. Браунъ

Деревообдѣлочный и механическій заводы

Правленіе: Рига, Бл. Песочная ул. 22.

ЭКСПОРТЪ

Лѣсныхъ матеріаловъ

Спичечной соломки

Древесной муки

Сельско-хозяйствен. машинъ

Ульевъ.

Первая Латвійская Резиновая
Фабрика

„Варонисъ“

А. К. Динбергъ и Ко.

Рига, ул. Свободы № 147, тел. 21-36

Хирургическія издѣлія: разн. шприцы,
кншки, пилеты, хирург. перчатки и т. д.

Техническія издѣлія: буфера, шины, шары.
Игрушки, эбонитъ, прорезиненныя матеріи,
резиновые ремни.

Павель Бемъ РИГА

Правленіе: Бульваръ Аспазіи № 11

Телегр. адр.: „Paulboehm -- Riga“

Гипсовая мельница

Мѣловая фабрика

Фабрика изразцовъ и

изразцовыхъ печей

Фабрика легнаго шпата

Акц. О-во
Рижскихъ Текстильныхъ
Фабрикъ

Рига, Латвія

Правленіе: Сарайная ул. № 9

Телегр. адр.: „Textil - Riga“

Шерстяныя вязальныя и ткацкія нитки,
мужскія и дамскія матеріи,
матеріи для пальто.

Подшерстяныя подкладочныя ткани,
люстрины.

Фабрика шерстяныхъ матеріи
„Бостонъ“

Влад. Р. Альтерманъ

Рига,

Дерптская улица 73

телеф.: 32-84, 32-98.

Торгово-Промышленное Акц. О-во
И. Зандбергъ и Ко.

Рига, Бл. Мясницкая ул. 11.

Винокуренныя заводы
Керамическія фабрики

Кирпичъ, Черепицы,
Дренажныя трубы

и т. д.

ЛАТВИЯ

Экспедиция и Пароходство.

П. Борнгольдт и Ко.

Пароходы, агентство и аварийные комиссары

РИГА, Дворцовая ул. 9
ЛИБАВА, Большая ул. 18
ВИНДАВА, Ул. Синагоги 1

Пароходные линии:

Рига — Копенгаген, Дюнкерк, Гаврь, Руань, Бордо, Антверпен, Гельсингфорс, Стокгольм, Бремень и т. д.
Ревель — Копенгаген, Дюнкерк, Гаврь, Бордо, Антверпен, Гуль, Дублин, Бельфаст и т. д.
Либавя — Копенгаген, Антверпен, Лондонь, Гуль и т. д.

Гельмсингъ и Гриммъ

Пароходное Общество, агенты Ллойда и аварийные комиссары

РИГА, бл. Замковая ул. 21
ЛИБАВА, Большая ул. 8
ВИНДАВА, Водяная ул. 15

Постоянные пароходные линии:

Рига - Лондонь, Рига - Гуль, Рига - Манчестеръ и Ливерпуль, Рига - Лейт, Дунди, Абердинъ, Рига-Штеттинъ, Рига-Гамбургъ, Рига-Любекъ, Рига-Роттердамъ и Рейнь, Рига - Христианія.

Bergenske Baltic Transports Ltd. in Latvia.

Пароходные маклера и аварийные агенты

Рига, бл. Песочная ул. 1/3
Либавя, Большая ул. 6
Виндава, Замковая ул. 54

Постоянная пароходная линия:

Рига — Виндава — Лондонь и обратно
Пароходное сообщение съ другими портами Англии и континента.

Главная контора:

London EC3, 33³/₈₅ St. Mary Axe

Латвийское Экспедиционное Анц. Общ.

„Гергардъ и Гей“

Правление въ Ригѣ: Крѣпостная ул. 1.

Отдѣленія въ Либавѣ и Виндавѣ.

Транспортиров. грузовъ, очистка пошлины, хранение товаровъ, страховка, инкассо.

Главные представители фирмъ:

„Гергардъ и Гей“, Лейпцигъ, Германия.

Эстонское Транспортное Аки. О-во

„Гергардъ и Гей“. Ревель.

„Poseidon“

Пароходное Общество

Рига, М. Замковая ул. 1.

Кенигсбергъ, Пиллау, Мемель, Берлинъ

Представители пароходн. линий

Гуго Стиннеса.

Гамбургъ — Восточн. Азія, Гамбургъ — Мексика, Гамбургъ — Южн. Америка.

Телегр. адр.: „Посейдонъ — Рига“.

Братья Кроссъ

Международные транспорты.

Правление: Рига. Бременская ул. 7 и 9.

Отдѣленія въ Либавѣ и Виндавѣ.

Очистка пошлины, страховка, инкассо, транзитированіе грузовъ въ СССР и Прибалтійскія государства.

Склады для транзитныхъ и массовыхъ грузовъ.

А. Миноръ и Ко.

Рига

Lairu ielā Nr. 24 Тел. 81-18.

Транспортированіе грузовъ

заграницу, изъ-заграницы,
очистка пошлины, хранение
товаровъ, инкассо, комиссія

„World Service“

В. А. Шибаевъ

РИГА,

Яковлевская ул. № 16,
тел. 59-11

Телегр. адр.: „Service-Riga“

Международные транспорты,
таможенная очистка, хранение
товаровъ, комиссія, инкассо.

ЛАТВИЯ

ВНѢШНЯЯ ТОРГОВЛЯ.

Автомобили

Глазвѣкъ, А., Рига, Мельничная ул. 41, тел. 27-50, 85-02, 85-03. Автомобили „Renault“.

„Латлаубсѣ“ Латв. Сельско-Хозвѣств. Авд. О-во, Рига, Школьная ул. 6 и 10. Автомобили „Willys Overland Crossley, Ltd.“

Фельдманъ, Валентинъ, Рига, Церковная ул. 27/29, тел. 20-00.

Авто-шины

Автомобильное Инженерное Бюро, осв. 1910 г., Рига, Конюшенная ул. 21, тел. 40-60. „Goodrich“ покрышки и камеры.

„Автотехника“, Торг. Т-во, Рига, Бульв. Свободы 1, тел. 15-23. Автошины „Firestone“.

„Контцентра“, Пнж. Георгъ Кенниъ, Рига, Бульв. Аспазин 4, тел. 85-22.

„Peters Union“, Франкфуртъ и М., генер. представитель Отто Деттманъ и Ко., Рига, б. Замковая ул. 6, т. 28-27. (Автомобильная, мотоциклетн. и велосипедная покрышки и камеры).

Романъ, Павелъ, Торг. Домъ, Рига, Маринская ул. 35, тел. 53-40. Шины „Michelin“ для автомобилей, мотоциклов и велосипедовъ).

Шехтеръ, П. М., Рига, Школьная ул. 4, тел. 31-46. Шины „Michelin“.

Агентуры

Кноффъ, Юг., Рига, б. Новая ул. № 17, тел. 48-87.

„Прогрессъ“, Эксп.-Импорты. Авд. О-во Берлинъ, представ. Александръ Абуговъ, Рига, Известковая ул. 1, т. 53-85.

Адреса

„Ostdienst“, Издательство, пнж. Л. Гарфлядь, Рига, Бастюнный бульв. 9, тел. 46-08. Адреса по специально-стямъ фабрикъ, заводовъ, акц. общ., торговыхъ домовъ Латвіи, Эстоніи, Литвы и всего свѣта.

Адресныя книги

„Ostdienst“, Издательство, пнж. Л. Гарфлядь, Рига, Бастюнный бульв. 9, тел. 46-09. Торгово-промышленная адресн. книга Латвіи на 1924-25 г.

Торгово-промышленныя адресныя книги Эстоніи и Литвы.

Анилиновые краски

Штвда, Эрнстъ, представ. Баденскихъ Анилиновыхъ и Содовыхъ заводовъ, Людвигсгафевъ в./Р., Рига, Старый городъ № 9, тел. 21-88.

Арматура и приводы

Зауэрштейнъ, Фр. внж., Рига, Купеческая ул. 8, тел. 37-84; Либава, Купеческая ул. 9, тел. 335.

Келлеръ, О. П., Бульв. Аспазин № 6, тел. 12-82.

Инструменты, пилы

Келлеръ, О. П., Рига, Бульв. Аспазин № 6, тел. 12-82.

Мануфактура

„Тэавъ“ Торг. Т-во, Рига, Господская ул. № 1, тел. 52-53.

Машины, для обраб. мет. и дер.

Келлеръ, О. П. Рига, Бульв. Аспазин № 6, телеф. 12-82.

Машиностроит. заводы

Келлеръ, О. П., Рига, Правленіе: Бульв. Аспазин № 6, тел. 12-82. Отдѣлъ I. — приводы. Отдѣлъ II. — арматура.

ЛАТВИЯ

Внѣшняя торговля.

Минеральные вещества

The Alliance Trading Company Ltd.,
Рига, Петроерков. пл. № 1, тел. 11, 7-64.

Мотоциклы

Мансфельдъ, В., и Ко., Рига, Петроер-
ковная ул. № 1, тел. 31-70. Пр-во для
Латвіи мотоциклетовъ „Indian“.

Обои

Мансфельдъ, В., и Ко., Рига, Петроер-
ковная ул. № 1, тел. 31-70

Приводные ремни

Кедлеръ, О. П., Рига, Бульв. Аспазин
№ 6, тел. 12-82.

Сахаръ

І Латвійское Акц. 0-во Сахарныхъ
Заводовъ, Рига, Школьная ул. № 10,
тел. 52-44, 61-30.

Сельскохозяйствен. машины

„Латлаукс“, Латв. Сельско-Хозяйст-
венное Акц. 0-во, Рига, Школьная ул.
№ 6 и 10.

Смоляные продукты

The Alliance Trading Company Ltd.,
Рига, Петроерков. пл. № 1, тел. 11, 7-64.

Строительные материалы

Ансовъ и Ко., бывш. Фриксъ и Ко.,
Рига, Парковая ул. 8, собств. домъ, тел.
18-90 (огнеупор. кирпичъ, глина и трубы).

The Alliance Trading Company Ltd.,
Рига, Петроерковная пл. 1, тел. 11, 7-64.

Текстильные машины

„Латлаукс“, Латв. Сельско-Хозай-
ственное Акц. 0-во, Рига, Школьная
ул. № 6 и 10. Машины фирмы „John
Hetherington & Sons, Ltd., Manchester.

Химические товары

The Alliance Trading Company Ltd.,
Рига, Петроерковная площ. 1, тел. 11,
7-64.

„Латлаукс“, Латв. Сельско-Хозай-
ственное Акц. 0-во, Рига, Школьная
ул. № 6 и 10.

Чай

Strömmers, С. А., Рига, Конная ул. 17,
тел. 29-51.

Шоколадъ

Брокгаузенъ, Р., Рига, м. Кузнечная
ул. 10/12, тел. 50-92.
Шоколадъ.

Экспедиція

Гремшлеръ, Р., и Ко., Рига, „б. Мясниц-
кая ул. № 8, тел. 54-79.

Корнъ, Е. и Ко., Рига, Ткацкая ул. 3,
тел. 37-45, телегр. адр.: „Ekom“.

Экспортъ-Импортъ

The Alliance Trading Company Ltd.,
Рига, Петроерковная площ. № 1,
тел. 11, 7-64.

„Селосоюз Лимитед“ Рижская Контора

Единственный Представитель Всероссийского Союза Сельскохозяйственной
Кооперации „Сельскосоюз“ Москва.

Рига, Крепостная улица 2, кв. 24, телеф. 62-60, телегр. адр.: „Рига — Сельскосоюз“

Экспорт

Сельскохоз. продукты: масло, яйца,
семена, сырье, пушнина и пр.

Импорт

Сельскохозяйственные машины,
семена, удобрение и пр.

ЭСТОНІЯ

Частныя кредитныя учрежденія.

Эстонскій Коммерческій и Промышленный Банкъ

Основн. капиталъ: Эмк. 200000000.—
Запасн. капит.: Эмк. свыше 100000000.—

Правленіе: Ревель, S. Karja tän. 7.

Отдѣленія: Юрьевъ, Феллинь, Гапсаль,
Нарва, Перновъ, Печоры, Валкъ, Везенбергъ

Тел. адр. для Правленія и отдѣленій:
„Industriebank“

Харью Банкъ

Акц. О-во, Ревель

Оси. и запасн. капиталы: Эмк. 67000000.

Правленіе: Ревель, Narju tän. 33

Отдѣленія: Везенбергъ, Нарва, Юрьевъ,
Перновъ, Коппель (у Ревеля) и
Котла-Ярве (въ сланцевомъ районѣ)

Экспедиц. отдѣл., склады, храненіе това-
ровъ, очистка пошлыны.

Генеральн. Агентство Страхов. Акц. Общ.
„Eesti Lloid“, Ревель.

Ревельскій Кредитный Банкъ

основ въ 1907 году

Ревель, S. Karja tän. 23

Телегр. адресъ: „Kreditbank“

Основной капиталъ: Эмк. 44000000.—

Отдѣленіе въ Гапсаль.

Юрьевскій Банкъ

основ. въ 1868 году

Оси. капиталъ: Эмк. 40000000.—

Правленіе: Юрьевъ (Tartu), Suurlurg 20

Отдѣленія: Ревель, Феллинь, Оберпалень,
Вейсенштейнъ, Верро и Везенбергъ.

Непосредственное сношеніе
съ Россіей.

Эсто-Русскій Банкъ

(Eesti-Vene Pank. A/S)

Ревель, V. Posti tän. № 6.

Оси. капиталъ: Эмк. 26000000.—

Производитъ всѣ банковыя операціи

Съверный Банкъ

(Põhja-Pank, A.-S.)

Оси. капиталъ: Эмк. 18000000.—

Правленіе: Ревель, S. Karja tän. 20.

Отдѣленія: Абыя-Палуоя, Алленкюль,
Юрьевъ, Феллинь, Верро.

Телегр. адресъ: „Pohlpank“

Ревельскій Городской Банкъ (Tallinna Linnapank)

Ревель, Mundi tän. 2

Телегр. адресъ: „Linnapank“

Исполняетъ всѣ банковыя операціи

Ревельскій Еврейскій Кооперативный Банкъ (Tallinna Juudi Ühispank)

РЕВЕЛЬ, Kuninga tän, № 6.

Телегр. адресъ: „Talkopa“

Производитъ всѣ банковыя операціи.

ЭСТОНІЯ

Пароходство и экспедиція.

United Baltic Corporation

Пароходное агентство и экспортъ лѣса

Эстонское отдѣленіе

Ревель, Vene tän. № 11

Регулярное сообщеніе между портами:
Лондонъ, Данцигъ, Либава, Рига. Ревель
на быстроходныхъ почтово-пассажирскихъ
пароходахъ

Baltannic, Baltabor, Baltriger, Edmee

Оскаръ Студе

Ревель, Suur Brooksmägi № 14

Телегр. адресъ: „Studeos“

Транспортъ, Храненіе товаровъ, Инкассо
Страхованіе, Пароходное агентство.

Собственные буксирные пароходы, баржи
и склады съ жел.-дор. вѣткой.

Отдѣленія:

Перновъ, Валъ и Юрьевъ

Пароходное Общество Thomas Clayhills & Son

Телефоны: РЕВЕЛЬ Тел. адресъ:
1-18, 22-17 Suur Brooksmägi 14 „Clayhills“

Регулярное пароходное сообщеніе:

Ревель-Штеттинъ

Ревель-Стокгольмъ

Ревель-Гельсингфорсъ

Е. Брокнеръ и Ко.

Правленіе: Ревель, Pikk tän, № 45

Отдѣленіе: Юрьевъ, Kõüni tän, № 1

Телегр. адресъ: „Brocknerco“

Транспортъ, очистка пошлинъ,
храненіе товаровъ, транзитъ,
инкассо, комиссія

Собственные склады

Карль Ф. Галнбэкъ

Пароходное Агентство

Ревель, Uus tän, № 2

Регулярные пассажирскіе рейсы
изъ Ревеля въ Гельсингфорсъ, Штеттинъ,
Любекъ, Стокгольмъ, Копенгагенъ, Гуль
и обратно.

Регулярное товарное сообщеніе:

Ревель-Гельсингфорсъ, Стокгольмъ, Дан-
цигъ, Рига, Либава, Любекъ, Гамбургъ,
Гетеборгъ и обратно.

Отправленіе грузовъ во всѣ крупные
порты міра.

О. Моллеръ - Ревель

Vana Sadama tän. 5

Телегр. адресъ: „Baltport“

Экспедиція, — Коммисія, — Инкассо

Представительства:

Hugo Minack Nachf., Stettin.

Baltisk Transport Kompagni A./S.,
Kopenhagen

Эстонское Пароходное и Экспедиторское Акц. Об-во

Ревель, Uus tän № 14

Экспедиція, очистка пошлинъ, хра-
неніе, страховка, транзитъ,
фрагтованіе.

Собственные склады съ рельсовыми путями

Отправка грузовъ и пассажировъ въ
Штеттинъ и Лондонъ

Альбертъ Гутманъ

Ревель, Pikk tän. 41

Телегр. адресъ: „Agost“

Экспедиція — Очистка пошлинъ

Инкассо — Коммисія

Страхованіе

ЭСТОНІЯ

Промышленность.

Механические заводы „Францъ Круль“ Акц. О-во

Ревель, Kopli tän. № 28

Сельскохозяйственные машины и тракторы
Паровые машины и насосы, паровые котлы

Оборудованіе

винокуренныхъ, крахмальныхъ, древесно-перегонныхъ, маслобойныхъ, кожевенныхъ и др. заводовъ.

Холодильныя машины
и машины для изготовл. льда

Металлическіе Заводы Акц. О-ва „Ilmarine“ (бывш. Фр. Вигандъ)

Ревель, Rannavärava puistee № 21

Оборудованіе: винокуренныхъ, фанерныхъ, кожевенныхъ заводовъ и боевъ.

Изготовленіе: нефтяныхъ моторовъ „Русь“, водяныхъ турбинъ, паровыхъ машинъ, трансмиссій, насосовъ, гидравлическихъ прессовъ, дым. трубъ, котловъ и резервуаровъ.

Отливка изъ стали, чугуна и мѣди.

Химическій Заводъ Dr. chem. А. Штанге, Акц. О-во Ревель

Rataskaevu tän. № 6, тел. 10-97

Декстринь, ализариновое масло, растит. клей „Robur“, сургучъ, кожев. аипретура, табачные экстракты, мыла, фруктовыя и ягодныя эссенцій, кондиторскіе краски и

фармацевтическіе препараты

Ликерный и водочный заводъ „Ревельскій Спиртовой Заводъ“

Ревель, Merepuistee № 15, тел. 24-26

Спеціальности:

Crème de Mandarine, Кюммель, Померанцевая, Русская водка, Бренди.

Высшаго качества ликеры, водки и наливки.

Золотая медаль

на Парижской выставкѣ 1924 г.

Табачная фабрика Акц. О-во „ESLON“

Ревель, Munga tän. № 5

Тел. 22-53

Высшіе сорта:

Папиросныхъ и трубочныхъ табачковъ

Акц. О-во „ОДОРЪ“ Ревель

Jaani tän № 6, тел. 14-23

Основа. капиталъ: Эмк. 8000000.—

Заваса. капиталъ: Эмк. 2500000.—

Фабрика

косметики, парфюмерій, хозяйств. принадлежностей, консервовъ, уксусной эссенцій, всѣхъ принадлежностей для конфектныхъ фабрикъ, конторскія принадл. и т. д.

Высшее качество — низкія цѣны.

фирма Викторъ Аустеръ Заводъ лимонада и минеральн. водъ Ревель

Suur Kloostri tän. № 18, тел. 17-52 и 27-30

Представители:

Акц. О-ва А. Le Соq, Лондонъ - Юрьевъ

Пильзенское
и мартовское пиво.

Акц. О-во „Veritas“

Ревель, Dunkri tän. № 4

Тел. 13-17

Ликеры — Водки

:: 16 высшихъ наградъ ::

Акц. Общ. Карлъ Тамманъ и Ко. РЕВЕЛЬ.

Управление:
Kentmanni tän. 5,
тел. 21-59.

Складъ:
Dunkri tän. 4,
тел. 5-02.

Представители слѣдующихъ иностранныхъ фирмъ

„Horchwerke“ Akt.-Ges., Zwickau
Легкіе и грузовые автомобили.

Société des Moteurs Gnome & Rhone, Paris
Мотоциклеты.

„Adlerwerke“ vorm. Heinr. Kleyer, A.-G., Frankfurt a/M.
Велосипеды и пишущія машины „Адлеръ“.

Dunlop Rubber Co., Ltd., Birmingham
Англискія автомобильныя и мотоциклетныя шины
(фабричный складъ).

Nordiska Kullager A/B. Göteborg
Шведскіе шаровые подшипники Н. К. А. (фабрич-
ный складъ).

Pluvius Feuerlöscher A.-G., Berlin
Огнетушители „PLUVIUS“.
Электрическія лампы „HELIOS“.

Требуйте вездѣ
патентованные въ Эстоніи препараты красоты

Fascinata и **Namada**

кремъ **Fascinata.**

Постоянно на складѣ всемірно известный одеколонъ

„**Johann Maria Farina**“
zur Stadt Rom, Cöln a/Rh.

Внимание!

Внимание!

Кто хочет имѣть постоянно удовольствіе
отъ своей швейной машины, тотъ поку-
паетъ только настоящую „Mundlos“
швейную машину у

Лиръ и Россбаумъ

Ревель,

Kataskaevu tän (Колесная ул.) № 5

Швейныя машины: „Mundlos-Original-Victoria“ и „Veritas“

Вязальныя машинны: Claes & Fentje, Mülhausen

Велосипеды: „Wanderer“ и „Brennabor“

Пишущія машинны: „Kappel“.

„Аква“

Заводъ безалкогольныхъ напитковъ

Ревель,

Vaimu tän (Страшная ул.) № 1, тел 6-19

Телегр. адресъ: „Akva — Tallinn“

Спеціальность:

безалкогольные экстракты для винъ и ликеровъ

„Аква“-лимонадъ, внѣ конкуренціи

Лимонная содовая „Citron-Soda“

Стеффенсъ и Ко.

G. m. b. H., Berlin

Ревельское отдѣленіе:

Kullaseppa tän (Серебряная ул.) № 5, тел. 21-03

Телегр. адресъ: „Stefiko“

Желѣзо — Металлы — Балки

Техническія принадлежности — Машины

Желѣзнодорожные матеріалы

Химическіе продукты — Искусств. удобреніе

Строительное и Техническое Бюро

„Эсторусъ“

Ревель,

V. Karja tän № 1, телеф. 500

Телегр. адресъ: „Estoruss“

Исполненіе всякихъ построекъ съ центральнымъ отопленіемъ и водопроводомъ

Составленіе проектовъ и смѣтъ.

Изготовленіе и продажа кирпича, черепицы и др. строительныхъ матеріаловъ.

Спеціальность: Желѣзобетонъ

The Trading & Industrial Company

„UNITAS“ Ltd.

EESTI, TALLINN (REVAL)

Merepuiestee 15, Tel. 14-85.

Telegrams & Cables: „UNITAS-TALLINN“

Branche offices: Isborsk—Narva, Baltic—Port.

Agencies: Moscow—Petrograd,
Pleskow—Berlin—Riga.

Importers, Exporters & Gener.
Merchants.

Tawboat & Shipowners.

Forwarding, Customers & Shipping
Agents.

АКЦ. О-ВО

С. Николаевъ

Эстонское отделение, РЕВЕЛЬ

Lai tãn (Широкая ул.) 13, тел. 5-80.

Автомобили

Hudson

Benz

Durant

Star

Тракторы

Benz-

Gaggenau

Benz-

Sendling

Принадлежности

„Continental”

автомобильная, мотоциклетная и велосипедная
шины и принадлежности

Фабричный складъ въ Эстоніи

Х. С. Оя

Ревель, Нарвская ул. № 6, тел. 19-61

РЕВЕЛЬСКОЕ

Мануфактурное и Торговое Акц.-О-во

РЕВЕЛЬ, Mundi tän. № 3, тел. 26-89 и 6-90.

Телегр. адр.: „Efberg-Tallinn”.

Мануфактурный Отдѣль
Оптов. складъ мануфакт.
ЕЖЕНЕДѢЛЬНО новости
РЕЗИНОВЫЙ ОТДѢЛЬ
Галоши высш. качества.

The
World-Shoe
1856

Резиновые издѣлія всякаго рода
НИЗКІЯ ЦѢНЫ

А. В. Макъ Киббинъ,
А./О.

Ревель

Wene täin (Никольская) 1.

Телефонъ 13-63.

Телегр. адр.: „Stronghold-Tallinn“.

Химическіе
товары

Хлопчатобумажныя
ткани

Шерстяныя
ткани

Макъ Киббинъ,
Т. Малковъ-Панинъ и Ко.

Ревель

Wene täin (Никольская) 1.

Телефонъ 13-63.

ЭКСПОРТЪ

лѣсныхъ

матеріаловъ.

ЧАЙ

Г. Ф. Бѣлягина

Китайскій экспортъ высшаго качества.

Несравненный аромать

Въ оригинальной упаковкѣ

Имѣется во всѣхъ магазинахъ колониальныхъ товаровъ

Главный Складъ: **Г. Ф. Бѣлягинъ,**
Ревель, Vanaturg № 1, тел. 4-81

ЛИТВА

Крупнѣйшія кредитныя учрежденія.

Kapitalas
15.000.000—
Litu

Lietuvos Ūkio Bankas
Kaunas, Laisvės Alėja 31, Tel. 56, 57

Основн.
капиталъ
15.000.000—
литъ

Korespondentai
visuose dideliuose
pasaulio centr.

Lietuvos Kredito Bankas
Kaunas, Laisvės Alėja 24, Tel. 200
Panevėžys,
16 Vasario 9-vė 28

Корреспонденты
во всѣхъ
крупныхъ центрахъ міра.

Lietuvos Tarptautinis Bankas

Литовскій Международный Банкъ

Kaunas

60 Laisvės Alėja 60

Производить всѣ банковскія операціи.

Lietuvos Prekybos ir Pramonės Bankas

Литовскій

Торгово - Промышленный Банкъ

Kaunas, Laisvės Alėja 66
Tel. 186, 227

Телер. адресъ: „Lietbank“

Отдѣленія во всѣхъ городахъ и
мѣстечкахъ Литвы

Корреспонденты во всѣхъ странахъ міра.

Отдѣленіе въ Либавѣ (Латвія)

Кредитный Земельный Банкъ, Акц. О-во

Klaipėda (Мемель)

Rinku g-vė (Marktstrasse) № 11,
Телеф. 132 и 997

Быстрое исполненіе
всѣхъ банковскихъ операцій

Льготныя условія кредита.

Tautinis Lietuviu Bankas A. B.

бывш.

(Lietuviu Bankas e G. m. b. H.)

Klaipėda, (Мемель)

Liepojas g-vė (Libauerstrasse) № 20

Основн. и запасн. капиталы свыше
5.000.000— литъ

Отдѣленія въ Heydekrug,
Pogegen и Šiauliai

Агентство въ Coadjuthen (Klaipėdo Kraštas)

ЛИТВА

Крупнѣйшія кредитныя учрежденія.

Lietuvos Komercijos Bankas.

ЛИТОВСКІЙ

Коммерческій Банкъ

Kaunas

Laisvės Alėja № 56,

тел. 3-30, 189.

Отдѣленія: | Кибарты, тел. 15
| Шавли, тел. 163

Производитъ всѣ бан-
ковскія операціи.

Корреспонденты во всѣхъ
странахъ міра.

**Центральный
Банкъ**

для кооперенія Еврейской
кооперации въ Литвѣ.

Kaunas

Laisvės Alėja № 48,

тел. 2-82, 3-84.

Телегр. адресъ: „Centrobankas“

Отдѣленіе въ Кибартахъ.

Корреспонденты въ 82 мѣстеч-
кахъ Литвы.

Прямая связь со всѣми стра-
нами включая РОССІЮ.

**Банкирская Контора
М. Браунъ**

KAUNAS

Laisvės Alėja №49, тел. 3-39, 7-78.

Производитъ

всѣ банковскія операціи.

Покупаетъ и продаетъ
инострannую валюту.

Корреспонденты
во всѣхъ центрахъ міра.

Переводы
во всѣ страны свѣта.

**Г. Мишельскій
и С. Бургинъ**

Банкирская контора.

Kaunas

Laisvės Alėja № 82, тел. 1-57, 4-02

Šiauliai (Шавли)

Kuršėnu g-vė № 1a. тел. 1-54, 1-55

Телегр. адресъ: „Miburg“

Производитъ
всѣ банковскія операціи
быстро и аккуратно.

ЛИТВА

Крупнѣйшія кредитныя учрежденія

Lietuvos Koperacijos Bankas

(Литовскій Кооперативный Банкъ)

Каunas,

Laisvės Alėja № 62, savī namai

Телефоны: 104, 746, 922, 923 и 924 Телегр. адресъ: „Koperbankas“

Отдѣленія въ Шавляхъ и Вилковншкахъ

85 корреспондентовъ въ Литвѣ и непосредственная связь съ банками Европы и Америки.

**Текущіе счета, займы, дисконтъ,
инкассо, аккредитивы,
переводы, иностранная валюта.**

Zivnostenská Banka v Praze

Centralá: Praha, Na Příkope č. 30

Telefon: 225, 939, 9790, 31200-19, 31300-3.

Основной капиталъ **Кč. 200.000.000** —

Запасный и страх. фонды **Кč. 145.000.000** —

Expositura Král Vinohrady, Naroži, Havlíčkovy tr. a Tylova nám 13. Tel. č. 111

Отдѣленія:

Mladá Beleslav (Юнгбунцлау), Bratislava (Прессбургъ), Brno (Брюннъ),
Německý Brod, Č. Budějovice, Hodnín, Hradec Král (Кениггрейтцъ),
Jhlava (Иглау), Klatovy, Kolin, Košice Liberec (Рейхенбергъ), Mělník,
Olomouc, Mor. Ostrava, Pardubice, Pisek, Plzeň (Пильзень), Prostějov,
Tábor, Teplice Ustí n/L (Аусигъ), Kralovy Vary (Карлсбадъ), Terst
(Триестъ), Vídeň 1 (Вѣна) Herrengasse 12.

Expositura v Opotiji

Производитъ всѣ банковскія операциі въ странѣ и за-границей.

ЛИТВА

Пароходство и экспедиция.

United Baltic Corporation Ltd.
158, Fenchurch Str., London E. C. 3.

Клайпеда (Мемель) - Лондонъ
Anglo-Baltic Line

Каждый четверг вечеромъ изъ
Клайпеды въ Лондонъ

Грузы и пассажиры принимаетъ:
„Suvienuyta Baltijos Korporacija,“
Акс В-вѣ.

Kaunas **Klaipėda**
Gedimino g-vė 7a Verläng. Alexander-
тел. 175 strasse № 19.

Baltisk Transport-Kompagni A. S.

Правленіе въ Копенгагенъ, Данія
Правленіе для вост. окраини, гооударствъ
Kaunas, Laisves Alėja 70.

Штеттнъ: Elisabethstrasse 71
Ревель: Vana Sadama tdn, 7
Либана: Jūras ielā 17
Можейки: Лит.-Латв граница
Клайпеда (Memel): Polangenstr. 46, тел. 384

Эйдткуненъ - Virbalis

Спеціальность - транспортъ яицъ и лѣса

Международные транспорты
Храненіе, Инкассо, Очистка грузовъ
отъ пошлннъ

Транзотъ во все страны свѣта

„Sandėlis“

Memeler Lagerhaus Aktien-Gesellschaft
Klaipėda, Liepojas g-vė 20, тел. 1-60 и 2-49
телегр. адр.: „Sandėlis“.

Отдѣленія въ Тильзитѣ и Погегенѣ
Международные транспорты, пароходство,
страхованіе, инкассо, очистка товаровъ
отъ пошлннъ.

Спеціальность:

Сообщеніе съ Литвой и Латвіей.

Регулярное пароходное сообщеніе:

Мемель - Данцигъ - Стокгольмъ

Fr. Meyer's Sohn

Правленіе: Гамбургъ, Германія

Kaunas: Klaipėdos g-vė 19
Рига: J. Smilšu ielā 6
Ревель: Pikk tdn. 51
Eydtkuhnen: Kirchplatz 2

Транспортъ, очистка това-
ровъ отъ пошлннъ, страхо-
ваніе, храненіе.

Приемъ грузовъ во все торговые
пункты міра.

„EKSPRES“

Транспортная и Экспедиционная
контора

Kaunas: D. Vilniaus g-vė 12,
тел. 3-34

Отдѣленіе: **Klaipėda, Brauerstr. 2**

Международные транспорты,
очистка отъ пошлннъ, инкассо,
храненіе, страхованіе

Международные транспорты

Л. Грундманъ

Kaunas: Laisvės Alėja 13,
тел. 87

Отдѣленія: **Вирбалис-Эйдткуненъ**
Экспедиція, очистка грузовъ
отъ пошлннъ, инкассо.

Транспортъ машинъ и котловъ
Собственный автомобильный и
гужевоы транспортъ

ЛИТВА

Промышленность и экспортъ.

Литовскій Союзъ Кооперативовъ

„Sajunga“

Правленіе: Каунас, Laisvės Alėja 62.
Бойни и консервные фабрики
въ Поневѣжѣ.
Отдѣленія: Вилковишки, Кейданы, Ро-
кишки, Вилкомиръ.

Экспортъ яицъ:
отдѣленіе въ Шавляхъ.

Экспортъ сельскохозяйственныхъ про-
дуктовъ, мяса, мясныхъ консервовъ, масла.

„Dubysa“

Акционерное Общество.
Правленіе: Каунас, Ožėškienės g-vė 5.

Отдѣленія:
Шавли, Поневѣжѣ, Рокишки.

Экспортируетъ:

Зерно — Зерновыя сѣмена.
Льняное сѣмя — жмыхи.

„Eksimportas“

Каунас
Laisvės Alėja 31, Tel. № 57,
Телегр. адр.:
„Каунас-Ексимпортас“.

Экспортъ:

Лень — льняное сѣмя.

Всевозможные сельскохозяйственные
продукты.

С. Варшавскій

Каунас, Vilniaus g-vė 19.

Лѣсные матеріалы:

Props — Sleepers

Papierholz

Строительные матеріалы.

Экспортъ.

Первое Литовское Экспортное Общество

„MAISTAS“

Экспортныя бойни, холодильники, консервные и
салотопенныя фабрики.

Правленіе: Каунас, Laisvės Aleja 31, tel 56 и 57
телегр. адресъ: „Maistas—Kaunas“.

Экспортируетъ:

Свиней, поросятъ, битую птицу

Окорока, съ костью, и безъ костей,
копченые и соленые.

Сало копченое и соленое.

Мясные консервы.

Высокіе сорта колбасъ.

Яйца — Масло.

Лучше въ Литвѣ
шоколадъ, мармел. и
карамель.

Первая Литовская фабрика
шоколада и карамели

„Birūtė“

въ Шавляхъ.

Склады: въ КОВНѣ, Laisvės Alėja 31,
тел. № 322, въ ВИЛЬНѣ и
КЛАЙПЕДѢ.

Сущ. съ 1911 г.

До войны получила 3 большихъ зол.
медали, 2 серебр. и 1 бронзов.

На литовскихъ выставкахъ: 1921 г.
дипломъ I-ой степени и въ 1922
и 1923 гг. золот. медали.

Каждый приѣзжающій

въ КОВНО

долженъ посѣтить

КОНДИТЕРСКУЮ

КОНРАДА

Laisvės Alėja № 25.

Основ. въ 1852 г.

Телеф. 107.

Различныя пирожныя.
Заказы исполн. быстро
и аккуратно. Торты,
некъсъ, пирожныя и шо-
коладн. конфеты соб-
:-: ственнаго издѣлія :-:

АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО

„NEMUNAS“

KAUNAS, Vytauto prosp. 26, Tel. 321
Машиностроительн. и литейный заводъ
Больш. скл. сельско-хозяйств. машинъ
ТЕХНИЧЕСКОЕ БЮРО

Машиностроительн. заводъ:
Сельскохозяйственные машины,
Гонторѣзки,
Мельничные постова,
Шерсточесалки,
Трансмисси,
Жельзн. конструкц. и котел. работы,
Печные приборы,
Разное литье и др.

Техническое бюро
полное оборудованіе:

Мельницъ,
Винокуренныхъ заводовъ,
Лѣсопиленъ,
Кирпичныхъ и торфяныхъ заводовъ,
Турбинъ,
Газомоторовъ,
Пожарныхъ насосовъ,
Артезианск. колодезь и др.

Складъ сельско-хозяйств. машинъ.
Тракт. „Рустонъ“, плуги, бороны, сѣно-
косилки, жатки, грабли, приводы, моло-
тилки, вѣялки, соломорѣзки, сепара-
торы, суперфосфатъ.

2 зол. мед. и 2 поч. отзыва получена
на Ковенск. Сельскохоз. Выставкѣ.

Отдѣл.: Шавля, Поневѣжь, Кейданы.

С. Виденскій и Ко.

KAUNAS,

Ožėskienės g. № 1.

Телефонъ 453.

Разсрочка платежа.

Спеціальная проажа муж-
ского и дамского готового
платья для служащихъ и
рабочихъ правительствен-
ныхъ учреждений, фабрикъ
и заводовъ.

Крупнѣйшая въ Литвѣ
Маслобояная фабрика
 Акционернаго Общества

Ringuva

КОВНО, Нижнія Шанцы

(при бывшей Электр. Станціи)

Телефонъ: Шанцев. централ. № 15.
 Тел. адр.: Kaunas, Šančiai „Ringuva“.

Выработка и продажа
 олпы, покоста, масл.
 красокъ, печать краск.
 скл., зеленого мыла
 и колесной мащ.

Постоянная покупка
 льняного сѣмени.

Важно для школь
Литвы, Латвіи и Эстоніи!
 Мастерскія учебн. пособій

Прибача

Литовское отдѣленіе.

Все для школь!

Учебныя пособія, карты, глобусы,
 планы, колесниц, картныя, школь-
 ная мебель по послѣднему слову
 техники.

Все для спорта

и гимнастики. Устройство спортивныхъ
 площадокъ.

Обращаться:

KAUNAS,
 16 Vasario g-vė, № 4. III. aukš.

ЕКОНОМИНЭ КАРИУ ВЕНДРОВЭ

ЛИТОВСКОЕ

Военно-Экономическое Общество съ отдѣленіями, обслужи-
 вающими уважаемыхъ членовъ Общества и полков. лавки.

Обувная мастерская
 Daukanto g-vė N 8
Заказы
Починки

Мясная лавка
 Laisvės Alėja N 23
 Продажа членамъ
 О-ва

Парикмахерскія
 Ковно, Laisvės Al. 19
 Шанцы, Juozap pr. 5
 Доступныя цѣны

Швальн. мастерская
 Laisvės Alėja N 34
 Аккуратное исполн.
 по доступн. цѣнамъ

Центральный Военный Магазинъ

Laisvės Alėja N 29

**Мануфактура, галантерея, косметика, кожа,
 письмен. принадл., различные продукты.**

Шанцевское
 отдѣленіе магазина
 и парикмахерской
 Juozapaviciaus pr. 59

фотографія
 Laisvės Alėja N 43
 Аккуратное исполн.
 по доступн. цѣнамъ

Часовая
 мастерская и оптикъ
 Laisvės Alėja N 29

Аптека
 Краснаго Креста,
 Соборн. площадь
 Лекарства отпуск.
 г. г. членамъ О-ва
 по пониж. цѣнамъ

Для бѣлой нѣжной кожи

только

МЫЛО „КОНЁКЪ“

изъ молока ливан
(MUILAS „ARKLIUKAS“)
Бергмана Дрезденъ.

Единственное право производства для
Литвы, Латвіи, Эстоніи и Россіи

PARFUMERIE
FLORANCE
KOVNO

Первоклассная кондитерская

М. Коломинскаго и М. Козловскаго

KAUNAS,

Лайвевь-Аллен, № 31.

ЛУЧШЕЕ КАФЭ.

Печенія, всевозможные торты, пи-
рожные всѣхъ сортовъ, бексъ, шоко-
ладныя издѣлія, блискитъ, лучшія
лакомства, изготовленные на чистомъ
сахарѣ, карамель и шоколадные кон-
фекты, различныя кондитерскія из-
дѣлія собственнаго изготовленія.

Принимаются срочные за-
казы на торты и печенія.

Лучшее качество.

Доступныя цѣны.

Добросовѣстное исполненіе

Первая литовская
суконная фабрика

Оскара Трей

Jonupė, ст. Рокишкись.

Фабричный центральный
магазинъ

съ продажей въ розницу

№ 78. КОВНО № 78.
Laisvės Alėja

Продажа шерстяной матеріи раз-
ныхъ сортовъ.

Обмѣнъ сукна на шерсть.

Выработка сукна изъ шерсти за-
казчиковъ.

Покупка мѣстной шерсти за налич-
ный расчетъ.

Пріемъ сукна домашней выработки
для окраски и аппретуры (валка,
глянцовка, стрижка и пр.).

Цѣны фабричныя.

Прежде чѣмъ купить матеріаль
или заказать костюмъ,

убѣдитесь въ цѣнахъ, посетивъ

Американско-Литовское О-во

„Мануфактура“

Магазинъ:

KAUNAS, Laisvės Al. 43.

Телеф. 9-85.

Центральный складъ и мастерская

Lukšio g-ve (б. Вилькомірск. ул.) 12
телеф. 984 и 964.

Полный выборъ различнаго ману-
фактурнаго матеріала. — Готовое
платье. — Элегантное и модное
шитье. — Первоклассный штатскій
и военный матеріаль.

Исполненіе въ собственной мастерской
различной одежды на заказъ по
доступнымъ цѣнамъ и на льготныхъ усло-
віяхъ. Гарантія прочности и фасона.

Ch. Frenkelio

Х. Френкель.

Ch. Fraenkel,

**Garinė Odu Fabrikas
ŠIAULIUOSE.**

**Паровой кожевенный заводъ
въ Шавляхъ (Литва).**

**LEDERWERKE
Schaulen (Litauen).**

Telegr.-Adr : **Fraenke!-Schaulen.** Rudolf Mosse Code. Telef. 78 ir 112.
Kaunas, № 353. Berlin-Steinplatz 71-16.

Заводъ существуетъ съ 1879 г., возобновилъ свою дѣятельность съ 1920 г.

ПРОИЗВОДИТЬ :

- A. **Подошву** — крупонами, цѣльными кожами и половинками.
- Б. **Стильный товаръ** — цѣльными кожами и половинк.
- В. **Обрѣзь** — обыкновенную и Vacbe
- Г. **Хромъ** — Rindbox черный и цвѣтной, Vildbox, Voxcaif и шевреть.
- Д. **Юфть** — бѣлую и черную.
- Е. **Гамбургскій товаръ** (Spalt).

Pirmoji Lietuvos Odu Fabrikas

Choronžickių

Šiauliuose.

Padai. Vidpadžiai.

Blankai. Juchtos.

Первый Литовскій кожевенный заводъ

Хоронжицкихъ,

Шавли (Литва).

Подошва, Стелька,

Бланкъ, Юфть.

Телеграф. адр.: **Pirmodu, Šiauliai, Lietuva.**

A. Spiller

Kaunas, Laisvės Alėja, 46

Большой выбор учебных пособий для
всехъ музык. инструмент. и пѣнія

НОВИНКА:

CH. BERIOT. Школа для скрипки. На Литовскомъ яз.

Классики въ лучшихъ изданіяхъ.
Тѣ же изданія въ роскошныхъ переплетахъ для подарковъ.

Салонная музыка. Интернациональная новинки:

Pox-trott, Jimmy, One-step, Boston
въ большомъ выборѣ.

Къ открытію сезона Государственной
Оперы на складъ имѣются **Клавирь** (съ текстомъ для пѣнія и для фортепiano) всѣхъ оперъ, идущихъ на госуд. сценѣ.

Популярные романы. Огромн. выборъ.
Кат. высыл. по первому требованію.
Сумки для нотъ.

Музык. инструменты: струн. и духов.
Къ сезону — бубны для балета.

Грамофонные пластики и иглки.

МЕТРОНОМЫ

Бюсты, барельефы и статуэтки
композиторовъ-классиковъ

Новость! „Les derniers accords Новость!“
Собств. de Chopin. Для
изданіе. („Послѣдніе рояля.
аккорды Шопена.“)

Свыше 50 разн. модн. журналовъ дамскихъ и мужскихъ. Продажа en gros и въ розницу. Скорая и аккуратная доставка въ провинцію.

Apdraudimo Draugija

„Lietuva“

**Страховое Общество
(акціонерное)**

Страхуетъ отъ огня всякаго рода имущество.
Страхованіе транспортовъ отъ всякихъ случаевъ.
Страхованіе жизни.

Правленіе: KAUNAS, Laisvės Alėja 60.

Телефонъ 288. Телегр. адр. Kaunas Lietdrauda.

Гл. Агенство въ Клайпедѣ, Alte Sorgenstr. 2-a.

Агенства во всѣхъ городахъ и болѣе значительныхъ мѣстечкахъ.

Газеты и журналы

СЕГОДНЯ

Ежедневная газета. Выходить вь РИГѢ.

Вь газетѣ принимаютъ постоянное участие:

Аркадій Аверченко, Александръ Амфитеатровъ, В. Амфитеатровъ-Кадашевъ, К. Бальмонтъ, Я. Брамсъ, М. И. Ганфманъ, З. Гиппиусъ, А. Горевъ, Сергѣй Горный, Г. Гребенщиковъ, Донъ-Аминадо, Борисъ Зайцевъ. Н. Зборовскій, В. С. Зивъ, Б. Каменецкій, проф. А. Кизеветтеръ, В. В. Клопотовскій-Лери, проф. М. Я. Лазерсонъ, Иванъ Лукашъ, Ю. Маевскій, С. Маковскій, I. Матусевичъ, Л. Г. Мунштейнъ-Лоло, К. Д. Набоковъ, Левъ Максимъ, Вас. Ив. Немировичъ-Данченко, М. Первухинъ, В. Португаловъ, Б. Полякъ, Б. Поморскій, Д. Ратгаузъ, С. Розовскій, Г. Рыковскій, В. Сиринъ, Р. Словоць, Гл. Струве, В. Татариновъ, В. Третьяковъ, Теффи, И. Трояновъ, Л. Урванцовъ, С. А. Цивинскій, А. Черный, Б. Шалфеевъ, М. Э. Эльяшовъ, Александръ Яблоновскій, В. Юревичъ и др.

Адресъ редакціи и главной конторы:

Rīgā, Lettonie, Lielā Kalleju ielā № 43. Postfach № 85.

Подписная цѣна вь Латвіи Ls 2,50 (125 руб.)

заграницей Ls. 3,70 (185 руб.) или 73 амер. цент.

VI

VI

годъ изданія

Продолжается подписка на 1924 г.

годъ изданія

на литературную,

политическую и экономическую газету

„Время“

Газета „Время“ пользуется большимъ распространениемъ вь торгово-промышленныхъ кругахъ государствъ, образовавшихся на территории бывшей Россійской имперіи, на что обращается вниманіе лицъ, интересующихся установленіемъ и развитіемъ сношеній съ восточно-европейскими странами.

Подписная цѣна:

вь Финляндіи, Польшѣ, Эстоніи, Латвіи, и Литвѣ 20 амер. центовъ вь мѣс.

Цѣна объявленій: 20 золот. пфен. за т/т.

Пріемъ подписки и объявленій:

Berlin W. 8, Kronenstrasse 4-5

Телеф.: Merkur 43-40 и 43-41

5-ый годъ

Продолжается подписка на 1924 г.

5-ый годъ

на газету

„Послѣднія Извѣстія“

Эстонія,

Ревель, Ратушная пл. 17, тел. 18-88

Редакторъ: **Р. С. Ляхницкій.**

Въ газетѣ принимаютъ участіе:

А. Аверченко, проф. В. Алексѣевъ, З. Ашкинази, проф. Э. Берендтсъ, Вл. Бурцевъ, Ар. Буховъ, А. Владовскій, Яр. Волковъ, Ев. Григорьева, С. Горинъ, проф. Р. Гутманъ, А. Долль, С. Карачевцевъ, проф. Курчинскій, В. Куламма, Л. Лучининъ, Л. Мазингъ, проф. А. Мельниковъ, Мих. Мироновъ, Э. Мюллеръ, Вас. Немировичъ-Данченко, Б. Орѣкинъ, Б. Прозоркевичъ, Иг. Сѣверянинъ, проф. Ю. Филипповъ, А. Чернявскій, А. Шеляховскій, пр-доц. С. Штейнъ, Ал. Яблоновскій, Ел. Яронъ, и др.

Цѣна № въ Эстїи 7 марокъ.

**Продолжается подписка на ежедневную
утреннюю газету**

Годъ II

Годъ II

„Народная Мысль“

По субботамъ бесплатное иллюстриров. приложение.

Латвія, Рига, Мал Новая ул. 6

Тел. 37-38. Почтовый ящикъ № 347.

Редакторъ **М. Б. Розовскій.**

Издатель: Анц. О-во „Ziniba“

Цѣна отд. № :

въ Латвіи 10 сант. Литвѣ 25 лит. центовъ, Эстоніи 7 эст. мар.,
заграницей 3 амер. сента.

Подписная цѣна въ мѣсяць:

въ Латвіи 2 лата 50 сант., Литвѣ 6 литъ, Эстоніи 180 эст. мар., вездѣ 73 амер. цент.

Echo Warszawskie

Bezpartyjny Dziennik Ilustrowany

Najpoczytniejszy Organ
Stolicy

Artykuły z dziedziny sportu, teatru i muzyki
Beletrystyka

Echo Warszawskie

redagowany jest w sposób lekki,
przeto przystępny dla najszerszych
sfer, — zawiera codziennie ilustracje,
odzwierciedlające najważniejsze wy-
padki wszechświatowe.

Adres Redakcji i Administracji
tel. 111-70 i 111-71 tel. 111-75

Warszawa, Hortensja 6

Продолжается подписка на
ежедневную газету

Годъ II

Годъ II

„Данцигский Курьеръ“

**Данцигъ,
Hundegasse 105**

Telef. 65-09.

Редакторъ - издатель **Л. Команъ**

Цѣна отд. № 20 пфенниг.

Цѣна №

въ Латвіи 5 лат. руб., Литвѣ 25 лит. цент.
Эстоніи 7 эст. мар.

Издательство „Данцигский Курьеръ“
является единственнымъ представителемъ
журнала „Балтійскій Альманахъ“ въ
вольномъ городѣ Данцигѣ.

Балтійское Агенство

по распространению повременной печати

„Baltag“

Рига — Ковно — Ревель

Адресъ главной конторы:

Латвія,

Рига, Известковая 30, кв 3

Телеф. 65-62

Принимаетъ для распространения всевоз-
можныя газеты, журналы и книги въ
предѣлахъ Латвіи, Литвы и Эстоніи.

Добросовѣстное исполненіе заказовъ

Сѣтъ опытныхъ агентовъ

Максимальная скидка со всѣхъ изданій,
распространяемыхъ Агенствомъ

Отдѣленія и агенты во всѣхъ городахъ
Балтійскихъ государствъ

Издательство **Д. Апта,**

Рига, Парковая 1а

Выпускаетъ въ скоромъ времени
книгу:

Евгеній Шкляръ

„Посохъ“

(Пятый сборникъ стиховъ)

Вездѣ продаются того же автора:

- 1) „Кипарисы“ Балтійск. из-ство.
- 2) „Караванъ“ Из-ство „Мысль“
Берлинъ, 3) „Огни на вершинахъ“
Из-ство О. Кирхнеръ, Берлинъ, и
- 4) „Вечерняя Степь“ Издательство
Писателей, Берлинъ,

LIETUVOS ZINIOS

Vienintelis Lietuvoje laisvos ir progresy-
vės minties dienraštis

KAINA: Lietuvoje mėnesini 5 lit.,
užsienyje 7 lit.

„LIETUVOS ŽINIŲ“ Administracija

KAUNAS, Laivės Al. 60. Tel. 223.

ВОЕННО-НАУЧНЫЙ и ИСТОРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛЪ

Г. IV. **„MŪSŲ ŽINYNAS“** Г. IV.

ЛИТВА, Каунас.

Органъ военно-научнаго Общества.
Редакторъ: майоръ В. Степонайтисъ. Из-
датель: Военно-научный отдѣлъ Литовскаго
Генеральнаго Штаба.

ЦѢНА: въ Литвѣ, Латвіи и Эстоніи — 30 литъ
въ годъ, за границей — вдвое.

Редакціи и книгоиздательства просить при-
сылать книги и журналы въ обменъ и для
отзыва.

Продолжается подписка на еженедельную
газету

Годъ II. Годъ II

„Нов. Русск. Вѣсти“

ФИНЛЯНДІЯ,

Helsingfors, Nikolaigatan, 19. Юк. 2.
Telef. 35-80.

Редакторъ-издатель В. Воутилайненъ.

Подписная цѣна: въ Финляндіи 20 мар.
мѣс., за границей — 30 мар.

Цѣна номера розн. прод. 1 фин. мар.

Продолжается подписка на единственную
прогрессивн. русск. газету въ Виленщинѣ

Годъ IV. Годъ IV.

„ВИЛЕНСКОЕ УТРО“

Редакторъ: А. С. Ромашевъ.

Издатель: А. Н. Гавриловъ.

Вильно, Виленская ул. 25, кв. 10.

Телеф. № 141.

Подписная цѣна на 1 мѣсяць: въ Польшѣ —
7 злотыхъ, загранич. — 10 злот.

Politikos, ekonomijos
ir kultūros dienraštis

„RYTAS“

Naktinės Telegramos, rimti užsienio kore-
spondentai, rinkos kainos, pinigų, kursai,
ūkio žinios, fejletonai.

Reikalaukite visur mūsų perlaidu.

ADRESAS:

KAUNAS, OŽEŠKIENĖS G. VĖŽNR.

Kaina: Kaun: a) su pristatymu i namus
men.—6lt., met.—62lt.; b) siunčiant paštu
men.—5lt., met.—50lt.

Užsieniouose men. 10 lt., met.—100 lt.

Продолжается подписка на 1924 годъ на
ежемесячный журналъ въ Америкѣ

„Наука и Жизнь“,

издаваемый Русскимъ Обществомъ Взаимопомощи „Наука“ въ Соед. Штатахъ.

Адресъ редакціи: Mr. Pratzkewich, 315
East 10 th Str. New-York, N. Y.

Подписн. цѣна: въ годъ 1 дол. 20 амер. цент.
Отдѣльн. номеръ 10 амер. цент.

Представительство для Прибалтики: Бал-
тійская Книжно-Газетная экспедиція:
„Baltag“ — Riga, Известковая 30, кв. 3.

Продолжается подписка на газету
Годъ V. Годъ V.

„За Свободу!“

Польша, Warszawa, Chmelna, 5.
Grand-Hotel, p. 11.
Тел. 109-30

Выходить при ближайшемъ участіи.
М. П. Арпыбашева, А. Дикгофъ-Деренталя,
В. В. Португалова, Б. В. Савинкова и Д.
А. Философова.

Подписка (за границу) 2 доллара въ
мѣсяць.

При газетѣ собственный книжный
складъ.

Издательство **„Остдинсть“**

Рига, Бастионный бульв. 9.

Тел. 46-08

„Rīgaer Zeitschrift für Handel u. Industrie“,
органъ Рижск. Купеч. Камеры, Гильдіи,
Рижск. Общ. Фабрикантовъ и Рижск.
Технич. Общества.

Торг.-промышл. адресная книга Латвіи на
1924/25 г., 2-е издание.

Таможенный тарифъ СССР, 2-ое издание
1924 г. въ нѣмецкомъ переводѣ.

Акц. Общ. Латвіи, справочникъ. Законы
распоряженія, нормальный уставъ, по-
дробныя свѣдѣнія объ дѣйствующихъ
обществахъ.

Республиканская Демократическая Газета

Годъ изд. III

„Дни“

Годъ изд. III

Berlin, SW 68 Lindenstr. 3 VI Hof, Vorwärtshaus

Телеф. Dönhoff 65-10

Цѣна отд. №

въ Латвіи 5 латв. руб., Литвѣ 30 лит. цент., Эстоніи 7 эст. мар.

Въ газетѣ принимаютъ участіе:

Н. Д. Авксентьевъ, Маркъ Алдановъ, В. Андреевъ, Эд. Бернштейнъ, Ек. Брешковская, И. Бунаковъ, А. Байкаловъ, М. Банчъ, М. Брайкевичъ, В. Брейтвейгъ, Р. Бланкъ, Андрей Бѣлый, Н. Берберова, А. Бахрахъ, М. Вишнякъ, Н. Волковыскій, Н. Вороновичъ, А. Вотерсъ, А. Гукowski, Артуръ Гендерсонъ, В. Дальній, А. Даманская, Б. Зайцевъ, В. Зензиновъ, И. Коварскій, А. Ф. Керенскій, Е. Кускова, В. Назимовъ, Е. Лазаревъ, В. Лурье, Н. Макѣевъ, С. Мельгуновъ, Б. Мирскій, О. Миноръ, М. Осоргинъ, А. Орловъ, С. Поляковъ-Литовцевъ, А. Петрицевъ, А. Пѣшихоновъ, С. И. Р. Г. Раковский, А. Ремизовъ, В. Рудневъ, Ф. Сноуденъ, С. Соловейчикъ, Н. Тасинъ, В. Ходасевичъ, Б. Улановъ, Л. Уманскій, Г. Фальчиковъ, Г. Штребель, Евгений Шкляръ, Р. Энгель, и др.

Чешско-Русское Издательство въ Прагѣ

подъ редакціей Д. Н. Крачковскаго и А. А. Несси

A. Nassy, Praha II 356, Podskalská 43

Вышла въ свѣтъ и поступила въ продажу КНИГА ПЕРВАЯ

„Записки Наблюдателя“

Литературные сборники

Содержаніе: Стихотворенія К. Д. Бальмонта, С. К. Маковского, Марины Цвѣтаевой, Ирины Одоевцевой, А. А. Туринцева. «Желтыя, синія, красная ночь» (повѣсть) Д. Н. Крачковскаго. «Дивное приближеніе» (легенда) Петра Кожевникова. Статьи: «О Блокѣ» Евг. А. Зноско-Боровскаго, «Имени С. Т. Аксакова» К. Д. Бальмонта «Кедръ» (о «Родія» кн. Волконскаго) Мар. Цвѣтаевой, «И. А. Дмитревскій и основныя теченія въ сценическомъ искусствѣ» А. А. Кизеветтера, «Мысли о Стравинскомъ» Б. Ф. Шлецера, «Къ теоріи графики» С. К. Маковского, «Этапы чешской поэзіи» Евг. Недзѣльскаго, «Юрій Волькеръ» П. П. Потемкина, «Три актера» Евг. А. Зноско-Боровскаго, «I. Манесъ» Ник. Еленева, «Семисвѣчникъ ризмы» К. Д. Бальмонта. — Репродукціи рисунковъ и картинъ: Д. Н. Крачковскаго, Юсифа Манеса, М. Швабинскаго

Цѣна 35 чеш. кронъ — одинъџамер. дол.

Со всѣми заказами обращаться въ исключительное представительство

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПЛАМЯ“

Praha II., Ječná ul 32

Berlin-Charlottenburg, Kantstrasse 24 („Родина“)

Продолжается подписка на
ежедневную
утреннюю русскую газету

„Русская Жизнь“

Латвія, Рига, Бл. Грѣшная 21

Телеф. 28-53. Почт. ящ. 406

Отв. ред. Эм. Штигллиць

Ближайшее участие принимает членъ
русск. фракціи Лат. Сейма **Н. Корецкій**

Цѣна отд. №

въ Латвіи **5** лат. руб.

Подписная цѣна:

въ Латвіи **125** руб. въ мѣсяцъ, заграничей
175 лат. руб.

Продолжается подписка на
ежедневную
русскую вечернюю газету

„Вечернее Время“

подъ общей редакціей

А. Кормчаго и Нео-Сильвестра

Латвія, Рига,

Принимають участие:

Н. Бережанскій, акад. Н. Богдановъ-
Бѣльскій, Ф. Борткевичъ, Г. Гарнакъ,
Гусляръ, Д. Дагаровъ, Г. Камушеръ, Л.
Кормчій, Л. Король-Пурашевичъ, М.
Михайловъ, Мих. Мироновъ, Нео-Силь-
вестръ, бар. П. Нолькенъ, I. Перископъ,
Б. Петковичъ, проф. И. Шеницынъ, Шарль
Риве, А. Чужой, П. Якоби и др.

Единственный самый
распространенный сельско-
хозяйственный журналъ

въ Литвѣ

„Lietuvos Dirva“

принимаетъ объявленія въ области сель-
ского хозяйства и промышленности.

Въ этомъ отношеніи реклама въ немъ
представляетъ большую выгоду, такъ какъ
читателями этого журнала являются глав-
нымъ образомъ сельскіе хозяева и про-
мышленники.

Помимо того этотъ журналъ является ор-
ганомъ сельско-хозяйственныхъ обществъ
и товариществъ Литвы.

Адресъ конторы:

Kaunas, Gedimino g-vė 7-a

Продолжается подписка на газету

„Эхо“

Годъ V

Годъ V

Литва,

Ковно, улица Майрониса 13

Почт. ящ. 26. Тел. 207

Выходитъ при ближайшемъ участіи

Арк. Бухова

По воскресен. иллюстриров. приложеніе
съ участ. лучшихъ литератур. силъ

Цѣна отд. № въ Литвѣ 40 цент.

Подписная плата

въ мѣсяцъ: въ Ковно **13** литъ, Литвѣ **15** л.
заграничей **18** литъ.

на полгода: въ Ковно **70** литъ, Литвѣ **80** л.
заграничей **10** доллар.

И ЛОТТО - КЛУБЪ С

(MAIRONIO, I.)

П Игра ежедневно отъ 7 ч. в. — 1 ч. н.
По праздникамъ отъ 5 ч. в. — 1 ч. н.
Ы По американской системѣ.

Т Аккуратное и быстрое обслуж. публики.
А ПРОСТОРНОЕ и УЮТНОЕ помещеніе.
СВѢТОВЫЕ СИГНАЛЫ, указывающіе сумму ВЫИГРЫША.

Й Въ лѣтніе мѣсяцы — игра на специальной верандѣ:
СВѢЖІЙ ВОЗДУХЪ. - УЮТНОЕ ПОМѢЩЕНІЕ.

Т При клубѣ — **БУФЕТЪ**. Холодн. и горячія кушанья
ЧАЙ. КОФЕ. ПРОХЛАДИТЕЛЬНЫЕ НАПИТКИ.

Е KAUNAS. Maironio I. KAUNAS. Е

Café „Kirstein“

== РЕВЕЛЬ ==

Кузнечная ул. № 48, телефонъ 24-49

Крупнѣйшее и наиболѣе удобн. помещеніе въ Ревелѣ.

== ДВА ЗАЛА ==

Ежедневно съ 8 час. утра свѣжіе:

хлѣбъ, пирожныя, пироги, кулебяка.

Обѣды съ 1 до 6-ти
отъ 45. — марокъ.

Ужины съ 6 до 10-ти
отъ 25. — марокъ.

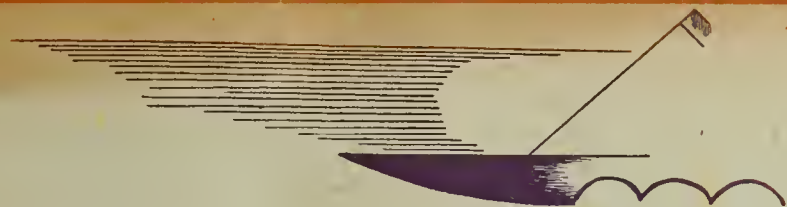
à la carte.

Пріемъ заказовъ на
всевозможные торты,
пирожныя :: пироги,
печенія :: мороженое

И Т. Д.

150
11

БАЛТІЙСКИЙ АЛЬМАНАХ I.

LIETUVA

LATVIJA

EESTI

SUOMI

Редактор:
Евгеній Шкляр

Издатель:
А. С. Рискин

1923

Принимается подписка на ежемѣсячник литературы, искусства и экономики

„BALTICOS ALMANACHAS“.

„БАЛТІЙСКІЙ АЛЬМАНАХ“,

выходящій книгами в 100 — 120 стр. і 4^о.

Lietuva — Latvija — Eesti — Suomi

Редакція ставит своей цѣлью — всемѣрное отстанваніе идеи сближенія балтійских республик на демократических основах их взаимнаго культурнаго и хозяйственнаго развитія.

В ближайших №№ будут помѣщены произведенія слѣдующих авторов:

ЛИТВА: Казиса Бинкиса, Я. Бергольца, В. Боева, А. Виенуолиса, І. Вишневскаго, І. Жилевича, Фауста Кирши, В. Креве - Мицкевича, И. Майрониса - Мачюлиса, Ив. Монтвилла, проф. Арк. Пресса, А. Ружанцова, Юрг. Савицкаго, Б. Сруоги, Sirius'а, І. Тыслявы и др.

ЛАТВІЯ: Аспазія, І Вейспала, проф. Диль, д-ра Зива, Мат. Каудзитса, К. Якобсона, І. Райниса, Бируты Скуйнек, В. Третьякова, С. Зиліна и др.

ЭСТІЯ: Е. Григорьевой, А. Гординой, проф. Зака, Г. Виснапу, И. Инно, Б. Мьяндметса, Фредер. Тугласа, Маріи Ундер и др.

ФИНЛЯНДІЯ: поэта Рунеберга, проф. Ниеми, І. Вуотилайна, Ив. Саволайнена, Педри Хонга и др.

БѢЛОРУССІЯ: Тараса Гуши, Ш. Ядвигина, И. Ласта, Бидули и др.

ГЕРМАНИЯ: Вольфганга Грегера, Отто Гейнце, и др.

РОССІЯ: А. Авилова (Москва), І Матусевича (Berlin), Ив. Бѣлоусова (Москва), Андрея Бѣлаго (Москва), Екатер. Галати (Петроград), Эриха Голлербаха (Петроград), Георгія Дешкина (Москва), Вѣры Звягинцевой (Петроград), И. Коноплина (Berlin), Кальмы (Berlin), Кир. Кирилова (Berlin), Д. Лутохина (Прага), Лопшица (Копенгаген), С. П. Мельгунова (Berlin), Т. Мачтет (Москва), проф. Овчинникова (Berlin), А. Палѣя (Петроград), Николая Миннаева (Москва), Вл. Назимова (Berlin), Петра Пильскаго (Ревель), проф С. Прокоповича (Berlin), Гл. Струве (Berlin), Ив. Рукавишникова (Москва), Конст. Федина (Петроград), Владислава Ходасевича (Berlin) и др.

Главная редакція и контора

(для Прибалтики и Россіи):

Litauen, Kaunas,
Nemūno Kranto, 21

Берлинская редакція:

Berlin W 50.

Würzburger str., 10. I
Телеф. Pfalzburg 55-31

Экспедиція и Типографія:

Max Mattsson. G. m. b H. Berlin S W 68.

Ritterstr., 71. Telef Dönhof 33-60.

Зав. берлинск. отд. Телеф. Hansa 25-71

Подписная цѣна на 1/2 года: 2 америк. доллара. Отд. № 40 америк. сент.

Редактор: Евгений Шкляр. Завѣд. берлинск. отд.: Ив. Коноплин. Издатель: А. С. Рискин.

ЗОЛОТЫЯ МЕДАЛИ

На Выставках 1923 года

в **Копнѣ, Поневѣжѣ и Шавлях.**

Свыше двадцати высших наград на Европейских Выставках до войны.

AUKSO MEDALIAIS

Parodose 1923 metais

KAUNĒ, PANEVEŽY IR ŠIAULIUOSĒ

Auksčiausios dovanos Parodose Europē priēš karo.

Isteigtas 1907 mētais

Pirmasis Lietuvos Gelumbių Fabrikas

OSKARO TREJAUS

фабричный Центральный Магазин : **Fabrikos Centralinė Krautuvė**

КОВНО, Лайсвес Аллея № 78

KAUNAS, Laisvės Alėja 78

SMULKUS IR ŪRMŲ PARDAVINEJIMAS FABRIKOS KAINOMIS.

Drapu, vielūru, bastonų, gelumbės, medžiagos eilėms ir čerkasu.

»БАЛТІЙСКІЙ АЛЬМАНАХ«

ЕЖЕМЪСЯЧНИК ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА И ЭКОНОМИКИ

Главн. редакція: Евгений Шкляр. Иадательство: А. С. Рискин. Берлинск. редакція: Иван Коноплин. Редактор аконом. отд.: Владимир Назимов. Завѣд. худож. отдѣл.: А. Миичин. Представительства: для Латвіи — И. Зиланн; для Эстїи — Алекс. Шульц; для Финляндїи — Ив. Воутїайнен; для Россїи — Георгїй Дешкин.

Zentrale: Lithuanie, Kaunas, Nemuno Kr., 21.

File: Berlin W 50, Würzburger Str. 10¹. Телефоны: Pfalzburg 55-31, Hansa 25-71.

Типографія и экспедиція: Max Mattsson, Ritterstraße 71, Berlin SW 68. Телефон Dönhoff 33-60.

Объявленїя: 1 страница \$ 15; ¹/₂ стран. \$ 8; ¹/₄ стран. \$ 5. При многокр. повтор. 10% скидки. За содержание объявленїи редакція не отвѣчает. Объявленїя Иадательства со значит. скидкой. Подписка: принимается на каждые 4 мѣсяца, на сумму \$ 1, по адресу главной конторы в Литвѣ. Цѣна отд. №: 40 америк. сент., в Гермнїи 2 Goldm.

№ 1

ДЕКАБРЬ 1923 г.

I ый год.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВАГО НОМЕРА:

1. От редкціи.
2. Майронис-Мачюлис. „Ншим богатырям“ (с литовскаго I. Вишневскїй).
3. I. Инво. „Им нѣтъ долголѣчности.“ Стихи (с эстонскаго O. Лукк).
4. К. Смальбе. „Вѣчный Студент и его сказка.“ Разскаа (с латышскаго И. Долин).
5. А. Віенуолис. „Прости мн, Господи!“ (с литовскаго авториз. перев.).
6. Фридеберт Туглас. „Поселенец“ Разскаа (с эстонскаго E. Григорьева).
7. Яков Мьядметс. „Мать.“ Очерк (с эстонскаго E. Григорьева).
8. Тарас Гуца. Сказка (с бѣлорусскаго Алекс. Ружанцов).
9. Ш. Ядвигня. Разскаа (с бѣлорусскаго Алекс. Ружанцов).
10. Владислав Ходасевич. Из Адама Мицкевича. Стихи (с польскаго).
11. Иван Бѣлоусов. Из Олеси (с украинскаго). Стихи.
12. Observer. Латышскїй писатель Матис Каудзитс.
13. А. П. „Педрн-Хонга“ (из финских легенд).
14. Иван Рукавишников. Сонеты.
15. Андрей Бѣлый. Из африканских воспоминанїи.
16. Современная россійская поэзія. Стихи: Алексѣя Авилова (Москва), Екатерины Галати (Петроград), Георгїя Дешкина (Москва), Кальмы (Berlin), Николая Минаева (Москва), А. Палѣя (Петроград) и Глѣба Струве (Berlin).
17. Максим Горькїй. Письмо к ватору „Бермондтовщины.“
18. Иван Коноплин. „Бермондтовщина.“
19. Wolfgang Oeget. „Письма о современной нѣмецкой литературѣ.“
20. Эрих Голлербах. „Добужинскїй.“
21. С. И. Р. „Художник Ньюа Патлажан.“
22. Критика и библиографія.
23. Экономическїй отдѣл.: в) Ивмен. Я. Бергольд. „К вопросу о ивсажденїи сахарной промышленности в Литвѣ“; б) Р. Комаров, „Прибалтика и ея экономическая политика.“
24. Коммерческія сообщенїя и объявленїя.

Редактор: Евгений Шкляр.

Иадатель: А. С. Рискин.

ОТ РЕДАКЦИИ.

«Во всякой книгѣ предисловіе есть первая и вмѣстѣ с тѣм послѣдняя вещь» — сказано нѣкогда; мы добавляем: иногда предисловіе является всего лишь простым, неоспариваемым поясненіем к книгѣ.

Балтійскія государства, их экономическое и культурное возростаніе — явления не нуждающіяся в жизненном оправданіи; их полноцѣнные силы, зарываемыя историческим порядком прошлаго, едва ли могли своевременно выявить себя, выявить в формах ощутимых и значительных. Но, время изломавшее исторію для того, чтобы непрерывно удлинять ея новый ход, раздвинуло и тот круг, который смыкал балтійскія страны с Россіей.

Явились новыя предначертанья и, слѣдовательно, — свершенія.

Будучи родственными звеньями одной цѣпи, протянутой между Европой и Россіей, балтійскія страны остаются постоянно содружественными в главном — в духовной работѣ, воспламеняемой одинаковыми устремленіями.

Достиженія — на лицо.

Ряд поэтов, писателей, экономистов и т. д., явившихся из глубин балтійских народов, уже выходит на путь увѣренно-плодотворнаго осуществленія своих національных и обще-культурных задач.

Появленіе альманаха, слѣдовательно, как органа централизующаго художественныя и духовныя силы балтійских государств, не требует поясненій оправдательных — оно может быть выражено простой формулой: само собою разумѣется.

Всякія политическія тенденціи виѣ задач нашего альманаха; редакція, собирая матеріалы по литературѣ, искусству и экономикѣ в балтійских странах, не ставила себѣ узких заданій — раскрыть свои страницы исключительно для выявленія балтійскаго творчества. Здѣсь печатаются авторы, как из эмиграціи так и из Россіи. Критика, разумѣется, будет судить о помѣщенных в альманахѣ работах *ad valorem*, не подыскивая для каждаго из авторов опредѣляющих партійных рубрик: искусство выше этих душных узниц.

Kaunas—Berlin 1923.

НАШИМ БОГАТЫРЯМ.

*Мойронис - Мачюлис.
(С литовскаго).*

Неужели не сновидѣніе, не греза,
Несбыточно манившая еще вчера,
Неужели ярма нависшая угроза
Теперь лишь сон, мниувшаго игра? ..
Свободна и юна, сама себѣ кормило,
В народы, в племена Литва теперь грядет,
И участь рабскую своею кровью смыла,
Низвергнув' доблестью неукротимый гнет.
Как будто снова вѣк вернулся Гедимниов,
Богатыри из скринь возстали заодно
И европейскіе знакомы властелины
С литовским именем, забытым так давно . . .
За что, за что, о Боже, эта милость,—
Что даровал Ты нам на этот день взглянуть?..

И сколько нас с надеждою простилось
В терзаньях ухода, в иной, предвѣчный путь?..
За них-ли болѣе Отчизну мы любили?
Иль больше жертв за них мы принесли?..
О нѣтъ, о нѣтъ!.. Мы в униженьях жили,
Но были гордыми служить из под петли!..
Нам ниспослал Господь высокую судьбину
Увидѣть первыми свободы ясный луч . . .
О слава, слава Вам, родные исполины,
Сумѣвшіе страну спасти от гроз и туч!..
О слава, слава Вам, что смѣлыми плечами
Из под руин Москвы избавили Литву, —
Потомки помянут Вас славными дѣлами,
Хотя ничьих имен я здѣсь не назову!..

Каппа, ноябрь 1923.

Перев. I. Вишневакскій.

ИМ НѢТ ДОЛГОВѢЧНОСТИ . . .

*I. Инпо.
(С эстонскаго).*

Им нѣтъ долговѣчности; гибнут всѣ,
И сон, словно, очи туманит
И птиц, и цвѣты, и созвучья—
Еще лишь туманы видны нам одни;
Но осенью даль нас не манит.

Недавно весна роскошно цвѣла,
А листья ласкались вѣтрами;
Любовь украшала вѣвиками всѣх,
Кто в сердцѣ надежду питал — и тѣх,
Кѣм жизни пиры украшались.

Исчезли они — и странствуют . . .
Отчизна и нам не дана,
И древним курганам, и юным цвѣтам . . .
Но в мыслях вопросы являются нам:
Зачѣм же все, странствуя, бьется?

Tallinn, ноябрь 1923.

Перев. O. Лукк.

К. Скальбе.
(С латышского).

ВЪЧНЫЙ СТУДЕНТ И ЕГО СКАЗКА.

Грязно-желтые стѣны с темными оконными дырами и заколѣнншіе от мороза сучья глядѣли в комнату Вѣчного Студента. Вѣчный Студент сидѣл за столом и читал. Когда страницы посѣрѣли от сумерок, он приподнял глаза. Потрепанная безцвѣтная скатерть, грязные стѣны, распространившій сырой запах извести, окно, без единого цвѣтка, с сѣрыми стеклами, из которых темным крестом выступала рама — всё было голо и неуютно. Вѣчный Студент закрыл глаза. Хоть бы скорѣй стемнѣло! Тогда ему не пришлось бы видѣть всё эти предметы, которые смотрѣли на него с отчаяніем, точно себя потеряли. Вѣчный Студент привык к обстановкѣ меблированных комнат: ему еще не приходилось сидѣть на стулѣ, который бы под ним не трещал, за столом, у котораго были бы в цѣлости всё четыре ножки. Но сегодня вечером ему хотѣлось об этом позабыть, потому что был рождественскій вечер. И когда он закрыл глаза, от его снов легко отдѣлился зеленый миртовый куст, он ясно видѣл его. Жесткія вѣтки тянулись кверху и напоминали елку. Если б у него была хоть одна единственная вѣточка в старом глиняном горшкѣ, он бы был счастлив. Но не было ни одной вещи, из которой бы исходило живое дыханіе. И во всей квартирѣ не было ни одного человѣка. Школьники уѣхали на праздники в деревню. Уѣхала и хозяйка. Прислуга ушла куда-то в гости и оставила ему дров, чтоб затопить печь. Эти бѣлыя, свѣжія полѣна еще были способны расцвѣсти пламенем. Все остальное было пепел, тихо и бездыханно западавшій в его душу.

«Хоть бы лицо какое-нибудь!» — в этих пустых стѣнах, которых не оживляла ни одна картина. Вѣчному Студенту хотѣлось видѣть какое-нибудь из тѣх лиц, которыя являло ему его воспоминаніе. Он хотѣл быть среди друзей. Но гдѣ их было найти? Он надѣл пальто и вышел. Холодный вѣтер объял его и понес по улицам. Нѣскольکو смерзших листьев, неизвѣстно откуда взывшихся, катилось перед ним. Рождество без снѣга. Земля голая, как жизнь без грез и надежд. И, останавливаясь перед сверкающими витринами, в которых розовыя куклы несибающимися руками

держали всякое добро, Вѣчный Студент почти завидывал этим куклам, на крашенные щеки которых изливалось столько свѣта. Тогда он сам казался себѣ еще болѣе жалким и отходил в тѣнь, прячась от самого себя. Но тѣнь приходила в движеніе и шла вмѣстѣ с ним. Он осмотрѣлся и увидѣл в темнотѣ женщину в поношенном платьѣ. Скорбное желто-блѣдное лицо в старой дырявой шали о чем-то просило. Из-под опущенных вѣкъ осыпалась пудра в свѣтѣ уличнаго фонаря.

«Идем!» шепнула она.

Со страхом смотрѣл Вѣчный Студент в это лицо, как в свою душу, таившую отчаяніе под опущенными вѣками. Эти губы научились нечисто улыбаться, но склоненное лицо в свѣтѣ фонаря казалось грустным и смиренным, как сердце, создавшее свои прегрѣшенія.

«Куда же мы пойдем, когда нам некуда итти?» сказал Вѣчный Студент и втиснул в руку женщины монету. Затѣм быстро повернулся и ушел. Но ему все еще казалось, что, прячась в темных воротах, тѣнь слѣдует за ним. Он не знал, куда обратиться, за что ухватиться. Его собственная тѣнь слѣдовала за ним по пятам. Может ли это быть что одинокій путник начинает разговаривать сам со своею тѣнью? Вѣчный Студент был так одинок в этот вечер.

Бѣгая по лѣстницам с урока на урок, собирая нищенскіе гроши, чтоб влачить на них свое существованіе в жалкой мансардной комнатукѣ, гдѣ за окном в часы сна завывал безпокойный вѣтер, а за стѣной рызлы крысы — провел он свою молодость. Он переходил от предмета к предмету, с факультета на факультет и с отчаяніем чувствовал, что ловит лишь искры окоченѣвшими пальцами и блуждает в дыму. Гдѣ-то был большой костер — он это чувствовал — но он блуждал вокруг него и ловил лишь искры, искры...

Так он бѣгал, но все еще оставался студентом, в то время как его товарищи с хорошими дипломами давно уже занимали почетныя мѣста. Непокорная прядь на его лбу уже начинала сдѣлать. Его звали Вѣчным Студентом, и он чувствовал, что вокруг него пространство все больше и больше

разрѣжается, что образуется пустота — такая пустота, что ему порой казалось, будто кто-то ходит по его пятам. И когда он всматривался, то видѣл, что это была его собственная тѣнь. Подобно тому, как в большой тишинѣ уши сами начинают порождать шум, так и у Вѣчнаго Студента в его одиночествѣ появился товарищ. Он говорил тихо, и голос его шуршал, как падающіе листья. И чтó он говорил, то было воспоминаніе.

Бродя по улицам, Вѣчный Студент думал, куда бы пойти. В обществѣ он не умѣл ни оставаться незамѣченным, ни жить с обществом заодно. Случалось, что ему хотѣлось быть как всѣ другіе. Но когда он принимал участіе в разговорѣ и начинал что-либо рассказывать, то сам словно посторонній человекъ, прислушивался к своим словам и удивлялся, как глупо они звучат. Это заставляло его скоро умолкнуть. Ибо в мыслях все, чтó он хотѣл высказать, выходило гораздо лучше. Но когда он садился в сторонкѣ и отдавался своим мыслям, то молчаніе его было такое тяжелое, что гости один за другим умолкали и чувствовали себя подавленными. Вѣчному Студенту ничего не оставалось, как попрощаться, и каждый с радостьюжимал ему руку.

Так он остался одиноким. Единственные, кто его понимал, были дѣти, у которых запас слов еще ничтожен и которые все понимают нѣмым чувством. В свободныя минуты он отыскивал уединенныя площадки, гдѣ на кучах песка играли дѣти. Там он всегда находил себѣ знакомых, с которыми, на пескѣ, мог разговаривать часами. Дѣти понимали, чтó говорили его сверкающіе глаза и добросердечное лицо, как тѣ голуби, которые понимали проповѣди Франциска Ассизскаго. Но теперь была зима. Красныя лапки голубей больше не прыгали по травѣ, и в запертых садах не играли дѣти.

Вѣчный Студент вышел на бульвар. Какой-то смерзшій листок катился перед ним, и он смотрѣл, как вѣтер его уносит. Итти одному обратно в темную комнату и весь вечер терзаться холодной скукой... Это было невыносимо. И, уступая неожиданной выдумкѣ, он зашел в табачную лавку на углу и купил себѣ игральных карт. Когда он держал в рукѣ маленькую гладкую колоду, ему сдѣлалось легче.

Ля, ля, ля, ля — тихо напѣвали онѣ что-то. Тут уж у него был цѣлый бальный зал. Дамы и короли и вѣрные вальты с широкими топорами за плечом. А глаза, глаза! Давно он не смотрѣл в глаза. Хотя... Вчера какой-то пес дрожал от холода на лѣстницѣ одного дома. Но карточные короли и дамы смотрѣли веселѣе.

Вѣчный Студент прошел нѣсколько темных переулков и по истоптанным лѣстницам поднялся в свою квартиру. Нѣсколько раз вынимал он спичку, которая быстро вспыхивала и погасала, обжигая ему пальцы. По длинному темному коридору,

мимо старых ящиков и бѣловых корзин, направился он в свою комнату, находившуюся в концѣ коридора. Невнятные шаги провожали его. Был ли это вѣтер, или в квартирѣ кто рассказывал? Вѣчный Студент вошел в свою комнату, блѣдная тѣнь окна лежала на полу. «Ду-ду-ду-ду» дрожала разбитая створка. Снял шапку, он стоял посреди комнаты, пока пальцы не начали у него коченѣть. Тогда он понял, что должен что-нибудь дѣлать, чтоб перенести эту ночь. Он сбросил с себя пальте так тяжеловѣсно, словно ночь взвалилась на его плечи, и принялся затапливать печь. Наклонившись, он слушал, как пламя трещало за печной дверцей и как четыре красных точки прыгали по противоположной стѣнѣ. Онѣ напомнили ему червонную масть. О, теперь он уж не был один! Его ждало так много глаз. Дамы и короли. Вѣчный Студент притянул стол к печкѣ и в красном полумракѣ стал играть сам с собой в простенькую игру, какими коротают долгіе зимніе вечера. Легкая скука обьяла его, как всегда, когда он брался за карты. Так он играл нѣкоторое время, пока замѣтил, что нѣкоторые карты начинают принимать знакомый вид, словно дух полумрака подмѣнил их в его руках лицами близких ему людей. Лица друзей мелькали в знакомых чертах королей и вальтов. А трефовый король так живо напомнил ему покойнаго отца, что он почти испугался. Он поставил перед собой в ряд карточные лица, и его сердце было полно тихой нѣжности. Это сердце было кружкой, брошенной на могилу — старой, разбитой кружкой, к краям которой прилипли увядшіе цвѣты. Она лежит брошенная в пескѣ, и в тихое воскресенье чья-либо рука поднимает ее и поливает ею цвѣты. В этот вечер она неустанно лила воду на тихую могилу воспоминаній. Незамѣтно она превратила карты в мелькающіе образы прошлого. Вѣчный Студент тасовал карты, но постоянно в его руку попадали король, дама и валет, как если бы они были связаны единой судьбой. Пиковый король и червонная дама — она выступала с золотой розой в рукѣ, словно несла навстрѣчу свое сердце — и валет с топориком за плечом. Эта дама напоминала ему одну милую дѣвушку. Он видѣл, как она ступает по дорожкѣ сада под кривыми яблонями. Она остановилась у маленькаго деревца, которое цвѣло между старыми и темными кустами шиповника. Она отломала тонкую черную вѣтку с маленькими красными розами. Она сказала ему: «Ты хороший» и подала ему вѣтку, точно принося ему свое сердце. Эта вѣтка казалась чѣм то чудесным, невиданным, — как стебель, извлеченный с цвѣтущаго дна морского, он был весь покрыт раковинками роз. Но валет принял розу с нѣжной и скромной почтительностью, как преданный слуга. Он не хотѣл ничего больше, как только молча охранять ея молодыя тропы под старыми яблонями, среди привѣтливых рощ, гдѣ пѣли скворцы и кукушки.

Но свѣтлая дама нашла своего государя. Тот шел на добычу, так как государь всегда ищет добычи. На дорогѣ он встрѣтил даму, которая несла на встрѣчу сердце, и он взял то, что было можно взять, и так они принадлежали друг другу. А слуга остался один под старыми яблонями. И так как ему больше нечего было охранять, то он пошел по блѣлу-свѣту. Ах, это была старая сказка! И так как зимняя ночь длинна, то Вѣчный Студент записал ее. Он вышел в пустырь, гдѣ было так тихо, что можно было вслушаться в свою судьбу, как в пѣсню, которую повторяет само эхо.

Он писал:

«Сказка Вѣчнаго Студента».

«Королевна сидѣла на золотом стулѣ в саду под высохим от солнечнаго жара кустом орѣшника. Лѣто близилось к концу, и орѣхи, меж ясно-желтых и словно обожженных листьев, дѣлались алыми, и алы были щеки королевны. Вокруг нея стояли королевичи из тридевяти земель. Они пришли свататься к ней, и здѣсь, под кустом орѣшника, на исходѣ лѣта, она хотѣла найти своего суженаго.

Она сорвала яблоко с наклоненнаго сучка яблони и думала. Всѣ были красивы и богаты, и она не знала, кому ей принадлежать. Тогда она бросила яблоки в воздух и сказала: «Кто поймает это яблоко, тот и есть мой суженый».

Молодой солдат, который любил принцессу, молча стоял за нея стулом. Он не мог участвовать в состязаніи, ибо он был слуга и не мог покинуть своего мѣста. Он должен был охранять молодую королевну, и стоял безмолвный и блѣдный с топором на плечѣ. Чужой принц с яблоком в рукѣ, ликуя, приблизился к невѣстѣ. У него была черная борода и красныя губы. Он закусил сочное яблоко, и принцесса увидѣла, что красное яблоко гар-

монирует с черной бородой, и подумала, что это и есть суженый.

А слуга был только немного блѣднѣе, чѣм всегда. И его рука держала боевой топор так неподвижно, что осенній паук, протягивавшій по саду свои сѣти, мог спокойно тянуть нить мимо блестящаго лезвія.

Вечером в замкѣ была свадьба. Но когда невѣста лежала в первом снѣ, то в видѣніи перед ней предстал молодой солдат; он наклонился над ней тих и блѣден, с сверкающими глазами, и его дыханіе коснулось ея щек. Ея сердце всколыхнулось, и она увидѣла, что суженый — он. Она потянулась к нему, и юноша наклонился еще ближе к ней и сказал: «Дай мнѣ свое дыханіе, дай мнѣ свою душу». Он легко прикоснулся своим лицом к дыханію, исходившему из ея губ, как аромат из открытаго цвѣтка — и исчез. Блѣдная и безпокойная встала утром молодая королева. Она пересмотрѣла свои украшенія и драгоценные камни, но все оказалось в сохранности, все на мѣстѣ. Она вышла и пересчитала своих голубей, не унес ли коршун какого либо из них. Но они были всѣ цѣлы и весело порхали вокруг ея головы. Грустная она шла по саду и дошла до обожженнаго солнцем орѣшника. Там в травѣ блестял топор. Она вспомнила давешній сон и велѣла позвать молодого солдата, но нигдѣ его нельзя было найти. С того времени молодая королева была как дерево, которому молнія расколола верхушку. Ея тѣло принадлежало королю, но душа словно изгнанница блуждала с блѣдным солдатом. Она приняла на себя участь странника. Он постоянно чувствовал ее рядом с собой. То она бѣжала за ним мышкой, то птичкой садилась перед ним на сук и пѣла прекрасную пѣсню. Она принимает сотни всевозможных видов, чтоб быть у своего возлюбленнаго. И замковые стражи знают, что каждый вечер через рѣку, которая течет под окнами замка, плывет бѣлая утка и каждое утро возвращается обратно в замок.»

Rīga. ноябрь 1923.

Пер. с латышскаго

В. Долин.

A. Vienuolis.
(С литовскаго).

ПРОСТИ ИМ ГОСПОДИ!

(Из записной книжки военного корреспондента.)

Был полдень. Пекло солнце. В травѣ стрекотали кузнечики, пахло цвѣтущим клевером и ромашкой. Как яровья, зеленѣли поля, незасѣваемая ежегодно и поросшія бурьяном. Вездѣ было тихо, только на правом флангѣ, около мѣстечка Солоки, глухо раздавались большевистскіе ружейные выстрѣлы. Изрѣдка отвѣчал и наш пулемет. На всем остальном участкѣ было покойно.

Три литовца, развѣдчики большевистской арміи, подползшіе совсѣм близко к литовским окопам и спрятавшіеся в кустѣх совѣщались, — теперь ли сдаться в плѣн, или же подождать ночи, когда будет меньше опасности от пуль. Всѣ трое были озабочены еще тѣм, что чувствовали за собой вину, которую совершили перед родиной в тяжелый для нея момент; что, повѣрив *звонким словам* пришельцев, послѣдовали за ними мечом и огнем добывать человечеству счастья, равенства и братства. И казалось им, что уж никакой жертвой не искупить своей вины. Тѣм болѣе невыносимой для них стала жизнь в большевистской арміи, когда узнали, что поляки уже заняли Сейны, Ширвинты, Маляты, и грозят Уцянам и Вилькомиру, что по всему фронту напирают они на Сувалки, что на Жмуди организуются и концентрируются русскія и нѣмецкія полчища Бермондта. Что одно останавливало их сдаться своим: как бы литовцы не приняли их издали за развѣдчиков, и не осыпали их из пулемета. . .

— Ну так как же, товарищи, сейчас сдадимся или подождем ночи? — совсѣм покойно, послѣ продолжительнаго молчанія, повторил они вопрос Кельдис и, повернувшись на бок, подпер рукой голову.

— Подождите немного, еще посмотрю, — зареял фельдфебель и, оставив винтовку, пополз по кустам на четвереньках. . .

— Посреди поля виден пулемет, а за лугом сейчас же и окопы, — вернувшись спустя нѣсколько минут сообщил фельдфебель, и, немного подумав, добавил:

— Если позвать, — услышат. . .

— Позвать опасно, — предупредил из под куста Римокас: — еще подумают, что команда: тогда нас с землей сравняют. . .

— А если одному выйти и показаться без винтовки, — опять предложил фельдфебель.

— Одному или троим — не все ли равно — не всей же ротой, — не дал договорить ему Кельдис — но что мы им скажем, как обяснимся? . . . Да повѣрят ли еще нам: подумают, что шпіоны и пусят каждому по пульѣ в лоб. . .

— Лучшаго мы и не стоим, — вздохнул под кустами Римокас, прибавив немного погодя: — жаль только, что не искупив своей вины, придется разстаться с этим миром. . . А хотѣлось бы еще повоевать с поляками. . .

— А мы будем просить, чтоб нас сейчас же отправили к офицеру Балейшису: он меня с малолѣтства знает — вмѣстѣ стада гоняли, — храбрился фельдфебель, усѣвшись тоже. . .

— Наконец какіе же мы, чорт возьми, коммунисты? . . . Взять бы к примѣру меня: вернулся из Россіи без денег, дом сгорѣл, земля незасѣяна, мать голодает, брат вывезен в Германію на принудительныя работы; куда дѣнешься — пришли большевики — поступил. . . Женѣ и сыну паек обѣщали выдать. . .

— Меня же еще в Москвѣ в красную армію записали, — сказали, кто запишется, того с первым эшелоном домой отпустят. . . Вот и отпускают десятый мѣсяц! . . .

— Меня же опутал, Царствіе ему Небесное, Антон, вздохнул из под куста Римокас: — Идемте, идемте — что мы тут будем буржуям бѣлогвардейцам сапоги чистить? . . . Я и послушал. . . А собирался я в Ковно бѣжать. Теперь и меня погубил и сам ни за что, ни про что згинул. . . Наступило долгое молчаніе. . .

— Буржуи, буржуи, — когда подумаешь хорошо, какіе же мы литовцы — буржуи? . . . — послѣ молчанія начал философствовать фельдфебель, — всѣ мы из простых; даже президент: какой он буржуй — коли мой отец с ним в ноч-

ное ёздил; отец сам рассказывал: всё спят — «а он нам лошадей сторожит»... Или как его?.. забыл, — уж очень мудреная фамилия: бывало, как приѣдет в деревню лѣтом, так отцу и пахать помогает и сѣно косит... А в праздник гдѣ-нибудь в тѣни с книжкой лежит...

— Буржуи и помѣшники всё в польскіе легіоны ушли, — поддержал его Римокас:

— А тѣх, которые не ушли, литовцы переловили, и как измѣнников в тюрьму законопатили: намедни съ комиссар сказывал, что в Ковнѣ на поляков облаву устроили, арестовали нѣсколько офицеров...

— Так им и нужно предателям: мало-ли еще нашего брата позагубили и в Польшу удрали, — грозился на поляков Кельдис. И послѣ минутнаго молчанія добавил:

— Если литовцы нам не повѣрят, то мы будем просить об отправленіи на польскій фронт — там мы докажем, насколько любим родину...

— А я хотѣл бы еще с женой повидаться; по Петрушѣ больно стосковался... Едва успѣл приписать, — угнали в Двинск... Неизвѣстно поле засѣяла ли? — и фельдфебель задумался...

— Ну так идем, ждѣть нечего, сказал он и, подняв с земли винтовку, встал...

— Поднялись Римокас с Кельдисом, но ни один не рѣшился первым показаться из кустов...

— Вдруг фельдфебель перекрестился, быстро закинул за плечи винтовку и, подняв вверх руки, вышел из куста. За ним послѣдовали Римокас и Кельдис, оба с поднятыми руками.

Лишь бы не в затылок, не в затылок, — шопотом пробормотал Кельдис—и, чтобы всѣх троих не пронзила одна пуля, — отступил на два шага влѣво; поддался вправо и Римокас...

Из литовских окопов их тотчас же замѣтили и на горкѣ, под солнцем, сверкнул пулемет...

Фельдфебель машинально остановился... Подняв руки вверх, остановились его два друга...

— Идите, идите — не бойтесь! — окликнули их по русски из литовских окопов.

— Братья!.. Литовцы!.. вскрикнул по литовски фельдфебель и от большого волненія поперхнулся на полусловѣ...

Слезы выступили на глазах у Римокаса и Кельдиса...

Литовцы их не разслышали и опять повторили по русски:

— Идите, идите — не бойтесь!

Когда развѣдчики подошли поближе, из литовских окопов один за другим стали вылѣзать солдаты...

— Мы — литовцы... Мы... Мы пришли искупить свою вину, — не опуская рук, начал объясняться Кельдис, в то время как фельдфебель не мог произнести ни одного слова, обливаясь слезами...

— Обезоружить их, — приказал офицер солдатам и, подойдя к развѣдчикам ближе, спросил: — Вы литовцы?

— Так точно, господин офицер, мы литовцы, мы не хотим воевать со своими братьями, нас одурачили... мы пришли к своим, чтобы искупить свою вину перед родиной, — отдав винтовку и, смахнув рукавом слезу, начал фельдфебель, виновато глядя офицеру в глаза...

— А какого полка? — участливо спросил офицер...

— Мы шестого полка, четвертой роты.

— Много ли вас там?

— Много то много, да что с этого...

— Ну хорошо. Ступайте...

— Одного мы только просим у вас, отправьте нас на польскій фронт, чтобы там мы могли искупить свою вину, — обрадовавшись, затараторил фельдфебель.

— Что?! выпучил глаза офицер, — на польскій фронт... вас?..

— Так точно, господин офицер, на польскій фронт, против наших извѣчных врагов, поляков... Мы все знаем: они захватили наше Вильно, Сейны, Сувалки, Ширвинты...

— Обыскать их! — не отвѣтив ничего фельдфебель, сердито приказал офицер солдатам и побагровѣл...

Солдаты быстро сняли с них шинели, стащили сапоги и стали шарить за пазухой и по карманам...

— Нас только на польскій фронт, господин офицер, — мы им покажем, как захватывать литовскую землю, — подняв руки и давая себя свободно обыскивать радостно гудѣл Римокас, — мы им отвоюем имѣнія!..

— Молчать, сукин сын! — грозно окрикнул его офицер, впившись в него разъяренными глазами...

Римокас замолчал и испугался.

Офицер еще больше покраснѣл...

— На польскій фронт вас?! А? — едва сдерживая злобу и пожирая его свирѣпым взглядом, переспросил офицер...

— На польскій фронт хотите?.. А? — окинул он таким же свирѣпым взглядом уже раздѣтых Римокаса и Кельдиса...

— На польскій фронт?!.. На тебѣ пся-крывь на польскій фронт!.. На... На... На... и офицер нѣсколько раз сильно ударил фельдфебеля в лицо.

— Господин наш! — упал ему в ноги фельдфебель, — мы не коммунисты, мы не виноваты... Пошлите нас на польскій фронт... Мы не большевики...

— Не большевик ты?.. Не коммунист ты? — начал топтать его ногами офицер, — а чего ты

пристал к большевикам, если ты не большевик?..
Сукин сын... Сукин сын...

Офицер запыхался, и что-то придумывая начал быстро ходить с мѣста на мѣсто. На землѣ лежал, растопырясь, окровавленный фельдфебель, а полуголые Римокас и Кельдис стояли в грязном бѣльѣ ни живые, ни мертвые...

Оторопѣли и литовскіе солдаты...

— Вставай сукин сын! — опять закричал офицер на фельдфебеля, снова окинув его страшным взглядом...

Фельдфебель поднялся с земли; со лба и с носа текла кровь и капала ему на грудь...

— До конт их? — послѣ минутнаго молчанія, не без ироніи спросил офицера по польски — взводный...

Aniškiai (Lietuva).

Офицер ему отвѣтил, не сразу... Понурился головой и потупив взор, пробормотал в полголоса:

— Провадзь до Капликевича, — и, сказав это, пошел в траншею к телефону...

.....
.....
.....

На другой день штаб полка получил с боевого участка слѣдующую телефонограмму: «Вчера, в три часа пополудни на участкѣ Саргишки, проявили дѣятельность развѣдчики шестого большевистскаго полка. Трое из них убиты, остальным удалось уйти невредимыми. При сем препровождаю в штаб три винтовки».

За телефонограммой слѣдовала подпись: «старшій офицер Капликевич».

С литовскаго — автор. перевод.

Фридеберт Туглас.
(с эстонскаго).

ПОСЕЛЕНЕЦ.

Здѣсь раньше шумѣлъ лишь дѣвственный лѣсъ, в глубокую чашу котораго рѣдко проникала людская нога. На протяженіи десятков верст тянулась дикая глушь с зеленой непроходимой чащей и мшистыми болотами, неизслѣдованными даже звѣрем. Здѣсь на выступавших из болота кочках-островках вили себѣ гнѣзда длинноногіе журавли, от весны до осени ловившіе лягушек в неглубокой стоячей водѣ. Весной несмѣтными стаями прилетали сюда вальдшнепы, дикіе гуси и утки, чтобы осенью длинной вереницей тянуться к югу. Волк с волчихой жили в непроходимых кустарниках, а подальше от болота и озера, под вывороченными корнями свалившейся сосны, доживал свой вѣкъ лѣнливый медвѣдь.

Владѣлец не часто вспоминалъ про этот свой лѣсъ. «Слѣдовало бы взяться за лѣсъ, говорил управляющій, получили бы дрова, пашню». Старый помѣщик отмахивался: — «Не стоит. Не стоит ни трудов, ни расходов. Пусть за него примутся дѣти».

И по прежнему шумѣлъ лѣсъ в мягкіе лѣтніе вечера, гудѣлъ и стоналъ в бурныя осеннія ночи. Каждый день приносил перемѣны: тысячи и сотни тысяч ростков и животных размножались, рождались, росли; в прѣянные весеннія ночи чувствовали прелесть молодой кипучей страсти, выливавшейся в цвѣтеніи и пѣснях, переживали пору возмужалости, старѣли, дряхлѣли, умирали. Но их мѣсто сразу же занимали тысячи и сотни тысяч новых и в теченіе десятков лѣтъ, в теченіе вѣков перемѣны не ощущались. Каждую весну почва покрывалась молодой травой, каждую весну деревья одѣвались в листву, уносимую бурями осени и вновь завывала над лѣсом зимняя непогода. Все повторялось. Новаго, чужого голоса здѣсь не было слышно. Молчала чуткая тишина, молчаніе вело бесѣду с молчаніем, но молчаніе не рождало звуков, а лишь безмолвіе.

2.

Яку было болѣе сорока лѣтъ. Уже четвертый вѣкъ работал он на помѣстьѣ. Руки его были в

мозолях, заскоружлы, лоб в морщинах. Давно уже поблек румянец щек, потухла в глазах радость. Замкнуто было сердце его и скупо роняли слова его плотно сжатая губы.

Но чѣм молчаливѣе он становился, тѣм оживленнѣе кружились его мысли, составлявшіе неотъемлемую часть его существа. Стоило ему только на минуты прервать работу и перевести дух, как думы овладѣвали им — думы о собственной землѣ, о хозяйствѣ. Утром на зарѣ и вечером в сумерках, идя за помѣщичьими волами, мечтал о своей пашнѣ. И вечером, ложаась головой под одѣяло, он продолжал грезить о своем хозяйствѣ.

Точно на яву видѣлъ, как он выкорчевывал и выжигал пни и корни, как управляемый им плуг прокладывал борозды меж камней и кочек, как ложились сѣмена в готовую их принять землю, как они давали ростки; он слушал пѣніе серпа и косы, слышал звук падающих на гумнѣ крупных зерен. И он засыпал с мыслью о небольшом желтом домикѣ на краю ложбинки, оттѣненной дрожащей листвою осин.

Но он не был рожден мечтателем. Уже ребенком он знал, что грезам и сном ничего не достигнешь.

Годами копил он копейку за копейкой и к сорока годам его жизни хранившійся на днѣ его сундука старый шерстяной чулок отяжелѣлъ: в нем собралось двѣсти серебряных рублей.

Тайно от всѣх, пересчитывал он свои сокровища в одернутом сумерками углу каморки, прислушиваясь к звону падавших с рук его серебряных монет и к учащенному біенію своего сердца, и ему казалось, что этих денег у него безконечно много, точно их цѣлая отливающая серебром рѣка . . .

Якъ просил земли и ему уступили участок в лѣсной глуши. Но прежде чѣм получить и этот сулившій безконечные труды участок, он должен был заслужить его цѣлым рядом лѣтъ безвозмездной работы на помѣщика.

«Ну, посмотрим, как это ты там устроишься, в лѣсу-то, сомнѣвался управляющій. Работник по имѣнію ты не дурной, но мнѣ что то не вѣрится, чтобы у тебя хватило смѣлости на новоселье в лѣсу.»

«Уж я попробую,—проронил Як,—работа—она что-же, не страшная, была бы своя земля.»

Молча он отслужил освобождавшіе его от обязательства годы.

Часто подглядывали другіе батраки, как Як по субботам, как будто и неумоленный рабочим днем, спѣшил к лѣсу. Не чувствуя усталости, он шел к прилегавшему к чащѣ открытому мѣсту, опускался на пень и в его головѣ медлительно ворочались все тѣ же думы.

А возвращаясь домой в полночь, порой и на разсвѣтѣ, он говорил сам с собой, и в такіе минуты у него на лицѣ как будто было меньше морщин.

С нетерпѣніем жаждал он освободиться от работы по имѣнію, жаждал вооружиться острым топором, проникнуть в чащу к своей землѣ.

Пора эта настала. И Як нанял в деревнѣ старика, перекинул через плечо мѣшок с хлѣбом и салакой, взял топор и пропал на цѣлыя недѣли.

3.

Ранней весной — снѣг еще покрывал ложбины — что-то непонятное нарушило утренній сон старого волка. Осторожно пробираясь, он прислушивался к тѣм странным голосам, которые раздавались вдали. Волк просунул голову сквозь густой мохельник и остановился как вкопанный: невиданныя существа, метая вокруг себя щепки, рубили сосну. Вдруг сосна пошатнулась и с шумом и треском упало на мерзлую, откликнувшуюся звоном, землю. . . Волк стрѣлой умчался в лѣс, не оглядываясь.

А удары топора продолжали раздаваться. Полные любопытства, подходили к опушкѣ лѣсные звѣри, осторожно высовывали свои морды из под кустов и удивлялись тому, что дѣлалось на полянкѣ. Никогда в лѣсу ничего подобнаго не случалось. Но было ясно, что то, что происходило, не предвѣщало ничего добраго обитателям лѣса.

И снова валилась сосна, еще болѣе мощная, чѣм первая. С пронзительным криком взвился журавль. Недовольно ворча, перекинулся на другой бок медвѣдь.

4.

Весна была на исходѣ.

Солнце давно уже скрылось за лѣсом. Окутанный свѣтлыми весенними сумерками, возвышался на краю полянки маленькій желтенькій домик из очищенных от коры бревен. В отверстія окон,

еще не обведенных рамами, Як смотрѣл в темнѣвшую даль, окаймленную высокой стѣной лѣса. Як грезил.

Перед его глазами раскинулись молодые всходы нивы, е го нивы; на порогѣ дома сидит женщина с грудным ребенком на руках, а у посѣрѣвшей уже от дождя и солнца стѣны дома играет бѣлокурый мальчонка.

«Моя семья» думал Як и к сердцу приливала горячая волна.

Он вышел и не торопясь дошел до пашни. Немного картофеля, немного ячменя и овса. Вот и все, что ему удалось сдѣлать на ряду с постройкой дома.

Як вернулся к дому. Долго в него глядывался. На передней стѣнѣ возвышался сколоченный из ельника крест, на нем качался вѣнок — крыши еще не было.

Но Як был доволен. Радостно билось его сердце. Он вошел, улегся рядом со стариком-помощником на стружки и уснул крѣпким сном умаявшагоса за день человекка.

У стѣны желтенькаго домика, в вѣтвях черемухи, ликуя и плача, пѣл свою старую и вѣчно новую пѣсню соловей.

5.

Высоко над лѣсом вился дым. Огонь сжигал вывороченные ломом пни, превращая их в легкой, как пух, бѣловатый пепел. Рубился лѣс, летѣли щепки. И проходило время. . .

В дождливый осенній день Яка навѣстил старый лѣсник — поглядѣть на работу. Они сидѣли перед пылавшей ярким огнем печью, выгребали затѣм из золы печеный картофель. На дворѣ темнѣло. Сильнѣе шел дождь.

«Молодцом работал», одобрительно отозвался лѣсник. —

— «Да уже сдѣлано», проронил Як, смотря на свои заскорузлыя руки.

«Вот у тебя и земля и дом, что же хозяйка?»

В отвѣт Як лишь засопѣл.

А лѣсник все подзадоривал.

«Як пашет поле, хозяйка хлопочет, перебѣгает от хлѣва к амбару, а сынишки — за стадом. Хорошо живетсЯку.»

И старый блудливый лѣсник, бездомный и одинокій как сыч, громко хохочет.

Но Як не смѣется.

Зимой, когда в лѣсу завывала буря, и казалось, что кто-то ходит по чердаку, ему бывало и тоскливо и страшно. Он старался не думать о своем одиночествѣ, вычислял работу, переворачивался с бока на бок, но покой не шел. — Для кого работаю? — думалось ему.

Зиму он проработал поденно на хуторах, весну в имѣніи и вечерами, возвращаясь лѣсом домой,

глубоко чувствовал запах оттаивавшей земли. Отрывал вѣтку березки и щупал липкія набухавшія почки.

Рѣшеніе его крѣпло и если он медлил, то лишь потому, что привык выжидать. Вѣдь молодость прошла мимо Яка, почти незамѣченная им.

6.

Еще желтѣли стѣны домика, но первоначальный блеск их уже потускнѣл. В домѣ праздник: окна и двери разукрашены березой; над соломенной крышей — флаг, под флагом тихо качался свѣжій вѣнок. В открытое окно врвался шум голосов, гудѣвших, точно рой пчел.

Як праздновал свою свадьбу. Свадьба — скромная. Родные невѣсты и знакомые Яка расположились вокруг миски со студнем, а старый лѣсник занял почетное мѣсто и без конца сыпались его шутки-прибаутки.

Tallinn (Eesti).

Под вечер молодые вышли в поле. Задумчиво было строгое лицо невѣсты. Она молчала. Ея первая молодость прошла, приданого у нея не было, но Як знал, кого он взял в жены.

Они обошли поле и остановились на опушкѣ лѣса, откуда видны были и поле и дом. Помолчав, они заговорили о планах будущаго.

Много оставалось еще работать. То, что было у них перед глазами — вѣдь это только начало. Нужно было и достроить, допахать, обзавестись скотинкой и расширить хозяйство.

Пока их двое, но кто знает — надолго ли? Обо всем нужно было подумать.

Они готовились жить честным трудом, ибо какова жизнь человѣка, такова и награда.

Обоими овладѣло чувство глубокой отвѣтственности. Из сердца широкой волной подымались обѣщанія . . .

И пока они стояли на опушкѣ и глядѣли в будущее, лица их омрачились почти что печалью . . .

С эстонскаго *Еввалія Григорьева*.

Яков Мядметс
(С эстонскаго.)

М А Т Ъ .

(Сборник рассказов «Капризы судьбы».)

Нашему отряду отвели квартиру в старой усадьбѣ, отстоявшей на версту от новаго помѣщичьяго дома и на таком же разстояніи от большаго села.

Дом со своими ветхими пристройками казался необширным. Его окружали вѣковыя деревья, и сквозь густую листву их золотились, освѣщенные вечерним солнцем, стекла окон. По всему видно было, что вся забота послѣдних лѣтъ была сосредоточена на новом домѣ: в старой усадьбѣ дорожки густо поросли травой, заборы покривились и частью обвалились; в большом фруктовом саду старыя деревья, полная сухих вѣтвей, поросли мхом. Никому, повидимому, и в голову не приходило присмотрѣть за ними.

Но мы уже предвкушали удовольствіе расположиться в этом заброшенном уголкѣ, по опыту зная, что такое мѣстечко всегда имѣет свою долю удобств. Дай то Бог, чтобы нас оставили здѣсь подольше, чтоб можно было отдохнуть как слѣдует.

Приближаясь к ветхой постройкѣ, мы увидѣли тонкую струйку дыма, вившуюся над вымазанной известкой бѣлой трубой.

Усадьба, оказывается, была обитаемой. Возможно, нас угостят и ужином.

И воображеніе уже соблазняет богато накрытым столом — рѣдко осуществляющейся мечтой усталаго солдата.

На полуразвалившейся и сплошь обитой диким виноградом каменной терасѣ нас встрѣтила женщина, на вид лѣтъ семидесяти. По тонким благородным чертам лица нетрудно было догадаться, что перед нами помѣщица, пріютившаяся в старой усадьбѣ. Гордая осанка, живые еще глаза и полная благородства движенія свидѣтельствовали о былой красотѣ и прелести. На ней было сильно поношенное шелковое платье и тонкіе желтой кожи, рваные ботинки.

Узнав, что я говорю по-нѣмецки, старуха неожиданно звонко для своих лѣтъ засмѣялась и глаза ея радостно загорѣлись. Схватив мою руку, она

стремительно увлекла меня в довольно низкую комнату, со старомодной мебелью, покрытой сильно пострадавшей от времени матеріей.

Вся комната дышала давно прошедшим.

Старуха просила меня сѣсть.

Нѣкоторое время она молчала. Затѣм заговорила Говорила страстно, с душевным трепетом о тѣх ужасах, которые переживает несчастная страна, о тѣх страданіях, которым как будто нѣтъ конца. Вся окрестность раньше была очень богата; населенію жилось хорошо, в лѣсах и полях не умолкали пѣсни. Теперь же ни у кого нѣтъ и краяхи хлѣба, все отобрали. Случалось, что кой кому удавалось припрятать запасы; за ними приходилось идти ночью, крадучись, точно ворами. Молодежь исчезла, по селу бродят лишь старики и старухи, угнетенные горькой жизнью и еще болѣе горькими думами.

За что Господь так карает?

Жалобы эти не заключали в себѣ ничего новаго. Нам приходилось слышать их так часто, что они не трогали.

Но рассказ старухи был настолько омыт слезами, в нем было столько точившейся из самаго сердца крови, что я невольно посочувствовал судьбѣ несчастной страны.

Бывают же минуты, когда болѣзненно сожмется и очерствѣлое сердце солдата.

Старая помѣщица как то сразу расположила к себѣ и я тут же дал себѣ слово, что за время стоянки в усадьбѣ буду стараться относиться к ней с возможно большей предупредительностью.

Она продолжала говорить и, слѣдя за ея словами, я невольно замѣтил, что рѣчь ея из оживленной и страстной становилась быстрой и лихорадочной. Она заставила меня подсѣсть к ней возможно ближе и я чувствовал ея дыханіе на моей щекѣ. Мнѣ трудно было слѣдить за быстро сыпавшимися словами и мнѣ казалось, что в них как будто не было логической связи.

Вдруг, без всякаго повода, она судорожно схватила мою руку и увлекла меня в сосѣдную комнату.

Это было небольшое помѣщеніе с выкрашенными в сѣрую краску стѣнами, обставленное простой старинной мебелью. У окна стоял очень старый письменный стол красного дерева, от котораго тянулись, прикрывая всю площадь лѣвой стѣны, вплоть до потолка, полки, заставленные переплетенными в коричневую кожу, книгами.

«Смотрите, это кабинет моего мужа.»

Об этом я догадался сам.

Помѣщица указала на правую стѣну, гдѣ один возлѣ другого, рядом висѣли пять портретов, изображавших молодых людей.

«Это мои пять сыновей», объяснила она. «Вы их не знаете, вы не можете себѣ представить как они прекрасны, как они горды . . . и какую муку им приходится переносить сейчас.»

Дѣйствительно, изображенные на портретах молодые лица поражали своей красотой, — в них было много сходства с увядшими, но говорящими о былой прелести, чертами матери.

«Гдѣ они? спросил я. Должно быть на войнѣ?»

Быстро оглянувшись, точно боясь, что нас могут услышать, старуха схватила обѣ мои руки и вскинула на меня взор, полный невыразимаго ужаса и горя.

Взгляд ея произвел на меня совершенно необъяснимое странное впечатлѣніе. Я чувствовал, что и мною овладѣл ужас, страх перед чѣм то неизвѣстным.

«Могу ли я вам довѣрять?»

В этом вопросѣ, казалось, трепетала вся ея душа, в нем были и мольба и надежда. Казалось, что она готовится сказать мнѣ нѣчто такое, что должно быть скрыто от всѣх, чѣм она может подѣлиться только со мной.

«Я охотно сдѣлаю для вас все, что в моих силах, стараясь преодолѣть охватившее меня волненіе, проговорил я. — Но вы должны знать, что я, как лицо военное, должен виноватъ долгу. Прошу вас, не открывайте мнѣ, не требуйте от меня ничего такого, что не согласуется с этим понятіем о долгѣ.»

Лицо ея омрачилось. Порывисто дыша, она перевела взор на портреты сыновей.

«Вы говорите: они на войнѣ. Так говорят и другіе. Но это неправда.»

Глаза ея выражали нечеловѣческую муку. Она обвела ими комнату. Казалось, что она видѣла что-то для меня невидимое. Красивое, так располагававшее к себѣ своими пріятными чертами, лицо мгновенно преобразилось. Мнѣ послышалось, что она стонет от непостижимой боли.

Я невольно отступил назад.

Но она судорожно уцѣпилась за мою руку.

«Вы можете помочь им, шептала она. Вы можете спасти моих сыновей . . . Вѣдь они здѣсь же под полом, в темном подвалѣ. Они по горло в ледяной водѣ . . . спасите их . . .»

Передо мной стояла безумная.

Теперь мнѣ это стало ясно. Меня вдруг охватил страх, у меня, словно, отнялся язык. Я ничего не мог ей отвѣтить. Стал невольно глазами искать дверь, инстинктивно готовясь бѣжать. Но безумная продолжала смотрѣть на меня и ждала отвѣта.

«Возможно, они уже успѣли спастись!» наконец проронил я нерѣшительно.

«Нѣт, нѣт,» горячо перебила она меня, «еще сегодня ночью они звали меня на помощь, но я не могу. Видите, я не в силах. Взгляните!»

Она повела меня за большой шкаф. Там были разобраны толстыя доски пола и разрыты находившіеся под ними земля, сор и мусор.

«Я дѣлаю это ночью, чтобы никто не видѣл. Тогда до меня ясно доходит их мольба о помощи. Но у меня нѣт сил. И они не дождутся моей помощи, они раньше умрут.»

«Развѣ у вас нѣт ключа от подвала?»

«Да не надо же ключа. Возьмите, возьмите лопату, копайте, тогда, вытечет эта ужасная ледяная вода.»

Она вновь приблизилась ко мнѣ, страстно обвила руками мою шею, а дрожащія губы ея шептали безсвязныя слова. Отчаянію ея, казалось, небыло границ. Вдруг она разрыдалась.

Мнѣ стало страшно. Мои мускулы словно ослабли. Я не в силах был освободиться от обвивавших меня старческих рук.

Я осторожно посадил ее на стул.

«Вот я опять слышу их, — безсильно опустив руки, шептала она, — слышите? Вы их спасете?»

В этот вопрос она вложила всю душу.

Я обѣщал. Вѣдь другого выхода не было.

Ея взор вновь засвѣтился надеждой, она улыбалась сквозь слезы.

Повидимому, она мнѣ повѣрила и эта вѣра наполнила радостью ее сердце.

Я просил отвести мнѣ другую квартиру и наш отряд перевели в помѣщеніе школы.

Мнѣ рассказали потом, что старая барыня помѣшалась во время войны, отнявшей у нея пять сыновей; они пропали без вѣсти. Жители деревни давали помѣщицѣ все от всего сердца: вѣдь, ея достояніе унесла война.

Тарас Гуца.
(С бѣлорусскаго.)

БОЛОТНЫЙ ОГОНЬ.

Эта березка только недавно выросла тут. Короткая жизнь выпала ей, и в незавидной долѣ росла она. Закрытая, затиснутая со всѣх сторон старыми деревьями, не видѣла она солнца, рѣдко когда овѣивал ее свѣжій вѣтерок. А так как она не видѣла иного свѣта и иной жизни, то и не жаловалась никогда на свое сиротское житье. Она смутно чувствовала волю, простор, солнце и, стоя тут, среди этих деревьев, как чужаница, ни с кѣм не дѣлилась своими мыслями и мечтами.

Одна только утѣха поддерживала ея жизнь. Ночью, когда затихали вокруг птички и переставала гудѣть и звенѣть мошкара, — только однѣ звѣзды свѣтились в небѣ, да временами мѣсяц печальным взором озирал землю, — горѣл гдѣ-то огонь, блѣдный, неразгаданный и пріятный. И бле-стѣл тот огонь низу, из каких-то невѣдомых тайников земли.

Болото, на котором красиво раскинулся тот островок, гдѣ росла вмѣстѣ с другими деревьями и эта молодая березка, казалось, не имѣло конца-края; старѣйшій дуб, стоявшій на самом высоком мѣстѣ острова, не видѣл конца этого болота. Издавна росли на этом островкѣ разныя деревья. По краям тянулись молодыя и старыя ольхи, пустив корни глубоко в болото. Дальше раскинулся тѣм-нозелѣный пояс елей. Еще немного выше бѣлѣли стройныя стволы пригожих берез, среди которых видѣлись липа, граб, ясень, вяз; и уже на самой серединѣ островка стояли могучіе дубы.

Наша молодая березка росла по сосѣдству с вязом. Была полночь перед Ильиным днем. Небо было тѣмное, покрытое тучами, и вздрагивало временами, освѣщаемое молніями от далекой сильной грозы. На болотѣ привѣтливо мигал тот са-

мый огонь. Молодая березка радостно дрожала, глядя на этот огонь. Разбуженный раскатистым гулом грома, вяз спросил у березки:

— Почему не спишь, дѣтка?

— Березка вздрогнула от неожиданности и притворилась будто ничего не слышит и спит.

— Чего-же стыдишься?.. — привѣтливо про-молвил вяз: — ты смотришь на болото, тебя тянег огонь?

Вяз помолчал, а потом, махнув вѣткой, сказал: — Это не огонь!

Молодая березка вздрогнула от этих слов.

— Как? это не огонь? Это не настоящій огонь? — тоскливо спросила она и почувствовала, что перед нею как будто разверзлась какая-то бездонная пропасть.

— Это гнилушки на болотѣ так свѣтятся — снова промолвил вяз. — Плюнь на них: у дерева должно быть двѣ дороги: — одна в землѣ, другая в высь к солнцу.

И долго еще говорил так вяз.

А березанька молчала и не слыхала, о чем говорил вяз.

— Так это был обман! А я думала что это — настоящій огонь, и в этом была моя радость и утѣха, в этом я забывала о своей недолѣ.

И стала грустить и тужить бѣдная березка. Теперь никакой радости не было в ея жизни.

А когда этот случай прошумѣл по деревьям, — то они долго шумѣли и никак не могли согласиться:

«Хорошо ли сдѣлал вяз, развѣяв этот туман, этот красивый мираж обманнаго счастья бѣдной березки?»

И до сих пор ведут спор деревья.

Kaunas (Lietuva).

С бѣлорусскаго

А. Ружанцов.

Ш. Ядвин.
(С бѣлорусскаго).

ВАСИЛЬКИ.

(из цикла).

Васильки.

Васильки зацвѣли... Нѣтъ, не зацвѣли!

Гдѣ-же им теперь цвѣсти? Холод. Зима. Снѣг. Не зацвѣли васильки; это только перед очами моими мелькнули они. Даже не перед очами, а там гдѣ-то: не то в мыслях, не то в душѣ, или сердцѣ? — Не знаю гдѣ. Мелькнули васильки: васильки во ржи... небо, как васильки... как васильки, глазки... мелькнули васильки и... исчезли!..

В цвѣтѣ нашей жизни, мы любим, как цвѣтут васильки...

А когда поблекнут васильки, поблекнет небо, поблекнет на душѣ, а на сердцѣ ляжет холод; когда каждый день у тебя темный, горькій хлѣб, — тогда только вспомнишь, что это — от васильков, от их цвѣта, потому что... отцвѣли васильки.

Раны.

Памяти С. Полуяна.

Бывают раны большія и меньшія. Меньшія — заживают, и послѣ них нѣтъ знака. Большія — заживают, но послѣ них остаются рубцы.

Так на тѣлѣ.

Бывают раны большія и меньшія. Меньшія — заживают, послѣ них остаются рубцы. Большія — всегда кровоточат.

Так на сердцѣ.

Бывают раны большія и меньшія. Меньшія —

Каunas (Lietuva).

всегда кровоточат. Большія — залѣчивает только... смерть.

Так на душѣ.

Человѣкъ.

И пришел человѣкъ к Богу своему и говорит:

— Боже! Забери от меня Бѣду, Слезу и Болѣзнь, а дай мнѣ Свободу, Счастье и Здоровье.

Бог и говорит:

— Хорошо, человѣче, будет так, как ты хочешь.

И стал жить человѣкъ без Бѣды, без Слезы, без Болѣзни, а — свободный, счастливый и здоровый.

Но вот приходит Смерть и говорит:

— Человѣче, помирать пора.

Когда человѣкъ жил с Бѣдой, Слезой и Болѣзью, он не раз сам хотѣл и рад был Смерти, но теперь жаль ему стало жизни.

И пошел человѣкъ к Богу своему и говорит:

— Зачѣм Ты, Боже, хочешь отобрать от меня то, что сам даровал. Забери от меня Смерть.

Бог и говорит:

— Хорошо, человѣче, будет так, как ты хочешь.

Шли вѣка, летѣло время.

И приходит человѣкъ к Богу своему и говорит:

— Боже, все я извѣдал, все познал, одно только непознанное мнѣ осталось.

Бог и говорит:

— Чего-ж ты, человѣче, хочешь?

— Смерти, отвѣчает человѣкъ.

И Бог дал человѣку смерть.

С бѣлорусскаго А. Ружанцов.

ИЗ ПОЭМЫ „DZIADY“.

*Из Адама Мицкевича.
(С польскаго).*

Красотка! Ручек ломать не надо!
Не плачь: вѣдь жалко и рук, и взгляда.
В другіе очи ты нѣжно взглянешь,
Другую руку сжимать ты станешь.

С голубкой голубь летят из роши.
За ними третій — орленок тощій...
Ах, кинь голубка, на небо взоры:
Летит ли слѣдом муж среброперый?
Не плачь, не сѣтуй в тоскѣ напрасной:
Любownik новый воркует страстно.
На ножках — шпоры, на шейкѣ — перья
Горят отливом, как ожерелье.

Berlin.

С тюльпаном роза в расцвѣтѣ мая
Сплетают руки, благоухая.
Пришел работник, коса промчалась:
Супруг подкошен — вдова осталась.
Не плачь, не сѣтуй в тоскѣ мятежной:
К тебѣ нарцисс наклоняет нѣжно
Свой глаз блестящій между цвѣтами.
Восходит мѣсяц между звѣздами.

Красотка! Ручек ломать не надо!
Не плачь: вѣдь жалко и рук, и взгляда.
По ком ты плачешь — уж он не взглянет,
Руки рукою сжимать не станет.
Он чернѣй крестик в рукѣ сжимает,
Он мертвым взором в раю витает.
По нем обѣдню прослушай снова —
И к нам, живущим, промолви слово!

Перев. Владислав Ходасевич.

★ ★ ★

ИЗ ОЛЕСЯ.

(С украинскаго).

Везли израненных в борьбѣ с солдатами.
Везли измученных по тюрьмам катами, —
Везли, чтоб там, в края холодных
Сгноить заступников народных
И искры мысли затушить —
И вновь обманывать, душиить!

В слезах подавленных, с тяжелой мукою
Они прощались перед разлукою —
С полями милыми прощались,
С народом бѣдным разставались,
Неслись в холодный край иной,
Чтобы уснуть там под землей.

И вот на миг они остановились,
И сквозь рѣшеток на толпу дивились:
Она, безпечная, стояла,
Лушила сѣмечки, зѣвала...
Один из них, смѣясь, сказал:
„А что, голубчик мой, попал!?“

Москва.

Перев. Ив. Бѣлоусов.

МАТИС КАУДЗИТС.

(75 лѣтній юбилей.)

В августъ текущаго года праздновал свой 75-лѣтній юбилей маститый пионер и вождь латышской литературы, Матис Каудзитс, личность котораго, наряду с извѣстным поборником за независимость Латвіи, Бароном, является особенно примѣчательной. Происходя из зажиточной крестьянской семьи, Матис Каудзитс и брат его, Рейнис, принимали близко к сердцу интересы своих односельчан и много положили труда для блага темных, но стремившихся к культурѣ, народных масс Латвіи. Неудивительно поэтому, что М. Каудзитс посвятил себя служенію на школьной нивѣ, около 25 лѣт, учительствуя в Старо-Пебалгской народной школѣ. В концѣ шестидесятих годов прошлаго столѣтія, оба брата Каудзитсы, Матис и Рейнис, выступают впервые на литературном поприщѣ, работая в нелегальной латышской печати, талантливо обрисовывая темноту и окружающее невѣжество. По поводу воспитанія дѣтей М. Каудзитс написаны горячія и авторитетныя статьи, дающія яркое представление о незаурядной личности этого, латвійскаго, Эмиля Золя.

Но участіе в старо-латышской прессѣ явилось только началом дальнѣйшей литературной карьеры Каудзитс. Братья, всегда нераздѣльные, даже в литературѣ оказались неотдѣлимыми и первый роман под заглавіем «Времена землемѣров» («Mehrneeku laihki») доставил Матису и Рейнису Каудзитс огромную популярность не только в Латвіи, но и далеко за ея предѣлами. Этот блестящій роман «Времена землемѣров» по изумительно-четкой изобразительности, ясности и остроумію превосходит все, созданное за послѣднее время латышской литературой. Нѣсколько странное названіе романа объясняется отраженіем эпохи семидесятих годов, когда, согласно Высочайшаго Указа, производилось точное установленіе границ крестьянских и помѣщичьих владѣній, причем представители межевого управления и даже обычные землемѣры имѣли большой вѣс в окружающей их средѣ усадьбовладельцев и помѣщиков.

Т. к. основаніем, канвой для романа, послужил быт, переданный идеально-точно, нѣтъ ничего уди-

вительнаго в том, что роман этот явился поворотным пунктом в латвійской сентиментальной литературѣ и по справедливости считается первым реалистическим произведеніем латышей.

В лицѣ М. Каудзитс слащавому сентиментализму и наивности старо-латышской литературы был нанесен жесточайшій удар, а всѣ типы, выведенные в этом романѣ (как-то Павелс, Лена, Кенцис) отличаются удивительной жизненностью и правдивостью. В лицѣ М. Каудзитс восторжествовал творческій натурализм.

Правда, в романѣ, попадаютсѣ мѣстами, страницы романтическаго пафоса, но они совершенно стусеиваются яркостью всей книги.

Помимо романа «Времена землемѣров» который в обработкѣ Zeltmana идет теперь на сценѣ Латвійской Национальной Драмы под заглавіем «Mehrneeku laihki Slahtawā», Матисом Каудзитс, послѣ смерти его столь же талантливаго брата, написано множество очерков и разсказов, из которых выдѣляются очерки из жизни латышских земледѣльцев и поселян. Помимо беллетристических произведеній, Матис Каудзитс выпустил сборники стихов, отличающихся мягким лиризмом и глубиной содержанія. Разносторонность таланта М. Каудзитс велика: почти каждый школьный учитель знает его пособія по преподаванію в народных школах, а вся подрастающая Латвія проходит первоначальный курс обученія по учебникам маститаго писателя.

Матису Каудзитс теперь 75 лѣт, он дожил до той поры в своей жизни, которую он себѣ представлял только в грезах — до эпохи политической независимости Латвіи. Уже издавна М. Каудзитс грезил полной свободой своего поработченнаго народа, он жил его чаяніями и надеждами, думал его думами и страдал его горем.

Поэтому, да будет позволено и нашему скромному привѣту прозвучать радостно и искренно в общем хорѣ дружеских привѣтствій и поздравленій, выпавших на долю перваго писателя современной Латвіи.

Riga (Latvija).

Observer.

ПЕДРИ ХОНГА.

(Из Карельских Преданий.)

Это было в далекіе годы «воровских войн» (XV—XVI вв.) В Карелии, по ту и другую сторону русско-финской границы, переживали беспокойныя времена. Разбойничьи шайки, собранныя из мѣстной вольницы переходили границу, вторгались во владѣнія зарубежных соплеменников и предавались здѣсь грабежам и кровопролитіям. Сжигались селенія, уничтожались посѣвы, увозилось имущество, уводился скот. Нагруженная добычей шайка возвращалась домой, чтобы вкусить здѣсь в мирѣ и довольствѣ плоды своих кровавых подвигов. Впрочем, спокойствіе это продолжалось недолго: ограбленные заграничные жители, горя местию и ненавистью, начинали собирать такую же шайку, находили атамана и шли войной на обидчика. И снова красная чума ходила по селеніям, орошая землю кровью и слезами.

В эти тяжелыя и подлыя времена в маленькой деревушкѣ Викшицѣ, в пяти верстах от водопада Кивач, жил старик по имени Педри Хонга. Он был извѣстен по всей округѣ, как суровый и праведный человѣкъ. Его, всегда справедливаго, гнѣва боялись не одни только родные и знакомые, но и люди, впервые видѣвшіе стараго Хонга, трепетали пред его строгим, пронизывающим взором. Он учил людей добру и правдѣ, беспощадно преслѣдовал ложь и подлость, заразившія родной народ. Он призывал к мужеству и душевной прямотѣ, ибо только эти качества, учил он, способны избавить народ от тяжелых испытаній.

— Закалите ваши сердца, гоните прочь трусливую подлость, ибо смѣлому во имя правды должен помочь Бог!

Однажды на разсвѣтѣ хмураго сентябрьскаго утра в деревню Викшицу явились три пришельца. Они стучали в окна деревенских изб и просили хозяев перевезти их на другой берег Суны. Из страха ли перед незнакомцами, или потому, что ранній час не пробудил еще в людях гостепримства, им не открывали дверей. Так переходили они от избы к избѣ, пока не очутились перед жилищем Педри Хонга. Здѣсь дверь перед ними раскрылась. Незнакомцы заявили встрѣтившему

их величественному старику, что они разбойники, спѣшашіе на сѣвер, через Суну, и что они не могут терять ни минуты напрасно. Они потребовали, чтобы старик немедленно проводил их к Сунѣ лѣсными тропами и перевез на тот берег, угрожая отомстить огнем и разрушеніем в случаѣ отказа.

Если бы знали незнакомцы, кто стоит перед ними, то, конечно, не стали бы склонять старика угрозами. Им было бы извѣстно, что не испугать Педри Хонга и ужасами преисподней. Но это знали лишь его односельчане, с трусливым любопытством обступившіе пришельцев и со страхом наблюдавшіе мрачную улыбку стараго Хонга. Напряженно ждали они грозы. Жадно слѣдили за движеніем суровых морщин, за блеском сверкающих глаз.

Старик окинул их мимолетным взглядом и понял, какія чувства владѣют ими. Он усмѣхнулся и спокойно проговорил:

— Я исполню волю этих злодѣев, я провожу их. И даст Бог, они не возвратятся к нам для разрушенія наших очагов.

Подлыя усмѣшки зазмѣнились на устах людей:

Вот он проповѣдник прямоты и мужества! Давно-ли гремѣли его укору, давно-ли он призывал народ к служенію безстрашной правдѣ, закаленію сердец и к побѣдѣ над гнусной, заразившей людскія души трусливой подлостью.

Как торжественно и строго звучали его учительскія рѣчи, когда он имѣл дѣло с безсловесной, смиренной толпой!

И вот его первая встрѣча с врагом: не он ли гибает перед ним свою спину, не он ли потворствует злодѣям?

Педри Хонга твердым шагом направился туда, гдѣ среди дѣвственнаго лѣса и первозданных скал протекает свѣтлая красавица Суна, гдѣ гремит, сотрясая землю, могучій Кивач, когда Суна, бѣшенно срываясь с семи-саженной высоты, среди отвѣсных діоритовых скал, летит в кипящую внизу пучину и там, в стремленіи к шире и простору, беспощадно громит незыблемыя основа-

нія каменных утесов. Фонтаны водяных брызг, свѣтящаяся в лучах солнца всѣми цвѣтами радуги, поднимаются на большую высоту, орошая діоритовыя стѣны и свѣсившіяся над ними вѣковой лѣс.

В трехстах шагах выше водопада, в густом прибрежном ольшаникѣ была спрятана лодка старого Хонга. Путники молча усѣлись в нее и оттолкнулись от берега. По серединѣ рѣки их подхватило сильное течение. Сидѣвшій на веслах Хонга не сдѣлал и движенія, чтобы выбраться из него. Испуганные незнакомцы бросились к веслам. Но старик вдруг встал, окинул властным взором своих спутников и, подняв высоко над головой весла, бросил их в стремительные потоки. Лодка неустойчиво стремилась к пучинѣ:

— Вы, злодѣи, — заговорил вдруг старик: — молитесь Богу, ибо сейчас вы предстанете пред Ним. Молитесь, чтобы искупить всю пролитую вами невинную кровь, стоны убиенных младенцев и слезы их матерей. Грѣхи ваши велики, но Он милосерден. Молитесь и за меня, за мою гордость: ибо развѣ не грѣховно возгордился старик, замыслившій уподобить себя Сыну Человѣческому, захотѣвшій, как Он, пріять вѣнец мученической ради блага своего ближняго? Будем молиться вмѣстѣ.

Нѣсколько мгновений люди безмолвно смотрѣли на старика. И в этом взорѣ уже не было безумнаго страха, в предсмертном оцѣпенѣнии исчезал мір жалких судеб и страстей, его смутныя тѣни уже скользили в вѣчности . . .

— Перед лицом смерти, — заговорил, наконец, один глухим, безжизненным голосом: — мы должны покаяться тебѣ во лжи, лжи невинной, но страшной: мы сказали тебѣ неправду, старик, назвав себя разбойниками. Спѣша домой, мы боялись, что никто из твоих односельчан не повезет мирных людей; но знали, что повезут разбойников. И мы назвали их ими . . . Перед лицом смерти клянемся, что мы не разбойники. И ты, старик, принял на свою душу великій грѣх.

Старик устал на мгновение свой тяжелый, пристальный взгляд на говорившаго. Затѣм он поднял голову к небу, и страшное, неслыханное проклятіе, подобное брани безумца, прогремѣло над Кивачем . . .

На берегу Суны, у самаго водопада, возлились с стѣями рыбаки. Они видѣли на верху, почти над самым водопадом, в густых клубах водяных брызг и тумана, стремительно несущуюся в кипящія пучины лодку и в ней окаменѣлую группу людей. На нѣкотором разстояніи от них, вытянувшись во весь рост, стоял сѣдобородый старик. В диком безумии он потрясал кулаками и кричал страшным, надрывающимся голосом. Пораженные ужасом рыбаки упали на землю, творя молитву. Лодка стремительно неслась к водопаду. На мгновение

она взлетѣла на воздух, среди водяных брызг; затѣм, как птица, ринулась вниз и исчезла навсегда в исполинских фонтанах.

Спустя нѣсколько дней, верстах в трех ниже Кивача, рыбаки нашли четыре человѣческих тѣла. Три из них оказались настолько изуродованными водопадом, что их никто не мог распознать. Тѣло Педри Хонга не было тронуту ни водопадом, ни тлѣніем: старик как бы погрузился в тихій сон.

Три разложившихся тѣла были похоронены по христіанскому обряду. Способ же погребенія стараго Хонга вызвал большія разногласія и споры. Память о праведной жизни Хонга, о его призывах к добру и правдѣ, об его героическом концѣ вызвали к лучшим чувствам, требуя торжественнаго погребенія и молитв. Но его великій предсмертный грѣх внушал страх и боязнь отвѣтственности перед высшим Судей.

Покорные этому страху, люди оставили тѣло старика на растерзаніе звѣрям, подняв его на высокой безлѣсный прибрежный холм. Там лежал одиноко поборник правды, положившій душу за други своя. Вѣтер шептал ему о бесплодной суетѣ людской жизни, о жалкой борьбѣ, слѣпотѣ стремленій, подлости и безстыдствѣ, которыя он видѣл в своих непрерывных скитаніях. Дикая ромашка, скорбно опустив бѣлоснѣжный чепец, задумчиво слушала тихія рѣчи и печально качала головой. А зеленая высокая трава, словно отряд тѣлохранителей обступившая стараго Педри, укоризненно шумѣла и роптала . . .

Через нѣсколько дней группа рыбаков проходила по берегу Суны, ниже Кивача. Приблизившись к тому мѣсту, гдѣ было оставлено тѣло стараго Хонга, люди остановились, пораженные чудом: травянистый холм был покрыт густым, дремучим еловым лѣсом, мрачным и своеобразным, какой только можно встрѣтить на старинных карельских кладбищах. Рыбаки подошли ближе и вдруг услышали стройное погребальное пѣніе; в нем было столько неземнаго благолѣпія, проникновеннаго чувства и красоты, что люди упали на колѣни, молясь и плача. С обнаженными головами они робко и смущенно поднялись затѣм на холм. Среди густых нависших еловых вѣтвей еще курился дымок благоуханій, которыми сопровождалось таинственное погребеніе. На том же мѣстѣ, гдѣ лежал старый Педри, возвышался могильный курган, весь поросшій невиданными, дивными цвѣтами. Откуда-то сверху еще доносились отдаленное пѣніе, все также дивно красивое, теперь замирающее . . .

Люди склонились перед чудесной могилой, шептали молитвы и раскаивались — поздно, как всегда.

Tomás (Suomi).
P. B.

Перев. А. П.

СОНЕТЫ.

(С сохранением орфографин автора.)

I.

Познай премудрую любви науку,
Спалив бурьяны чувства огнем.
Минуя страсти радость и муку,
Познай премудрую любви науку:
Вот брат твой гибнет. Скорее дай руку.
Вот брат твой погиб. Забудь о нем.
Познай премудрую любви науку,
Спалив бурьяны чувства огнем.

II.

Губами радости ее целуя,
Лови дыхание зазвездных струй.
Знай, сердце радостью земной балаю,
Губами радости ее целуя:
Одних нельзя познать без поцелуя,
Других нельзя познать чрез поцелуй.
Губами радости ее целуя,
Лови дыхание зазвездных струй.

III.

И пешка может взять ферзя
И Голиаф падет от малого.
По хитрым линиям скользя,
И пешка может взять ферзя.
Пойми что можно, что нельзя
Под властью звезд и солнца алого,
И пешка может взять ферзя
И Голиаф падет от малого.

Москва.

Иван Рукавишников.

ИЗ АФРИКАНСКИХ ВОСПОМИНАНИЙ.

1. *ARCADIA*.

Четверо суток качались в волнах; за обѣдом, за завтраком — не было скуки; старик капитан, уроженец холмистаго Штутгарта, — тридцать лѣтъ плавал; старик угощал нас печеньем, печеными яблоками и разговорами о чудовищных спрутах и эмѣях; мы были, как дома; взбирались на мостик; берлинец, морской офицер, баловал нас, давая роскошныя книги с картинками; старшій механик водил за собою в машины.

Команда китайцев, свернув свои косы, тянула сырые канаты; а нос поднимался медлительно — кверху; и книзу опять опускался.

Вот — утро: бѣжим в офицерскую; ласковый нѣмец слуга нас встрѣчает:

— «Mahlzeit».

Разставляет пред нами горячій кофе, печенье и мясо; потом поднимаемся; под капитанскою вышкой, под тѣнгом садимся в шез-лонг; погружаемся — в плески...

Три дня мы плывем: ни клочечка земли; разыгралась поверхность, порой разверзаясь пучинами лабрадорнаго цвѣта; я думаю о сокрытой под нами таинственной жизни глубин — о чудовищных спрутах; они поднимаются рѣдко к поверхности; у берегов Ньюфаундленда был найден один такой спрут, у котораго туловище обнимало 5 футов, а каждая щупальца простиралась на шесть саженей, угрожая своей трехвершковой присоской; точно такое-ж чудовище найдено было у побережій Аляски, у острова Павла¹⁾; у спрута — зеленый, свѣтящійся глаз; пред собою увидѣть его под водою — не очень пріятно.

Я думал о рыбах глубин, разрываемых в воздухѣ, думал о странных созданіях, у которых два глаза сидят на длиннѣйших, вращаемых стержнях; я думал о рыбах, бросающих свѣтъ — пред собою; и я думал о прочих морских чудесах, обнаруженных экспедиціей монаккаго князя.

Потом начинали бродить по «Arcadia» мы; на лаях отдыхала команда; вот куча ларей отдѣлила

корму; мы, вскарабкавшись, перебѣгаем по ящикам; и — попадаем совсѣм неожиданно на... скотный двор: в клѣтках хрюкают свиньи, кудахтает курица; тащится тихо лѣнливый баран на свободѣ; над свиньями висится кормовая, высокая палуба: там измѣряют матросы глубины.

Вчера плыли мы посерединѣ лазурнаго моря; и снѣга сини ходили вокруг в лабрадорных отгѣнках; сегодня же море жиждет; и плещутся мутныя зеленыя в крѣпнущем жарѣ; склонились к берегу Триполи; тут угрожают песчанья мели; и измѣряют тут цѣлыми днями морскія глубины матросы.

Порою бросаем мы взор на приподнятый мостик; старик капитан ходит взад и вперед там; и мы поднимаемся смѣло по лѣсенкѣ (он разрѣшил нам к нему подниматься); он тыкает пальцем в огромную карту:

— «Вот здѣсь мы».

— «Вот видите, — Крит».

— «Мы его миновали уже».

— «И теперь поплывем параллельно Египту»...

— «А что ж рисованіе?»

Ася приходит с картоном; старик расправляет сѣдины, садится — позировать: Ася рисует его; между ними — нѣжнѣйшая дружба; старик все зовет нас с собою:

— «Ну чего вам в Египтѣ: воспользуйтесь случаем, что мы плывем так далеко; я вас бы оставил охотно; вы нам не мѣшаете: наоборот; веселѣе плыть вмѣстѣ; увидите Индію, Ян-Тсе-Кіанг; а в Японіи будем стоять мы два мѣсяца; можете вы осмотрѣть всю страну».

Нас прельщает далекое плаванье, но... — мы без денег: в Каирѣ ждут деньги, навѣрное; но ждать «Arcadia» нас не намѣрена; даже в Суэцѣ она не останется, прямо пройдя через Красное море — до Индіи:

— «Вот в Порт - Саидѣ всю ночь будут нас грузить углем; с разсвѣтом пойдём мы Суэцким каналом; и послѣ мы в море на 23 сутки».

Мнѣ — грустно: мнѣ хочется в Красное море; рукою подать. Недалеко Суэц; дальше — Рас-Магомет, оконечности каменистой Аравии: там возвышается в далах, над мысом, — Синай; недалеко вѣдь Джедда; все Красное море дивною каких

¹⁾ Индійскій океан.

нибудь двѣ с половиною тысячи километров; мерещутся: Мекка, Медина и Мокка; мерещется мнѣ Суаким, гдѣ заширится море, мерещутся красныя краски его (от растений из «trichodesmies»); Бабель-Мандеб, иль «ворота из слез» — вспоминаю: Аден, океан.

Нѣтъ довольно мечтать.

— «Вот как выйдем мы в Красное Море, — охватит жара», — продолжает болтать капитан.

Разговор переходит на змѣи:

— «Конечно, громадная змѣи — не сказка: свидѣтели есть у меня; и — выдавшіе... Э, да не вѣрьте ученым: ученые просто не видѣли их; меньше шансов увидѣть им; мы, моряки, эти шансы имѣем; мы — видим; и вот, в этих водах онѣ — тоже водятся»...

Мы — умолкаем, и я вспоминаю невольно: всѣ ужасы моря; сказанья о страшных кальмарах встают: осьминог может в бездну, схватив своим клювом, увлечь за собою корабль; по преданію древности: есть осьминоги длиною с настоящую милю; мнѣ вспомнился бой с осьминогом, описанный Виктор Гюго, и чудовищный бой, нарисованный Жюль-Верном.

Пучины, волнуясь, кипят: наклонившись за борт и держа рукой шляпу, вперяюсь глазами в водовороты кормы; здѣсь, в водѣ укрывается жизнь: Средиземное море — обильно; под этой поверхностью ерзают быстро миноги (длиною до метра); во тьмѣ сѣропелельный скат пронесется летуче мышью под нами облясым своим животом; здѣсь живут осетры в десять метров, питаются мелкою рыбкой; акулы, не слишком большія¹⁾, оскалясь, проносятся вверх животом, догоняя леща с поверхности наискось, вниз, в глубину треугольник тунцов²⁾; зеленѣют, желтѣют, лазурятся тѣлом мурены; и барбумы, райскія птицы морей, у поверхности — ярко огнятся; анчоусы, стаи коньков и других «pleuranectes» здѣсь водятся, — скаты; и даже встрѣчали в волнах Средиземнаго моря — больших кашалатов, которых тѣла — только пасти с желудками; среди зоофитов здѣсь водятся губки, бероз, рои голотурій, ципиды, лучающія фосфорный блеск; и оранжевым кружевом галеолафа — цвѣтет, освѣщается, солнышком; раки, лангусты, морскіе ежи, эвриолы, атланты и цингги, переплетаясь родами и видами — множатся в водах; и зрѣет на ракушкѣ цвѣт перламутра; пучина-ж — пустынно кипит.

Тусклый вечер; старик капитан распустил свою бороду в вѣтрѣ; кроваво садится за морем круг

солнца; он, вот — тусклый круг; желтокаріе сумерки свѣтятся: странные сумерки!

— «Солнце садится в пески», — говорит капитан, подойдя, — «то — отѣнок пустыни; мы — близко от берега».

Все — измѣнилось: цвѣт неба, цвѣт моря, отѣнки заката; стоит яркій жар; и — безвѣтріе; ширится там, от египетской, близкой земли тускловатая мгла.

Подливаем сегодня к землѣ; море — гладится; солнце — палит; цѣлый день измѣряют глубины: здѣсь — мели: вѣтрами пустыни выносятся в море пески.

Подхожу к капитану:

— «Мы — на уровнѣ дельты: и скоро увидим Даміэтту».

В трубу увидели даміетскій маяк: показался; и — скрылся.

И всѣ — подтянулись: кругом разговоры об углѣ, который должны нам доставить, чтоб нас не задерживать — нѣтъ же, не нас; мы сегодня уже не ночуем в каютѣ: в отелѣ.

И — грустно: семья офицеров так ласково встрѣтила нас; каютка, как комнатка: плыть бы и плыть.

Поднимается что то из дали; земля — не земля, а какая то вышка.

Звонки.

— «Порт-Саидскій маяк».

И — маяк вырастает, и — группа тусклѣйших домов вырастает за ним: Порт-Саид — это отдели, авангарды пустыни; пустыня обьяла его.; и я думаю: там, вон, Аравія.

Старый историк, Кальдун, отмѣчает три слоя арабов Аравіи: это — «Ариба» (древнѣйшіе жители), болѣе поздніе жители; и — «Мустарриба» (потомки Измаила); в болѣе позднее время они населили Неджед и Геджас.

На сѣверѣ триба Амаликов¹⁾ (смѣсь из семитов с хамитами), к югу вѣтвятся, достигает — мѣст Мекки; амалекинянская разновидность катуров считает, что предком катуров был сам Авраам²⁾; арамейская кровь — проливается в них, как гласит о том клинопись³⁾; царство сабеян окрѣпло — отсюда; торговлю с ним вел Соломон; посылала товары сабеянам Индія; Навуходоносор разрушил торговлю; она возстановлена персами⁴⁾; здѣсь выявляются нравы кушитской культуры (дѣльене на касты⁵⁾, обрѣзанье, мифы, преданья⁶⁾; Агатар-

¹⁾ Амаликитяне.

²⁾ Coussin de Perceval: «Histoire des Arabes avant l'islamisme».

³⁾ Ф. Ленорман: «Руководство к древней исторіи Востока. Арабы».

⁴⁾ Idem.

⁵⁾ Страбон.

⁶⁾ Renan: Histoire des langues semitiques.

¹⁾ В 12 футов.

²⁾ Рыба с черносиней спинной и серебристым животом.

хид нам рисует черты царей сабеитских, гаремы; и — толпы чиновников; замки вассалов когда то покрыли Аравію; множеством утвари славны древнѣйшія мѣстности древних арабов; комфорт до Ислама еще прививается жителям здѣсь; сам Ислам — реставрація: новая роспись на старых облупинах фресок культуры; по Плинію в городѣ Гадрамаута, в Саботѣ, стояло уже шестьдесят пышных храмов, а в Тамнѣ — стояло их болѣе; а историк Казвини в семьмъ еще вѣкѣ по приказанью калифа Отмана описывал башню сабеян; по описанію стиль ассирійскій — господствовал.

Култ аравійскій отчасти был култ Вавилона; единственнй Бог возвышался над прочими; монотеизм заслонило барокко из многих богов (иль — планет); все же в центрѣ сіяло единое солнце; до всплшек Ислама тянулось горѣние древней религіи; праздники здѣсь приурочены были к вступленію солнца в созвѣздіе Овна; а свѣтилам во образѣ многих богов поклонялись в «харамах», к которым текли пилигримы; Кааба, или черной таинственный камень, упавшій с неба, — уж чтился; легенда гласит: Авраам с Измаилом построили мекксую святость в честь дальней планеты Сатурн¹⁾; Магомет реставрировал култ, как и многое, впрочем; во время правления Цезаря чтили Кабу уже²⁾; чистотой древних бытов просвѣчены нравы Аравіи; в древних рисунках среди египтян и мидян уже видим араба таким, какой нынѣ стоит перед нами: костюм неизмѣнен его.

Коричневатое и туманное солнце упало за земли; от этих земель простирается томная, золотокарая муть; солнце — скрылось; заря — не зажглась; но повсюду возникли пространства каких то беззорных свѣчений; в египетских сумерках мы; налетает от берега шквал, пропестрѣла рябая вода; и — опять успокоилась; движется прямо на нас тупоносый баркас (это — уголь); «Arcadia» тотчас же будет грузиться; свистя, подлетает моторная лодка: то — высланный с берега лоцман.

«Arcadia» движется медленно; красныя куклы танцуют в водѣ, образуя один нескончаемый ряд к Порт-Саиду; и — отмѣчающей: мѣсто форватера; спереди видим моргане кровавых, зелененьких глазок; а с праваго боку уж тянется каменный мол; и, как кажется, бронзовый памятник инженеру Лессепсу, медлительно выросши, — справа проходит.

Мы — в хлопотах: мы уж простились; старик капитан с капитанскаго мостика что-то кричит, отдавая команду; ему — не до нас: атмосфера далекаго плаванья всюду господствует; дружно китайцы мотают на что то канаты.

Опросы: осмотр документов чиновником, вышедшим быстро из лодки; и вот — мы свободны:

¹⁾ Ленорман.

²⁾ Диодор Сицилійскій.

качаемся к берегу в лодкѣ; в водѣ расплясалась арабская письменность; как серебристы зигзаги!

Огромный баркас, нагруженный до верху чудовищной угольной глыбой, причалил к «Arcadia»; он освѣщен факелами; теперь бриллиантовый берег вплотную охватит объѣмами синяя, синяя ночь. Брюссель 912.

2. У СФИНКСА.

Зачастую сидѣли у сфинкса; он — зажил во мнѣ, но о нем — что сказать?

Безпредельному нѣтъ выраженья; безобразность вѣчный удѣл безобразія; образ безобразій есть безобразіе.

Сфинкс — безобразен.

Да, есть цѣломудріе в геометрической формѣ, когда покрывает безуміе сверх-разсудочных отношеній она; такова пирамида; она — сочетание четырех треугольников с пятой фигурой: квадратом.

Но Сфинкс не таков.

Вы представьте себѣ: вот — великій ученый (психолог), чьи тонкія книги читают тончайшіе; вот — он, написавшись, бормочет цинизмы; какое уродство! Представьте теперь: знаменитый ученый завыл, побѣжав на карачках пред строгим лакеем, подавшим ему его счет; безобразіе здѣсь на границѣ с бессмысленной мерзостью; если же, устремив горе очи, пред толпами скромных студентов взвоят психолог, утвердится в неслыханный ужас поступок его; и предѣл безобразія будет раздвинут, коль послѣ ужаснаго взвоя ученый сухим, докторальнѣйшим тоном объявит: поступок — эксперимент, ему нужный для собирающаго статистики дѣйствія в оя; и розданы будут листки для скорѣйшаго заполнения их; иные, здѣтые в чувствах своих (безумьянных), почувствуют, вѣрно, пощечину в дѣйствіи опытного экспериментатора; а другіе наполнят, быть может, невнятнѣйшим бредом листки; их профессор — психолог, снабдив коментаріем, обнарудует послѣ в объемистой книгѣ для доказательства, что безуміе часто таятся под маскою здравости.

Как назовем мы поступок ученаго?

Мерзостью, сыском, безуміем иль... гениальным умѣніем угадывать тайны души? Мы почувствуем, что воиною должны мы отвѣтить на этот поступок: в нем чувствуется террористическій акт над душой обывателя.

Вот такой акт совершает Египет, бросая в лицо безобразіе стараго Сфинкса: сплошным безобразіем вѣет безобразность образа; старая эта глава — окаянна: сугубое, учетверенное безобразіе в ней, возведенное в зную степень; она — за предѣлами человѣческих мѣрок уродств и красот. Безобразіе это, быть может, порыв красоты Херувимов; ужасно: безмѣрность проснулась человѣкоподобным лицом; воображеніе духов связало все то сквозь «Я» чловѣка; взглянув в лицо Сфинкс-

са, мы чувствуем: сорвано дно человѣческой личности; мы же на собственном днѣ, как на утлом челнѣ уплываем в бездонность: наш путь начался «до» того, как мы стали людьми, продолжается в то, что уже не есть наше, людское; мы чувствуем: весь размах міра, в котором живем, — только малая лодочка; ужасы прошлых форм жизни чудовищно встали: ихтиозавр, динозавр, бронтозавр проторчали из прошлого:

— «Да: это мы!»

Проторчали под ними такія постыдныя формы, что если бы их увидѣть воочию, то — падешь бездыханным: и это мы носим в себѣ; в подсознаніи нашем:

— «Да, да: это — мы!»

И красоты несбывшихся грез (то, куда мы идем) промелькнули-б: разгон іерархической жизни архангелов, ангелов, — все пронеслось бы пред нами; и это мы носим в себѣ:

— «И — да, да: это — мы!»

Но все это (грядущее, прошлое) есть содержаніе нашего «Я», его «дна», нам невиднаго: Сфинксовым взором срывается дно нашей личности; «дно» безобразіем, роem красот — по волнам роковой бездны мчитя:

— «Куда?»

И, взглянувши на Сфинкса, мы чувствуем головокруженіе; нам кажется взгляды уносят.

— «Куда?»

Красота, безобразіе, — все это рухнуло: все это — «образы». Сфинкс же безобразен.

Тридцатью лишь вѣками мы, люди теперешних дней, отдѣляемся от великой культуры Микен; только сорок столѣтій прошло от событій древнѣйшей ханаанской культуры, в которой уже отразился Египет (своим скарабеем); семь столѣтій назад и — перед нами уже пирамидальный період; за 3750 лѣт до рожденья Христа возвышался дворец Нарам-Сина с прекраснѣйшей библіотекой; Вавилон разблестался культурой своей; но дворец Нарам-Сина построен Саргоном на древних развалинах, принадлежащих остаткам таинственной сумерійской культуры, начало которой за восемьдесят вѣков от рожденья Христа¹⁾. Но взгляд безобразнаго Сфинкса уже подсмотрѣл ту культуру; уже шестьдесят почти длинных вѣков он глядит на восток²⁾; а ищел, воплотился он, вѣрно, из болѣе ранней эпохи.

По лѣтоисчисленіям рабби Гилеля мір был сотворен лишь в эпоху Саргона³⁾; и Сфинкс — с сотворенія гилелева міра стоит в этом мѣстѣ; но он изшел из Египта древнѣйшаго времени; есть издѣлья слоновой кости, находимыя в

почвѣ Египта до времени Сфинкса¹⁾; в каналѣ Махмудіа и в Бессузѣ на глубинѣ двадцати с лишним метров под уровнем моря нашли черепки от посуды, принадлежащія обитателям этих мѣст, коим вѣдомы были приемы культуры; на основаніи геологических данных отчетливо можно сказать, что они приготовлены были за 300 столѣтій до нашего времени.

Какова же линия жизни земли²⁾?

Эта линия — в Сфинксѣ, сквозь Сфинкса, взи-рала на нас.

В безмѣрном разбит символизм геометріи; и лицо прорвало треугольник Хеопса; и стало оно человѣческим: приподнялась пирамида от почвы; и стала она все маленькой; это глава львиолапаго Сфинкса; само прародимое время нагнало позднѣйшее время; и — ухнуло ужасом:

— «Ты — убѣжал».

— «За тобою я гнался!»

— «Ты был при Рамзесѣ: и я тебя мучил».

— «Ты был при Саргонѣ».

— «И ранѣе: был ты за 300 столѣтій до этого времени».

— «Скверной поступков твоих из тебя изошли: папуас, обезьяна; тупой носорог — твои помыслы нѣкогда».

— «Гадкая слизь, покрывавшая дно океанов — дѣянья твои».

— «Я — с тобою был тогда».

— «Все я видѣл...»

— «Все помню...»

— «И вот: твоим прошлым стою пред тобою».

— «Ты — Я».

— «Мы — одно...»

— «Это знаешь ты».

— «Что, что я знаю?»

Молчаніе!

Есть два Египта: Египет мистерій; и знаю я: тѣни жрецов поднимаются нынѣ к вершинам нѣмых пирамид.

Есть Египет другой: эфіопское что-то глядится в египетских древностях; песьи печати к остаткам Египта приложены; их приложил эфіоп: эфіоп приготовлен в Египтѣ; глубь Африки есть декаданс; дикари — простота, получившаяся от переуточенной жизни; мы знаем, что гении порождают чудачества, а чудачество вырождается в идиотство: дикарь есть кретин утонченный, погибшей культуры; центральную Африку населяют кретины, но предки их гении, мудрецы и ученые: тот знаменитый

¹⁾ Hilprecht. «Die Ausgr. im Balt-tempel zu Nipur», 1903.

²⁾ См. приблизительно, 5600 лѣт.

³⁾ Ем. Профес. Вальтер: «Исторія земли и жизни».

¹⁾ За 4300 лѣт до Р. Х.

²⁾ Сюда: Meyers: «Aegypt. Chronologie». Sophus Müller: «Urgeschichte Europas».

ученый, который себѣ разрѣшил бы завѣть на студентов для нужнаго опыта, мог бы, навѣрное, быть чудачком; при повтореніи опытов, мог бы он стать сумасшедшим; и, сѣвъ на карачки, с пронзительным воем прослѣдовать в страны «ням-ням», учреджая культуру дикарства 20 вѣка.

Сплошной кретинизм проплывавших культур нас встрѣчает в Египтѣ: феллахи кретины; другіе кретины — у а р у м ы, которых встрѣчаем у Стэнли: кретины культуры Египта, предѣл уточенья ея.

И таким кретинизмом глядѣл старый Сфинкс; в нем есть что-то от негра; курносыя и безносыя голова смотрит дико и злобно громадною владиной глаза; такой дикій взгляд на послѣднем портретѣ безумнаго Ницше, сказавшаго о послѣднем е м культурѣ 20 вѣка; к нему, как ко мнѣ, приходил старый Сфинкс; и сказал:

— «Это — я: прародимое время!»

И Ницше не выдержал: расхохотался, хотѣл, может быть, убѣжать в лѣса Африки (там бы он стал проповѣдником диких у а р у м о в); попал же в лечебницу.

Сфинкс - эфіоп объяснил мнѣ меня самага, обясняя мнѣ Ницше; быть может, мое увлеченіе Африкой — сфинксово дѣло; «кретин» мнѣ грозит, если я не сумѣю... стать ангелом.

Сфинкс продичал эфіопом; безсмысленны жесты лица; предлагает безсмысленно тайны, загадки; посмотришь: и взоры темнѣют, и небо в овчинку, и разум разорван и все отвалилось от ног; не бѣгите: стойте; сквозь вопль одиночлоу души вы услышите вздох пресыщенія; есть пресыщеніе в старой главѣ...

— «Почему вы, профессор, чудите: зачѣм вы взревѣли?»

— «Мнѣ скучно: хочу необычнаго я».

Египтяне, навѣрное, нѣкогда бѣгали к неграм; Жан Жаки Русо, вѣроятно, водились средь них; психоглавыя куколки их, может быть, пресыщеніе сквозь всѣ ужасы лика — отчаянье, горечь, пресыщенность чувствуется в каменной складкѣ у губ; посмотрите: ушел сам в себя; он — испуган; он — малый ребенок; боится песчинки.

Мягчится, кротчает лицо.

Есть забытые, робкіе люди; страданье заставило их пережить вереницу мученій; и все просвѣтленіе мученій; и вот пережив просвѣтленье, остались в испугѣ они.

Да испуг зажигает на сфинксовом ликѣ угрюмое бышенство; и молодѣет от гнѣва столѣтья пронзающій взор; и бѣжит он от вас по вѣкам; вы же гонитесь; вы переходите с ним всѣ черты, всѣ предѣлы, всѣ грани; и вот на предѣлѣ предѣлов стоит, озвѣрѣвъ от страданія, просвѣтленіе боли осталось далеко, далеко; за старой чертой оно.

Вот и луна: и луна провѣтлила, мягча всѣ черты; застелила легким налетом; исполнила нѣгой;

он был херувимом, но он воплотился во все безобразіе: тяжким крестом подготовил нам крест.

Он — прекрасен!

Величіе, безобразье, страданье, презрѣнье, вызов, испуг и улыбка младенца — все, все сочеталось в одно выраженіе в нем; выраженіе это не вынести; забываемым никогда посмотрѣл он в меня.

И я помню его.

3. ЭКВАТОРИАЛЬНАЯ АФРИКА.

Нил вытекает с экватора, и переносит из нѣдр африканских старинную вѣсть перецвѣтших культур; вокруг истоков его закипает таинственно жизнь: африканскія нѣдра досела таятъ неизвѣстности; береговая же Африка уже со времени Васко-де-Гама заселена европейцами; в нѣдрах ея полагали когда-то «Офейру» (о ней гласят древніе); солнце нам жжет: пережженный есть «а ф ф» — африканец.

Имена Уайта Беккера, Ливингстона, В. Юнкера (москвича), Слика, Барта, Швейнфурта, Стэнли, Нахтигала нам дороги; их труды, их отвага, их воля нам бросили свѣтъ на «Офейру»: к ней путь через Египет, через Нубію, через Судан к полноводным «ніанзам», к водораздѣлам великих двух рѣкъ: Конго, Нила; а также: к водораздѣлу меж западной «ніанзой» Чад и «ніанзами» Нила.

В сороковом году Ливингстон углубляется в страны «Офейры», изслѣдуя южные тропики, гдѣ он проводит шестнадцать томительных лѣтъ: он изслѣдует весь юго-запад, переходя Калахари¹⁾, проходит к истокам Замбези, еще неоткрытым, заходит в центр Африки, гдѣ в Лилиант²⁾, в селеніи негров, он долго живет; и отсюда проходит сначала на запад (до берега океана), потом — на восток, к Зензибару, пересѣкая всю Африку; он во втором путешествіи открывает ніанзу Ніассу, изслѣдуя берега: путешествіе длится шесть лѣтъ³⁾.

В это время, как раз Слик и Грант (англичане) проходят к «ніанзам» Викторіи и Альберту и от истоков Бахр-ель-Абіада проходят наверх, к Кондокоро, гдѣ к ним опускается экспедиція Уайта Беккера; Беккер спускается вниз; он изслѣдует Альберт-ніанзу⁴⁾; позднѣй Ливингстон поднимается с запада, с устья Ровумы⁵⁾ до озера Ньяссы; от туда идет к Танганайкѣ, гдѣ Стэнли находит его; Стэнли много изслѣдовал области Конго; и, можно сказать, — создал Конго.

¹⁾ Пустыня, примыкающая к юго-западному берегу Африки.

²⁾ Лилиант находится в центрѣ Африки под 17° южной широты.

³⁾ «Послѣднее путешествіе Ливингстона». Перевод с англійскаго под редакціей М. Цебриковой.

⁴⁾ Уайт Беккер: «Путешествіе к верховьям Нила и изслѣдованіе его истоков».

⁵⁾ Ниже Зензибара.

Немного позднѣе наш Юнкер изслѣдует рѣки Собат и извилистый Бахр-ель-Газаль (то притоки великаго Нила); он в семьдесят девятом году пробѣгает впервые по странам Ньям-Ньям, и, дойдя до водораздѣла между Нилом и Конго, изслѣдует рѣку Уэллз, приток Конго, растянутую на тысячу километров; ее переходит; и — ходит по рѣчкѣ Непоко — притоку рѣки Ааруми (по ней ходил Стэнли; она — приток Конго); затѣм Юнкер правит свой путь до великаго, нильскаго устья, гдѣ в Ладо встрѣчается он с Эмином-пашей, отрѣзанный с сѣвера от Египта махдистами¹⁾. Через короткое время с рѣки Арувими к странѣ Уаделай направляется Стэнли, проходит к нѣизвѣ Альберту, уводит Эмина, спускаясь с ним к Зензибару.

Этим рядом смѣлѣйших проходов по странам «Офейры» впервые бросается луч на огромныя области, гдѣ начинается Нил и Конго.

С Каира, естественно поднимаясь по Нилу, плывешь в зеленѣющих и цвѣтущих прибрежїях; тихо проходит Египет, возвысьсь сѣдой стариной: Абидос поднимает храм Сѣты; весь бѣлый он высится на безплодїи у деревушки; и зеленѣет по берегу «дурро»; порой желтоватыя горы покажутся издали; вот — Дендарех, гдѣ богинѣ Гатор был воздвигнут возвышенно храм средь безплодной степи; под колоннами вечером рѣют гиганты летучія мыши; и далѣе — то поднимаются степи, то пальмовый лѣс зеленѣет; Карнак поднимается храмами на таинственных, лотосоподобных колоннах; аллею сфинксов зовет; и Луксор улыбается розой под пальмами; нѣмы колосы мемносскїе; брыжжут зеленыя краски прибрежїи; чинары, акации, пальмы; средь них обнаженныя почвы; открыли святлица здѣсь Марїэтт и Навиль; здѣсь копался в грунтах Масперо, извлекая могилы. Воздвигнуты Гатор, храмы Менту-Хотеп, Рамессеум; оранжевы, желты обрывы ливїйскаго пустыря.

Далѣе, поднимаясь по Нилу, вы видите храм, посвященный могучему Гору в Эдфу, поражающей красотой своих форм; недалеко от храма Эдфу-Ком-Омбос, крокодилы мумїи; храм высоко над рѣкою; здѣсь царство пшеницы и сахарных тростников; вблизи острова Филз природа мѣняется: жгучая, грозная; жадно пески подползают к водѣ; поднимаются с запада горы; здѣсь храм, посвященный Изидѣ; и далѣе — начинается Нильскїй изгиб; начинается Нубїя от Ассуана к Хартуму — шесть нильских порогов. И вот поднимаясь по Нилу за Ассун, к Уаду-Хальфе, вступаем мы в область огромных порогов, здѣсь Нил нам рисует извив: с Ассуана к Хартуму теперь громыхают экспрессы; проѣзда по Нилу здѣсь нѣтъ; к Ассуну подкрался порог; у Хартума — послѣдній порог; он по счету — шестой; от Хартума бѣжит паро-

ход к Кондокоро; и — далѣе: к Ладо; за Ладо же — область «нѣанз»: экваторїальная Африка.

Побережье Бахр-ель-Абіада¹⁾ с Хартума сначала безжизненно: здѣсь происходит сляніе с Бахр-ель-Азраком²⁾, котораго берег отвѣсен; отлог берег Бѣлаго Нила; его как бы нѣтъ; появляются остров Гассанїе; берег покрыт полосой мимозовых чаш; эти чаши порою затоплены; и лихорадки господствуют; далѣе — дали пустыни³⁾, гдѣ водится все еще *Dipus aegirtiacus* (грызун); и летают ливїйскїе голуби; но — попадают: яйца страусов; страусы водятся⁴⁾.

Далѣе — мїр расширенья болот; появляются холмики; при отплыванїи против течения Нила, на лѣво являются страны шиллукков, направо являются холмики, крытые сочной травой; страны динкоров простерты отсюда; кругом берега поросли тростником; побережье шиллукскаго берега в мощных лѣсах; деревушки проходят, ютятся над косматыми пальмами; всюду стада; на рѣчкѣ челноки странной формы; амбака⁵⁾ служит им матеріалом; сидят в челноках чернокожїе; ловят баграмı обильную рыбу средь звона золотых москитов; мелькают в водѣ красноперые окуни; плавают *Tetrodon phisa*, которая может раздуться, набрав много воздуха; и одиноко сидит на суку неподвижный журавль; вот вдали показался продолбленный ствол: притаился шиллук, прижимая багор; у него ожерелье на шеѣ; слоновая кость обвивает браслетами руку его; иногда он покрыт толстым слоем золы, защищающей тѣло от роя москитов⁶⁾.

Между тѣм берега измѣняются; там, гдѣ вливается тихїй Собат, поражает пространство болот; и не знаешь порою: болотом, иль Нилом плывешь; измѣняется вид побережїи и быт чернокожих; здѣсь всюду деревни различных племен; исхудалые киттчи, накрывшись леопардовой шкурой, просунут свои черномазые морды из зарослей сахарных тростников; забѣлѣет перо, завитое убитаго страуса с черной главы исхудалаго киттча, пасушаго гдѣ-нибудь стадо быков; или на-берег выбѣжит шир⁷⁾, размахавшись дубиной из чернаго дерева; или стоит он, склонясь на копы, на одной лишь ногѣ (то — любимая поза); с макушки торчат пѣтушиныя перья; а там — поселеніе широв: все — круглыя хижины; около берега видишь посѣвы бѣлѣйшаго лотоса; женщины будут потом собирать сѣмена его; есть оліары, есть бѣры; подай руку им; они сдѣлают вид, что хотят в нее плюнуть (то — вид благодарности)⁸⁾.

¹⁾ Нааваніе Бѣлаго Нила.

²⁾ Голубой Нил.

³⁾ Беккер.

⁴⁾ Юнкер.

⁵⁾ Дерево.

⁶⁾ Беккер.

⁷⁾ Имя негрскаго племени.

⁸⁾ Беккер.

¹⁾ Эмин-паша губернатор экваторїальной провинціи Египта на нѣсколько лѣтъ отрѣзанный от Египта махдистким возстанїем и выреченный в послѣдствїи экспедиціей Стэнли.

Спросишь, как имя; отвѣтят тебѣ:

— «Джокіан!»

Очень звучное имя!

По берегу видишь ты дхуру (то хлѣбное дерево); видишь ассааи, из которой готовят танин, есть колочки китуро; а *pystia stratiotes*¹⁾ плывет островками; амбак, тамаринд и папирус, пальма-долап здѣсь — всюду; сидит птица лонзик на... головѣ бегемота; вон тот, пробѣгающій здѣсь на дахабіз пришлый араб, приготовит тебѣ бегемотовый суп (очень вкусный); пока же, напаялив тарбохш²⁾, он играет на легкой рабабе³⁾: что дѣлает он в этой мѣстности? Приготовляет из гарра (плода) прекрасную краску, которую послѣ везет вниз по Нилу.

Поплыв по Собату, увидишь ряды тростниковых голов (точно сахарных); яйца страусов их украшают; живут в них нуэры; коль ты попытаешься вдаль углубиться, оставив челнок, ты увидишь слѣды проходящих слонов; ты услышишь рыканье льва в баобабах, услышишь пронзительный крик погуя и рев павіана; и карморан пролетит (птица хищник); жираффы и страусы здѣсь начинают пасться⁴⁾.

Ничего немного пустившись по Нилу до Бахр'ель-Газала⁵⁾, увидишь в дождливое время — озера, озера, озера: в бездождіе видишь лишь русла иссохших болот; за болотами — дым и зарево; то выжигают сухую траву; вся страна, распростертая к юго-западу от владенія Бахр-ель-Газала в Бахр'ель-Абид простирается в лодоѣдскія страны, Ньям-Ньям, по которым ходил еще Швейнфурт, въспѣдствіи-ж углубился в них Юнкер на семь долгих лѣт.

По Бахр-ель-Газалу плывут травянистые бары⁶⁾; южнѣе — льса окаймляют притоки рѣки; и южнѣе еще деревушки Ньям-Ньям, засѣвающих «элевзину»; растет здѣсь «трекулія»; плод ея — с голову человѣка; и прячется страшный «шимпанзе», дерущійся палкою: роши бананов, масличныя пальмы, гигантскаго вида жуки поражают тебя⁷⁾; углубившись южнѣе еще, ты выходишь на берег притока великаго Конго; за ним в льсных чащах уже попадаются карлики; их изучили и Висман, и Стэнли, и Юнкер, и Вольф; и о них говорит Франсуа.

Если же опускаться все ниже по Нилу, минуя Кондокоро, то опустишься к Уаделаю, изученному экспедиціей Стэнли и Беккером; Юнкер сюда приходил; здѣсь истоки великой рѣки; это — область

Ніанз; экваторіальная Африка; ниже, пройдя за Уанду к «ніанзѣ» Викторіи и опустившись еще, ты доходишь до Ньяссы, которой длина 200 миль; ширина — 50 - 60; далѣе — голубое простертое озеро: Танганайка; горами и льсом покрыты ея берега; окаймленное скалами краснаго сланца, лазурится озеро; фыркают в нем бегемоты и плавают рыба монидз; отсюда уже начинается область, которую изучил Ливингстон: он прошел меж пространствами нижних озер (Танганайкой и Ньясой) и меж пространствами, отдѣлывшими эти озера от берега океана по рѣчкѣ Ровумѣ¹⁾.

Здѣсь пышная флора: копал простирает в потоки лучей свои парные листья, сѣрѣя стволем, осьпаясь орѣхами; черное дерево точит смолу; мозикизи и нтибѣз растут всюду, — каменный дуб, рододендры, мазук; всюду мбэбва дарит чернокожих плодами; смоковницы, заросли фиговых пальм, бамбуки; молодую листвою, оранжево красной и розовой рѣюю побережья Ніассы; и всюду растет пальма-фикус; тѣ гуци проплетены сѣтью толстых канатов; то вьющіяся растенія; и они — паразиты²⁾.

Покрѣты травой жирнѣйшія земли; трава «тикатика» простерла свои глянцевиные листья в мээр и мэмбо (то — травы); цвѣтут имбири голубыми цвѣтами; оранжевы здѣсь орхидеи, пурпурятся царскія кудри, цвѣтут полевая лобелия; и голубѣют чилобэ; растительность носит остатки каменугольного періода³⁾.

Здѣсь, меж цвѣтов, пролетает подчас бичскота — ядовитая муха це-це; рои мошек «кунго» танцуют над мощным бугром муравейника; в листьях же прячется мзіз, милѣйшая мелодичная птичка; и водятся бѣлые ибисы; слышится звук «чук-чук-чук»; это вѣсть подает молодой марабу.

Не перечислишь звѣрей: леопарды, слоны, носороги, гіены, львы, буйволы, зебры, пѣвучая утка, крысopodobная сѣнзе, и прочіе; изрѣдка встрѣтишь слона-альбиноса; и есть альбиносы средь негров.

Здѣсь водится чорт, или «соко» — мартышка⁴⁾; ея безволосая, свѣтло-желтая морда с двумя бакенбардами, с жидкой бородкой порой нападает из за вѣтвей на ребенка; с гримасою бросится с ним в гущу листьев, кричит и балует, и щиплет ребенка; и с криком бѣжит негритянка под желтою пяткою «соко», мелькающей в лиственных всях; и вдруг с вышины негритенок летит к ногам матери; в всях хихикает «соко»; и пальцами чистит огромные ногти; когда на него нападают, то он наступает; и — бьет по щекам; если ранят его, он рукою из раны своей вырывает копые, под-

¹⁾ Водное растеніе.

²⁾ Шалка.

³⁾ Арабская гитара.

⁴⁾ Юнкер.

⁵⁾ Нильскій приток.

⁶⁾ Плодѣе травяные острова; смотри о них в книгѣ полковника Баратье, слѣдовавшаго за Маршалом.

⁷⁾ Юнкер.

¹⁾ Ея устье лежит на 10° южной широты.

²⁾ Ливингстон.

³⁾ Idem.

⁴⁾ Род павіана.

летает к обидчику Монде или Мпонде, или Чимбве; и, откусив ему пальцы, спшит в густолистіе, гдѣ он пучками травы затыкает глубокую рану.

Давно интерес возрастает к еще неизслѣдованным видам странных животных, которые населяют центральную Африку; еще в семнадцатом вѣкѣ давала она богатѣйшую пищу англійским зоологам; в восемнадцатом вѣкѣ они приносят уже жизнь животным по Гамби и по верхнему Нилу; французы в истекшем столѣтїи открывают на западѣ неизученных антилоп; варварскій олень, саблерогая антилопа впервые является взорам ученых; ряды разнородных незнаемых обезьян (павианов, мандрилов, и дрилов) являются нам; Вильям Бурчелл классифицирует виды различные зебр, изучает куагу (или квагу); и бѣлые носороги открыты им; в странах Судана открыты козлы водяные; из птиц — китоглав; в Абиссинїи открывают геладу¹⁾; описаны Рюппелем антилопы Судана; вся область Сомали изучена Керком; Уганди же Спиком; а карликовый гиппопотам, обитающій в странах Либерїи, точно изучен лишь Шомгориллу; открыты богатая фауна Камеруна, Габурком (только что); Поль-дю-Шалью изучает бона и Конго, гдѣ Юнкер описывает неизученных антилоп Арувими, а Стэнли указывает на существованіе неизвѣстных ученых ослов и огромных свиней; Гарри Джонстон недавно совсѣм открывает окапи, котораго существованіе извѣстно и Стэнли²⁾; еще не открыто чудовище, близкое к ископаемым бронтозаврам; как знать, что еще таят нѣдра?

Живут в этих нѣдрах рои негритян: чипетá, чипетóка, чезумпи, балунго, болундо, бабэмба, бобиза; бобиза — плуты, а йюу — всѣ храбры, шутивы и веселы; здѣсь обитают мангаджа, мбагва, имбомба, маниѣмы, которые — кровожадны; мангаджа на ткацких станках вытывают пестрѣйшія ткани себѣ; всюду — ряд городков, деревень, деревушек: Котоза, Казанга, Кавмиба, Казансо, Маренго, Морави, Макоза, Маранди, Моерва, Мамуна, Момбо, Монанпунда; какое обиліе носовых мягких звуков! И в них, в деревнях обитают не Жаны, не Поли, не Германы, а Камзуны, Каумы, Казембы, Копгене; а Читикод, Чаокил, Читанагва³⁾ одѣты в пестрѣйшія ткани из *pteroscarpus*'a, изукрашенные явно египетской арабеской; тагуированы всѣ; племя носит свой герб; и он вырѣзан в кожѣ;

¹⁾ Род павиана.

²⁾ См. статью путешественника Сэра Гарри Джонстона: «Послѣднія тайны африканских лѣвов». Журнал «Природа и люди» 1915 года.

³⁾ Негрскія племена.

тѣ негры разводят в полях табак, рис и маис, дуро, сорго, потаты, маькоко; пекут из сѣдобных для них насѣкомых лепешки; приготавливают полебе (род пива); и пьют его много, ростя животы, из желтѣющей тыквы; их зубы обточены; женщины носят пелеле, кольцо на губѣ; огонь добывают иные сверленым палочек; спят в шалашах на жердях; под жердями разводят огонь, разгоня дымками звенящих москитов; порой деревенька окружена палисадом; подходишь: и слышишь уж издали звук колотушки: то бьют, размочивши в водѣ волоконца «буозе», приготавливая какую то ткань для одежды, которую часто вымачивают из древесной коры; ты подходишь, и — хлопают негры в ладоши, встрѣчая тебя; гдѣ-нибудь за деревней, вооружившись длинными луками (в 6 с лишним футов) присѣла засада у «гопо», большой западни для животных; из-за ствола твердотѣлаго птибье посмотрит неземная рожа; и — скрывается; только торчит за листьями перо (под пером — голова); и виднѣются издали колья густых палисадов деревни; кой-гдѣ на колу скалит зубы обѣденный череп, навѣрно преступника; осудил суд, миландо, его выпить, вѣрно муаве (род яда); проходишь в деревню: ряд хижин улпленных гнѣздами коричневѣющих трясогузок (не наших); и видишь: перед центральной хижиной на слоновом клыкѣ возсѣдает король; и вѣнец желтѣчных перьев на нем; музыканты проводят по струнам морильбо (род гуслей); он — слушает; в отдаленїи гдѣ-то трубят в рог — «куду». Отчего так задумчив король, весь увѣшанный чловѣчьими пальцами (роль талисмана)? Он только что сѣл прежде милое сердце жены; у манѣмов обычаѣ бѣжать за товарищем, уличенным в провинности, чтобы зажаривши, сѣсть его; цѣлыя толпы гурманов частенко гоняются с криком за ним; утонченнѣйшим блюдом считает маьемскій гурман чловѣчье протухшее мясо; оно ему — бри.

Таковы нравы озера Ньяссы, как их наблюдал Ливингстон¹⁾... Экваторія одаряет их пальмами; сколько живы ео: их одѣвает она, укрывает, питает, поит; хоть бы Phoenix в своих разновидностях: Phoenix silvestris дает сладкій сахар, дает и вино; Dactylifera Phoenix мы знаем по плоду: по финику; Phoenix же farinifera дает саго. Арабскій писатель четырнадцатаго столѣтїя Ибн-ель-Варди говорит, что Алах сотворил пальму

¹⁾ Вот нѣкоторые из сочиненїй трактующих экваторїальную Африку: Юнкер: «Wissenschaftliche Ergebnisse der Reisen in Central-Afrika». 1890. Его же: «Reisen in Afrika» (3 тома) 1889. Casati-Lehn: «Zehn Jahre in Aequatoria». Barth: «Reisen und Entdeckungen in Nord- und Central-Afrika». Стэнли: «Исторїя понсков, освобожденїя и отступленїя Элиена-Паша». Беккер: «Путешествїе к верховьям Нила». «Послѣднее путешествїе Ливингстона». Перевод с англійскаго.

Phoenix из той же земли, из какой он создал чело-
вѣка.

А *Cocos nucifera*, приносящая людям ко-
косовые орѣхи. Кокосовым молоком разбавля-
ют и кофе, и чай, точно сливками; плод же с'ѣдо-
бен; из скорлупы вырѣзают издѣлія: ручки, по-
суду, различныя бездѣлушки; она, скорлупа; пе-
режженная, фигурирует, как прекрасная черная
краска; отвар из кокосов — вѣрнѣйшее медицин-
ское средство; волокна, которыя окружают орѣх,
идут в выдѣлку: мочат их и потом заплетают в
канаты, которые крѣпче пеньковых, сплетают цы-
новки; орѣх дает масло; извѣстен бѣлок из коко-
сов; кокосовый жмых поѣдает скотина; из листьев
сплетают различныя вещи; и хижины негров они
защищают от ливней.

А пальма *Borassus (flabelliformis и aethio-
rum)*? Из крѣпких стволов вырѣзает оружіе негр;
сок дает опьяняющій крѣпкій напиток, перегоняе-
мый и выдѣляющій сахар; лист — кроет, питает
борассовый плод¹⁾.

Сколько жизней скрывается в пальмовых листь-
ях от ярых лучей эфіопскаго солнца! Звѣрями ки-
шит экваторія; в сумрачных темных болотах Ро-
дезіи (к югу от Конго) живет европейцам невѣдо-
мый звѣрь: между рѣками Лунга и Кафу; по опи-

санію негров, его косолапое тѣло огромно (с гип-
попотама), а шея длинна, как жирафова шея
(скорѣе, как тѣло удава); на ней голова крокодила
с отчетливым рогом на носѣ; в чудовищном звѣрѣ
воскрес ископаемый «бронтозавр¹⁾».

Но звѣрье исчезает; вездѣ пропадают слоны;
колониальной политикой Леопольда I-го Бельгій-
скаго слон истреблен почти в Конго (король зани-
мался торговлей слоновых клыков); носороги, жи-
раффы рѣдѣют; и львы пропадают; когда-то они
обитали в Европѣ; недавно еще в изобиліи львы
населяли Алжир и Тунис; в Константиноѣ, в Оранѣ,
на югѣ Тунисіи, нынѣ они — величайшая рѣд-
кость.

Культура вонзается в сердце «Офейры» убій-
ственной сталью желѣзных дорог; европейскіе
центры растут в Экваторіи; быстрый трамвай про-
бѣгает по берегу Конго; свистит паровоз по лѣ-
сам Сенегала, везя пассажиров до... Нигера.

Бьется еще африканское сердце: в Угандѣ, в
Дарфурѣ, в таинственном Кардофанѣ, гдѣ был
Нахтигаль²⁾ в Уаделаѣ, в странах Ньям-Ньям; и
туда меня тянет. Душой уплываю по Нилу в цент-
ральную Африку; я уголок лишь ея подсмотрѣл
в удущающих пряностью пышных каирских са-
дах.

¹⁾ См. журнал «Природа и люди» за 1910 год.
Статьи о пальмах.

¹⁾ Карл Гагенбек: «Животные и люди».

²⁾ См. его «Сахара и Судан».

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ПОЭЗИЯ.

(С сохранением орфографии авторов).

ЛЮБОВЬ ДОРОГ.

Бывает счастлива дорога
Когда восток — корабль в огне
И приближаясь понемногу,
Щекочет дали бубенец.
Он все настойчивее будит
Вдохмаченный туманом плес.
Дорога вздрагивает грудью:
Рвет версты прочь из под колес.
Лохматые барашки пыли,
Дождем причесанные в ночь

Москва, октябрь 1923.

Зашевелились и поплыли,
Слипаясь в серое сукно.
Стоят нахохленные ветлы
(Кора растрескалась от дум).
Простор во все концы разметан —
Свободно плечи развернул.
Бывает счастлива дорога,
Когда за лесом, далеко
Прорежет утреннюю тогу
Смех бубенца и звон подков.

Алексей Авилов.

* * *

ИМЯ.

Я знаю, — как же мне не знать? —
С тех пор, как стали мы чужими,
В тебе, как темная печать,
Мое запечатлелось имя.

Ты был гоним, ты был любим
И сладкой славой коронован,
Но ты не расставался с ним,
Свободный, ты всегда был скован.

Летят года в небытие,
Неудержимые, как птицы,
Но имя ты хранишь мое
На незапятнанной странице.

Москва, 1921.

Ек. Галати.

* * *

От юности, как от пожара,
Лишь пепел выстлал сердца дно...
Стучится сгорбленная старость
В занидевшее окно.
А там и смерть рукой костлявой
Неумолимо постучит...

Москва, 1921.

Но счастья, радости и славы
Не доверялись мне ключи,
И вот, тоскуя, вспоминаю
Невозвратимую весну,
И за соломинки минут,
Как утопающий, хватаюсь...

Георгий Дешкин.

РЕВЕЛЬ.

Из книги „Спѣльый Колос“.

Гордый, умный, старый город
Уцѣлѣл в волнах времен.
В строгом пѣньѣ колоколен
Древнїй голос оживлен.

Узкій дом на поворотѣ:
Осадив коня разбѣг,
Здѣсь, стуча копьем желѣзным,
Граф просился на ночлег?

Вот с рѣзной дубовой дверью
Закоптѣлый длинный зал:
Здѣсь прекрасной Кунигундѣ
Рыцарь розу подавал.

Tallinn, 1920.

Там давно была таверна:
У глубокаго окна
В ней проѣзжїй угощался
Кубком темнаго вина.

И хозяин добродушный
С звонкой связкою ключей,
Засвѣтив фонарь огромный,
Провожал своих гостей.

Эта жизнь живет понынѣ,
Скрыта в вѣчном мертвом снѣ.
Лишь спроси, — и сѣрый камень
Запоет о старинѣ.

Кальма.

* * *

Насквозь пронзают иглы стужи
И ветер в иступленїи злом
Сдавнѣ нагие ветки туже
Нерасплетаемым узлом.

Холодный дождь жесток и жесток,
Он воздух наискось сечет,
И дрогнет шалый перекресток
Давно забыв ударам счет.

Москва, 1920

И солнцу скрученому в тучах
Упорства их не одолеть,
Не разогнать громад летучих
Взнеся пылающую плеть.

Дорога тяжела и взрыта,
И мглистой ночью по краям
Роятся звездами корыта
Водой наполнившнхся ям.

Николай Минаев.

* * *

Меня застигла на привале
Нежданно ночи темнота.
Сухие губы целовали
Другие — свежие уста.

И снова, путник запоздалый,
От нетерпения дрожу.
С вещами лажу узел малый,
Веревки кое-как вяжу.

Моя подруга мирно дышит,
Порывом ласк утомлена —
А сердце зов знакомый слышит:
Я покидаю ложе сна.

Я знаю: нежная забста
Заставит бросить взгляд назад.
Я знаю: горы и болота
Не раз мне путь переградят.

Но холодящий воздух воли
Войдет веселым хмелем в грудь,
Когда в предутреннее поле
Вонзится неизбежный путь.

Петроград, октябрь 1923.

А. Палей.

* * *

СТИХИ О ЛОНДОНѢ.

Ты помнишь: вечер на мосту,
Цветные огоньки на Темзѣ
И в синем небѣ звѣздный вензель,
И Лондонскую пустоту?

Над Лондоном расцвѣл туман
О не диковинная-ль роза!
Вся жизнь — таинственная проза
И обычайнѣйшій обман.

Ты помнишь горькую любовь,
Признанія на Пикадилли?
Страстнѣй испанской сегидильи
Томила вздернутая бровь.

В такой обыкновенный час
Душа, плѣненная любовью —
Твоей изогнутою бровью —
Не о звѣзду ли обожглась?

И город, гдѣ цвѣтет туман,
Стал навсегда своим и милым:
Там плачет, прислонясь к перилам,
Душа, сошедшая с ума.

Berlin.

Глеб Струве.

* * *

Смертельно устало тело
И хочет только покоя...
Но парус на море белый
Душе навевает иное. —
Зовет к бесцельным скитаньям,
К далеким, далеким странам...
Ах, нет предела мечтаньям,
Мечтаньям, всегда обманным!

Москва, 1923

Георгій Дешкин.

БЕРМОНДТОВЩИНА.

(Дневник, 1919—20 г. г.)

ПИСЬМО А. П. (М. ГОРЬКАГО).
«Бермондтовщина»

Весьма не плохая вещь, с точки зрѣнія беллетриста. Написана легко, живо, в хорошем тонѣ. Я бы очень совѣтовал автору посмотреть на себя именно как на беллетриста-бытописателя, у него есть данныя, заслуживающія серьезнаго отношенія с его стороны. И если он разрѣшит себѣ нѣкоторую дозу ироніи над собою и пережитым, он может, мнѣ кажется, написать очень интересныя и полезныя вещи. Вслѣдствіе нѣкоторой неувѣренности в себѣ, он пишет, мѣстами, жидко и много-словно. Очень рекомендую ему быть больше беллетристом, давать больше бытового матеріала, это, вѣроятно, весьма удастся ему.

А. П.

Я приступил к этой хроникѣ без всякаго предвзятаго мнѣнія; мои взгляды на революцію девять раз из десяти своеобразно мѣнились во время ея изученія.

Л. Мадзн.

... Приводимыя ниже страницы — есть отрывки из моей книги, подготовленной к печати под общим заглавіем «Записки офицера».

Я — не сторонник того взгляда, что круговорот событий, захватившій наше поколѣніе неустранимо вынуждает каждого из нас имѣть отточенные политическіе принципы или в лучшем случаѣ — их слабые оттѣнки.

Переживая событія, я искал в них всегда — человѣка; узкія, обязывающія идеи и скрещеніе не менѣ узких и скучных интересов я обходил стороной и если мнѣ удавалось под немузыкальный треск враждебных споров, громомечущих рѣчей, боевых схваток, залитых кровью, политических шумих и плетений разглядѣть его — я радовался.

Пусть лица, нашедшія свои имена в этих отрывках, не осуждают автора за его бесплодную исканія: человѣка он находил рѣдко и часто в глухом перебоѣ событий встрѣчал — пустозвонныя рѣчи, злобныя выкрики и бессмысленныя душевныя шапанія.

«Зло порождает зло» сказал нѣкогда поэт; эта простая формула велика по своей глубинѣ: длинная цѣль вражды теряется в ней, уходит в неизмѣренныя дали, гдѣ всѣ слова безсильны загладить черную трещину надломленной психології нашей. Мы, как пьяницы, привыкли к синему одуряющему дыму ресторана, в котором ищем утѣшенія и забываем, что оно лежит по ту сторону растрепанных ощущеній и разбитых мыслей.

¹⁾ Ввиду большой литературной значимости письма-отзыва А. П. (Максима Горькаго) о записках Нв. Конюлина, редакция сочла своей обязанностью помѣстить его как предисловіе к этим запискам.

Ранѣе письмо поступило в редакцію «Лѣтопись Революціи» (изд. З. Гржебина), но по случаю прекращенія изданія журнала, рукопись вмѣстѣ с письмом была передана из-ву «Балтійскій Альманах».

Редакція.

Отрывки, разумеется, едва ли дадут полную картину событий, разыгравшихся в Прибалтике, — тем не менее огромная душевная спутанность и большое раздорожье, на котором мы ломали себя ноги, покажут в них свой облик.

7 июня.

Время поразительно красочно разбивается на мелкие куски — не успеваю заняться моими записками, а я ведь твердо решил от поры до времени вносить в эту тетрадь замѣтки обо всем, что будет интересна по крайнѣй мѣрѣ за этот год: при теперешней фееричности событий — нельзя загадывать на будущій.

... Митава медленно, упорно вскипает; цѣлый день лежат глухо, точно опаленныя зноем, ея улочки, а вечером кипѣніе буйно и настойчиво пробивается наружу. Городской парк густо набит шумящей публикой, играет военный (чаще штатскій) оркестр. На эстрадѣ кафѣ слышно жалкое завываніе какого то затрепаннаго актера; хохот дѣвиц гулко разносится по аллеям, нудно смѣшиваясь со звоном шпор и раскатистым военным смѣхом; на рѣкѣ слышатся веселые всплески и пугливое женскіе вскрики.

Многіе офицеры и солдаты нашего отряда в новой формѣ: это мундир сѣраго нѣмецкаго сукна, такіе же штаны. На лѣвом рукавѣ нашивной (иногда накладной серебряный) восьмиконечный крест — эмблема нашей крестоносной миссіи в бѣло-красной борьбѣ. Фуражки из того же сукна с разными околышами — синими, бѣлыми, красными.

Вернулся домой поздно.

По улицам, залитым лунным свѣтом, звякали шпоры, мелькали бѣлая платья.

Я замѣчаю — гулянье в Митавѣ длится до разсвѣта; в дальних переулках, гдѣ притаились «злачныя мѣста» оно живет непрерывно с утра до утра — длиннѣйшей мертвой цѣпью. Солдаты толкуются там ватагами, странно ухищряясь нести службу и в нужный час быть у начальства на виду.

Мы (с полковником Кочаном) снимаем двѣ комнаты на Зеленой улицѣ — это в пяти минутах ходьбы от нашей казармы и штаба. Жить на частной квартирѣ нам разрѣшено потому, что мы на положеніи начальствующих лиц (он — ротный, я — полуротный командир офицерской роты).

Окна моей комнаты выглядывают в пустынный, залущенный сад. У самых стекол бьется под вѣтром крапива и шуршит сухая трава. По ночам низко нависают над качающимися верхушками деревьев синіе глазки звѣзд и, лежа в кровати, я наблюдаю как в темном провалѣ неба медленно,

точно лѣнливые бѣлопарусники в морѣ, над звѣздами проплывают тучи.

Вспоминается юг, длинный поход, отвратительная свалка на Днѣстрѣ под гром большевистских орудій. А тут — мир, успокоительное стуканье часов за стѣной, шелест трав за окном. Кажется теперь я начинаю в первый раз в моей жизни цѣнить нормальную пульсацию бытія, насыщеннаго пламенной жаждой миролюбиваго творчества. Революція — это горѣніе всѣх концов и начал жизни, корчеваніе устоявшихся форм ея — болѣзненное, трудное... развѣ о ней хочется думать в эти минуты послѣднадломных ощущеній почти что разбитых и горьких?

Я слышу среди ночи как за стѣной мучительно вздыхает Кочан; горячій вѣтер революціи его глубоко и дерзко опалил — в душѣ он не презирает ее, но говорит о ней в тонах сдержанных и суровых. Так относится он и к бѣлой арміи: служит потому, что нѣтъ другой дороги — позади встал огромный, кипящій вал большевизма: в него идти страшно — впереди же мерцает единственный просвѣтъ, еще не затянутой тѣнями: армія.

Мнѣ думается, что всѣ мы пришли сюда с таким воспріятіем событий.

9 июня.

Прибыла новая партія офицеров и солдат из Польши — все такой же затрепанный, унылый вид, точно сѣрая пыль несмываемо застыла на их лицах. Глаза выражают безпокойство и легкое недоувѣріе к нам.

Ничего, сживутся.

Был в канцеляріи полка — завтра я вступаю на дежурство караульным начальником на гауптвахтѣ. Это против скверика, в десяти шагах от квартиры Бермондта. Послѣдняго вижу каждый день: все справляется пишу ли я исторію отряда.

... А в сущности говоря и писать то ведь не о чем — развѣ что о кутежах, которые угрожающе разрастаются по ресторанам и кафѣ?

Кочан рассказывал, что гдѣ то на окраинѣ города наш офицер избил еврея за то, что тот не козырнул ему. (штатскій то!) Оказывается — офицер по какому то причинам трудно различал вокруг себя предметы и все требовал у еврея, чтобы он назвал свою часть и показал погоны, которых у него не было.

Абракадабра! Будет худо если болѣзненный надлом обозначится громадной трещиной в отрядѣ и во время не залѣчится начальством.

10 июня.

Дежурство мое отмѣтилось интересным происшествіем.

Около часу ночи я вышел в сквер прогуляться, приказав караульному унтер-офицеру в случаѣ необходимости позвать меня. Мнѣ хотѣлось послѣ затхлаго воздуха караулки освѣжиться, к тому же ночь была изумительная: за темной гущей деревьев золотым осколком поблескивал мѣсяц, а рядом со мной, тѣсно прижавшись к своим ногам, лежала темь. У забора слышались какіе то шорохи: вѣроятно на скамьях шептались парочки.

Все это создавало картину необыкновенного покоя и почему то напоминало наши мирные углы в Путивлѣ над синим, изломанным Сеймом. Расхаживая вдоль канала, я различал мурлыканье солдат: они пѣли свою любимую —

Умер бѣдняга в больницѣ военной,
Долго родимый лежал —
Эту солдатскую жизнь постепенно
Тяжкій недуг доканал.

Я им не мѣшал (караул — и вдруг поет!) а все ли мнѣ равно: я знаю твердо — в эту минуту всѣ часовые по мѣстам и безусловно бодрствуют.

Солдаты затихли и вдруг на углу, за забором раздался громкіе крики женщины:

— Ой, помогите . . . е!

Я бросился туда через сквер.

— Это что такое? — крикнул я какому то военному: при лунном свѣтѣ на его плечах блестя бѣлые погоны.

— Да видите ли — она сопротивляется, не хочет идти в караульное помѣщеніе — отвѣтил мнѣ неприятный, сипловатый голос.

Мужчина и женщина опять завозились на дорогѣ. Я перепрыгнул через забор и побѣжав к ним, грубо отстранил . . . военного судебного слѣдователя — Селевина.

— Позвольте — возвысил он голос, — вы кто такой?

— А вот пожалуйста в караульное помѣщеніе, мы с вами объяснимся — сказал я.

Селевин поправил фуражку и, придвинувшись вплотную ко мнѣ, проговорил:

— Вы караульный начальник? Будьте любезны — прикажите вашим солдатам усадить женщину в карцер до утра. Причину ареста я вам объясню.

Солдат мнѣ звать не пришлось — женщина сама пошла за нами. При свѣтѣ лампы я разглядѣл ее: это была молоденькая, тонкая барышня с свѣжими чертами лица, в голубом шелковом платьѣ; на скромных бѣлокурых волосах ея воздушно покачивалась черная шляпа. Бѣлая перчатки и элегантный зонтик, который она небрежно перекидывала из руки в руку, как то неуловимо придавал ей вид курортной дѣвочки, безпечной, но гибко-расчетливой в своих симпатіях. Она приподняла лицо кверху и оглядѣла нас без всякой

хотя бы притворной боязни: я замѣтил — ея синеватые глаза выжидательно поигрывали.

— Ну, голубушка, присядьте — сказал ей Селевин.

Я кивнул головою караульному унтер-офицеру (знак осторожности) и мы вышли с слѣдователем на улицу. Он, торопясь, доложил:

— Двѣ недѣли я выстерегал еѣ и наконец застукал.

— Кто она и за что вы ее арестовали? — спросил я.

— Ея фамилія — Дитман; она мѣстная коммунистка. В бытность здѣсь бѣлых отрядов в 1918 году она за ними наблюдала, а когда Митаву забрали красные — она выдала из оставшихся в городѣ бѣлых 300 человек: всѣ они были разстрѣляны. Я слѣдил за ней долго — сегодня мой офицер (он ухаживал за ней мѣсяц ради этого) договорился с ней до хорошей откровенности. Как видите я зацапал ее в ту самую минуту когда она шла домой со свиданія с ним . . .

— Это что значит, — до хорошей откровенности? — полюбопытствовал я. Селевин уклончиво отвѣтил:

— Дѣвочка она не глупая, но знаете со всяким может случиться бѣда если неумѣло играть в любовь. Я выразил недоумѣніе.

Селевин пожал плечами как бы выражая сожалѣніе, что не может всего рассказать и тихонько произнес мнѣ в ухо:

— Завтра утром я произведу допрос, вы уж придержите ее благополучно до моего прихода.

Он хитро подмигнул мнѣ сѣрым, тяжеловатым глазом. Мнѣ это не понравилось, я сказал:

— Г. Селевин, по моему вы обязаны оставить у меня записку с обозначеніем имени арестованной и указаніем причины ареста . . .

— Это лишнее — увѣренно сказал он.

— Вы думаете? В таком случаѣ под арест неизвестную я не принимаю.

Подумав, Селевин, проговорил:

— Ну если вам угодно — такую записку я оставлю.

Я, разумѣется, напомнил ему об уставѣ Внутренней Службы, которым мы руководствуемся и, слѣдовательно, записка — не моя личная выдумка. Вернувшись в караул, он написал требуемую записку и, откланявшись, ушел. Барышню я приказал отвести в карцер. Она игриво сверкнула синими глазками и вдруг сдѣлала сердитое лицо.

. . . . На разсвѣтѣ мнѣ доложили, что барышня упала с нар на цементный пол, катается в схватках и вся посинѣла. Я подошел к ея дверям и заглянул в маленькое окошечко. Она лежала на полу, юбки ея были отброшены выше колѣн, обнажая маленькія ноги в тонких шолковых чулках; вся она скрючилась уродливо, растрепав обильныя волосы, полузакрыв ими лицо.

Я приказал открыть дверь; вмѣстѣ с солдатами мы уложили ее на нары, послѣ чего я вызвал доктора. Осмотрѣвъ ее внимательно, он шепнул мнѣ лукаво:

— Бабенка прикидывается, я ей дал нюхнуть спирту — сразу очнулась. Ух и облила же она меня взглядом точно оловом раскаленным. Если будет еще биться и крЮчиться — не тревожьтесь, я загляну еще раз.

И, покашливая, выбѣжал.

Барышня лежала спокойно до прихода Селевина. На верху, над караульным помѣщеніем была его канцелярія; придя около одиннадцати утра, он вызвал ее в кабинет для допроса. Мнѣ почему то запомнилось плотоядно-жадное выраженіе проскользнувшее в его сѣрых глазах, когда она вошла к нему и независимо откинулась в мягком креслѣ.

В двѣнадцать смѣняясь с дежурства, я передал ее новому караулу.

... Уже у ротного помѣщенія, караульный унтер-офицер, виновато поглядывая на меня, проговорил, ослабаясь:

— Эх, г. капитан, и барышня же... когда переносили ее на нары у меня даже руки задрожали — до чего хороша...

— Да что ты?

— Ей-бо... Да не вжели она коммунистка? Отбѣда... хоть не ходи до их проклятых бабьев.

И с притворной жестокостью отплюнулся.

20 июня.

Ночью слышался грохот по улицам и чьи то крики. Утром выяснилось, что в Митаву привезли артиллерию и броневики.

Мимо нашей квартиры прошумѣл огромный трактор — даже стекла звенѣли от содроганій. Это привезли обмундированіе для пластунскаго батальона. Кстати — с завтрашняго дня они переименовываются в первый пластунскій полк. Рѣшено настойчиво пополнять его ряды, чтобы создать настоящій полк, а не «списочный».

Наряду с этим дневником пишу подробную исторію возникновенія пластунскаго отряда (из Кіева) постепеннаго его развитія до настоящаго дня. К написанному подклеиваю фотографіи, пояснительныя записки, телеграммы и письма, которыя хоть чѣм нибудь способствовали рожденію идеи поднять флаг бѣлой борьбы в Митавѣ.

Уже догоняю событія. Сказал об этом Бермондту. Он заинтересовался тѣм, извѣстна ли мнѣ его дѣятельность в Кіевѣ. И, не дождавись отвѣта, рассказал о себѣ болѣе подробно, впрочем, чѣм я знал.

В Кіевѣ он работал в союзѣ (военно-политическом) «Наша Родина» вмѣстѣ с герцогом Лейхтенбергским, адвокатом Акацатовым, полковни-

ком Чесноковым, полковником Потоцким и др. Средства у них были большія и они приступили к вербовкѣ южной арміи. Мѣстом ея фактическаго собиранія намѣтили один из южных уѣздов Воронежской губерніи, отбитый атаканом Красноу у большевиков. Вербую добровольцев, они усылали их туда партіями. В самое непродолжительное время удалось собрать два полка.

Сам Бермондт занимал должность начальника контр-развѣдки южной арміи. Потоцкій в отдѣлѣ вербовки, а Чесноков работал разное — больше по хозяйственной части.

Ранѣе этого Бермондт проживал в Житомирѣ, гдѣ, часто встрѣчаясь с офицерами нѣмецкаго штаба, он вздумал организовать офицерскій конно-пулеметный отряд. Так как ему хотѣлось сдѣлать организацію крѣпкой, со средствами и морально поддержанной большими военными (и политическими) авторитетами, он написал на имя Императора Вильгельма прошеніе, в котором подробно изложил свою просьбу и план организаціи. Прошеніе было отправлено в Берлин, но отвѣта на него он так и не получил. Во всяком случаѣ сго замѣтили «гдѣ надо». Дѣятельность вербовочнаго бюро закончилась трагически. Петлюра надвигался со своей буйной ватагой на Кіев, огромной ползучей лавиной, все опрокидывающей, средства истощались, среди союза «Наша родина» возник раскол и он распозался по всѣм швам. А когда Кіев был взят, затѣи союза разсыпались как песок. Вышло даже так, что многіе безслѣдно исчезли с общими суммами в карманах. Бермондт намеками почти никогда не говорит, а фамиліи этих г. г. дѣятелей не назвал. Судя по характеристикам, которыя он давал своим сотрудникам, к числу послѣдних принадлежит и юркій полковник Чесноков.

При Петлюрѣ же Бермондт дважды был арестован, на третій раз его усадили в музей; спустя нѣсколько дней его приговорили к разстрѣлу; однако, за два часа до гибельнаго конца его вывезли из музея и той же ночью с группой офицеров и генералов он катил к германской границѣ. На станціи Клинцы на поѣзд напала разъяренная толпа мужиков. Эшелон растерялся, но Бермондт (по его рассказу) «не потерял присутствія духа», стал дѣйствовать рѣшительно, взявъ в свои руки водительство эшелонном — это подѣйствовало на молодежь подкупающе и с этой ночи за Бермондтом установилась репутация твердаго офицера. Эшелон не пострадал и благополучно ушел из под занесенных дубин и щелкающих винтовок. Живя в Германіи (лагерь Зальцведель) Бермондт часто ѣздил в Берлин, гдѣ по счастливой случайности встрѣтил знакомаго офицера нѣмецкаго генеральнаго штаба капитана Рабе, который и посодѣйствовал ему в полученіи разрѣшительной грамоты от Носке на организацію отряда в Прибалтикѣ. Собирая охот-

ников в лагерѣ, Бермондт не упустил из виду и центра. В один из своих прїздов в Берлин, он познакомился с капитаном Непорожным—представителем ген. Деникина. Тот обѣщал ему сотрудничество. К началу мая, упорно собранный Бермондтом отряд скрѣпился, был разработан план будущего разворачиванія в «настоящій отряд», а 14 мая из Зальцведеля в Митаву выѣхал первый эшелон (100 человек).

Митаву избрали центром организациі потому, что она лежит на кровобьющей артеріи, уводящей в Германію и для временной скрѣпляющей работы была мѣстом вполне удобным и спокойным. Впрочем, соображений было много.

С этого началось.

Мальтійскій крест избрали своим знаком потому, что и весь свой путь (кіевскій) сочли — крестным и весь путь будущій — здѣсь в краях, гдѣ когда то жили рыцари — предполагают пройти под бѣлым ограджающим «Крестом терпѣнія и неустойчивой борьбы».

Так было мнѣ нарисовано Бермондтом.

6 июля.

По городу трубят о счастливой звѣздѣ Бермондта: сегодняшней ночью на него совершенно неудачное покушеніе. И надо же случиться в мое дежурство!

... Вышло это так: около 12 час. ночи я, подходя к помѣщенію гауптвахты, замѣтил как в окнѣ при желтом свѣтѣ лампы метались испуганныя лица солдат, о чем то горячо споривших.

Услыхав мои шаги, они выстроились для официальной «встрѣчи» и в ту же минуту караульный начальник подойдя ко мнѣ с ночным рапортом, прыгающим языком стал докладывать:

«... во время дежурства в половинѣ двѣнадцатаго случилось присшествіе: из сквера, расположеннаго против квартиры командующаго отрядом неизвѣстным злоумышленником брошена в окно его спальни бомба. Упав на разрыхленную землю у окна, она не разорвалась. Часовой Зощенко схватил ее и бросил в канал, послѣ чего сигнальными свистками вызвал караул».

Уже в формѣ рассказа караульный начальник повѣдал о том, что с вечера якобы кто то из солдат замѣтил маленькаго, сухопараго господина в худом пальто, шагавшаго по скверу. Он подозрительно косил глаза на окна Бермондта и всякій раз притворно откашливался когда мимо него проходил. Будто бы видѣли как он шептался за церковью, что стоит тут же в скверѣ, с не менѣе подозрительным «человѣчком». Послѣ этого оба они куда то исчезли.

— Когда мы прибѣжали — доложил офицер, — мы уже никого не нашли.

Около пяти часов утра я зашел к Бермондту. В легком шелковом халатѣ он сидѣл в креслѣ и чистил ногти — перед ним дымилась чашка кофе.

— Привѣтствую, капитан! — крикнул он беззаботно.

Я рассказал ему о ночном происшествіи; сколько я не старался поймать в его лицѣ какое нибудь выраженіе мнѣ это не удалось. Выслушал он спокойно, слегка кривя губы; потом подошел к окну, рѣзко распахнул его и высунулся на улицу. Часовой брякнул винтовкой.

— Здравствуй, молодец!

— Здравія желаю, г. полковник! — заорал тот.

— Ну что говоришь, убить хотѣли вашего командира?

— Так точно, да Бог миловал!

— Со мной, братец, всегда Бог. А как ты думаешь убьют меня в концѣ концов?

— Никак нѣтъ! — гаркнул солдат.

— Э, душа моя, убьют — другой найдется Бермондт. Так или иначе, а в Москвѣ мы будем; правда, дружище?

— Так точно. . .

Это становилось театральным. Из глубины комнаты вышел заспанный Личницкій — «блестящій» адъютант Бермондта. Еще в дверях он изобразил на лицѣ гнѣв, испуг и проч., быстро смѣняя ряд выраженій на одно — буйную радость:

— А, сволочи!

Бермондт зодорно оскалил бѣлые зубы и крутозвонно выругался.

— Что, Личницкій, шевельнулась душа? Братец плохо они знают Бермондта: на него нужны двѣнадцатидюймовыя пушки.

Он щелкнул пальцами и, выглянув в сонную улицу, громко свистнул, потом сказал часовому:

— Подойди ближе, голубчик, дай твою руку — вот тебѣ моя рука. . . Передай всѣм твоим товарищам, что ни один из вас даром не погибнет. Я поведу вас твердой дорогой, не собьемся! а убить меня врагам не удастся.

Видимо солдат растерялся: слышно было глухое бормотанье.

... Повѣрить в искренность покушенія какого то чудака я не могу. Что то темновато.

7 июля.

Небольшой отряд князя Ливена готовится к отъѣзду в Нарву на фронт ген. Юденича. Ливенцы развязно щеголяют по городу, мѣряя нас презрительными взглядами.

— Мы, мол, а вы что? Остаетесь в болотѣ. . .

Полковник Вырголич, собрав небольшую группу солдат и офицеров, кажется отдѣляется от нас. Впрочем, он с самаго начала держит себя вполне

самостоятельно. Бермондт на него поглядывает кося:

— Без меня у него ничего не выйдет!

Эта самоуверенность — главная черта его; мнѣ кажется, что она иногда принимает формы непомерныя и тѣм не менѣе всѣ привыкли слушать Бермондта, как начальника с рѣшительной, бравирующей душой.

По моему он выѣдет на этом.

12 июля.

Митава накаляется, буйно закипает настоящей жизнью веселого гарнизона. По вечерам еще гуще набиваются ея улочки говорливыми толпами, в паркѣ до разсвѣта гремит оркестр. Часто, очень часто замелькали, воздушно разлетаясь, бѣлыя козынки сестер милосердія.

Я замѣтил, что не только возникающіе лазареты заполняются неисчислимым количеством женщин, но и всѣ штабы и канцеляріи. Куда не зайдешь — слышен звонкій смѣх женщин, отсутствующих на машинах или роющихся в каких то официальных бумагах и бумажонках. Канцелярщина медленно и губительно затопляет военную организацию.

Я обратил на это внимание Бермондта.

— Дорогой, не могу отказать когда просятся на службу, в особенности... женщины. Сколько их бѣжало из Россіи? Гдѣ им дѣться?

Если на этих рельсах покатаем дальше — вѣрный проигрыш.

...Вечером произошел в ресторанѣ «Elite» скандал: пьяные офицеры, раздвинув столы в огромном залѣ, сбились в кучу и громкогласно заплѣли:

Боже, Царя храни!

Какой то подвыпившій штатскій запротестовал; среди офицеров крикнули:

— Большевик, агент!

Началась свалка, штатскаго во время убрали. В эту минуту в ресторан вошел, сопровождаемый своим адъютантом, полковник Потоцкій (начальник пластунской дивизіи). Рѣзким, категорическим тоном приказал не безчинствовать, на что офицеры отвѣтили покорностью. Шум стих... Сегодняшній вечерній приказ по бригадѣ гласит:

... «Озорство это губительно; то дѣло, во имя котораго мы пришли, сюда рухнет с позором, как гнилыя строения, если всѣ наши привычки, всѣ наши капризы мы будем выносить на улицы и в рестораны. Сдержанность — вот главное условіе нашей работы; внимательное отношеніе к обывателю повлечет за собой довѣріе к нашим цѣлям

и задачам, а устраненіе всяких общественных безобразій, вродѣ сегодняшняго, есть залог нашего моральнаго успѣха. Впредь всѣ воинскіе чины, замѣченные в нетрезвом состояніи, будут предаваться военно-полевому суду.»

Подѣйствует ли это — увидим.

Освѣдомительный политическій отдѣл — учрежденіе довольно нелѣбое; сегодня зашел нарочно и потребовал справок. Видимо, обо мнѣ знали — дали без затрудненій.

Тут же работает и культурно-просвѣтительная секція. Мнѣ любезно предоставили для ознакомленія отпечатанныя воззванія к красноармейцам, которыя намѣревались сбрасывать с аэропланов в чертѣ расположенія красных войск. Составлены пошло, крикливо и скучно. Я обратил на это вниманіе сидящаго там поручика Г-ни.

— Да, да... но это ничего — сказал он, — вѣдь они все поймут.

— Поймут то поймут, но повѣрят ли?

Г-ни неуверенно пожал плечами.

... Меня попросил к себѣ в кабинет Реммер — начальник освѣдомительно-политическаго отдѣла.

Я подѣлился с ним своими впечатлѣніями относительно работы культурно-просвѣтительной секціи. Он возражал весьма осторожно, поблескивая хитрыми глазками из-за пэнсенз; говоря, кривит ехидно рот и насмѣшливо постукивает пальцами по столу. По моему он из ряда плутующих, из тѣх, что кончают в жизни нечистой игрой и уходят с общаго шара — битыми.

Пріѣхала «тульская дивизія» — это группа большевистских солдат, сдавшихся Петлюрѣ в бою на рѣкѣ Мозырь. Вид у людей — разбойничій: загорѣлые, пыльные, обтрепанные. Бродят по городу с независимым видом, точно Митава — бивуак, гдѣ кромѣ них нѣт никого; на офицеров в погонах поглядывают без особаго вниманія — встрѣчаясь, однако, на узких тротуарах уступают дорогу. Их руководитель ротмистр С-кій подал Бермондту рапорт, в котором заявляет, что всѣ его солдаты просят отправить их на сѣверный фронт к ген. Юденичу — теперь же, до начала боев.

Бермондт снесся по этому поводу с кн. Ливен предполагающим на днях выѣхать со своим отрядом к сѣверу. Ливен согласился принять под свое командованіе «тульчан» — на это С-кій ему заявил, что он хочет быть совершенно самостоятельным во всѣх отношеніях, чего требуют и его солдаты: он просит только обмундировать его отряд и накормить. В боевом смыслѣ он будет считаться с задачами главнаго штаба, но развивать дѣйствія пластунскаго характера будет по своему усмотрѣ-

нію, не виходя из границ, которія ему преукажет ген. Юденич.

Подумав, Ливен согласился и «тульчане» перешли в «его вѣдѣніе»...

17 іюля.

Контр-развѣдка работает успѣшно. По разсказу Линицкаго ею изловлен организатор мюнхенскаго возстанія русскій коммунист Славутинскій, потом еще какой то красноармеец Р. (из Вологды). Оба они посажены в тюрьму — ждут суда.

— Безусловно эта сволочь будет разстрѣляна — утвердительно сказал Линицкій.

Я спросил:

— А обвиненія не ошибочны?

— О, мы сдѣлаем с Селевиным так, что не будут ошибочными.

Сегодня Бермондт переѣхал на новую квартиру — это большой двухэтажный дом на Почтовой улицѣ. У дверей торжественно побрякивают ружьями часовые, а напротив под сѣрыми тяжелыми колоннами громоздкаго дома бродит штатскій господин в черном картузѣ, низко надвинутом на лоб. Он зорко всматривается в окна квартиры и лица проходящих. Это — человек из охраны.

Кстати, недавно пріѣхавшій из Польши наш общій знакомый с Кочаном, бывший полицейскій пристав Корчинскій тоже поступил в охранку. Живет он в моей комнатѣ, чѣлмы днями почти не бывает дома. Возвращается поздно ночью и почти всегда угрюм, сосредоточен, занят какими то мыслями.

22 іюля.

Позавчерашним приказом бригада переименована в дивизию, а сегодня ротмистр Линицкій сообщил, что дивизія скоро переименуется в корпус. Что то быстро; соответствует ли наличный состав такому наименованію?.. дивизія, корпус, а там — как знать? и — армія... Провѣрю статистическія данныя.

... Штабс-капитан М. утверждает, что общая численность всѣх равняется 12 тысячам (разумѣется, с нѣмецкими ротами «жельзной дивизіи» майора Бишова, которая размѣстилась в ближайших к Митавѣ фольварках и деревнях). Если так — то в корпус переименоваться можно; в концѣ концов «именованіе» играет ли роль?

23 іюля.

Газета «Призыв» (издается в Берлинѣ извѣстным черносотенцем Виндбергом) печатает ряд острых, возбудительных статей по поводу поку-

шенія на Бермондта. Она — рѣзко реакціонная, проповѣдует «жидонзбіеніе» и цѣлый ряд кровавых мѣр против коммунистов и большевиков.

О Бермондтѣ заговорили; нѣмецкія газеты отмѣчают его организаторскія способности и психологическую власть над солдатами, которые слѣпо вѣрят ему. Бермондт горит — и душевно и физически. С разсвѣта до глубокой ночи мотається, говорит и приказывает.

В «освѣдомительном политическом отдѣлѣ» цѣлыми днями пишут сводки, подбирают вырѣзки из многочисленных газет, комбинируют свѣдѣнія о красной арміи и политических тенденціях в ея рядах. Все это аккуратно приносится на квартиру Бермондта. Читает он главным образом то, что относится к нему лично. Иногда я просматриваю весь этот сумбурный ворох: должен признаться — вся эта работа без толку.

... Вырголич выѣхал с своей частью в Шавли — рѣшил, что с Бермондтом не сконкурировать; Однако, связь с нами сохраняет путем переписки и общія приказы. Работа у него ширится и растет ощутительно.

24 іюля.

Сегодня пріѣхала к Бермондту комиссія от англичан (из Ревеля) для ознакомленія с дѣятельностью его частей.

Бермондт прикинулся больным и принял ее у себя в квартирѣ, а не в штабѣ. В разговорѣ с англійским капитаном Р. (бывшій гусар Сумскаго полка) подчеркнул, что на позицію выйдет не раньше, чѣм будет имѣть пятидесяти тысячную армію, хорошо обмундированную, сытую, снабженную оружіем и всѣми техническими средствами.

Капитан Р. указал, что все это англичане могли бы дать, если бы Бермондт пообѣщал перевести свой гарнизон в Ревель или вообще в Эстонію. Бермондт отвѣтил уклончиво.

Комиссія уѣхала ни с чѣм, получив, однако, впечатлѣніе, что работа здѣсь в Митавѣ принимает громадныя размѣры.

Не знаю — нарочно ли было устроено или по случайному совпадению вышло так, что перед глазами комиссіи мимо окон Бермондта прошли чеканным шагом три блестящія пластунскія роты с мальтійским флагом, выказав ему ослѣпительное военное вниманіе. Увидя его у окна, они отдали честь, гаркнув на его привѣтствіе — громоподобным:

— Здравія желаем, г. полковник!

По отѣздѣ комиссіи Бермондт сказал мнѣ:

— Видите, я их заставляю считаться со мной. О, меня они плохо знают!

Р. S. Службу в офицерской ротѣ оставляю прихотится ежеминутно отрывать от строевых занятій для работ в штабѣ. Это затрудняет и пол-

ковника Кочана — полуротный у него есть (по списку), а в наличии я отсутствую.

30 июля.

Познакомился с Чесноковым, который час тому назад приехал в Митаву. Плутоватые сѣрые глаза и весь он какой то гнущийся, осторожный и расчетливый. Говорит с легкой насмѣшкой, но весьма мягко.

Бермондт назначил его начальником своей личной канцелярии, меня секретарем (и, следовательно, по прежнему историком корпуса).

Чесноков любезно улыбнулся, пожал мнѣ руку и скороговоркой проговорил:

— Вы, капитан, уже написали что нибудь по истории корпуса?

И, обратясь к Бермондту, сказал:

— Капитану и про Киев извѣстно?

— Да, я ему все рассказал — как то увѣренно-протяжно отвѣтил Бермондт. Чесноков мигнул глазами и шопотом о чем то заговорил с ним.

... Из Берлина от Виндберга приехал гонец — корнет Попов (литературный псевдоним) настоящая фамилия его Шабельскій-Брок¹). Просил у Бермондта денег для редакции — ему отпущено 6 тыс. германских марок.

Я разспрашивал его про Берлин, про отношения германскаго общества к нашей работѣ, о русских эмигрантах. Попов отвѣчал желчно — видимо скверно настроен ко всему, что лежит внѣ сферы его наблюдений (и — достижений), отвѣчал отрывочными фразами. Весь он какой то изломанный, нервный, щеки подрагивают и глаза странно мутнѣют; он часто срывается с мѣста, поправляет кинжал на боку.

— Пишите, капитан, что нибудь в нашу газету — попросил он меня на прощанье.

1 августа.

Видѣл Кочана — настроен уныло, замѣтно разочарован.

— В чем дѣло? — спрашиваю.

Махнул рукой.

— Покучивают наши... развѣ вы не знаете, что скандалы один за другим разыгрываются?

Да, я это знаю; спрашиваю Кочана:

— Гдѣ же лѣкарство?

— У начальства лѣкарство простое — гнать из частей эту бродяжную шваль вон или для примѣра одного-двух разстрѣлять.

Что говорить — мѣры крутыя, но пожалуй Кочан прав — онѣ хорошее лѣкарство.

Около 4 часа дня штабом корпуса послано Верховному правителю адмиралу Колчаку донесение о ходѣ нашей организации. Заканчивается оно словами: ... «формирование выполняется по программѣ нормальной организации корпуса с кадрами для дальнѣйшаго развертывания, при широком использовании опыта минувшей войны, как в отношении организации — так и техники.

В вопросѣ снабженія всей матеріальной части корпус является совершенно обеспеченным; люди снаряжены, одѣты и вооружены германцами — ими же отпускаются и необходимые для формирования денежные средства, что будет дѣлаться и в будущем».

4 августа.

Линицкій торжественно объявил мнѣ:

— Знаете, капитан, вчера ночью Славутинскаго по приговору суда разстрѣляли. К сожелѣнію Р. освободили... все доброта командира корпуса: пришла к нему невѣста Р. с нижайшей просьбой — уступил. Выдал записку, ну и выпустили.

Я знал, что Р. обвиняли в том, что при обыскѣ у него обнаружили значок офицерской, красной школы — пятиконечную звѣзду.

Он чистосердечно объяснил, что во время пребывания красных в Митавѣ ему подарил эту звѣзду красный офицер.

— А вы думаете — спросил я Линицкаго, — что Р. надо было бы разстрѣлять обязательно?

— О, конечно!

— Плохой вы судья.

Линицкій неопредѣленно моргнул глазами и стал рассказывать о разстрѣлѣ Славутинскаго. Рассказ вышел нарочно запутанным, туманным, но сквозь эту запутанность я живо представил себѣ как Славутинскаго пустили пробѣжать через мост и в полутьмѣ, у самых перил выстрѣлом в затылок сбили его с ног а потом штыками сбросили полуживого еще в Аа...

Славутинскій на судѣ, в порывѣ озлобления сознался, что в Митаву он приехал с опредѣленной цѣлью — убить Бермондта и «всѣх бѣлוגвардейских затѣйников». Это глупое признание его занесено в судебный протокол: для проверки — я просмотрѣл его.

Предчувствую: дѣйствія контр-развѣдки, как щупальцы, проникнут глубоко во всѣ щели корпуса; из лишней подозрительности мы сдѣлаем ненужные промахи.

Впрочем, такіе уж были сдѣланы: вчера, например, в паркѣ я встрѣтил дѣвицу Литман. Она — на свободѣ; разгуливает с нѣмецкими офицерами — русских сторонится: имѣет всѣ основанія не довѣрять им. Меня заинтересовал вопрос — ка-

¹) Убийца В. Д. Набокова.

ким образом она освобождена при наличии такого обвинения (разумѣется, я мало вѣрил ему).

Селевин неохотно пояснил:

— Освободили нѣмцы... попросили. Привели доказательства.

И не хорошо, с дурной интонаціей добавил:

— Кажется, служит в их контр-развѣдкѣ. Это не плохо.

Какая то путаница событій медлительно растягивает сѣти над Митавой; мнѣ почему то думается, что всѣ мы ощущаем нарастаніе темных болѣзненных качаний общественно-политической почвы, только нарочно закрываем на это глаза.

Примѣром могут служить стычки с мѣстными жителями и латышскими войсковыми частями. На днях произошло нѣсколько скандалов на окраинѣ города: нашими были избиты латышскіе солдаты и какой то штатскій. Эти безобразія подрывают всѣ живые корни нашей организаціи. И — начальство не только не пригрозило репрессивными мѣрами виновникам, но даже сознательно обошло эти печальныя явленія глухим молчаніем. Эта дорога ведет в безвыходный тупик.

Qui vivra verra, а я думаю, что и докажет.

12 августа.

Вечером был в казино — почти всѣ комнаты заполнены нѣмецкими офицерами воинских частей, расположенных вблизи Митавы (пѣхоты, артиллеріи, авіаціи и броневой роты) и входящих в состав корпуса. Пьют вино, шумно разговаривают. В бильярдной гремят шары и раздается громкій, сухой смѣх.

К нам — вѣжливы; с тѣми, кто умѣет говорить по нѣмецки охотно дѣлятся политическими соображеніями относительно большевизма и нашего будущаго совмѣстнаго выступленія на фронтѣ.

Необычайно заинтересованы дѣйствіями Колчака на Волгѣ и Деникина на югѣ. Прсят подробно освѣтить им обстановку борьбы добровольцев на этих участках. Прислушиваюсь к отзывам наших офицеров и солдат о содруственной работѣ с нѣмцами — всѣ говорят, что эта работа гарантирована от шаткости и предательства.

Вглядываюсь в нѣмцев и мысленно повторяю — Qui vivra verra!

14 августа.

Прибыла вторая комиссія от англичан с важным порученіем от ген. Марча. Выйдя в приемную, я замѣтил двух англійских офицеров в элегантных

френчах и галифѣ; оба затянуты кожаными поясами при нагрудных ремнях.

Они терпѣливо ждали Бермондта пока он обѣзжал батальоны и лазареты (он часто дѣлает это теперь, находя, что его глаз «подшибает шатию-братію на энергичную работу»). Вернувшись, он торжественно и сухо принял их в своем кабинетѣ; они передали ему пакет от Марча. Бермондт вызвал к себѣ начальника штаба полковника Чайковскаго и, ознакомившись с содержаніем бумаги англійскаго генерала, приказал заготовить отвѣтъ. Марч приглашал Бермондта в Ригу (к 27 августа) на Военно-политическое совѣщаніе под его личным предѣлательством при участіи представителей Литвы, Латвіи, Эстоніи, Польши и ген. Юденича по «многим вопросам, требующим неотложнаго разрѣшенія», как стояло в письмѣ. Чайковскій составил отвѣтъ, он был краток:

«Ген. Марчу. На Ваше приглашеніе принять участіе в Военно-политическом совѣщаніи в Ригѣ настоящим извѣщаю, что такое принимая и в назначенный срок с моим начальником штаба прибуду.»

Подписав отвѣтъ, Бермондт передал его в запечатанном конвертѣ офицерам и дѣловито, сухо откланялся.

Кажется, судя по выраженію их лиц, обстановка штаба произвела на них впечатлѣніе.

16 августа.

За работой не успѣваю записывать в дневник всего, что происходит в корпусѣ. «Исторію» же веду холодно, без лишних отступленій.

... Произошло важное событіе: предан военнополовому суду за нарушеніе дисциплины первый солдат-доброволец. Фамилія его — Максименко. Случилось так: стоя на часах у дверей штаба, он зазѣвался и во время не отдал чести входящему в штаб Бермондту. Тот сдѣлал ему замѣчаніе. Обычная форма его замѣчаній такова:

— Послушай, зѣвака, ты гдѣ — на службѣ или в гостях у бабы?

Солдат теряется.

— На службѣ, г. полковник! — отвѣчает потом, слегка подобравшись.

— Так гляди в оба: не люблю когда солдат выпускает губы. Слышишь, пистолет?

Суровое выраженіе лица Бермондта полуосвѣщается зыбкой усмѣшкой и, трепля солдата по щекам, он говорит успокоительно:

— К дѣвкѣ пойдешь — отдохнешь от службы, а здѣсь, брат, ухо держи на вѣтру, понял?

— Так точно.

— Молодец!

— Рад стараться, г. полковник!

Бермондт вскидывает на солдата ободряющій взгляд (и — прощающій) и уходит.

А здѣсь было нѣсколько иначе.

Бермондт молча погрозил зазѣвавшемуся солдату пальцем (занят был какими то мыслями) и поднялся по лѣстницѣ в штаб. Минутой позже он вышел опять на улицу. Солдат вытянулся и отдал честь. Еще через минуту Бермондт опять вошел в штаб — солдат, глядя на него, забыл, что «начальству надо оказывать знаки воинскаго вниманія до тѣх пор пока не будет сказано — вольно» и, конечно, не вытянулся в струнку. Бермондт молча ушел на верх.

... В этот момент к Максименко подошел какой то маленькій человѣчек в штатском пальто и военной фуражкѣ. Подойдя, тихонько зашептал:

— Это Бермондт?

Максименко ругательно отвѣтил:

— А то кто же? Чего то ходит и ходит мимо... Честь ему отдавай сто раз...

— А надоѣло, товарищ?

— Да ну его к.....

Максименко чеканно и внушительно выругал Бермондта «в колѣнѣ восходящемъ» (по опредѣленію Козьмы Пруткова) и разсмѣялся.

— А что, товарищ, развѣ начальство у вас плохое? Ну скажем Бермондт — плохой начальник?

Максименко не успѣлъ отвѣтить — Бермондт выходил на улицу. Солдат отвернулся, а человѣчек скользнул под колонну.

... А по смѣнѣ с поста Максименко был арестован и предан полемому суду. Его приговорили к разстрѣлу. Максименко долго, оглушительно рыдал. Вчера перед заходом солнца в сопровожденіи полуроты пластунов его вывели за город, на поляну (по другой сторону Аа). Поставили у большого дуба, вырыли на его глазах яму и приготовились к разстрѣлу. Линицкій рассказывает, что это была «веселая картина».

Заходящее солнце, как нарочно, было замѣчательно красным и большим — оно точно кровь разбрызгивало по всему полю.

Максименко стоял и плакал, пластуны угрюмо молчали, глядя в землю. Командующій офицер почему то медлил.

— В эту минуту — повѣствует Линицкій, — мы с Павлом Михайловичем (Бермондтом) быстро подсказали верхом. Офицер скомандовал смирно и пластуны замерли на мѣстѣ. Сдѣлалось тихо, как в гробу—слышно было только хныканье Максименко. Ну, что, братец, не хочется умирать? — спросил его Павел Михайлович, а он ревом так и залился. Павел Михайлович ко мнѣ обратился тихонько:

— Ты как думаешь, Линицкій, разстрѣлять его или помиловать? Я, конечно, посоветовал разстрѣлять, на кой он чорт нужен... Но Павел Михайлович не послушал меня — знаете вѣдь какой он? Подозвал к себѣ Максименко, взял его за подбородок и сказал:

— Я тебя прошу, моли Бога, что у меня такое сердце и я понимаю, что каждый хорошій солдат нужен Россіи — вѣдь ты хорошій солдат?

— Не могу знать! — отвѣтил сквозь слезы Максименко.

Тогда Павел Михайлович продолжал: Ну смотри у меня, братец, служить так служить и товарищам скажи об этом, нечего в дурачки играть. Слышишь?

— Вы знаете — продолжал Линицкій, — Максименко до того обрадовался, что голова затряслась и подогнулись колѣни, он упал на землю и стал цѣловать стремяна у Павла Михайловича. Так и отпустили его раба Божія. Обрато с поля шли — пѣсни пѣли... А мы с Павлом Михайловичем, дяденька, (он называет меня почему то дяденкой) до самой ночи летали за Аа по степи... Эх и лошадка же у него чорт ее дерн!

24 августа.

... Сегодня на разсвѣтѣ меня разбудил Корчинскій. Странная у него привычка входить в квартиру не через садовую террасу, а в окно. Это уже второй раз — недѣлю тому назад я едва не застрѣлил его, увидя черную тѣнь в квадратѣ рамы и признав ее за тѣнь... вора. К его счастью обошлось благополучно — он своевременно окликнул меня. Спрыгнув с подоконника в комнату, он замѣтно волнуясь, рассказал о ночном засѣданіи сотрудников охраны, возглавляемой теперь Селевиным, гдѣ рѣшались разные вопросы — главным образом, вопросы отношенія к еврейскому населенію города. Будто бы агентами Селевина замѣчены на пустынных окраинах города люди (еврейскаго типа) которые сѣют бунтарскія мысли среди пролетаріата. На засѣданіи Селевин твердо заявил, что он жидоненавистник и по его убѣжденію Россія окончательно погибла: она в руках нѣкоторой группы массонов, руководимой Троцким и Лениным (Троцкій — массон 33 посвященія).

Борьба должна быть рѣшительная, — слѣдовательно, из души и сердца надо изгнать всякое ослабленіе; евреям надо показать, что их хитросплетенный политическій клубок, конец котораго терется в древнѣйших временах, открыт и что преслѣдованіе «міровых растлителей» будет жестоко, до истребленія — если они благоразумно не откроют свои карты и не откажутся от своих разрушительно-захватных планов.

— На нашем бѣлом знамени, — заявил Селевин, — должны быть вписаны их кровью слова: «Россія священна во вѣки вѣков и смерть всякому, кто тайно или явно враждует с ней.»

— Я согласен с ним — сказал Корчинскій, укладываясь спать, — мы видѣли много примѣров, что руководителями чека являются всѣ евреи; между

прочим они ухищряются как то дергать нити, оставаясь в тѣни.

Я заявил ему, что это натяжка и едва ли добросовѣстная; мѣсяца три тому назад он Корчинскій рассказывал мнѣ как в Кременцѣ при большевистском налетѣ его лично и его друзей спас никто иной как еврей и что руководителем чека был его же собрат — полицейскій пристав.

— Это случай — возразил Корчинскій, — а я говорю вообще.

Он долго возился с приготовленіем постели — все перекладывал простыни, разглаживал одѣяло и для чего то внимательно-серьезно осматривал электрическій фонарь. Вынув из чемодана толстую свѣчу, он укрѣпил ее в гнѣздѣ подсвѣчника, положил рядом с ним двѣ коробки спичек и только послѣ этого улегся, потушив лампу на круглом столикѣ.

Я молчал. В окно падал зеленатый лунный свѣтъ и мнѣ видно было как в руках Корчинскаго на секунду что то тонко, остро блеснуло. Спустя минуту, повозившись, он успокоился. Я вспомнил его револьвер бельгійской системы чистенькій и блестящій как стекло — вѣроятно, отблеск замѣченный мною и был от револьвера.

Поздно ночью меня вдруг окликнул Корчинскій:

— Вы не спите?

— Нѣтъ...

— Я тоже не могу.

Я промолчал.

— Знаете, капитан, мнѣ кажется, что у нас в арміи необходима серьезная здоровая чистка: вѣдь даже у нас в контр-развѣдкѣ завелись евреи.

Я подумал, что Корчинскому не уснуть от обурывших его мыслей о евреях и спросил:

— У вас на сколько я знаю в контр-развѣдкѣ есть и поляки и нѣмцы, не правда ли?

— И поляки есть...

— Они вѣдь строят свое государство — как же они могут служить нашей идеѣ?

— А вѣрно...

— Поляки, милый мой, пока что обходятся без нас, а евреи и Россія — это цѣлая, не разбитая глыба — почему бы им, служа в бѣлой арміи, не служить и в контр-развѣдкѣ? Коготок увяз — всей птичкѣ пропасть, не так ли?

Корчинскій хмыкнул и устало протянул:

— Да чорт с ними, мнѣ все равно.

— Эх вы — идейный бѣлогвардеец — пошутил я, — Командующій проводит линію лойяльнаго отношенія к инородцам, а вы орете — евреи, евреи!

Корчинскій промолчал потом, ворочаясь нетерпѣливо в постели, сказал:

— А тонкій человек Селевин, увидите он большую пользу принесет арміи: вы бы послушали как он говорит.

Мы уснули.

27 августа.

Вчера вечером произошел показательный случай: поручик Ковалев (инженерной роты) отправился со своей дамой гулять за город — в лѣс.

По его увѣреніям, дама с первого дня знакомства вела себя оригинально: вдруг ни с того, ни с этого обрывала разговор, упиралась глазами куда то в одну точку и медленно, в растяжку говорила:

— Кто же в концѣ концов прав — вы или большевики? Вот слушаю и не пойму...

Ковалев всякій раз в этих случаях спрашивал:

— Значит вы кромѣ меня — скажем нас — слушаете, т. е. разговариваете и с большевиками?

Дама дѣлала нѣжно-мутные глаза, устало склонялась ему на плечо и равнодушно отвѣчала:

— Да кто вас разберет вы ли под большевиков или большевики под вас?

Так было и вчера.

Поговорив в таком духѣ, они вышли за город. Окрестности Митавы вообще хороши, а в свѣтлую ночь они, повидимому, еще лучше. Ковалев с дамой уже три дня подряд гулял в одном и том же направленіи — в дубовой аллеѣ, уходящей среди густо поросших крапивою канав — к осиновою рошѣ.

По словам Ковалева, дама всякій раз, когда они выходили за послѣдній домик, нервничала и коротко оглядывалась по сторонам.

Вчера на обратном пути на Ковалева вдруг из за дуба кинулось трое с револьверами. Дама быстро упала на землю. Не растерявшись, Ковалев тоже выхватил из кобура револьвер и начал стрѣлять в них. Одна из фигур скатилась в канаву, двѣ других стали стрѣлять (неумѣло, конечно). Женщина же лежала неподвижно, точно наповал убитая.

Разстрѣляв патроны, Ковалев кинулся к дубам, перебѣгая от одного к другому. Так он добрался до города. Вся исторія на этом и кончилась.

Высланные к мѣсту нападенія патрули никого уже там не нашли; слѣды крови на дорогѣ были затерты: это замѣтно было по взбитым, сухим комьям земли и по примятой травѣ.

А сегодня в утреннем приказѣ по корпусу стояло: «... выходить за город в поздніе часы не слѣдует — по всей вѣроятности большевистскими агентами, спящими вокруг Митавы, организованы нападенія на всѣх неосторожных добровольцев». По адресу, данному Ковалевым, контр-развѣдка произвела обыск — дама исчезла, унеся с собой и свой узел вещей.

Поздно вечером — Корчинскій опять было полѣз в окно из сада: я серьезно предупредил его, что может случиться катастрофа с печальным исходом для него.

— В слѣдующій раз нарочно приму вас за вора — сказал я.

Корчинскій заявил, что ему неприятно идти через террасу, гдѣ всегда полно офицеров.

— Кажется они недружелюбно относятся ко мнѣ — пояснил он.

Я подумал, что может быть он и не ошибается, но лазить в окно все же не разрѣшил.

В обычном ночном разговорѣ Корчинскій спросил:

— Слышали про исторію с Ковалевым? Как вы думаете, чья это рука?

Предвидя его заученный отвѣтъ, я досадливо-злостно отвѣтил:

— Вѣроятно бывшего полицейскаго непринятаго на службу (были такіе случаи) или избитаго когда нибудь Ковалевым.

— Гм... вы так думаете?

Так кончили мы наше собесѣдованіе.

2 сентября.

Ген. Юденич сообщил о том, что приказом адмирала Колчака он назначается «Командующимъ всѣми сухопутными вооруженными силами, дѣйствующими на сѣверо-западномъ фронтѣ с опредѣленіемъ прав и обязанностей управляющаго войсками в мирное время».

Вмѣстѣ с этимъ нам прислан экземпляр опубликованнаго адмираломъ обращенія к офицерамъ и солдатам. Вот оно (в выдержкѣ):

«Истерзанная, разорванная на куски Русь, когда то сильная и могущественная, залита кровью... Вѣрю, что справедливость восторжествует и наша родина усиліями людей, любящих ее вновь окрѣпнет, станет богатырем. Но кто любит родину, кто искренній друг народа — тот ли кто попираетъ божескіе и человѣческіе законы или тот, кто даетъ каждому жить и свободно дышать, посильнымъ трудомъ вноситъ лепту в строительство государства? отвѣтъ ясен...»

Я не привожу его цѣликомъ. Скептик Кочан, читая этотъ миролюбивый документъ, все спотыкался на каждой строчкѣ и спрашивал:

— Неужели грамотнѣй не могли составить? И, обращаясь ко мнѣ, говорил хмуро, улыбаясь и трепля свою бороду-мочалку:

— Это похоже на то, как вы читали нам писанія какого борзописца... «Прислонился горячимъ лбомъ к холодному стеклу. Блѣдное лицо его было обрамлено черной бородой». Ни одного свѣжаго слова — точно в штабѣ Колчака всѣ ходят по старой дорожкѣ, боятся пойти короче, по новенькой тропѣ... Эх, спасители!

полевому суду всѣх, кто будет замѣчен в употребленіи этого «зелья».

Очевидно приказъ еще не дошел до солдатскихъ масс, толкущихся по станціи, по закоулкамъ города, в сосѣднихъ деревнях—около девяти часовъ вечера агент контр-развѣдки изловилъ нѣсколько кокаинистов в зданіи вокзала, гдѣ они бушевали и произносили горячія, путанныя рѣчи. Самимъ стремительнымъ из нихъ оказался нѣкто — Пашенко, котораго контр-развѣдка без затрудненій причислила к лику большевистскихъ агентов. Обозленный контр-развѣдчикомъ, он заорал на него:

— Эй, душитель!

Разумѣется, Пашенка арестовали и поздно ночью отправили в «земельный комитет» — как выражаются сотрудники Селевина.

Не потому ли большевики отправляютъ бѣлыхъ душителей в «штабъ Духонина»? Господи, что за раздорожье? Наша бѣлая идея, пройдя через трудный перевал, близится к глухому тупику.

Бермондт нервничает.

Сегодня говорил мнѣ, что рѣшил организовать т. н. «Военный Совѣтъ», который бы рѣшилъ многотрудные и важные вопросы политики и хозяйства корпуса.

... Латышская пресса сторожко вслушивается в событія, происходящія в Митавѣ. Сегодняшнія статьи пестрят легкими намекающими кивками в нашу сторону.

«В их отрядъ вливаются цѣлыми формациями нѣмецкіе солдаты и офицеры; цѣли и задачи корпуса вуалируются, но фактъ содружественной работы остается явным...»

«В Митаву прибываютъ русскіе офицеры и солдаты из германскихъ лагерей; их вербуетъ какая то пангерманская и всероссійская коммиссія».

Бермондт за ужиномъ долго и упорно молчал, потом не выдержал и ругнул латышей:

— Вѣдь ясно чего хотятъ — поссорить меня с англичанами! Меня не проведутъ.

В столовой уныло потрескивали свѣчи и от них по угламъ колыхались тѣни — все это навѣяло глухо-встревоженное чувство. Послѣ нѣкоторой паузы, Бермондт откинул к локтямъ рукава черески и закричал во весь голос:

— Федька, гитару!

Федька (денщик) мгновенно вырос перед ним, взъерошенный, притворно-испуганный с гитарой в рукахъ.

— Извольте!

Принявъ гитару, Бермондт ткнулъ ее в руки Линицкаго.

Ну-ка, гусар, нашу!

Точно отправляя литургію, Линицкій значительно откашлялся, выровнял плечи и брякнулъ упругими пальцами по струнамъ. Зазвенѣла Наурская. Как будто кто уколотъ Бермондта больнымъ, жгучимъ уколомъ в пятки: он быстро, по кошачьи прыгнул от дивана к маленькому столику в угол, залѣз на него

с ногами и, чуть разжав зубы, стал с дикими, воющими визгами подсвистывать. Я долго жил на Кавказѣ, часто слышал бури в горах: в этом мотивѣ было все — и вѣтер, и бьющій шелест песка и ущельный гул. У Бермондта горячо и странно пылали в эту минуту глаза. Опять румяное лицо Линницкаго сіяло самодовольством.

А когда кончили, Бермондт шумно крикнул:

— Эх, чорт! А Москву я клянусь — возьму! И — сразу в буйной столовой точно по мертвой указкѣ неизвѣстнаго все померкло: и серебро на столѣ, и хрусталь, и даже лицо Федьки, выглянувшее из-за портьеры, точно припушилось пылью. Из міра поэзіи мы провалились в неисправимо-гнетущую прозу.

3 сентября.

Встрѣтил на улицѣ Селевина — хмуро улыбнулся и неохотно козырнул. Я спросил его про ковалевскую исторію.

— Это что — пустяки, а вот ночью сегодня я выудил цѣнную рыбку, так называемаго корнета Стельмаховича—это да... заслуживает вниманія.

— Кто такой?

— Из Мюнхена провокатор; работал вмѣстѣ с Славутинским. Зачинщик возстанія — интересный бестія и главное вовсе не корнет, но изворачивается удивительно ловко: все знает, за что ни дерни — и наѣздник, и тактику изучал, и окопное дѣло, и администрацію. Уставы не плохо знает.

Он, торопясь, откланялся и свернул в боковую улицу. Миѣ рассказывали, что он много пьет — по его лицу, гладко выбритому и свѣжему, этого не замѣтно. Вот только глаза его удивительно странны: они тускло свѣтятся, точно припылены и в тоже время есть в них неприятная острота — словно он сверлит ими того, на кого смотрит.

Стельмахович — не выдумка. Сегодня на предварительном слѣдствіи он рассказал для чего-то о себѣ «всю правду». Результатом этого явилось короткое судебное разбирательство и — приговор: разстрѣлять.

«Да, я большевик — заявил Стельмахович, — я работал на уничтоженіе вашей гнилой, безногой идеи. Сюда я пріѣхал для того, чтобы продолжать мое дѣло: не удалось — не жалѣю, товарищи продолжают за меня...»

Суд обосновал свое постановленіе на двух пунктах:

1 — «Признаніе Стельмаховичем своего большевизма и разрушительно-подрывной работы во вред бѣлой арміи.»

2 — «Присвоеніе Стельмаховичем непринадлежащаго ему званія офицера.»

... В сумерки, все там же за Аа он разстрѣлян. По рассказу корнета Луцкаго, перед уведомом

Стельмаховича на разстрѣл Селевин избил его до крови в тюремной камерѣ.

По поводу этого убійства в приказѣ писалось: «...объявляя о происшедшем, штаб считает необходимым заявить, что на обязанности каждаго воинскаго чина слѣдует за тѣм, чтобы в отряд не просачивался ни один негодяй, продавшій и продающій свою родину»...

Читая эту страницу приказа, Кочан угрюмо буркнул:

— Яснѣ бы надо — кому, когда и как продавал родину. Тоже математики: считать чужія дѣла умѣют, а у себя пяти пальцев не сосчитают.

4 сентября.

... Вечером разыгрался первый русско-нѣмецкій скандал. Гдѣ-то на окраинѣ Митавы столкнулись двое пьяных солдат — нѣмец из формаціи лейтенанта Дорнаха и русскій пластун.

Есть одна такая улица, гдѣ ссоры из-за женщин происходят весьма часто; на этот раз, однако, причиной была не женщина.

Как передают — русскій, обогатившись за время пребыванія в лагерѣ военнопленных нѣкоторым ругательным нѣмецким лексиконом, стал его медленно, самохвално излагать нѣмцу. Послѣдній обидѣлся, рѣшив, что русскій персонально его честит (при том — без вины). Оба были на одном из веселых взводов. Задорство углубилось... Вспыхнула беззлобная драка, которая быстро привлекла толпу. Послѣдняя незамедлила разбиться на двѣ половины: нѣмцев и русских. Трещина в толпѣ это вѣдь цѣлый обван в горах — все завывало, загудѣло... Русскіе дрались весело и жестоко, нѣмцы хмуро и расчетливо. Штаб растерялся, узнав об этой исторіи. Немедленно было объявлено в городѣ второе военное положеніе, по которому одна треть войск принимает боевую готовность, и высылаются патрули для связи со штабом.

Нѣмецкіе буяны, однако, русских одолѣли; они поволокли их по улицам, без опредѣленнаго направленія. На углу Константиновской они свернули к штабу.

Сумерки затянули город, фонари еще не зажглись, было темно и, пользуясь этим, кто то из толпы стал выкрикивать:

— Бей офицеров, срывай погоны! Эх вы, рабы! Это взбудоражило контр-развѣдку. Полным своим составом она втекла в толпу, зорко слѣдя за ея настроеніем. Между тѣм патрули (русскіе и нѣмецкіе) согласно разработаннаго ранѣе плана разсыпались по всѣм улицам и переулкам. К штабу же спѣшно вызван был первый пластунскій полк.

Гуд толпы становился угрожающим, безудержным. Настойчивое — «бей офицеров, срывай погоны» — острым, пронзительным криком вилоь над разрастающимся шумом. И — странно! — контр-развѣдка не могла словить злого шутника не

смотря на все напряженіе своих добродѣтельных усилий. Толпа между тѣм стала разбивать двери штаба и вламываться на внутреннюю лѣстницу; караул перваго пластунскаго полка дважды выстрѣлил в воздух, пытаясь припугнуть буйствующих. Они при этом кого то тащили, нѣмецкая рѣчь переплеталась с русской в безпородно смѣтены. Караул выстрѣлил в напѣрающих. Раздались крики острѣе прежних. Двѣ-три фигуры, подкосившись, упали со стеном, нѣкоторые шарахнулись в сторону под деревья, за дома. Контр-развѣдка торжествующе выкрикнула:

— Пойман! Разстрѣлять его!

В темнотѣ едва различимо видно было как в открытую дверь на лѣстницу вели кого то под руки. За ними крѣпко захлопнулась дверь и щелкнул ключ. У дверей по эту сторону ощерился караул, направив ружья на толпу и наступаая на нее вѣером. К упавшим подбѣжали санитары и быстро их унесли.

Скоро все стихло: люди разбрелись в разныя стороны и, спустя десять минут, на Константиновской уже никого не было, кромѣ двух часовых, брякавших ружьями на дорогѣ.

По городу, разбитому на сторожевые участки, всю ночь бродили дозоры.

... Выходит — ларчик просто открывался. Контр-развѣдка умѣло оцѣнила и измѣрила всю глубину опасности боевого столкновѣнія — русских и нѣмцев и поэтому всю эту бучу она обернула по своему.

Она мгновенно придала всему скандалу своеобразное движеніе. Трюк был рискованный, но Селевин выполнил его блестяще.

Разсѣявшись в толпѣ, контр-развѣдчики то там, то здѣсь стали выкрикивать: «бей офицеров, срывай погонь». От избиванія друг друга таким образом нѣмцы и русскіе были отвлечены. Под шум родилось новое возбужденіе: его надо было во время захватить и сковать в желѣзные тиски. И караул во время выстрѣлил... два убитых (нѣмца) и один раненный (русскій). В ту же минуту с одного из чинов развѣдки сорвали фуражку, разорвали на нем мундир и рубашку и, схватив под руки с криками — пойман! разстрѣлять! — повели в зданіе штаба, но так чтобы гудящее, растерянное, злобное сборище видѣло виновника. Цѣль была достигнута: злоба и возбужденіе, как вал кипящей, упали и растеклись...

В экстренном вечернем приказѣ, разосланном ночью по казармам, кратко, но значительно объяснялось, что «темные, безответственные элементы пытаются сѣять смуту и недобровѣріе среди чинов арміи, наравливая друг на друга русских и нѣмцев. Сегодняшній случай доказал, что агенты большевиков производят медленно, но губительно свое дѣло. Мы должны, однако, быть на стражѣ порядка и дисциплины, иначе завѣтная идея нашей крестноносной борьбы погибнет вмѣстѣ с нами...»

В концѣ приказанія указывалось, что пойманный сегодня в толпѣ агент за призывы его к избіенію офицеров и срыванію с военных чинов знаков отличія, за провозглашеніе им большевистских лозунгов — по приговору военно-полевого суда приговорен к разстрѣлу. Приговор около 12 час. ночи приведен в исполненіе. (Контр-развѣдчик к утру мирно и преблагополучно спал).

Бермондт, взбудораженный этой исторіей, все время мечется в автомобиль по городу, провѣряет части, разжигает их настроенія — к лучшему. Говорит он безусловно увлекательно, пересылая рѣчь массой поговорок и точных опредѣленій; слова находит без затрудненія, вся рѣчь его в общем контекстѣ заключает много интереснаго, жизненнаго матеріала, безоговорочно принимаемаго солдатами. Это распяляет их большим довѣріем к нему, которым Бермондт пользуется без ошутимых срывов. Гдѣ и когда надо — он яростно блеснет стальными, холодными глазами, в другія же минуты он ласково обогрѣет взглядами солдат.

Так по немногу утихли всплески расходившихся волн в митавском озеркѣ. У меня, однако, глухое предчувствіе, что здѣсь прольется обильно кровь.

5 сентября.

Катались сегодня в автомобиль с Бермондтом и Линичким за городом.

Узкая, шоссейная дорога, по сторонам бѣлѣют худыя березки; за ними вдаль сѣрѣют крыши изб.

Мы молчали.

Машина стремительно уносила нас к деревнѣ; шипѣнье ея было мягко-волнующим и усыпительным. Вокруг нас в воздухѣ, трепеща, кружились рыжія листья, обрываеыма вѣтром.

Осень, еще уступчивая и безмятельная, едва едва дышала; на низкой чертѣ горизонта пухло и встревоженно плыли, как бѣлые корабли, прощальные лѣтнія облака...

Припоминая кое что из пережитого в Залещиках, на берегу пѣнистаго, гремящаго Днѣстра, я почти забыл гдѣ я.

Сбоку раздался смѣх.

— Ты что выпучил глаза? — спросил Бермондт. Я опомнился. Линичкій расплылся в безобидную, широкую улыбку.

— О женщинѣ раздумывает.

— Да? — сказал Бермондт, — а, кстати, расскажи хоть об одном из твоих романов, попросил он.

Я согласился.

— Хорошо.

И — рассказал:

— Женщину, о которой идет рѣчь, я встрѣтил не случайно, позже или раньше — все равно я должен был бы ее встрѣтить.

— Вот как? — удивился Бермондт.

Я взглянул в его глаза — они свѣтились насмѣшливо, но как то углубленно и понимающе.

— Да, встрѣтил я ее по выходѣ из военного училища. До этого времени я предчувствовал и очень смутно мою встрѣчу с ней. Позиція, бой, раненія, потом мои поѣздки на сѣвер, юг, в Сибирь — все это бесконечно разжигало мои чувства и я иногда писал ей настолько беспорядочныя и горячія письма, что послѣ и сам удивлялся моим порывам.

Линицкій хмыкнул:

— Мудро, вы дяденька, проще — кутили с ней по настоящему?

Он подмигнул сѣрыми, тяжеловатыми глазами.

Бермондт по прежнему насмѣшливо улыбался.

— Дальше? — спросил он.

— Вышло так — продолжал я, — что женщина не понимала меня, я — ее... Согласитесь — чувство крайне неприятное, когда начиная любить женщину, замѣчаешь как ея душа поразительно сложна и как нелѣпы ея капризы, оправданные достоинствами, и в тоже время видишь свое безсиліе овладѣть этим безцѣнным кладом.

— Дяденька, проще — попросил Линицкій.

Я разсмѣялся.

— В том то и дѣло, что эта исторія сложна. Короче — женщину изнасиловали на моих глазах; опьяненный ея близостью и доведенной почти до состоянія сумашествія, я тоже принял участіе в этом позорѣ.

— Ого! — воскликнул адъютант, — не ожидал от вас.

Бермондт остановил его:

— Постой, Линицкій.

Я продолжал:

— Теперь я припоминаю, ротмистр, мы встрѣчались с вами давно; это было как раз в тот сумбурный період, когда я переживал мой болѣзненный роман с женщиной... По моему и у вас было нѣкоторое чувство... к ней!

Линицкій удивленно открыл глаза.

Бермондт похлопал его по плечу и, обратясь ко мнѣ, серьезно проговорил:

— Скучный у тебя роман, не хочу слушать. Мой куда пріятнѣй: я дрался за женщину (ах, да и ты вѣдь тоже за нее дрался?), получил за это награды, голодал, совершал походы и...

Одураченный Линицкій выпалил:

— А, вот что — вы про Рассеюшку?

— Ушел я от нее безгрѣшным — добавил Бермондт, — по настоящему даже не обнял мою женщину. Когданибудь это еще будет...

На обратном пути, я прочитал моим спутникам стихотвореніе Тютчева:

Ужасный сон отяготѣл над нами,
Ужасный, безобразный сон.

Выслушав его до конца, Бермондт шутливо проговорил:

— Собственно говоря, ты — большевик, друг мой! не попадайся Селевину. Твоя критика корпусных порядков у него на замѣчаніи уже, слышишь?

— Что же из этого? Надѣюсь, не он командует корпусом?

Бермондт погрозил пальцем.

— Поменьше скандалъ в контр-развѣдкѣ и политическом отдѣлѣ, иначе будешь у меня писательствовать в катаджкѣ, понял?

Он добродушно разсмѣялся.

Живительное утро настраивало бодро. Проѣзжая через мост, я заглянул в Аа и невольно вспомнил о Славутинском.

Вода буйно шумѣла, разбиваясь в пѣну о столбы и хлопотливо облизывая углы берегов. Гдѣ-то на набережной высвистывали пѣсно:

Журавушка — журавель

Обрывисто и задорно разлетался мотив в звонком, осеннем воздухѣ.

По темной глади рѣки тянулись баржи, лязгали желѣзныя цѣпи, стучали топоры. Пятнисто крутились дымки, упавая с барж на воду, пригибаемые вѣтром. Было томительно от предчувствій, мутивших мысли.

7 сентября.

...Эти строки записываю, сидя в маленьком, разбитом и полуспаленном городкѣ Шавли, куда пріѣхал сегодня под утро в автомобилѣ с порученіем к полковнику Вырголичу. Шавли — мирно дремлют под осенним солнцем, точно никакой борьбы нѣтъ, никаких растревоженных, чадных желаній не существует. Из окна гостиницы я вижу поросшія травой двор, окруженный досчатым забором, за ним груды камня и обугленного кирпича. Вверху безопасно кружатся легкіе облачные дымки... Чувствую как мѣрно и настойчиво меня захватывает желаніе уйти от той бѣшенной шумихи, что еще вчера буйно кипѣла вокруг меня, срывая мысли, путая и раздробляя ощущенія.

Проѣзжая в автомобилѣ мимо гатей, зеленоватых болот, по узким, не утоптаным дорогам, по обѣ стороны которых шумѣли, колеблемыя норо-

вистым вѣтром, березки и худосочные кустарники, я передумал многое. Больно и жестоко припомнились прожитые дни. Если мы, углубляя событія, идем к кровавой развязкѣ — к чему вся эта театрализация жеста, медлительный ход дѣйствій и притворное литургійное смиреніе? Вѣдь мы — культурные варвары: мы утончаем приготовленія к пыткам для того, чтобы из них побольше извлечь наслажденій.

Невольно припоминается блоковское:

Испепеляющіе годы!
 Безумья ль в вас, надежды вѣсть?
 От дней войны, от дней свободы
 Кровавый отсвѣт в лицах есть.

.....

Я думаю — мы кончим дурно и трагически здѣсь, в этих мирных углах, уже хранящих на себѣ слѣды отгремѣвшей войны.

9 сентября.

В Шавлях остаюсь еще один день. Здѣсь удивительно тихо; мнѣ иногда кажется, в особенности по вечерам, когда, лежа на софѣ, я мутно дремлю, что я гдѣ то на дачѣ, за окном безшумно вздыхает и колышется море, шевеля песок, а в маленьком садикѣ, позванивающим тонкими стволами осин, мягко стелется успокоительная глубина примиреній.

Там — нѣтъ задач, нѣтъ разрѣшеній: все необыкновенно просто и ясно, как предзакатная даль неба.

(Продолженіе слѣдует).

Ив. Коноплин.

ПИСЬМА О НѢМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

Общественная жизнь современной Германіи проходит под знаком такой напряженной, ожесточенной борьбы за существованіе — національное и личное — вопросы дня и заботы о хлѣбѣ насущном так властно заявляют о себѣ, что, кажется, никогда еще не было періода в исторіи культурнаго народа нашей эры, когда бы интерес к литературѣ и искусству (говорю о большом искусствѣ и художественной литературѣ) до такой степени отступали на задній план, как нынѣ в Германіи. Развѣ только первые годы революціи в Россіи, когда публикѣ было не до литературы, а писателям до писанія, представляют аналогичное явленіе. Правда, писатели в Германіи продолжают писать, но дѣлаются это больше по инерціи, журналы продолжают рецензировать, но больше по обязанности, а главное — все это не выходит за предѣлы литературнаго круга; объекта, на который все это направлено, читателя, почти нѣтъ. Книжные магазины пустуют, издатели прекратили выпуск новых книг почти совершенно; приостановлено даже печатаніе уже набранных рукописей. Самый популярный до сих еще в широких кругах романист — Томас Манн нынѣ не имѣет возможности существовать художественно-литературным творчеством; он вынужден писать статьи на злободневныя темы в нѣмецких и заграничных журналах, читать публичныя лекціи и т. п. Все это явленія небывалыя в Германіи, даже в разгар войны.

Приглядываясь к ним, задаешься вопросом: дѣйствительно ли лишь матеріальная нужда и невозможность затраты на книгу является причиной их? Едва-ли. Повидимому, книга не покупается и оттого, что она не оправдывает расходов. Она не дает того, что читатель от нея ожидает, и потому она ему не нужна. А ожидает он — в нынѣшнее время больше, чѣм когда-либо, острѣе страстнѣе, — отвѣта на вопрос: как жить? — и не получает этого отвѣта. На удовлетвореніе же интереса к «искусству для искусства» и разным литературным чудачествам у него нѣтъ ни времени, ни средств, ни охоты.

Почему современная литература не способна дать этот отвѣтъ? Возможны двѣ причины: она не входит как творческій фактор в жизнь потому, что еще не успѣла за ней в виду невѣроятной бы-

строты смѣны событій, или потому, что она *больше* не успѣвает за ней вообще, что в жизни ей больше нѣтъ мѣста, что жизни нѣтъ больше мѣста в ней.

Первое происходило в Россіи в первые, стремительные годы революціи. Но затѣм, когда жизнь нѣсколько замедлила темп, когда начали выработываться нѣсколько болѣе устойчивыя формы существованія, литература стала ее нагонять; писатели, старые и молодые, усиленно стали писать, издатели возобновили свою дѣятельность, публика же с жадностью набрасывалась на книгу, воспринимая и «старыя» книги по-новому, производя переоцѣнку цѣнности.

Возможно, что в Германіи — и на Западѣ вообще — происходит второе. По Шпенглеру «высокая» литература (в противоположность литературѣ, служащей лишь для развлеченія) завершила круг своего идейнаго и духовнаго развитія в предѣлах западно-европейской культуры, исчерпала свое творческое содержаніе, и новая литература, на которую еще можно надѣяться, явится на вершинах своих достояніем немногих избранных умов, хранителей культуры в період цивилизаціи, аристократическим времяпрепровожденіем, а литература для массы — средством заполнения досужих часов, вродѣ кинематографа... Но даже принимая эту точку зрѣнія, приходится имѣть в виду, что процесс кристаллизаціи текущих творческих форм культуры в неподвижныя цивилизаціи не закончился еще вполне, по крайней мѣрѣ в Германіи, как самой молодой націи в семьѣ западно-европейских народов. В сравненіи с Россіей, о которой болѣе подробно рѣчь впереди, можно пожалуй сказать, что если в новой русской литературѣ преобладает духовно-творческое начало и жизненный, неслучайный сюжет, то в нѣмецкой преобладает высокая степень мастерства при болѣе или менѣе случайном сюжетѣ или и неслучайном объективно, но случайном для даннаго автора при данной трактовкѣ («Туннель» Келлерманна).

Приходится отмѣтить еще одно явленіе, приведшее к тому своеобразному положенію, что в Германіи вниманіем пользуются почти лишь «старые» писатели, создавшіе себѣ имя еще до войны. С нѣкоторыми оговорками можно сказать, что

вдруг не оказалось «молодого» покоління, ідуцього на смѣну старому. Такое молодое покоління было, но оно вдруг точно провалилось, по крайней мѣрѣ для публики; тон задают во всяком случаѣ давно извѣстныя имена, интерес к которым одно время уже казался исчерпанным.

Выступившіе в свое время молодые писатели — футуристы и прочіе «исты» — являвшіеся, как всегда, революціонными по отношенію к предшествующему поколѣнію, развились, однако, не обычным путем. В то время, как напримѣр, русскіе «декаденты» затѣм стали «символистами» и, в концѣ концов, познавши жизнь и себя, в большинствѣ случаев влились в русло «большой» русской литературы, футуристы и экспрессионисты, обвив войну всему прошлому, затѣм сошли со сцены, не создав ничего крупнаго, не дав ничего массѣ читающей публики, оказав развѣ нѣкоторое вліяніе на литературные приемы, воспользовавшись котормы в массы проникли однако не они сами, а писатели враждебных им лагерей.

Но это банкротство молодого покоління писателей не обошлось даром. Пострадали не только они сами, оказавшись забытыми лишь только прекратилась шумиха дурного тона, посредством которой они старались воздѣйствовать на массы, забывая, что это превращеніе писателя в скомоороха должно вызвать презрѣніе к нему со стороны этой самой массы, всегда крайне воспримчивой к вѣншнему жесту и никогда не прощающей издѣвательства над ней и над собою. В результатѣ получили неожиданно быстрое вторичное утвержденіе «старики», что придало их творчеству нѣсколько преувеличенную оцѣнку, а главное — публика, ожидавшая от «новых» людей новаго и не получившая ничего в смыслѣ удовлетворенія остро поставленных болѣе высоких и серьезных духовных требованій к литературному произведенію, разочаровалась вообще в современной литературѣ. И в Германіи она, пожав плечами, отвернулась от художественной литературы, отвернулась раньше, чѣм стало почти невозможным приобрѣтеніе новых книг. Уже давно в Германіи лишь ограниченное число лиц читает поэтов, но художественную прозу перестали читать только послѣ войны. Что именно вліяніе бывших «молодых» тут играет роль, подтверждается между прочим и тѣм обстоятельством, что такой крупный писатель, как Генрих Манн, многія вещи котораго принадлежат к лучшему, что в Германіи написано за послѣднія десятилѣтія, бывший еще недавно весьма популярным, почти вовсе не читается больше с тѣх пор, как «молодые» провозгласили его своим «главой»...

До наступленія нынѣшняго всеобщаго кризиса в Германіи интерес читателя сосредоточивался, таким образом, по преимуществу на произведениях общественно-научнаго и философскаго содержанія, на книгах, затрагивающих религіозныя и истори-

ческія проблемы, а в сферѣ чисто художественной литературы — на произведениях великих русских писателей. Ясно, что интерес к таким произведениям объясняется исключительно указанным выше обстоятельством: в них читатель надѣялся найти отвѣтъ на вопрос, как жить.

Этим объясняется и необычайный успѣх среди широкой публики книги Шпенглера «Гибель Запада». Даже громоздкость этого произведения — 2 больших тома, исключительно высокая цѣна, серьезная научность этого труда, дѣлающая его во многих рѣшающих мѣстах почти недоступным для средняго интеллигента, не оказались препятствіем к самому широкому распространенію его: первый том разошелся в теченіе полугода в количествѣ 70,000 экземпляров, в то время как тираж ходоваго романа крупнаго писателя обычно не достигаает в Германіи в теченіе цѣлаго ряда лѣтъ и трети этой цифры. Этим же объясняется большой успѣх книги графа Кайзерлинга «Путевыя Замѣтки Философа», многочисленных религіозно-философских трудов, вышедших в Германіи послѣ войны, и серьезное вниманіе, выпадавшее на долю великолѣпнаго историческаго романа Эдуарда Стукена «Бѣлые Боги», четырехтомнаго труда, дающаго на основаніи всесторонняго знакомства с результатами исторических и археологических изысканій яркую картину культуры Майи и гибели этой культуры под натиском конквистадоров. В отношеніи русской литературы интересуют не только самыя произведения русских писателей и поэтов, но и критически-литературная и философская их оцѣнка; в послѣднем отношеніи должны быть отмѣчены труды Карла Нецеля, социальнаго философа, хорошо знающаго и любящаго Россію (Нецель жил многіе годы в Россіи).

На указанных явленіях, по крайней мѣрѣ на нѣкоторых из них, нам и придется прежде всего остановиться; это даст нам болѣе глубокое пониманіе литературных запросов в современной Германіи и причин, их обуславливающих.

Интерес к Россіи не случаен и вовсе не объясняется по существу лишь общественно-политическим и экономическим положеніем послѣдней. Причины его лежат гораздо глубже и в иной плоскости: духовной, религіозной, художественной. Надо разобратся в том, что нѣмецкій читатель надѣется получить от духовной Россіи, что его привлекает к ней, что в ней ему кажется новым и важным для «Европы». Для уясненія этого вопроса взгляды Шпенглера, высказанные им во втором томѣ «Гибели Запада», еще не переведенном на русскій язык, оказываются весьма цѣнными. Даже отвергая его историко-морфологическую схему, приходится признать, что природа интереса к Россіи понята им с исключительной глубиной и чуткостью; вмѣстѣ с тѣм приходится удивляться гениальной прозорливости автора, сумѣвшаго, не быв в Россіи, не зная русскаго языка, уловить и

истолковать цѣлый ряд явленій, значительность и самообытность которых до сих пор вовсе еще не была замѣчена за предѣлами Россіи. При изложеніи концепціи Шпенглера я воспользовался также высказанными им в личной бесѣдѣ со мною взглядами на Россію. Едва ли требуется оговорить, что я не отождествляю себя со взглядами приводимых мною авторов.

2.

Образовавшіеся в вулканическом отложеніи кристаллы разрушаются под дѣйствіем влаги; остаются поляя формы кристаллов. Новый поток лавы заполняет их; начинающійся новый процесс кристаллизаціи происходит теперь не по законам, свойственным данной породѣ, а соотвѣтственно найденным готовым формам. Процесс этот в физикѣ именуется псевдоморфозой.

Иногда в исторіи происходит аналогичное явленіе. Развитие молодого народа, стоящаго в началѣ своего культурнаго пути, втискивается под вліяніем иноземной могущественной культуры в готовыя, чуждыя ему формы. Это имѣло мѣсто по отношенію к арабской (вѣрнѣе — аравійской), у Шпенглера: «магической») культурѣ, долгое время нахотившейся под бляніем вавилонской культуры.

Примѣр псевдоморфозы в наше время — петровская Россія.

Все неизмѣримое различіе между русской и западно-европейской (по Шпенглеру: «фаустической») душой обнаруживается уже в различіи между русским народным эпосом, былинами, и «одновременными» (как извѣстно «одновременность» у Шпенглера означает аналогичность по историко-культурному значенію явленія, имѣвшаго мѣсто в разных культурах) пѣснями об Артурѣ, Эрманарихѣ и Нибелунгах. В Россіи эпоха Меровингов начинается с момента сверженія татарскаго ига Иваном III (1480 г.) и продолжается при послѣдних Рюриковичах и первых Романовых до Петра Великаго (1689 — 1725). Эта эпоха вполне аналогична эпохѣ, начинающейся с Хлодвиги (481 — 511 г.) и кончающейся битвой при Тестри (687 г.), со времени которой власть перешла фактически к Каролингам. Любопытно прочесть исторію франков Григорія Турскаго (до 591 г.) и рядом соотвѣтствующіе отрывки у Карамзина, в особенности главы об Иванѣ Грозном, Борисѣ Годуновѣ и Шуйском. Сходство этих «одновременных» періодов не может быть болѣе полным.

За этим московским періодом с его властью древних боярских родов и патриархов, в продолженіе котораго партія, преданная завѣтам старины, неустанно борется против приверженцев западной культуры, начинается с основаніем Петер-

бурга (1703 г.) псевдоморфоза, втиснувшая первобытную русскую душу сперва в чуждыя ей формы высокаго барокко, затѣм вѣка просвѣщенія, наконец, XIX вѣка.

Дѣятельность Петра Великаго оказалась роковой для «Руси». Представьте себѣ, что его «современник», Карл Великій, систематично и со всей своей энергіей осуществил бы то, осуществленіе чего Карл Мартелл своей побѣдой только что сдѣлал невозможным: господство мавританско-византійскаго духа. В тот момент в Россіи существовали двѣ возможности: воздѣйствіе на русскую дѣятельность в духѣ Каролингов или в духѣ Селевкидов, т. е. согласно завѣтам русской старины или согласно идеям Запада; и Романовы рѣшились на послѣднее. Селевкиды захотѣли окружить себя эллинами, а не арамейцами; Романовы — европейцами, а не русскими.

Патріархальная царская власть московскаго періода является единственной формой управленія и понынѣ соотвѣтствующая духу «Руси», но в Петербургѣ она была фальсифицирована, измѣнена в династическую западно-европейскую форму. Тяготѣніе к священному югу, к Византіи, Царьграду и Иерусалиму, глубоко заложенное во всякой православнои душѣ, было превращено в свѣтскую дипломатію «с ориентаціей на Запад». За пожаром Москвы, величественным символическим актом первобытнаго народа, в котором сказывается чисто макевейская ненависть ко всему иностранному и инаковѣрующему, слѣдует вступленіе Александра в Париж, Священный Союз, и включеніе Россіи в концерт западных великих держав. Народ, которому было предначертано безисторическое существованіе еще на многія поколѣнія, был втиснут в искусственное и фальшивое русло историческаго развитія, идея котораго оставалась совершенно непонятной для патріархальнаго народнаго сознанія. Городскія, позднѣйшія искусства и науки, просвѣщеніе, соціальная этика, матеріализм — дѣтище поздних мировых городов, были перенесены в Россію, хотя в этом до-историческом періодѣ религія является единственным языком, на котором народ постигает себя и мір. В странѣ без городов (русскіе древніе города были укрѣпленными пунктами и рынками, городской же культуры не было и в поминѣ), в чисто земледѣльческой странѣ с патріархальным крестьянским населеніем возникли города чуждаго стила на подобіе опухолей. Они были фальшивы, противоестественны, неправдоподобны по существу. «Петербург самый фантастическій и нереальный город», говорит Достоевскій. Хотя он большую часть жизни прожил в Петербургѣ, у него было такое чувство, будто этот город может однажды растаять вмѣстѣ с болотными туманами. Так же призрачно, неправдоподобно раскинулись эллинистическіе роскошные города повсюду в арамейской крестьянской странѣ. С таким чувством смотрѣлъ когда-то на них Христос. Так должен

был чувствовать апостол Петр, глядя на кесарский Рим.

Все, что с тѣх пор возникло в Россіи, воспринималось подлинно-русскими людьми как отравляющая и ложь. Поистинѣ апокалипсическая ненависть к Европѣ просыпается в их сердцах. И «Европой» для них являлось все, что не было русским, не только культура современной Европы, но и Рим и Афины, подобно тому как для челоуѣка «магической» (арабской) культуры в свое время и древній Египет и Вавилон являлись античными, языческими, от сатаны. «Первымъ условіемъ освобожденія русскаго народнаго чувства — ненавидѣть всѣмъ сердцемъ и всею душой Петербургъ», пишет Аксаковъ в 1863 году Достоевскому. Москва — священна, Петербург — от дьявола; Петр Великій в глазах народа — антихрист. Совершенно то же раздается со всѣх страницъ Апокалипсиса арамейской псевдоморфозы, со страницъ книги Даниила и Еноха во времена Маккавѣевъ до Откровенія Іоанна, Баруха и IV книги Езры послѣ разрушенія Іерусалима, против Антиоха, антихриста, против Рима, вавилонской блудницы, против «западныхъ» городов с ихъ цивилизаціей и помпой, против всѣхъ античной культуры. Все, что возникает — неправда и нечестно: это избалованное общество, эти умомъ развѣденныя искусства, эти социальныя сословія, это чужеземное государство со своей развитой, «цивилизованной» дипломатіей, эти разговореніе и управленіе. Нѣтъ большей противоположности чѣмъ нигилизмъ русскій и западный, еврейско-христіанскій и поздній античный: ненависть ко всему чужеземному, чуждому, отравляющему еще нерожденную культуру в материнскомъ чревѣ страны, с одной стороны, и с другой — отвращеніе к собственной культурѣ, оторванная от земли холодная высота которой, в концѣ концовъ, вызываетъ уныніе и душевную пустоту. Глубочайшее религиозное мироощущеніе, внезапныя озаренія, трепетъ боязни перед наступающимъ пробужденіемъ, потустороннія сновидѣнія и томленіе стоятъ в началѣ исторіи націи, до болѣзненности развитія умственная ясность в концѣ ея. В указанныхъ двухъ псевдоморфозахъ происходитъ смѣшеніе начала одной культуры и конца другой. «Нынѣ на улицахъ и площадяхъ всѣ размышляютъ о вѣрѣ», сказано у Достоевскаго. Это могло быть сказано и про Іерусалимъ и Эдессу.

Эти молодые русскіе передъ войной, грязныя, блѣдныя, возбужденныя, забытыя в углы и постоянно занятые метафизикой, потустороннимъ, даже тогда, когда разговор повидимому шелъ об избирательномъ правѣ, о химіи или женскомъ образованіи: это — евреи и первые христіане в эллинистическихъ міровыхъ городахъ, на которыхъ римлянинъ смотрѣлъ с такой насмѣшкой, с такимъ отвращеніемъ и тайнымъ страхомъ.

В царской Россіи не было граждан, не было вообще настоящихъ сословій, а были лишь «мужики»

и «господа», какъ в государствѣ франкскомъ. «Общество» являлось своимъ обособленнымъ міромъ, дѣтищемъ западной литературы, чѣмъ-то чуждымъ и грѣшнымъ. Не было русскихъ городовъ. Москва была укрѣпленнымъ пунктомъ — кремлемъ — вокругъ котораго раскинулся громаднѣйшій рынокъ. Петербургъ, призрачный городъ, искусственно возвращаемый, и всѣ остальные города на вольныхъ просторахъ матушки Россіи — существовали лишь для двора, для управленія, для купцовъ. Но жители в этихъ городахъ, это — на-верху — ставшая плотью литература, «интеллигенція», с вычитанными проблемами и спорами, а внизу — потерявши связь с землей крестьяне, тѣ же мужики, со всею потусторонней скорбью, со всѣмъ страхомъ и всей безпомощной нуждой, которую Достоевскій вмѣстѣ с ними пережилъ, с постоянной тоской по вольнымъ полямъ и горькой ненавистью к каменному, старческому міру, в который соблазномъ привелъ ихъ антихристъ.

Города не имѣли собственной души. «Общество» было проникнуто западнымъ духомъ, а народъ внизу приносилъ с собой душу деревни. Между этими двумя мірами не было пониманія, не было связующихъ звеньевъ, не было прощенія. Чтобы имѣть возможность понять великихъ носителей и жертву псевдоморфозы, надо имѣть ввиду, что Достоевскій по существу былъ мужикъ, Толстой — представитель свѣтскаго общества. Первый никогда внутренне не могъ освободиться отъ деревни, второй никогда не нашелъ ея, не смотря на всѣ отчаянныя старанія.

Толстой — бывшая, Достоевскій — *грядущая Россія*. Толстой всей своей внутренней сущностью связанъ с Западомъ. Онъ великій глашатай духа Петра, петровства, даже тамъ, гдѣ онъ его отрицаетъ. И отрицаніе Толстого — всегда западническое отрицаніе. Вѣдь и гильотина была законная дочь Версаля. Его мощная ненависть направлена противъ той Европы, от которой онъ самъ не въ силахъ освободиться. Онъ ненавидитъ ее въ себѣ, онъ ненавидитъ себя. Этимъ онъ становится духовнымъ отцомъ большевизма. Все-безсиліе этого ума и «его» революціи 1917 года сказывается в посмертныхъ сценахъ «И свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ».

Этой ненависти не знаетъ Достоевскій. «У меня два отечества: Россія и Европа». Для него все это, петровство и революція, уже не имѣетъ значенія реальности. Изъ «своего» грядущаго смотритъ онъ поверхъ ихъ, какъ изъ далекой дали. Душа его — апокалиптична; она полна тоски, отчаянья, но в это грядущее она вѣрится незбылемо, в немъ она увѣрена. «Я хочу в Европу сѣздить», говоритъ Иванъ Карамазовъ Алешѣ, «и вѣдь я знаю, что поѣду лишь на кладбище, но на самое дорогое кладбище, вотъ что. Дорогіе тамъ лежатъ покойники, каждый камень надъ ними гласитъ о такой горячей минувшей жизни, о такой страстной вѣрѣ в свой подвигъ, в свою истину, в свою борьбу и в свою науку, что я, знаю заранѣе, паду на землю и буду цѣловатьъ эти камни и плакать надъ ними».

Толстой несомнѣнно — большой ум, «просвѣщенный» и «соціально-настроенный». Все, что он видит вокруг себя, принимает в нем позднюю, городскую и западническую форму проблем. Достоевскій же вовсе не знает, что такое эти «проблемы». Толстой — явленіе внутри круга европейской цивилизации. Он стоит в серединѣ между Петром и большевизмом. «Россія» они всё не видят. То, против чего они борются, утверждается вновь той формой, в которой ведется эта борьба. Это — не апокалиптика, а умственная оппозиція. Ненависть Толстого против собственности — соціально-экономическая, ненависть его против общества — соціально-этического характера; ненависть его против государства — политическая теорія. Этим объясняется громадное его вліяніе на Запад. Он принадлежит к Марксу, Ибсену и Золя. Произведенія его — не евангеліи, а поздняя, умственная литература.

Достоевскій не принадлежит ни к кому, если не к апостолам первобытнаго христіанства. Его «Бѣсы» считались в средѣ русской интеллигенціи консервативным произведеніем. Но Достоевскій не видит вовсе этих разногласій, этих «конфликтов». Для него между «консервативностью» и «революціонностью» нѣтъ никакой разницы: и то и другое — западническое, одинаково чуждое и далекое. Душа такого рода смотрит через все соціально, поверх его. Дѣла міра сего представляются ей столь незначительными, что «реформированіе» их не имѣет для нея никакой цѣны. Никакая подлинная религія не задается цѣлью исправить мір дѣйствительности или воздѣйствовать на его политико-экономическую структуру. Достоевскій, как всякій подлинно-русскій, не замѣчает его вовсе; он живет в другом, метафизическом мірѣ, лежащем по ту сторону фактическаго. Какое отношеніе имѣет страдающая человѣческая душа к коммунизму? Религія, дошедшая до соціальных проблем, перестает быть религіей.

Для Достоевскаго же грядущая новая религія являлась той дѣйствительностью, в которой он жил. Он — святой в противоположенном и смѣшном, обусловленном вліяніем запада, образѣ романиста. То, что в нем — его «реальность», его настоящее, слѣдует искать как бы между строчек, эта его «дѣйствительность» доходит в «Братьях Карамазовых» до религіозной глубины, рядом с которой может быть названо развѣ имя Данте. Его Алеша—внѣ пониманія всякой литературной критики, включая русскую. Его «Христос», котораго он все хотѣлъ написать, явился бы настоящим Евангеліем, подобно Евангеліям первоначальнаго христіанства, стоящим внѣ всѣх античных и еврейских литературных форм. Толстой же — мастер западнаго романа (до «Анны Карениной» далеко всякому другому роману), подобно тому, как он и в мужицкой рубахѣ — человек свѣтскаго общества.

Начало и конец тут сталкиваются. Достоевскій — святой, Толстой — лишь революціонер. Лишь от него, настоящаго преемника Петра исходит большевизм. Послѣдній — не противоположность, а послѣдній вывод «петровства», послѣднее уничтоженіе метафизическаго соціальнаго, и именно потому большевизм — лишь новая форма «петровства», псевдоморфозы. Если основаніе Петербурга было первым дѣяніем антихриста, то самоуничтоженіе созданнаго Петербургом общества было вторым его дѣяніем: так это должно быть воспринято внутренне мужиком. Ибо большевики — это не народ и даже не часть народа. Большевики — низы того же городского «общества»; они чужды народу, они тѣ же западники, но не признанные «обществом» и потому исполненные ненависти подонков. Русская революція — борьба между верхами и низами западнаго, чуждаго Россіи «общества». Исторія — в лицѣ носителя грядущей русской культуры, русскаго народа, — дѣйствовала тут по принципу наименьшей затраты сил, освободив страну от чуждых и враждебных ея самобытному развитію элементов посредством взаимнаго самоуничтоженія этих элементов. Здѣсь все проникнуто духом цивилизаціи: идеологія, соціальная политика, прогресс, интеллигенція, наконец, — вся русская литература, увлекающаяся сначала на романтической, а затѣм на соціально-экономической лад свободами и реформами. Ибо всё ея читатели принадлежат к «обществу». Подлинный русскій — послѣдователь Достоевскаго, хотя он не читает его и именно потому он не читает его, что вообще читать не умѣет. Он — часть Достоевскаго.

Рационалистическое мышленіе Запада проникнуто понятіем денежной оцѣнки до такой степени, что его можно назвать «денежным» мышленіем. Все уловимое разнообразіе жизненных явленій нивелируется, приводится к одному знаменателю посредством перевода их в понятія денежной оцѣнки; лишь выраженные единицами рыночной стоимости они становятся об'ектами мышленія. В этом царствѣ бездушных тѣней красочность и непосредственность жизни замѣнены цифрами, единицами денежнаго измѣренія. Для русскаго, всецѣло занятаго мистической жизнью своей души, это денежное мышленіе — грѣх. В Россіи, как в Сирії во времена Христа, отложились два наслоенія экономической жизни: верхнее — чужеземное, цивилизованное, проникшее с Запада (к которому, как накипь, принадлежит и большевизм первых лѣтъ, сплошь западническій), и нижнее, глубинное, знающее лишь простыя блага; здѣсь мыслятъ не в цифрах, а в конкретных понятіях. Здѣсь волнует не стремленіе улавливать рыночную стоимость, а слышать Божью волю во всѣх проявленіях жизни. Марксизм в Россіи основан на искреннем недоразумѣнн. Россія покорялась стоящей на болѣе высокой ступени раз-

вѣтѣ экономической по политикѣ, введенной Петром, но она не принимала активного участія в созиданіи ея и не признавала ея. Русскій не борется против капитала, он не понимает его. Умѣющие читать Достоевскаго, почуютъ, что здѣсь передъ ними молодой человѣчскій род, для котораго деньги не имѣютъ реального бытія, для котораго существуютъ лишь конкретныя вещи, жизненныя блага, причемъ центр тяжести отношеній не лежитъ на хозяйственно-экономической сторонѣ жизни. Нажива денегъ посредствомъ денегъ же для крестьянскаго, безгороднаго мышленія — зло, а изъ глубины рождающейся русской религіи она представляется грѣхомъ. Подобно тому какъ нынѣ города царскаго періода разваливаются и человѣкъ в нихъ вновь живетъ, какъ в деревнѣ, подъ корою большевизма, мыслящаго по-городскому и быстро исчезающаго, такъ освободится народъ и отъ западно-европейской экономической жизни. Апокалипсическая ненависть, которой была захвачена мысль народа и во времена Христа по отношенію къ Риму, была в Россіи направлена не только на Петербургъ, какъ на городъ, какъ на центръ политической власти западнаго образца, но и какъ на центръ западнаго «денежнаго» мышленія, отравившаго всю жизнь народа и направившаго ея в ложное русло.

Хозяйственный міръ машинной промышленности все покоряетъ себѣ: самъ творецъ этого міра, человѣкъ западно-европейской, «фаустической» культуры, сталъ ея рабомъ. Но единственно в одной этой культурѣ, фаустической, судьба человѣка перешла всецѣло в зависимость отъ машины. Пока страшная власть ея продолжается, всякій не-европеецъ стремится постигнуть секретъ этого ужаснаго оружія, но внутренне онъ отвергаетъ его, японецъ и индусъ, равно какъ русскій и арабъ. Со страхомъ и ненавистью смотритъ русскій на эту тиранію колесъ, проволокъ и рельсъ, и если онъ сегодня и завтра еще покоряется необходимости, онъ когда-нибудь вычеркнетъ все это изъ своего бытія и изъ своей памяти, и соорудитъ себѣ міръ, в которомъ не будетъ и слѣдовъ этой сатанинской техники. . .

Уже на протяженіи многихъ вѣковъ в Россіи происходитъ религиозное созиданіе. Постановленіе Стоглаваго Собора (1551 г.) — свидѣтельство патріархальнѣйшей вѣры. Брадобрейство и неправильное знаменіе креста являются здѣсь смертнымъ грѣхомъ. Этимъ наносится оскорбленіе бѣсамъ. «Синодъ Антихриста» 1667 года привелъ къ величайшему сектантскому движенію — расколу, потому что было поставлено, что креститься впередъ слѣдуетъ тремя, а не двумя пальцами, и что писать надо «Иисусъ», а не «Исусъ», чѣмъ в глазахъ вѣрующаго уничтожалась сила этихъ колдованій надъ бѣсами. Но не все вѣдь тутъ в страхѣ и не в немъ главное. Почему аналогичный періодъ на Западѣ, время Мервинговъ, не являетъ почти никакихъ слѣдовъ той горячей внутренней сосредоточенности и тоски о погруженіи в метафизическое, потустороннее,

заполняющее «магическое» время до Апокалиптики, и столь родственный ему періодъ в Россіи — періодъ Святѣйшаго Синода (1721—1917)? Какая сила приводитъ мученичскіе секты раскольниковъ со времени Петра къ безбрачію, нищенству и паломничеству, къ калѣченію собственнаго тѣла, къ свирѣпѣйшимъ формамъ аскетизма, а в 17 вѣкѣ — тысячи людей къ добровольному самосожженію в религиозномъ экстазѣ? Ученіе хлыстовъ о русскихъ Христахъ, духоборы с ихъ «Книгой Живота», содержащей будто бы псалмы Христа, сохранившіеся в устномъ преданіи, скопцы с ихъ ужасающими заповѣдями калѣченія (явленія, беззнакомства с которыми Толстой, нигилизмъ и политическія революціи в Россіи остаются совершенно непонятными): почему в сравненіи со всѣмъ этимъ время франковъ кажется прямо таки плоскимъ и мелкимъ? Правда ли, что лишь арамейцы и *русскіе обладаютъ религиознымъ гениемъ*? И чего, в такомъ случаѣ, можно ожидать отъ грядущей Россіи теперь, когда — какъ разъ в рѣшающей вѣкѣ — заграда, охранявшая устои ортодоксальной догмы пала?

В глубинѣ Россіи нынѣ создается *новое Христіанство*, еще безъ священнослужителей; оно, по видимому, будетъ основано на Евангеліи отъ Іоанна¹⁾. Оно много ближе восточнымъ христіанскимъ вѣрованіямъ, «магической» религиозности, чѣмъ западно-европейской, «фаустической», и покоится на новой символикѣ крещенія. Одинаково далекое отъ

¹⁾ Любопытно отмѣтить, что многіе основныя взгляды нѣмецкаго мыслителя на Достоевскаго и на Россію находятъ подтвержденіе со стороны столь выдающагося русскаго философа, какъ Н. А. Бердяевъ, в замѣчательномъ изслѣдованіи его: «Міросозернаніе Достоевскаго» (У. М. С. А., Прага, 1923). «Достоевскій», говоритъ Бердяевъ, «былъ глашатаемъ совершающейся революціи духа, онъ весь в огненной динамикѣ духа, весь обращенъ къ грядущему... Толстой — великій художникъ ставшаго. Достоевскій же обращенъ къ наступающему. Онъ не связанъ уже ни с какой статикой быта, онъ весь и динамикъ, в безнокоствѣ, весь пронизанъ токами, идущими отъ грядущаго. Онъ — человѣкъ Апокалипсиса... Безконечныя человѣчскія стремленія возможны только в христіанскомъ мірѣ. Фаустъ есть явленіе христіанскаго періода исторіи, онъ невозможенъ в мірѣ античномъ... Герои Достоевскаго знаменуютъ новый моментъ в человѣческой судьбѣ внутри христіанскаго міра, болѣе поздній моментъ, чѣмъ Фаустъ. Постлѣ Фауста возможенъ былъ еще XIX вѣкъ, который с увлеченіемъ занялся осушеніемъ болотъ, къ нему в концѣ и пришелъ Фаустъ. Постлѣ героевъ Достоевскаго открывается невѣдомый XX вѣкъ, великая неувѣренность, которая открываетъ себя, какъ кризисъ культуры, какъ конецъ цѣлаго періода всемірной исторіи. Исканіе человѣческой свободы вступаетъ в новый фазисъ. Свобода у Достоевскаго есть не только христіанское явленіе, но и явленіе новаго духа. Она принадлежитъ новому періоду в самомъ христіанствѣ... Все переходитъ в послѣднюю глубину человѣческаго духа. Тамъ долженъ раскрыться новый міръ... В поученіяхъ старца Зосимы, в религиозныхъ размышленіяхъ в разныхъ мѣстахъ твореній Достоевскаго, чувствуется духъ Іоаннова христіанства... Зосима есть лишь выраженіе пророческихъ предчувствій Достоевскаго: онъ пройдетъ свой трагическій путь... Рожденіе новой

Рима и Виттенберга, оно направляет взор свой на Иерусалим в чаяніи грядущих крестовых походов через Византию и Царьград.

Занятый лишь этим одним в глубинах своей мистической душевной жизни, русский народ вновь покорится хозяйственной жизни Запада, как первоначальные христіане покорялись римской экономической жизни, готическіе христіане — еврейской, но внутренне народ ей не подчинится: внутренне он ею даже не затрагивается.

Движеніе это не может быть подавлено или измѣнено вліяніем другой культуры или цивилизаціи: псевдоморфоза может задержать, загнать в подполье самобытное культурное развитіе молодого народа, но она не способна измѣнить сущность его. В Россіи строились и будут строиться желѣзные дороги, радіо-станціи и аэродромы, но русский мужик не перестанет от этого быть тѣм, что он есть, думать и дѣлать то, что ему нужно, — так, как будто нѣтъ и не было никогда этих желѣзных дорог и аэродромов: душу нельзя измѣнить, она такая и не иная, и останется такой, развиваясь, как произрастающее растеніе, черпающее силы из глубины земли, оттуда, куда нѣтъ доступа внѣшним факторам. Народность — не политическое, не зоологическое единство и не единство по языку, а единство *душевное*. «Русскій народ» — вообще не «народ» в смыслѣ нѣмецкаго

или англійскаго народа. В сложном комплексѣ русской народности заложена возможность образования в будущем многих народов, как это произошло по отношенію к германцам времен Каролингов. Возникшая в кругу западно-европейских народов «Фаустическая» культура, основным признаком которой является устремленіе в даль и высь, приведшее к завладѣнію ею почти всего земного шара, сумѣла осуществить это завладѣніе, сопровождающееся подчиненіем всѣх — ея жизненным формам, — лишь потому и лишь постольку, поскольку она в наступательном, нивеллирующем шествіи своем наталкивалась на націи, завершившія уже круг своего культурнаго развитія, впавшія в цивилизацію или в состояніе «феллахов», вторичнаго крестьянства, в концѣ историческаго пути, когда народ уже не является суб'ектом исторіи и носителем культуры, а об'ектом завоевательных устремленій исторически еще дѣйствительнаго народа. Впервые на пути своем, в момент окончательнаго перехода в стадію цивилизаціи, западная, фаустическая культура пришла в соприкосновеніе в лицѣ Россіи с молодым народом, являющим всѣ признаки духовно-творческой одаренности, стоящим в началѣ своего историческаго, т. е. культурнаго пути. И этому народу принадлежит будущность, — может быть, тоже — в іеровом масштабѣ.

Берлин-Штеглиц, Ноябрь 1923 г.

Wolfgang Groeger.

души описано в главѣ «Кана Галиллейскія»; от главы этой вѣет духом новаго Ювннова христіанства... Церковь не есть еще царство, царство Божіе. Но в церкви должно раскрыться царство. Это будет новое откровеніе в церкви, к которому Достоевскій был обращен, как к осу-

ществленію пророческой стороны христіанства. В русском народѣ, как в народѣ апокалипсическом, должна раскрыться эта религіозная новь, но в нем же и поблится окончательно неправда атенстической революціи и атенстическаго социализма...

М. В. ДОБУЖИНСКІЙ.

(К 25 лѣтію художественной дѣятельности).

Среди художников «Мира Искусства» Мстислав Валеріанович Добужинскій является одним из лучших графиков; тонкій стилист, художник большой и многосторонней культуры, он сумѣл в своих произведеніях воплотить дух современности с большою выразительностью. Его творческій путь не был громким триумфальным шествіем, но маленькія сокровища, созданныя художником на этом пути, навсегда останутся в исторіи русскаго искусства.

Еще в бытность учеником гимназіи, Добужинскій исполнил множество набросков пером, каррикатур, виньеток, в которых уже тогда отчетливо обозначилась графическая тенденція. Интересно отмѣтить, что в гимназическіе годы он занимался, напримѣр, шрифтами, — предметом, мало интересным для школьника. Это указывает на то, как рано пробудилось в нем влеченіе к книжной графикѣ, к скромной красотѣ букв.

В дѣтствѣ ему пришлось испытать множество ярких и разнообразных впечатлѣній, благодаря постоянной перемѣнѣ мѣста жительства, перѣздам из города в город, с сѣвера на юг и обратно. Путешествія оказали большое вліяніе на самый характер дарованія Добужинскаго: они приучили его к наблюдательности, указали ему множество разнородных тем. Но особенно важную роль сыграл в его жизни отец, поощрявшій в сынѣ художественныя наклонности и воспитывавшій его вкус. Отцу хотѣлось, чтобы сын сдѣлался со временем художником и он старался подготовить его к этому поприщу. В обширной библіотекѣ Добужинскаго-отца преобладали историческія сочиненія, которыми одинаково увлекались отец и сын. Мальчику нравились также «героическія» дѣтскія книги, Фенимор Купер, Майн-Рид, Густав Эмар, но исключительную любовью его пользовались фантастическіе романы Жюль Верна. Нѣкоторыя историческія книги и особенно сказки вызвали в сознаніи мальчика незабываемыя яркіе образы, служившіе ему нерѣдко темой для рисунков. Глубоко запали в его душу мудрыя сказки Андерсена, повѣсти Диккенса и «Книга чудес» Готорна (разсказы из мифологіи) с иллюстраціями Берталя. Из

иллюстраторов Добужинскій больше всего любил тогда Гюстава Дорэ и Вильгельма Буша¹⁾.

Мальчика постоянно одаривали игрушками, всякими диковинами, звѣрятами, у него был акваріум, и как почти у всѣх альбом марок. Собираніе марок и насѣкомых было первым его шагом к коллекціонированію, которому он впоследствии принес большую дань.

Любовь к историческим матеріалам, которую развивал в нем отец, породила в нем воспримчивость к зрительным образам и мечтательный ретроспективизм. Впоследствии это помогло ему в театральных и иллюстраціонных работах. От Андерсена передалась ему живая симпатія к вещам и рано научился он узнавать черты одушевленности в так называемых «неодушевленных» вещах.

Классическая гимназія дала ему не мало полезных навыков и хотя он, подобно большинству школьников, недолго любил латынь, гимназическіе годы не оставили в нем дурных воспоминаній.

Иллюстрированные журналы питали его воображеніе и он любил копировать рисунки, казавшіеся ему наиболѣе интересными. Много любопытнаго было в журналѣ «Ueber Land und Meer», и в русскіх журналах также попадались в ту пору отличныя тоновые гравюры на деревѣ. Часто копировал Добужинскій пером и акварелью ксилографіи В. В. Матэ, появившіяся в «Нивѣ». Превосходно удалось ему нарисовать голову запорожца с извѣстной картины Рѣпина, «Лѣс» Шильдера и др. Кромѣ точнаго подражанія гравюрам, он дѣлал и свободныя копии с разных картин, и это развивало в нем остроту глаза, чувство формы и композиціи.

Отмѣтим еще раз, что пристрастіе к графичности укоренилось в Добужинском рано и прочно. У него не было влеченія к красочности, к живописи, к колориту. Его преимущественно занимали линіи, контуры, расположеніе пятен. Под вліяніем отца он усвоил привычку иллюстрировать прочи-

¹⁾ Біографическія свѣдѣнія о Добужинском появляются в печати впервые. Личныя бесѣды с художником дали нам обширный матеріал, использованный здѣсь только частично. Э. Г.

танное, по крайней мѣрѣ — наиболѣе запомнившіеся моменты. Однако, он дѣлал рисунки и с натуры, равномѣрно развивая всѣ стороны своего таланта. Эти рисунки с натуры чаще всего изображают лѣтніе пейзажи. Они отличаются тщательной выписанностью линий, это именно *рисунки*, а не подготовительные этюды. Занимали его также портреты и каррикатуры.

Первым руководителем Добужинскаго в области искусства был художник Дмитріев Кавказскій. Он не оказал, однако, существеннаго вліянія на образование художественной индивидуальности своего ученика. Дмитріев был офортисом, но офорт в то время мало интересовал Добужинскаго. Значительно больше в смыслѣ художественнаго развитія дал ему уже послѣ окончанія Университета Мюнхен, в період двухлѣтняго пребыванія за границей. 1899-ый год является годом окончательнаго «поворота» Добужинскаго к профессіи художника.

В Мюнхенѣ он учился в 1899—1901 г. сначала в школѣ Ашбэ, гдѣ по его словам, «окунулся в мюнхенскую кухню», затѣм перешел в мастерскую Голоши. В Мюнхенѣ работали тогда Д. Кардовскій, Явленскій, И. Грабарь. Добужинскому часто приходилось пользоваться указаниями и совѣтами Грабаря, тоже бывшаго ученика Ашбэ, которому он чувствует себя обязанным в этом отношеніи. Имѣл на него вліяніе и художник Явленскій (впослѣдствіи экспрессионист). Отец Добужинскаго хотѣл видѣть сына «историческим живописцем» и одно время молодой художник занялся живописью довольно усердно, временно оставил графику и мечтал о портретном искусствѣ. Но это отклоненіе от главнаго пути было непродолжительно. Школѣ Ашбэ Добужинскій признателен за то, что ее руководитель сумѣл отвлечь его от чрезмѣрной детализаціи, которою прежде грѣшили его работы. У Голоши он научился болѣе интимному, натуралистическому воспріятію вещей. Школа Голоши воспитала многих крупных художников, в ней учился О. Бра, впослѣдствіи Г. И. Нарбут, а еще позже гравер А. Кравченко. Между школами Ашбэ и Голоши существовал антагонизм, но как нерѣдко случается, он служил ученикам скорѣе на пользу, чем во вред, вырабатывая в них критическое отношеніе к себѣ и другим.

Много цѣннаго дали Добужинскому Музеи Мюнхена и Дрездена. Коснулось его и всеобщее в то время увлеченіе прерафаэлитам.

Он посѣтил Париж, гдѣ плѣнили его Монэ, Дега и Манз и — недолго другіе импрессионисты. Однако, Германія сильнѣе овладѣла душою художника. Из Мюнхена он привез альбом зарисовок. «*Simplicissimus*» был богатѣйшим средоточіем графики; нѣмецкіе пейзажисты надолго полонили его душу.

По возвращеніи в Россію в 1901 г. Добужинскій, по совѣту Грабаря, сосредоточился на графиче-

ской работѣ. Он поступил к Матэ, занимаясь у него офортом, хотя не очень усердно. Поступить в классы Академіи ему не удалось, на экзаменѣ он провалился, несмотря на то, что И. Е. Рѣпин (один из судей) отнесся к его рисункам в общем одобительно.

Вскорѣ он вошел в круг художников «Міра Искусства», гдѣ его замѣчательно графическое дарованіе было сразу оцѣнено по достоинству. Среди «Мір-Искусственников» Добужинскій был тогда самым юным. Из старших товарищей ему особенно импонировали К. А. Сомов, Е. Е. Лансере и Александр Н. Бенуа. Многие графики увлекались в 1900-ых годах Бредселем, но на Добужинскаго этот художник не оказал замѣтнаго вліянія. Особенно увлекали его тогда японцы и Валлотон. Десятисотые годы принесли перемѣну в технику рисунков Добужинскаго: в них впервые властно проявился инстинкт линии и силуэта. Прежде художника привлекали живописные эффекты, ему нравились приемы Рембрандта, Каррьера и других мастеров свѣтотѣни. Теперь его плѣнила линейная четкость, увлекли поиски силуэта. В этом отношеніи ему многое открыли свободные карандашные рисунки Ал-дра Ник. Бенуа залитые акварелью. В них Добужинскій впервые почувствовал самодовлѣющую прелесть линии и смысл графическаго *почерка*.

Он пошел по пути старших «мір-искусственников», но в опытах его была еще робость, и смѣлое мастерство, так нравившееся ему в рисунках Бенуа, долгое время не давалось молодому художнику; не давалась ему бѣглость линии, ее непринужденность. Шаг за шагом, работая упорно и сосредоточенно, Добужинскій сумѣл постепенно завоевать эту легкость рисунка, с тѣм чтобы по собственному желанію, то пользоваться ею неограниченно, то нарочно отступать от нея, замыкаясь в рамки формальных заданий. С тѣх пор в творчествѣ художника обозначилась замѣтная двойственность, в пчельникѣ образовались два направленія: в одних случаях — бѣлый, свободный штрих, непосредственное воспріятіе натуры; в других — нарочитая скванность, формальный подход, близкій к приѣмам кубизма. Привыкнув к одному из этих направленій, трудно узнать Добужинскаго в другом, когда он становится не похожим на себя. Вот почему нельзя согласиться с Н. Н. Евреиновым, который (в книгѣ «Оригинал о портретах») говорит о постоянствѣ Добужинскаго, поставившаго «словно штемпель» на своих рисунках. «Миѣ не нужно разбирать эти небрежные «Д» . . «О» и «б» внизу картины, чтобы увидѣть, что это Добужинскій». Несомнѣнно, у Добужинскаго есть произведенія для него типичныя, но в общем эклектичeskій талант художника чуждается однообразія, и среди его рисунков можно найти цѣлый ряд таких, в которых он рѣшительно не похож на себя». На всем творчествѣ Добужин-

скаго лежит печать антинолизма, и в этом нѣтъ никакой трагедіи, поскольку двойственность составляет его органическое свойство.

В рисунках Добужинскаго нас плѣняет, прежде всего, их стилистическое своеобразие. Сюжеты его карандашных рисунков нѣрѣдко шаблонны и ординарны: но в каждом штрихѣ, в мягкой, плавной тушеvkѣ художник умѣет выявить свою индивидуальность. Чувство современности свойственно ему в такой же мѣрѣ, как Анненкову, но трюкерство и анекдотизм его не привлекают: внутренняя дисциплина оберегает художника от провала в «эпатированія».

За послѣдніе годы Добужинскій ввел в свои работы нѣкоторые новаторскіе приемы, прикоснулся к манерѣ кубистов, причем использовал ее с таким тактом, что о подражаніи говорить не приходится.

Добужинскій больше, чѣм кто либо, отразил в своих произведениях душу нашей эпохи. Будущій историк искусства, оглядывая ретроспективным взором графическое мастерство первой четверти XX вѣка, остановится на работах Добужинскаго с особым вниманіем: подыскивая опредѣлительные термины, он прежде всего назовет Добужинскаго поэтом города. Стилль Петербурга прочувствован им с рѣдкой проникновенностью «сѣрые улицы, слѣпыя дома», «оград узор чугунных», «береговой гранит Невы», храмоподобныя зданія и жалкія лачуги, дворы, похожіе на колодцы, мрачныя силуэты фабрик, зловѣщіе скелеты машин, — вся панорама Петербурга проходит перед нами в произведениях Добужинскаго. В отличіе от Остроумовой Лебедевой, запечатлѣвшей в своих гравюрах и литографіях преимущественно архитектурную красоту Петербурга, художник заглянул и в низины городской жизни, обнял своей любовью не только монументальное великолѣпіе петербургскаго зодчества, но и жалкое убожество грязных окраин.

Петербургскіе пейзажи преобладают в графикѣ Добужинскаго, но не один Петербург привязал его к себѣ, художника привлекает стихія города в самом широком охватѣ, город вообще, Город «с большой буквы». Среди его рисунков мы встрѣчаем цѣлый ряд городских пейзажей западной Европы: в лирических тонах Роденбаха повѣствует он о безмятежной тишинѣ Брюгге; плѣнительныя мелодіи Италіи звучат в его зарисовках Перуджии и Монтаньолы; с такой же нѣжностью передает художник унылое однообразіе сумрачных улиц Лондона, утопающих в туманѣ, провинціальныя уют и милое неряшество Витебска и Воронежа, или гнетущую мрачность какой нибудь желѣзнодорожной станціи.

Там, гдѣ Добужинскій живописует старинный помѣщичій быт, его творчество звучит в унисон с излюбленными мотивами ранняго Андрея Бѣлаго и М. Кузмина. Бывает, повидимому, идейное по-

вѣтріе, властительная тяга к извѣстным мотивам и настроеніям. В девяностых годах старо-дворянскій уклад жизни привлекал многих писателей с особенной силой и одновременно отразился в творчествѣ цѣлой плеяды художников. Взирая на бѣлоколонныя усадьбы, на провинціальныя улицы Николаевской эпохи, кто не вспоминает эглегических строк Андрея Бѣлаго:

«Заброшенный дом
Кустарник колючій и рѣдкій
Грущу о былом
Ах гдѣ вы, любезныя предки?» . . . .

Среди безчисленных попыток «реставрировать старину», рисунки Добужинскаго к Тургеневскому «Мѣсяц в деревнѣ» как то особенно волнуют своим неподдѣльным лиризмом. Развалистая, удобная мебель, неизбѣжныя вышивки и силуэты и родная русская природа за окнами. Уныніе, отзвучавшія напѣвы, облетѣвшіе цвѣты . . . . Разоренныя, покинутыя «дворянскія гнѣзда» . . . .

«Бойтесь старых домов, бойтесь тайных их чар,
Дом тѣм болѣе знает, чѣм он болѣе стар
И чѣм старше душа, тѣм в ней больше заданных слов» . . . .
(Бальмонт).

У всякаго дома — своя душа, и своя душа у всякаго города. В равной мѣрѣ прочувствовал Добужинскій великолѣпіе огромнаго Петербурга и тихій уют провинціальныя городов. Город Мѣднаго Всадника, ему также близок и понятен, как и захолустныя уѣздныя «центры». В его Петербургских пейзажах мы встрѣчаем и созданія великих зодчих и убогіе дворы, каменные колодцы «доходных домов», грязныя низины города, налетающія нам тягостныя образы Достоевскаго. Провинціальныя зарисовки Добужинскаго воскрешают болѣе раннюю эпоху, — курьезный Гоголевскій быт, не менѣе кошмарный, в сущности, чѣм трагическіе мотивы Достоевскаго, но смягченный забавной и милой «старинкой». Гостинный двор, гдѣ купцы усердно зазывают покупателя, а на улицѣ свинья не менѣе усердно чешется о фонарный столб; казармы армейскаго полка, неуклюже построенныя в стилль античной архитектуры, с непремѣнным орлом над дорическими колоннами величаваго портика.

Не довольствуясь реалистическими набросками, сдѣланными с натуры, Добужинскій создал серію изображеній фантастическаго города (цикл «Сны» и др.), многоглазыя стѣны, пустыя и огромныя, цѣпныя мосты, подѣмныя краны, фабричныя трубы, похожія на конечности небывалаго чудовищнаго спрута, оцупывающаго сбросвинцовое, низко нависшее над ним небо, — все это производит

впечатлѣніе мучительнаго кошмара, порожденнаго ненасытною волей к труду и производительности. Тщетно будем мы искать в этих пейзажах людей: они словно вымерли, доведя свои усилія до предѣльнаго напряженія. А может быть они и копошатся гдѣ нибудь здѣсь, за стѣнами каменных коробок, за желѣзными переплетами мостов и рѣшеток, — невидимые, незамѣтные, ничтожныя. Не люди, а сѣрые «герои труда», или вѣрнѣе жертвы труда, послушная армія рабов, покорно обслуживающая многосложную громаду домов и фабрик. Единый повелитель властвует над ними и диктует свои неумолимые законы — самодержавный Город. Этот цикл работ Добужинскаго мы готовы поставить вровень с «Carceri» Пирани.

Тяготѣніе Добужинскаго к городскому пейзажу нельзя, однако, назвать «урбанизмом»: оно приводит не к апологіи города, а скорѣе к разоблаченію его. В простодушных городках провинціи художник любит жизнь неторопливою и безтревожною, в огромных столицах он усматривает черты демонизма, улавливает злыя чары. В этом творчество Добужинскаго отлично от западно-европейскаго футуризма (не говоря уже о формальном различіи), прославляющаго машины и механизацию жизни, поющаго восторженныя гимны современному городу.

Особо слѣдует остановиться на портретных рисунках Добужинскаго. Большею частью это скорѣе наброски, чѣм вполне законченныя портреты. В них, как почти во всѣх карандашных рисунках Добужинскаго, мало волевого начала (в отличіе от его чрезвычайно «волевой графики»); они нѣсколько вялы и не всегда безусловно нарисованы. И тѣм не менѣе, они запоминаются, в них порою много психологической зоркости. Портрет всегда есть какое то «среднее арифметическое» между индивидуальностью художника и индивидуальностью модели. Необходимо, чтобы это среднее арифметическое было возможно менѣе «арифметично», т. е. чтобы в нем осуществлялся не логическій итог, а интуитивная гармонія. С этой стороны многіе портреты Добужинскаго не уступают произведеніям самых виртуозных портретистов. В отличіе, напримѣр, от И. Бродскаго, словно штампующаго свои виртуозныя портреты. Добужинскій иногда не вполне хорошо «строит» лицо и придирчивому наблюдателю нетрудно уличить его в «плохо поставленном» глазѣ или носѣ. Но он умѣет передать лично-характерное, уловить

особый шарм даннаго лица (см. портреты Л. Кореневой, Е. Добужинской, А. Сахарова, А. Петрова, Н. Врангеля, Е. Нарбута и др.). Кромѣ того, его портреты обычно исполнены с большою легкостью, они не «вымучены», в них нѣтъ того, что художники называют «пахнет потом».

В годы русско-германской войны Добужинскій побывал на фронтѣ, посѣтил Польшу и Галицію, откуда привез в Петербург ряд рисунков и этюдов, фигурировавших на устроеной им (совмѣстно с Е. Е. Лансере) выставкѣ на Марсовом полѣ, в бюро Добычиной (весной 1915 г.). Его путевыя наброски изображают типы и мѣстности Польши и Галиціи, плѣнных и раненых, офицеров и сестер милосердія, сцены в пути и внутри санитарных полѣздов. Болота, кочки, хилые деревца, безнадежное небо, низко над ними нависшее, жалкіе силуэты плѣнных, проволочныя загражденія, развалины водоканчки — таковы сюжеты этих рисунков.

Они свидѣтельствуют о том, что автор их, не будучи профессиональным баталистом, сумѣл, однако, глубоко прочувствовать подлинную характерность войны, атмосферу безсмысленной бойни, и обошел трафаретную фальшь героических картинных поз, академически-принаряженных баталій.

Театральной публикѣ хорошо извѣстны постановки Добужинскаго, в которых он проявил себя отличным знатоком быта и, опять таки, тонким стилистом. К 1907 году относятся его эскизы декораций для «Стариннаго Театра» и для «Бѣсовскаго дѣйства» Ремизова (театр Коммиссаржевской). В 1909 году им написаны декорации к «Мѣсяцу в деревнѣ» (Московскій Художественный театр), имѣвшія исключительный успѣх. В 1910 году художник участвовал в постановкѣ «Провинціалки» и «Нахлѣбника» (там-же). Отмѣтим далѣе эскизы постановки «Урока матушкам» (1911), «Хижины, спасенной казаком» (1912), декорации и костюмы к «Николаю Ставрогину» (1913), эскизы к «Горе от ума» (1917), к «Кромвелю» (1921). Постановки эти были в свое время единодушно отмѣчены критикой, как достижения незаурядныя.

Ни в области графики, ни в области театра Добужинскій не произвел «революціи», но его вдумчивое, культурное мастерство принесло русской книгѣ и русскому театру драгоцѣнныя дары. Его удѣл — спокойное и сосредоточенное служеніе искусству, одинаково чуждое как воинствующему фанатизму, так и «академическому» рутинерству.

Петроград, Октябрь 1923 г.

Э. Голлербах.

НЮМА ПАТЛАЖАН.

Осенью 1908 года в Парижѣ, в длинном коридорѣ «Pas Perdue» Юридическаго Факультета я впервые познакомился с ним. Он сразу произвел на меня большое впечатлѣніе своими вдумчивыми, глубокими глазами. Мы вышли вмѣстѣ из Университета и в результатѣ нашей бесѣды он пригласил меня к себѣ, в мансарду, для осмотра его скульптурных произведеній и оригинальных рисунков, писанных черным углем. С тѣх пор наша дружба не прекращалась. — Война, потом революція прекратили нашу переписку и до моего приѣзда в Литву я ничего не слыхал о моем другѣ. Недавно я получил от него цѣлую серію снимков его послѣдних работ (произведеній) и мнѣ думается, что многим интересно будет узнать о талантливом еврейском скульпторѣ, извѣстном за послѣдніе годы не только в Европѣ, но и в Америкѣ. — Нюма Патлажан родился в 1888 году в Кишиневѣ. Отец его мелкій купец, опредѣлил его сначала в хедер, гдѣ он обучался еврейской грамотѣ и библіи. Затѣм он поступил в городское училище, гдѣ впервые познакомился с рисованіем и гдѣ не мало доставалось ему от учителей за его усердіе к этому предмету. Из гор. училища он переходит в мѣстную рисовальную школу, но недолго там остается. За неимѣніем средств родители Нюмы опредѣляют его к обойщику-декоратору. Обойщик очень доволен своим учеником, который в недолгій срок, превосходит самого учителя. Одновременно, в свободное от работ время, он лѣпит статуэтки из глины. В 1904 году его отец был ослѣплен громилами кроваваго Кишиневского погрома и для 16 лѣтнаго юноши эти событія не прошли безслѣдно: они потрясли и переродили его молодую душу. Новая мысль и стремленія отнынѣ волнуют его. Нюма рѣшает запечатлѣть эту страшную дѣйствительность, и сюжетом его первой скульптуры, является преступленіе, жертвой котораго сдѣлался отец молодого скульптора: «Громила, типичный представитель черной сотни, с глазами разъяреннаго звѣря, держит в одной рукѣ лом, другой-же булыжником прицѣливается к головѣ старика еврея». Критика отнеслась благосклонно к первым шагам будущей знаменитости.

Снимки с первой скульптурной композиціи разошлись в сотнях-тысяч экземпляров по Европѣ и Америкѣ. Во Франціи была даже сдѣлана попытка тайными агентами Русскаго Правительства запретить продажу этих снимков, но попытка не имѣла успѣха и послужила только на пользу растущей популярности автора. Им заинтересовывается барон Гинцбург и благодаря его стипендіи, Нюма Патлажан получает возможность отправиться за границу. Он ѣдет в Женеву, поступает в Школу Искусств и кончает ее первым по классу скульптуры. В 1906 году он переѣзжает в Париж и поступает в Національную Академію Изящных Искусств. Там в теченіе нѣскольких лѣтъ работает под руководством извѣстных профессоров и обращает на себя всеобщее вниманіе. В 1908 году Нюма Патлажан выставляет свои произведения в Парижском осеннем Салонѣ, в 1910 г. он выдѣляется своими талантливыми работами в Лондонском Салонѣ. О нем заговорила не только европейская, но и американская печать. В том же году по приглашенію Шолома-Алейхема, он ѣдет в Montreux, гдѣ лѣпит бюст послѣдняго. Шолом-Алейхем до того восторгается его талантом, что пишет о нем статью: «Новый Антокольскій». Нюма Патлажан является творцом бюстов Бузони, Керенскаго, Милюкова, Густава Малера, Оскара Уайльда и многих других. Во всѣх этих бюстах удивительно тонко схвачены характерныя черты каждаго из них, не говоря уже о поразительном сходствѣ с оригиналом. В бюстѣ Бузони сразу угадываешь недожиннаго композитора. В Керенском проявляется мечтательность, слабоболіе и идеализм его натуры. Милюков выражает твердость характера и самоувѣренность. Лицо Шолом-Алейхема говорить о смѣхѣ сквозь слезы. А Оскар Уайльд — типичнѣйшій денди, эстет, аристократ. — Прошлой осенью Нюма Патлажан создал бюст Антуана, реформатора французскаго театра. Это твореніе Н. П. обратило на себя всеобщее вниманіе художественных кругов Парижа. Вообще черты Антуана, главы французской критики, трудно-уловимы, ибо вся его индивидуальность необычайно сложна. Попытка Н. Патла-

жана воплотить Антуана в скульптурѣ оказалась очень удачной. Здѣсь не только тончайшая психика, но и глубочайшее интуитивное творчество. — В Лондонѣ, в Галлерей Искусств среди других выставленных Патлажаном в 1921 г. произведений замѣчательны его «Клоуны». Клоуны, смѣющіеся, отпускающіе шутки для забавы зрителей. В каждом Клоунѣ свое движеніе, свой изгиб души . . . Вглядываясь в лицо «сестры» клоуна замѣчаешь внѣшнюю красоту, смѣшанную с чистой души, с трагической печалью. — Откуда взялась идея этого произведенія? Что

толкнуло его на эту мысль? В этих клоунах Нюма Патлажан видит своих братьев и сестер, живущих в «Голусѣ» больше двух тысяч лѣт. Нюма Патлажан должен был так творить потому что его душа тѣсно связана с поколѣніем скитальческих «клоунов». Вѣдь и он сам скиталец, эмигрант . . . оторванный от своей родины — тоскует и страдает из за лжи и обмана, окружающей его среды. — Но достоинство человека заставляет его улыбаться, скрывать горькія слезы, подобно его клоунам.

Каunas, Октябрь 1923.

Семен И. Р.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПУТИ.

(Критическій очерк.)

Нѣкогда Писарев, переживая дни умственного кризиса, писал: «человѣкъ боится подойти к тѣм гипотезам, которыя величественнѣе Казбека и Монблана, а мысль не боится и подходит, и ощущает эти гипотезы, и вдруг докладывает, что это пустяки. Человѣкъ приходит в ужас, но ужас оказывается безсильным в борьбѣ с мыслью; мысль осмѣивает и прогоняет ужас и человѣку остается качать головой, стоя на развалинах своего міросозерцанія»...

Люди, у которых были под ногами устоявшіяся твердыни, могли обоготворять и ниспровергать, ломать собственное, привычное міровозрѣніе и уходить в глубины новых исканій — пусть трагических и болѣзненных, но всегда насыщенных напряженіем и волей: духовные корни их были сильны и кровобьющи.

Наше время — иное.

Мы — дѣти болѣзнетворных принципов; мы не качаем головой, глядя на развалины не только міросозерцанія, но и простых форм бытія, под знаком которых неизбѣжно протекает каждая минута нашего существованія.

Грохот исторических событій родил в нас нѣкую дерзость, мы подошли к Казбеку, окинули холодным насмѣшливым взглядом его серебряную вершину и прошли мимо, не испытав никаких потерсеній.

Пути наши — пути разметанные, обвѣянные шумным вѣтром революціи и многодумнаго скитальчества.

Однако, любой странник, покидая недавній пріют и уходя в незнакомые просторы, забирает с собой в спутницы палку и хот крошечный дорожный багаж: с ними увѣреннѣй в непогоду.

Так ли это с писателями в эмиграціи?

★

Нельзя проводить глубокую духовную черту между творчеством в Россіи и за рубежом; это

дѣлают тѣ, для кого весь смысл исторических перерожденій, все содержаніе мучительных душевных ломок — есть не больше как привилегія лиц, живущих по ту сторону географической линіи, раздѣляющей Россію и заграницу. Пафос или унылый спад, горѣніе душевное или холодное списываніе с жизни — все это свойственно и тѣм и другим писателям, часто в различной мѣрѣ, но никогда не преимущественно.

★

И — значит: все равно гдѣ писатель (или поэт) творит — в Россіи ли или здѣсь за границей: его глубины, его мір достиженій, любви, безпокойных воспламененій, все его богатство внутреннее, весь размах его внѣшній — это тот клад, тот багаж, который он, уходя в широкіе литературные просторы, унес бы с собой обязательно — здѣсь ли или там — в Россіи.

★

Принято говорить об эмиграціи и Россіи двояко: осуждать первую со всѣм ея культурным содержаніем и хвалить вторую или наоборот; очерк, внѣ этого сопоставленія, вызовет критическій выпад — двухсторонній.

А между тѣм, можно ли, говоря о русской литературѣ, вообще дѣлать раздѣляющее сопоставленіе? Не есть ли она — двуединный образ?

Мы — два грозой зажженные ствола,
Два пламени полуночнаго бора...

Скорбно, но правдиво звучат слова поэта в припадкѣ к нашей теперешней литературѣ — и тамошней и здѣшней.

«Два пламени полуночного бора» отдѣлены друг от друга географической чертой, но вѣтер раздувающий их или гасящій — один: с востока. Я буду говорить о писателях здѣшних, эмигрантских, миновающих крупнаго имени, для которых литература это — они и они — литература.

★

Ф. Иванов (покойный), В. Пиотровскій, Ю. Росимов, В. Кадашев, А. Дроздов — вот тѣ из малых от литературы эмигрантской, которые первыми начали здѣсь в Берлинѣ разрыхлять зарубежныя литературныя борозды, чтоб посвятить на них сѣмена.

Посѣвъ вышел цвѣтнстый, разнородный, но мало-плодотворный и безсочный.

Ф. Иванов ушел с поля эмиграции рано; событія подточили его слабыя физическія силы; по литературному наслѣдію, оставленному им, можно, однако, судить, что весь он — в узорѣ старины, в звучаніи Ланнеровских вальсов, в беззатѣйливой нѣгѣ старинных усадеб. Едва ли он был бы пѣвцом и восхвалителем революціоннаго грома и мощных ударов исторіи. Его мечтательная душа постоянно уходила в иные уголки — безболѣзненных, умиротворяющих трепетаній и цѣлительнаго отдыха. Думается, что на литературном пути был бы он отшельником, мимо котораго шла бы глухая, неслышная ему, растревоженная и чадно-шумящая жизнь, буйно смѣющаяся от полноты жадных и стремительных чувств.

★

В. Пиотровскій — пробует перо в новеллах и стихах. В его литературной котомкѣ имѣется двѣ книжки — «Примѣры господина аббата» (новеллы) и «Полынь и Звѣзды» (стихи).

Духовно бѣдный, вывихнутый жизнью, с рѣзко-выраженным сексуальным уклоном, он весь свой литературный груз отразил главным образом в «Примѣрах господина аббата»; в них характерно для него сочетается порнографія с церковным смиреніем, желаніе философствовать с словесной немощью.

Стихи его проникнуты ученическим пафосом и всегда дѣланны:

Что мнѣ в женских устах и привѣтной рукѣ,
В дальних радостях звонкой долины?
Я во льдах причащаюсь Великой Тоскѣ
Вознесенный, Забытый, Единный.

Мое сердце, как чаша, до края полно;
Не пронзайте ж мнѣ сердце любовью —
Иль отгадет оно, или дрогнет оно
И зальет вас дымящейся кровью.

Встрѣчаются и курьезы, вроде слѣдующаго:

Спит маленькая Божья Матерь
С розовой дѣвочкой — Иисусом. . .
Вылез таракан на скатерть
Подумал и перекрестился усом.

Творческія звѣзды свѣтят ему скудно и непри-
мѣтный путь, пройденный им до сих пор, порос
глухой полынью литературной отсталости, в кото-
рой В. Пиотровскій без сроков затеряется.

★

Ю. Росимов — сотоварищ В. Пиотровскаго.
О своем творчествѣ он заявляет:

В моей шарманкѣ скрипучей
Есть один напѣвъ неизмѣнный —
Сердце способный замучить
О веснѣ как радость нетлѣнной.

Раздумчиво настроенный юноша, подслушавшій
и раз навсегда запомнившій звучаніе ахматовской
лирики, он несет ее через все свое писаніе. Эми-
грантское бездорожье, на которое бросили его со-
бытія, для него не больше, как чередованіе утрат:

И опять он падет проклятый
Вечер осенній с мглистым лицом,
Считаю свои утраты,
Которых не помнил днем.
Круг их смыкается уже,
Нѣмой пятачен намек
Я стану когда нибудь туже
На горлѣ узкій платок.

Отсутствие собственнаго поэтическаго лика не
мѣшает, однако, искренности его стихов, часто не
совершенных по формѣ, но всегда исчерпывающих
смѣну его безпокойных ощущеній. Росимову пред-
стоит расковать свой голос от многообразных
поэтических вліяній (а главное — ахматовскаго)
и может быть ему удастся в будущем пить из сво-
его маленькаго творческаго стакана.

★

Разрыхляющим зарубежную литературную бо-
розду явился и В. Кадашев, пришедшій в эмигра-
цию с запасом небогатых, малокровных сил. Двѣ
книжки его фантастических разсказов «Зум-Зум»
и «Фрачник с хвостом» не говорят о глубинѣ ду-
шевных запросов этого автора, не рисуют картину
творческаго жара и постиженій. Отвлечение его в
область трансцендентной фантастики едва ли яв-
ляется раскрытіем новых психологических далей.

Его путь — затерт гремящим, протестующим реализмом, насыщенным задорностью и буйством, которых В. Кадашев не в силах понять, ибо бродит слѣпо в своих безкрасочных, непреодолимых им темах, оторвавшись от реализма и не достигнув путей «Инобытія», о котором говорит в предисловіи к одной из своих книжек.

В. Кадашев из тѣх, которые не захотѣли взглянуть на вершины Казбека и Монблана потому, что их высоты пугаюи и громоздки. Мір уступчивой фантастики без напряженія — его баюкающая, литературная колыбель. Вознесет ли она его высоко — *qui vivra verra*.

★

Наиболѣе сложным, но высказавшимся полно, до конца в своих писаніях, является А. Дроздов.

Этот писатель, не без дара, совершил ряд душевных превращеній, переходя от одного міросозерцанія к другому, разбивая их и наспѣх лѣпя из обломков новыя, громоздя тома за томами, разнообразя темы, с которыми порой блестяще справлялся (Голубиный отрок, Бѣсы), а иногда дрябло и урывочно развивал их, наполняя страницы напыщенной декламацией и пустыми истерическими, холодными выкриками (ром. Дѣвственница, рассказы: Чека, Подарок Богу и др.).

В свое время революція, отпугнувшая его стихійно-разрушительным шумом, продиктовала ему не мало строк - непокорливых, упрямо-буйных и протестующих, даже осудительных (его парижскіе фельетоны).

Уход в нѣдра эмиграціи привел А. Дроздова к новым темам - безотнositельным, на которых можно было отдохнуть от нарочитых мотивов (Первый снѣг, Жолтый старик, Палочка - Выручалочка).

Этот період его писательства — переходной; темы его по прежнему не сложны, но перо замѣтно крѣпнет — художественно. Мір уѣздно-мѣщанской психологіи, дѣдовныя усадьбы, размытые берега Волги, глухіе деревенскія драмы, напиткиные соками «звѣринаго быта» — вот та канва, по которой заплеталось его немудрящее творчество.

Прозрачно-соціальныя облаченія, в которых он одѣвал свои писанія сползли, как ненужная шелуха и на его писательской палитрѣ появились приятно-умиротворяющія краски. Правда, в языкѣ попадаются шереховатости: «яровчатыя свѣчи», «говорить промеж себя», «так тому и будет», «што говорится» и т. п.; правда — узорное словоплетеніе начинает опасно увлекать А. Дроздова в область сложно-технической разработки языка и манерничанье, но душевныя, хотя и холодныя искры в его творчествѣ искупают эти недостатки и заставляют эмигрантскую массу читать его книги и прислушиваться к его писательскому пульсу. Связь, установленная с Россіей, заставила его впер-

вые сказать о писателях зарубежных и проживающих в Россіи: «Жизнь побѣждающая свалила стѣну между ними и нами — и стали, как встарь, мы недѣлимые; они несут нам свое творчество непобѣдимым рыцарей, мы — свое, посылное, и стало ясно, что мы едины, ибо они преодолѣли корчи и смрад сегодняшних бѣд и сказали: да здравствует жизнь. Да здравствует жизнь, — сказали мы невольные сыны рѣк Вавилонских». (Сполохи, № 9).

И — дальше опаснѣйшій срыв: он снова подошел к темам политическим, неблагодарным и лично-мстительным:

«Для писателей, живущих за рубежом, «Наканунѣ» — хомут, добровольное узилище и нечистоплотность, ибо жандарм может быть хорошим человеком внѣ службы, но на службѣ он все таки жандарм» (Сполохи, № 9).

Таким образом писательскій путь его часто, очень часто разбивается на путь художника и публициста: гдѣ кончается первый и начинается второй, можно различить с трудом.

★

Эмиграція, унесшая с собой в скитанія чувства непримиренности и принципы — все равно осуществимых или неосуществимых противодѣйствій повороту исторіи, создавшему факт эмигрантщины, — вылила их в формы партійной борьбы через газеты и журналы.

Психологическіе надломы, как земныя трещины, обозначались среди нея явно и многообразно; группировки отчеканились точнѣе и нерѣдко писательскія перья зазвенѣли по разному: и враждебно и примирительно.

Разноуклонная борьба, кипящая в эмиграціи, опрокинула міросозерцаніе и А. Дроздова — быстро, легко, безболѣзненно: через непродолжительное время послѣ приведенной статьи, он ушел в «Наканунѣ», рѣзко изломав безобидную эйдологію своих творческих устремлений... Появились рассказы: «Дар слез», «Желтый шнур» и др. с привкусом политики, самооправданія («Дождь») и стремительных выпадов в сторону эмиграціи, из толчи которой он бросал в свое время острые мечи в политическіе группировки — лѣвьяя...

Душевную ломку его можно обяснить одним — его неотъемлемой писательской истерикой, создавшей ему имя писателя крикливаго, с ледяным пафосом, срывчиваго, без духовнаго стержня.

«Искусство мстительно — сказал кто то, — оно не даст себя в обиду». И — в самом дѣлѣ: смѣнив свое «посильное» на «узилище» (что надо понимать и как на «нечистоплотность») А. Дроздов примолк, сошел с литературнаго поля и творчески одряхлѣл.

Нельзя этого обяснить тѣм, что зарубежныя поля — безсочны; нѣтъ — «узилище» скучно, ту-

по и губительно. Продымлять каждую строку, каждый образ в своих писаніях слезоточащим дымом политических выкриков — это значит нанести обиды искусству, а мы уже говорили, что оно — мстительно...

★

А. Дроздов — писатель исчерпавший себя до дна; послѣдніе темы затронутые им, есть не больше, как повтореніе старых наизнанку: видимо жизненный вѣтер раскидал весь его внутренний духовный багаж и осталось одно — плескаться в политической лужѣ, не побѣждая в себѣ соблазна, в ущерб творческому постиженію, — зарисовывать схемы наступательнаго шествія революціи.

Писательская дорога Б. Пильняка для А. Дроздова есть тот идеал, о котором он в одной из своих статей восторженно сказал: «что это? реализм — углубленный реализм!» Строки, вызвавшие это восхищеніе, описывали бабу Анисью у сарая за занятіем непривлекательным.

Берлин, 1923 г.

★

Таковы пути указанных эмигрантских писателей. Художественно эти пути — растроились, распятерились; жизненно — ушли под различныя наслоненія. Непогода эмигрантская многих из них застала без успокоительной котомки и спутницы галки, другіе же, как А. Дроздов, просто отрицают все это — авось пробредут свой путь до конца. Что в принципах художественных, если обнаженная до глубины не художественным пером правда, «углубленный реализм» сильнѣе их?».

«Мы писали кровью своего сердца» — сказал Бёрне. То было время безотчетнаго признанія художественных, подлинно пламенных горѣній. Вряд ли имѣют право сказать так упомянутые мною писатели — слишком узок круг их внутренняго движенія и легкопламенны взлеты их творческой фантазіи, ослабляемый сухим, нарочитым схематизмом, во имя исканія своего, обособленнаго, но увы! — блѣднокровнаго творческаго — я.

Ив. К—н.

ЖАК НУАР. „КАРТОННЫЙ ПАЯЦ“.

О книгѣ Жака Нуара трудно говорить, как о цѣльномъ литературномъ произведеніи. «Картонный Паяц» — сборникъ пестрый, соединяющій в себѣ различные мотивы, разнообразныя темы и стили. Жак Нуар прежде всего не показал, что он, собственно, такое: лирик, сатирик или жанрист? Все перепутано, перемѣшано, один стиль включает другой. Лирическіе мотивы, проскальзывающіе во многих стихах Нуара, не вяжутся с чисто-сатириконским задором и газетно-фельетонной развязностью других стихотвореній. Все это перебивается третьей манерой — штрихами быта, зарисовкой повседневныхъ жизненныхъ явленій (стих. «Брак», «Муж», «Жена», «Содержанка», «Разсказ»). Темы Жака Нуара далеко не оригинальны, сборникъ его не открываетъ никакихъ новыхъ литературныхъ горизонтов. Слишкомъ сильно вліяніе «Сатирикона» и газет. Видно, что автор «Картоннаго Паяца» еще ошупью бредет по своей писательской дорогѣ, сам себѣ не уяснил еще своего пути.

Что касается стихов Жака Нуара, как таковых, т. е. формы, то о ней говорить пока еще не приходится. Форма отсутствует, мастерства нѣтъ никакого. Стихи слишкомъ длинны, расплывчаты, не имѣют ни силы, ни стройности, ни отечканенности. Губят книжку неправильности удареній, досадны, дѣйствующія читателю на нервы. Необходимо отдѣлаться от такихъ ошибок, как «озѣрник», вмѣсто «озорникъ», «откупѣрить» вмѣсто, «откѣпорить», «замѣргала» вмѣсто «заморгалъ», «благовѣсть» вмѣсто, «блѣговѣсть», «попынья» вмѣсто, «попынья». Нельзя также рѣшительно «сѣл» и «перепѣл», потому что по-русски говорится перепелъ. Нельзя писать «хитро», «сѣяла», «звѣла», «звѣлила», — во всѣхъ этихъ словахъ удареніе падает на второй слог. Такія неправильности в книжкѣ безчисленны.

Встрѣчаются также неправильные обороты рѣчи. Напр. в стихотв. «Подснѣжникъ» говорится: «Свѣтлоокой дѣвушка подснѣжникъ, голубой, как

вешній небосвод, шумный март, ликующій мятежник, ей принес в потокѣ мутныхъ вод». «Дѣвушка» и «ей» — это повтореніе дательнаго падежа звучит совершенно не по-русски. Такая-же ошибка есть и в стих. «Алочка».

В стих. «Уставшіе» есть строчка: «И теряли контуры предметы». Кто кого терял? В стих. «Воспоминанія» нехороша строка «Гоните прочь воспоминанья — тоска бездонная ихъ дочь». Возникаетъ вопрос: кто, собственно, бездонна — тоска или дочь?

В нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ непріятна слащавость и затрепанность образов, и эпитетов, как напр.: «Мечта влюбленнаго поэта». «Весенній розовый разсвѣтъ» (стих. «Подснѣжникъ»), «Любить я умѣю безбрежно», «К далекой мечтѣ», «В глубокой тоскѣ» («Картонный Паяц»), «В майскомъ розовомъ цвѣтеньи весенне-солнечный романъ» («В метель») — так писать в наше время давно уже нельзя.

Стихи Жака Нуара засорены банальными, миліоны раз сказанными словами, как «Вечер полон истомы и лѣни», «Цвѣтомъ крови пронзенныхъ сердецъ» (стих. «Розовый Кустъ»), «Отравить душу сладкимъ ядомъ» (стих. «Воспоминанія»), «Свирѣльный голосъ», «Любимыя черты» («В отсутствіи»), «В затуманенныхъ страстью глазахъ», («Кто знает»), «Страсть пьянила, какъ вино» («Праздникъ»), «Божественно-яркій экстазъ» («Кошка») — всѣ эти пошлости надо похоронить навѣки.

Еще худшіе враги Ж. Нуара, сильнѣйшимъ образомъ мѣшающіе ему стать лирикомъ (чего он, судя по нѣкоторымъ стихотвореніямъ, очень добивается) — это иностранныя слова и вызванные ими прозаизмы. Напр.: «И былъ моментъ», «массивы», «наркозъ», «Вы навивно уснули», «виденье парадиза», «Маятникъ ритмично-примитивный (?)» и т. д. Прозаизмы (убійственное вліяніе газет) таковы: «Промелькнула жизнь, какъ на экранѣ, не оставивъ яркаго слѣда», «Чтобъ в порывѣ страсти предъявлять права (?!)», «И теряютъ значеніе слова», «Чувствуетъ инстинктомъ слабого младенца», «В шальные дни оплеванныхъ идей», «Чувства хрустальнаго (?)»

лишены обнищавшія души», — все это не тѣ, придающіе стиху острую выразительность и нервность, прозаизмы, которыми так великолѣпно владеет Ахматова, а самая сѣрая, скучная, безнадёжная проза.

Есть у Ж. Нуара и несообразности: хорошее стихотвореніе «У забытых мѣст», выдержанное в духѣ русскаго пейзажа, начинается строкой: «Высоко плывут гондолы». В другом стихотвореніи русалки ударяют в тимпаны, что до сих пор обычно дѣлали вакханки, и «аллюром» ходит обыкновенно не луна, а лошадь в манежѣ...

Но несмотря на всѣ крупные недостатки книжки, хочется посоветовать Ж. Нуару работать дальше. Почему? Потому что все это внѣшнее, все это легко поправимо усиленным трудом; а то внутреннее, главное, без чего писатель — не писатель, у Нуара есть. Есть у него искренняя и простая грусть, есть задушевность и теплота, есть любовь к человѣку и землѣ. Об этом достаточ-

но говорят стих. «Дѣвочка», «Сад», «Вознесеніе», «Слѣпой», «Учительница», «Алочка». Хороши стихотворенія «Весною», «У забытых мѣст», «Пѣсня». В иных стихотвореніях радуют изрѣдка мелькающіе удачные слова и образы, яркіе эпитеты, напр.: «Шумный март, ликующій мятежник», «Дрожали звѣзды под водою, как голубые лепестки», «Зовет печаль — мой старый поводырь», «Рыжим замшевым комочком промелькнула мышь», «Перед сном чуть слышно молится полуночная земля», «Мутный день, как часовой, в сыром плащѣ и в сѣром кепи стоит на грязной мостовой» и др. — все это пластично, в этом есть вкус. Приятны и новыя рифмы: «Хлопали - топали», «приколота - золота», «Хераскова - ласково», «спаленках - валенках», «послух - веслах».

Словом, Жаку Нуару предстоит еще немалый труд, но труд не Сизифов, а облегченный и открытый надеждой добиться художественных достижений.

Берлин, 1923 г.

Эскогор.

ЛЕТАРГІЯ РУССКОЇ ЛИТЕРАТУРЫ.

Что такое литература?

Перед критикой всегда вставал вопрос — дать точное опредѣленіе литературы. И по большей части этот вопрос разрѣшался неудачно. Как он был далек от правильного разрѣшенія у нас в прошлом вѣкѣ — видно хотя бы из слѣдующаго опредѣленія Бѣлинскаго:

«Литературой называется собраніе такого рода художественно-словесных произведеній, которые суть плод свободного вдохновенія и других (хотя и неусловленных) усилій людей, созданных для искусства, дышащих для одного его и уничтожающихся внѣ его (?), вполне выражающих и воспроизводящих в своих изящных созданіях дух того народа, среди котораго они рождены и воспитаны, жизнь котораго они живут и духом котораго дышат, выражающих в своих творческих произведеніях его внутреннюю жизнь до сокровенных глубин и биеній».

Не правда ли, в этом мутном потокѣ слов, гдѣ мысль окончательно побѣждена риторикой, очень трудно уловить хотя бы эмбрион точнаго опредѣленія понятія литературы?

Но и у новых критиков и историков литературы трудно найти такое опредѣленіе, которое бы точно формулировало и в то же время цѣликом охватывало область литературы.

Литература есть комплекс художественных произведеній, опубликованных и оказавших вліяніе на жизнь.

Разберем это опредѣленіе.

Его первый момент — что в состав литературы входят только художественныя произведенія — теперь уже никѣм серьезно не оспаривается.

В отношеніи второго момента — что литературныя произведенія непременно должны быть опубликованы — для нас вполне убѣдительным является мнѣніе покойнаго С. А. Венгерова¹⁾, что неопубликованное словесное произведеніе так же мало соотвѣтствует своему назначенію, как картина, обращенная к стѣнѣ.

Третій пункт — вліяніе литературы на жизнь, как обязательный признак первой — до сих пор

прочно не установлен. Напротив, шаблонная фраза: «литература — отраженіе жизни» прочно сидѣла всегда не только в обывательских, но и в литературных кругах. Так, Пыпин в обширном предисловіи к своему монументальному труду по исторіи русской литературы неоднократно повторяет это утрамбованное положеніе, как нѣчто несомнѣнное. Вспомните также знаменитую фразу — эпитафю Гоголя: «На зеркало неча пенять, коли рожа крива» (значит, литература — «зеркало»).

Между тѣм, ничего не может быть нелѣпѣе этого мнѣнія. Отраженіе всегда призрачно по сравненію с отражаемым. А литературные образы — Обломов, Платон Каратаев, Передонов — нерѣдко гораздо болѣе отчетливы и реальны, чѣм живые люди, которые часто в сравненіи с ними ведут призрачную жизнь, лишены их рѣзких, четких духовных очертаній. И для меня, напримѣр, мой знакомый NN — гораздо болѣе призрачный образ, чѣм Илья Обломов, отраженіем котораго, я сказал бы, является мой пріятель. Стало быть, наоборот, часто жизнь является отраженіем литературы и, во всяком случаѣ, литература — не отраженіе, а творческое преображеніе жизни. И если выраженные в художественной формѣ идеи Ницше, Ибсена, Толстого, Арцыбашева выросли на почвѣ тѣх или иных теченій в обществѣ, то кто посмѣет отрицать, что и они, в свою очередь, оказали глубокое и очень ошутительное вліяніе на жизнь, оживив теченія, из которых они вышли, и вызвав ряд новых.

Здѣсь надо отмѣтить, что, говоря о вліяніи литературных явленій на читателей, мы имѣем в виду вліяніе не только социальное, вызванное, напр., «Воскресеніем» Л. Толстого или «Саніним» (мы не дѣлаем здѣсь моральной оцѣнки этих явленій), но и эстетическое — круговорот читательских интересов, вызванный в соотвѣтствующія эпохи произведеніями таких разнородных писателей, как Пушкин, Бальмонт, Сѣверянин, Маяковскій. (Под читателями я разумѣю и критику — читательскій парламент).

Теперь посмотрим, соотвѣтствует ли сегодняшнее состояніе русской литературы установленным нами положеніям.

Создаются ли у нас художественныя произведенія?

¹⁾ Оно высказывалось им в лекціях по исторіи русской литературы в 1917 г. и не знаю, было ли гдѣ-нибудь зафиксировано.

Да, хотя и в меньшем числѣ, чѣм до революціи. Об этом вам скажет каждая книжная витрина.

Доходят ли эти произведенія до читателей?

Книги недоступны по цѣнѣ многим. Но издаательства, книжные магазины, библиотеки функционируют — значит, читатели не вывелись.

Наконец, третій вопрос — вліяют ли нынѣшніе писатели на читателей?

Безусловно, нѣт. Колеса литературы вертятся в воздухѣ, стрѣлы ея с роковой неизбѣжностью бьют мимо цѣли. Раньше у нас было кипѣніе читательских (и критических) интересов вокруг литературных явленій (послѣдніе запоздалые цвѣты — «Двѣнадцать» и «Скифы» Блока) — теперь только кипѣніе писательских интересов вокруг литературных теченій.

Читатель, прочитав, спокойно откладывает новую книгу, и она проходит через его душу, как через прозрачное стекло, не преломляясь, не будучи в ней ничего новаго, не дѣлая его участником творчества автора, — проходит так, как будто ея и не было.

Итак, вліянія литературы на жизнь теперь нѣт, а между тѣм оно — главный нерв литературы.

Основной фактор литературы отсутствует, и жизнь ея не полна. Но нѣт и смерти, ибо первые два фактора — наличие писателя и читателя — существуют. Слѣдовательно — перед нами — латергия русской литературы, сон, подобный смерти, жизнь в скрытом видѣ.

Діагноз поставлен. Необходимо выяснить причину этого болѣзненного состоянія.

Припоминаю, кому — кажется, Троцкому — принадлежит изречение о русской революціи, справедливое для характеристики всякаго внѣшняго переворота в народной жизни:

«Великая русская литература кончилась; началось великое русское дѣланіе.»

Это безусловно вѣрно. Эпохи великих политических потрясеній, часто благотворныя по послѣдствіям, всегда характеризуются нѣкоторым упадком искусства. Это оттого, что в такія эпохи общее вниманіе отвлекается от психики индивидуума, которая является центром вниманія современной литературы (и других видов искусства).

Этим и парализуется вліяніе литературы. Читатель не может, как слѣдует, воспринять подлинное литературное вліяніе — новое художественно-выраженное открытіе или изслѣдование в области душевных переживаній. А писатель, если он искренен, не в состояніи создать его.

А из неискренности вот что выходит.

Во первых (напримѣр).

Группа поэтов (назовем: Георгій Иванов «Сяды», Всеволод Рождественскій «Золотое Веретено», Соголуб «Фиміамы» и ряд других) упорно притворяется, что послѣ 1914-го года времени больше не было. Если бы на этих книжках не

стояла дата, то неизвѣстно было бы, когда они изданы — в послѣдніе годы или двадцать лѣт назад (если не говорить о техникѣ стиха). Дѣло не в том, чтобы непременно писать о Смольном, войнѣ или Лозаннѣ: о любви, о морѣ, о телеграфных проводах — поэт 1922/3 года *безсознательно* должен говорить иначе, чѣм поэт 1902 года. Неуловимый дух эпохи должен жить в нем, как живет он в тревожном ритмѣ Блоковского стихотворенія «Шаги командора», такого, казалось бы, внѣвременнаго по сюжету¹). Если этого нѣт, значит, поэт нарочито притворяется. Именно такое впечатлѣніе производит названные поэты. И это притворство дѣлает их книги мертвыми, несмотря на отдѣльныя весьма удачныя стихотворенія.

Когда писатель — беллетрист пытается войти в гущу современной жизни, он, прежде проникавшій в самую ея сердцевину (Ф. Сологуб «Мелкій Бѣс»), нынѣ роковым образом скользит по поверхности, неизбѣжно бьет мимо (тот же Сологуб «Заклинательница Эмѣй»). Или, наоборот, тонет в бытѣ, погрязая в каком-то нео-натурализмѣ, как Шагинян («Своя Судьба»), нѣкоторые Серапіоны.

Во-вторых:

Поэты, пытающіеся быть современными, (С. Обрадович: «Стихи о голодѣ», «Огненная Гавань» др., Сергій Городецкій: «Серп», часто Брюсов, Маяковский) почти всегда скользят по поверхности современности, лишь рѣдко проникая в ея сокровенный смысл. Потому что и этого нельзя сдѣлать нарочно, как нарочно же нельзя отвлечься от современности: и то и другое должно свободно вырасти в душѣ при наличіи благоприятных условий.

В третьих:

Поэты, пишущіе о себѣ или о других поэтах (Н. Клюев: «Четвертый Рим», часто Есенин, Маяковский, Мариенгоф, Кусиков, Шершеневич, Нельдихен и многіе другіе), пишут не для читателей, а для писателей. Их стихи часто пріобрѣтают чисто профессиональный интерес — для своей — писательской — братіи. Сюда же относится и «знаменитое» выступленіе Серапіоновых братьев в «Литературных Записках» в прошлом году. Никогда еще писатели так много и так развязно не говорили о себѣ.

По всему этому сегодня нѣт вліянія литературы. Оно — электрическая искра между писателем и читателем. Провода соединены, но искры нѣт. Она пробѣжит тогда, когда будет включен ток, когда общее вниманіе вернется к психической жизни индивидуума, преодолѣвъ вопросы матеріальнаго и социальнаго устройства быта.

¹ Это стихотвореніе для Блока не случайно: см. творческое обоснованіе в концѣ его статьи «Катилина», гдѣ Блок устанавливает, что в ритмѣ настоящаго поэта всегда бьется пульс его эпохи.

В этой неизбежной сейчас от'единенности литературы от жизни заключается корень пресловутаго «формализма», російскаго александризма. Раз интерес к произведеніям литературы существует преимущественно в писательских кругах — вопросы профессиональные, технические, вопросы формы, естественно, становятся на первый план. Это у теоретиков, а у беллетристов гипертрофируется форма, анекдотическій сюжет в ущерб содержанию, «сказ». То, что прежде было рѣдкостью (Ремизов), теперь становится обычным явленіем, и такія крупныя дарованія, как Всеволод Иванов, Мих. Зощенко, Вяч. Шишков и др. щедро отдают ему дань. Это, безусловно, понижает цѣнность их произведений, сокращая круг читателей, для которых они доступны, в глубинѣ же они при этом не выигрывают.

Тут получается заколдованный круг: являясь слѣдствіем пониженнаго интереса широких слоев русскаго общества к литературѣ, эти произведения сами способствуют дальнѣйшему раз'единенію чи-

тателя и писателя. Ибо анекдот и спеціальныи стиль, хотя и представляют интерес в каждом данном случаѣ — но нельзя же постронть на них литературу цѣлой эпохи.

И в создавшейся таким образом атмосферѣ незаслуженно томятся немногіе искренніе поэты, как Тихонов, М. Шапская (говорю только о новых), такіе *настоящіе* беллетристы, как Замятин, Форш, Федин, не привлекая к себѣ того вниманія, каким они могли бы пользоваться при таких условіях. Ибо все, что о них говорится, говорится не только в читательских, сколько в писательских кругах. «А там, во глубинѣ Россіи, там вѣковая тишина». О многих, кто здѣсь в кругу нашего вниманія, читательская провинція и не слыхивала.

Но так как наша литература не умерла, а находится лишь в летаргическом снѣ, она вернется к жизни: ибо умственная жизнь русскаго народа не получила смертельной раны, а пережила благодѣтельное потрясеніе: революціи никогда не губили духовных сил народов.

Петроград, 1923 г.

А. Палей.

ЭКОНОМИЧЕСКІЙ ОТДѢЛ.

К ВОПРОСУ О НАСАЖДЕНИИ СВЕКЛО-САХАРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ЛИТВѢ.

Как техническое сырье для добыванія сахара, имѣет значеніе сахарный тростник и сахарная свекла; добываніе сахара из клена и сорго так незначительны, что о них говорить не приходится.

Один гектар (десятина) тростника дает около 165 центнера сахара, а один гектар (десятина) свеклы дает от 45 до 89 центнера сахара в зависимости от климатических, почвенных условий и культурнаго состоянія страны; для ознакомленія приводим таблицы 1-ую и 2-ую, цифры относятся к 191½ году.

Сравнительная диаграмма сбора сахарной свеклы с десятины — в пудах:

10	1081 пуд. Россія
9	1620 „ Австро-Венгерія
8	1666 „ Франція
7	1820 „ Голландія
6	1863 „ Германія
5	1875 „ Бельгія
4	1887 „ Швеція
3	1997 „ Италія
2	2036 „ Испанія
1	2039 „ Данія

Сравнительная диаграмма выхода свхара с десятины в среднем — в пудах:

10	134 пуда Россія
9	193,9 „ Франція
8	212,3 „ Италія
7	219,5 „ Австро-Венгерія
6	233,1 „ Испанія
5	244,3 „ Голландія
4	244,9 „ Бельгія
3	254,3 „ Швеція
2	261,1 „ Данія
1	267,5 „ Германія

Уард еще в 1827 году доказал, что один штат Вера-Круз может снабжать всю Европу сахаром добытом в этом штатѣ из тростника.

В 1746 году проф. Берлинскаго Университета Маркграф (Markgraff) открыл присутствіе в свекловицѣ большого количества сахара; в 1801 г. Achard открыл первый свеклосахарный завод в Германіи; континентальная система Наполеона I содѣйствовала развитію свеклосахарной промышленности на Континентѣ Европы. Ислѣдователи сахарной промышленности в мировом масштабѣ, как напр., Радиг и другіе, находили, что только покровительственная сахарная политика насаждает свекло-сахарное производство в Европѣ, но позднѣйшія данныя за послѣдніе 25 лѣт доказали, что свеклосахарное производство имѣет всѣ шансы на вполнѣ самостоятельное развитіе.

Приведем два примѣра роста свеклосахарной промышленности в Швеціи, как сѣверной области распространения свеклы и в Америкѣ, странѣ завѣдомо практичной и культурной, гдѣ кромѣ этого возможен и рост добычи сахара из тростника, — цифры эти убѣдят нас в дѣйствительном ростѣ этой промышленности (свекло-сахара).

Табл. 1.

В Швеціи переработано свеклы — в тоннах:

Годы/1907/08	1908/09	1909/10	1910/11	1911/12	1912/13	1913/14
773.785	886.000	897.000	760 800	823 000	1.008.040	1.489.600

Табл. 2.

В Соединенных Штатах Сѣверной Америки.

Получено сахара из свеклы — в тоннах:

Годы	1911/12	1912/13	1913/14	1914/15	1915/16	1916/17	1917/18	1918/19	1919/20
Кол. в тоннах	165 666	199 333	211 500	213 500	284 950	433 000	440 000	384 000	451 000
	549 000	655 298	646 257	779 756	682 867	674 892	850 000		

Каковы же причины выгодности насаждения свекло-сахарной промышленности и какое хозяйственное и экономическое значение она может иметь для Литвы?

«Вести корнеплоды в хозяйство, это значит получить три колоса там, где раньше был один» (Д. Н. Прянишников).

При глубокой вспашке выносятся на дневную поверхность более глубокие слои почвы и питательные вещества этих слоев вместо того, что-бы остаться в глубине неиспользованными, дѣлаются доступными для растений.

Далѣе, тщательный уход за свеклой и обработка почвы дѣлает поле более чистым от сорных трав, чѣм увеличивается возможность всем культурным растениям данного хозяйства получать большее количество питательных веществ; обработка почвы под свеклу улучшает структуру почвы; вносимая под свеклу удобрения используются свеклой не целиком, а часть их достается и послѣдующим культурам.

Цѣль производства — сахар — получается из воздуха путем усвоения угольной кислоты и дальнейшей переработки ее в самом растении на сахар, а остальные питательные вещества, взятые свеклой из почвы возвращаются землѣ в видѣ заводских вод, дефекационной грязи в прямом дѣйствии означенных веществ как удобрения и в видѣ удобрения — навоза, который получается послѣ скармливания скоту отбросов сахарного производства: листьев (силосованных и сухих), жома (вымочек) и кормовой патоки.

Означенные выше причины, а именно, улучшение физического состояния почвы, очищение ее от сорных трав, вынесение на дневную поверхность нижележащих слоев, получение большего количества кормовых веществ и посему развитие скотоводства и получение большего количества навоза — дѣлает хозяйство более интенсивным так, что на одной и той же площади земли хозяйство расцвѣтает до неузнаваемости.

Кнауер — приводит примѣр увеличения урожая хлѣбов при введении культуры сахарной свеклы:

Табл. 3

1883	11 1/4 Ztr.	1889	13 Ztr.
1884	12 1/2 "	1890	14 1/4 "
1885	11 3/4 "	1891	13 1/2 "
1886	11 "	1892	13 " (Засуха)
1887	11 1/2 "	1893	11 " (Dürre)
1888	10 1/2 "	1894	15 "

В среднем 11,425 Ztr. с 1 Гект. В среднем 13,29 Ztr. с 1 Гект.
13,29 — 11,425 = 1,87

$$\left. \begin{array}{l} 11,425 - 1,87 \\ 100 - x \end{array} \right\} x = 16,37\% \text{ (Подсчет наш)}$$

Обращаем внимание на годы 1870 — 1890. В настоящее время по нашим данным повышение

урожайности в % достигает значительно больших размѣров.

В одном сельскохозяйственном о-вѣ в округѣ Hildesheim сдѣланы два обследованія животноводства, которыя ярко рисуют влияние свекловичного хозяйства на развитие скотоводства:

Табл. 4

	1870 год	1890 год
Рабочих волов	106 штук	594 штук
Коров	3431 "	5469 "
Молодняка	732 "	1087 "
Свиной	3146 "	9119 "
Откармливаемого скота	635 "	2681 "

Эти два примѣра ярко рисуют вышеприведенныя слова проф. Прянишникова и плюсы от введения в сѣвооборот свеклы.

До перехода к цифрам касающимся всей Литвы и к работѣ сахарной комиссиі Ukio Bankos'a, я хочу вскользь упомянуть об утилизациі кормовой патоки - меляса.

Кромѣ расхода ее на корм скоту и на винокурение — ее раньше употребляли на получение из нея сахара (50% по ее вѣсу), но эти предприятия были невыгодны и посему оставлены.

Приводимыя ниже работы Гурвича и сахарного завода в Дессау (Германія) бросают новый свѣтъ на этот отброс и рисуют его важное экономическое значение и не меньшее техническое. Примѣняя способ электролитического разложения, он получил:

Табл. 5.

Из 600 пудов меляса:

Бѣлаго сахара	127,8 пуда
Желтых песков	343,8 "
Очень чистаго поташа	450 klg.
Кристаллич. соды	380 "

Органических кислот пригодных для протрав в красильном дѣлѣ (винной,

лимонной, щавелевой)	900 "
Желѣзной охры	1.090 "

На сахарном заводѣ в Дессау и на химической фабрике в Тауха близ Лейпцига ежегодно производится из остатков патоки:

5.000 тон. сѣрноамоніевой соли (удобрение) и
5.000 тон. цианистаго натрія

общей цѣнностью на 7 мил. марок золотом.

Теперь переходим к важной части нашей работы, а именно, к вычисленію в цифрах значенія свекло-сахарной промышленности в Литвѣ:

Население Литвы в неоккупированной ее части в 1921 году составляло около 2.500.000 душ. В 1922 году ввезено сахара 7.543.200 klg., т. е. на 1 душу 3.002 klg. в год.

В 1923 году за январь и февраль ввезено 1.353.400 kgr., т. е. на одну душу в 2 мѣсяца 0,54 kgr.; а в год $0,54 \times 6 = 3,24$ kgr.

Округля означенныя цифры, я считаю потребность сахара в Литвѣ в данный момент 10.000.000 kgr. в год.

Скромно считая выход сахара из свеклы 13,6%, я получаю, что означенное выше количество сахара даст 1.470.600 центнеров свеклы.

$$\frac{100 - 13,6}{x} = 10.000.000 \times = 73.530.000 \text{ kg} = 1.470.600 \text{ Ztr.}$$

Считая средній урожай с одного гектара 300 центнеров, получили, что для нашей цѣли надо $1.470.600 : 300 = 4.902$ Н., округляя 5.000 гектаров площади свекловичнаго посѣва.

Дальше, принимая во вниманіе, что страна всегда должна имѣть запас этого важнаго питательнаго продукта и что то весьма незначительное потребление его как 3,5 kgr. в год ¹⁾ безусловно должно расти и далѣе, что с насажденіем культуры свеклы и свеклосахарнаго производства потребительская масса крестьянство будет в лучшем матеріальном положеніи и будет близко стоять к заводам, получаая за свой труд и за плоды своей земли (крестьянскую свеклу) деньгами и натурой — (сахаром и проч.) — увеличит потребление до большіх размѣров—я считаю нужную площадь под свеклу $5.000 \times 2 = 10.000$ гектаров.

Принимая во вниманіе введеніе 7-и полнаго сѣвооборота, я считаю количество всей земли в свекловичных хозяйствах $10.000 \times 7 = 70.000$ гектаров, т. е. от наличности всей пахоты:

$$2.300.000 \text{ Гектаров } \frac{1}{33} \text{ Часть } (-3\%)$$

$$\frac{2.300.000}{70.000} = 33$$

Итак, в Литвѣ может быть занято 70.000 гектаров земли под свекловичныя хозяйства. Посмотрим, какія блага могут дать Республикѣ переход на свекловичный сѣвооборот только $\frac{1}{33}$ (3%) ея пахотной земли в теченіе времени всего двух десятилѣтій.

Берем за основу семи-польный сѣвооборот с посѣвом трав — тогда поля будут имѣть:

Два паровых кліна (Черный и Зеленый) 20.000 Гек.

Два озимых кліна 20.000 „

Два яровых кліна 20.000 „

Один свекловичный клін 10.000 „

По статистикѣ 1921 года при теперешних условіях хозяйства—вышеозначенная площадь дала бы:

$$а) \text{ Озимы } \frac{21,2 \text{ (Рожь)} + 22 \text{ (Пшеница)}}{2} = 21,6 \text{ центнер.}$$

на гектар, а всего $21,6 \times 20.000 = 432.000$ центн.

¹⁾ В Швеціи, напр., на 1 душу населенія потребление было: 1919 г. — 27,8 килогр., 1920 г. 32,59 килогр. и в 1921 г. — 29,08 килогр.

$$б) \text{ Яри } \frac{17,3 \text{ (Ячмень)} + 17 \text{ (овес)}}{2} = 17,15 \text{ ц. с гектара}$$

а всего $17,15 \times 20.000 = 343.000$ центнера.

Принимая среднюю прибыль злаков, не как в вышеприведенной таблицѣ (3-й) 16,3%, а только 12% от введенія свекловичнаго сѣвооборота имѣем, что та же площадь посѣва даст в ближайшіе 10—20 лѣт:

$$\text{Озимы} — 483.840 \text{ центн., т. е. } + 51.840 \text{ центн.}$$

$$\text{Яри} \quad 384.160 \quad „ \quad „ \quad + 41.160 \text{ центн.}$$

Далѣе, будем считать, что зеленых листьев свеклы получается с 1 гектара до 100 центнеров, если думать, что всѣ эти листья удасть высушить, то по вычисленіям германских сушильков жома получится столько питательных веществ, сколько дает 10.000 Н. луга; но будем скромнѣе в наших предположеніях и скажем, что 75% питательных веществ листьев от не тщательнаго храненія пропадет и листья останутся запаханнныи в землѣ неиспользованныи (и все таки будут полезны как удобреніе) и тогда получим безплатно луга около 2.500 Н, считая по 35 центнера сѣна, имѣем $2.500 \times 35 = 87.500$ центнеров сѣна.

Затѣм посчитаем увеличеніе скотоводства — в неокупированной Литвѣ в 1921 году было:

а) лошадей 376.000 штук, а на территоріи, которую мы предполагаем занять под свекловичныя хозяйства состояло

$$\frac{376.000 \times 70.000}{2.300.000} = 11,444$$

б) рогатаго скота тогда же 780.000 голов, а на нашей территоріи

$$\frac{780.000 \times 70.000}{2.300.000} = 23,740 \text{ голов}$$

в) свиной 1.262.000 штук, а на предполагаемой территоріи

$$\frac{1.262.000 \times 70.000}{2.300.000} = 38,409$$

г) Овец — 1.262.000 и на нашей территоріи 38 409 штук,

д) молодняка:

$$\text{Лошадей } \frac{35.000 \times 70.000}{2.300.000} = 1060$$

$$\text{Рогатаго скота } \frac{176.000 \times 70.000}{2.300.000} = 5400$$

$$\text{Свиной } \frac{124.000 \times 70.000}{2.300.000} = 3700$$

$$\text{Овец } \frac{142.000 \times 70.000}{2.300.000} = 4300, \text{ а всего } 14.460$$

Птицу во вниманіе не принимаю, дабы не загромождаться цифрами, но и эта отрасль будет развиваться.

Далѣе берем в основу вышеприведенное изслѣдованіе хозяйств таблица 4-ая, откуда находим,

что через 20 лѣт на той же территоріи 70,000 Нект. будет:

- а) лошадей (считаю прирост 100%)
22 888 штук (+ 11 444)
- б) рогатаго скота
23 740—560% = 132 944 (+ 109 204)
- в) свиней 289% от 38 409 = 111 002 (+ 72 593)
- г) овец 160 — 38409 = 61 454 (+ 23 045)
- д) молодняка в среднем прирост 100%
= 28 920 голов (+ 14 460)

Перехожу далѣе к работѣ могущих быть устроенными заводов при этих хозяйствах:

10.000 Н земли даст в среднем по 300 центнеров 10 000 × 300 = 3 000 000 центнеров свеклы.

Считая что в среднем литовская свекла даст 13,6% сахара — получим всего сахара:

13,6% от 3 000 000 = 408 000 ц. = 20 400 000 kg.

Кормовой патоки получим в среднем до 3% по вѣсу свеклы:

3% от 3 000 000 = 90 000 центнеров.

Посчитаем далѣе, что $\frac{1}{3}$ этого количества будет скормлено скоту (30 000) остается:

90 000—30 000 = 60 000 центнеров.

для винокурения.

С одного центнера патоки можно получить около 102° спирта, а 60 000 центнеров даст:

102° × 60 000 = 6 120 000° спирта,

так как один центнер картофеля дает до 45° спирта, то патока идущая на винокурение сохранит странѣ

6 120 000 : 45 = 136 000 центнеров

картофеля, который может быть использован внутри страны или быть вывезен за границу.

Дальнѣйшее использование остатков от винокурения для добыванія поташа (калійнаго удобренія, за которое платим золотом) при простом сравнительно способѣ его добыванія, я оставляю в сторонѣ. Также пока ничего не говорю о перспективах переработки патоки электролизом (см. таб. 5) и далѣе — полученія важных химических и сахарных продуктов как дѣла болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго.

Все изложенное выше мы соберем в двух таблицах:

Таблица 7-ая.

Улучшеніе хозяйства на территоріи 70.000 Н

Данная 1921 года. Состоит на этой площади и получается там же:	Предполагается состоятъ в 1941 году или по- лучится урожаем:	+
Получено урожая с 20.000 Н	Предпол. получить там же	(п л ю с)
Овим. хлѣбов 432.000 Cent. Яровых 243.000 "	Овимых 483.840 Cent. Яровых 384.160 "	+ 51.840 Cent. + 41.160 "
Состоит скота:		
Лошадей 11 444 гол. Рогат. скота 23 740 " Свиней 38 409 " Молодняка 14 460 "	Лошадей 22 888 гол. Рогат. скота 132 944 " Свиней 111 002 " Молодняка 28 920 "	+ 11 444 гол. + 109 204 " + 72 593 " + 14 460 "

Полученіе продуктов от работы заводов сахарных и винокуренных (при них)

сахара	20.400.000 kg
спирта	6.120.000°

Картофеля сохраненнаго на винокуренных заводах (паточных) 136.000 центнеров. Я не считаю в этой таблицѣ жома, листьев и 30% кормовой патоки ушедшей на корм скоту, ибо предполагаю, что стоимость этих отбросов уже учтены в графах, иллюстрирующих развитие скотоводства и полеводства.

Рамки данной работы не позволяют мнѣ рассчитать все вышеизложенное в смыслѣ вліянія его на всю экономическую политику страны, но предыдущее даст хозяйственное представленіе о том важном значеніи какое имѣет для республики насажденіе свеклосахарнаго производства, хотя бы в масштабѣ своей минимальной внутренней потребности, не говоря уже о перспективах возможнаго экспорта при наличности выходов к морю.

Ясно, что на пути к осуществленію этого дѣла есть затрудненія самая различная, но онѣ должны быть перешагнуты и на этот путь стал Ukio Bankas, который сразу принял практическія мѣры к осуществленію этого дѣла в лицѣ своей сахарной комиссіи, работающей под общим руководством правленія.

В этом году означенная комиссія засѣдала до 50 гектаров земли в 26 мѣстах республики; полученная свекла будет переработана осенью сего года на сахарном заводѣ Rastenburg/Pr., что даст возможность постепенно в заводском масштабѣ изучать природу Литовской свеклы; полученные продукты: сахар, патока (мелас) и сухой жом будут привезены в Литву — предполагается получить нѣсколько тысяч пудов сахара.

Далѣе комиссія приступает к выбору мѣста для постройки завода, к организациі хозяйства, к организациі опытных полей и разработки вопроса о селекціи сѣмян специально для Литвы. На днях комиссія организывает свою лабораторію и всѣ химическія изслѣдованія будут произведены в Литвѣ, что очень важно для полученія точных результатов на мѣстах.

Комиссія считает, что завод будет перерабатывать ежегодно свеклу, собранную с 2500 гектаров земли т. е. $\frac{1}{4}$ того минимальнаго количества, которое выше взято мною для расчетов.

Оставляя пока в сторонѣ улучшенія и прибыли в хозяйствах плантаторов этого завода, оставляя в сторонѣ ряд благ которыя окрестное населеніе извлечет от означеннаго предприятия и плантаций в видѣ заработной платы, пользованія улучшенными дорогами, изученія культуры свеклы и других растений по новѣйшим способам, от улучшенія животноводства и полеводства в своих хозяйствах, от безусловно культурнаго вліянія: школы про-

фесіональнѣя и общія, больницы и проч.; я укажу на расчёт золота, которое это предпріятіе оставит в странѣ:

Один завод дает за сахар
5.100.000 kg: по 32 Англ. ф/тона = 163.200 фун-
тов. = 7.607.200 лит.

Сохраненные при винокуреніи	
34.000 центн. картофеля при вы-	
возѣ дадут	102.000 лит.
Проданные на мѣсть 1.530.000° спирт	
à 20 центн.	306.000

А отбросы будут улучшать хозяйство связан-
ныя с заводом на количества равныя $\frac{1}{4}$ — приве-
денных в таблицѣ 7-ой.

Означенные цыфры доказывают что устройство
Перваго Литовскаго Сахарнаго Завода Ukio Van-
kas'ом не есть только частное предпріятіе, но что

Kaunas (Lituva), 2 іюля 1923 г.

оно имѣет чрезвычайно серьезное значеніе для
всей страны и посему есть начинаніе поистинѣ на-
ціональное в полном смыслѣ этого слова.

Я. Берголец.

Источники:

Радциг — Мировое производство сахара.
Knauer-Holdefleiss, Rübenbau, Berlin 1917 г.
Zabbels Jahrbuch, Magdeburg 1922 г.
Я. Г. Берголец — Прошлое и будущее свекло-сахар-
ной промышленности на континентѣ Европы.
(рукопись) Доклад Полтавскому О-ву Инженеров
1913—1920 г.

Нѣкоторыя данныя о Литвѣ сообщены г. Ensu-
laitis'ом, за что выражаю ему свою благодарность.

Я. Берголец.

ПРИБАЛТИКА И ЕЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА.

Уже болѣе пяти лѣтъ, какъ пять республик, образовавшихся на западной окраинѣ Россіи, живут самостоятельной политической и національной жизнью. Одновременно эти пять новых государственных организов с необычайной интенсивностью создают экономическо-хозяйственные аппараты, развивают свою агрикультуру, промышленность и торговлю. Слѣдует отмѣтить, что свое хозяйственное оборудованіе эти страны начали при очень тяжелых объективных условиях, как мѣстнаго, так и мірового характера. Новая республика образовалась на территориях разрушенных войной, обездоленных оккупацией, у них не было прочнаго валютнаго фонда, на западѣ была побѣжденная и обезсильная экономически Германія, на востокѣ — хозяйственно разрушенная Россія. Точно также совершенно неблагополучной была міровая экономическая конъюнктура. Разница валютных курсов представляла слишком много возможностей различным спекулянтам обогащаться за счет развала своей отечественной индустрии. Міровое хозяйство превратилось в какое-то мутное болото, в котором отдѣльные дѣльцы ловили довольно жирную рыбу. При этом в однѣх странах за безцѣнок покупался напряженный человѣческой труд в то время, как в государствах с высокой валютой создавались экономическіе кризисы и неудержимо рос поток безработицы. Вот при какой тяжелой обстановкѣ был заложен экономическій строй Прибалтійских республик.

Совершенно особое положеніе в ряду молодых государств занимала Финляндія. Она не видѣла на своей территории воюющих армій, ея заводы не эвакуировались, а земледѣльческаго хозяйства не сжигались и не разрушались. Нѣсколько мелких и коротких эпизодов гражданской войны коснулись лишь окраин республики, не задѣвая основ ея политической и хозяйственной жизни. Еще со времен довоеннаго періода у нея сохранилась собственная и прочная валюта, а непосредственная географическая и духовная близость к хозяйственно сильной Швеціи давала ей возможность непрерывно развивать свою собственную экономическую мощь и довести свою промышленность до такой высоты, чтобы занять независимое и видное положеніе на міровом рынкѣ.

Совсѣм иную картину мы находим на южном флангѣ Прибалтики. Здѣсь обосновалась самая обширная и населенная из молодых республик — Польша. Она не только собрала свои земли, бывшія раньше под властью Россіи, Германіи и Австріи, но также захватила значительную часть территории Литвы, Россіи и Украины. В этих мѣстностях велись интенсивныя военныя дѣйствія, так что молодому польскому государству пришлось создавать свою независимость на развалинах своей индустрии и на руинах своей агрикультуры. Но творцы независимой Польши не ограничились приведеніем в порядок своих собственных дѣл. Они постѣжили распространить свое государство на восток и на запад от своей отчизны и подчинить цѣлый ряд народов, чуждых себѣ по духу и культурѣ, что естественно отвлекало политическія, хозяйственныя и организационныя силы от насущных потребностей своего собственного хозяйства, которое развивалось в условиях необычайнаго политическаго и экономическаго хаоса.

Три государства, занимающія центр Прибалтики, развивались почти в одинаковых условиях. Эстонія, Латвія и Литва сравнительно быстро оправились от военных неурядиц. Переход на мирное и спокойное положеніе помог молодым республикам обратить исключительное вниманіе на упорядоченіе своих финансов и хозяйства. Результаты этой работы сказались очень быстро, и мы имѣем теперь во всѣх этих странах стабилизированную валюту, построенную на принципѣ выпуска лишь обеспеченных золотом или прочными цѣнностями банкнот. Но при наличіи общих объективных условий, субъективно эти государства развивались существенно различно. Не надо забывать, что Эстонія и Латвія являются преимущественно индустриальными странами, в то время, как Литва — страна почти исключительно земледѣльческаго. Поэтому неудивительно, что обѣ первых республики свое главное вниманіе сосредоточили на поисках рынка сбыта для своих заводов и на использование в цѣлях транзита своих морских портов, судоходных рѣкъ и желѣзнодорожных путей. Отсюда понятное стремленіе Эстоніи и Латвіи найти общій язык с Россіей, чтобы добиться тѣсных дѣловых сношеній с послѣдней. Совсѣм в иную сторону направила

сьон. взору Литва. Она все свое внимание обратила на запад Европы, куда имеют сбыт продукты ее земледельческой индустрии. Молодая и пока еще очень слабая литовская промышленность предназначена лишь для внутреннего потребления и существенного значения в международном хозяйстве играть не может.

Таковы были те объективные условия в которых начали свою независимую жизнь республики Прибалтики. Не только их географическое положение, как естественный барьер между западом и востоком Европы, но и внутренняя хозяйственная возможность привлекали к себе внимание даже могущественных стран мира. Объяснялось это во 1) послевоенным ослаблением спроса на мировом рынке и усиленными поисками производящих стран новых рынков и 2) стремлением использовать Прибалтику, как сырьевую базу для своей индустрии. Само собой понятно, что незначительная населенность Прибалтики, а главное ее бедность в первые дни ее независимости не смогли обусловить большой потребительской способности молодых республик. Но наличие природных богатств, в связи еще с валютными условиями, сделало из Прибалтики довольно лакомый кусочек для иностранных капиталистов. Поэтому неудивительно, что в первую очередь в хозяйственной жизни Прибалтики наибольшую интенсивность проявили экспортные операции.

Сельское хозяйство Прибалтики может питать свой экспорт самыми разнообразными продуктами. Маленькая Эстония имеет возможность вывозить картофель, картофельную муку, цикорий, скот, яйца, лен, дуб, смена клевера и рыбу (консервы). Латвия ведет очень бойкую торговлю льном. Литва вывозит лёс, яйца, льняное сѣмя, рожь, ячмень, овес, горох, чечевицу, молочные продукты и мясо. Почти те же продукты, кроме зернового хлеба, вывозит также и Польша. Кроме того последняя владеет теперь галицийскими нефтяными источниками и силезскими угольными копями. Все эти богатства являются достаточной приманкой для международного капитала, и было время, когда вокруг Прибалтики загорѣлось экономическое соревнование великих держав. Но еще большую заинтересованность проявили отдельные иностранные коммерсанты, и Прибалтика в короткое время покрылась целой сѣтью граничных фирм, как самостоятельных, так и действующих по поручению своих контор в метрополи. Таким образом при участии мирового капитала был налажен прибалтийский экспорт, который впоследствии лег в основу экономического благосостояния этих стран.

Вполнѣ понятно, что интенсивный экспорт существенно обогатил население Прибалтики и значительно повысил его покупательскую способность. Это обстоятельство заставило производящую страну смотреть на Прибалтику, как на потребительницу продуктов их заводов. Вместе с за-

ботами об экспорте начала назрѣвать усиленная кампания импорта. В этой кампании приняли активное участие Скандинавскія страны, Германия, Англия и Франция. Для урегулирования и оживления экспортных операций основывались банки, заключались договоры. За последнее время европейскія государства с особенным вниманием слѣдят за развитием экономической жизни в Прибалтике, стремясь использовать все возможности здѣсь. Представители иностранных фирм переполняют Прибалтику, на выставках заграничные экспонаты занимают выдающееся мѣсто, на территории Прибалтики открывается целый ряд складов заграничных фирм.

Кампания эта проходит не только в порядке индивидуальной коммерческой инициативы, но при оживленном участии общественного мнѣния заинтересованных стран. Шведская, датская и даже английская пресса удѣляют много внимания Прибалтике. Вот что пишет, например, в «Pall Mall Gazette» один из членов английской парламентской делегации, посѣтившей Прибалтику:

«Граждане трех государств: Эстонии, Латвии и Литвы — одни из самых трудолюбивых во всей Европѣ. Повсюду отмѣчается любовь к труду и стремление внести возможно больше улучшений в экономическое положение. Во всех трех государствах валюта стабилизирована, и сбалансированы бюджеты. Взаимоотношения Эстонии и Латвии с сов. Россіей — вполнѣ удовлетворительны, и большевизма внутри страны им нечего опасаться. Британской торговлѣ и промышленности в этих государствах открываются широкія перспективы. Поразительно то чувство дружбы, которое питают эти государства к Англии; это как нельзя больше выразилось в радушном приемѣ, оказанном нашей делегации. Покидая Прибалтийскія государства, все члены делегации вынесли определенное убѣждение, что

1) Прибалтийскія государства питают сильную дружбу по отношению к Англии, и эта дружба имеет практическое значение для британской политики во всей Европѣ,

2) эти государства имеют большое экономическое значение для британских экспортеров и британских потребителей,

3) необходимо обратить серьезное внимание на Прибалтийскія государства с точки зрѣния восстановления Россіи.

Если сов. Россія восстановит свою экономическую жизнь, то главный торговый путь с Запада на Восток неизменно пойдет через Эстонию, Латвию и Литву. Британско-совѣтская торговля, таким образом, будет находиться в большой зависимости от сотрудничества этих государств, высоко развивших свой транспорт».

Как мы видим, английская газета рассматривает Прибалтику со всѣх экономических точек зрѣнія — и как страну для экспорта, и как бассейн для закупки сырья и продуктов и даже, как на посредника в возможной англо-совѣтской торговлѣ. Но британскіе промышленники учли еще одну возможность своего участія в экономической жизни Прибалтики. Еще в мартѣ 1922 года группа английских капиталистов намѣревалась открыть в Ригѣ крупную текстильную фабрику с основным капиталом в 600 тысяч фунтов стерлингов. И это далеко не единственный случай, когда заграничные капиталисты принимают участие в промышленных предприятиях Прибалтики.

За послѣднее время заинтересованность Европы в Прибалтикѣ начала проявляться конкретно. Взаимоотношенія закрѣпляются путем торговых договоров, и в настоящее время мы являемся свидѣтелями переговоров Даніи с Эстоніей и Латвіи с Россіей. Датская пресса удѣляет много мѣста переговорам с Эстоніей и возлагает большія надежды на проектирующійся договор, который должен будет еще болѣе развить оживившуюся за послѣднее время торговлю между обѣими странами. Кстати сказать, Данія не ограничивается одною только Эстоніей и активно работает над развитіем своего экспорта и в остальные страны Прибалтики. Так, она приняла довольно замѣтное участие на послѣдней выставкѣ в Ковно.

Из других скандинавских государств большую заинтересованность в Прибалтикѣ проявляет Швеція. Еще в 1922 году вся шведская печать оживленно обсуждала происходившіе тогда финско-польскіе переговоры и предостерегала Финляндію от соглашенія с «контрагентом Франціи». Тогда же Швеція усиленно обрабатывала общественное мнѣніе Финляндіи в свою пользу. Теперь в Стокгольмѣ обратили серьезное вниманіе и на остальную Прибалтику. Группой шведских капиталистов предполагается учредить акціонерный банк для финансированія экспортной торговли в Прибалтійскія страны. Основной капитал банка составит 10 милл.шведских крон. Банк будет имѣть свои отдѣленія в Ревелѣ, Ригѣ и Ковно. Шведская пресса отнеслась очень сочувственно к этому начинанію и настойчиво совѣтует своему правительству обратить особенное вниманіе на развитіе торговых сношеній с Прибалтійскими республиками.

Не оставляет Прибалтику без своего вниманія также и Россія. Она слишком заинтересована в транзитѣ через эти страны и напрягает всѣ свои усилія к наилучшему улаженію этого вопроса. В послѣднее время совѣтским правительством открываются в Ревелѣ и Ригѣ банки для финансированія транзитных операцій кооперативов. Устав рижскаго банка уже утвержден. Основной капитал его составляет полмилліона лат. В составъ учредителей банка имѣются представители латвій-

ской общественности и финансовых кругов, а также руководители русской кооперации.

Сами Прибалтійскія республики также обращали особенное вниманіе на организацию и использованіе русскаго транзита. Так в 1922 году либавскій магистрат, биржевой комитет и общество фабрикантов обратились к латвійскому правительству с просьбой о переширкѣ на русскую колею либавских под'ѣздных путей, чтобы облегчить сношеніе порта с Россіей. Не оставалась безучастною к вопросам о транзитѣ также и Литва. В цѣлом рядѣ желѣзнодорожных конференцій были разработаны непосредственные желѣзнодорожные маршруты из Германіи в Россію через Ковно—Двинск. Понятно, что изолированность Вильно сильно мѣшает Литвѣ принять болѣе активное участие в использованіи русскаго транзита.

Для окончательной характеристики международного положенія Прибалтики слѣдует указать еще на оживленіе пароходных сношеній с ея гаванями. Непосредственные морскіе рейсы налажены между всѣми главнѣйшими гаванями міра и портами Данцига, Мемеля, Риги, Либавы, Ревеля, Выборга и Гельсингфорса.

Общіе экономическіе интересы Прибалтики являются доминирующими, и в настоящій момент мы наблюдаем напряженіе всѣх сил к координированію хозяйственной жизни. Сейчас мы находимся в періодѣ оживленных переговоров о торговых договорах. По свѣдѣніям эстонской печати ожидается заключеніе торговаго договора между Эстоніей и Литвой. Уже приступлено к предварительным работам и к составленію регистра товаров. Точно также, хотя и с нѣкоторыми осложнениями, происходят сейчас переговоры о торговом договорѣ между Финляндіей и Эстоніей. Ожидается также, что в теченіи этого мѣсяца будет составлен проект торговаго договора между Латвіей и Россіей.

Сейчас еще, конечно, преждевременно выступать с оцѣнкой неосуществленных договоров. Однако, одна черта в международных отношеніях Прибалтики в достаточной мѣрѣ характеризует намѣренія прибалтійских дипломатов. Мы имѣем в виду то обстоятельство, что в договорах прибалтійских республик с другими государствами ставятся во вниманіе при установленіи принципа «благопріятствованія». Это доказывает, что прибалтійскіе дипломаты — предусматривают хотя бы частичную экономическую унию своих государств.

Коммерсанты идут всегда впереди дипломатов. Торгово-промышленные круги уже давно учли общность хозяйственных интересов Прибалтики и

свои коммерческія операціи они совершенно не склонны ограничивать территоріей только одного государства. Это обстоятельство учтено финансистами, которые на 16 октября создали в Ревель конференцію балтійских банков. В конференціи этой приняли участіе Финляндія, Эстонія, Латвія и Польша. В порядкѣ дня слѣдующіе вопросы: 1. нынѣшнее положеніе в отдѣльных государствах (законодательство относительно денежных систем, эмиссионных банков и валютных операцій, государственных финансов, денежных оборотов, денежных рынков, внѣшней торговли); 2. денежная реформа (стабилизациа курса валюты, опредѣленіе курса на основаніи золота, вопрос о денежной унии); 3. совмѣстная дѣятельность государственных банков государств-участников (унификациа кредитной политики и учета, валютная котациа, финансовыя

облегченія при торговых сдѣлках, вопрос о взаимной информаціи).

В настоящій момент мы являемся свидѣтелями поворота в экономической политикѣ Прибалтики. Осознанная общность хозяйственных интересов взяла верх над политико-національной рознью. Весьма знаменательно, что еще прежде, гдѣ эта общность была понята, внутри, извнѣ Прибалтика разсматривалась не иначе, как одно хозяйственное цѣлое. Это мы видѣли во всем направленіи міровой экономики по отношенію к Прибалтикѣ и в этом начертан в грядущем прямой путь балтійской экономической политики. Если политическим границам суждено было разрѣзать Прибалтику на нѣсколько независимых государственных единиц, то все же в будущем она должна представить из себя единое экономическое цѣлое.

Октябрь 1923.

Р. Комаров.

ПРИМѢЧАНІЕ ОТ РЕДАКЦИИ.

По техническому недосмотру на стр. 21 над стихами Ив. Рукавишникова поставлено заглавіе «Сонеты» вмѣсто «Тріолеты».

КОММЕРЧЕСКІЯ ОБ'ЯВЛЕНІЯ

Saldainių fabrikas

„RŪTA“

Šiauliuose

Tilžės g-vė N 21

Telef. N 140 / Telegr. adr.: „Šiauliai „Rūta“

Gamina geriausius visų rušių

SALDAINIUS

FABRIKAS APDOVANOTAS:

1922 m. Lietuvos Žemės Ūkio Parod.

1923 m. " " " " " "
ir Panevėžy

AUKSO MEDALIAIS

Turi 8 pagyrimo lap. I rūšies

Urmo sandėliai:

Kaunas, Laisvės Aleija, 61 N

Panevėžys, Respublikos g-vė, 31 N

VON HEYDEN / DRESDEN (RADEBEUL)

ОТДѢЛЕНИЕ В ЛИТВѢ: АКЦ. О-ВО „PROGRESS“

KAUNAS / MAIRONIO. N 4

Дѣловое сообщеніе

ФАБРИКИ VON HEYDEN, DRESDEN (RADEBEUL)

На второй Литовской Сельско-хозяйственной Выставкѣ 1923 года в Ковно, акціонерное общество „Прогресс“ (экспорт-импорт, Maironio, 4, Ковно), являющееся генеральным представителем в Литвѣ мировой химической фабрики von Heyden Dresden-Radebeul, получило большую золотую медаль за коллекцію образцов цукерина (сахарина) в кристаллах и таблетках.

Настоящее предпочтеніе, оказанное этой фирмѣ, является потому исключительным, что подобнаго отличія не удостоилась ни одна иностранная фирма.

В связи с этим, слѣдует отмѣтить, что препараты цукерина химической фабрики von Heyden в послѣднее время оказались выше конкуренціи вслѣдствіе своей чистоты, сильной сладости и исключительности приотвѣленія.

Особенно значительный успѣх вызовут недавно поступившіе в продажу кристаллическіе таблетки (Crystallosetten), обозначенные D.R.P.

Эти новые таблетки исключительнаго изготвленія: они сдѣланы из отборнаго и чистаго сахарнаго вещества, без примѣси дистиллированной соды, обычно дающей непріятный, металлическій привкус в таблетках другою рода.

Выпущенные фабрикой von Heyden таблетки рѣзко отличаются от других аналогичных фабрикатов тѣм, что в них нѣтъ дефектов, вродѣ 1/5 сахарнаго вещества и примѣси 4/5 очищенной соды.

„Crystallosetten“ von Heyden совершенно не содержат соды, т. к. состоятъ из чистой „Crystalllose“, т. е. натуральной и нейтральной соли сахарнаго вещества, которая годна для раствора сама по себѣ, без иной примѣси. Послѣднее говорит за себя, т. к. при растворѣ обычной сахаринной таблетки, прозрачность жидкости теряется и получается мутный осадок.

Таблетки же „Crystallosetten“ свободны от присутствія алкалоидов, известны не видѣляют и потому всякая жидкость, вода-ли, чай-ли, всегда останутся совершенно прозрачны, сколько бы таблеток в жидкости не растворят.

Благодаря тому, что таблетки, содержащія соду, вслѣдствіе алкалоидов давали всегда муть, ими перестали пользоваться при варкѣ компотов или фруктовых желе и супов, тѣм болѣе, что сладость компота была не вездѣ в своих частях одинакова: в одной половинѣ слаже, чѣм в другой. Естественно, что хозяйки и повара вынуждены были отказываться от изготвленія сладких блюд на сахаринѣ.

Но, в настоящее время, с выпуском фабрикой von Heyden спеціальных сахаринных таблеток „Crystallosetten“, не измѣняется цвѣтъ ни фруктоваго компота, ни варенья и кромѣ того гарантируется равномерное дозирование сладости.

„Crystallosetten“ имѣются в продажѣ в круглых жестянках в 500 таблеток и в картонных коробках того-же количества.

По всем интересующим подробностям и справкам надлежит обращаться в О-ВО „ПРОГРЕСС, МАЙРОНИО № 4.

О П Т О В Ы Й

С К Л А Д

ВСЕВОЗМОЖНЫХ
КОЛОНИАЛЬНЫХ

И

ФРУКТОВЫХ
ТОВАРОВ.

НА
СКЛАДѢ
ВСЕГДА:

САХАР,

ИЗЮМ, МИНДАЛЬ,

СЛИВЫ, КОФЕ,

и др. колониальные товары.

апельсины, лимоны, виноград и
различные свѣжіе фрукты en gros.

Ц Ъ Н Ы У М Ъ Р Е Н Н Ы Я.

Z. RISKINAS • KAUNAS, VILNIUS G-VĖ, N 25

Телефоны:
N N 339. 416

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА

М. БРАУНА

Телефоны:
N N 339. 416

KAUNAS, LAISVĖS ALĖJA, 49

Мѣняет литы на иностранную валюту.
(в долларах, фунтах, марках и т. д.)

Платит за всякую
валюту по наивысшим цѣнам дня.

Чеки в долларах, фунтах и марках оплачивает по берлинскому курсу.

Производит переводы во всѣ страны.

Аккуратное и наилучшее обслуживаніе
кліентов.

Переводы во всѣ города Россіи.

Пріем переводов в Москву в натуральной валютѣ, т. е. выплата в Москвѣ той валютой, какая внесена в Литвѣ.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ БАНК

для поощренія еврейской коопераціи в Литвѣ

צענטראל באנק

צו אונטערשטיצן
די יידישע קאאפעראציע אין ליטע

ZENTRALBANK

zur Förderung des
jüdischen Genossenschaftswesens in Litauen

Telegramm-Adresse:
„CENTROBANKAS“

KOWNO
LAISVĖS ALĖJA NR. 48

Telephon:
NUMMER 282, 384

Корреспонденты в 82 мѣстечках Литвы

*Прямая связь со всеми странами включая **Россію.***

Отдѣленіе в Кибартах.

V. FRENKELIO

BANKO NAMAI:

KAUNAS, LAISVĖS ALEIJA N 80

TELEF. N 342 / TELEGR. ANTR.: „BANKNAM“

SKYRIUS:

KYBARTUOSE TELEF. N 30 / ŠIAULIUOSE TELEF. N 114—115

PANEVĖŽYJE TELEF. N 76

↔
VEIKDO VISAS BANKINĖS OPERACIJOS.
DUODA PASKOLAS, LAIDOJANT ĮVAIRIAIS ĮKAITAIS.
PERKA IR PARDUODA ŠVETIMĄ VALIUTĄ.
↔

PRIIMA PERLAIDOS LIETUVOJ IR UŽSIENYN

INKASO * DISKONTAS.

KORESPONDENTAI VISO PASAULIO ŠALYSE

LIETUVOS
KOMERCIJOS BANKAS

K A U N E
Laisvės Alėja 56. Tel. 330/189

Daro visas bankines operacijas. Korespondentai visose pasauli šalyse.

Skyriai: Kybartuose Tel. 15.
„ Siauliuose, Tel. 163.

ЛИТОВСКИЙ
КОММЕРЧЕСКИЙ БАНК

К О В Н О
Аллея Свободы, 56. Тел. 330.189.

Производит всѣ банковскія операциі. Корреспонденты во всѣх странах міра.

Отдѣленія: в Кибартах. Тел. 15.
„ „ Шавлях Тел. 163.

**I N T E R N A T I O N A L
P A T E N T - B Ū R O**

PATENT AND
TRANSLATION OFFICE

WITH
THE PERMISSION
OF THE
FINANCE AND INDUSTRY
MINISTERIUM PROPRIETOR

JNG. TECHN.
J. KOPELAVIČIUS-JOSEFSONAS
ROTUŠES AIKŠTE, N 2
KOWNO, LITHUANIA

H. MIŠELSKIO IR S. BURGINO
BANKINĖ KONTORA

Производит
всѣ банковскія операциі добросовѣстно
и аккуратно

KAUNAS,
LAISVĖS ALĖJA 82 NR.
TEL. 157 IR 402

Telegr. adr.:

MIBURG

ŠIAULIAI,
KURŠĖNŲ G-VĖ 1-A NR.
TEL. 154 IR 155

Geriausi ir gardžiausi
**Šokolados, saldainiai ir
marmeladas**

I-jo Lietuvių šokolado ir saldainių fabriko

» **BIRŪTĖ** «

ŠIAULIUOSE.

Gyvuoja nuo 1911 m. - Telef. N 19.

Fabrikas apdovanotas: prieš karą 6 did. medaliais

3 aukso, 2 sidabro, 1 bronzos

ir Liet. Žemės Ūkio ir Pramonės Parodose, 1921 m.

I Laipsnio pagyr. diplomais ir 1922 m, 1923 m.

dvim aukso medallais.

Atstovybė kooperatyvams:
Lietuvos Koperacijos B-vių Sąjunga
Kaune ir visuose jos skyriuose.

Sandėliai:

Kaune, Laisvės Alėja, N 31

Telef. N 380.

Vilniuje, Klaipėdoje, Šiauliuose ir vasaros metu
Palangoje ir Juodkrantė.

Gerb. pirkėjų prašome atsilankyti persifikuoti naujų rušių
saldainių ir šokolado.

Didžiausias Lietuvoje
Aliejaus Fabrikas

Акц. В-вė „Ringuva“

KAUNAS ŽEM. ŠANČIAI.

Gamina:

geriausią valgomąjį aliejų.
Technikos aliejų (pokostą)
Žaliajį muilą. Visokius dažus
Išspaudas (kalocius). Ratams
tepalą.

Nuolat perka linų sėmenis.

ВСЕГДА НА СКЛАДЪ

Все для
заводов

Масла
американскія

Ремни
кожаные, вер-
блюжьи (из
чистой верблю-
жьей шерсти) и
балата

Арматура
мѣдная
и трубы

Все для
мельниц

Сита
шелковыя
швейцарскія

Масса
для заливки
мельничных
каменей

Стронтельные
материалы

Уголь
кузнечный

Т. ШАПИРО,
КОВНО

Склад желѣза и технических
Сущ. с 1847 г. товаров Тел. № 147

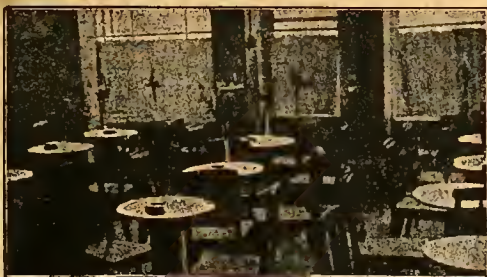
Больш. Виленская ул. № 8.

КОНДИТЕРСКАЯ
КОНРАДА

Лайсвės Алеїжа Nr. 25

Осковна в 1852 г.

Телеф. № 107

Различныя пирожныя. Заказы ис-
полняются быстро и аккуратно.

Торты, кекс, пирожныя и шоколадные
конфеты собственнаго издѣлія.

»BRILIANT«

(Владѣлец — Я. Зайчик)

KAUNAS / LAISVĖS AL. N 59

Драгоценныя вещи }
Золотыя часы } в большом
Бриллианты } выборѣ

и по весьма доступным цѣнам

ВЛАД. Я. ЗАЙЧИК.

БР. ВИРОВИЧ
 Maironio g-vė, 9
KAUNAS.

J.S. WIROVITSCH FRÈRES
 (Agents du Comptoir Mondial, Paris)
 9, rue Maironio
KOVNO.

Всегда в большом выборѣ:

Всевозможныя
Французскія вина,
Коньяки,
Шампанское,
Ликеры
 наилучших французских фирм.

Всегда на складѣ парфюмерія
„HOUBIGANT“
 и др. извѣстных фирм.

Продажа только en gros.

Цѣны весьма умѣренныя.

„EKSIMPORT“

предлагает голландский

СУПЕРФОСФАТ 18/20%

по наидешевым ценам и наилучшего качества.

Заказы принимаются теперь же всеми отделениями

ЛИТОВСКОГО ЗЕМЕЛЬНОГО БАНКА

(LIETUVOS ŪKIO BANKAS)

KAUNAS, LAISVĖS ALĖJA, 31

Тел. N 57

Телеграф. адрес.: „Kaunas-Eximportas“

EKONOMINE KARIU VENDROVE

Военно-Экономическое Общество с отделениями, обслуживающими

:: уважаемых членов Общества и полковые лавки. ::

Обувная мастерская
Daukanto g-vė N 8
Заказы. Починки

Мясная лавка
Laisvės Alėja N 23
Продажа членам О-ва

Парикмахерская
Ковно, Laisvės Al. N 19
Шанцы, Juozap. pr. N 59
Доступные цены

Швальная мастерская
Laisvės Alėja N 34
Аккуратное исполнение
по доступным ценам

Центральный Военный Магазин

Laisvės Alėja N 29

Мануфактура, галантерея, косметика, кожа, письмен. принадл.
различные продукты.

Шанцевское
отделение магазина
и парикмахерской
Juozapaviciaus pr. 59

Фотография
Laisvės Alėja N 43
Аккуратное исполнение
по доступным ценам

Часовая
мастерская и оптик
Laisvės Alėja N 29

Аптека
Красного Креста,
Соборн. площадь
Лекарства отпускаются г.
г. членам О-ва по понижен-
ным ценам

A. ŠPILLER

LAISVĖS ALĖJA, 46

Большой выбор учебных пособій для всех музык.
инструментов и пѣнія

НОВИНКА:

CH. BERIOT. Школа для сярпика. На Литовском яз.

Классни в лучших изданіях. Тѣ же изданія в роскошных переплетах для подарков.

Салонная музыка. Интервенциональныя новинки:
Fox-trott, Jimmy, One-step, Boston
в большом выборѣ.

К открытію сезона Государственной Оперы на складѣ имѣются Клавиры (с текстом для пѣнія и для фортепиано) всех опер, идущих на госуд. сценѣ.

Популярные романы. Огромный выбор.
Каталог высылается по первому требованію.
Сумки для нот.

Музыкальные инструменты: струнные и духовые.
К сезону — бубны для балета.

Грамофонныя пластинки и иголки.

МЕТРОНОМЫ

Бюсты, барельефы и статуэтки
композиторов-классиков

НОВОСТЬ! . . „Les derniers accords de Chopin.“ НОВОСТЬ! . .
Собств. издание. Для
роля.

(„Последніе аккорды Шопена.“)

Самые 50 разных модных журналов дамских и мужских. Продажа en gros и в розницу.

Скорая и аккуратная доставка а провинцію.

КОВЕНСКІЙ ЛОТО-КЛУБ.

Уютно! Весело! Непринужденно!

Часы игры: 8—12 ч. веч.

При клубѣ-буфет:

Холодные и горячія кушанья.

Запись в члены клуба производится ежедневно в часы игры.

Kaunas, Gaisru g-vė, д. Мишельскаго.

United Baltic Corporation

LIMITED

158, Fenchurch str. LONDON E. C 3.

Ковенское Отделение

7a Gedimino gvė 7a

Телефон № 175.

Генеральные представители для Литвы всемирно известной Африканской Линии

UNION CASTLE LINE

Удобная и скорая поѣздка в

ЮЖНУЮ АФРИКУ

из Либавы на пароходах

ANGLO BALTIC LINE,

которые отходят из Либавы каждую неделю по пятницам и согласуются со всемирно известными пароходами **Union Castle Line**, отходящими прямо безпересадочно в Южную Африку каждую неделю.

Справки и сведения выдаются бесплатно в отделениях

United Baltic Corporation, Ltd.

КОВНО, Gedimino gve 7a. — ЛИБАВА, Kurmajas iela 2. — РИГА, Kalku iela 10.
(Бывш. Laisves al. 20)

Телеграфный адрес: 'Unibaltico.

Единственное прямое безпересадочное сообщение из Литвы в

АМЕРИКУ И КАНАДУ

на быстроходных почтово-пассажирских двухвинтовых пароходах

BALTIC AMERICA LINE

„Latvia“, „Polonia“, „Lituania“ и „Estonia“.

Удобная поѣздка до порта.

Специальные каюты также и для пассажира 3-го класса.

Для еврейских пассажиров кошерная кухня. По вечерам на пароходах демонстрируются для пассажиров кинематографические картины.

Salomon Warschawski

Kowno, Wilnaerstr. 19

E
X
P
O
R
T

NADEL- UND LAUBHÖLZER
GRUBENHOLZ, PAPIERHOLZ
Baumaterial und Sägewaren
aller Art.

E
X
P
O
R
T

Export of Soft and Hard Woods, Mining,
Timber, Pulpwood.

ТИПОГРАФІЯ
МАКС МАТТИССОН

РУССКІЙ ОТДѢЛ

КНИГИ, ЖУРНАЛЫ, ГАЗЕТЫ, БРОШЮРЫ, ПРОСПЕКТЫ, КАТАЛОГИ, ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЯ ИЗДАНИЯ, БЛАНКИ и пр. ТИПОГРАФСКІЯ РАБ. ХУДОЖЕСТВЕН. МНОГОЦВѢТНЫЯ ИЗДАНИЯ. МАШИННЫЙ и РУЧНОЙ НАБОР ИЗГОТОВЛЕНІЕ МАТРИЦЪ и КЛИШЕ ПЕРЕПЛАТНАЯ

ПЕЧАТАНИЕ НА РУССКОМ, УКРАИНСКОМ, СЕРБСКОМ, БОЛГАРСКОМ, ЛИТОВСКОМ, ЛАТВИНСКОМ, ЭСТОНСКОМ и ФИНСКОМ ЯЗЫКАХ

ПРИЕМ ЗАКАЗОВ ИЗ-ЗАГРАНИЦЫ ПО ПЕРВОМУ ТРЕБОВАНІЮ ВЫСЛАЮТСЯ ПОДРОБНЫЯ СМѢТЫ ПЕРЕПИСКА НА РУССКОМ ЯЗЫКѢ РУССКИМ ОТДѢЛОМ ЗАВѢДУЕТ П. В. ВАСИЛЬЕВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ЕЖЕГОДНАГО СПРАВОЧНИКА „KINO - ADRESSBUCH“ И ЕЖЕМЯСЯЧНАГО ЖУРНАЛА „NEUE ADRESSE DER FILM - UND KINO - INDUSTRIE“

BERLIN SW 68, RITTERSTRASSE 71-75
TEL.: DÖNHOF 3360, 3361, 3362.

BUCHDRUCKEREI
MAX MATTISSON

BÜCHER, ZEITSCHRIFTEN, ZEITUNGEN
BROSCHÜREN, PROSPEKTE, KATALOGE
ILLUSTR. DRUCKSACHEN, GESCHÄFTS-
KARTEN, BRIEFBLÄTTER USW.

KÜNSTLER. MEHRFARBENDRUCK

HAND- UND MASCHINENSATZ
IN ALLEN WELTSPRACHEN

HERSTELLUNG VON KLISCHEES UND MATERN
BUCHBINDEREI — AUSFÜHRUNG ALLER AUS-
LANDSAUFTRÄGE IN SORGFÄLTIGSTER WEISE
— PREIS-ANSTELLUNG AUF WUNSCH —

VERLAG DES KINO - ADRESSBUCH
UND DER MONATLICH ERSCHEINENDEN
„NEUE ADRESSEN DER FILM- UND KINO-
INDUSTRIE“

BERLIN SW 68, RITTERSTRASSE 71-75
FERNSPRECHER: DÖNHOF 3360—3362.

СЕГОДНЯ
НЕЗАВИСИМАЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ
ГАЗЕТА

ЦѢНА ОТДѢЛЬНАГО НОМЕРА 5 РУБЛЕЙ
ПОДПИСНАЯ ПЛАТА ЗА МЯСЯЦ
В ЛАТВИИ 125 РУБЛЕЙ
ЗАГРАНИЦЕЙ 135 РУБЛЕЙ

РЕДАКЦІЯ,
ГЛАВНАЯ КОНТОРА И ЭКСПЕДИЦІЯ
РИГА, ГЕРДЕРОВА ПЛОЩАДЬ 1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1924 Г.

НА ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ЭКО-
НОМИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ С БОЛЬШИМ
ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫМ ОТДѢЛОМ

V-ый
ГОД ВРЕМЯ ИЗДА-
НІЯ

ВЫХОДЯЩУЮ 1 РАЗ В НЕДЕЛЮ
В ГОРОДѢ БЕРЛИНѢ

Пріем подписки и объявленій в конторѣ
редакціи и во всѣх почтовых учрежденіях.

BERLIN W 8, KRONENSTRASSE 5—6

ЕЖЕДНЕВНАЯ
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА
„НАРОДНАЯ МЫСЛЬ“

РИГА (Latvija)
Почтовый ящ. № 347.

СОБСТВЕННЫЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ
ВО ВСѢХ ЦЕНТРАХ ЕВРОПЫ

Выходит и по понедѣльникам

ЕЖЕДНЕВНАЯ
ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА
„ПОСЛѢДНІЯ ИЗВѢСТІЯ“

РЕВЕЛЬ (Eesti)

РЕДАКТОР Р. ЛЯХНИЦКІЙ
Tallin, Patuшная, 17.

В ЧИСЛѢ СОТРУДНИКОВ ПРОФЕС-
СОРА ДЕРПТСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

Выходит и по понедѣльникам

Kiekvienas pilietis
reikal. skaityti „Lietuva“

V metai.

V metai.

Lietuva

visuomenės ir politikos dienraštis.

---

leidžiamas kasdien, išskiriant šventadienius.
Atskiro numerio kaina 10 centų.

Redakcijos ir Administracijos adresas: KAUNAS, KANTO GATVĖ 14
Telefonai: Redakcijos — 238 ☎ Administracijos — 236

Redakcija (kamb. 3) priima nuo 10 iki 2 val. dieną
:: Administracija priima nuo 8 iki 1 val. dieną ::

Prenumerata: 1 mėn.—1 lt. 25 ct., 3 mėn.—3 lt. 75 ct., pusei metų—7 lt. 50 ct.,
ir t. t.; užsieny: 1 mėn.—5 lt., 3 mėn.—15 lt. ir, t. t. Latvijoje: 1 mėn.—4 lt.,
3 mėn.—12 lt. ir, t. t. Skelbimų kaina: petito eilutei arba jos vietai po
teksto 80 cent., prieš tekstą—1 lt. 60 ct., pamestas pasas — 15 litų.

LIETUVOS ŽINIŲ

Vienintelis Lietuvoje laisvos ir progresyvės
minties dienraštis

» LIETUVOS ŽINIŲ «

gina Lietuvos liaudies reikalus, tvirtai stovi už žemės reformą ir stovi sąryboje obalsio: Laisva, nepriklausoma, demokratinga Lietuva, su Vilnium, Klaipėda ir Amerika.

» LIETUVOS ŽINIŲ «

suteikia kas dieną naujausių žinių ir nesibijo tarti teisybės žodį.

» LIETUVOS ŽINIŲ «

Vienintelis Lietuvoje dienraštis, kuris gina Amerikos Lietuvių reikalus ir paduoda naujausių žinių iš gyvenimo mūsų išeivių Amerikoje.

» LIETUVOS ŽINIŲ «

laikas nuo laiko yra papuošiamas karikatūromis ir pašiniiais.

KAINA: Lietuvoje mėnesiui 5 lit., užsienyje 7 lit.

„LIETUVOS ŽINIŲ“ Administracija

KAUNAS, Laisvės Al. 60. /// Tel. 223.

Поступил в продажу

Студенческие Годы № 5

Ежемесячный журнал Издания О. Р. Э. С. О.

СОДЕРЖАНИЕ: 1. Черное солнце. А. Воеводин. 2. Забытые ключи. С. Кречетов. 3. Ой вишенька, черешенька. В. Р. Ваурик. 4. Стихи: Н. Болсуис. Вос. Ильинский. 5. Статья: Питир. Сорокин. Д. Мейснер. Н. В. Быстров. И. Черкесов. С. Воронский. 6. Вести из России. 7. Студенческая жизнь. 8. Хроника. 9. Критика и библиография. 10. Театр и искусство.

Цѣна отд. ном. а Чехословакии 5 кр. ч. за границей 7½ ам. центов.

Гл. контора и редакция
Прага, Žižkov, Vožvíjova 19

Склад Издания
Logos, Berlin SW 68, Markgrafenstr. 87

Представительства

для Латвии:
М. Дидковской кв.-газ.
вспекдия
Rīga, Stabu-tele, 45 dz 2

для Польши:
«Rozprawy» Warszawa
ul. Nox 45 kv. 8.
Почт-адр.
Warszawa, Conco 192

для Болгарии:
книж. ёкл. „Зарница“
София, Врабча 6

для Югославии:
Е. Жуков.
Belgrade, ul. Strachnca
Bana II, Код Schröter 4 cpr.

для Франции:
С. Novossiltzeff.
20 rue Scheffer, Paris (XVI)

для Германии:
Отд.ковт. «Studentische Gody»
Berlin - Charlottenburg.
Bleibtreustr. 8/9, Gartenhaus II

Geriausia, patogiausia ir tikriausia

pinigams saugoti vieta

Pietuvos Ūkio Bankas

Kaunas

Paisvės Alėja Nr. 31

Didžiausias Bankas Lietuvoje ☉ Atlieka greit ir gerai visas bankines operacijas ☉ Turi skyrius visoje Lietuvoje ir artimiausius ryšius su Amerikos ir kitų valst ubių bankais

Kapitolas 15.000.000 Litų

Priima indelius ir perlaidas į visas pasaulio šalis ☉ Už padėtus pinigus moka geriausius nuošimčius ☉ Išmoka greitai perlaidas ☉ Perka visų šalių pinigus.

Tad kas nori turėti teisingą ir greitą banko reikalais patarnavimą tesikreipia tik į

Pietuvos Ūkio Banką

ir jo Skyrius

ЛИТВА-АМЕРИКА.

Наилучшее, удочнейшее и быстроходнейшее сообщение
ИЗ ЛИТВЫ В АМЕРИКУ величайшими и комфортабельными пароходами Американской Правительственной Линии

„UNITED STATES LINES“

Американская Правительственная Линия имеет следующие суда:

Leviathan * George Washington
President Harding
President Roosevelt

AMEIKA	PRESIDENT POLK
PREZIDENT ADAMS	PRESIDENT WAN BUREN
PREZIDENT GARFIELD	PRESIDENT ARTHUR
PREZIDENT MONROE	PRESIDENT FILLMORE

За всеми справками устно и письменно обращаться в
Генеральное Представительство

United States Lines

для Литвы:

KASTANTAS NORKUS — Kaunas

LAISVES ALEJA, 9.

Telegr.: Kanorkus Kaunas или Seapostes Kaunas.

Telef.: N 324.

БАЛТИЙСКИЙ АЛЬМАНАХ

II.

EIETUVA

LATVIJA

EESTI

SUOMI

**Редактор:
Евгеній Шкляр**

**Издатель:
А. С. Рискин**

1924

Принимается подписка на ежемѣсячник литературы, искусства и экономики

„BALTIKOS ALMANACHAS“.

„БАЛТІЙСКІЙ АЛЬМАНАХ“,

выходящій книгами в 100 — 120 стр. і 4^о.

Lietuva — Latvija — Eesti — Suomi

Редакція ставит своей цѣлью — всемѣрное отстаиваніе идеи сближенія балтійских республик на демократических основах их взаимного культурнаго и хозяйственнаго развитія.

В ближайших №№ будут помѣщены произведенія слѣдующих авторов:

ЛИТВА: Казиса Бинкиса, Я. Бергольца, Вс. Боева, А. Виенуолиса, І. Вишневекаго, І. Жилевича, Фауста Кирши, В. Креве - Мишкевича, И. Майрониса - Мачулиса, Ив. Монтвила, проф. Арк. Пресса, А. Ружанцова. Юрг. Савицкаго, Б. Сруоги, Sigit'а, І. Тыслavy и др.

ЛАТВІЯ: Аспази, І Вейспала, проф. Диль, д-ра Зива, Мат. Каудзита, К. Якобсона, Ј. Райниса, Бируты Скуйнек, В. Третьякова, С. Зилина и др.

ЭСТІЯ: Е. Григорьевой, А. Гординой, проф. Зака, Г. Виснапу, И. Ияно, Б. Мьяндметса, Фредер. Тугласа, Маріи Ундер и др.

ФИНЛЯНДІЯ: поэта Рунеберга, проф. Ниеми, Ј. Вуотилайна, Ив. Саволайнена, Педри Хонга и др.

БѢЛОРУССІЯ: Тараса Гуши, Ш. Ядвигина, И. Ласта, Бидули и др.

ГЕРМАНИЯ: Вольфганга Грегера, Отто Гейнце, и др.

РОССІЯ: А. Авилова (Москва), І Матусевича (Berlin), Ив. Бѣлоусова (Москва), Андрея Бѣлаго (Москва), Екатер. Галати (Петроград), Эриха Голлербаха (Петроград), Георгія Дешкина (Москва), Вѣры Звягинцевой (Петроград), И. Коноплина (Berlin), Кальмы (Berlin), Кир. Кирилова (Berlin), Д. Лутохина (Прага), Лопшица (Копенгаген), С. П. Мельгунова (Berlin), Т. Мачтет (Москва), проф. Овчинникова (Berlin), А. Палъя (Петроград), Николая Минаева (Москва), Вл. Назимова (Berlin), Петра Пильскаго (Ревель), проф. С. Прокоповича (Berlin), Гл. Струве (Berlin), Ив. Рукавишникова (Москва), Конст. Федина (Петроград), Владислава Ходасевича (Berlin) и др.

Главная редакція и нонтора
(для Прибалтики и Россіи):
Litauen, Kaunas,
Nemuno Kranto, 21.

Берлинская редакція:
Berlin W 50.
Würzburger str., 10. I
Телеф. Pfalzburg 55-31

Экспедиція и Типографія:
Max Matisson. G. m. b. H. Berlin S W 68.
Ritterstr., 71. Telef. Dönhof 33-60.
Зав. берлинск. отд. Телеф. Hansa 25—71.

Подписная цѣна на ½ года: 2 америк. доллара. Отд. № 40 америк. сент.

Редактор: Евгений Шклар. Завѣд. берлинск. отд.: Ив. Коноплин. Издатель: А. С. Рискин.

ЗОЛОТЫЕ МЕДАЛИ

На Выставках 1923 года

в Ковнѣ, Поисвѣжѣ и Шавлях.

Свыше двадцати высших наград на Европейских
Выставках до войны.

AUKSO MEDALIAIS

Parodose 1923 metais

KAUNĖ, PANEVĖŽY IR ŠIAULIUOSĖ

Auksčiausias dovanos Parodose Europie
priėš karo.

Isteigtas 1907 metais

Pirmasis Lietuvos Gelumbių Fabrikas

OSKARO TREJAUS

Фабричный Центральный Магазин : Fabrikos Centralinė Krautuvė

КОВНО, Лайсвес Аллея № 78

KAUNAS. Laisvės Alėja 78

SMULKUS IR ŪRMŲ PARDAVINEJIMAS FABRIKOS KAINOMIS.

Drapu, vielūru, bastonu, gėlumbės, medžiagos ėilems ir ėerkasu.

»БАЛТІЙСКИЙ АЛЬМАНАХ«

ЕЖЕМЪСЯЧНИК ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА И ЭКОНОМИКИ

Главн. редакція: Евгений Шкляр. Издательство: А. С. Рискин. Берлинск. редакція: Иван Коноплин. Редактор эконом. отд.: Владимир Назимов. Завѣд. худож. отдѣл.: А. Минчин. Предствительства: для Латвіи — И. Зидин; для Эстїи — Алекс. Шульц; для Финляндїи — Ив. Воутлайнен; для Россїи — Георгій Дешкин.

Zentrale: Lithuanie, Kaunas, Nemuno Kr., 21.

Filiale: Berlin W 50, Würzburger Str. 10 I. Телефоны: Pfalzburg 55-31, Hansa 25-71.

Типографія и экспедиція: Max Mattsson, Ritterstraße 71, Berlin SW 68. Телефон Dönhoff 33-60.

Об'явленія: 1 страница \$ 15; 1/2 стрн. \$ 8; 1/4 стрн. \$ 5. При многокр. повтор. 10% скидки. За содержаніе об'явленій редакція не отвѣчает. Об'явленія Издательств со значит. скидкой. Подписка: принимается на 1/2 года на сумму \$ 2, по адресу главной конторы в Литвѣ.

Цѣна отдѣльнаго №: в Австріи 40 амер. ц., Англіи 3 шиллинга, Бельгїи 8 бельг. франк., Болгарїи 40 лев., Венгріи 8.000 венг. крон., Германїи 2 зол. мар., Голландїи 1 1/2 гульдена, Греціи 25 драхм, Данїи 3 дат. кроны, Данцигѣ 3 гульдена, Испанїи 3 песеты, Италїи 9 лир., Латвіи 100 лат. руб., Литвѣ 4 лита, Люксембургѣ 8 франков, Норвегїи 3 нор. кроны, Палестинѣ 3 шиллинга, Польшѣ 900000 пол. мар., Португалїи 9 эскудо, Румынїи 100 лей, Финляндїи 15 фин. мар., Франціи 8 фран., Чехо-Словакїи 13 чеш. кр., Швейцарїи 3 шв. франка, Швеціи 2 швед. кроны, Эстїи 140 эст. мар., Югославїи 30 динар, Японїи и Китаѣ 1 1/2 іены, Америкѣ 1/2 дол., Аргентинѣ 1 1/2 бум. пезо, Бразилїи 4 милрейса, Чили 4 бум. пезо, Африкѣ (Англїйск.) 3 шиллинга, Африкѣ (Италїян.) 9 лир., Африкѣ (Французск.) 8 фр. франк.

№ 2

ЯНВАРЬ 1924 г.

2 ой ГОД.

СОДЕРЖАНІЕ

1. Карл Камсу. „Над водопадом“ (Иматра) — пер. с финскаго В. Головина.
2. Рунеберг. „Наш Край“ (финскій нар. гимн.). — пер. В. Головина.
3. В. Креве-Мицкевич. Три новеллы. — (пер. с литовскаго — I. В.).
4. Р. Камзен. „Даль зардѣлась“ (с эстонск. О Лукк).
5. Анна Гава. „Осень“ (с эстонск. Лукк).
6. Таамсааре. „Фави“ (с эстонск. — Е. Григорьева).
7. Стихи Іанїониса (с литовскаго — I. Вишневскїи).
8. Адам Мицкевич. „Чатырдаг“ — из поэмы — (пер. Влад. Ходасевича).
9. Проф. К. Тіандер. „Путешественник IX вѣка о Литвѣ и Эстїи“.
10. Стихотворенія Ивана Бѣлоусова.
11. Андрей Бѣлый. „Преступленіе Николая Летаева“ (двѣ главы).
12. Свящ. Григорій Петров. „Искусство и жизнь“.
13. Современная русская поэзія. Стихи: Наталїи Кугушевой (Москва), А. Пальѣя (Петроград), Вѣры Звягинцевой (Петроград), Николая Минаева (Москва), Ал. Авилова (Москва), Георгїя Дешкина (Москва), Екатерины Галати (Петроград), Глѣба Струве (Берлин), Ивана Рукавишника (Москва).
14. Кальмы. Из нѣмецкой лирики: стихи Лиліенкрона.
15. Бенно Геплер. „Зараза“. Разсказ.
16. М. Щербаков. „Шанхайскія миниатюры“. (Перевод с китайскаго).
17. Иван Коноплин. „Бермонтовщина“, (продолженіе).
18. Ю. Айхенвальд. „Литературные эскизы“.
19. Петр Пальскїй. „Без героя“ (О Серапіоновых братьях).
20. Д-р. Макс Осборн. „Художник Макс Банд“.
21. Кальма. „Св. Елена, маленькїй остров“ — М. Алданова.
22. Экономическїй отдѣл. В. Назимов. „Экономическіе очерки“. Статьи: Экономическая жизнь Литвы, Латвіи, Польши, Эстонїи и Финляндїи — Старога Экономиста.

В номерѣ двѣ репродукціи с картин Макса Банда: а) „Село“ и б) „Голова матроса“.

Редактор: Евгений Шкляр.

Издатель: А. С. Рискин.

ИМАТРА.

*Карл Крамсу.
(С финскаго.)*

В раздумьи стоял я вечерней порой
Один, на краю водопада.
Кипящія волны неслись подо мной,
Как рѣзвое, буйное стадо.
Могуч был их голос так мог бы звучать
Один только голос свободы.
И вот что, казалось, хотѣли сказать
Мнѣ смѣлая, шумная воды:
„Ломая преграды, несемся вперед,
Мы, царства подводнаго дѣти:
Мы знаем, что тот, кто оковы порвет,
Пред роком не будет в отвѣтъ.
И как бы, о, люди, вам рок ни грозил,
Вы также бы счастья добились,
Когда бы, в сознании собственных сил,
Порвать все оковы рѣшились.

Helsinki (Suomi)

Перев. В. Головин.

НАШ КРАЙ.

(Финскій народный гимн)

*Рунеберг.
(С финскаго.)*

Наш край, наш край, родимый край!
Греми, о, клич святой!
Каких нам гор, долин ни дай,
Каких волн сторон ни знай, —
Гдѣ любят так свой край родной,
Как любим съвер свой.
Убог наш край, и будь таким
Корыстному душой.
Чужой кичась, пройдет пред ним, —
Но мил он, мил сынам своим...
Нам милы шхеры, бор густой, --
Там край наш золотой.

Helsinki (Suomi)

Мы любим говор рѣкъ своих,
Своих ручьев полет,
Унылый шум лѣсов густых,
Сіянье лѣта, звѣзд ночных;
Все, все, что взгляд иль пѣснь дает,
Чѣм сердце здѣсь живет.
Здѣсь мыслью, плугом, здѣсь мечом
Отцы вели свой бой;
Здѣсь... здѣсь во тѣмѣ и ясным днем,
Равно покоен, тверд во всем,
Здѣсь сердцем жил народ родной,
Здѣсь финн нес жребій свой.

Перев. В. Головин.

В. Криве-Мицкевич.
(С литовскаго.)

ОРЕЛ.

Ты спрашиваешь, дѣвушка, почему я не прихожу в твой садик, в котором ты так часто отдыхаешь.

Не прихожу ни днем, ни вечером: ты напрасно меня ожидаешь. . . Когда был я в чужеземной странѣ, на высокой скалѣ нашел я орлиное гнѣздо. Гнѣздо орла, который не парит по лазурному поднебесью нашей страны низменностей и равнин.

Из гнѣзда я вынул маленькаго орленка, принес с собой в свою страну, вырастил его и воспитал. . . Когда же крылья его окрѣпли — почувствовал он в своей груди силу и высоко подымался к облакам, проносясь, как владыка пернатых. И несмотря на то, что его окружали высокія, свободныя горы и скалы, гдѣ он мог всегда найти пріют, он неизмѣнно возвращался в свою обитель: в мою убогую хижину.

И все же тѣсно было орлу у меня. И, подумав, рѣшил я: в нашей странѣ есть король, который любим и уважаем всѣми. Каждый подносит ему, что есть у него лучшаго, у меня же нѣтъ ни золота, ни серебра, ни драгоценных камней, ничего, что могло бы быть поднесено королю в видѣ подарка, — понесу ему своего орла, великаго царя птиц. . .

Обрадовался король моему дару, полюбился ему орел. Но чтобы он не улетѣл вовсе, приказал ко-

роль заковать в золотыя цѣпи прекрасныя орлиныя крылья и посадить в клѣтку, а мнѣ разрѣшил пользоваться гостепримством в королевских садах, похожих на сказочныя лѣса.

Внезапно скончался орел в своей золотой вольѣ — неизвѣстно, как это случилось: нарочно ли он изорвал свою грудь о колючую проволоку ограды, или когтями ее истерзал, золотыми своими цѣпями — никто не узнал. . . А король не спросил, отчего погиб орел, но разгнѣвался на меня, говоря, что я обманул его. И в гнѣвѣ своем приказал он мнѣ уйти из садов и покинуть предѣлы его королевства.

Теперь блуждаю я, как тот, у котораго нѣтъ пристанища, по буеракам, кочкам, пустырям и оврагам — там, гдѣ нѣтъ никого, гдѣ на безлюдьи скитаются звѣри, свободные и вольные, любящіе эту волю, как любил ее мой орел. . . Я странствую и не жалѣю зачарованных, цвѣтущих садов короля, похожих на сказочныя лѣса. . .

Поэтому не выпытывай, прелестная дѣвушка, почему я не прихожу в твой розовый садик, гдѣ ты меня ждешь.

Не прихожу ни днем, ни вечером, хотя ты меня, о, милая, ждешь.

Пер. I. В.

ЛЮБОВЬ.

Обо мнѣ говорят люди, что я падшая, так как ежедневно с ранняго утра до глубокой ночи я гуляю в лучших своих одеждах. . .

Гуляю утром, в полдень и вечером по улицам и площадям города, по его тѣнистым садам и бульварам. . .

И, гуляя, смущаю старых и юных, чьи взоры прикованы к моей легкой, волнующейся походкѣ, я знаю — своими глазами они стараются уловить

мой взоры, так как каждый из них в душѣ лелѣет мысль, о том, чтобы я принадлежала ему.

Поэтому люди говорят обо мнѣ, что я—падшая. А я каждый день лицо свое омываю благовонными духами, натираю руки и ноги душистыми маслами, чтобы были они свѣжими, чистыми и бѣлыми.

Каждый день я нанизываю на пальцы лучшія мои драгоценности: золото и брилліантовыя перстни,

на грудь янтарь и жемчуг — и в ярких нарядах хожу по городским улицам и тѣнистым садам.

Долго гуляю и ищу только одного, только того, кто мнѣ дорог, кого-бы хотѣла я встрѣтить и кому хотѣла-бы нравиться. Только тому хочу отдаться, кого жадное сердце полюбит.

Но вот я иду рядом с ним; он на меня не глядит. Взором слѣжу за его шагами, а он не замѣчает меня. И гуляю, гуляю тогда одна в лучших своих одеждах с раннего утра до позднего вечера, до той поры, пока он не замѣтит меня и сам не желает быть со мной.

Перев. I. В.

П Ъ С Н О П Ъ В Е Ц .

Знаю я пѣсню пѣсней, — ни одна живая душа ее не знает, кромѣ меня и той, которая поет мнѣ ее.

Никогда не видал я того пѣснопѣвца, что мнѣ поет ее, но его я знаю, его образ ношу в сердцѣ своем.

Как тяжело, как грустно мнѣ, когда чувю, что уходит он от меня, хоть на миг — я жду, я жду его возвращенья.

Его пѣсня безмолвна, но я понимаю ее, в ней нѣтъ ни звуков, ни тонов, но я ее слышу. Неустанно звенит и звучит она в ушах моих, — радостная, как пѣсня утреннего жаворонка, трепетная, как первые лучи восходящего солнца; иногда она печальна и тиха, как первый вздох любовного томленья, иногда она тяжка, — мертвящая вереница разочарованій, горячая, горькая, как слезы...

Она звучит, звучит вездѣ и всегда, неумолчно и, звеня, уносит в иные міры, пробуждает из гробниц давно почивших, оживляет еще неродившихся.

Она звучит триумфальным эхом прекрасной Эллады, могильным упреком, слезой материнской.

Звоном кандалным и лязганьем цѣпи, немощью гибнущих націй звучит она... Стенаньем глубо-

каго горя звучит она, но вдруг брызнет осіянным блеском Цезарева величія.

Так звенит она неумолчно, всегда и вездѣ.

О, сны мои, мои пѣсни, рожденныя в безсиліи духа, и немощью сердца воспоенныя... О, сны мои, вы душите меня, как десница карающаго духа, как клеймо проклятья, как Каиново клеймо...

О, сновидѣнія мои, адовы сны, — вы душу мою испепелили пожаром горечи... Сны мои неисполнимые, неуловимые, сны, полные безсилья и усталости... О, сны мои... Кто вас нарядил в легкія ткани звуков, кто поет вас в моей душѣ? О, знаю, о, знаю... Тоска, это ты!.. Надежды, это вы!

Они разсѣиваются, мои свѣтлые, золотистые сны... Гдѣ вы? Почему вы таете, как туман от дуновенья вѣтра, лишь только заглянет в очи мои насмѣшливая улыбка судьбы?... Сны - мечтанія... О, лучезарные, о, синіе, — вы так прекрасны, вы так заманчивы... О, сновидѣнія, — источник жизни вѣчной, о, сны, вы — уединенная молитва!..

Сны мои, — вы вѣстники прекрасной королевны-Грусти. Она поет мнѣ свою вечернюю пѣсню... О, мои сны, о, сны...

Перев. I. Вишневскій.

К а и н а s,
(Lietuva) Декабрь 1923.

ДАЛЬ ЗАРДЪЛАСЬ...

*Р. Камзен.
(С эстонскаго).*

Даль зардълась...
Спи, трудовая страна, меркни, сердечное пламя.
Если проснемся, и жизнь загремит ураганом,—
Вспыхнет сердечное пламя.

Трепет. Движенье... Лучи уже ближе,—
Лучам нѣтъ преграды:
Ночь отойдет, а утру мы рады...

Проснулись луга и лѣса, и кличем веселым
Несется повсюду, по нивам и селам:
Свѣтает, свѣтает...

Tallinn (Eesti).

Перев. О. Лукк.

* * *

ОСЕНЬ.

*Анна Гаава.
(С эстонскаго).*

Осенній шорох...
Туманный взлет.
Но сердце скорбно
Чего-то ждет.
Весна умчалась,
Ах, быть бѣдѣ,
И шепчет осень:
„А лѣто гдѣ?“...

Tallinn (Eesti).

Перев. О. Лукк.

А. Таамсааре.
(С эстонскаго).

Ф А В Н.

Мы долго бродили по лѣсистым холмам, ища грибов и ягод. Поднимались по отлогим скатам, спускались в овраги. И когда между стройными высокими соснами заблестѣла неподвижная поверхность озера, раскинувшася внизу у наших ног, мы остановились на минутку, молча глядя в даль. Затѣм, переглянувшись, улыбулись и зашагали дальше по покрытой цвѣтушим вереском землѣ.

— Может быть, сядем? предлагаю я.

— Вы устали? спрашивает она вмѣсто отвѣта, слегка насмѣшливо; перекидывает на грудь свою свѣтлую, как спѣлая пшеница, косу, внимательно разглядывая розовый бант, точно боясь, что он развяжется.

— О, нѣтъ — я отвѣчаю поспѣшно, так как не хочу устать скорѣе, чѣм она, так просто, хорошо было бы посидѣть. Давайте, сядем гдѣ нибудь на скатѣ холма, откуда будет вид просторнѣй.

— Но мнѣ хочется посидѣть в долинкѣ, — говорит она немного капризно, откидывая назад голову.

— Пойдем в рошу, мнѣ все равно.

— Нѣтъ, уж в рошу что-то не хочется.

— Ну чтож поднимемся на холмик.

— И на холм не хочется.

— Влѣзем на деревья, на любое — по выбору.

Она смотрит на меня смѣющимися глазами и внезапно рѣшает:

— Пойдем к лѣшему.

— К лѣшему? — переспрашиваю я.

— Вы его не знаете?

— Нѣтъ.

Мы идем. Она беретса указать дорогу и очень этим гордится. Мы перелѣзаем через холмики и спускаемся к берегу озера, гдѣ она подводит меня к старому челну, на край котораго мы садимся.

— Это и есть ваш лѣшій? — спрашиваю я.

— Он самый.

Но это всего лишь челн, челн праотцев, сооруженный без пилы и рубанка, составленный из двух толстых обрубков, выдолбленных топором и скрѣпленных деревянными шпунтами. Трещина, обра-

зовавшаяся между обѣими половинками, настолько широка, что всякій гребец, довѣрившись этому плавучему средству, неминуемо пошел бы ко дну. На носу и на кормѣ мнѣ как будто видятся надрѣзы ножом, и глаз мой тщетно старается сплести их в надпись или узор. Вокруг челна развѣсили свои кудри березки и переплетаются широкими вѣтвями ели. Корни их покрывают растущая ключьями высокая трава, мягкій мох и слегка шуршащая под ногами хвоя.

Озеро высыхает. Среди тины, ила и липкой грязи поблескивают узкіе ручейки воды, лѣниво извивающіеся по направлению к западу, гдѣ протекает рѣка. На набухшем точно от кипѣнія илѣ тут и там уже высовывается трава, и через нѣсколько лѣтъ все зарастѣт настолько густо, что прослѣдить в липкой грязи уток будет невозможно. В воздухѣ пахнет прѣлым торфом, черноземом и смолой.

— Но вѣдь это челн — говорю я послѣ нѣкотораго молчанія.

— Нѣтъ, это лѣсовик.

— Откуда вы это знаете?

— Так просто, знаю, старые люди говорят.

— Что они говорят?

— Я не знаю что, не помню хорошо, но во всяком случаѣ это — печальная исторія.

— Несчастливая любовь — говорю.

— Почему вы знаете?

— Как же, любовь всегда несчастна.

— Если вы знаете, то должны рассказать, все, подробно. А я буду слушать. Это страшно?

— Немножко и страшно.

— Ну рассказывайте, скорѣй. . .

Но что я должен был говорить, когда об этом лѣсовикѣ слышу впервые. Дѣвушка подсѣла ко мнѣ совсѣм близко, и глаза ея не отрывались от моих губ. Ея синіе глазки открылись от любопытства и каждое движеніе рѣсниц, казалось, придало глазам новый, еще не бывшій в них оттѣнок. Я любовался этими переливами, сдвинутыми бровками, раскрытыми от нетерпѣнія, обвѣтренными яркими губами и стал рассказывать:

— Давно, очень давно на этом мѣстѣ стоял дремучій лѣс, — не чета тому, который стоит здѣсь сейчас. Деревья росли в нем высокіе и такія толстыя что их не обхватить было и семерым мужикам. Никто их не рубил, так как на каждом деревѣ жил охранявшій его дух и чѣм мощнѣе было дерево, тѣм сильнѣе и могущественнѣе был и обитавшій в нем дух. Весной на верхушках деревьев тосковала кукушка, но никто не знал для кого куковала она; внизу в вѣтвях заливалась горихвостка, и невѣдомо для кого звучала ея пѣсенка. Озеро было тогда полно прозрачной серебристой воды и свѣтлыя волны его ласкались к подножьям холмов. В походія на сумерки весеннія ночи дремавшего под развѣсистой елью, у тлѣющаго костра, усталаго охотника часто пугали пронзительное гиканье и неударимый хохот, — точно парни деревенскіе на лугу потѣшаются. Но поиски в лѣсу ни к чему не приводили: лишь хворост хрустѣл под ногами, да испуганная птица, поднявшись с вѣтвей, шурша задѣвала крылом листву.

В ту пору на берегу озера жил фавн. Еще дѣд мой помнит огромное дуплистое дерево, служившее ему жилищем. То фавн отвѣчал на гиканье лѣсовиков раскатистым гоготом, нарушая ночной покой усталаго охотника. Это фавн соорудил себѣ челн и катался по озеру, точно рыболов. Его забавляло жить как лѣсник и заниматься людскими дѣлами; но когда ему надоѣдало грести, он выскакивал из челна, мчался по поверхности озера, ржал как молодой жеребец и копыта его выбивали сверкающія искры из водяной ряби озера. Откинув назад голову, выгнув шею, он хлестал бока распущенным хвостом и из ноздрей его подымался пар, затѣмнявшій солнце и звѣзды.

А то вдруг опустится на воду, превратится в утенка, жалобно кричающаго, точно тоскующаго по матери, унесенной ястребом. Качается он порой на озерѣ бѣлѣющій щепкой, то вдруг вновь сидит в челнѣ и гребет, как настоящій рыбак. Ночью, лишь только поднимется тонкая пелена туманов, он бродит по берегу озера или скользит по водѣ от одного края озера до другого, точно крѣпкій лед. И много других проказ творил фавн, но не было никого, кто мог бы увидѣть его и кого он мог бы удивить своими продѣлками.

Раз случилось, что к озеру вышли юноша и дѣвушка. Юноша был высок ростом, а у дѣвушки были синіе глаза и свѣтло-желтые волосы, которые волнами покрывали спину ея, ниспадая ниже колѣн. . .

— Какіе длинные! — удивляется моя слушательница, — у меня они до колѣн не доходят.

— А если их распустить? . . .

— Тогда . . . я не знаю. . .

И, продолжая свой рассказ, я распускаю ея волосы. Но она этого не замѣчает — ея глаза при-

кованы к моим губам. Запуская руки в волнистыя пряди волос, играя ими, я рассказываю:

Юноша и дѣвушка стояли на берегу озера; дѣвушка от долгаго хождения нѣсколько устала, хотя она в этом и не хотѣла признаться, и вдруг они увидѣли на озерѣ челнок, а в нем лежащаго на спинѣ рыбака — лѣсовика.

— Окликнем рыбака, может быть он нас покажет, — предложила дѣвушка.

Юноша исполнил ея просьбу.

Но фавн давно уже их примѣтил. Он видѣл стройный стан юноши, видѣл и синіе глаза дѣвушки и ея свѣтло-желтыя волосы, спускавшіеся ниже колѣн. И сердце его трепетало от предчувствія радости, когда он в образѣ старика подгреб к берегу.

— Вы нас покатаете? — спросила его дѣвушка.

— Мой челн мал, он не выдержит троих, — отвѣтил фавн.

— Может быть вы нас двоих отпустите с ним, а сами пока останетесь на берегу?

— Мой челн с круглым дном и обманчив; поѣдете — сами отвѣчайте за себя.

— Но меня вы покатаете?

— Идите, — послѣдовал короткій отвѣт.

И дѣвушка сѣла в челн лѣсовика, а юноша остался один на берегу озера.

Но лишь только челн достиг середины озера, вмѣсто стараго сгорбленнаго рыбака перед дѣвушкой очутился красавец юноша со шлемом на головѣ и шпорами на ногах. С лица он был точно королевич и вся осанка его говорила о мужествѣ. От удивленія дѣвушка точно онѣмѣла; не отрываясь глядѣла она на него и ждала, что он скажет. Но молчал фавн и только взгляд его тонул в синих глазах дѣвушки.

Наконец он заговорил. Пьянящую рѣчь услышала дѣвушка:

— Давно ждал я тебя, очень давно. Качаясь в своем одиноком челнѣ, я думал о тебѣ; ты грезила мнѣ, когда я бродил по лѣсу. Расхваливала своих дочерей баба-яга, но меня лишь томил тоска; свѣсившись с вѣтвей, манили меня красавицы лѣсовички, но я отвѣчал на зов их смѣхом. Я стар, я — вѣчен, но люблю смертных. Люблю весной бродить по лѣсистым холмам, люблю скользить по пестрѣющим муравам, опускаться на колѣни среди цвѣтов и упиваться их запахом, — вѣдь у каждого цвѣтка свой особый аромат, так быстро улетающійся. Но утомленный лобзаніями цвѣтов, усталый от преклоненія перед ними, я убѣждаюсь, что еще так много новых, еще незнакомых мнѣ цвѣтов, томящихся ожиданіем и благоухающих, и меня охватывает чувство горькой печали. Бросаюсь на ковер цвѣтов, исходя в рыданиях, точно я — человекъ, в острый миг пьянаго восторга почувствовавшій сожалѣніе о безвозвратно прошедшем.

И фавн спросил у дѣвушки:

— Слышала ли ты мой плач весной, когда все радуется, ликует и поет?

— Слышала — прошептала дѣвушка, — слышала, когда бывала одна.

— О, конечно, ты должна была слышать мои рыдания! Осенью, когда умолкает лѣс, я вспоминаю о теплом вѣздышкѣ среди черемухи. Сюда забиваюсь и выжидаю, не набухнут ли снова их почки. И только увижу первый бѣлый вѣнчик, нѣмью и молчу, пока ранние заморозки не унесут послѣдніе лепестки. Таким был, когда жаждал тебя, моя единственная. Далеко, далеко, в знакомой только мнѣ части глухого лѣса среди дубов, растет высокій раскидистый клен. Осенью, когда под дыханіем первой холодной росы, зацѣпнѣют листья и брызнет на них золотом осеннее солнце, они становятся свѣтло-желтыми, точно они выковытаны из стеблей спѣлой пшеницы. Об этом кленѣ вспоминаю, когда люблюсь твоими джудрями, моя желанная. Но глядя в твои глаза, я думаю о своем Голубом озерѣ — оно лежит за холмами, между высокими горами, куда никогда не проникает ни малѣйшій вѣтерок. Когда я, забавляясь, кружусь на водѣ, выбивая дробь одной ногой, к берегам расходятся широкіе крупы, быстрѣе задвигается вода, заискрится. Пламя зажигается в моем взорѣ и туманит зрѣніе. Необъяснимым чувством заносит грудь, трепетная дрожь пробѣгает по тѣлу и кажется мнѣ, что должен я встать на колѣни, молиться и преклоняться, мое голубое озеро мнѣ кажется бездонным, и сам я себѣ кажусь ничтожным, маленьким, безсильным. И до боли хочется схватить чью-то руку, припасть к ней, коснуться губами кончиков пальцев. . .

И лѣсовик опустился перед дѣвушкой на колѣни, схватил дрожащія ея руки и цѣлуя, коснулся кончиков пальцев. . . вот так, так, так. . . Его поцѣлуи были страшны и холодны, как глубина лѣсного озера, но по тѣлу дѣвушки пробѣгал горячій трепет и она молчала, пораженная.

Но все это не укрылось от глаз оставшагося на берегу юноши: он горько закричал. В испугѣ вскочила дѣвушка. Но челн был с круглым дном и обманчив — он опрокинулся. Озеро проглотило и фавна и дѣвушку.

В неутѣшном горѣ, ломая руки, бродил по берегу юноша, но не было никого, кто пришел бы к нему на помощь, кто утѣшил бы его. И юноша выволок пригнанный вѣтром к берегу опрокинутый челн и сѣл на кормѣ, сюда, гдѣ сейчас сидим мы. Не будучи в состояніи покинуть берег озера, он позабыл свой дом своих родных, забыл безпомощнаго отца, слѣпнущую мать, и остался жить в том дуплистом деревѣ, гдѣ раньше жил фавн. Челн уносил его каждый день на середину озера, каждый день имѣл он при себѣ лук с серебряной стрѣлой, чтобы отомстить фавну. И под вечер, выво-

лакивая челн на бережный песок, он окружал его тайными знаками, в надеждѣ, что придет за челном лѣсовик, и убѣдившись, наконец, что приходил враг, — стал сторожить его ночью. Тогда увидѣл, как пришел за челном фавн, как выплыл на нем до середины озера, как подымалась из пучин дѣвушка и как опять лѣсовик цѣловал кончики ея пальцев.

Но уже был натянут тугой лук, уже прицѣлился вѣрный глаз, заплѣла стрѣла и, прорѣзав воздух, вонзилась фавну в самое сердце. Пронзительный крик разсѣк ночную тишину, зашумѣла вода озера и исчезли в ней и фавн, и дѣвушка, и челн. Утром же челн оказался на обычном мѣстѣ, лишь спутаны были знаки, которыми его окружил юноша.

И стал копать юноша глубокой ров: он рѣшил спустить всю воду озера, чтобы найти фавна и дѣвушку. Без устали рыл он землю: и рано утром при зарѣ, и в жаркой полдень, и в прохладные сумерки, но прилежавшая к рѣкѣ горная мѣстность была камениста и копать было трудно. Он провет над этой работой всю свою молодость, копая ров, он возмужал, он продолжал рыть землю и тогда, когда посеребрились волосы его и потеряли зоркость и блеск глаза. И когда, наконец, был прорыт ров и вода из озера стала выливаться в рѣку, он уже ослѣп совершенно и не было никого, кто помог бы ему отыскать фавна и дѣвушку. Уж он и просил, и звал, и манил, но голос потерял былую звучность, и зов уже ни до кого не доходил. Печально дополз он до своего дуплистаго дерева, печально опустился на край челна, вспоминая прошлое. И по настоящій день никто не знает, кто он был, откуда пришел, когда умер и кто его схоронил, но всѣ знают, что он был, жил и умер.

Прошло много лѣт. Вѣсковое вѣтвистое дерево пало жертвою урагана и, падая, убило оно многія молодыя деревья. Ствол его никѣм не был расчищен и никто не изслѣдовал его об'ем. Но, когда на нем выбивал такт усердный молоточек дятла, оно глухо звучало, как огромный пустой сосуд, и эхо этого звука далеко отдавалось в сосновом бору. Первые дровосѣки, сидя на нем, коптели на медленном огнѣ салаку и они рассказывают о нем чудеса. Озеро уже тогда высыхало и на липкой тинѣ оставляли свои слѣды дикія утки. Челн оставался на том же мѣстѣ, гдѣ его оставил старик и он стоит тут до сегодняшняго дня.

Но раз, когда коптившіе салаку мужики, сидѣли на дуплистом стволѣ, они увидѣли оленя, стремительно вылетѣвшаго из лѣсу, точно за ним гналась погоня или его привлек сладкій запах салаки; как бѣшенный вихрь понесся он по озеру, взметая липкій ил.

— Что за бѣшенный олень, — сказал один из мужиков.

— Тут что то не то, — покачал головой другой.

— Поможем ему, — торопил третій, вскочив с мѣста.

Пошли они и выручили оленя, но за помощь ему пришлось поплатиться рогами и шкурой. Распотрошив животное, удивились мужики: в самом сердцѣ его сидѣла серебряная стрѣла.

— То-то он и скакал, как бѣшенный, — сказал первый мужик.

— Я ли не говорил, что тут что-то не в порядкѣ, — отвѣтил второй.

— Кому достанется стрѣла? — спросил третій.

Тут всѣ трое схватились за стрѣлу и извлекли ее из сердца животнаго. Не желая уступать ее другому, дошли они до того мѣста, гдѣ спасли оленя. В тот же миг раздался страшный шум и как бы жалобное бляеніе семидневнаго ягненка. Обернувшись, испугались мужики: оленя и слѣд простыл, между красноватыми стволами сосен мелкнуло что-то, точно бѣлая козуля. На берегу же остались лишь рога и шкура. Пораженные, уронили мужики серебряную стрѣлу в тину озера, и до сегодняшняго дня она никѣм не найдена, хотя всѣ знают, что она должна быть в тинѣ. Мужиков же обуял страх и с того дня они на всегда остались косноязычными и никто никогда так и не узнал откуда они взяли рога и шкуру.

Я рассказывал, а взор дѣвушки не отрывался от моих губ. Я глядѣл на ея обнаженные ноги, любясь их красивыми линиями.

Tallinn (Eesti).

И смотрѣл в ея синіе глаза, гдѣ уже не было обманчивой игры переливающихся тѣней, смотрѣл на ея пухлые губки, от солнца и вѣтра испещренные трещинками. Глядѣл и любовался. Но губы мои не складывались в поцѣлуй. Я играл лишь ея свѣтлыми, как спѣлая пшеница, волнистыми прядями волос.

Уже наступили сумерки, когда мы покинули «лѣшаго» и пошли, повѣсив на руки корзины, прижимаясь друг к другу. Шуршала под ногами достигавшая колѣн трава, ломались сучья и изрѣдка вспархивала вспугнутая нами птица. Воздух был полон влажным запахом тины и терпким духом плакучей березы.

Мы молчали. . .

Это был единственный случай, когда мы вдвоем сидѣли на челнѣ и я рассказывал ей свою безхитростную сказку про фавна. Теперь — как и раньше — я брожу один по холмам, и когда усталыя ноги просят отдыха, я привычной дорогой спускаюсь к челну праотцев, сажусь на край его и смотрю на кажущіеся узоры, как будто все надѣясь прочесть письмо прошлаго. Сижу и вспоминаю преданіе про лѣсовика, но боюсь, что память мнѣ измѣняет, что я мѣняю и тон и весь рассказ.

Возможно что это так, но одно помню хорошо: у нея были синіе с перемѣнчивыми тѣнями глаза и я до самых сумерок играл волнистыми прядями ея свѣтлых, как спѣлая пшеница, волос.

Перев. Евалія Григорьева.

СТИХИ ІАНИОНИСА.¹⁾

КУЗНЕЦ.

Видишь, занят: кую. Не мѣшай, поди прочь!
Зря нѣтъ времени спорить с тобою...
Хорошо те глазѣть, коль мошна велика,
А вот доля моя — это труд бѣдняка, —
Оттого я кую, — и кую день и ночь.

Хочешь ты поглядѣть, как страдает наш брат
И подумать, что жизнь так отрадна,
И что молотом двигать уж очень накладно,
Если дома голодные дѣти пищат!..
Да, занятно глядѣть, как страдает наш брат.

Ха-ха-ха... Что, занято?.. Но станет занятнѣй:
Переполнится чаша терпѣнья,
И рабы уничтожат послѣднія звенья
Неволи своей, чтобы бить безошадно...
Ха-ха-ха. Вот уж будет занято!..

ВИДАЛ-ЛИ ТЫ.

Видал-ли ты,
Как с фабрики, усталый,
Отец-бѣдняк домой пришел
И дѣток, умерших от голода, нашел,
И падших дочерей? Облокотясь,
Онѣ с гостями пили и, смѣясь,
Скрывали то, что горе знало.

Видал-ли ты,
Видал-ли ты? —
Как стражники плетью и шомполами
Голодную толпу с горящими глазами
Пытались разогнать, и что-же? —
Сердца их дрогнули, чтобы минутой позже
За честь высокую они сочали,
Усѣять улицу кровавыми тѣлами.

Видал-ли ты,
Видал-ли ты? —
Как безумѣвшая мать, уж с давних пор,
В изорванной одеждѣ по утрам
В дѣсу скитается: меж сосен там
Родимый сын, убитый сын лежит,
И плачет там она и голосит,
И страшным хохотом пугает бор.

Каунас (Lietuva)

перев. І. Вишнеоскій.

¹⁾ Печатаемые стихи принадлежат перу единственнаго крупнаго литовскаго поэта бѣдноты и пролетаріата, Іаніониса, умершаго а самом расцвѣтѣ своего творческаго таланта.

ЧАТЫРДАГ.

*Адам Мицкевич.
(С польскаго.)*

Мирза говорит:

„Трепещет мусульман, стопы твои лобзая.
На крымском кораблѣ ты—мачта, Чатырдаг!
О, міра минарет! Гор грозный падишах.
Над скалами земли до туч главу вздымая,
Как сильный Гавріил перед чертогом рая,
Возсѣл недвижно ты в небесных воротах!
Дремучій лѣс—твой плащ, а молнии сѣют страх,
Твою чалму из туч парчею расшивая.

Нас солище пепелит; туманом дол мрачим;
Жрет саранча посѣвъ; гяур сжигает дома, —
Тебѣ, о, Чатырдаг, тревоги незнакомы:

Меж небом и землей толмач—к стопам своим
Повергнув племена, народы, земли, грома, —
Ты внемлешь только то, что Бог глаголет им!“

* * *

Мотать любовь, как нить, что шелкопряд мотает;
Из сердца лить ее, как ключ, что не скудѣет;
Ковать, как золото: пусть блещет и сверкает;
Разсѣивать ее, как пахарь зерна сѣет;
Лелѣять бережно, как мать дитя ласкает.

Таить ее: пускай в душѣ взиграет,
Как под землей родник. Взвить ввысь, как вѣтер вѣет.
Разсыпать по землѣ, как пахарь зерна сѣет.
Людей лелѣять в ней, как мать дитя ласкает.
И будет мощь твоя, как мощь міровращенья,
Потом — как мощь земли, мощь роста и цвѣтенья,
Потом — как мощь людей, потом — как херувимов, —
И станет наконец — как мощь Творца творенья.

ПУТЕШЕСТВЕННИК ДЕВЯТАГО ВѢКА О ЛИТОВЦАХ.

Одним из интереснѣйших и древнѣйших источников о культурѣ и бытѣ Балтійскаго края на зарѣ исторіи является отчет норвежца Вульфстана о своем путешествіи, записанный королем *Альфредом Великим* на англо-саксонском языкѣ и вставленный в его перевод всемірной исторіи *Оросія*. Сочиненіе *Оросія* «*Historiarum adversus paganos libri VII*» представляет собой краткій обзор всемірной исторіи от сотворенія міра до 417 г. по Р. Хр. и в средніе вѣка часто употреблялся в качествѣ учебника. Въмѣстѣ с тѣм это первый опыт изобразить послѣдовательность міровых событій как проявленіе Божьяго разума. Эта религиозная точка зрѣнія, а также и желаніе дать своим соотечественникам руководство по исторіи на родном языкѣ побудили, должно быть, короля Альфреда со свойственной ему энергіей перевести сочиненіе *Оросія* на англо-саксонскій язык.

Но вмѣстѣ с тѣм король Альфред рѣшил заполнить пробѣл, вполнѣ естественный у *Оросія*, но непростительный с точки зрѣнія англо-саксонскаго читателя. В первой главѣ, содержащей географическій обзор древняго міра, т.-е. Западной Азіи и стран Средиземнаго моря, *Оросій* обходит молчаніем часть Европы, лежащую к сѣверу от Альп. Все то, что лежит к востоку от Рейна и к сѣверу от Дуная, у *Оросія* пустое мѣсто, совершенно его не интересующее. Для англо-саксов же главный интерес был направлен как раз к этим странам. Поэтому задача короля Альфреда состояла в том, чтобы дать самостоятельное описаніе средней и сѣверной Европы. Для этой цѣли он бесѣдовал с двумя норвежскими путешественниками, по имени *Отер* (*Other*) и *Вульфстан*. *Отер*, жившій на крайнем сѣверѣ Норвегіи, в провинціи *Halgo-land*, представил королю Альфреду подробный отчет о своих путешествіях в Ледовитый океан к финскому народу *Веотмас*, к *Бьярмаланду* исландских саг. *Вульфстан* же, повидимому, был родом из южной Норвегіи и поэтому мог сообщить королю свѣдѣнія, собранныя им во время путешествія по Балтійскому морю.

В обоих случаях король Альфред воспользовался этими устными источниками одинаковым образом. Из англо-саксонскаго текста явствует, что король подвергал норвежцев допросу, при чем

они должны были дать точныя цифровыя данныя, которыя король тут-же записывал. Но иногда норвежскіе путешественники должны были признаться, что они не могут отвѣтить на тот или другой вопрос короля. В таком случаѣ король записывал, что его собесѣдник не мог дать отвѣта на поставленный ему вопрос. Так как король Альфред стал изучать латинскій язык только в 887 г., а в 901 г. уже скончался, то перевод *Оросія* должен относиться к 90-ым годам девятого столѣтія. К этому же времени относятся также его бесѣды с *Отером* и *Вульфстаном*, между тѣм как их путешествія, разумѣется, происходили немного раньше.

I

Для того, чтобы составить себѣ правильное понятіе о достовѣрности отчета Вульфстана, прежде всего необходимо выяснитъ себѣ его путь. Точкой отправленія является «*of Haedum*» т.-е. Шлезвиг, который в скандинавских источниках называется *Hedeby*. Отсюда Вульфстан ѣхал вдоль южнаго побережья Балтійскаго моря по направленію к востоку. «Все до устья Вислы — говорит он — по правой рукѣ от нас лежала страна вендов — *Weonodland*». Вульфстан подробно описывает область нижней Вислы, при чем упоминается устье Вислы у Данцига — *Wislemuda*, рѣка Эльбинг — *Ilfing* и город *Truso* у озера *Drausensee*. Любопытно, что Вульфстан называет Вислу славянским именем *Wisle*. Затѣм Вульфстан также знает *Witland*, западную часть *Самланда*¹⁾. Но здѣсь явно прекращается его личное знакомство с мѣстностью. Область, лежащая к востоку от *Витланда* и рѣки Эльбинг, у Вульфстана обозначается огульным понятіем *Estland* (вариант *Eastland*), а других географических имен он вообще не называет. Поэтому мы вправѣ заключить, что путешествіе Вульфстана только и простиралось до устья Вислы, а все то, что он сообщает о Балтійском краѣ, основано не на личных наблюденіях, а на дошедших до него слухах.

¹⁾ Zeuss. Die Deutschen und die Nachbarstämme, стр. 669; Yrjö K o s k i n e n, Sur l'antiquité des Lives en Livonie, стр. 396.

— Но что собственно Вульфстан подразумевает под Estland?

Так как, по мнѣнію Вульфстана, рѣка Эльбинг протекает «с востока из Estland», а с другой стороны Витланд граничит с эстами — Esti (вариант Easti), то он очевидно не может имѣть в виду Эстляндію и эстонскій народ на южном берегу Финскаго залива. Висла и Эльбинг впадают, по его указанію, в «Estmere», ширина котораго на этом мѣстѣ 15 миль. Этот термин Вульфстана необходимо сопоставить с литовским названіем Aistmares, которое можно возстановить из сохранившагося Aismares¹⁾. Ширина в 15 миль указана довольно правильно, так как разстояніе от южной оконечности Швеции до Помераніи 70 — 100 километров, до устья Одера же (по линіи Борнгольма) — 180 километров. Правда, Балтійское море мѣстами доходит и до ширины в 300 километров, но эти мѣста лежат уже дальше к востоку и находились внѣ поля зрѣнія Вульфстана. Названіе Estmere — Aistmares Вульфстану могло напомнить и древне-скандинавское обозначеніе Балтійскаго моря — Eustrasalt.

Для выясненія географической терминологіи Вульфстана необходимо принять во вниманіе и то, что король Альфред рассказывает о народѣ Osti. Этот народ живет к востоку от Ostsaе. Последній же «морской рукав» простирается и к сѣверу от Osti. К югу от шведов на противоположном берегу морскаго рукава живут Osti, а к востоку от них Sermende т.е. сарматы²⁾. Сопоставляя эти данныя и принимая во вниманіе нѣкоторыя легко объяснимыя ошибки, можно притти к выводу, что король Альфред называет балтійскіе народы общим термином Osti или Esti, не входя в их этнографическую дифференціацію. Подобно тому, как норманы говорили о «пути на восток» — Austrvegr, так для короля Альфреда живущіе на востокѣ народы были — Osti или Esti, Балтійское море — Ostsaе или Estmere, а Балтійскій край восточной страной — Estland. Двойственность же терминологіи произошла от того, что король пользовался двумя разными источниками, из которых один был Вульфстан. Из одного, неизвѣстнаго нам источника король Альфред позаимствовал термины Osti и Ostsaе, а Вульфстан сообщил ему термины Esti, Estland и Estmere.

II

В первом отдѣлѣ своего отчета о Балтійском краѣ Вульфстан дает общія указанія о населеніи,

¹⁾ Мы цитируем разбираемый памятник по слѣд. изданію: King Alfreds Orosius. Edited by Henry Sweet, M. A. стр. 16, строка 29-35.

²⁾ Nesselmann, Wörterbuch der litauischen Sprache, стр. 18.

его образѣ жизни и социальном строѣ. Приводим названный отрывок в дословном переводѣ:

«Эстланд страна весьма обширная и в ней очень много замков, а в каждом замкѣ обрѣтается король. Там весьма много меду и рыбной ловли. Король и богатѣйшіе люди пьют кобылье молоко, болѣе бѣдный же народ и батраки пьют мед. Между ними существует очень большая вражда. Но пива эсты совсѣм не варят, так как у них достаточно меду.»¹⁾

Перед нами совершенно ясно выступают два слоя населенія: высшій слой, пьющій кобылье молоко, и низшій слой, занимающійся пчеловодством и рыболовством и пьющій в отличіе от высшаго слоя мед. Среди перваго слоя упоминаются и короли, ко второму причисляются также батраки. Упомянутіе царящей между ними вражды указывает на то, что в данном случаѣ происходило насильственное господство одного слоя населенія над другим. Различный образ жизни, сказывающійся в употребленіи различных напитков, наводит на мысль, что перед нами два народа, этнографически разнородных.

Что именно балтійскіе народы пили кобылье молоко, засвидѣтельствовано и другими источниками. Адам Бременскій (гл. IV § 18) рассказывает, что «сембы и пруссы употребляют в пищу конское мясо и пьют конскую кровь и кобылье молоко с такою жадностью, что их можно назвать пьяницами». В своей прусской хроникѣ «Chronicon terrae Prussiae» Петер Дусбургскій сообщает, что «пруссы пьют либо чистую или медом услащенную воду либо кобылье молоко. Последніе они пьют, предварительно благословив его. В древніе времена они другога напитка и не знали». Эти историческія свидѣтельства дополняются еще тѣм обстоятельством, что пруссы имѣли особое слово для обозначенія кобыльаго молока.

В то время, когда в Европѣ еще водились стада диких лошадей и человек охотился за ними, как за другой дичью, конское мясо и кобылье молоко употреблялось повсемѣстно. В пещерах Солотрэ, находящихся около Макона в долинах Роны, найдены доисторическія кучи костей, оставшихся послѣ 40.000 с'ѣденных лошадей. При языческих жертвоприношеніях лошадь, которая считалась священным животным, играла большую роль и при культовых праздниках с'ѣданіе конскаго мяса считалось обязательным. Поэтому миссіонеры с особым рвеніем встали против употребленія конскаго мяса в пищу. Миссіонеры повели свою кампанію против конскаго мяса столь успѣшно, что европейскіе народы вплоть до сего дня питают предубѣжденіе против конины. Но в восьмом и девятом вѣках употребленіе конины было еще

¹⁾ Orosius, ed. Sweet, стр. 20, строка 14-19.

очень распространено. В то время еще держали лошадей для культовых цѣлей в священных рощах. Отсюда же получил название Шверин, который в старину назывался *Zwarin* или *Zwerin* от «звѣрь» — здѣсь находился «звѣринец», посвященный богу Свантевиту. Папа Григорій III упоминает в 732 г. Бонифация, обратившаго германцев в христіанскую вѣру, в том, что он разрѣшает вновь обращенным питаться кониной. Что же касается Литвы, то здѣсь еще в XVII вѣкѣ происходили охоты на диких лошадей.¹⁾

Таким образом, индо-европейцы с давнишних пор охотились за дикими лошадьми, питались кониной и пили кобылье молоко, между тѣм как финскіе народы гораздо позднѣе и то при посредствѣ индо-европейцев познакомились с лошадыю. Самое распространенное финское обозначеніе лошади *hepo* и *hevonen* заимствовано у индо-европейцев. Ливское *erzōl* = жеребец происходит от латышскаго *ersels* и литовскаго *erzilas*. Наконец, в финских языках совершенно нѣтъ слов, обозначающих кастрированных лошадей. Таким образом, Вульфстан под людьми, пьющими кобылье молоко, никак не мог разумѣть ливов, но его опредѣленіе вполне подходит для индо-европейцев, живших в этой мѣстности, а таковыми являлись предки или ближайшіе сородичи литовцев.

Зато рыбная ловля, упоминаемая Вульфстаном, является характерным промыслом ливов, которые сами себя называют прибрежными жителями — *randalaiset*. Характерно, что ливское название весла — *airas* перешло к латышам в видѣ — *airis*. Можно в балтійских языках указать еще на другія заимствованія с ливскаго языка, касающіеся морского быта: лат. *laiva* из ливск. *laiva*, означающее лодку или судно; лат. *sala* из ливск. *sala*, означающее остров; лат. *valgums* из финск. *valkama*, означающее бухту и т. под.²⁾ Если наша гипотеза о двух народах у Вульфстана правильна, то отпадает догадка Коскинена, будто ливы только в девятом вѣкѣ морским путем заняли берега Курляндіи. Нам кажется болѣе вѣроятным, что финскіе народы были исконными жителями Балтійскаго ярая. Вѣдь еще в XIII и XIV вѣках ливы жили на низовьях Зап. Двины, в мѣстности Митавы и Либавы. Но под натиском балтійских народов ливы стали отступать к морю и таять. Вульфстан свидѣтельствует о том процессѣ порабощенія ливов, который в концѣ концов имѣл своим послѣдствіем вымирание ливскаго народа вплоть до небольшой прибрежной полосы на сѣверѣ Курляндіи.

¹⁾ Reinhardt, Kulturgeschichte der Nutztiere, стр. 150.

²⁾ Ahlqvist, die Kulturvölker der westfinnischen Sprachen.

III

Второй отдѣл отчета Вульфстана посвящен чрезвычайно интересным погребальным обычаям балтійской народности, подразумеваемой под «эстами». Предпосылаем дословный перевод этого мѣста:

«У эстов существует обычай, по которому тот, кто умер, не предается сожженію, а должен лежать среди своих родственников и друзей в теченіе одного мѣсяца, а иногда и дольше; короли же и другіе высокопоставленные люди лежат несожженными в своих домах над землей, чѣм они богаче, тѣм дольше, иногда даже полгода. Все время, пока покойник находится дома, пируют и играют вплоть до того дня, когда труп предается сожженію.

В тот день, когда выносят покойника на костер, его имущество, оставшееся послѣ пиршеств и игрши, дѣлится на пять или шесть, а иногда и больше частей, смотря по величинѣ наслѣдства. Потом они кладут первую часть на разстояніи по крайней мѣрѣ одной мили от дома, а далѣе вторую и третью часть и всѣ части должны лежать на этой одной мили; но наименьшая часть должна лежать ближе всего к тому дому, гдѣ лежит покойник. Потом всѣ мужчины, имѣющіе наиболѣе быстрых коней в странѣ, должны собираться по крайней мѣрѣ в пяти или шести милях от имущества. Затѣм они всѣ скачут по направленію к имуществу. Тот, кто обладает наиболѣе быстрым конем, достигает первой и самой большой части имущества, и далѣе один за другим, пока всѣ части не распределены; но тот, кто ближе всего к дому скакал, получает наименьшую часть. Потом они уѣзжают, забрав с собой имущество, и каждый должен что-нибудь получить. Поэтому и быстрые кони у них чрезвычайно дороги. Раздѣлив таким образом все имущество, выносят покойника и сжигают его вмѣстѣ с оружіем и одеждой. Обыкновенно все имущество расходуется, пока покойник лежит дома у себя, и тѣм, что оно кладется на пути, гдѣ наѣзники во время скачки собирают его и уносят с собой. Но у эстов существует закон, что каждый покойник должен быть сожжен; если же находят несожженный скелет, то виновные платят большую пеню».¹⁾

Описанные здѣсь похороны происходят в двух актах: в лежаніи покойника в своем домѣ от одного мѣсяца до полугода и в сожженіи трупа.

¹⁾ Orosius, ed. Sweet, стр. 20 строка 14 и далѣе.

Этот обычай предварительных похорон наблюдался до сих пор вне Европы — в Южной Америкѣ, Африкѣ и Индіи, но рассказ Вульфстана указывает на то, что он был извѣстен и индо-европейским народам. Любопытно, что этот старинный обычай у балтійских народов сохранился до девятаго вѣка, но если языки балтійской группы сохранили до сего дня древнѣйшія формы и обороты рѣчи, то естественно, что и в обычаях и повѣрьях уцѣлѣли чрезвычайно древніе переживания. У Вульфстана обычай предварительных похорон связан с сожжением, при чем послѣднее является уже признаком болѣе развитой культуры. Обычай сожженія трупа *terminus ante quem* той стадіи, когда покойника оставляли лежать до тѣх пор, пока от него уцѣлѣет один скелет. Конечно, это лежаніе покойника может происходить в различной обстановкѣ в зависимости от культурнаго уровня данной среды. Самый элементарный способ — вынос покойника в открытое поле, как это еще сейчас водится у массаев в Восточной Африкѣ. В Тибетѣ покойнику отрѣзают голову, а труп выносятся на горныя вершины. У парсов в Индіи покойников кладут в особыя башни, так наз. «башни молчанія». Сохраненіе покойника дома у себя, как это описывает Вульфстан, уже предполагает особенно нѣжное отношеніе к покойнику.¹⁾

Обычай предварительных похорон оправдывается двумя мотивами: во-первых, невозможностью точно опредѣлить момент смерти; труп до своего полнаго разложенія как-бы еще живой и так как покойник еще не порвал всѣх связей с жизнью, то его окружают веселым пиршеством, музыкой и пѣніем; во-вторых, неприятным впечатлѣніем, производимым процессом разложенія; всѣ первобытныя народы боятся этого процесса. — В африканской области Габунча покойника кладут в такое мѣсто, гдѣ муравьи очищают скелет от мягких мясистых частей трупа. В «башнях молчанія» в Индіи стервятники (хищныя птицы из породы «грифов») пожирают мясистыя части трупа. У бактрійев особыя собаки, пользующіяся культовым почетом, призваны уничтожать мясо трупа. Другое дѣло скелет: во-первых, послѣдній не оставляет никакого сомнѣнія в том, что умершее лицо уже безусловно скончалось, т.-е. перестало быть человѣком; во-вторых, скелет чист и не подвержен измѣненіям, вслѣдствіе чего его прчют на память об умершем. Еще в бронзовом вѣкѣ, даже послѣ сожженія из пепла отбирались кости, очищались и сохранялись в урнах.

Эпоха, когда покойники выносились в поле, гдѣ их пожирали хищныя птицы и животныя, дала повод к созданію мнѣческих демонов, пожирающих трупы. Если мы в мнѣологій какого-нибудь

народа находим подобных демонов, то слѣдовательно, данный народ переживал время, когда покойники выносились в поле, гдѣ птицы или животныя очищали скелет от мясистых частей трупа. Чрезвычайно богата древне-сѣверная мнѣология подобными пожирающими трупы демонами. На крайнем сѣверѣ находится царство мертвых, гдѣ живут *jothnar*, т.-е. обжоры. У лапландцев они называются *jetanas*, а прагерманская форма *etanaz. Тацит называет их *Etiōnes* и описывает их в видѣ животных с человѣческим лицом. Далѣе, в сѣверной мнѣологій имѣется дракон *Nidhoggr*, обгладывающій трупы, и волк *Fenrir*, питающійся трупами убитых мужей. В образѣ орла выступает чудовище *Hraesvelgr*, что буквально означает «пожиратель трупов». В двух главномъ образах скандинавскаго олимпя, Одинъ и Локи, несмотря на их полное очеловѣченіе, все же сохранились и слѣды их демоническаго характера в качествѣ пожирателей трупов. Одина сопровождают двѣ вороны и двѣ волки-животныя, пожирающія трупы. Одного волка зовут *Gerir* т.-е. Жадным, другого *Frekir* т.-е. Обжорливым. Сам Один может превратиться и в змѣю. В прозаической Эддѣ мы находим любопытнѣйшій рассказ о Локи. Вместѣ с *Logi* т.-е. Пламенем он устраивает состязаніе, кто из них болѣе может сѣсть. Локи ѣст только мясо, но Логи уничтожает и кости. Этот мнѣ отражает оба акта похорон: первая ступень, гдѣ труп лежит в полѣ, олицетворяется Локи, пожирающем мясо; второй акт — преданіе скелета пламени — нашел свое отображеніе в лицѣ Логи, уничтожающем кости. Наконец, в англо-саксонском эпосѣ выступает чудовище *Грендель*, с наслажденіем пожирающій трупы. Ночью это чудовище крадется в палату и «быстрой рукой хватает одного из спящих мужей, разрывает свою первую добычу, кусает тѣло, высасывает кровь потоками и жадно глотает, пока от тѣла погибшаго не было все сожрано вплоть до рук и ног». Эти демоны древне-сѣверной и англо-саксонской мнѣологій не оставляют никакого сомнѣнія в том, что германскіе народы когда-то, конечно, до сожженія трупов, переживали эпоху, во время которой покойники выносились в поле. Тут слѣдовали друг за другом два періода: древнѣйшая пора, когда человѣкъ совершенно безусловно относился к умершему, оставляя его в полѣ на произвол судьбы; и болѣе культурная пора, когда человѣкъ, послѣ предварительных похорон, собирал кости скелета, очищал их, иногда еще окрашивал их и сохранял в урнѣ.¹⁾

Так как Вульфстан своим свидѣтельством указывает на распространеніе у балтійских народов обычая предварительных похорон, то мы в правѣ

¹⁾ Schurtz, *Urgeschichte der Kultur*, стр. 197; Helm, *Altgermanische Religionsgeschichte*, стр. 209 - 210; Schönig, *Dödsrieger i Nordisk Hedentro*.

¹⁾ Mogk, *Altnordische Mythologie*, стр. 28, 37, 41, 47 и 120; *Archiv für Religionswissenschaft VIII*, стр. 124 сл.; Beowulf, стихи 740 - 745.

спросить, не сохранились ли у них также представления о демонах, пожирающих трупы. Такія повѣрья не только очень распространены, но засвидѣтельствованы также древними хроникерами. В первой главѣ § 11 своей исторіи Павел Дьякон рассказывает, что «лангобарды притворялись, будто среди них находились кинокефали — люди с песьими головами. Они борются с большой свирѣпостью и пьют человѣческую кровь. Враги же поэтому побоялись начать битву». Адам Бреженскій в IV главѣ § 19 сообщает, что «дѣти мужского рода амазонок становятся кинокефалими, которых в Россіи часто можно видѣть плѣнными». Наконец, арабскій писатель Ибн-Санд, умершій в 1275 г. утверждает, что «народ Брус похож на собак и настолько отважен, что один муж выступает против цѣлой арміи врагов и борется до самой своей гибели». На основаніи этих свидѣтельств Вестберг, считая Брус арабскаго писателя за народ пруссов, полагает, что в загадочных кинокефалих - песьеглавах, водящихся будто бы в Россіи, слѣдует видѣть литовцев. Не присоединяясь к теоріи Вестберга, мы все же признаем важность вышеприведенныхъ свидѣтельств, доказывающих древность и распространенность в балтійском краѣ преданій о песьеглавах — этих демонах, пожирающих трупы.¹⁾

Вплоть до сего дня среди балтійскихъ народов и у эстляндцев распространены преданія о песьеглавах. Они живут в пещерах или на деревьях, в Россіи, в Сибири, на Уралѣ, на краю свѣта. Они появляются вѣсть с татарами, калмыками или русскими женщинами, одѣтыми мужчинами. После войн песьеглавы извлекают людей из самых глубоких пещер и убивают их жестоком образом. Во время чумы кто не умерал от болѣзни, становился жертвой песьеглав. Такъ было в старину. Теперь будто бы высокая гора отдѣляет песьеглав от людского міра. На горѣ поставлена стража из русскихъ войск, чтобы песьеглавы не проникли к людям. Если-бы это им удалось, песьеглавы истребили бы всѣхъ людей. Кто попадает в ихъ страну, то-го они моментально сѣдают. По другому преданію, песьеглавы отдѣлены от людей морем червей — *ussimeri*. В этом морѣ такъ много червей, что корабли не могутъ двигаться вперед. Тогда к носу корабля прикрѣпляютъ мечи, которые разрѣзаютъ червей.

Во всѣхъ этихъ преданіяхъ чувствуется характер песьеглав в качествѣ демонов, пожирающих трупы. Но, конечно, тип ихъ мог и выродиться. Тогда они становятся простыми людодѣлами, гоняющимися за дѣвушками и откармливающими своихъ жертв. Тучныхъ людей они немедленно сѣдают, тощихъ откармливаютъ молокомъ и орѣхами.

Наибольше лакомымъ песьеглавы считаютъ мясо женщин и дѣтей. В Эстоніи распространена сказка о песьеглавах: «Какъ откармливали женщину». Такимъ образомъ в этихъ преданіяхъ о песьеглавахъ явно наблюдаются два слоя: древнѣйшій, когда песьеглавы выступаютъ демонами смерти, пожирающими трупы, и болѣе поздній, когда песьеглавы людодѣды, сказочныя чудовища.

Стоитъ еще обратить вниманіе на ту роль, какую пещеры играютъ в современныхъ преданіяхъ о песьеглавах. То песьеглавы сами живутъ в пещерах, то люди прячутся при нашествіи песьеглав в них. Эти пещеры чаще всего рылись на берегу рѣк и так, что нельзя было попасть в пещеру при половодьѣ. В сказкѣ «Три дѣвушки и песьеглавы» преслѣдуемая дѣвушка спасается в такую пещеру, вход в которую потомъ закрывается водой. Или же пещеры дѣлаются подъ корнями деревьев. Эти пещеры существуютъ не только в сказкахъ, но и в дѣйствительности. Исслѣдователи полагаютъ, что они служили убѣжищемъ стариковъ, женщин и дѣтей во время войны. Но именно потому, что преданіе постоянно ставитъ эти пещеры в связь с песьеглавами, мы ставимъ вопросъ, не являются ли эти пещеры тѣми помѣщеніями, куда, во время существованія обычая предварительныхъ похорон, покойники уносились, чтобы лежать мѣсяцъ, другой, и даже полгода, какъ рассказываетъ Вульфстан. У неевропейскихъ народовъ, соблюдающихъ обычай предварительныхъ похорон, покойники обыкновенно помѣщаются в пещерахъ. В двухъ случаяхъ, правда, упоминаются и поля, служившія не то убѣжищемъ от преслѣдованій песьеглав, не то мѣстопробываніемъ послѣднихъ: лугъ *Mõnnaa* на островѣ Дагъ и *торфяное поле* в *Karkus* в Эстоніи. Очевидно, в данномъ случаѣ, покойники выносились на указанная поля.¹⁾

Такимъ образомъ, свидѣтельство Вульфстана объ обычаяхъ предварительныхъ похорон и преданія о песьеглавахъ открываютъ новую страницу доисторическаго быта балтійскихъ народовъ.

IV

Другой похоронный обычай, описанный Вульфстаномъ, конское состязаніе. Прочитывая это описаніе, нельзя не замѣтить нѣкоторой спутанности разсказа. Выходитъ, что имѣющей лучшаго коня скачетъ меньшее разстояніе, чѣмъ наѣздникъ на худшемъ конѣ. Непонятно также, какое отношеніе скачки имѣютъ к дому умершаго. Эта неясность объясняется на нашъ взглядъ тѣмъ, что король Альфредъ не понялъ Вульфстана. Король Альфредъ былъ

¹⁾ Матеріалъ о песьеглавахъ заимствовалъ изъ рукописной тетради доктора Николая Буша, директора городской бібліотеки Риги, за право пользованія которой приношу ему искреннюю благодарность. Ср. также *Віенстайн*, *Livländisches Sagenbuch*, стр. 258 и 273; *Inland* 1844, стр. 699.

¹⁾ Westberg, Zur Wanderung der Langobarden (Mémoires de l'Académie des Sciences de St. Pétersbourg 1904).

знаком с обрядом германским, который между прочим описывается и в англо-саксонском эпосѣ «Беовульф»: «Вокруг кургана скакали могучіе герои, двѣнадцать знатных мужей, которые согласно с древним обычаем пѣли пѣсни, оплакивая умершаго и восхваляя короля. Они громко превозносили славные его подвиги и рыцарскій его облик, воздавая честь его дѣяніям в словах и стихах подобающим образом». ¹⁾ В таком же духѣ и Иордан в 39 главѣ описывает похороны Аттилы: «избранные наѣзтники со всего гуннскаго народа ѣздили, кружась вокруг того мѣста, гдѣ был положен его труп, на манер игрища и при этом пѣли похоронную пѣснь, восхваляя его дѣянія».

Такой же пробѣгъ концентрическими кругами вокруг того мѣста, гдѣ лежал покойник, описал и король Альфред. Тогда понятно, что худшая лошадь должна бѣжать по внутреннему, болѣе короткому кругу, а лучшая лошадь по внѣшнему, болѣе длинному кругу. Но Вульфстан, очевидно, имѣл в виду совсѣм другое. Ни в Беовульфѣ ни у Иордана ни словом не говорится о вознагражденіи, которое наѣзтники получали за свой пробѣгъ. Да оно и ясно почему: похоронный обычай германцев вовсе не имѣл в виду испытать, чей конь бѣжит быстрее. Другое дѣло балтійскій обычай, который, очевидно, сводился к испытанію лошадей. Ѣздили, разумѣется, не концентрическими кругами, а по прямой дорогѣ — как это впрочем явствует даже из неяснаго разсказа короля Альфреда. Параллельно к балтійскому обычаю мы считали бы тѣ конскія испытанія, которыя Ахилл устраивает на похоронах Патрокла.

Слѣдует еще обратить вниманіе на то, как обращаются с имуществом умершаго: часть пропивается, пока покойник лежит в домѣ, другая распрѣдѣляется в видѣ премій между наѣздниками. Это указывает на совершенно примитивныя понятія о собственности: право наследованія имущества, очевидно, отсутствует. Существующее индивидуальное право собственности погашается с момента смерти за исключеніем того оружія и той одежды, которыя сжигаются вмѣстѣ с покойником. Остальное же поступает в распоряженіе обществу, которое пользуется им, как выше сказано.

Конское состязаніе на похоронах опять возвращает нас к вопросу о том народѣ, который имѣл в виду Вульфстан. Очевидно, это был народ, у котораго лошадь играла очень большую роль. Таким народом, по характеристикѣ Генриха Латышскаго, были именно литовцы. В XII главѣ своей хроники он говорит, что литовцы во время боя на своих быстрых конях летѣли, согласно своему обычаю, то вправо то влѣво, то они обращались в бѣгство, то снова преслѣдовали и ранили весьма многих, метая свои копыя. В мартѣ 1205 г. литовская конница в 2.000 чел. выступает против эстов

(IX гл. § 1). В 1211 г. ливы и христіанская пѣхота побѣждают литовцев и берут в видѣ добычи много тысяч лошадей (XV гл. § 3). В важных случаях испрашивают конскій оракул. Когда балтійскіе язычники собираются казнить миссіонера Теодориха, то в присутствіи народнаго собранія ведут коня к протянутому поперек пути копыю, но конь, желая перешагнуть через копыя, поднял ногу, предвѣщающую жизнь, и Теодорих остался в живых. (I гл. § 10).

Таким образом, Вульфстан и Генрих Латышскій сходятся в своей характеристикѣ литовцев, как смѣлых наѣзтников. Если Вульфстан нам сохранил такіе сочные штрихи, как употребленіе кобыльяго молока, обычая предварительных похорон и конскаго состязанія на похоронах, то это объясняется тѣм, что Вульфстан, будучи сам язычником, не был заинтересован в умалчиваніи языческих обрядов. Другое дѣло Генрих Латышскій, составлявшій свою хронику ad maiorem Dei gloriam. Он весьма скуп на сообщенія подробностей языческаго культа и даже в вышеприведенном конском оракулѣ полагает, что конь поднял ногу жизни «по Божьему велѣнію». Наконец, нельзя также упускать из виду, что между Вульфстаном и Генрихом лежит промежуток времени в триста приблизительно лѣт.

V

Приведем для полноты еще послѣдній отрывок отчета Вульфстана:

«Эсты обладают силой производить стужу; поэтому покойник у них лежит так долго, не подвергаясь разложенію, так как они окружают его стужой. Если поставить два чана, наполненных пивом или водой, они дѣлают так, что жидкость в обоих чанах покрывается льдом, будь ли то лѣтом или зимой». ¹⁾

В основѣ этого разсказа лежит существующій еще понинѣ у балтійских народов обычай оберечь покойника от разложенія, ставя рядом по обѣ стороны по чану с холодной водой. Вот откуда у Вульфстана «два чана с водой» и стужа, которой окружают покойника. Но остальное относится к области вымысла, вызваннаго распространенным на скандинавском сѣверѣ повѣрьем, что можно колдовством вызвать ту или другую погоду. При анализѣ отчета Вульфстана постоянно приходится считаться с недоразумѣніями, вызванными усвоеніем разсказов о чуждой народности со старинным своеобразным бытом людьми, выросшими при других обстоятельствах и знакомыми с другими взглядами и обрядами.

Проф. Карл Тіандер.

¹⁾ Beowulf, стихи 3169-3175.

¹⁾ Orosius, ed. Sweet, стр. 21, строка 12-17.

СТИХОТВОРЕНІЯ ИВАНА БЪЛОУСОВА.

Я видел в городе зимою,
Из-за зеркального окна,
Завейного вьюгой злою,
Глядела светлая весна: —

Там за окном, благоухая,
Раскрыли венчики цветы,
Как в дни ликующего мая
Полны чудесной красоты.

Они цвели и не слышали,
Как стонет, воеет ветер злой, —
Их крепко стены защищали, —
Тепло им было за стеной...

Я видел в городе весною
Печальный, хмурый, серый дом, —
Стоял один он за стеною —
Мертво и грустно было в нем.

Живые мертвецы сидели
Там, замуравлены в стенах,
Печально лица их глядели,
Из-за решеток на окнах.

Не радость в их очах сияла,
Луч солнца к ним не проникал,
Теплом весна их не ласкала,
Мороз им души заковал...

★ * ★

Еще теплом и солнцем веет
Бодрящий полдень сентября,
Но рано небо розовеет,
Встает холодная заря.

А в ночь мороз... Как матом белым
Трава одета и кусты;
По колеям обледенелым
Лежат примятые листья.

Тепло одевшись, выйдешь рано,
Пройдешься берегом пруда, —
Сквозь дымку сизого тумана
Блестит поверхности слюда.

Лежат туманы над полями
Волнистой, серой пеленой...
Дрожишь, — и спешными шагами
Идешь назад, к себе домой.

Тепло, уютно в доме стало;
Сквозь зимних рам гляжу я вдаль:
Все, чем душа жила, дышала, —
Одеда смутная печаль.

★ * ★

Мои мечты, как пар весною,
В пригретых солнышком полях,
Поднявшись тонкой пеленою,
Исчезли в солнечных лучах.

Они слилися с небесами; —
Но их следы не пропадут:
В полях весенними цветами
Они под солнцем расцветут.

Послышатся в зеленом шуме,
В журчаньи светлых ручейков,
В моей душе, в заветной думе,
И в музыке моих стихов.

ПАПА И МАМА.

Из повѣсти «Преступленіе Николая Летаева».

Папа.

Бѣжали минуты, как дѣвочки, — по корридорчику: вѣчным своим пансіончиком; двигалась стрѣлка часов оттого, что бѣжали онѣ; в воскресенье, поднявшись, кряхтя, на давно раскочавшійся стул, сопровождаемый возгласом:

— «Эдак проломите стуло» —

— мнѣ папа

устранивал время, закручивая часовую пружину с надсадой; и —

— трр

— трр

— трр

— повороты хрипѣли, закручивая: понедѣльники, вторники, среды; и — «трр-трр-трр» — до субботы: включительно!

Новая недѣля затикала!

Дни выпадали рябые: то — солнце, то — тѣнь; то — снѣжок, а то — дождик; то — лужи под говором шамкнувших снѣгом лопат; тоже — стонущій, увывающій снѣгосвистик; у нас — измѣненія; вмѣсто коричневой папиной шляпы осенней — колпак мѣховой, весь пропахнувшій нафталином: зима надвигается; сморщился вялый октябрь, окремнѣл неотвратным морозом; снѣжок посыпался; и вѣями вѣтра обвистывал ноги прохожих, взлетая от камня. А папа взлѣзает на стул под часами; заводится третья недѣля; да папа всему коновод: времявод!

Удивительный!

Скрипен и прост, но он — скрытен: скрипит и спѣшит на весь дом, суетою вертятся среди нас, нарушая порядок: безпомощным зовом к порядку; нѣтъ, он не хитер, но . . . какую-то тайну вложили в него: запечатанный, склепанный он, как боченок, который, прегрохотно сброшенный с лѣстницы, может давнуть очень больно, перескочивши чрез встрѣчное, чтобы, упавши, подпрыгнуть и кракнуть.

Неотвратимы мгновенные выбѣги с карандашником в гущи домашних забот, молниеносно по-сво-

ему понятых, тотчас рѣшенных не в том направленіи: папа — короткій дубовый боченок, затрававши, выпукло бросится лбом крѣпче крѣпких кокосов; и выдохнув запахи войлока жесткой щетиной, прокатится с очень спѣшными глазками из под очков, подымаемых пальцами, от которых несет сургучом, с раскричавшимся как-то по бабьи разорванным ртом, — весь косматый, безбровый: коли прислуга и мама хозяйственно озабочены передвиженьем стола, папа бросится криком:

— «Да, что вы?»

— «Позвольте же!»

— «Вовсе не так это вы . . .»

— «Как же можно?»

— «Вот эдак!»

Откатится с папиной помощью передвигаемый стол; очень бодро пройдет не в том направленьи на мѣдных колесиках, трахнувши в бедра Дуняши орѣховым краем:

— «Ой, барин!»

Отбцавав свое косолапое дѣло на бѣлой стѣнѣ, гдѣ льются легчайшія лилии (это — обон), наткнется на желтый буфет; и стаканными звонами тихо простонет буфет.

Мама, тетечка, наша Дуняша — на папу!

— «Ах, барин, — напутали!»

— «Что вы, Михаил Васильич?»

— «Ах, шли бы вы прочь!»

Папа ж — испуганно перебѣгает от мамы к Дуняшѣ и к тетечкѣ переглядными глазками:

— «Ах-с?»

— «В самом дѣлѣ-с?»

Из-под жилета покажется хлястик сорочки:

— «Да вы подтянитесь!»

Подтянется; и — обнаружится прежнее: хлястик сорочки; так прямо отступит он хлястиком в свой кабинетик — от гущи забот: в беззаботицу интегральнаго исчисленія (папа то наш — математик, профессор!). И демон Сократа живет в нем и из него выпрадает тончайшую атмосферу таинственной жизни духовных существ, впоследствии им обоснованной в малой брошюрочкѣ «Мо-

надологія», отданной в философической сборник по просьбѣ философа Грота; «Монадологію» он проповѣдывал в комнатах, жалующейсѣ на судьбу свою тетѣ Дотѣ; та — все то в кисляйствѣ; бывало, придет к нам; а мамы то — нѣтъ; мама наша — у Усовых, Стороженок, Олсуфьевых, Веселовских; и тетечка — куксится:

— «Лиза теперь веселится у Усовых: я, вот, — куда уж: такая несчастная; жить я хочу!»

Опечалится тетя.

А папа на эти печали выходит таким лоборогом, подкидывая тупоносыя ноги, не подгибая колѣни; не клонится ухом, но слушает духом:

— «Да полно-те, вы, Евдокія Егоровна!»

И начинает теперь из него погрохатывать: свѣжестью свѣта; прорѣзываются в черточках всеї несуразной его головы, как то косо сидящей, какія-то свѣжести: свѣта духовнаго; взор его станет лазоревым; и он выхватывает из себя увѣреніе в том, что достоинство —

— да! —

— Человѣка

— огромно, что:

— «Знаете, Евдокія Егоровна, вы вѣдь — вселенная: пересѣчене монад; а монада есть мір. . .»

И заходит с высоко приподнятым лбом, бѣлорозовый весь, бѣлосвѣтый, на толстых ногах — по годинам; и Евдокія Егоровна (тетечка), знает ли, обрѣтает увѣренность: перенести свою долю.

А папа — как будто какой синеокій пройдет к нему в очи; и — духом исходит на нас: на паркеты квартиры, напоминая Сократа, — пред ядом; и — шепчутся бабушка с тетечкой:

— «Наш Михаил Васильч то. . .»

— «Вот — человѣкъ?»

— «Золотой!»

— «Бриллиантовый!»

Мама же скажет, расширивши глазки:

— «Михаил Васильевич — *сила*!»

Мнѣ вѣдомо: «*силы*», в нем жившія, послѣ паденья с великаго в грохот смѣшного, — невидимо ширились пальмами свѣта; и «*рай*» поднимался: густой атмосферой — в потусклости кабинетика, сѣро-зеленаго, сѣро-кофейнаго; в окна же — смотришь — со срѣзанных тучек слѣпнительно ясны — края, обода; напурпурились, напепелѣли, намеркли; стеклянне небо, превьсысь, ушло в безнебесіе; снизу ярчѣет полоска: китайскаго шелка; и кажется папа — крещеным китайцем.

Михайлов день.

Ноябрь, снѣгодар, выгоняющей саночки, дни осаждает обвейными хлопьями; папа свисает в передней огромной оторвиной шубы (ее подшивали уже много раз; она — рвется; навѣрное он на ходу задѣвает о желоб) — свисает в передней ено-

товой шубою, громко покашливая и отрясая снѣга: он стоит в превьсоком своем колпакѣ из мягчайшаго котика, с желтым, рогожным кульком и с портфелем; в портфель — дѣла факультета, в кулькѣ — златоглавыя вина: двѣнадцать бутылок — мадеры, портвейны и хересы; это — кануны Михайлова дня; прибѣгут поздравители завтра: Михайлы — останутся дома.

Вот с бѣлой, плетеной корзиной пришла Афросинья, кухарка; у ней — пестроперая дичь: безголовая птица; я вижу — кровавое горло; и — желтую лапу; и — знаю, что завтра к обѣду все это иначе подастся на стол.

Мама строго уткнулася носиком в пестропераго рябчика: нюхает:

— «Нѣтъ».

— «Нѣтъ — нѣтъ — нѣтъ. . .»

— «Не возьму: ни за-что!»

О, скорѣе бы завтра

И вот оно «завтра».

О сколько же розовых, рдяных носов рдѣет в рдяный мороз. Сколько розовых, рдяных стрекоз присѣдает: поблескивать холодом; и за окном разсыпают песок, чтоб не падали; нѣтъ, не ноябрь, а — декабрь: и рождественским снѣгом, и блещенским холодом будут выскрипывать ноги на улицѣ; будут вынохивать дымы; лопаты захаркали жестким желѣзом о мерзлые льды.

И звонок, очень звонкій: приносят кардонку; от нетерпѣнія сердце мое — ходуном, а у мамы глаза — колесом; мамин ротик цвѣтком раскрывается: там язычек — червячок; и она — облизнется, как кошечка, от удовольствія: торт Толстопятов прислал; и картонку несут прямо к папѣ; прелюбопытно уставится он из халата на торт, поправляя набрюшныя кисти:

— «Скажите пожалуйста!»

Мама наклонится, вытянет губки

— «Ну вот, поздравляю!»

И глазки — двѣ ласки: поглядныя, как . . . абажурики: снимешь их — два огонька; и прилобился наш именинник к протянутым губкам; я знаю: от глазок теперь подожгутся; у всѣх огоньковыя глазки зажгутся; да, да, — сколько раз именинничал папа; и — будет еще именинничать он; а уж там поглядишь, и — ударная старость стоит с своим даром: с неблагодарным ударом.

И папочка стар: пятьдесят уже лѣт.

Он сидит за столом, отдыхая пред трудною обязанностью: угощать посѣтителей, предлагая то сига, то сыру, то масла, то хересу, — перед куском шоколаднаго цвѣта стѣны, опираясь большой головой в косяки своих полок кофейнаго цвѣта; сидит без очков — в блѣдносѣром халатѣ с малиновыми кистями; сидит в большой нѣжности — так, ни с того, ни с сего, пред собою поставивши

торт Толстопятова, весь припада большой головой и опущенным плечиком к стулу, — такой большелобый, с упавшею прядью волос; голова, чуть склоненная на-бок, доврчиво нам удивлялась совсѣм голубыми глазами — не карими (обыкновенно же папины глазки — отчетливо каріе):

- «Вот вѣдь скандал?»
- «Именинник?»
- «Скажите пожалуйста!»

Он улыбался тишайше себѣ и всему, что ни есть; и казался китайским подвизником, обрѣтающим «Середину и Постоянство» Конфуція; эдакой ясности — нѣтъ, я не видывал!

А между тѣм приходили к нему то Дуняша, то мама:

- «Пришли поздравлять педеля».
- «Пришел дворник Антон. . .»
- «Ночной сторож. . .»
- «Водопроводчик. . .»

Помаргивал папа безпомощно в нас виноватыми глазками; и выгрохатывал шуточки:

- «Педель не пудель».
- «Антон-с? Без антоновки?»

И доставая бумажник, выкладывал деньги.

Перевалило уже за одиннадцать утра: заглянись в окна ворона:

- «Шу, шу!»

Пролѣтѣла.

В столовой теперь разставлялись столы; и вкладные, огромныя доски теперь закрывались снѣжайшею скатерью; горы фарфоровых звонких тарелок блистали протерто; бренчали о вилки ножи, полагаемые Дуняшею: выставив глупую морду, коптился на блюдѣ промасленный сиг, золотистокоричневый; и появились сыры и колбасы, и рюмки, и стая бутылок; и гнутые полукруги сидѣній обставили стол; чистота и порядок — во всем.

Это мамочка распорядилась, нарядная, в клѣтчатой юбкѣ, виляя огромным турнюром, шурша казакином, прекрасным и розовым, с острой, как башня, прической, проколотой золотым гребешочком; и с глазками, укусившими больно шершавую руку Дуняши:

- «Нѣтъ, нѣтъ. . .»
- «Не сюда».

Ея горло — заколото брошью, которая — круглая; в ней — бѣлоперая дама сидит с волосами совсѣм рыжекрасными; это — какая-то там фаворитка: *мадам*; вижу, — мамыны глазки, туманные глазки, теперь обострились, как пьивкины глазки; зелененькіе огонечки забѣгали по серьгѣ с брилліантом:

- «Опять напустили вы чаду из кухни!»

И — красненькіе огонечки забѣгали по серьгѣ с брилліантом.

Звонок — очень звонкій.

- «Мамаша!»

То — бабушка: в свѣтлом, коричневом плисовом платьѣ с парадными лентами плисовой свѣжей наколки, с лиловеньким поминаньем в руках; и она — без турнюра; за нею блѣднѣет беззлая тетечка худенькой палочкой; слѣдом за ней — остолбенѣло войти не рѣшается весь озлащенный веснушками, переправляя, представьте же, бѣлый свой галстучек, — сам дядя Вася; и мама ему:

— «Это — верх неприличія: при сюртукѣ — бѣлый галстух!» И вот понесло пирогами из кухни: с капустою, с рисом, с рыбой, с вязигой, с морковью и с мясом.

О, сколько же розовых, ряных носов будут рдѣть, забѣгая в переднюю, шаркать ногами, покркивать, громко сморкаться и спихивать шубы в Дуняшины руки, внося за собой из мороза щекощущій запах горѣлаго; будут отряхивать блещенскій снѣг с обсоуленных усиков, чтобы украсившись всякой игрой, миловидно влетать, спотыкаясь о блюдо вносимой большой кулебяки.

Звонок: быконогий профессор, сѣдой бородавочник, тут бѣлоброво пройдет с поздравлением, сядет, засунет кусок кулебяки в зашлепавшій рот; и забрызжет слюнными словами. Звонок: Малиновская станет ободренным остовом, с бѣлым, безкровным льдом; и — понюхает воздух своим фиолетовым носиком; с ней проплывет многогородная дама — с большим животом; ее спросят, взглянув на живот:

- «Ну? Который?»
- «Двѣнадцатый. . .»

Тут самославный нахал, сочноротый присяжный повѣренный, крикнув крахмалом, покажет себя, как то вишнево взором уставится в херес, изблѣется смѣхом; перекрахмаленный же шелкач — тут как тут; кто-то странно запачканный, хмурый, как іодный раствор, позабудет уйти; и — останется с нами обѣдать.

Перегрохочет у нас за столом в своем полном составѣ, как кажется, весь факультет; попечитель учебнаго округа нам занесет свою карточку; будет щуриться, ласково кланяясь, добрый такой и стыдливый, — профессор Жуковский: мужчина мужчиной, а голосом плачет, как женщина; неизмѣяемо выйдет из двери пронесшій с созданія міра свою сѣдину, очень маленький, мило моргнувший Анушин; казался миѣ малой рыбешкой, но очень когитистой (проглотить—подавись: сядет у нас прозирать настроеніе общества: ухо держите востро: вѣрно «Русскіе Вѣдомости» получили извѣстіе): —

— я недавно еще его встрѣтил на улицѣ: встрѣтивши, вспомнил, что тридцать пять лѣтъ его знал совершенно таким же: всегда очень стареньким, сѣденьким; вѣрно с пеленок он ходит с сѣдою бородкой, с вихрами бѣлѣйших волос, привскочивших над маленьким, очень морщини-

стым лобиком, с красным, свисающим носом, который хватается он пальцами.

Вовсе не то Веселовскій — иной: волосокій, надутый таким невѣсомым, превыспренным воздухом: все выдувает легчайшее, витѣватое слово, которое носится слунутым пухом (коль в нос попадет, так чихнешь, — не поймешь); и не то говорит Алексѣй Веселовскій нам спич, а не то пренадменно сдувает цѣвтки одуванчика; пухом несется, не зная куда и зачѣм на словах, обрамленных власами.

Сергѣй Алексѣевич Усов, куря, осыпается леплами, очень насмѣшливо слушает; вдруг засипит, да и выпустит дымным кольцом бѣдокурное слово —

— летит бѣдокур в перекур —

— да, я знаю,

что всѣ они будут!

Ну вот, начинается: слышу звонки; я сажусь — наблюдать (под окошко; там черноносо ворона стучится в стекло и летит сребропѣрый снѣжок); а в столовую быстро влетает студент первокурсник, носатенькій, с черной бородкой, при шпагѣ; и папа выходит навстрѣчу ему; он стремительно подлетает, восторженно дергает палину руку; и щелкнувши ножкой, от силы щелчка отлетает чрез комнату в угол с оторванной, бѣдной рукою (о, сколькоя руки оторваны им); он отсюда проходит к столу опустить над тарелкою нос: это — Батюшков, внучек поэта; его теософія ждет впереди; и приходят еще два студента: один — Алексѣй Николаевич Сѣверцев, тощій, высокій, старобразо изогнутый; Паша же Усов, студент богатырского вида, пройдет, мимоходом подкинувши в воздух ладонь: —

— все летит сребропѣрый снѣжок за окошком; ворона нахохлилась; шариком стала; давно цѣпенѣет она. . .

Подают кулебяки; снѣжайшіе старцы проходят почтенно; строжайшіе старцы глядят вдохновенно: в пространствѣ столовом бубухают словом. Сутулится папа с ненужною помощью, широконосо порой указуя на стол:

— «Дичи и сыр. . .»

— «Предлагаю вниманію!»

— «Кулебяка!»

И — мамочка:

— «С рисом, с рыбой, с вязигою. . .»

А кто-то баранит сосѣду:

— «Да, да! . . .»

— «Малиновская. . .»

— «Вкусом — сухая тарань, а костями — колючая корюшка; для чего она дѣлает вид, что она — либеральная телка. . .»

— «И руку оставит, и ногу отставит; и — просто молочныя рѣки текут. . .»

И — баранно проблеяли смѣхом.

Стоит за столом:

— «Га-га-га: ба-ба-ба!»

— «Абакра. . .»

— «Обокрали. . .»

— «Баллотируют. . .»

Пересѣкаются фразы:

— «Но нѣт-с, поспѣшите подать заявленіе в срочном порядкѣ. . .»

— «Дуняша, вы что?»

— «Шубы, барыня, негдѣ уж вѣшать. . .»

— «Повѣсьте на стѣнкѣ диплом, сударь мой!»

— «Абакра.»

— «Га га га: ба ба ба!»

Затрясется буфет: это папа, сия глазами, проходит с бутылкой рябиновки; и — наклоняется в быстрой услугѣ:

— «Рябиновки!»

— «Э, да он мыльник, надутый словами: он лопнул-с! я вам говорю, что. . .»

— «Рябиновки!»

— «Лопнул-с!»

Но тут появляется сам Алексѣй Веселовскій, надутый словами; и — всѣ замолкают.

— «Псс-пп-сс» — засвистал пульверизатор со-сновой струею; то — мамочка хочет очистить закуранный воздух:

— «Мы с Мимочкой, Фимочкой, Фафочкой, Софочкой, Мисиком, Тосиком ѣдем на праздники к брату в деревню.»

А папа, как выскочит, как карманом своей раз-летайки зацѣпится: трах!

— «Обратите вниманье: икра!»

Наклоняется к черному Гроту, который, войдя, пересѣк криворожнюю злобу профессорш, усѣлся в прекрасной (не слишком ли?) позѣ; и — дѣлает очень красивые жесты рукой:

— «Благодарствуйте!»

— «Сыр этот вкусен. . .»

И папа, очкастый, главастый, брадастый, но прыткій и кидкій, оставивши Грота, разводит вездѣ юмористику точек, ведет параллельныя линіи карими глазками; и — перекидывает параллели: от сыра к колбасам; сегодня ему философствовать нѣкогда; и — философствует Грот перед важной дугубою дурой, профессоршей Кисленко; да, говорят — в ней грудастыя страсти, а держится стянутым пыжиком; губки подтянуты малой горошиной, точно свистѣть собирается: если распуспит, онѣ будут — ломти; ей мамочка робко укажет на кисть винограда; она — отвернется, как будто не слышит; и мама, обидясь, предложит опять: ей отвѣтит дугубая дура сугубою грубостью; и — повернет свой турнюр; и подтянутым пыжиком слушает очень красиваго Грота; и слушает Грота почтенный фразер, весь надутый друмя юбилеями; жгатый своей приговоренной фразой, как крѣпким корсетом, сидит, дожидаясь удобнаго случая, — вскинет пенснз; и — рпсуетса бѣлою плѣшью;

и — вот: случай стукнул; и — поднимает бокал, поднимается сам, и, возвысьсь над спинкою стула, — он дует словами —

— и пучный пузырь образует-ся; жилы нальются; и от усилий своих разсыпает песочек; и правой рукой поднимает он выше и выше шампанское; лъвой, едва помагающей, —

— около уст принимается он это все развивать: разовьет до того, что руки не хватает; тут — лопнет; и — всё с уваженіем смотрят в пустое и общее мѣсто; качается в воздухѣ палец, да взвѣшен в пространствѣ бокал, —

— а все прочее?

Лопнуло!

Нѣт — никого; только — стул; а под стулом песочная горсточка; горсточку вынесут; с папочки — чокнутся; это ему говорились; он, он, — дорогой именинник; привлек он фразера, который, вѣдь, каждый день — эдак (до юбилея, до третьяго), дуется гдѣ-нибудь; наговорил библиотеку; а написал — двѣ брошюры.

Напротив сидит безобразник: зарос волосами до глаз он, — до маленьких щелок: до злѣйших, хитрѣйших; и — чешется: обезьяна какая-то; а говорят — умник он —

— Вандалай Урванцов! —

— Я боюсь, что рявкнет. Он рявкнет, — от ужаса руки трясутся, у всѣх рот расширится до . . . окончанія міра; оттуда несет океаном каким то; его называют *трубой Іерихонской*; и гдѣ ни вострубит — день первый; и — хаосы; и — двадцать пять болтунов просто лопнут; тогда рот замкнет он; и — чешется; и — озирается: дикій и красный, сконфуженный; послѣ него — минут пять: тишина; вижу, — движутся рты, а — не слышу: сглож; Вандалай Урванцов ударяет Царь-Пушкой; ударит — океанической ширью повѣяло; он же, ударив, сконфузится; робкій; никак все не может жениться; все — женится, женится, а от вѣнца — убѣгает. . .

Темнѣет в столовой, рѣдѣет: за окнами там, — о, какое горѣніе, преображеніе, и — просіяніе! Пресуществилось, возстав из нецвѣтнаго дня — самоцвѣтным, просвѣтным: багровым, пунцовым, лиловым; и кажется новым; и день — провоздушен, освѣчен; летит прямо в ночь; —

— но в столовой сплошной безпорядок: собраніе ѣло и прѣло, сидѣло, галдѣло; казалось — наладилось; вновь начинались у них нелады; отодрали копченую кожу; под ней блѣдноблѣый балык, показав свое мясо, обѣлся: лишь рыбаья копченая морда глядѣла совсѣм удивленно недвижимым глазом, за-

тѣм перейдя в многокостье; от дичьяго сыра остался желтѣющей жир да бумага свинцовая, а от икры — обсыхающей ножики; никто не звонится; наполнил переднюю гомон; а стулья отставились всѣ, образуя то двойки, то — тройки, застывшія в спорѣ; тут — скомкана скатерть; а, там — залита.

И — всегда так: один подхихикнет; другой же — подфыркнет; и — смолкнут; и — вдруг побѣгут перегроном по комнатам; передвигаются стулья, прощаются; и — заывают друг друга; закуски — изѣдены; множество грязных тарелок несется на кухню; то все переомоеся, будет запрятано снова в буфет; потечет все по старому, будто и не было вовсе Михайлова дня никогда.

Но — он будет опять!

Это все — повторится; оно повторялось уже от Адама; и будет оно при возстаніи мертвых; да, мертвые, повозставши из снѣга, придут, громыхая калошами, в этот таинственный день к нам за стол; —

— о, горѣніе, преображеніе — за окнами! Пресуществилось там все из нецвѣтнаго дня, — самоцвѣтным, просвѣтным: багровым, пунцовым, лиловым; и — гаснет.

Все — пусто: и наш дорогой именинник пошел отдыхать; отдыхает и мамочка; а из угла завелся чернотум-бородан; это — тѣнь; он — выходит тихонько; и бродит — легонько; царапает тихо обои . . . своим . . . тараканом . . . ; —

— пройдут чер-

нодумы,

пройдут бороданы —

— нешумною поступью;

толпами станут, за руки возьмутся: руками сольются; и —

— будет одна чернота: —

— ночь —

присутствіе —

— да! —

— очень многих; и —

— нѣт! —

— не отсутствіе их! . . .

Уж за окнами холод синѣл — там на все выль-зающим дымом; слагалась градація всѣх умерканій в голубоватые тусклости: от синесѣраго и — к синесинему; и от него — к синечерному: к черно-лиловому даже; перемеркало все это — в чернила, пролитые за окошком: густые, сплошные!

А наш именинник: —

— лежит на постели: на жесткой постели, заставленный шкафом, совсѣм без очков, обнаруживая морщинки у глаз, утаенныя стеклами, — блѣдный, усталый, за день прохуѣвший и меркнувший в умерканіях дня; и бросают прохожіе сумерки ряд своих мрачных вуалей на это лицо; в синесѣром оно еще бѣлое, а в си-

несinem оно — засѣрѣло; в сплошном синечерном оно просинится едва от постели:

— «Да!»

— «Папочка старится. . .»

Он же, привскочит с постели; и — растирает глаза.

— «Ах-ах-ах-с!»

Копытятся уже над очками; и — суетится, отыскивая карандашик и чиркая спичкою: разорвались черноходы ночей — в блеск свѣчей.

— «Что вы?»

— «Эдак же вредно кипѣть: цѣлый день!»

— «Ничего-с, ничего-с. . .»

И ушел — в вычисления.

— «В клуб бы не шли».

Наливная слеза задрожала из глазок: боюсь, что расплачусь; в пробѣжное время бѣжим неизбѣжно; я . . . с желтеньким кубиком; мама — со шляпной кардонкой; и папочка с новой брошюркою: «*О радикаль э-икс*» — я боюсь: я расплачусь; ну, мнѣ еще можно бѣжать; мамѣ — можно; а папѣ — куда? Пятьдесят ему стукнуло; был именинником и — перестал: побѣжал с именинного дня по дорогѣ времен —

— и

я вышел тихонько в гостиную: кресла стояли во мракѣ; и в креслах сидѣла компания мраков, — и передразнивала тут сидѣвших гостей; —

— и такіе же мраки

взирали в оконныя стекла тяжелыми взорами; мраки стояли под легкими шторами; мраки стояли —

— шпалерой нѣмых кавалеров, надѣв —

— свои

фраки!

Мамочка.

Знаю я: мамочка наша — боль-на!

Это часто у ней за спиной выговаривал папа. Я знаю, что ей занеможилось плачем, когда она сѣла из Питера в спальныя вагон, чтобы плакать о питерской жизни; изнемогала в профессорском кругѣ она; появилось больными глазами лицо ея в сумерках; —

— все то: нѣмствует, голову свѣсив на грудь, перебросивши косы на грудь; и

— болѣет размыслием; вдруг —

— приподыметса:

— приметса: —

— перетирать бездѣлушки полотняною тряпкою; тут же, с безцѣльным тереніем распространяется ропотом, возгласом, взвизгом, разсерженным носиком стоя пред папиной дверью: в ноч-

ной рубашенкѣ — пред сном; и придирчиво смотрит не в дверь, а в. . . потолное прошлое, —

— в дѣт-

ство! —

— откуда усѣлась хозяйкою дома она среди стѣн Косяковского дома; я — помню: —

— четвертый Зачатьевскій переулок, отсюда провез ее папа в парадной кареткѣ, во фракѣ, с букетом цвѣтов —

— и Максим Ковалевскій, во фракѣ, с таким же букетом сидѣл, против мамочки; мамочка, вспомнив про это, всегда заболѣет глазами: поводит большими глазами: молчит бриллиантовым взглядом (от слез):

— «Я — вас: всѣх! . . . уберите: пошли; пошли — всѣ. . .»

— «От меня. . . Ах, оставьте!»

— «Оставьте. . .»

— «Меня!»

Я — не вѣрю (ах, мамочка, — звѣздочка, бѣлая блеском на кубовом небѣ белѣсыми полднями — вся обезблещена! . . .) —

— Полдни наполнены ужасом ветхой, профессорской жизни; и —

— бородан-

ником старых научных жрецов, —

— оттого-

то: —

— расширились глазки ея — колесом: побѣжали, бѣгут. . . да и выкатились из глазок; алмазики перека-

тились в платочек: платочек сырой, остается на креслѣ.

— «Ну?»

— «Что-же?»

— «Поплакала?»

Всѣ у нас плачут. . .

На пальчик усѣлось кольцо с бирюзою; вернулась из Питера; и — появились зеленыя пятна на камнѣ кольца: —

— очень плохо! —

— всѣ знают: как только испортится бирюзовая бирюза, бирюзою зеленой, — теряется в домѣ семейное счастье!

И — вот: —

— уже — празелень: счастья хватились; карманы обысканы; полки, шкафы перерыты, а счастья — нѣтъ; гдѣ оно?

Знаю — не было: —

— Шафер, Максим Ковалевскій: в каретѣ его утерал. . . —

— Так пошли болтушники: мама болѣет болѣзнью чувствитель-

ных нервов; возсѣвши, молчит; опустила головку на грудь, перекинула косы на грудь: папа около ходит; и — около охаёт!

Да, между папой и мамочкой — есть: что-то — есть; пререканія тут не может быть — есть пререканія, есть: очень крупныя; некого только спросить: —

— ну кого бы спросить? —

— Отвѣчают лишь воющим высвистом в стекла порывы метели за стеклами — там, затянув кисеею из снѣга прозоры: за стеклами; да отвѣчает лишь лютое время морозом; и виснет трескучее солнце жестокаго цвѣта; и — всѣ бѣлопѣрыя стекла застыли; со всѣх подоконников скоро закапаёт!

Ах!

Я — один; я внимаю пришествію маленьких звуков; от двух до пяти тулумбакает кто-то у Помпула; рубят котлеты на кухнѣ; Дуняша — ругается; ранѣе: мама звонится словами, как связкой ключей — все о *рюшах, горжетках, жабо*; к двум — уж скрылась: три!..

Громкій звонок; тулумбасит калошами папа в передней — подмахивать листики; знаю — под каждым появится подпись: «*Декан, М. Летаев*». Зѣвает и жмурится; свѣтъ — ѣсть глаза; бриллиантит окно ледопѣра зимой (тарарыкнет оно свѣтопѣрой зимой) —

— тарарыкнет оно свѣтопѣрой весной! —

— и высвистом, высвѣтом свисуются в стекла набѣги метели; за стеклами — бѣлое клокотаніе; бѣлый бѣжит — перегромом: бѣжит передрогом по крышам — от нас к Реттерэ, над Грамблатом, над Бланком —

— Куда-то —

— откуда-то!..

Папа, изогнутый, трахнет крахмалом, чихая, и — выставит подпись на бѣлой бумажкѣ: «*Декан, Н. Летаев!*» Десятую, сотую подпись! уже морготня зажигаемых ламп; что-то — водится: сорное, вздорное; тихо просѣбли углы, в непрозорное, в черное, в шерохи, в ворохи — мамочка плачет беззвучно!

О чем?

Папа встанет.

Качнется с натуги, посмотрит; и — что-то захочет сказать: не сумѣет! Мымыкает: грустный быкан! Поморгает на мамочку суриком переполненных глазок (от крови); махнувши рукою, — уйдет в кабинетик: сидѣть в кабинетикѣ.

Время обѣда — тяжелое время!

Вот мама атласит боками к столу; недовольно схвативши салфетку — бросает салфетку; глазки в кольцо с бирюзью —

— оно — зеленѣет; оно

— зеленѣй чѣм вчера!

— бирюзы не

осталось: одна неприятная зелень осталась: бросается мамѣ в глаза; —

— и —

— обѣд хрустальѣт графинами, роем стаканов; и — звонкой грустиной; и — матовой дутостью; —

— мамы, —

— которая, что

ни увидит, и что ни услышит, —

— на все пятит губку!

И — папа, слѣпой уж затрясся: ему есть на что посмотреть. —

— Начинает словесничать: эдак

вот, эдак: —

— «Оставьте: молчите.. Ну что вы пристали?.. Ну что вы такое сказали? Опять — этот вздор.. Та же все ерунда!..»

— «Вы находите?.. Ах!»

— «Очень глупо!» —

— и выставив дѣтскую родинку, мамочка подчуёт всѣх; нѣтъ не взглядом, а ядом: все то, что ей скажут, ей лучше извѣстно; и всѣ виноваты: кругом виноваты; —

— и брови взлетѣли на маленькій лобик; и строят без слов и такіе зацѣпы из мнѣній, что —

— суп застревает в дыхательном горлышкѣ: кашляю; папа совсѣм растерялся; со страху он выскочил с громким вопросом.

Всего мнѣ страшнѣй, что ко мнѣ повернутся с вопросами: станут во мнѣ за столом развивать любознательность к точному знанію; знаю, что мама на это нахмурится; и — поглядит исподлобья; и я — понижаю; и я — поперхнулся отвѣтом; на папин вопрос — ни гу-гу: промолчу —

— потѣму что, навѣрное, —

— папа уйдет, а

когда я остануся с мамой один на один, то —

— пре-

больно ухватится за руку, дернет к себѣ: и, схвативши густую гребенку, вонзит ее.

— «Ой, ой ой!»

— «Что такое? Ой; ой? Представляешься ты с «ой-ой-ой»: замолчи!»

И расчешет гребенкою волосы: лучше бы выдрала их, чѣм так мучить ребенка гребенкой: расплачусь; и тут получу: бирюзью по носу.

— «Ну?»

— «Пошел прочь!»

Блѣдноглазо ласкает, не грѣя меня, пустоцвѣтное небо; закат розовѣет с хрустальной сосульки; и розовый дым пробѣжит кисеею по розовой крышѣ.

А то она пальчиком тихо грозит, показавши кольцо с бирюзою:

— «Послушай-ка, Кот. . .»

— «Заруби у себя на носу: ты мнѣ будешь чужой!»

И полнѣющей вдруг подбородок прижмет она к шеѣ; сидит — худовзорится.

Время темнѣет; и вот: фіолетовой флейтою льется тріоль; и вишнѣет клочочек ушедшаго свѣта: чернѣет на небѣ; змѣя, полосатое время, — ползет; и беззубо оскамилась старость в чернотных пустотах губимаго міра; уже чернорукая тьма протянула огромный свой перст сквозь стекло; безголово, безного столбом к потолку поднялся Чернорук, уронивши свои пятипалыя руки на шейку; и — сжал мое горлышко: темными страхами.

Я сожмаюсь: припрятать развитіе (я развиваюсь, увы!) недогадливый папа, ко мнѣ обратясь за обѣдом с мудреным вопросом, желает скорѣй обнаружить развитіе, чтоб подарить котелок, подарить сюртучек и футляр для очков, и брелок для часов; отвѣчаю нарочно глупостью; папины каріе глазки забѣгают, очень печально завертятся, и — опускаются прямо в тарелку горячаго супа (он дует на ложку); а я посмотрю исподлобья на мамочку: —

— мамочкин взгляд измѣнился, когда заболѣла она: стал какой-то животный. . . —

— и мама бросает животный свой взгляд, нападая на нас; и — понять невозможно: глядишь мамѣ в глазки: за глазки; останутся мамини глазки, на глазки мои не отвѣтят; непринятый маминим взглядом, мой взгляд побѣжит, как мышенок, от маминих глазок; и вижу, что папочка мой из тарелки моргает, внимательно глядя, как я заморгал; его глазки, мышата, метнутся на мамочку; глазки у мамы, что родинка, смотрят — не видят!

Мы с папою рѣдко вдвоем; разобшились молчаніем; помнится мнѣ невозвратное время, недавнее время, когда еще мама здорова была; так свободно пошучивал папа, вникая во все, что случалось со мной; и лечил от разстройства животика: —

— помню: —

— однажды схватило животик; я плакал; а папа — крутой, головастый, приземистый, вдруг набѣжал из-за двери со склянкой касторки, тряся бородой, с напускною свирѣпостью; забултыхался буфет; растяжелой стопой он ударил в паркет, заплесавши вокруг моих криков таким прыгуном; и столовою ложкой махая

под носиком, топал словами свой громкій стишок, сочиненный по этому поводу, чтоб позабавить меня:

Экій дурачишко, котик!

Ты не слушаешься няни:

День и ночь пихаешь в ротик

Всякой мерзости и дряни.

В наказанье вмѣсто порки

Я принес тебѣ касторки. . .

Раскрывай-ка, братец, ротик:

Мы прочистим твой животик. . . —

— И всё разсмѣялись; и тут же, в столовую ложку наливши касторки, он вылил касторку в раскрытый мой ротик; шутиливо подшаркнул и громко подпрыгнул под это событіе; —

— скоро меня потащили в отдѣльную комнату: чистить животик.

Мнѣ помнится, да, невозвратное время, когда не боялся ласкаться я к папѣ; теперь не ласкаюсь к нему; я — догадливѣй: понял, что папѣ скандалы вредны; затаился от папы, любя его крѣпко; и было мнѣ горько, и плакал я в зорьки; но слезы свои утаил: потеряли друг друга (утратил я друга!); и эта потеря в годах затерялась, когда потерял я способность: быть искренним с папочкой; все же я думал тогда: это есть добродѣтель моя; этот крест я понес по годам, как невидную помощь для папы и мамы; когда собирались они за столом, то могли друг на друга взорваться: словами и взглядами.

Странно!

Бывало, хожу средь тѣней; и воздушно повиснет косматость тѣней; заведутся вездѣ бороданники; я пробираюсь меж них, но сквозь них наткаюсь на ужас, а ужас — хохочет: обнять меня хочет. . . —

— Я мог провалиться сквозь пол, гдѣ живет зубной врач, поднимая зловоніе снизу искусственной варкой зубов; он мой зуб оторвет и торжественно вставит чужой и зловонный. . . —

— Подолгу я думал о варкѣ зубов и подолгу я слушал тяжелые стоны (там — дергались зубы); и мысли о гибели, безднѣ и варкѣ зубов поднимались во время обѣда, когда убѣгала душа в задрожавшую пятку: от страха, что папа, схвативши тарелку, отгрохает в свой кабинетик, замкнувшись на ключ и не выйдет; там канет навѣки; собрав чемоданы, меж тѣм в Петербург убѣжит наша мамочка; а Генріэту Мартыновну выкрадет «Цетт»; я — останусь один: в одинокой квартирѣ; и вот: позвонят: —

— и придет, отворивши из сумерок дверь — господин в сюртукѣ; в очень черном; с намѣренным очень позорным, останемся

с ним мы один на один; промычит на меня он бы-
 чачью мордою: он —

— Черномордик!

Однажды я видѣл томительный сон, что — свер-
 шилось: что папа и мама потеряны, что унесен
 я в квартиру, такую ж, как наша; но знаю — не
 наша; какая то дама (не мама) меня утѣшает (не
 так утѣшает!), меня увѣряет, что мама она; вдруг
 проходит по комнатам папа; к нему я кидаюсь,
 ловлю за сюртук; повернулся он; вижу — лицо-то
 не папино!

Странное что-то творится у нас; запирается
 папа от мамы; и там производит ужасныя вещи,
 которых не знает никто; там становится он —
 клокотун: ярко красный; дрожит пятипалой ру-
 кою над мухою он, уцѣлѣвшей от лѣта; и —
 «цап»: ее ловит; и муха сидит у него в ку-
 лакѣ; —

— оторвется ея голова — дергунцами, дро-
 жащими пальцами; папа над мухой сидит — ярко-
 красный, ужасный; я знаю, что это не муха, а —
 мама...

И странно, и страшно теперь, в выдуваемых
 бурей комнатках; все то мнѣ кажется: что-то
 взывает; вдруг: все освѣщается свѣчкою: ви-
 дится мама за свѣчкою; хлопают, шлепают туф-

лями; шамкает туфлями прямо в переднюю; вѣр-
 но подслушивать, что говорит про нее Афросинья
 (на кухнѣ); вдруг звук: то забила, забѣгала па-
 лочка хвостика из уголочка: то Альмочка по полу
 хлопают хвостиком; —

— нѣтъ —

— не подслушала: в
 кухнѣ — молчаніе; Альмочка выдала маму. —

— И
 мама на Альму затопала: палочка снова захо-
 пала; все освѣщается сызнова — только в обрат-
 ном порядкѣ; проходят со свѣчкою: мама за
 свѣчкою... Шлепает, шаркает, топает, шамкает...

Что-то взывает: —

— прошедшею полночью бы-
 ло, я знаю навѣрное, —

— шестіе злых черничей от
 угла до угла: по ковру, мимо стульев; я — видѣл;
 сказать, — не расскажешь; они, черничичи, прохо-
 дили всегда: проходили года (от угла до угла) —
 по ковру, мимо стульев; луна нападала на них
 свѣтовыми мечами; и толпы нѣмых черничей, упа-
 дали, как замертво, на пол; луна уплывала за
 тучу; они ж, —

— черничичи —

— повозставши, валили
 ватагой из черной норы угловой: по ковру, мимо
 стульев, и — не было им ни конца, ни названья!

Андрей Бѣлый.

ИСКУССТВО И ЖИЗНЬ.¹⁾

«Красота спасет мир»
Достоевский.

Предметом предстоящих статей являются искусство и красота. Их отношение к жизни: как жизнь отражается в искусстве, в поисках красоты и как, обратно, жизнь и красота влияют на жизнь, на окружающую нас действительность. Статьи эти о красоте и о воплощении красоты в художественном творчестве предназначаются для *самого широкого круга читателей*. Целью своею они имеют выяснить великое всеохватывающее значение красоты в строительстве жизни, необходимость распространения красоты, влияния ее на все стороны деятельности, как каждого отдельного человека, так и народов и всего человечества.

Обыкновенно принято думать, что красота, искусство и художественное творчество являются, как бы роскошью жизни, красивым, ценным но несущественным дополнением творческой работы человечества.

Громадная часть человечества и материально, и духовно поставлена чаще всего в такие тяжелые, иногда невыносимые условия, что тут не только нет места для красоты и художественного творчества, но и самая рѣчь о них может казаться лишнею и даже неумѣстною, как рѣчь о персиках и ананасах, о тонких кружевах и винах перед голодными и голыми, бездомными людьми.

Подобное мнѣние в корне ошибочно. Наша и личная, и семейная, и общественная, социальная и политическая жизнь многими своими сторонами потому, именно, и уродлива так, что в ней мало

¹⁾ Редакцией «Балтійскаго Альманаха» получена первая статья Григорія Петрова из цикла популярных лекцій, читанных автором в Югославіи.

Г. С. Петров с конца 1921 года работает в Югославіи, гдѣ состоит на службѣ сербскаго Министерства Просвѣщенія. В настоящее время он читает по всей странѣ циклы лекцій об искусствѣ, литературѣ, философїи, этикѣ и по общественным вопросам на сербском языкѣ. Всего им прочитано в Югославіи до ноября 1923 года 914 лекцій. Григоріем Петровым изданы на сербском языкѣ слѣдующія написанныя им книги: 1. Достоевскій и Достоевщина. 2. Человек и жизнь. 3. Гордый узел (болѣзнь современной культуры). В январѣ 1924 года выйдет в свѣтъ его большаа книга об искусствѣ «Строители жизни».

Предлагаемая вниманию читателей статья — введѣніе в новую книгу Гр. Петрова «Искусство и жизнь».

Редакція.

красоты. Строительство разумной, здоровой, себѣ и другим радостной жизни есть великое искусство. Оно требует, чтобы каждый и каждая из нас в отдельности, и все мы вмѣстѣ вошли в жизнь, как любящие и понимающие красоту художники, а мы врваемся в жизнь, как грубые неучи — мастеровые, или, что еще хуже, как варвары-разрушители. Оттого жизнь наша и в мелочах, и в цѣлом и выходит безобразною, топорною работою.

Отсюда, полагаю, ясно, что чѣм меньше в окружающей нас жизни художественнаго творчества, чѣм жизнь бѣднѣе красотою, тѣм необходимѣе говорить, твердить, кричать о смыслѣ и силѣ красоты, искусства и художественнаго творчества.

Ө. Достоевскій мудро сказал:

— Красота спасет мир.

Достоевскій не сказал, что культура спасет мир. Не сказал, что наука, философїя, политика или религія возродят жизнь. Он сказал, что *красота* спасет мир. Сказал потому, что и наука, и философїя, и политика, и религія могут принимать болѣзненные, уродливыя, безобразныя и даже преступныя формы. И тогда наука, философїя, политика, религія, являясь служителями то суевѣрія (напримѣр, алхимія, астрологія), то насилія, жестокости, оправданіем рабства и безличной покорности, будут темными, разрушительными силами жизни.

Необходимо, чтобы и наука была прекрасна, и философїя прекрасна, и политика прекрасна, и религія прекрасна. Только красота науки, красота философїи, красота политики, красота религіи даст им полноту их смысла и высшую цѣнность. Поэтому Достоевскій и сказал ясно и определенно:

— Красота спасет мир.

Да, именно, *красота* и только красота спасет, возродит и устроит человѣчскій мир. Но красота не в обычном, бѣдном тѣсно и убого-ограниченном смыслѣ. Красота должна быть всеохватывающею, всепроницающею и всеустраивающею.

Мы урѣзали, обезкрылили и обезкровили понятія красоты и тѣм ограбили, обѣднили и себя, и всю жизнь вокруг нас. Мы закрыли и закрываем перед красотою двери наших домов, наших рабо-

чих комнат, наших школ, наших общественных и государственных учреждений. Как какую-то сказочную, райскую птицу, мы заключили красоту и художественное творчество в большія, золотыя клѣтки-темницы. Мы заключили искусство и служение красотѣ в художественные музеи и галереи, в академію искусств, в стѣны театров, в книги поэтов, в бронзу и мрамор статуй, в полотна картин, в камни какой нибудь всего сотни художественных соборов и дворцов.

Великіе сыны дѣятельной и дѣловитой Англии, мудрый и тонкій художественный критик Рескин и его талантливый ученик Вильям Моррис, оба глубоко любители искусства и красоты, подняли крестовый поход за освобождение художественного творчества из тѣсных и душных, давящих стѣн музеев и мастерских художников.

Красота и художественное творчество не есть какая-то Гаремная красавица-одалиска, чары которой доступны немногим счастливым, избранныкам и бальваням судьбы. Красота и художественное творчество должны, как солнце, свѣтить всѣм и всюду: и на вершины гор, и на мостовыя улиц, и в двери кузницы, и в стойло скотнаго двора.

Искусство и красота не есть праздничный, для торжественных выходов наряд. Они должны стать будничною, повседневною, рабочею одеждою.

Искусство и красота не роскошь. Не красивый подвѣсок или ожерелье из блестящих камней на шеѣ жизни. Искусство и красота есть насущная потребность жизни, как воздух, вода и хлѣб. Они должны стать как цемент, известь, песок и глина, основным связующим матеріалом при строительствѣ нами жизни. Больше того: искусство и красота должны быть главными архитекторами нашего строительства жизни во всѣх ея проявлениях.

Весь земной шар есть одна великая художественная студія, гдѣ, как отдѣльные люди, народы, так и все челоѣчество призваны из данной им жизни создать великое художественное произведение. Всѣ люди во всѣ мгновения их жизни, при всяком дѣлѣ, занятіи или службѣ должны быть художниками. Творцами, носителями и распространителями красоты. Профессор на университетской кафедрѣ, народный учитель в школѣ, крестьянин в полѣ за плугом, или с косого, врач в больницѣ, рабочій на фабрикѣ, священник в алтарѣ, офицер и солдат в казармѣ и на фронтѣ, министр в законодательствѣ, отец и мать в семьѣ, муж и жена в бракѣ, всѣ, всюду и всегда, во всем: в работѣ, в играх и забавах, в любви, в мечтах, и в дѣлѣ, в большом и в малом должны быть художниками.

Красота должна быть надписана не только на кисти Рафаэля, на рѣзцѣ Микель Анджело, на перѣ Данте и Шиллера, или на концѣ пальцев Бетховена, Моцарта и Листа. Красота должна быть и на концѣ кисти маляра. На концѣ шила сапож-

ника и топора плотника. На концѣ молота кузнеца и каменщика. На концѣ тряпки поломойки. Все и всѣ должны быть красивы. Красивы не только статуи на площадях и на углах улиц, — красивые должны быть сами площади и улицы, мостовыя их, фонарные столбы и тумбаны. Красивы должны быть дома, квартиры и комнаты, всѣ вещи в них, весь уклад жизни. Красивы должны быть люди, семья, общественный быт, социальные порядки, государственные дѣятели и законы. Красиво земледѣлие и положение земледѣльцев. Красивы должны быть и труд и вознаграждение рабочих.

Красота должна играть и переливаться разноцвѣтными, яркими, прекрасными огнями во всѣх гранях жизни, как солнце в огромном многогранном бриллиантѣ чистой воды. Из каждаго взгляда людей, из каждаго их слова, жеста, выражения лица, от каждой мысли их, от всякаго прикосновения руки и пальцев их к жизни должны исходить лучи красоты.

Тогда о красотѣ можно будет сказать, что она есть в жизни. И тогда понятны станут великія слова Достоевскаго.

— Красота спасет мир.

II.

Подобное расширение понятия красоты, требованіе, чтобы художественное творчество вышло из тѣсных стѣн музеев и студій и вошло творческою силою во всѣ углы и во всѣ поры жизни, чтобы стало, как говорится, достояніем и улиц, и площадей, никак не требует понижения искусства. Не является размѣниваніем красоты. Тут не красота и художественное творчество принимаются до низин и, может быть, грязных ям жизни, а, наоборот, ямы и низины жизни поднимаются на уровень искусства, призываются к насыщенію красотою и к служенію красотѣ.

И Будда, и Сократ, и Христос ходили, именно, по улицам и площадям. По самым глухим углам и проселкам. Обращались к толпѣ. Говорили к каменщикам и бездомным нищим. И проповѣдь их оттого не теряла своих ни силы, ни достоинства, ни красоты. Так и дѣло красоты, всякое художественное творчество. Выведенныя на площадь и улицу искусство и красота не становятся оттого уличными и площадными. Солнце и над болотом, и над грязными лужами остается солнцем. Искусство и красота в данном случаѣ являются как-бы духовным солнцем. Всѣ поры и всѣ клѣточки жизни должны быть насыщены красотою, и каждый челоѣкъ должен быть носителем, воплотителем и апостолом, распространителем красоты.

И тут также не развѣнчаніе гениев искусства. Не свержение Рембрандтов, Рубенсов, Роденов, Мурильо, Донателло, Дюрера и Микель Анджело с их заслуженных престолов. Тут опять подѣм толпы,

самых широких масс народа на высоты гениев художественного творчества. Приобщение всѣх и каждого к духу красоты, пророками которой были и есть всѣ великіе художники.

В землю Ханаанскую шли всѣ евреи, но вел их туда пророк Моисей. Такими пророками обрѣтованной, желанной и ожидаемой «страны» красоты, вожжами в жизнь, полную художественного творчества, и являются гении искусства, великіе художники.

Французскій художник Роден прекрасно указал разницу между художниками, гениями красоты, и людьми толпы. Он сказал:

— Толпа смотрит, а художник видит.

Житель города смотрит с вершины горы в глубь долины и не различает, кто там движется маленькими точками, а горный охотник или горный пастих смотрят и видят, кто, именно, движется внизу, различают фигуры, даже черты лица.

Так и художники. Это суть люди наиболѣе тонкой, чуткой, впечатлительной души. Душа их особенно воспримчива к явлениям, как красоты, так и уродствам жизни. Их коробит, возмущает всякое безобразіе окружающей действительности. И вмѣстѣ с тѣм они полны жажды, потребности красоты. Они суть собиратели и распространители красоты. Пророки и апостолы ея.

Считают, что духовный вождь еврейскаго народа, Моисей, поднявшись на вершину Синая, привнес отсюда и завѣщал человечеству двѣ скрижали, и что это были и есть единственный Синай и единственные скрижали. Это не совсѣм так. Человѣчество много богаче. Человѣчество в гениях многих народов имѣет много Синаев, а в творениях искусства их имѣет ряд новых и новых скрижалей, скрижалей красоты.

Увеличительное (зажигательное) стекло собирает разрѣженную, разсѣянную в окружающей атмосферѣ солнечную теплоту, а затѣм, сосредоточив ее в себѣ, собрав отдѣльные лучи в один пучок, «фокус», зажигает этими собранными лучами, накаливает все, что попадает под влияние его. Так и великіе художники, гении искусства. Они воспринимают в себя всю полноту пониманія и ощущенія красоты людьми своего народа и своего времени. Воплощают эту полноту ощущенія красоты в своих произведениях: в картинах, статуях, в поэзии, в музыкѣ, в прекрасных зданіях. И затѣм этими произведениями охватывают ум, чувства и волю толпы. Передают толпѣ свои настроенія, свое мироощущеніе. Прививают толпѣ потребность красоты. Поэтому о великих художественных творениях, великих гениев искусства смѣло можно сказать, что они суть скрижали, завѣщанныя человечеству вдохновением того народа, который выносил их в своем сердцѣ. Так Акрополь с Парфеноном и статуя Венеры Милосской являются скрижалями древних эллинов. «Моисей» М. Анд-

жело и «Сикстинская Мадонна» Рафаеля — скрижали эпохи возрожденія. Картины Рубенса и художников его школы суть скрижали Фландрии. Картины Гальса, Хельса и Рембрандта суть скрижали Голландіи, и т. д., и т. д., и т. д.

Творенія великих художников открывают нам душу народов, сынами которых являются гении искусства. И что важнѣе всего, эти творенія искусства показывают нам душу народов в минуты их вдохновенія, в состояніи наивысшаго духовнаго напряженія, во всем очарованіи доступной им красоты ума и сердца. Эта красота, выношенная и часто выстрадавшая гениями народов, зачаровывает нас. Облагораживает нас, духовно очищает, освѣщает. Манит нас за собою на новыя и новыя вершины безпредѣльной, вѣчной красоты.

Толпа тупа. Слѣпа. Глуха. Люди толпы сознаются у Пушкина.

«Мы сердцем хладные скопцы».

Толпа не чувствует жажды красоты. Не страдает от грязи и уродства окружающей убогой и дрянной жизни. Толпа барахтается в смрадной жизни, как в навозной лужѣ, и не испытывает безразличности отвращенія.

Гении искусства приходят к такой толпѣ и кричат ей о мерзостях вокруг толпы. Тычут толпу носом в самую гушу смрада жизни. Приводят отупѣлую толпу «в сознание». А когда у людей толпы открываются глаза, когда им самим становится тошно от творимых ими мерзостей, когда им хочется уйти от окружающих смрада и уродства, тогда гении искусства с чарующею силою говорят толпѣ о красотѣ. Раскрывают тайны красоты. Зовут к красотѣ. Как солнечным свѣтом, заливают свѣтом, заливают толпу сияніем красоты.

Отсюда становятся ясными, как сущность искусства, так и цѣли, заданія его. О природѣ искусства о цѣлях и стремленіях его идут из глубины вѣков страстные споры. Споры безконечные и, надо признать, безплодные. Безплодные потому, что они безжизненные, книжные схоластичные. И ведутся эти споры людьми по натурѣ чуждыми искусства, не понимающими красоты.

III.

Обратимся к великим художникам, к гениям искусства, к их дивным творениям. От времен древней Эллады и ранѣе, вплоть до наших дней и статуи Фидія, Донателло, Микель Анджелло, и картины Джіотто, Беноццо, Гоццолі, Леонардо да Винчи, Теньера, Веласкеса, и храмы Брунелески, Милаццо Векки, Флоренціи, — все и всѣ согласно и громко говорят, что художники, во-первых, не равнодушные зрители явленій и событий жизни, которым безразлично зло и добро, уродство и красота. Во-вторых они и не простые «увеселители» жизни. Они не просто давали красивыя линіи,

краски, звуки, слова. Все это для них было только необходимая форма, язык их рѣчи, а самая рѣчь их всегда была пророческою. Была откровеніем новой и новой правды, высшей и высшей красоты. Они или клеймили и бичевали уродства жизни, возмущались ими, скорѣбли, видя торжество их, или же вдохновенно пѣли гимны красотѣ. Несли красоту людям, звали людей к красотѣ.

IV.

Как наглядный и убѣдительный примѣръ высокога, пророческаго пониманія искусства гениями-художниками, может служить любое их произведение. Мы возьмем двѣ небольших картины Рембрандта.

В Парижѣ, в Луврском музеѣ, в залѣ Рембрандта висят рядом двѣ картины, на первый взгляд как бы не имѣющія по содержанію ничего общаго между собою. Одна картина: «Мясная лавка», на ней нарисованы большіе и малые куски мяса разнаго рода. Другая картина: «Христос и ученики в Эммаусѣ». Что общаго между «Мясною лавкою» Рембрандта и «Христом в Эммаусѣ»? Как один и тот-же художник мог нарисовать и ту, и другую картину? По этому поводу, если угодно, можно говорить, что художник равнодушен к *содержанію* своих произведений. Для него важно дать *красивую* картину. А что будет на той картинѣ: «Христос» или «Мясная лавка», — для него безразлично. Так многие обычно и говорят. И говорят ошибочно, неспособные проникнуть в глубокой пророческій смысл художественнаго произведенія.

Взяты нами двѣ картины: «Мясная лавка» и «Христос в Эммаусѣ» суть двѣ скрижали красоты. Тут в этих двух малых картинах, если хотите, и вся исторія челоуѣчества, и вся философія жизни людей, и страстный, пророческій призыв к красотѣ.

Что было в Эммаусѣ? Послѣ распятія Христа на Голгофѣ, ученики его стали расходиться из Иерусалима. По дорогѣ они, конечно, говорили об Учителѣ и о Его судьбѣ. Двух из них на пути настиг путник, котораго они не признали. Бесѣда его так захватила их, что они, дойдя до Эммауса, не хотѣли сразу разстаться с ним. Просили его трапезовать с ними, чтобы хотя за столом продолжить разговор. Путник согласился. Когда во время ѣды он, как старшій, взял хлѣб и, благословив, стал ломать, тогда, — сказано, — «открылись им очи и они говорили друг другу, послѣ ухода Учителя. — как же мы на пути не узнали Учителя по рѣчам Его? *Не горѣло ли сердце наше*, когда Он говорил с нами?»

Когда стоишь перед этой картиною Рембрандта, или перед другими, подобными ей, перед полотнами Тенирса, Дюрера, Рубенса, Рафаэля, Веласкеса и других великих художников, то особенно понимаешь и чувствуешь мудрость и правду слов вели-

каго скульптора Франци, Родена, который сказал: — Великим художником может быть только челоуѣкъ великой души, челоуѣкъ орлиных взлетов на высоты духа.

Кто внимательно и вдумчиво читал великих писателей, будь это Гомер, Данте, Сервантес, Шекспир, Гете или Лев Толстой, тот не мог не замѣтить, что всѣ их произведенія суть прежде всего отраженія их великой души. Образы их мѣлопониманія. Автобіографія их души.

То-же самое и картины, статуи, даже зданія, стѣны, двери и окна, построеныя великими художниками. Все это в красках, в линиях, в мраморѣ, гипсѣ и бронзѣ, в камнях и в стеклѣ — глубочайшая философія, великая и свѣтлая мудрость жизни. Именно, скрижали. Заповѣди, уроки жизни, завѣтъ гения толпѣ.

Одною из драгоцѣннѣйших скрижалей челоуѣчества является и картина Рембрандта «Эммаус». Она является завершеніем философіи голландской живописи.

Голландцы упорным и тяжелым трудом оградили свою низменную страну от наводненій со стороны моря. Обратили всю землю родины в сплошныя поля и дуга. Обильно полили всю Голландію трудовым потом. В награду за это голландцы хотят, чтобы и жизнь их была полна довольства. Они хотят, чтобы их дом был, как говорится, полная чаша. Поэтому голландцы любят рисовать внутренній уют домов. На сотнях картин их вы видите корзины и снопы цвѣтов. Видите горы рыбы, мяса, сыра, много вина. Все это есть требованіе, но не послѣднее. Отправное, печальное, но не завершеніе. Голландец, челоуѣкъ тяжелаго труда, жаждет и требует сытой, «благодарной» жизни, но сытость (мясо, рыба, сыр, хлѣб, вино и цвѣты) не есть главное для голландца.

Голландец выше всего ставит «челоуѣка». Не челоуѣка - героя, не челоуѣка - мудреца, не челоуѣка - гения, а просто «челоуѣка». Голландец уважает и любит всякаго челоуѣка. Интересуется им потому, что он — челоуѣкъ, хотя бы он и не был ничѣм знаменит. Поэтому музеи Голландіи полны картинами-портретами. Портретами обычных людей, — мужчин и женщин. Тут и суконщики, и доктора, и члены пожарных обществ, и нищіе, и уличный гуляка, и забитый еврей, и женщины, за провѣркою счетов дѣтскаго пріюта. Голландцы хотят научить зрителя их картин, чтобы он умѣл находить интерес в каждом челоуѣкѣ. Но вмѣстѣ с тѣм *каждому челоуѣку* гений Голландіи, Рембрандт, своею картиною «Эммаус»: — вѣрнѣе, двумя картинами: «Мясная лавка» и «Эммаус» громко и страстно говорит: — Интересен всякій «челоуѣкъ», но не всякій есть, именно, «челоуѣкъ». Челоуѣкъ только тогда есть «челоуѣкъ», когда у него есть что-нибудь святое, дорогое, завѣтное за душою.

Когда у него в сердцѣ есть святости, перед которыми он горит, как свѣча чистаго воска. Когда у него в душѣ есть свѣтлые огни, от которых горят его и мысли, и чувства, и дѣла. Когда такими огнями горит его душа, тогда он, дѣйствительно, человекъ, кто бы он ни был: художникъ, матрос, рыбак, ученый, доктор или суконщик.

А если у человекѣка никогда и ни от чего свѣтло и ярко не горит и не горѣло сердце, то он, или она, — кто бы они не были, не есть человекъ, не суть люди, а только большіе или малые куски мяса разнаго сорта: телятина, гусятина, курятина, поросята и т. д.

То-же самое и с народами. Общество, народы, все человѣчество только тогда оправдывают свое названіе, когда у них, как у Эммаусских учеников, «горит сердце». Когда у них есть святости, которыми они живут и за которыя готовы умереть. Тогда они — и общество, и народ, и человѣчество. А если у них никаких святости нѣтъ, если у них никогда и не от чего свѣтло и ярко не вспыхивает и не горит сердце, то это не народы, а большія или малыя мясныя лавки.

V.

Так всякое произведеніе великаго художника, будь это трагедія Эсхила, симфонія Бетховена, колонна Эрихтейскаго храма, бронзовыя двери Гиберти, картина Ватто «Праздник Цирцей» или «Бамбини», дѣтскія головки из мрамора, работы Донателло, — все это полно великаго, глубокаго, вѣчнаго и общечеловѣческаго смысла.

Какую бы радость, какое бы удовольствіе и наслажденіе труды художника нам ни доставляли, было-бы печально и даже преступною ошибкою думать, как многіе и хотят думать, что будто бы задача искусства и цѣль художника состоятъ в том, чтобы красиво «забавлять» нас. Радовать, веселить, нѣжить наши глаза, слух, мысли и чувства пріятными линіями, красивыми звуками и словами.

Такое пониманіе красоты и искусства принижает их. Обезцѣнивает, оскорбляет, оскверняет.

Когда евреи шли в Обѣщанную им землю Хананскую, то по библейскому сказанію, путь им туда указывало облако. Ночью, когда южная густая тьма застилала небо черным покровом, это путеводное облако, по тому же библейскому сказанію, загоралось яркими огнями.

И как бы ни были прекрасны, переливны эти огни облака, никто не скажет, что они зажглись для того, чтобы евреи «любовались» ими, облако вело евреев. Указывало им путь в желанную ими, благословенную страну.

Все человѣчество, всѣ народы, каждый отдѣльный человекъ, всѣ мы ждали и ждем свой Ханан, желанную нам, радостную жизнь. И гениіи человѣчества, и мудрецы, философы, великіе уче-

ные, вожди социальных улучшеній были нашими пионерами. Прокладывали, или хотя бы только намѣчали новые, прямые, болѣе краткіе и легкіе пути в «Обѣтованную жизнь». Среди этих вождей человѣчества, пророков и апостолов новой, лучшей, творческой, кипучей и всѣм радостной жизни самыми яркими, самыми «понятными» и самыми маяющими, притягательными огнями были и есть гениіи искусства, огни художественнаго творчества.

Лев Толстой, этот великій мастер слова, разницею в одной буквѣ прекрасно опредѣлил разницу между силою и характером влиянія ученых, философов, законодателей с одной стороны и художников с другой. Толстой сказал:

— Ученый, мудрец доказывает, а художник показывает. То-есть, мыслитель убѣждает путем долгих соображеній, доводов и выводов, а художник дает яркую картину и вы перед нею, и без доводов, или чувствуете ужас перед безднами и лужами жизни, или загораетесь страстным порывом на свѣтлыя, солнечныя вершины человѣческаго духа, образы которых с такою силою и красотой художник воплотил в своих произведеніях.

Все человѣчество, всѣ народы, каждая и каждый из нас, всѣ мы стоим перед великою, и вмѣстѣ грозною задачею. Старыя понятія, многія старыя общественныя, семейныя и личныя пониманія жизни, как старыя одежды, изношены, Они устарѣли. Мы во многом переросли старыи быт. Нам в них тѣсно.

Приходится кроить и шить личную, семейную общественную и народную жизнь по новому.

Одним своим умом, личными, часто грубыми и убогими вкусами и взглядами руководиться нельзя. Необходимы и напряженіе, и просвѣтленіе, насыщеніе красотой всѣх наших сил и тѣла и духа. Необходим орлиный охват всей человѣческой жизни и в прошлом, и в настоящем, чтобы понять и почувствовать, почему человѣчеству от природы так много дано, а народы и люди так мало имѣют. Гдѣ тут корень бѣд прошлаго? И гдѣ пути к лучшему будущему?

Лучше всего это, — болѣе скоро и наглядно, — можно достигнуть, историческим обзором искусства народов, почему и является предлагаемый ряд лекцій на тему: «Искусство и жизнь, их взаимоотношеніе». Обыкновенно принято считать 5 видов искусства: поэзія, музыка, живопись, скульптура и архитектура. Мы в своем сжатом обзорѣ разсматриваем три послѣдніе вида, так называемыя, искусства пластическія. Произведенія их доступны зрѣнію, могут быть воспроизведены в рисунках и потому являются болѣе удобным матеріалом для бесѣд об искусствѣ и его значеніи.

Григорій Петров.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ПОЭЗИЯ.

(С сохранением орфографии авторов.)

БУЗУЛУК.

Седой Бузулук и пыль
Улиц сухие русла.
Иконы. Теплый ковыль
И за Самаркой пустынь,

„Тоска по родине“ в саду.
Тихие дни и ночи.
Ленивые жизни идут,
Не зная бессонниц и одиночеств.

Москва 1923.

За степью путь на Москву
У сгорбленного вокзала
Вековая родная тоска
В кочующем сердце прижалась.

По шпалам года наугад
Спешат лабиринтами линий, —
Но память хранит навсегда
Степное татарское имя.

Наталья Куцшева.

★ ★ ★

Проползают одинаковые вечера
Грузимыми дилижансами.
Жизнь скупая, как Никкльби Ральф
Не знает ни любви, ни жалости.

Над конторкою прилежный клерк
Вижу улицы сквозь стекла пыльные, —
Так записывать еще не мало лет
Мелким почерком чужую прибыль.

Москва 1923.

Ньюмен Ногс, товарищ мой и друг
Кружкой грога из таверны ближней
Мы смягчаем грубую игру
Джентльмена, что зовется жизнью.

Наталья Куцшева.

★ ★ ★

Был горек рабства хлеб и солоно вино
Но слаще манны хлеб голодной воли.
Дома уютные оставлены давию,
Сквозят лохмотья бронзой пыльной голи.

И вьюки тяжкие нам плечи бремеяют,
И труд суров, и отдых беден.
Но днем как облако, а ночью — столп огня —
Нас Неуклонный Вождь стремится к победе.

Петроград, ноябрь 1923.

А. Палей.

* * *

В детстве—игрушки и сладости,
В зрелости—слава и страсть;
А на закате усталости
Неодолимая власть.

Тихо стою над сиренями,
Тише целую в лоб;
Томики стихотворений
Не отдалят наш гроб.

Сколько смолистых почек
Каждую жлет весной.
Какие бывают ночи
Над бедной моей землей!

Майский душистый дождик,
Милой руки тепло...
Смерть, прилетай попозже
С черным своим крылом!

Петроград, 1923.

Вера Зявлицева.

* * *

О, ранней осени пора!..
О, эти поздние прогулки!..
В скиту удары топора
Вдвойне отчетливы и гулки.

Склонился на бок дряхлый вяз
У монастырского забора,
И шлейф лохматых туч увяз
В вершинах пасмурного бора.

Как и вчера, нам повезло,
Как и вчера, мы — только двое,
И льет настойчиво и зло
Тяжело-острый запах хвоя.

Как и вчера, твой дрогнет рот
И вспыхнут грани в изумруде,
Когда нас примет поворот
И я коснусь прохладной груди.

Москва, 1921.

Николай Мицаев.

* * *

От холода-ли сердце затвердело,
Или чрезмерный жар его сковал —
Мне все равно!.. Под зыбью покрывал
Я предрешил задуманное дело.

Моей души сомненья не задело,
Пусть яростно девятый мчался вал,
Не тщетно я в беспамьятстве взывал
К той тишине, которой нет предела.

Переступив зияющий провал,
Она пришла как только миновал
Тяжелый день и небо отордело...

Ясней нет блага, сладостней удела,
Чем созерцать лица ее овал,
Всего себя отдав ей без раздела.

Москва, 1921.

Николай Минаев.

* * *

Не я себя по улицам расславаю,
По вывескам свое раскрашу имя.
Ведь отзвук зорь далеких Ярославля
Моих призывов не поднимет.
Насмешкой отзовется эхо.
Глаза прозрачные, как раньше не поймут.
Зубов блеснет веселый перламутр,
И губы расцветут под смехом.

А я ведь для тебя выковываю песнь
И ожерельем стихи вяжу,
По вечерам, когда горящий весь,
За дали уползает солнце-жук.

Москва, 1922.

Алексей Авилков.

МОЯ ДУША.

Я клоун в жалком балагане,
Кривляюсь, прыгаю за грош.
Вся жизнь моя прошла в тумане,
Вся жизнь моя — обман и ложь.
В наряде, ярко-полосатом,
С мукой обсыпанным лицом;
Я зазываю, как глашатай,
Зевак перед моим крыльцом.
И для дешевых развлечений
Они приходят в балаган,
Где продан не продажный гений
За позолоченный обман!

Москва, 1923.

Георгий Дешкин.

ВОРОН.

За окнами — догоранье тихое.
Жирный ворон на ветке снежной.
Тишиною в сумраке тикая,
Наступает час неизбежный.

Предо мною ворон качается,
Близко вижу зрачков зиянье...
Вот опять, опять начинается
Пытка моя без названья.

Страшно, страшно пред повелителем,
От бездонных глаз не укрыться.
Он грозит мне клювом губительным,
Черный жезл в когтистой деснице.

Петроград, 1922.

И его не смея послушаться,
Бьются братья в смертном раздоре,
Города и престолы рушатся,
Корабли погибают в море.

Крик гортанный правит столетьями,
Крылья судят ленивым взмахом.
И, как снег под когтями этими,
Мы осыпемся мягким прахом...

Сердце, вместе с часами тикая,
Замирая, ждет мановенья.
Качается ветка тихая,
И нет мне спасенья.

Екат. Галати.

ТРИОЛЕТЫ.

I.

Письма, письма, как змеи, как птицы,
Ползут и летят по всей земле.
Что им версты, что им границы.
Письма, письма, как змеи, как птицы,
Неведомых книг заревые страницы,
В огне рождаются и тают во мгле.
Письма, письма, как змеи, как птицы,
Ползут и летят по всей земле.

II.

Фолианты и розы. Вековечная власть.
Поцелуи, кинжалы, столетия, миги.
Кто помог человеку из чуда украсть
Фолианты и розы. Вековечная власть.
В Венеции мрамор, вино и страсть.
В Болонии мрамор, вино и книги.
Фолианты и розы. Вековечная власть.
Поцелуи, кинжалы, столетия, миги.

III.

Спиралью сложною вперед,
Но только прямо можешь видеть,
И змия ползет, и орлий взлет.
Спиралью сложною вперед.
Что зацветает, то сгниет,
Кто любит, может ненавидеть.
Спиралью сложною вперед,
Но глаз лишь прямо может видеть.

Москва, ноябрь 1923.

Иван Рукавишников.

В. Ф. ХОДАСЕВИЧУ.

Деревья Кройверкского сада —
 Невнятеи голос был и глух,
 Как будто ифкая ограда
 От жизни отдѣлила слух.
 Очки поблескивали тускло,
 Бросая пятна на лицо,
 А на рукѣ сухой и узкой
 Блестѣло тонкое кольцо.
 Но в голосѣ жила Психея,
 Нетронутая, как цвѣток,
 И стыло сердце, ледеиѣя,
 Под иглами морозных строк.

Невѣроятный твой подарок:
 Быть может жизнь, быть может смерть.
 Был голос глух и взор неярок,
 Но потолок синѣл, как твердь.

Берлин, 1923.

Глеб Струве.

* * *

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Из Лиліенкрона.
Перевод Кальмы.

Дремлет липа у дверей,
 Сон проходит вдоль аллей,
 Лунный движется челнок,
 Соино крикнул пѣтушок,
 Спи, мой мальчик, спи.

Спи, любимый. Час придет,
 Буря, выюга заревет.
 Задыхаясь в спѣшкѣ злой,
 Призовешь ифмой покой...
 Спи, мой мальчик, спи.

Спи, любимый. В час ночной
 Поцѣлую ротик твой,
 Ножку пухлую сожму,
 Не ступавшую во тьму...
 Спи, мой мальчик, спи.

Дремлет липа у дверей,
 Сон проходит вдоль аллей,
 Луинный движется челнок,
 Соино крикнул пѣтушок...
 Спи, мой мальчик, спи.

* * *

МАЛЕНЬКАЯ БАЛЛАДА.

Из Лиліенкрона.
Перевод Кальмы.

Дрожит султан, звенит мой щит
 В немолчном ливнѣ вражьих криков.
 В нем пѣсня арфы не звучит,
 И не видать Мадонны ликом.

Во прах послѣдняго плута,
 Что сбить с сѣдла меня пытался!
 Я выскк луч с его щита
 И видѣл, как он распластался.

Вы мой очаг хотѣли сжечь?
 Я показал вам мощь мужскую
 И отираю свѣтлый меч,
 Смѣясь, о гриву вороную.

З А Р А З А .

По ту сторону лощины повис над горизонтом червонный диск солнца, окруженный лиловыми, оранжевыми, рубиновыми прямоугольниками и кругами. Они прочно обхватили солнце и вмѣстѣ с ним двигались книзу.

Все болѣе длинныя тѣни стлались на тѣсно-сжатые черепицы крыш свернувагося как в панорамѣ городка. Можно было различить двѣ фабричныя трубы, купол почты, башенки готическаго собора.

Желтая с темной позолотой листва, густо покрывшая землю, хрустѣла под ногами. Хруст был мягкій и, медленно двигавшемуся вдоль опушки лѣса человѣку, вселяя он тревожные и нехорошіе образы.

— А, вот он! Это чудесно! Вы знаете, я имѣла предчувствіе, что вы именно сейчас придете. Если бы сейчас не пришли, я бы перестала вѣрить в теплоту! Чудесно!

Он посмотрѣлъ на нее пристально через стекла пенсы, потом сказал тепло, протягивая ей руку:

— Вы знаете, кто вы такая? Вы навѣрно дочка Бабы-Яги, и не нашей русской, а еще худшей — нѣмецкой Бабы-Яги. Она, конечно, старая престарая и составляет ужасныя зелья каждую ночь. Вас она очень бережет и если узнает, что вы со мной встрѣчаетесь, упрячет вас так, что не выпрыгнете.

Дѣвушка стала залигато смѣяться. Она смѣялась по-дѣтски, во весь рот, и вмѣстѣ с головой трясся на ней пестрый южно-русскій платок. Он взял ее за руку, обмотал вокруг пальцев нѣжную бахрому платка и заставил ее идти рядом.

— Во-первых, у меня очень хорошая мама, я вам рассказывала, — а не Баба-Яга!

— Извините!

— Нѣт. И кромѣ того, я вѣдь совсѣм морская царевна, вы знаете. . .

— Ну, что новаго? Вы вѣдь должны мнѣ раньше всего рассказать, что вы успѣли за этот день. С самаго утра. Это будет долго продолжаться. Начните скорѣй.

Она круто повернулась. Большіе голубые глаза были дѣтски возмущены.

— Послушайте, вы смѣтаетесь. Это невозможно! Я болтлива, и вам неинтересно меня слушать. Ну хорошо! Теперь я буду всю дорогу молчать. Помните. Ни одного слова!

Они шли нѣсколько минут молча. У скамейки остановились, он заставил ее сѣсть и сѣл сам.

— Я вам хочу сказать, но только одну вещь, не больше. Вы знаете, о чем я думала до того, как вас увидѣла. Я представила себѣ, что случилось землетрясеніе, и все погибло. И вот только этот клочочек нѣмецкой земли остался на мѣстѣ. И я с вами.

Он посмотрѣлъ на нее искоса удивленным взглядом.

— Современно. Вот,—он задумчиво указал рукой на небо, на котором всѣ краски слились в один багово-пурпуровый тон — древніе говорили, что мір окружен со всѣх сторон пылающей стѣной. Когда-нибудь она рухнет. . . Я даже думаю, что скоро. Но я совсѣм не хочу быть Ноем. . . Это сомнительная слава. Вы хотѣли бы взять на себя отвѣтственность за новое человѣчество?

Ея глаза сверкали, и дѣтскіе кулаки сжались.

— Да!

— Вы очень смѣлая! Он взглянул ей в глаза, свѣтлые и серьезные под чуть-чуть нахмуренными бровями. Мягким жестом погладил ей волосы. — И очень. . . чистая!

Она почувствовала себя взволнованной от углубленнаго тона, которым были произнесены эти слова, но не хотѣла проявить этого, вскочила, разсмѣялась и схватила его за руку.

— Ну, а теперь слушайте, Леонтія Александрович! Вы знаете, что я ѣду в Канаду, что я должна ѣхать. Сегодня должно было рѣшиться, ѣду я или нѣт. Сегодня я получила письмо! Угадайте, да или нѣт?

Она придвинула свое лицо близко к его лицу. Он видѣлъ круглыя, упругія, нѣжным загаром подернутыя щеки, два ряда смѣющихся очень здоровых бѣлых зубов. В ея глазах было напряженіе ожиданія и в тоже время, казалось ему, самая настоящая первичная радость.

— Да.

— Нѣт! подумайте, подумайте, нѣт! Она отвѣтила, что без знанія англійскаго невозможно! У меня сегодня день отчаянія. Я так много надежд связала с этим. Вы помните, как я радовалась. Это возмутительно, сначала обѣщать, потом отказать! Я так зла. Но я все равно буду в Канадѣ!

— Вы, кажется, совсѣм уж не так огорчены, пошутил он.

В этой дѣвушкѣ было столько свѣтлаго утверждающаго жизнь порыва, такая стремительная, упрямая сила радости, что можно было дѣйствительно не вѣрять в ея отчаяніе. Но он понимал ее тоньше и знал, что она сильно огорчена.

— Все потому, что я смѣялась? Я хотѣла знать, на самом ли дѣлѣ вы психолог. Вы провалились!

— . . . Идемте в лѣс!

Повѣяло прохладой. Нужно было взбираться по довольно крутой тропинкѣ. Она шла впереди, ловко держась за вѣтви папоротника и в то же время подробно рассказывала скороговоркой, перебивая самое себя, как ее обошли.

— Что бы вы дѣлали в Канадѣ? спросил он вдруг.

— Что? О, я, я вѣдь страшно люблю чужія страны. Там очень интересно, говорят. Люди примитивны и сильны. Я бы. . . написала роман о Канадѣ!

— А потом?

— Потом поѣхала бы на юг, в Мексику.

Он засмѣялся. — И в Мексику бы стали президентшей.

— Конечно!

— И стали бы писать мексиканскіе стихи.

— Нѣт, не смѣйтесь! Это ужасно. И главное, потому ужасно, что неуспѣх.

— Вы помните, я вам рассказывала, как на балу мнѣ один в маскѣ предвѣщал большой успѣх в жизни. Он мнѣ сказал, что я очень одаренный человек, и что мнѣ будет все удаваться. Потом еще оказалось, что он художник и что он знакомый той моей рыжей подружки, помните?

— Не помню.

— Вы, оказывается, злой, — медленно сказала она.

Он не отвѣчал, задумчиво-нахмуренно отбрасывая палкой листья. Он знал, что она обидѣлась, но как часто до сих пор, его начинало утомлять это наивное требованіе, чтобы он помнил и интересовался всѣми мельчайшими подробностями ея всевозможных встрѣч, приключеній, исторій. . . Этот дѣтскій индивидуализм, — хотя она не была ребенком, — в силу котораго от него безсознательно ожидалась импульсивность и интенсивность в переживаніи всяких пустяков ея жизни, меньшая, чѣм у нея самой.

— Что вы сказали? — что я злой? Ну, ну, я просто не слышал. Что это была за исторія с подружкой? сказал он возможно мягче.

— Вам вѣдь интересно? обрадовалась она. Я вам уже рассказывала. Нехорошо, что вы позабыли. Это была некрасивая дѣвушка, но у нея были замѣчательно рыжіе волосы. И большіе зеленые глаза. — Она была два года моей подружкой. Ее зва-

ли Наташей. Мнѣ было ее очень жалко, потому что я знала, что у нея туберкулез. И вот однажды в час ночи, — мы тогда жили на Мало-Гнѣздниковском, — у нас уже всѣ спали, я раздѣвалась, она прибѣжала ко мнѣ рассказывать, что в нее влюблен знаменитый художник и хочет увезти ее в Италію. Оказывается, она познакомилась на улицѣ, зимой, когда она упала, поскользнувшись, и у нея расплелись волосы. Он в нее будто тут же влюбился, но сразу сказал ей, что самое важное в ней волосы. Он был красивый, но по-моему, нехорошой. Ната поссорилась с родителями, переѣхала к нему и была нѣсколько мѣсяцев очень счастлива. Ее немного огорчало, что он, как у Тургенева, слишком восхищался ея волосами. Оказывается, его мучило, что он не мог найти для них подходящаго тона, когда рисовал ее. Потом случилось несчастье. Ната заболѣла тифом. Ей срѣзали волосы. . . Она выздоровѣла, ну. . . он к ней очень охладѣл и уѣхал без нея. . . Потом вы знаете. . . ну, она отравилась. . . Говорили, что нечаяно, но я знаю, что из-за этого.

— Д-да? Это — грустная исторія. . . ему стало досадно, что он мог забыть ее.

— Не правда ли? О, я тогда плакала цѣлую недѣлю. Но знаете, что самое главное? Мнѣ было ее очень жалко все время, и я не могла ей этого сказать. Дѣло в том, что. . . я много думала об этом, вы не находите, что в сущности, это должно быть очень унизительно, если в вас любят только одну какую-то сторону, греческій нос или волосы, и они может быть нравятся нѣкоторым, но если бы вы за моими волосами меня не видѣли, я бы. . . выбросила вас. . . Вы должны меня любить всю с моими порывами, муками, болтовней и с моим талантом, если вѣрите в него, а не мои глаза, или пальцы, или цвѣтъ кожи только! — стала она почти кричать, загнув короткій порыв вѣтра.

— Хорошо Лида, вы хорошо говорите! . . Он ее легко обнял.

— Я права? А может быть, — и дѣвушка стремительно вскинула голову, — смотрите мнѣ прямо в глаза, слышите? Если бы я была настоящей красавицей, может быть, я думала бы иначе?

— Вы должны были бы быть иным человеком, чтобы думать иначе, моя милая. Это очень цѣнно, все, что вы только что говорили, и что вы чувствуете.

— Да? . . Спасибо, — сказала она тихо.

Он продвигались все глубже в лѣс, двѣ фигуры в синѣющей нишѣ вечера, навстрѣчу медленно поднимавшемуся остроуму и свѣтлому лунному серпу.

Он думал о том, как странно, что эта дѣвушка, несмотря на ее двадцатитрехлѣтній возраст, сохранила такую удивительную первично-свѣжую чистоту порыва и чувства, и еще о том, что как всѣ дѣти и полудѣти, она живет в мѣрѣ, гдѣ цент-

ром является она сама, в дѣтской, замкнутой предѣлами ея порыва и воображенія, и все, что причесорится к ней из-за стѣн ея дѣтской, из широких просторов взволнованнаго мірового океана, существует только в отраженіи этого ограниченнаго комплекса чувств. Ей также трудно, представилось ему, выйти из этого заколдованнаго круга, как трудно было бы нарциссу, склоненному над озером, не видѣть на переднем планѣ собственнаго образа. . .

Они шли теперь, держась за руки, и еще один символ, грустный и ироническій, пришел ему в голову. Двѣ параллельныя прямыя никогда не сходятся между собою. Двѣ параллельныя. . .

— Как ваша работа? Извините, пожалуйста, я все время хотѣла спросить. . .

— Моя работа? он оживился, — о да, спасибо! Я вам говорил, она меня радует и очень мучает.

— Мучает?

— Да. Потому что я прихожу к очень жестоким и безнадежным выводам.

Уже два года, как Леонтій Александрович удался в тихое уединеніе нѣмецкаго университетскаго городка, чтобы вдали от сутолоки города — великана написать свой большою труд: «Соціалогія разлагающихся эпох». Нѣсколько появившихся в печати отрывков повлекли страстные и противорѣчивые отзывы и сдѣлали имя молодого ученаго сразу извѣстным.

— Я сейчас углублен в вѣк трех сиріянков, трех Юлій, из которых самая интересная — Юлія Домна, жена императора Септима Севера. Эта женщина была окружена в своем дворѣ сонмищем очень тонких людей, и здѣсь из под пера одного из них возник образ мага и искупителя, Аполлонія Тианскаго, который мог бы конкурировать с Иисусом Христом, если бы. . .

— Что?

— Если бы он не был слишком литературен. . . Но как бы то ни было, сочиненіе Филострата называли много вѣков спустя языческим евангеліем, и оно, конечно, доказывает, как сильно люди тогда хотѣли обновленія, и как страстно они его искали. . .

— Почему вы пришли к таким, как вы сказали, — жестоким или ужасным выводам? . . .

Он посмотрѣлъ на нее и засмѣялся вдруг так странно, что ей стало жутко.

— Вы когда-нибудь видали человѣка, который гніет? — сказал он очень тихо. — Так вот, вы имѣете сейчас перед собой гнѣющее человѣчество! На корню гнѣющее, не с поверхности, — кровью гнилое! Да, это — ужасный вывод. . . Из всѣх громаднѣх потрясеній, которыя человѣчество переживало до сих пор, оно выходило возрожденным, потому что жива была Неопалимая Купина Духа, являлась вѣра и являлось искупленіе. А те-

перь? он схватил ее за руку, теперь — мы вещи, понимаете? Я, вы, всѣ люди, наша жизнь, государство, наука. . . Наш мозг создал в этом мірѣ безконечное количество по-разному комбинированных кусочков матеріи, но, как в сказкѣ, этот бѣс побѣдил нас своей силой. Мы заразились его гибельным ядом и теперь мы сами стали такими же кусочками матеріи. Мы уже не властны над этим міром машин, они двигаются сами, они сами создают себѣ расписанія и направленія. . . И вмѣстѣ и вперемежку бездѣльными и хаотическими толчками. . . Мы сами, маленькія и большія вещи, люди и государства. В нас есть ощущеніе этого хаоса, но мы больше ничего не в состояніи сдѣлать, понимаете, ничего!

Он глубоко вобрал в себя нѣсколько раз воздух, закутался плотнѣе в плащ и продолжал.

— Когда умирала Римская Имперія, были галлеискіе рыбаки, и были германскіе варвары. Его ждали, и потому Он пришел. Он мог творить чудеса потому, что Ему вѣрили. Он мог дарить благодать, потому, что она разливалась еще до причащенія. . . Потом было средневѣковье. Люди вѣрили иначе, но они сильно и простодушно вѣрили. Они жили большими и любили труд и свободу. Во все, что выходило из под их рук они вкладывали столько жара, столько радости и гордости, что эти немногія вещи носят на себѣ еще сейчас болѣе отпечаток Божества, чѣм потомки тѣх, которые их творили. Их улья были для них священны, в них они рождались, жили и умирали, от них получали свое обличье и чудесно-спокойный и радостный ритм жизни, все равно — назывались ли эти улья рыцарскими орденами или ремесленными цехами. . . Но выше всѣх была Святая Церковь, в нее вѣрили одинаково всѣ, во славу ея сооружались эти соборы, непокорный Император валялся в пыли перед ней, она была, как купол, над всѣм этим міром.

Полтысячи лѣтъ назад человѣкъ рѣшил, что он может жить один в мірѣ и может сам диктовать законы жизни. Он разрушил все, что прежде связывало людей и провозгласил то, что с тѣх пор называют свободой. Он создал — с глиняными ногами — государство и науку, и так как и тут и там были законы, он и рѣшил, что самое важное — закон, объявил его непогрѣшимым. Еврейскій Бог тоже объявил когда то закон священным, но то был Его закон. В этот же люди не могли понастоящему повѣрить, потому что, прежде, чѣм его создали, нужно было разрушить вѣру.

Вѣра, это — Дух, понимаете? С тѣх пор, как, так называемый, Ренессанс возмущился против Духа, мы прожили нѣсколько ужасных вѣков. Мы не создали ничего вѣчнаго, потому что ни во что не могли вѣрить. Мы окружили себя призраками нашего тщеславія — государствами, искусствами, наукой, большими городами. Мы хотѣли установить наш собственный порядок вещей, он должен

был держаться Разумом, Законом, но для этого Закона суком должна была быть вѣра. Это поняли уже послѣ того, как сук срубили. И вся гнилая постройка послѣ того, как она просуществовала в неустойчивом равновѣсїи нѣсколько вѣков, теперь рушится... рушится... Теперь мы — перед концом. Міровая война была порывом вѣтра, понимаете? Только — порывом вѣтра!..

Полубезсознательно, но с каким то мучительным напряженіем, Леонтій Александрович стиснул руку Лидочки так сильно, что она почти вскрикнула.

— Болѣе умные сознавали, что людей нужно чѣм-нибудь объединять. И вѣру стали замѣнять так-называемыми идеалами. Но для идеалов нужно было бы то же смиреніе, котораго у людей не стало. Самым наивным вѣком был восемнадцатый. Он называл себя вѣком разума, но был очень нелогичен, потому что требовал поклоненія тому, что уничтожало корень поклоненія. Послѣ того, как революція разрубила этот Гордїев узел и разочаровала нѣсколько поколѣній, возникло два новых жупела — национальность и демократія. Эти жупелы, к которым присоединился третій и самый главный, — социализм, почти сто лѣт обманывали опустошенных людей, которые не замѣчали этого, настолько они привыкли к тому, что всѣ эти разговоры не имѣют никакого отношенія к их личной жизни. Их личная жизнь была совершенно дика, она была наполнена ни чѣм необъединенными мгновеніями, лихорадочными механическими сцѣпленіями, в которых можно было угадать глухую борьбу. Они внушили себѣ, что самое лучшее — быть похожими на тѣ машины, которая они создали, и очень многіе достигли этого... Когда возникла міровая война, всѣ три теченія не устали говорить, что теперь они побѣдят. И самые наивные еще вѣрили нѣкоторое время. Но теперь — все кончено. Теперь всѣ, рѣшительно всѣ обмануты. Мір теперь не в состоянїи тѣшить себя даже этими жалкими ублюдками вѣры. Он покончил с Богом, но его никчемная автономная нравственность покончила с ним. Она оказалась Фатумом, она превратила человечество в стадо волков...

Все болѣе жутко становилось дѣвушкам от мрачно-оживленной рѣчи этого страннаго и привлекательнаго человѣка. Послѣ нѣкоторых его фраз у нее спирало так сильно дыханье, словно бы она на громадных небесных качелях стремительно падала вниз, в черную бездну. Иногда ей хотѣлось спросить, но в сосредоточенном темпѣ его рѣчи тонули ея невысказанныя возраженія.

Леонтій Александрович почувствовал внезапно такую рѣзкую боль в глазах, что зашатался и прислонился к дереву. Так стоял он нѣсколько минут с закрытыми глазами, не произнося ни слова. Потом стал медленно водить рукой. Дѣвушка была в

трех шагах и поняла, что он ищет ея руки, но не двигалась. Друг мысль громадная и огненная пронзила его, словно звѣздный меч. Его лицо передернулось, он с усиленіем раскрыл глаза.

— Лидочка?..

— Да...

— Вы когда-нибудь думали о... Марїи?

— О Марїи?

— Д-да... той, не Его Матери... .

Его голос звучал теперь тихо и глубоко и разбудил в ней довѣріе и жалость. Подошла, взяла его за руку, но не отвѣчала. Потом вдруг остро поняла:

— Это была неравная борьба... Они были слишком разные... .

Она почувствовала, как его пальцы холодѣют. Он опустил голову.

— Вы правы!.. Да... они были слишком разные, хотя... преданіе это скрыло... Вы правы.

Неожиданным жестом он привлек ея голову и коснулся губами лба. Вся поглощенная стремленіем найти нить, которая руководила им в его ассоціаціях, потрясенная безнадежностью нарисованных им перспектив, ища связи, между его міровоззрѣніем и двоившимся образом его личности, — она не сопротивлялась. Дала ему возможность нѣсколько мгновеній разсѣянно гладить ея волосы. Потом внезапно рванулась и, сжимая кулаки, стала взволнованным голосом почти требовать:

— Леонтій Александрович! Вы мнѣ должны сказать, гдѣ же спасеніе? Почему все так мрачно, почему нѣтъ огонька впереди? Развѣ так можно жить, так еще хуже—когда знаешь весь ужас!.. Развѣ же человечество не может снова стать христіанским, развѣ никогда не будет хорошо на землѣ, почему?

Он долго молчал. Два чувства боролись в нем по отношенію к стоявшей перед ним с напряженным ожиданіем отвѣта дѣвушки. Чувство ласки, дружбы, нѣжности, питавшееся тѣм острым непередаваемым ароматом чистоты и дѣвственности, что исходило от дѣвушки, ослѣпившее его раньше на миг чудовищной, безумно-дерзкой мыслью, а потом побудило почти произвольно поцѣловать ее в лоб... .

И другое — неразсуждающее, но говорящее чувство почти стихійное, словно бы расовой враждебности, которая вставала всегда в его чрезуур интеллектуальном, чрезуур усталом от груза неразрѣшенных проблем существѣ — когда он, как сейчас, сталкивался вплотную с простыми и четкими линіями ея внутренней жизни, с этим немногопримитивным распрѣдѣленіем ея моральных и интеллектуальных свѣтотѣней... .

— Я скажу вам, Лидочка, почему Тот, который спас когда-то человечество, теперь безсилен... Полторы тысячи лѣт Его хрупкія плечи сгибались под тяжестью человеческаго грѣха. Он упал, обез-

силенный с той минуты, что человечество рѣшило теперь, что оно способно само нести это бремя! . . Он упал потому, что Его сила была в нашей вѣрѣ... С тѣх пор Его имя еще у многих на устах, но Ему не вѣрят, Его только помнят. С тѣх пор пирамида наших преступлений достигла небес, и это правда, что мы одни несем за них отвѣтственность. И с тѣх пор люди до такой степени потеряли представление о том, что есть Дух, что если бы пришел Новый Пророк, его признали бы просто душевно-больным. Нѣт Новой Галлилеи, и не может быть Новаго Христа, который бы спас мѣр, который бы вдунул в нас гармонию. Нѣт Юлии Домны и потому нѣт даже того Филострата, который создал бы Новаго Аполлонія Тианскаго.

Есть болѣзни неизлѣчимыя... Мы продали наше первородство духа за похлебку прогресса, нашу святость, предустановленный лад нашей жизни за призрачное могущество безкрылаго, неспособнаго к творчеству разсудка... Это и было великое обольщеніе Сатаны, — он выпил из нас вино гармоніи, он превратил нас в пустой сосуд. Из поколѣнія в поколѣніе мы уже сотни лѣт гноим наш дух, мы роем нашу собственную могилу. И мы всѣ, всѣ кругом заражены этой страшной болѣзью, мы всѣ неспособны к вѣрѣ, неспособны к творчеству, неспособны к истинной жизни в Богѣ...

..Вы помните, милая, я вам сказал, что не хотѣл бы быть Ноем... Потому что я сам, такой, каким вы меня видите, тоже принадлежу этой ужасной эпохѣ, потому что я сам... прокаженный, потому что... потому что я сам может быть признаю бы Новаго Пророка сумасшедшим! Вот страшная правда!

С неожиданной для него самого искренностью выбросил он это признаніе, обнаружив тѣм ставшую для него давно отчетливой, давно его мучившую глубокую двойственность всего своего жизненного пути.

Темнота скрывала от него лицо дѣвушки, он видѣл только ея тѣнь, видѣл по тѣни, как упали, сѣжались ея упруго-напряженныя плечи. И ему казалось в этот миг, что с чувством отвращенія и отчаянія смотрит она на него.

Тогда, сдѣлав над собой безконечное усиліе, он продолжал развивать тѣ послѣдніе выводы, которые от него требовала его интеллектуальная совѣсть.

— Есть спасеніе... Оно не там, гдѣ вы его ищете... Это прогнившее, это убившее Бога человечество должно погибнуть. Спасеніе в том, чтобы эта гибель не растянулась на тысячелѣтія, спасеніе в том, чтобы помочь Року в его задачь—искоренить всякую память о нас на землѣ и в небесах. Не жалѣть, не звать к возрожденію, но толкнуть падающее человечество... Это будет, как яд для неизлѣчимо больного, который должен

сократить его страданія. Война за войной, мор за мором, голод за голодом, возмущенія, взрывы подземные и социальныя — все это будет и все это... хорошо! Эти времена теперь надвигаются. Но нужно выдумать сразу, которая превратила бы цѣлыя государства в развалины, войну во сто раз болѣе жестокою, чѣм пережитая нами!

..Двѣ силы есть, которая могут так помочь человечеству: католицизм и большевизм. Один создал людям в теченіе многих сотен лѣт прекрасный и свѣтлый мѣр, другой воспламенил их волю в теченіи всего лишь нѣскольких лѣт Фантомом. Теперь в них также не вѣрят, как ни во что иное, но они сумѣли сохранить силу своего вѣшняго давленія. Оба умѣют лицемѣрить и оба умѣют уничтожать. Если эти два подадут друг другу руки, человечество пройдет безболѣзненнѣ сьей путь вниз...

Ему было трудно дальше говорить... Был ли то просто порыв вѣтра или дуновение вѣчности, которой он глядѣл прямо в глаза, — он чувствовал, как сгибается под тяжестью невыносимаго давленія... Да... это человечество недостойно жить!..

Теперь он услышал отчетливо стон дѣвушки. Изнеможенный и разбитый, полусогнувшись, подошел к ней, протянул руку... Она закрывала своими лицо.

— Нѣт, нѣт, нѣт! Не надо, ради Бога уходите, ухо... .

В этот миг он увидѣл ея глаза и не узнал их, до такой степени измѣнило их выраженіе боли, отчаянія, ужаса, почти безумія... Вырвалась и стала, коротко вскрикивая, убѣгать. Так бѣжала минут пять вглубь лѣса по увлажненному росой тропинкам, все крича, словно в безпамятствѣ:

— А-а... а-а... а!

Он бѣжал за ней шагах в двадцати, в смятеніи, потрясенный, одновременно остерегаясь — потерять ее из виду и боясь — наступнуть.

— Лида, милая!

У края небольшой круглой котловины споткнулась о пень и упала. Не было силы подняться. Ложалась на спинѣ и продолжала тягуче, с короткими перерывами, с нарастающим отчаяніем кричать:

Вѣтер усилился и разносил:

— А-а... а... а!

Теперь он стоял перед ней, заслоняя луну. Его плач развѣвался, и она видѣла на землѣ два черных громадных крыла. И весь он был необычайно длинный и будто острый, а его голова словно калсалась небес.

— Лидочка, милая, не надо!

Он склонился над ней. Пытался ее гладить, умолял... Видѣл расширенныя незнакомые зрачки, искаженное незнакомое лицо, на котором ужас не уменьшался, а разрастал... Все туже и туже за-

тягивалась вокруг ее шеи дикая петля... И эти длинные, узкие и страшные пальцы — они придвигались все ближе...

— Лидочка!

— А... а... а!..

Он смутно ощущал, что его голова начинает кружиться. Ему казалось, что он пьянѣет. Он держал ее за плечи и, сжимая их изо всѣх сил, стал трясти в каком-то остервенѣнці, полукрича в такт с ней:

— Замолчи-те... Вѣдь я же вас люблю!..

Но она все-таки заглушала его своим криком.

Почти не сознавая себя, он тряс ее все сильнѣе и сильнѣе. И уже не лаской и мольбой, а будто с садизмом и с жестокостью впивались его пальцы в круглыя плечи дѣвушки. Он уже не отдавал себѣ отчета в происходящем, в нем был только один рев инстинкта, — что этот крик должен кончиться!

Она замолчала.

Іена, 1923.

Свернулась на бок комком, всхлипывая коротко, дрожа от холода и лихорадки:

Он провел рукой по лбу, медленно поднялся:

— Встаньте. Идемте в город!

Механически хотѣл ей помочь. Дѣвушка вскочила сама, оправилась. Их глаза встрѣтились. Она была, как маленькое озеро послѣ страшной бури. Сѣжившись, смотрѣла на него исподлобья.

— Что... что с вами было? Почему вы так кричали? — спросил он глухим, прерывающимся голосом.

В ее отвѣтѣ звучало смятеніе. И зыбь неисчезнувшаго недовѣрія.

— Я не знаю... простите... Мнѣ вѣдь представилось, что вы хотите меня задушить...

Тогда он почувствовал, что его висок леденѣет, словно от прикосновенія револьвернаго дула. Шатаясь, подошел к ней вплотную, наклонился и, не отводя глаз, произнес потрясенным шопотом:

Я... хотѣл вас обнять, но если бы вы кричали еще один миг, — я бы вас дѣйствительно задушил!

Бенно Гепнер.

ШАНХАЙСКІЯ МИНІАТЮРЫ.

ИЗ КИТАЙСКИХ АНЕКДОТОВ.

Знаменитый поэт Ли-Тай-Бо путешествует по всему Китаю в поисках наилучшего вина страны.

Во времена Танской династии, в царствовании императора Сюань-Цзуна, в провинции Сы-Чуань проживал знаменитый поэт Ли-Тай-Бо, бывший в то-же время большим любителем вина. Он часто говорил: «Как бы мне хотѣлось испробовать наилучшего вина в Китаѣ!»

Однажды, когда Ли-Бо, собираясь выпить, напѣвал свои стихи, нѣкто по имени Цзя-Е-Сы-Ма, случившійся там-же, весьма удивился, услышав его пѣнье, подошел к нему и спросил случайнаго пѣвца:

— Уж не будете-ли вы поэтом Ли-Бо?

— Вы не ошиблись.

— Почему-же вы, обладая столькими талантами, не явитесь в столицу Цзи-Нань-Фу, чтобы держать экзамен на звание правительственнаго чиновника?

— Мне пришлось слышать, что в наши времена судья-экзаменаторы далеки от справедливости, и что кандидатам приходится давать взятки раньше даже, чѣм начались экзамены.

— Ваше имя настолько извѣстно в Китаѣ, что может-быть вам и удалось-бы выдержать экзамен.

Ли-Бо послѣдовал совѣту и отправился в Цзи-Нань-Фу. Как-то раз, усердно поглощая чашечки по своей привычкѣ, он встрѣтил нѣкоего господина по имени Хо-Че-Чана. Как только завязалось их знакомство, Хо стал выражать свое преклонение перед талантами Ли и пригласил послѣдняго переѣхать в свой дом. Оба ежедневно услаждали себя вином, бесѣдуя о поэзии. Как-то раз Хо-Че-Чан сказал поэту:

— А я вѣдь хорошо знаком с экзаменатором, который назначен в этом году. Он один из фаворитов двора и я напишу ему для вас рекомендательное письмо.

Получив письмо, упомянутый судья, любивший больше всего на свѣтѣ деньги, подумал:

— «Возможно, что Хо-Че-Чан уже получил деньги, а сам ограничивается одним письмом, не

приложив ни сапѣка. Надо будет употребить всѣ старанья, чтобы этот самый Ли-Бо не выдержал экзамена!».

В день экзамена Ли-Бо первым окончил сочинение и представил его экзаменатору. Не взглянув даже на рукопись и замѣтив только имя Ли-Бо, судья сказал:

— «Такой кандидат годился-бы лишь подавать чернильницы!»

Услышав эти невѣжливыя слова, Ли-Бо, конечно, остался весьма недоволен и выразил это выходя из залы. Его друг Хо-Че-Чан утѣшал его, говоря.

— Не печальтесь: на слѣдующій раз вы уж обяательно выдержите!

Нѣкоторое время спустя при Дворѣ была получена официальная депеша из Японіи, написанная по-японски. Его Величество, не владѣвшій японским языком, показал письмо придворным чиновникам, но не нашлось ни одного, кто-бы достаточно знал язык и был-бы в состояніи прочесть посланіе, а так-же сдѣлать перевод. Он призывал так-же экзаменатора, спросив не знает-ли он кого, кто-бы мог ему помочь, но мандарин оказался не в силах оказать эту услугу.

Вечером Хо-Че-Чан рассказал Ли-Бо о придворном происшествіи. Ли-Бо разсмѣялся и сказал:

— К сожалѣнію, в прошлый раз я не выдержал экзамена, в противном случаѣ я мог-бы перевести эту депешу.

Тогда на слѣдующій-же день Хо-Че-Чан подал прошение на высочайшее имя, рекомендуя Ли-Бо и ручаясь, что тот вполне владѣет японским. Обрадованный выходом из затрудненія, Его Величество приказал одному из приближенных отправиться к Ли-Бо и пригласить его явиться ко Двору. Послѣдній, однако, отказался от высокой чести под тѣм предлогом, что в прошлом году он не смог даже выдержать экзамена и потому считает себя недостойным предстать перед Двором. Его Величество простил ему такую дерзость и наградил его докторским званіем.

Таким образом Ли-Бо выпало счастье представиться Императору, который сейчас-же передал ему японское письмо. Поэт перевел его приблизительно в слѣдующих выражѣніях: «Японское Правительство недовольно тѣм, что Китай завладѣл Корейскими областями и желало-бы раздѣлить эти владѣнья с Китаем».

Слѣд за тѣм Ли заявил, что он мог-бы написать отвѣтъ на всѣ поставленные вопросы, и Его Величество отдал приказ немедленно сдѣлать соотвѣтствующія приготовления. Но Ли-Бо сказал Императору.

— Соизвольте пригласить японских посланцев предстать завтра перед Вашим Величеством и прикажите вашему фавориту держать чернильницу, пока я буду писать отвѣтъ. Это необходимо для того, чтобы показать японцам, какую важность вы придаете этому дѣлу.

Таким образом экзаменатору, получившему приказанье Его Величества пришлось держать чернильницу пока Ли-Бо составлял отвѣтъ на японское посланіе. Когда письмо было написано, он перевел содержаніе императору, а затѣм прочел его вторично по-японски. Текст гласил: «Китай велик так-же, как и его военныя силы. Он не потерпит незаконных и несправедливых требованій Японіи, и если Его Величество останется недовольным, то Японіи придется пожинать тѣ плоды, которые она сама посѣяла, то-есть войну, и т. д.».

Убѣдившись в непреклонности Императора, японскій посланец не посмѣлъ возражать, принялъ отвѣтъ и отбыл на родину.

В награду за это Его Величество хотѣлъ назначить Ли-Бо на высокій пост, но послѣдній почтительно отказался, предпочитая странствовать и пробовать вина по всей имперіи. Его Величество относился к нему как к своему лучшему другу и угощал его лучшими дворцовыми винами. Узнав, что он искусный поэт, Император нѣсколько раз просил его написать стихи, которые перелагались затѣм на музыку и распѣвались при дворѣ.

Случилось, что во время цвѣтенія піонов в императорском саду, гдѣ были собраны самые разнообразныя виды этих цвѣтов, — одни красныя, другіе лиловыя, розовыя и бѣлыя, Его Величество пришел в сопровожденіи своей наложницы Ян-Гуй-Фуй, чтобы полюбоваться этим прекрасным зрѣлищем. Зная, с каким мастерством Ли-Бо складывает стихи, Император полагал, что он может попросить поэта написать нѣсколько стихотвореній об этих великолѣпных цвѣтах, чтобы его любимица могла их пѣть, переложив на музыку. Так оно и случилось. В награду император поднес поэту лучшаго вина.

Иногда Его Величество приглашал ко Двору экзаменатора, который когда-то держал чернильницу. Послѣдній очень ревновал к той благосклонности, которую Император выказывал поэту.

Однажды он стал клеветать на Ли-Бо перед Ян-Гуй-Фей говоря: «Поэт Ли-Бо не чувствует к вам никакого уваженія!»

Будучи фавориткой и пользуясь сильным вліяніем на Императора, Ян-Гуй-Фей настояла, чтобы прекратили приглашать поэта пить вино во дворцѣ. Замѣтив, что Император перестал выражать ему свою благосклонность, Ли-Бо попросил через нѣкоторое время разрѣшенія покинуть двор. На прощанье Его Величество подарил ему золотую таблицу, на которой были выгравированы слѣдующія слова:

— «Приказываю каждому губернатору выдавать предъявителю по 1000 сапэк, а каждому начальнику области по 500 сапэк. Всѣ чиновники, как гражданскіе, так и военные, должны относиться к этому поэту с величайшим уваженіем».

Осчастливленный таким даром, Ли-Бо поблагодарил Императора и отбыл вмѣстѣ со своей таблицей. Он путешествовал по всему Китаю и пил вина во всѣх провинціях. Провинціальныя мандарины очень боялись его, думая, что Император послал Ли-Бо как ревизора.

Однажды поэт прибыл в уѣздный город Хуа-Синь-Сянь и узнал, что начальник уѣзда плохой мандарин. Он рѣшил заставить исправиться мандарина. С этой цѣлью он отправился верхом на ослѣ, проѣхал перед ямынем, гдѣ было управленіе уѣздом и попытался, не слѣзая со своего осла, в'ѣхать в главныя ворота.

Однако стража ямыня не пропустила его и спросила:

— Кто вы такой, и как осмѣлились вы в'ѣзжать верхом на ослѣ? Если вы хотите посѣтить мандарина, то слѣзайте с вашего животнаго.

Ли-Бо притворился глухим и видя это стража побѣжала к начальнику уѣзда и сказала, что какой то человек, похожій на пьянаго, обязательно хочет в'ѣхать в ямынь верхом на ослѣ. Взбѣшенный мандарин приказал, хотя-бы силой, снять его с осла и привести к нему, что и было выполнено. Он начал допрос, но Ли притворился настолько пьяным, что был не в состояніи отвѣчать на вопросы. Тогда начальник уѣзда посадил его в тюрьму, предполагая дожидаться слѣдующаго дня, когда незнакомец протрезвится, чтобы продолжать допрос.

Когда Ли уже находился в тюрьмѣ, сторож сказал ему:

— Что вы больны или слишком пьяны?

— Я не пьян и не болен.

— Чего-же вы не отвѣчали, когда вас только что допрашивал начальник?

— Если вам нужны доказательства, что я дѣйствительно в здравом умѣ, то я могу написать вам весь мой паспорт.

И он написал, что его имя — Ли-Бо, что он поэт, прибывшій из столицы Ци-Нань-Фу, что его

угощали лучшими винами при Дворѣ и что он автор официальнаго письма на японскомъ языкѣ, во время составленія котораго высокой придворный мандарин держал ему чернильницу.

— Если перед всѣмъ дворомъ Его Величество разрѣшил мнѣ прокатиться верхом на лошади, то почему-же не пробѣжать мнѣ верхом на ослѣ перед управлением уѣзда. Если вы хотите удостовѣренье личности,—закончил он,—я могу показать золотую таблицу, пожалованную мнѣ Его Величествомъ.

Сторож услышав все это очень перепугался, упал на колѣни и просил простить его вину.

Тогда Ли-Бо промолвил:

— Да это вовсе не ваша вина. Узнайте сейчас же у вашего начальника, за что он посадил меня в тюрьму!

Услышав в свою очередь обо всем случившемся, уѣздный начальник чрезвычайно испугался. Он приказал сейчас-же освободить Ли-Бо, пригласил его в большой зал, попросил сѣсть в парадное кресло и вымаливал себѣ прощенье.

Тогда Ли-Бо сказал:

— Я прибыл от Его Величества и узнал, что вы жестоко обращаетесь с населеніем, и так-же берете не принадлежащія вам деньги. Я совѣтую вам измѣнить с нынѣшняго-же дня свое поведенье и раскаяться: при этом условіи я согласен простить вам то зло, которое вы доселѣ дѣлали.

Уѣздный начальник горячо поблагодарил его и устроил в его честь пиршество. С этого дня мандарин стал добросовѣстным чиновником.

Ли-Бо же продолжал свое путешествіе с цѣлью испробовать лучшія вина страны.

«Юный Румянец» и император Цан-Лун.

Во времена правленія династіи Цан-Лун, в провинціи Цзян-Си проживал отставной генерал по имени Хуан, единственный потомок могущественной военной семьи. У него имѣлся сын, отличавшійся с дѣтства спѣсностью и рѣдкой физической силой. Став юношей, молодой Хуан увлекся кулачными боями и борьбой, и очень гордился тѣм, что он сын генерала. У него был злобный и заносчивый характер, и, обладая большой силой, он «не держал сабли в глазу» (т.-е. всегда искал драк).

Достаток отца позволял ему жить в праздности и он проводил обыкновенно время с четырьмя товарищами, похожими на него. В округѣ им дали кличку «Пяти Тигров», которая хорошо передавала страх, испытываемый жителями перед жестокостью этих молодых людей.

Сын Хуана часто говорил:

— Если я даже кого-нибудь убью, то все обойдется извинительным письмом от отца и нѣсколькими тазлями!

Однажды он познакомился с нѣкой куртизанкой по имени «Юный Румянец» и обращался с ней так, как со своей содержанкой, не позволяя никому с ней знакомиться.

В то-же время в городѣ жил молодой человек, сирота из одной богатой семьи, характер котораго являлся прямой противоположностью молодому Хуан. Сирота встрѣтил как-то «Юный Румянец», она ему очень понравилась, и, находя ее прекрасной, он стал искать случая с ней познакомиться. Но мачеха, которой он сообщил о своем намѣреніи, отказала на отрѣзъ.

Однако, молодой человек возразил:

— Так-как она куртизанка, мнѣ не слѣдует никого бояться!

— Молодой Хуан очень жесток, — сказала мачеха, — и мы всѣ его боимся. Вам лучше избѣгать его и таким образом уберечься от всяких неприятностей.

Но увлекшійся и упрямый молодой человек рассказал об этом случаѣ своему пріятелю. Тот согласился с его доводами и они оба рѣшили пойти и познакомиться с «Юным Румянцем». Узнавъ об их рѣшеніи, мачеха удвоила свои предостереженья, но друг сироты рассердился, и сказал, положив свою саблю на стол:

— Мы не испугаемся никакого тигра, каков-бы он ни был!

Как раз в тот момент, когда они собирались выпить вина, появился молодой Хуан со своими товарищами. Тогда друг сироты спрятал послѣдняго, спряталась и «Юный Румянец», а сам он вышел, чтобы встрѣтить молодого Хуана, и, если придется, вступить с ним в бой. Но его противники были многочисленны, и получив нѣсколько сабельных ударов, ему пришлось бѣжать, дабы не быть убитым. Сирота-же вмѣстѣ с «Юным Румянцем» вышли задними дверями и пошли искать другое убѣжище.

Молодой человек понравился «Юному Румянцу» гораздо больше чѣм Хуан, это и заставило ее послѣдовать за ним и бѣжать.

На вопросы Хуана мачеха подтвердила, что ея воспитанница ушла из дома, и что она не в состояніи указать новый адрес.

Тогда обманутый Хуан воскликнул:

— Если этот юноша не возвратит мнѣ «Юный Румянец», я сравняю с землею его дом!

Хуан предложил:

— Если мнѣ возвратят «Юный Румянец» и заплатят нѣсколько тазлей, то я соглашусь помириться, если-же нѣтъ, то я расчистаюсь с ним по своему!

Но «Юный Румянец» так сильно боялся молодого Хуана, что молила сироту не оставить ее и защитить. Охваченный сожалѣніем, молодой человек внял ея мольбам и потратил не мало денег

на наем охраны, умѣвшей хорошо владѣть саблями.

Как-то утром к нему вошел слуга и сказал:

— Я сегодня встрѣтил на улицѣ человѣка высокаго роста и весьма сильнаго на вид. По его словам, он только-что прибыл из Пекина и сейчас ищет себѣ пристанища. Я пригласил его сюда, но он так и не захотѣл назвать свое имя. Он сейчас стоит у дверей.

Молодой сирота вышел на порог и пригласил незнамца войти в дом, гдѣ и угостил гостя сытным обѣдом. Незнакомец сказал ему без всяких предисловій:

— Я вижу, что у вас неприятели. Расскажете мнѣ в чем дѣло, и если я вам нужен, то я всецѣло к вашим услугам.

Молодой человѣкъ сначала поблагодарил, а затѣм рассказал все, что произошло. Незнакомец отвѣтствовал:

— Хотѣл-бы я встрѣтиться с этим самым молодым Хуаном!

Они отправились в ресторан, гдѣ часто бывал сын генерала и стали пить вино в ожиданьи его прихода. Через нѣсколько минут Хуан прибыл. Так-как он не успѣл еще свести свои счета, то при видѣ сироты кровь бросилась ему в голову и он встал, чтобы вступить в бой. Вновь прибывшій был очень сильным человѣком, и, поднявшись с мѣста, схватил Хуана за руки и одним могучим линком выбросил его на улицу, гдѣ тот жестоко расшибся о землю, раскроив свой череп и потеряв много крови. У него, как у генеральскаго сына, было много друзей из прежних солдат отца, которые сейчас-же сбѣжались на помощь и арестовали вновь прибывшаго. Его связали вмѣстѣ с сиротой и туго стянули веревками, в ожиданьи прибытія отца Хуана. Тогда незнакомец, показывая свою печать, сказал совсѣм тихо своему сторожу:

— Пожалуйста отнесите эту печать вашему начальнику и скажите, что я хочу его видѣть.

— Я не смѣю уйти, — отвѣтил солдат.

— Нѣтъ, вам необходимо сейчас-же пойти, — настаивал незнакомец. — Вы увидите, что получите за это хорошую награду.

Как только начальник увидѣл печать, он бросился к арестованному, лихорадочно начал сам развязывать веревки, а когда веревки упали, бросился перед незнакомцем на колѣни, так-как это был никто иной, как сам Император Цан-Лун, прибывшій в город инкогнито.

Его Величество отдал приказ немедленно-же казнить отставнаго генерала, виновнаго в скверном воспитаньи сына, и сказал сиротѣ:

— Я вижу, что у вас добрый характер, хотя вы и молоды. Продолжайте работать: вы создадите себѣ хорошее будущее и станете полезным сыном для Отечества.

Тигр из города Чао.

(Китайская повѣсть Цу-Бан-Лиан).

Нѣкая старая женщина из города Чао, которой было уже болѣе 60-ти лѣтъ, имѣла единственнаго сына.

Как-то раз, когда он отправился в горы, на него напал тигр и его растерзал.

Старая женщина, едва не умирая от горя, отправилась со слезами и причитаньями к губернатору, чтобы подать жалобу на тигра.

— Да развѣ тигры подчиняются государственными законам? — замѣтил со смѣхом начальник.

Но стенанья старухи становились все громче, и вот она упала на пол и забилась в таких сильных судорогах, что невозможно было ее остановить.

Губернатор прикрикнул на нее, но, как казалось, это ничуть не подѣйствовало. Однако, пожалѣвъ ея непреклонные годы, губернатор смягчил свой сильный гнѣвъ и дал обѣщанье так или иначе захватить тигра.

Старуха-же осталась лежать на полу, не желая уходить и согласилась встать только тогда, когда был подписан приказ об арестѣ тигра.

Таким образом губернатору пришлось спросить свою свиту:

— Кто из вас рѣшился-бы выполнить это порученіе?

— Я, — отвѣтил один из самых низших слуг, по прозвищу Ли-Способный, и, будучи немного навеселѣ, сейчас-же подошел к креслу начальника.

Увидав, что Ли взял приказ, старуха успокоилась и ушла. Придя в себя, Ли начал раскаиваться и подумал, что губернатор просто захотѣл скрыть свою игру: то, что произошло, было предлогом, чтобы временно удалить старуху и помѣшать ей производить безпорядок. Поэтому он не употребил все нужное усердіе, чтоб исполнить порученіе, и, размахивая приказом, доложил по начальству о своей неудачѣ, а так-же попросил об уничтоженіи приказа.

— Но вѣдь ты увѣрял, что способен арестовать тигра! — вскричал во гнѣвѣ губернатор, и я не потерял теперь никаких отговорок!

Ли, весьма встревожась, попросил разрѣшенія нанять охотников, и эта просьба была удовлетворена.

Тогда Ли наwerbовал охотников и начал день и ночь выслѣживать тигра в горных ущельях, в надеждѣ его изловить и насладиться чувством исполненнаго долга. Однако, прошел цѣлый мѣсяц в напрасных поисках и Ли был наказан нѣсколькими сотнями ударов бамбуками.

Не зная, кому-бы подать жалобу и с кѣм по-дѣлиться своими горестями, он отправился однажды ко второй городской стѣнѣ.

Войдя в храм Священных гор, он опустился там на колѣни, и, призывая духов, разразился рыданиями. Так прошло нѣкоторое время, и вдруг, войдя снаружи, появился тигр.

Охваченный сильным ужасом, Ли ждал, что звѣрь схватит его клыками и растерзает, но тигр, войдя в храм, как-будто не хотѣл ничего замѣчать вокруг и присѣл на порогѣ двери.

— Тогда Ли произнес слѣдующую молитву:

— Если ты убійца сына старухи, то соизволь меня выслушать и снизойди до позволенія заключить тебя в цѣпи!

Затѣм он вынул свои оковы и надѣл их на шею тигра, и тот, прижав уши, позволил себя связать и без всяких затрудненій привести в губернаторскій ямынь.

Тут губернатор начал допрашивать тигра и спросил его так:

— Это ты разорвал сына старой женщины?— Тигр наклонил голову.

— Тот, кто убил, должен быть наказан смертью, продолжал губернатор, — таков издревле непреложный закон. У этой женщины, которую преклонныя лѣта с каждым днем приближают к могилѣ, был один единственный сын, котораго ты разорвал. Как-же она теперь проживет? Однако, если ты в силах замѣнить ей сына, то я отпущу тебя на свободу.

Так-как тигр снова кивнул головой, то с него сняли цѣпи, но он удалился только тогда, когда ему приказали.

Старуха снова начала жаловаться губернатору и требовала, чтоб тигр был убит, дабы отомстить за сына.

Но на слѣдующее утро, открыв створки двери, она увидѣла на порогѣ мертвого оленя. Она вымѣняла шкуру и мясо на деньги, что и дало ей средства на жизнь.

С тѣх пор, во время своих частых посѣщеній, тигр бросал ей во двор то золото, то матерію из чистаго шелка, которыя он приносил в своей пасти. Старуха узнала тогда, что такое богатство и довольство.

Так-как ей жилось гораздо богаче, чѣм при жизни сына, то она даже почувствовала в сердцѣ нѣкоторую благодарность к хищнику.

Приходя к ней, он ложился в тѣни навѣса от крыши и хотя он проводил там цѣлые дни, как люди, так и животныя оставались совершенно спокойными и не чувствовали к нему ни малѣйшаго отвращенія.

Через нѣсколько лѣтъ, когда старуха умерла, тигр пришел ревѣть в похоронную горницу.

Этой старухѣ удалось скопить столько богатств, что даже послѣ уплаты расходов по похоронам, осталось еще не мало денег.

Послѣ похорон, на которых присутствовали всѣ жители округа, не успѣли еще засыпать свѣжую могилу, как вдруг среди народа вырос тигр и всѣ бросились в разныя стороны. Хищник приблизился к холмику, ревѣл там нѣкоторое время громовым голосом и только тогда рѣшился исчезнуть.

Мѣстные жители воздвигли ему за второй городской стѣной «Храм Вѣрнаго Тигра», который сохранился и понынь.

О Ч Е Р К И.

Каллиграф.

Он не часто приходит в нашу контору. Всегда одинаковый: старый, вѣжливый, неторопливый.

Мѣняется только халат на его изсушенном опіем и годами тѣлѣ. Зимой — черен и тяжел. Лѣтом — бѣл и легок.

Должно-быть он очень стар. Говорят, — лучший каллиграф-художник Шанхая. Новых таких больше не будет.

И под треск ремингтоновских дѣвиц с голыми по плечи руками, нервный звон телефонов, лай автомобилей, — старый, вѣжливый, неторопливый, — он проходит к своему столику. Тщательно растирает палочку лучшей туши. Снимает серебрянные футляры с острых кистей.

Правая рука почти атрофировалась и высохла: ручка ребенка. Вывернута вправо: вѣдь кисть нужно держать вертикально, тремя пальцами.

Пальцы, как лапки паука. Способны лишь водить кистью.

Он писал всю жизнь. Медленно закрѣплялись в его мозгу десятки, сотни, тысячи рисунков-слов. Он помнит двадцать-тридцать тысяч.

На шелковистой рисовой бумагѣ они выстраиваются изощренными столбцами, легкіе и четкіе, с неумолимой точностью. Точностью математической: ни бумага, ни тушь не допускают поправок. И договоры, иски и приговоры похожи на кабалистическіе пергаменты.

Но это для тѣла. Для души — другое.

По временам, низко кланаясь, ему приносят длинныя, — достанут до потолка, — красныя и золотыя настѣнные свитки в штофной радужной каймѣ.

Он улыбается. Поправляет очки. Откидывает рукава. И на золото выползают из под вѣрной кисти черныя переплетающіеся червяки,

вскормленные тысячелѣтїями. Изрѣченїя великих философов. Поэмы прекрасных поэтов прошлаго.

Трещат дѣвѣцы с голыми по плечи руками.

Я думаю, — он скоро умрет. Старый. Вѣжливый. Неторопливый.

Нищїе.

Г-н Х. рассказывал:

«Мнѣ пришлось исколесить весь Южный Китай. В провинціи, на остановках вся деревня высыпает к моей машинѣ.

Вы видѣли китайских нищих? С иностранных концессій их гонят. Трудно выдумать что-нибудь болѣе отвратительное. Особенно на Югѣ, гдѣ рисовыя болотины, как англійскій кэкс — изюмом, начинены мертвецами. Запах болота, тлѣнія, запах смерти. Цѣлые поселки поголовно заражены сифилисом, проказой и другими накожными болѣзнями, еще неизвѣстными европейской медицинѣ. Кожа то высыхает и превращается в какую-то роговую чешую, то покрывается сплошь шишками опухолей в куриное яйцо. Сплошь, все тѣло! Точно спина мѣстной камбалы.

Когда эти чудовища в одних широкополых конических шляпах хватились за спицы машины, мнѣ казалось, что они могут заразить даже каучук автомобильных шин. Я бросал им копера и сапэки, — крохотные, с квадратной дырочкой, десятая нашей копейки. Нѣкоторым я давал больше и слушал, что говорят другіе. Они не стѣснялись: 95 процентов мѣстных резидентов не знают китайскаго.

Как-то среди нищих я замѣтил старуху. Она была лыса, тоща, с провалившимся носом. На омерзительном тѣлѣ в почернѣвших язвах, — один микроскопическій передник.

Я кинул ей впятеро больше, чѣм остальным. Вся свора с проклятьями бросилась на вѣдму. Она упала на монеты, подгрѣбла их под себя и визжала.

Тогда один нищій крикнул дословно:

— Стойте, товарищи! Кажется я понял иностранца: его зрѣнье оскорбила нагота этой почтенной госпожи!

Муравьи.

Да. Они — муравьи.

Щепка, перегородившая дорожку, заставляет метаться цѣлую процессію муравьев. Не могут догадаться перелѣзть или обойти стороной. Ум — инстинкт? — направлен в одну сторону. Глухія шоры.

То-же с китайцами. Люди одной мысли. В особенности чернь.

Нигдѣ в мїрѣ нѣтъ столькои столкновений, как на улицах Шанхая. Не только автомобили, — сшибают с ног даже рикши.

Ревет, надрывается кляксон, гортанно вопит рикша, но мозг прохожаго в шорах: у него одна мысль — перенести чашку с рисом через улицу. Он ею загипинотизирован. Он глухо-слѣпой. Очнется только тогда, когда тонкая оглобелка в'ѣдет ему в спину или соб'ет с ног. Смотри, он не способен слышать. Слушая, он не способен видѣть.

Его ум закастенѣл, потеряв — гибкость. Он дифференцирован вѣчным трудом, как Уэльсовскій селенит. Потомок, он дѣлает то-же, что дѣлали его пра-пра-дѣды цѣлыми тысячелѣтїями.

Рикша бѣгает всю жизнь, пока не упадет от чакотки. У него икры и бедра балерины, крохотная голова и руки, как плети: его жизни нужны однѣ ноги.

Вот плотник. По шестнадцать, по восемнадцать часов в сутки пилит, задрал лѣвую ногу, чтобы придерживать доску тековаго дерева. И пальцы на ногѣ стали пальцами обезьяны. Мог-бы держать в них свои палочки для ѣды.

А посмотрите на пальцы мѣнял, писцов, скупщиков яшмы; посмотрите на китайскаго доктора прав с громадной головой на тщедушном тѣлѣ; посмотрите на фіолетово-коричневых геркулесов, тащущих с двух-нотной пѣсенкой громадныя тяжести на лямках (вѣдь шанхайскїе пони возят только «брокеров», — биржевых зайцев!). — Всѣ они с дѣтства посвящены одному и тому-же труду. Мысль в глухих шорах.

Во времена мудрых правлений Императоров прошлаго, Филосов учил избѣгать унижающаго труда и не становиться ни земледѣльцем, ни ткачем, ни плавильщиком бронзы, ибо ум и мудрость притупляются от постояннаго соприкосновения с тѣми-же предметами, с тѣм-же трудом.

Кто помнит и может исполнить теперь наставленье Философа? Одни богачи в садиках с туфовыми гротами, да фарфоноликїя красавицы в кожанных сжимающих 60-ти сильных Пирс-Эроу.

Остальные презрѣли. И ум их окостенѣл.

Да. Они — муравьи.

Хав-Касты.

Полукровка. Помѣсь европейцев и китайцев. Сами себя они зовут «португальцами», а европейцы, презрительно — «хав-хав», «середка на половину».

Их сразу отличишь по чуть рѣзче очерченным скулам, по исключительному блеску тепло-карих глаз и чисто по-китайски изящным рукам. Восточная кровь упряма: она отпечатлѣвается в нѣскольких поколѣньях.

В общество их почти не принимают. То-же в клубах: у них есть свой собственный, «Португальскій».

Название пошло из Макао, гдѣ португальцы, — колонизаторы нѣсколько вѣков смѣшивались с китайцами и малайцами. А потом перешло и на всѣх метисов.

Лѣтъ пятьдесят тому-назад в Шанхаѣ поселился нѣкій гражданин Британской Имперіи, дѣлал деньги и женился на китаянкѣ. Его моментально выставили из Британскаго Клуба. Нажив нѣсколько милліонов, он скончался. Оба сына — Британскіе граждане. Один во время войны был отмѣнным летчиком «Королевскаго Летательнаго Корпуса», был ранен и награжден, но по возвращенію в Шанхай его позорно забаллотировали в Клубѣ. Потому что он — хав-каст. Можно обворовывать китайцев, можно открыто содержать китайскую пѣвицу, но не жениться.

Если европеец получает 300 долларов, а китаец на том-же мѣстѣ 50, то хав-каст, будь он хоть Шанхай, Август 1923.

вдвое болѣе опытным работником, не получит там больше 100. Европеец его презирает, китаец ненавидит. Говорят, что они рѣдко бывают честны, неискренни, нахальны и сплетники.

Мнѣ кажется, что это от озлобленности. С дѣтства они привыкли видѣть ненависть и презрѣнье.

Трамвай. Ватага дѣвочек - приготовишек от французских монахинь, чиркающих воробьями на смѣшанном англо-французском.

— Если-б ты знала, Люси, как я голодна! Хотѣла бы корочку погрызть!

Рядом дѣвчушка лѣтъ 6-ти со слишком теплокарими изюминками. Хав-кастка. Ребенок думает минуту, потом вытаскивает из ранца отличнорумяный пирожок и застѣнчиво тянет к подругѣ.

Дѣвченка мѣрзает одноклассницу с фартучка до шляпки, в полном изумленьи, и рѣзко поворачивается к Люси, передернув плечиками. Как она посмѣла: хав-кастка!

Тепло-карія изюмины тускнѣют, маленькій — почти китайскій — носик морщится к плачу.

М. Щербakov.

БЕРМОНДТОВЩИНА.

(Дневник, 1919 — 20 г.г.).

Завтра уѣзжаю обратно в Митаву.

Здѣшняя тишина для меня была по настоящему. Цѣлительной, точно Шавли — курорт, гдѣ я провел три чудесных дня.

Приказ ген. Юденича (от 5-го сентября) о назначеніи Бермондта «командующимъ всѣми вооруженными отрядами на территоріи Латвіи, Литвы и Курляндіи» мною Вырголичу передан — при соотвѣтствующей обстановкѣ (в штабѣ). Принял он его без особой торопливости, сдержанно и просто. Отчетныя вѣдомости (хозяйственныя) и внутренне-служебныя будут пересланы в Митаву на днях — ждатель мнѣ их не приходится.

Это назначеніе. В сущности мы знали о нем давно, по крайней мѣрѣ предполагали. То, что в Митавѣ шла желѣзной поступью организаторская работа, внутренне скрѣпляемая и воспламеняемая разнообразными цѣлями, чувствами и задачами; то, что зданіе арміи воздвигалось медленно, упорно и расчитано — рукой, знающей, что она дѣлает, твердой, неуступчивой; наконец, послѣднее обстоятельство: то, что и без этого приказа соединеніе всѣх мелких отрядов под властью Бермондта рано или поздно произошло бы здѣсь в Митавѣ — заставило ген. Юденича расчеркнуть под приказом и поставить начальническое — повелѣваю. Безусловно ген. Юденич расчитывает в ближайшее время разорвать нѣкую содружественную нить между нашими и нѣмецкими частями и официально вызвать организованная боевая группа (в Литвѣ и Курляндіи) — к сѣверу.

Вряд ли нѣмецкое командованіе пойдет на уступку: сдѣланы слишком большія затраты и матеріальных и физических сил для того, чтобы штаб нѣмецкій легко и бесспорно примирился с их ликвидацией. Притом, весь психологическій ход ген. Юденича обнажен до глубины: такой недостаток в сложной военно-политической игрѣ недопустим. Предвижу столкновеніе двух расчетов — их глу-

бинное напряженіе, мало замѣтное глазу, оборвется сразу послѣ долгой подготовительной, умягченной дипломатіей, борьбы. С момента назначенія Бермондта «Командующимъ арміей» — она началась...

10 сентября.

Вернулся из Шавлей, застал письмо от бѣднаго И. Растерянный, усталый от перенесенной болѣзни (полупсихическое расстройство) он тоскует о женѣ и ребенкѣ, оставленных в Путивлѣ.

Пишет:

«Дорогой В., пишу тебѣ в полной увѣренности, что мое сумасшествіе миновало. Живу в Залещиках, все у того же еврея. По вечерам гуляю у Днѣстра, перебираю в памяти наше совмѣстное житѣ здѣсь, наши пѣсни в лунныя ночи, тоскливыя воспоминанія и, признаюсь, удвоенная тяжесть ложиться на душу. Вѣдь подумай — нам всего по 25 лѣтъ, а сколько пришлось пережить! Ты знаешь — у меня нѣтъ вѣры, что мы вернемся в Россію; от этой мысли я могу опасно и раз навсегда сорваться... Женѣ пишу, но от нея ни строчки. Что это значит? Надо тебѣ сознаться — во мнѣ происходит глухой переворот: я начинаю переоцѣнивать семью и весь осознанный мною смысл моей личной жизни. Дѣлаясь равнодушным к женѣ, я теряю любовь к ребенку. Я проклинаю Университет и (о, конечно, нѣтъ!) не благословляю Военное Училище, в стѣнах котораго я научился смертоубійству. Все пошло прахом и распадается, как старый сгнившій забор.

Замѣчаю одно: мнѣ иногда на прогулкѣ мучительно хочется броситься головой вниз с обрыва на камни в шумящій Днѣстр — всего полминуты острой боли от удара и я свободен»...

Заканчивает письмо отчаянной просьбой: «пиши, родной, хоть маленькія открытки, но чаще; без них я чувствую себя хуже, я теряю мою незавидную тропу и безуміе снова подступает»...

Сегодня послал ему длинное, успокоительное письмо. Описал ему подробно наш переѣзд через Варшаву, посѣщение вербовочнаго бюро ротмистра Розенберга, переход польско-нѣмецкой границы у Млавы и, наконец, приѣзд в Митаву и вступление в отряд Бермондта. На ряду с этим сообщил ему и тѣ свѣдѣнія о нашем Путивлѣ, которыя у меня имѣются. Обѣщал ему писать часто и много; надѣюсь, что не обману этого мечтательнаго юношу, котораго так уничтожающе сломала болѣзнь на эмигрантском распутьи.

Записывая эти строки о И., вспомнил многое. Совѣтско-украинская граница у с. Крупцы. Сине-багровый вечер; по горизонту лежат темными горами тяжелыя тучи. Мы (я и И.) сидим на деревянной скамьѣ у самой рѣчушки, покрытой празеленью и оба молчим. И., как всегда, дымит папиромой, неподвижно уставив глаза в корень ближайшей вербы. По ту сторону болота, на заводѣ слышна жалобная, налитая слезами, пѣсня. Дѣвичій голос дрожа, то разбѣгается широко и уныло, то затихает, словно минутный вѣтер, покачивающій кустарники на болотѣ, глотает звуки и жадно прячет их куда то в наползающіе сумерки. И. скидывает на меня глаза.

— Слышишь? — произносит он тихо:
Я не отвѣчаю.

Мало слов, а горя рѣченька
Горя рѣченька бездонная...

добавляет И., — вот она земля родная.

Так просидѣли мы с И. до полуночи.

Я никогда не забуду и его темный, серьезный, проникновенный взгляд и надорванный вздох и медленный жест худой руки. Мнѣ кажется, что он всегда носил в глубинѣ своей мягкой, впечатлительной души тончайшія возможности к большому срыву. Стоило пробѣжать вѣтру по верхушкам деревьев, захопнуть крыльями какой-нибудь галкѣ, уснувшей в вѣтвях или быстро прорѣзать небо падающей звѣздѣ, как И. вздрагивал, широко открывал глаза и молча оглядывался вокруг, точно испуганная птица.

Это — не был страх: я видѣл его в боевых перестрѣлках бок-о-бок с собой; в эти минуты его волненія замирали и падали под холодную, блѣдно-синнюю маску, которая одѣвала его лицо. Глаза становились упорными и бездвижными, голос замѣтно приглушался. Мнѣ всегда казалось, что внѣ его воли, всѣ ощущенія его сковывались стальным обручиком, от котораго, по минованіи острых минут тѣло его слабѣло, и душевная упругость размягчалась до крайней усталости. . . Теперь он, по видимому, безконечно, потрясен и разбит всѣм пережитым. Я не обману его ожиданій, иначе — гдѣ же наша дружба, согрѣтая массой драгоцѣнных воспоминаній?

11 сентября.

В штаб поступают, чередуясь, одно за другим свѣдѣнія, то об удачном развитіи боевых дѣйствій ген. Юденича на сѣверном фронтѣ, то о — провалѣ.

..Бермондт утонул в невѣроятном количествѣ докладов, предписаній, отчетов и пр. Его буквально закидали бумагами и сегодня, разбирая их, он сердито бросил:

— Чорт знает, гдѣ головы у этих старых генералов; пишут без конца, шепчут на ухо о пустяках, а дѣла нѣт. Адьютант! выбросить эти ворохи, подписывать не буду. Позвать ко мнѣ начальника штаба!

Послѣ короткаго свѣщанія была разослана по всѣм частям записка, которой Бермондт вызывал всѣх военачальников к 7 ч. веч. в штаб для личнаго доклада о ходѣ организациі. Заканчивается записка категорическим указаніем: «Командующій арміей требует при докладѣ быть лаконичными, говорить о сущности дѣла и не ждать наводящих вопросов. Кромѣ того, К—щій с нынѣшняго дня приказывает сократить до минимума ненужную канцелярщину и обо всѣх нуждах докладывать лично ему в установленные часы приѣма».

Разумѣется, в запискѣ было указано, что доклады могут дѣлать только начальники частей, а не всякій, кому вздумается.

Это распоряженіе — нѣчто вродѣ бунтарства против установленій, вводимых старыми генералами в арміи. Они привыкли отписываться, тянуть длинную, скучную волюнку, а тут вдруг — genug!

Около 6 ч. я собирался уйти к себѣ, как сзади хлопнула дверь; не оборачиваясь, я продолжал складывать мои бумаги.

— Эй, исторія! — устало окликнул меня Бермондт, — хочю у тебя отдохнуть.

Я пригласил его сѣсть в кресло.

— Спасибо, дорогой! — только ты уж, пожалуйста, не мучь меня вопросами, слышишь?

Он по обыкновенію залѣз в кресло с ногами и посмотрѣл на меня ошупывающим, холодным взглядом.

Мы помолчали.

— Вот что — сказал он в растяжку, — ты друг мнѣ?

Я поклонился.

— Дай мнѣ твою руку. Устал я.

С минуту мы смотрѣли друг на друга без слов.

— Да, да... отрывисто кинул Бермондт, — ты это знаешь, но гдѣ я выкопаю хоть одного дѣльнаго человѣка по настоящему? Вот просится ко мнѣ на службу поковник генеральнаго штаба Дур-

ново. Слышал о нем что-нибудь? Нѣтъ? Попробую принять, может быть выйдет толк. . . . Одному Чайковскому, конечно, не справиться.

— А полковник барон Энгельгард?

Бермондт кивнул головой не то утвердительно, не то отрицательно!

— Да и. . . барон. Кстати, он блестящій штабной офицер.

За окнами сѣрѣл отдаленный край неба; видно было, как пробѣгающій вѣтер гнул вершины деревьев у берега Аа. В комнатах штаба было странно-тихо — это явственнѣй подчеркнуло неожиданный вздох Бермондта и — вслѣд затѣм его обычный щелчок (мастер он на это большой) пальцами.

— Вытану! — крикнул он и быстро сорвался с кресла, — ну спасибо тебѣ, — добавил он, направляясь к двери.

Откланиваясь, я попросил его:

— Нельзя ли, получить протокол засѣданія Военно-политическаго совѣщанія в Ригѣ?

— Получишь. Он у Чайковского, возьми.

И — вышел.

Наконец, я получил этот тщательно скрываеваемый документ. Это протокол, куда занесены с точным указанием участки наступленія анти-большевистских отрядов Литвы, Латвіи, Эстоніи, Польши и — русских. Документ скрѣплен подписями представителей от этих группировок.

Эстонія занимает участки: от побережья до желѣзной дороги Ямбург - Гатчино включительно и от р. Великой до сѣвернаго берега Лубанскаго озера. Между этими двумя участками располагаются русскія части. От эстонцев документ подписан ген. К. Лайдоляером, от русских — ген. Десино (из штаба ген. Юденича).

Латвія занимает участок: от Лубанскаго озера до Балтиновскаго (оборона восточной границы Латвіи); подписано полковником Калниным.

Наша армія: участок Двинск-Рѣжица. Задача — продвинуться на Великіе Луки; подписано Бермондтом.

Литва: от Балтиновскаго озера до пункта в 35 кил. юго-западнѣе Двинска (оборона восточной границы Литвы); подписано полков. Беньяшевичем.

и послѣдній участок
Польша: от литовцев к Востоку; подписал капитан Мысловскій.

Это общее постановленіе скрѣплено подписью Марча, бригаднаго генерала.

Значит на Великіе Луки?

Задача сложная, выполненіе ея потребует огромных усилій и стратегических уловок; необходим точный учет сил и времени. Удар на Петроград должен совпасть с одновременным ударом на желѣзно-дорожную линію, связующую двѣ столицы; с перерывом этой линіи красная армія вынуждена будет отступить в сторону, гдѣ нѣтъ оборудованных путей снабженія. Но — мы бѣдны офицерами ген. штаба, которые смогли бы разобраться в этом колоссальном узлѣ матеріальных, тактических и стратегических сплетеній. Бермондту не управиться, а кромѣ того он — вождь, он всего лишь психологической властитель над солдатами. Голова и сердце у него вспыхивают быстро, бросают искры в массы, зажигают их — если надо, кинут эти массы в безуміе, но математики у Бермондта ни в сердце, ни в умѣ нѣтъ. А военное безуміе (оно — особаго рода) является неотразимым лишь тогда, когда сочетает в себѣ и пожар и холодную стратегическую таблицу, мѣряющую каждый шаг и каждый бросок чувства.

Слышу через открытое окно настоящій гром музыки и барабана; изрѣдка прорывается густая пѣсня нѣмецких солдат — должно быть пришли добровольцескія пополненія.

В город каждый день вступают отлично снаряженныя, крѣпко и основательно слаженныя роты. Всѣ онѣ вливаются в ряды «желѣзной дивизіи»; она существует вполне автономно, сносясь с нашим штабом через посыльных, а в смыслѣ хозяйственном через городскую комендатуру. Многія из прибывающих групп находятся в прямом подчиненіи Бермондту. Они даже располагаются в зданіях лежащих в чертѣ наших пластунов. Так как читать русскіе приказы они не умѣют, им переводят текст и экземпляры в должном количествѣ посылают в казармы. Эти части удивительно дисциплинированы.

Завидя пролетающаго в автомобиль по городу Бермондта, они подтягиваются, «геометрически», вычеканенно привѣтствуя его. Бермондт как то на-днях сказал мнѣ:

— Ручаюсь головой — если мнѣ не будет мѣшать союзники, я с ними возьму Москву.

12 сентября.

У Бермондта появилась оригинальная привычка: едва разсвѣтает, он схватывается с постели, обмывается холодной водой и, затаившись в черкеску, уходит за рѣку гулять, помахивая хлыстом. Его раннее появленіе на улицѣ без всякаго конвоя, когда едва багровѣет восход и город еще весь в сѣрой предутренней тѣни, производит на жителей Митавы дикое впечатлѣніе. Многіе с любопытством разглядывают через окна бодро шагаю-

щого по улицам черкеса в черной папахѣ, при кинжалѣ и серебряных хозарах на груди.

Сегодня, возвратясь с прогулки, Бермондт рассказал о курьезной встрѣчѣ:

— Выхожу за мост, оглядываюсь куда бы мнѣ свернуть: на шоссе или пойти по берегу рѣчки к мельницѣ, вдруг вижу щупленького, испуганного еврея, жметъся к забору, пытаюсь упрятаться от меня за акаціи. Эй, ты! — кричу ему, — пойдй ко мнѣ. Не двигается с мѣста. — Послушай, Абрам! — кричу вторично, — не бойся, пойдй ко мнѣ. Стоит, как вкопанный. Подхожу к нему, а он весь дрожит как в лихорадкѣ. — Здравствуй, Абрам! — кричу вторично, — не бойся, пойдй ко мнѣ; что ты, братец, без языка што ли? — Я... домой... отвѣчает мнѣ, наконец, іудей. — Ну, так в чем же дѣло? Ты гдѣ был? На работѣ? Пойдем к тебѣ завтракать. У тебя жена и дѣти есть? — Есть. — А, ну отлично. Я взяла его под руку и силой потащил с мѣста — словно прирос и онѣмѣл несчастный.

Водил он меня что то долго по разным переулкам, наконец, добрались к какому то подвалу. — Здѣсь? — спрашиваю. Абраша мой едва мотает головой от испуга. Спустились по грязной лѣсенкѣ вниз, открыли дверь, а оттуда крики Хайки — ай, вей! Дѣти завопили во весь голос.

— Пстой, — окликаю Хайку, — не ори! Давай завтракать, что у тебя есть? Я проголодался, да и Абрамчик твой тоже; правда, Абраша? — вопрошаю іудея. Он бестія смѣется. Хайка сразу расцвѣла, дѣти затихли. Я их сейчас это за пейсики. — Ну-ка, жиденята, лѣзь ко мнѣ на колѣни. — Хочешь сто марок? — спрашиваю одного. — Хочу! — отвѣчает, даже бѣсенок не покривился. Я ему сто марок в рученку. — А ты хочешь? — спрашиваю другого. — Хочу! Дал всѣм пятерым по монетѣ. Хайка поджарила сеledку, Абраша бутылку вина принес — распили одним духом. Ну и народец я вам доложу; запуганы они до смерти. Что за чорт? Неужели у меня в арміи кто-нибудь втихомолку придушивает их? Сколько я не разспрашивал — Абрам мнѣ ни звука не сказал об этом.

Лилицкій, покручивая бѣлокурый ус, скосил взгляд в мою сторону.

— Вы плохо знаете, Павел Михайлович, жидков: они далеко не агнцы.

Бермондт кинул перчатки вмѣстѣ с хлыстом на стол.

— Может быть. Во всяком случаѣ в арміи антисемитизма не будет — довольно того, что погромы на югѣ подорвали многія операции.

Размяв мускулы рук, Бермондт отправился к себѣ в кабинет.

Лилицкій удивленно пожал плечами, и, взявъ хлыст и перчатки, унес их вслѣд за ним.

.....

Мы переѣхали в новое зданіе на Церковную 5. Это громадное темно-сѣрое зданіе, роскошно обставленное. Лѣстницы в мягких, пушистых коврах, с потолков свѣшиваются люстры, отливающие при вечернем освѣщеніи разноцвѣтными блесками.

Огромныя окна кабинета и спальни Бермондта выходят на улицу. В обширном залѣ перед входом в его пріемную выставлен почетный караул из юнкеров «Личнаго конвоя». Они — в блестящих мундирах синяго сукна, расшитых серебром. Вид — внушающій.

При появленіи в залѣ Бермондта они мгновенно берут на караул, застывая в привѣтственной позѣ. Этот внѣшний выдержанный рисунок в самом дѣлѣ дѣйствует гипнотически на каждого входящего в зал.

Я замѣчаю: увидя поразительный блеск паркета, огромныя картины в золоченных рамах, висящія по стѣнам, и весь внушительный красочный перелив залы, услыша тугой звук винтовок, ударяющих о пол при появленіи Бермондта, всегда затянутаго в изящную черкеску при серебряных хозарах, — ждущіе пріема робѣют. Они стремительно вытягиваются, дѣлают выразительныя лица «все понимающіе» с полслова и — замирают. Бермондт гибко и совершенно безшумно дѣлает общій поклон, медленно обводит присутствующих испытующим (начальническим) взглядом и подзывает к себѣ великолѣпным жестом старѣйшаго из них, обычно сѣдоголоваго генерала или пришибленнаго годами, нуждой и пережитым грузом полковника. Они говорят недолго.

Генерал (полковник) откланивается, щелкает каблуками и отступает в сторону. Бермондт кивает адъютанту (Лилицкій лично позвякивает аксельбантами тут же сбоку, вѣрный страж этикета) и, повернувшись, уходит в кабинет. Начинается пріем. Адъютант докладывает по записи; открывая дверь, пропускает очередного — часовые стоят, точно вросшіе в паркетный пол двѣ монументныя фигуры.

... Наблюдая эту картину, я невольно провожу историческую аналогію; масштабы объектов различны, между ними лежит неизмѣримо-большое духовное разстояніе, но *raison d'être* их подсознательнаго движенія — один.

Я говорю о Наполеонѣ.

Он был великим артистом. Выставляя перед своим шатром портрет сына для того, чтобы гвардія, проходя мимо, восторженно прокричала «Vive l'Empereur», развѣ он не играл великолѣпную сцену с рассчитанным театральным жестом?

Он знал: человѣческое сердце — слабо.

Блеск солнца, бряцаніе оружія, голубѣющее небо и безкрайнее поле — вот та сцена, на которой достаточно вырваться одному слабому крику, чтобы он превратился в раскатный мощный гул масс. В этой сценѣ Наполеон был и — режиссером,

сумѣвшим воспламенить своих актеров (гвардію) всамдѣльшим восторгом.

Уже сосланный на Св. Елену, обитая в глухой виллѣ Лонгвуд, он не переставал играть в нужные минуты. Ни граф Монтолонъ, ни Бертран, ни Лас-Каз никогда не думали, что они имѣют дѣло с величайшим артистом, соединяющим гениальные влеты творческаго ума с игрой.

Конечно, и Бермондт актер в своем размѣрѣ. Мѣняя выраженіе лица, позу, жест — он сковывает вниманіе зрителя и слушателя так, как ему надобно это в данную минуту. Я думаю, что всякій полководец, обладая стратегическими познаніями, силой повелительной воли, холодным умом — должен уметь и театрализировать свою внѣшность постольку, поскольку это надо для внушающаго рисунка. Доля власти заключается и в этом.

13 сентября.

Ранним утром за городом нашли труп солдата перваго пластунскаго полка. Голова раздроблена камнем — это замѣтно по угловато-разорванной ранѣ; глаза выпукло торчат из орбит, как два круглых тусклых голыша; лицо — одутловатое, темно-синяго цвѣта. Повидимому его душили и одновременно ударами камня по головѣ оглушали, для того, чтобы лишить сознанія.

Контр-развѣдка в дѣйствиі. Бермондт разъярен, грозит перестрѣлять половину населенія Митавы, если это случится еще и — по винѣ населенія. . . Но населеніе ли виновато в этом убійствѣ? Как это может быть?

Пріѣзжал к Бермондту граф фон-дер-Гольц; это первый раз за все время нашей совмѣстной работы. До этого (в іюльѣ), он присутствовал на парадѣ у собора, но в штаб не заѣзжал. Посѣщеніе его вызвало у нас нѣкоторое, малозамѣтное возбужденіе — по крайней мѣрѣ Линицкій выразил торопливость и почтительную суету.

Граф появился в приемном залѣ около 4. Быстро пройдя в глубину ея он небрежно остановился и сурово поглядывая на подошедшаго к нему ротмистра, сказал что-то. Послѣдній кинулся в кабинет Бермондта. Тот, вѣрный своему закону, вышел к графу с примѣтной задержкой, медленно отвѣсил полуоклон и, пожимая руку ф.-д.-Гольца, пригласил к себѣ. Они скрылись за дверью.

У графа лицо строгое, сухое, словно он кѣм то разгнѣван и это выраженіе раз навсегда залегло в его мутно-сѣрых глазах и густых щетинистых бровях. Походка бодрая, рѣзко-чеканная; я предполагаю, что граф в молодости был великолѣпным

гимнастом, судя по стройности его корпуса и увѣренности его движеній.

. . . Разговор был, главным образом, об отношеніи к политикѣ Военно-дипломатической миссіи Антанты в Прибалтикѣ. Борьба выливается в ошутимыя формы.

Нѣскольکو дней тому назад германскіе солдаты разоружили латышскій отряд в Митавѣ. Мотивировка этого поступка — различна. В моей «Исторіи», я излагаю обстоятельства болѣе подробно; nonetheless, дѣйствія германских солдат заслуживают порицанія, но лишь в нѣкоторой ограниченной мѣрѣ. Судя по тѣм свѣдѣніям, которыя имѣются в моем распоряженіи, 20 ноября 1918 г. Ульманис (президент латышской республики с антантофильской оріентаціей) подписал нѣкій договор с правительственным комиссаром 8-ой германской арміи, Виннигом, по которому солдатам этой арміи обѣщались надѣленіе землей за участіе их в борьбѣ по освобожденію Латвіи. До сих пор фактическаго надѣленія не произошло, а наоборот, якобы возникла полемика с обѣих сторон, в результатѣ чего — германскіе солдаты самочинно обезоружили комендатуру, отряд и пр., причинив матеріальные убытки латышскому правительству. Исторія эта быстро утихла, благодаря энергичным мѣрам русскаго и нѣмецкаго командованія, но. . . прошло немного дней Военно-дипломатическая миссія во главѣ с ген. Бертом пріѣхала в Митаву (с нею прибыл и ген. Ниессель — предсѣдатель контрольной комиссіи от Антанты). Миссія стала выяснять причины происшествія, запросив отчет от германскаго штаба. Ген. Берг потребовал к себѣ для подробнаго доклада о случившемся гр. ф.-д.-Гольца. Гордость графа была уязвлена и как заслуженнаго генерала и как представителя германскаго правительства в Прибалтикѣ, тѣм болѣе, что ген. Берг меньше всего имѣл основаній в присутствіи ген. Ниесселя играть такую роль. Возникла распляющаяся переписка.

Ген. Альфред Берг писал графу:

«В Вашем письмѣ от 4 сентября между прочим сказано, что Ваше правительство предвидѣло незаконныя дѣйствія германских солдат в Курляндіи. Принимая во вниманіе срок, данный для эвакуаціи германских солдат и колонизаціонную политику, проводимую среди них, я увѣрен, что отвѣтственным за положеніе дѣл в настоящее время является безусловно высшее командованіе германским корпусом. Для устраненія возможных недоразумѣній в будущем, я требую немедленно прислать мнѣ список тѣх лиц, которыя сами себя поставили внѣ закона».

Послѣдним требованіем отвѣт графа был предъшен. Вот он:

«Начальнику военной миссіи Антанты, Рига. Ваше письмо от 10 сентября получено. Я отказываюсь вступать с Вами в какую-либо переписку по

поводу того, что Вы высказали в первых двух положениях Вашего письма.

В послѣднем, третьем положеніи, Вы осмѣливаетесь обращаться ко мнѣ с требованіем о выдачѣ моих единоплеменников в качествѣ преступников. В этом требованіи я вижу глубокое оскорбленіе моего личнаго и національнаго чувства. Поэтому я совѣтую Вам впредь не обращаться ни ко мнѣ, ни к моим подчиненным с подобными гнусными требованіями, в противном случаѣ я вынужден буду прекратить с Вами какія бы то ни было сношенія и выселить всякаго англичанина из области, занятой германскими солдатами, так как исключена возможность гарантировать безопасность союзным миссіям, которыя грубо и преданмѣренно затрагивают честь германскаго народа. Ваше письмо я представил своему правительству и убѣжден, что оно через министра иностранных дѣл даст надлежащій отвѣтъ Вашему правительству на это грубое требованіе, которое союзная миссія осмѣливается пред'являть германскому генералу за-границей».

Отвѣта от ген. Берта не послѣдовало, но перчатка брошена, надо готовиться к столкновенію болѣе опредѣленному. Мы привыкли уже, что за перепиской слѣдует переброска снарядами.

Граф по этому поводу долго и содержательно бесѣдовал с Бермондтом, который владѣет нѣмецким языком достаточно для того, чтобы дѣлиться несложными мыслями.

По уходѣ германскаго генерала, Бермондт дошел к моему столику.

— Ну, исторія, — шуточно сказал он, — приготовляй стопы бумаг: дѣла закипают такія, что у многих вспухнут горбы. Понял? Вот тебѣ переписка графа с ген. Бертом.

Он подал мнѣ в копіях приведенныя письма, стараясь улыбнуться; я, однако, замѣтил в его глазах легкую черточку безпокойнаго смущенія.

Вечером я подробнѣе разспросил Бермондта относительно разговора с графом ф.-д.-Гольц.

Рѣшено, что раз дѣло пойдет на углубленіе создавшейся внезапно расщелины, благодаря преданмѣренному отношенію Военно-дипломатической миссіи Антанты к русско-нѣмецкой совмѣстной работѣ, то бояться нечего, а надо прямо идти к разрыву, конечно, умягчая этот путь дипломатической отпиской и осторожно-расчитанными переговорами.

Узнал біографическія данныя о графѣ. Военную карьеру он начал в 1 гв. полку в Потсдамѣ, по окончаніи двух учебных семестров в Лозаннѣ в 1885 г. Послѣ десятилѣтней службы он был переведен в генеральннй штаб; позднѣе он служил

при Берлинском Губернаторствѣ и при Высшей Академіи.

Война застала его на должности командира 76 пѣх. полка «Гамбург», во главѣ котораго он был ранен в бою на Марнѣ в 1914 г. С незажившей раной в октябрѣ того же года он снова отправился на фронт, принял командованіе 34-ой Мекленбургской бригадой, а нѣсколько позже граф командует 5 пѣх. гвардейской бригадой.

Командуя послѣдней, он достиг больших успѣхов при отраженіи атак в 1916 г. на Соммѣ, при Мон репос, Cléry и на высотах Maisonette.

В 918 г. он, будучи командиром 38 пѣх. дивизіи, получает назначеніе руководителя экспедиціи в Финляндію. В апрѣлѣ экспедиція высадилась в Гангъ и через непродолжительное время генералу удалось при Тавагустѣ окруженіе противника, в результатѣ чего капитулировало 20 тысяч человек. Pour la Mérite были брилліанты финскаго Креста Свободы.

С началом революціи графу удалось увести свои войска в Германію вполне дисциплинированными. В концѣ января 919 г. ф.-д.-Гольц приняла на себя отвѣтственное командованіе войсками в Прибалтикѣ.

Из трех сыновей графа второй (19 лѣт) лейтенант полка Королевы Елизаветы пал в августѣ 914 г. Старшій послѣ тяжелаго раненія в ногу умер. Младшій учится.

Сухость (и — суровость) его лица теперь понятны. Я припоминаю ген. Баранова в богоспасаемом Соликамскѣ.

Низенькій, чуть согнувшійся старик с темными, мутноватыми глазами, он горько кривил губы и рѣдко-рѣдко улыбался, да и то по особенному — без выразительности, точно он выполнял скучный наряд по обязанности. . .

Два его любимых сына Георгій и Владимір, получив одновременно награды в одном и том же бою за проявленную храбрость, прислали отцу двѣ восторженных телеграммы.

Георгій: «Дорогой папа, радуюсь несказанно — получил Владиміра с мечами и бантом».

Владимір: «Дорогой папа, получил высокую награду — Георгія, поздравь».

Генерал рыдал от счастья и страха за дѣтей.

Через три дня была трагическая телеграмма: «Молю Бога, чтоб он сохранил вашу жизнь для Россіи, жизнь отца достойных героев, умерших в бою на оз. Должа. Командир полка».

Старик всю ночь простоял без фуражки на деревянном мостикѣ через рѣку Міяс, и, глядя в небо и на старинныя церкви, осунувшіяся в воду, глухо плакал.

С этой ночи на его лицѣ морщины огустились, а волосы замѣтно побѣлѣли. Мы никогда в разговорѣ с генералом не затрагивали тем о смерти; раз-

говору же о позиціи сокращали намѣренно, по общему уговору, замѣняя их бѣглыми фразами.

Не так ли и с графом?

14 сентября.

Около 3-х часов ночи меня разбудил Корчинскій. Пронизанный нервностью с потемнѣвшим лицом, он, войдя в комнату, торопливо зажег свѣчу и начал заряжать револьвер.

Я молча наблюдал. Замѣтив, что свѣтъ разбудил меня, Корчинскій мутно улынулся и вдруг сѣлъ на кровать. Он, видимо, ждал какого-нибудь вопроса.

— Слушайте, капитан, позвал он меня срывающимся голосом, — если чтонибудь случится в эту ночь, не давите меня в обиду.

Я откинул одѣяло и, стараясь угадать причину его необыкновеннаго волненія, спросил:

— Влипли в исторію?

— Нѣтъ, нѣтъ — суетливо заговорил Корчинскій, пригласив голос и подходя к моей кровати, — но пони... маете: я поссорился с Селевиным, он может быть захочет меня арестовать, так вы помогите мнѣ...

Я разсмѣялся. Корчинскій, округлив глаза, и глядя дрожащей рукой небритыя щеки, спросил:

— Что? Вы знаете уже, капитан?

— Нѣтъ, ничего не знаю — в чем дѣло?

Наклонившись к моему уху и все еще держа револьвер в перепачканной почему-то грязью рукѣ, Корчинскій зашептал:

— Только что разстрѣляли жида—большевика, тоже за городом. Вот его бриллиантовое кольцо... я снял в послѣднюю минуту. Селевин страшно разсердился, что я не отдал ему.

— А, значит убійство пластуна ваше дѣло? — тихонько спросил я.

Корчинскій приподнял брови и отвел глаза в сторону. Я чувствовал, как у меня забило в виски и острая злоба толкнула в сердце: я чуть не схватил за горло этого грабителя-убійцу. На секунду мнѣ показалось, что Корчинскій угадал мою мысль и уяснил себѣ движеніе моей руки, потянувшейся под подушку за ноганом.

— Вы знаете, капитан, — продолжал он, не отвѣтив, однако, на мой вопрос, — Селевин собирает эту ночь произвести большіе аресты. Берегитесь, вы тоже у него в списокѣ. Что вы? — Крикнул он вдруг, увидя револьвер в моей рукѣ и отпрыгивая к своей кровати. Расчитывая мои движенія, я выскочил из-под одѣяла и подбѣжал вплотную к Корчинскому.

Упершись растерянными глазами в мое лицо, он застыл в неподвижной позѣ.

— Что... такое? — С неловкостью спросил он, смутившись от неожиданности.

— Без лишних разговоров — сказал я, — заберите ваш чемодан. Ну, слышите?

Он не шевелился.

— Забирайте ваш чемодан и убирайтесь вон отсюда — повторил я.

Корчинскій согнул плечи и стал шарить глазами по сторонам, очевидно, выглядывая как выйти из щекотливаго положенія.

Я предупредил его еще раз:

— Вы уйдете отсюда — безусловно.

— Куда? — спросил он, мигая глазами.

— К вашим убійцам и вора.

— Прошу осторожнѣе выразаться — проговорил он, оставаясь, однако, на мѣстѣ.

— Ну, живо — поторопил я, — забирайте вещи и—вон.

Наш шумный разговор, очевидно, разбудил со-сѣдей офицеров. За стѣной послышались чирканье спичек и кашель.

Видя мою настойчивость, Корчинскій проговорил, стараясь улыбнуться:

— Что за причуды? Куда я — на улицу пойду?

— На улицу.

— Ну, а там?

— Спите хоть на тротуарѣ, мнѣ нѣтъ дѣла, но здѣсь вы не останетесь. Идите к вашему сограбителью Селевину.

Корчинскій вскинул на меня безпомощно-злой-ный взгляд.

— Я этого вам не забуду — сказал он угрожающе и, подойдя к дверям, взял с гвоздя фуражку. — До свиданія!

— Счастливаго пути.

— Мы с вами очень скоро встрѣтимся — кинул он напоследок, уже в дверях. Он ушел.

Опустив крючки на окнах и заперев дверь, я придвинул ближе к кровати ночной столик и положил на него ноган. Послѣ этих приготовленій «на всякій случай», я потушил свѣчу, горѣвшую у кровати Корчинскаго. За окнами на минуту раздали шаги, прошуршавшіе по песчаной дорожкѣ и слышно было как стукнула садовая калитка. Мнѣ долго не удавалось уснуть, к тому же погода начинала разгуливаться, гудѣлъ вѣтер и все время стучали деревянные ставни гдѣ-то в ближайшем флигелѣ.

... Я рассказал о ночном происшествіи начальнику штаба. Выслушивая меня, на бѣгу, он произнес тихонько:

— Я все знаю. Зайдите ко мнѣ в семь непремѣнно.

15 сентября.

По городу разнеслось сенсационное известіе, штаб в необыкновенной тревогѣ: ночью разстрѣляны прапорщик Бове, юнкер Герман и вольноопределяющийся Дальскій — всё трое служащіе в котр-развѣдкѣ.

В чем дѣло?

Трупы их, еще теплые, валялись у канавы на пустырь за городом, когда на них натолкнулись патрули. Земля взрыта — видимо была жестокая борьба; рядом сухой хворост залит кровью.

Бове — рослый мужчина с темным лицом: все оно теперь безобразно распухло и приняло темно-синій цвѣт. Руки до крови исцарапаны — ни одного кольца на пальцах не осталось. Я помню: Бове, постоянно франтоватый, носил брилліантовые перстни и массивные золотые браслеты.

Герман — юнец. Старики его — отец и мать проживают в Митавѣ. Сегодня весь день, разрываясь от горя, над его трупом, кричит мать, хватая его за голову и цѣлует мертвые губы.

Дальскій — еврей. Он — совсѣм мальчик. У него в груди три пули и на лѣвом вискѣ крупный синяк от удара, повидимому, револьверной рукояткой. Глаза глубоко запали, худые руки изсиня-бѣлые уродливо подвернулись под его голову со скрюченными пальцами.

О, конечно, дѣло Селевина, дѣло его безумной, отвратительной шайки! Барон Энгельгардт получил неограниченныя полномочія — я увѣрен, что он выяснит эту исторію без особых затрудненій.

Кошмары один за другим удушливо наползают. Новое убійство! На Большой улицѣ в притонѣ Селевина нашли старый, разложившійся труп какого-то купца (имени еще не выяснили). Несчастнаго опустили головой в ведро и выстрѣлами в затылок прикончили, слив таким образом кровь в сосуд. Труп был заложен под груды тряпок в маленьком глухом чуланѣ; убійцы должно быть выжидали удобнаго времени, чтобы благополучно отдѣлаться от него.

... Меня изумляет то обстоятельство, что газеты молчат об этом. В Берлинѣ — ни звука, в Ригѣ — жуткій шопот, но всё свѣдѣнія не больше как слѣбая ошупь. Завтра напишу статью в «Призыв». У меня вовсе нѣтъ увѣренности — что Винберг и Попов (Шабельскій Брок), напечатают ее — однако, пошло.

Да, конечно, Селевин!

Пѣсенка убійц спѣта. Клубок их преступленій распутывается медленно, но вѣрно. В данную минуту передо мной лежит копія сопроводительной записки начальника генеральнаго штаба, адресо-

ванной начальнику центральной митавской тюрьмы с переименованіем арестованных:

Чинovníк Селевин, штаб-ротмистр Буцкій, поручик Веселовскій, чинovníк Корчинскій, поручик Доценко, прапорщик Линник, прапорщик Сококумов.

Бермондт неузнаваем; лицо осунулось, глаза запали, но горят странным холодным огнем...

Линникъ вдруг подозрительно заболѣл. Мнѣ налету шепнула, что в разгулах Селевина он принимал живѣйшее участіе, но лишь тогда, когда игра велась с женщинами, картами и вином. О, что за панамы!

Выяснилось: Селевин и его грабительствующіе собратья медленно и планомерно творили холодное-расчитанное дѣло.

Однако, они твердо помнили: всякій узел распутывается и потому прилагали немалыя усилія к тому, чтобы каждый шаг свой и дѣянія задымить законностью распоряженій, строгостью чрезвычайных мѣр, вызванных подслухным злодѣйством населенія, которое якобы противоборствовало «священной бѣлой идее».

Конечно, шайка заботилась о набиваніи карманов, погружаясь в кутежи, карточныя игры и тѣша себя кровавыми наслажденіями — разстрѣлами. Шаг за шагом вскрывается длинный ряд ошеломляющих преступленій. Судя по странно-внимательному, но примѣтно затушенному блеску глаз обывателей, узнавших об арестѣ селевинской банды, в городѣ вздохнули вольнѣй, точно до сих пор над низенькими домиками Митавы висѣли невидимыя для нас груды удушливых, пригибающих туч; теперь онѣ сползли, их разогнал освѣжительный вѣтер и — воздух прояснился.

Оказывается все было просто: кумир злодѣйствующей шайки — деньги, объекты наслажденій — вино и женщины; послѣднія покупаются, но деньги надо было раздобыть. Разрѣшался этот трудный вопрос несложным способом: когда наступали сумерки, стущалась тьма в глухих кварталах, Селевин по заранѣ брошенному жребію высылал туда двух-трех застрѣльщиков. Они разнохивали воздух, шептались у окна намѣченной жертвы и негромко стучали в дверь, вызывая обреченнаго. Тот выходил, ничего не подозрѣвая. Застрѣльщики предъявляли ему ордер на обыск в квартирѣ с печатью котр-развѣдки.

Всѣ трое уходили в комнаты, гдѣ вскорѣ разыгрывалась трагическая сцена. Селевинскіе «дозоры» хватили обвиняемаго в «укрывательствѣ большеви-

ков» за горло, били хлыстами и требовали выдачи укрываемых. Плач и крики, поднимаемые этой расправой, заглушались весьма обыкновенно: кричащему вставляли заряженный револьвер в горло.

— Сознаться, виноват? — допрашивали жертву.

Она мотала головой — гдѣ уж отвѣчать, когда дуло рвало язык и щеки?

— Доказывай свою правоту — раздавалось немолчимое требованіе. Рот освобождался до новаго крика, естественно возникавшаго всякій раз когда желѣзоподобный хлыст обжигал тѣло.

— Ну, говори!

Пытаемый падал на колѣни, клялся душой, Богом, вѣрой, родителями — ничего не помогало. Его наводили часто явственными, рѣдко смутными намеками на рискованную догадку: откупиться.

Послѣ немногих слов, выразительных взглядов и указующих жестов — измученнаго отпускали в глубину комнат, откуда он выносил в крѣпко зажатой рукѣ смятыя бумажки или стопку серебра (нерѣдко и золота).

Застрѣльщики, уходя, внушительно тыкали револьверами в грудь и лоб ограбленнаго, сверкая глазами:

— Расскажешь — на тот свѣтъ отправим. Ни звука, слышишь?

Жертва вторично падала на колѣни, клянясь; грабители уходили. Непокорнаго (рѣдко сопротивлялись этой шайкѣ) вводили за город, гдѣ долго били плетью по лицу и бокам, а затѣм отправляли в мір, гдѣ нѣтъ «ни печали, ни въздыханій». Через час послѣ совершенной операціи в квартиру недомученной жертвы являлся сам Селевин в сопровожденіи двух-трех чинов развѣдки (вѣрнѣе сограбителей), с пугающим жестом рылся в портфель, извлекал оттуда бумаги и, просматривая их, скидывал пронзающіе взгляды на «укрывателя».

— Вам грозит разстрѣл — произносил он барским и совершенно безстрастным голосом.

«Укрыватель» безумно мигал глазами и вдруг начинал ревя ревьтъ, падая на пол.

— За что меня? Деньги взяли и — разстрѣлать? — кричал он.

Тогда Селевин дѣлал изумительное лицо, наливал глаза кровью злобы и, наклонясь к кричащему, силпо и грозно произносил:

— Я? Деньги взял?

Свистящій удар хлыстом сваливал несчастнаго.

— Нѣтъ не вы!

— А кто же?

— Тут кто то был у меня, другіе...

— Другіе? Да? А как же ты осмѣлился мнѣ бросить эту фразу? Я разстрѣляю за оскорбленіе

в моем лицѣ начальника официальнаго учрежденія. Слышишь? Встань!

Жертва подымалась. Селевин утѣшительно произносил:

— Я разслѣдую это дѣло, но предупреждаю тебя: если проронишь хоть один звук об этом гдѣ-нибудь, в ту же ночь будешь живым зарыт в землю. Понял?

И, загнав мученика в мертвый подвал темнаго, сокращающаго страха, уходил.

Таких двѣ-три операціи в ночь давали разныя суммы: слѣдствие выяснило — от сорока до ста тысяч германских марок.

Если у жертвы отсутствовали деньги — грабители брали золотыя кольца, брилліанты, столовое серебро.

Суммы поступали в общую кассу. В избранный день накопилось вино, конечно, лучшаго качества, подбирались женщины, умѣвшія молчать, и вся шайка устраивала «афинскую ночь», гремя до разсвѣта в обширном залѣ под рояльную музыку, пьяные вскрики и разнузданныя пѣсенки. Особенно буйным на этих пиршествах был Линник.

Он — мужик; войну провел в одном из глухих полков пѣхоты, гдѣ дослужился до чина прапорщика. Как выяснилось — сдѣлавшись офицером, он немилосердно кровавил физиономіи солдат, требуя рабскаго подчиненія себѣ, внѣ всяких объяснимых положеній.

Попав в контр-развѣдку и хлебнув из чаши зажигающих оргій, помутивших его разум, обладая женщинами, о которых нѣкогда он мечтать не смѣл, он разбуйствовался до сумасшествия: прыгал под музыку, кусал пальцы себѣ и другим, гремя каблуками об пол и уродливо корча неуклюжее тѣло, зятянутое в офицерскій мундир.

Селевин тонко и болѣзненно развратничал, царя над малокультурной шайкой, оп'яняя гостей нагло-издѣвательскими, пышными рѣчами (все равно по какому адресу).

Всѣ другіе — фигуры растерявшихся человѣчков, влипших, как мухи в мед, в болото кутежей, разврата и грабительства...

Слѣдственный матеріал нагромождается. Свидѣтелей — уйма. Жители вереницей потянулись в канцелярію военнаго судебнаго слѣдователя, гдѣ допрашиваются им серьезно и проникновенно.

Приказом по арміи предсѣдателем суда, которому преданы преступники, назначен штабс-капитан Буткевич — человѣкъ уравновѣшенный, холодный и неуступчивый. Движеніе чувства он мѣряет ходом

мысли, не признавая за чувством рѣшительно никаких прав. На-днях разговаривая со мной, он сказал:

— Человѣкъ может доходить до самозабвенія в любовном бреде или в угарѣ мести и это едва ли простительно, что же касается обыкновенных отношеній — то он обязан сохранять законность. Она заключается в том, что рѣшительно никто не властен ломать душу, а тѣм болѣе тѣло другого. . .

Я глубоко убѣжден, что из рук Буткевича едва ли кто-нибудь выйдет оправданным: шайкѣ наступит конец.

Мнѣ сообщили одно необыкновенное раскрытіе: в бумагах Селевина обнаружили план ареста Бермондта и кое-кого из чинов штаба в цѣлях захвата власти, расширенія ея диктаторскаго размаха и полного начертанія на знамени лозунга — «Царя и гибели жидов!»

И — еще одно: на первом мѣстѣ обреченных значился Буткевич. Гдѣ то в ряду прочих обозначен и я.

Так ли это или нѣтъ — не знаю, но чувствую: Селевин доживает послѣдніе моменты. Жальтъ не приходится, выражаясь умѣренно.

Итак, подождем послѣдняго акта такой мучительно-позорной, корчующей всю нашу организацію драмы: он должен быть эффектным и — справедливым.

. . . Я часто думаю — гдѣ исток преступленій: в жадности ли тѣла, не оживленнаго мыслью, или в чаду горячей фантазій, вычерчивающей перед преступником изумительныя картины счастья и пьянительных удовольствій. Повидимому и в том и в другом.

Тѣло, распаленное жгучей игрой воображенія, только орудіе у послѣдняго.

16 сентября.

Уже поздно — около трех ночи.

Весь сегодняшній вечер я просидѣл на террасѣ один — офицеры ушли в клуб играть в карты.

И хорошо, что один.

Их шумные споры о политикѣ безсодержательны и с начала до конца насыщены однообразными утверженіями, далеко не беззлыми выводами, постоянно окрашены в цвѣтъ крови. Это — мучительное узилище: оно душно и непріятно связует мои мысли. Слушая споры, я всегда хочу воздуха для обрѣтенія душевной ясности, точно густая муть знойно и тягуче заливаает меня.

Я отлично знаю: мы, бѣшенствуя, славословим

явное безмысліе, проповѣдая кровь якобы в цѣлях творческих и спасительных.

Мнѣ нѣтъ дѣла до утверженій Ницше, что «война есть вѣчный источник обновленія культуры». Его геній — злой и разрушительный, другой мысли не мог кинуть в человѣчество, потому что смятенный ум его был искажен преждевременными душевными надломами и злобными разочарованіями. Я знаю, я испытал на себѣ, во мнѣ ощути-тельно вырос, очертился громкій, большой протест: война, всякая война — зло, безуміе, провал во тьму. Какія доказательства опрокинут эти утверженія, выросшья явью, грохотом окровавленной жизни, изодранное тѣло которой мы украшаем вѣнками красивых оправдательных мыслей?

Нѣтъ, война — это червоточина, которая пройдет в нѣдра нашего организма, раз'ѣст его, и рано или поздно мы или сойдем с ума и начнем открывенно на улицах грызть друг другу горло или сразу, подточив человѣчество, опрокинет его в такой провал, из котораго оно выберется, лишь пережив ряд гнетущих, неопредѣливо-тяжелых болѣзней.

Удивительный вечер.

Вот сейчас пишу и невольно вглядываюсь в окно. Сад растревоженный осенним вѣтром, лѣвуче шумит, гдѣ-то за сѣрыми досчатыми заборами крылообразно вспыхивают прощальныя зарницы, разрѣзая темныя навалы туч. Звѣзды, синія, мелко дрожат над черной сѣткой оголенных деревьев.

Знакомыя ощущенія заброшенности и безмысленнаго смятенія наползают, наползают, как разсвѣтныи холод.

Надо уйти отсюда. Взять котомку и уйти куда глаза глядят. Неужели я удушусь в этом дыму кроваваднаго шатанія, я — враг убійств и разрушеній? . . .

18 сентября.

. . . Был на кладбищѣ. Зашел, гуляя. Необычно тихо, печально и сѣро. В жухлой травѣ лежат подгнившіе кресты, над ними каркают двѣ вороны, похлопывая крыльями при взлетах. Над канавой скрипит забор от легких, качающихся налетов вѣтра.

Небо — мутно-синее. Разбередив его глубину, немощно тянутся в нем ключью бѣлых облаков куда-то к западу, может-быть к морю, гдѣ они соберутся в зыбкія тучевыя горы, буино загуляют над нестерпимо-громким, устрашающим гулом темных вод, разрѣзаемые чертами синих молній. Может быть они просто уходят, из стран, гдѣ им душно, да вот. . . душно. . . Их тѣснят наглые вершины скученных гор, разрывають их бѣлые играющіе плащи. . .

И — они уходят.

Пусть мои настроенія — романтика. Что пользы в том, если я замкну живое движеніе души в рамки условных начертаній и звук — измѣрю алгеброй?

Дорогой написал стихотвореніе. Мнѣ кажется— оно выразило то, что тревожило меня, когда я вступил за ограду и все время, пока я слушал шорох кустов между крестами и тонкій шелест отмирающей травы.

Пусть вѣтер на кладбищѣ мнѣ расскажет
О гнѣвѣ мудрых, о тоскѣ нѣмых
И даль просвѣтлую напѣвами укажет
Среди пустынь и темных и глухих.

Пускай кресты повѣдают о тайнах,
О тѣ слезах, что пролиты во мглѣ,
О радостях летучих и случайных
На этой торжествующей землѣ.

Пусть травы мнѣ нашепчут умиленье
В вечерній час, когда горит звѣзда —
Я отыщу дорогу обновленья
Как ни была-б глуха моя бѣда.

Вечером послал в штаб записку о болѣзни — мнѣ надо собраться с мыслями, мнѣ надо многое обдумать. Я — не могу задавить жалящее самообвиненіе; раз оно возникло — я разберусь в нем, я пойму гдѣ выход.

(Окончаніе слѣдует).

Ив. Коноплин.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЭСКИЗЫ.

I

Алексѣй Н. Толстой.

Давно уже признано, что у А. Н. Толстого зрѣніе преобладает над умозрѣніем. Очень талантливы глаза его. Они — какіе-то цѣпкіе приборы, неводы, в которые не попадает крупное, но от которых зато не ускользает самая мелкая и, однако, интересная добыча. То, что он замѣтит и отмѣтит, никого другого не остановило бы. Он незамѣним. Его наблюдательность неожиданна, его страницы — сюрпризы. Зоркій и мѣткій, ловец смѣшных чело­вѣков, с серьезным видом рисующей комику, он как будто принадлежит не столько сознанию, сколько стихии. Вообще, он и сам относится к живому инвентарю природы. И здѣсь, в этой сферѣ, он больше чувствует себя дома, нежели в предѣлах высокой человѣчности. В темном лѣсу, на­примѣр, Толстой разбирается не хуже совы, и так прекрасны, почти космичны вот эти слова его: «Чѣм темнѣе совам, тѣм лучше. Трава, деревья, звѣри и камни свѣтятся в темнотѣ синеватым и желтым свѣтом, невидимым для нас, а совы летают в голубом, словно из серебра и свинца, лѣсу, шарят под свѣтящимися камнями заснувших мышей, от шкурок которых идет мягкое сіянье, пьют птичьи яйца и, зачарованныя невѣдомой нам жизнью, стонут и кричат, как дѣти во снѣ».

К таинствам не звѣриной, а людской психологін, к ея значительной глубинѣ, доступа он не имѣет, да, кажется, имѣть и не хочет. Не изнутри освѣщает он душу, важное на него не дѣйствует, из серьезнаго он дѣлает забавное. Иной раз придет ему в голову, забредет случайно какая-нибудь хорошая мысль (хотя бы размышление о том, что поля сраженія справедливо называют «театром», что воины, умудренные опытом смерти, переходят из будничной плоскости существованія в героическую, дѣлают смерть не исходной и конечной точкой сознания, а просто случайностью), — но, в общем, у Толстого мысли — гости: мимолетныя пташки, онѣ сейчас же вспорхнут и улетают. Нѣтъ

міросозерцанія, как фона, нѣтъ большой и постоянной идеи, как спутницы, как вѣрной тѣни, нѣтъ Вергилія-охранителя. И то, на­примѣр, что думает автор о мировой войнѣ, о воюющих сторонах, не подымается над уровнем общедоступной элементарности. Писатель с широкой натурой, не озабоченный внутренними заботами, тароватый, легкий для себя и для других, он увѣренно переступает через трудныя мѣста, скользит мимо трагедии, подобно тому как один из его героев похоронный марш Шопена играет галопом, и жизнь мчится у него быстро, быстро, словно в кинематографѣ, и около Толстого сосредоточиться нельзя. Мало считается с разницей между существенным и случайным, между цѣлым и деталью, он нерѣдко из общаго текста реальности выхватывает какую-нибудь мелочь, скорѣе всего — забавную, и обращает на нее преимущественное вниманіе, свое и чужое. Так, из описанія поѣздки в Англію едва ли не запоминается больше всего Чуковскій: на аван-сцену мировых событій выдвинул Толстой Чуковского, — вот он хлопотать о заграничном па­спортѣ является из Финляндіи в канцелярію градоначальника «с одной только запиской не то от глазного врача, не то от бѣлоостровскаго жандарма»; вот он, когда ледяная волна хлынула на мостик судна, «сорвал мѣховую шапку, сразу ставшую кошачьей, и попробовал засмѣяться по причинѣ недостаточно ясной»; вот он собирается на аудіенцію к англійскому королю, и «как всегда», не хватает у него запонки, и надо будет ему во дворцѣ прикрывать грудь ладонью. Недостающая за­понка, это и есть то, что в разных видах и формах особенно попадает в поле зрѣнія к нашему наблюдателю. Событія важностью своею не смутят его. Как военный корреспондент, Толстой будет занимать нас веселой фигурой Сусова: это — «санитар, вѣстовой, денщик, живое мѣсто, пульс, утѣха всего эшелона»; мы узнаем, что «у Жилкина насморк»; мы увидим, что на маленькой станціи по перрону расхаживает гусь, и будем освѣдомлены о біографіи гуся, о том, как он «слушал, должно быть, что говорят про него, ходил, удивленно под-

няв голову, — его стали ловить, не поймали и по-
бхали дальше».

На все это нисколько не сѣтуешь, и никакой претензии к Толстому читатель не предъявляет: так мило и смѣшно, так жизненно все, что мелькает, благодаря ему, перед нашими глазами на литературном экранѣ, — одинаково, гуси и люди, Китченер и Немирович-Данченко. Надо только раз навсегда помнить, что наш беллетрист полного удовлетворенія никогда не дает, души не насыщает, и послѣ его словесной трапезы всегда остается легкое недоумѣніе, отгѣнок умственного аппетита; кто «духовной жаждою томим», тот сохранит ее и послѣ Толстого. Ибо он — писатель, которому многое дано и многое не дано. Читаешь, например, его «Касатку», и кажется, что музы протянули ему половину таланта, — большого таланта, но только половину. И вот, все, что представляет собою водеvilный элемент пьесы, ея забавную стихію, — сдѣлано искусно и ловко; но всякая попытка углубленія, всякій порыв спуститься от комической поверхности в серьезные нѣдра чело-вѣческой души, — все это оскорбительно разбивается о фатальную несерьезность самого писателя. Улыбаешься, иногда и смѣешься его смѣшным словам; только приобрѣтают они несвойственное им самостоятельное значеніе, слишком много чести оказывает им автор, и от их легкомысленной атмосферы в пустой фарс обращается даже и то значительное, к чему прикоснулся было наш несправивый водевиллист. Между тѣм, он на подобныя прикосновенія то и дѣло рѣшается, он не хочет пребывать в легкой паутинѣ, в серпантинах своего беззаботнаго творчества, — и потому не остается для читателя скрытым, что его талант как бы не цѣлое, а дробь, не полнота, а половина. Алексѣй Толстой выходит за предѣлы своей компетентности. Оттого под его руками событія превращаются в проишествія, жизнь — в анекдот, и все понижается в своем психологическом рангѣ. Мелют задуманныя им большія души, упрощаются значительныя ситуаціи, с поразительной быстротою происходит смѣна жизненных декораций и судеб, всѣ ларчики открываются просто. В «Касаткѣ» герои мѣняют своих дам так же легко, как в извѣстной фигурѣ танца; и хотя вѣнчаніе должно сію минуту произойти между Ильей и Раисой, это нисколько не мѣшает Ильѣ из-под вѣнца бѣжать с Машей, на которой должен был жениться Анатолий, так что Анатолю не остается уже ничего другого, как жениться на Раисѣ. Все это мотивировано слабо, подготовлено мало; всего этого было бы достаточно только для сценическаго или кинематографическаго пустяка. Или сама героиня, Касатка, замысленная как женщина не без демонизма, способная «красными раскаленными каблучками» своих тупефелк вонзаться «прямо в мозг» своих мужских жертв, этот демонизм проявляет

в том, что бьет по щекам Анатоля и булавкой от галстуха колет руку Ильѣ. Могло бы быть хорошо и свѣтло, и трогательно то, что автор в людях богемы и моральнаго паденія, «самых миниатюрных в нравственном отношеніи», захотѣл показать усталость и тоску по тихой и чистой пристани, сиротство и робкую надежду на отдых и возрожденіе; но это серьезно, — а серьезно не приходит к Толстому, и в данном, самом важном и центральном пунктѣ комедіи, не получилась у него желанная убѣдительность. Правда, и реальная ласточка всего касается очень легко и поверхностно; но милое у птички непростительно для писателя; и платится он тѣм, что его литературныя ласточки, его «Касатки» и «Ракеты» быстро-быстро улетают с глаз читателя...

Но все это говорит лишь о свойствах таланта Толстого, а не говорит против него: сам по себѣ талант его так ярок и самобытен, что не любить его так нельзя. Без улыбки говорить и думать об авторѣ «Ракеты» почти невозможно, почти-тельности он к себѣ не вызывает, и рождается к нему не столько уваженіе, сколько симпатія; только вѣдь это не осуждает его: как не цѣнить чело-вѣка, на долю котораго выпала всепримиряющая и торжествующая талантливость? А у него она изо всех пор идет; буйный чертополох дарованія как бы прет отовсюду, и обступает вас безудержная, безшабашная, бессмысленная сила таланта. Пережиток быллин, младшій богатырь художе-ственной выдумки, Толстой причудливо сплетает с нею живыя нити нашей дѣйствительности, громоздит ложь на правду и правду на ложь, и в результатѣ получаются у него затѣйливыя постройки, в которых не проживешь, но которыя навѣстить — занятно. Читатель, условившись с самим собою, что всерьез принимать всѣ эти рассказы и росказни он не будет, и полномочіе на такой внутренній уговор едва ли не получив даже от самого писателя, в дальнѣйшем знает уже, как ему держаться в мірѣ толстовской были и небылицы, жизни и нежити. Читатель помнит, что в нашей беллетристикѣ граф Толстой, это не кто иной, как барон Мюнхгаузен. Если у всякаго барона есть своя фантазія, то насколько больше правѣ обладать ею именно Мюнхгаузен! И кто же, какой моралист невопад, станет уличать послѣдняго в неправдѣ? Развѣ она не веселѣе иной правды? Наш русский барон, наш талантливый граф, живой кладезь осроумія и изобрѣтательности, воплощеніе неограниченных возможностей, самый вздор преподнесет вам так, что вы не обидитесь, а будете только рады. От чего умер Игнат Давидович? Был он «мужчина великой тучности и двадцать лѣтъ пил вино, а потом сразу перешел на чай, сидя весь день около самовара, и до того допился, что в грудях у него появилось молоко — подавивши и выльется. От этого

и помер». Для исторії болѣзни это не совсѣм научно; но, если вы не педант, развѣ научность вам здѣсь нужна? «Кузьму Кузьмича недавно нашли связанным — во рту кляп, горница студеная, спасибо кот спас, лег на живот и предохранил от простуды». Хотите — вѣрьте, хотите — нѣт; во всяком случаѣ, какое прихотливое воображеніе, и как пріемлемо это новое средство от простуды!..

Сложнѣе обстоит дѣло там, гдѣ наш спеціалист краснаго слова и пріятнаго взора не справляется с психологіей, не сводит ея концов с концами, выдумывает самыя души человѣческія. Он владает в шарж, в преувеличеніе и преуменьшеніе и, напримѣр, в «повѣсти о совѣстливом мужикѣ» дѣлает неправдоподобными и самого мужика, и его совѣстливость, и его людское окруженіе. И опять, хорошо знаешь, что выдумывает автор, — но с интересом слѣдишь, куда его поведет эта широкая выдумка, в какія фантастическія воды уплывет ни руля, ни вѣтрил не знающая ладяя его писательской прихоти. Свободный художник, вольный художник, он не стѣсняется к соучастию в своих разсказах привлекать и нечистую силу, к которой он весьма внимателен и которая к его услугам всегда может явиться там, гдѣ многих звеньев недостает в цѣпи естественной, в ряду психологическом.

Но вот здѣсь, среди безмѣрных несообразностей, которая, впрочем, нисколько не возмущают, среди всевозможных комбинацій авторскаго произвола, возникающих легко, от перваго же прикосновенія пера к бумагѣ, встрѣчаются у Толстого и такія, которая, будто-бы нечаянно и невѣдомо для него самого, затрагивают серьезныя и сердечныя темы человѣка. Так, больно за сумасшедших, про которых читаешь у него, — про этого студента, который «медленно брел по тротуару, стараясь думать о вещах обыденных, но мысль его, как испорченное часовое колесо, соскакивала и вертѣлась в направленіи противоположном». Голова у несчастнаго, казалось, «была расколота на маковкѣ и туда насовали окурков». Плѣнила сумасшедшаго прекрасная балерина, и когда он, в результатѣ своего безумія и своих страданій, в петлю полѣз, тогда — представилось ему — «влетѣла в сарай балерина, распахнув соболью свою шубку, охватила Прошку за шею и прижалась тѣсно... и на лицо ему, не давая дышать, легла мѣховая муфта». Это разубѣется нѣжно и красиво; и впечатлѣніе не слабит, а новыми оттѣнками обогащается, когда прибавляет автор: «так окончился глупый и ничтожный круг Прошкиной жизни». В глупый и ничтожный круг человѣческих біографій заинтересованно входит Алексѣй Толстой и умѣет привлекать к ним жалость. Безсмысленное удается ему не только описывать, но и показывать как предмет наших симпатій. Из омута нелѣпности в таком прекрасном свѣтѣ выходит дьяк Матвѣй Пансыч,

отец артистки, перед нею благоговѣющей. Кругом — жизненная чехуха. Уѣздный предводитель дворянства Тараканов является в Парижѣ к маршалу Мак-Магону, оставляет карточку «Wading, мол, Tarakanoff, maréchal de Noblesse». Удивился Мак-Магон, — никогда про такого маршала не слышал, отдал на всякій случай визит Тараканову и выслушал от него вопрос: «пуркуа, мол, пердю Седан»... Дочь русскаго «маршала», «худая как вормишель», стихи пишет, конякъ пьет, а больше всего кулается в той же стихіи безпросвѣтнаго взора. Почтовый чиновник Крымзин, собственной жизни не имѣющей, а живущій жизнью и любовью тѣх чужих корреспондентов, чьи письма он распечатывает, гипнотизирован чернильной кляксой на обоях, символом его прозябанія, ненавидит ее до тошноты и головной боли, и в концѣ концов от нея, от этой кляксы, и от жизни своей, кляксѣ подобной, сходит с ума. Для одинокаго существа живут в комнатѣ «слѣды прошлаго одиночества, словно цвѣтки на желтых обоях, на которые во время болѣзни глядѣл, обводя их сухим пальцем». «Человѣкъ, господа, как раковина: снаружи корявый и жесткій, пріоткроешь — внутри слизь, а в ней матовая слеза — драгоценность... Нѣт, извините, я плохо не думаю о человѣкѣ».

Вот эти человѣчески значительные штрихи подымаются над беззаботной несообразностью Алексѣя Толстого. Писатель больших неожиданных, он не выбирает, не обдумывает, берет из жизни первое, что попадется; он может облюбовать подробность, не думая о цѣлом; он может просто хронологически, в порядкѣ времени, а не в порядкѣ важности, переходить от явленія к явленію, от предмета к предмету, цѣпляясь легкой мыслью своею за их разсыянный частокол. Но среди нестраго улова, который попадает в его невода, случайно встрѣчаются иногда цѣнныя и серьезные пріобрѣтенія — нѣкій дар безпечному рыбаку, благосклонное возмездіе таланту.

II

Арцибашев.

Ум не первенец, не любимец природы, и потому художественное творчество, корни свои имѣющее в глубинѣ природы, в вѣдрах подсознательной стихійности, движется под знаком вдохновенія, а не ума. Непосредственной поэзіи вредит явное вмѣшательство ума, даже если он интересен и значителен сам по себѣ, даже если он отличается большой силой. Что же сказать о тѣх нерѣдких случаях, когда разсудочность писателя, уже просто как такая, напоминает чашу плоскую и он оттѣчен печатью невысокой умственной культуры? Вѣдь тогда произведеніе не выигрывает в своей

интеллектуальной части того, что оно проиграло в части эстетической: не умное и не художественное, не радующее ни здѣсь, ни там, оно не оправдывает своего существования и не имѣет, гдѣ склонить свою скорбную голову. . .

Об этом думаешь, когда, напримѣр, предлагаешь нам Арцыбашев плоды своего литературнаго дерева. Названному беллетристу вообще обезпечена читательская аудиторія, потому что порнографію всѣ бранят, но многие интересуются ею. Правда, ея ждут не от искусства, но творец «Санина» к искусству мало и принадлежит. Он описывает такія подробности, которыя нужны совсѣм не художеству и которыя Аполлон принимает от своих жрецовъ лишь тогда, когда онѣ претворены в живую красоту и физиологія сдѣлалась в них психологіей. Арцыбашев же терпит крушеніе всякій раз, когда покидает чисто-физиологическую область; да и в ней даются ему только рефлексы мозга не головного. Приемлемо все, что необходимо; но вот в необходимости своих описаній наш автор далеко не убѣдил, и не видно, чтобы он сам был в ней убѣжден. Их можно убавить, прибавить, — все равно перед нами будут одни лишь человѣческіе организмы, но не художественная органичность.

В жизни тѣло имѣет всѣ права; на искусство же имѣет право только душа тѣла. Между тѣм, Арцыбашев ограничивается тѣлом тѣла. И, в связи с этим, он рисует его грубо, цинично, без той игры и остроты, какая льнитя и сверкает, и колет, напримѣр, у Мопассана. В иглах и искрах шампанскаго вина пріобрѣтает свою красоту и эротическій алкоголизм; но Арцыбашев, в сущности, — без'алкогольный писатель. Сам не пьяный, и других, если и опьяняющій, то во всяком случаѣ хмелем не тонким, он всегда теоретизирует, он умышляет, а не мыслит, и кустарно шьет свои произведенія бѣлыми нитками тенденціи. Неизмѣнный проповѣдник, моралист своей аморальности, идеолог своих маленьких идей, он только и дѣлает, что поучает, лишенный духовной свободы, в крѣпостной зависимости от своих же принципов и предразсудков. Образы и картины ему важны не сами по себѣ, а как иллюстраціи к домыслам; герои и героини своими поступками защищают явную диссертацию автора и цѣнятяся имъ лишь постольку, поскольку они оказывают ему эту услугу, эту медвѣжью услугу (потому что лучше бы он своей диссертации не пред'являл). Персонажи его не живут самостоятельной жизнью и вообще только напоминают собою живых людей: на самом дѣлѣ это — переодѣтыя мысли, вѣшалки для сентенцій, пустые манекены. В мертвенности уличает их уже то, что обнаруживается у них, большей частью, полная симметрія между их воззрѣніями и их поведеніем. Как Санин думает, так он и дѣлает. Его теорія вполнѣ соответствует его практикѣ. Он разливовал свою жизнь, как тетрадь и размѣренно

шествует по этой неправдоподобной прямолинейности. И в одном из разсказов инженер Высокій пространно высказывает сначала свои убѣжденія, а потом непосредственно примѣняет их на дѣлѣ, йота в йоту. Очень подозрительна, в смыслѣ художественности и жизненности, такая согласованность міросозерцанія и поступков. Писатели-художники говорят нам, что геометрія жизни — совсѣм иная, гораздо болѣе сложная. Вот Базаров теоретически отрицал любовь, а практически влюбился; всякій романтизм он признавал чепухой, а умер как романтик, и этот изслѣдователь лягушек, этот нигилист и матеріалист, к своему смертному орду, точно ангела смерти, позвал Одинцову и попросил ее, чтобы она поцѣловала его, дунула на угасающую лампу его жизни. . . Тургенев думал, что вся эта нѣжность и поэзія — к лицу Базарова, потому что от живого дыханія рущатся теоретическія построенія; герои же Арцыбашева в своих карточных домиках выдѣлывают схемы и рамки для жизни, и жизнь в эти рамки удобно и послушно укладывается. Они, эти сочиненные люди, только сочиненные, а не сотворенные, они, эти неуклюжія маріонетки в руках резонера, эти мало одушевленные теоремы, — они в зародышѣ убивают всякое художественное впечатлѣніе. Даже независимо от содержанія арцыбашевской проповѣди, она эстетически отталкивает от себя уже тѣм, что это именно — проповѣдь. Здѣсь встрѣчает нас как раз то принципиально-незаконное вторженіе разсудочности, о котором сказано раньше; здѣсь вполнѣ отсутствует самопроизвольность дѣйствующих лиц, их независимость от навязчиво теоретизирующаго автора. Но и этого мало: вдобавок не умно то «умное», что на разные, хотя и однообразные лады внушается читателю. Извѣстно несложное міровоззрѣніе Арцыбашева, его взгляд на женщину, его взгляд на мужчину. Как неожиданное открытіе, как новѣйшую Америку, как неслыханную ересь, провозглашает писатель мысль о взаимном тяготѣніи полов. В себѣ он видит Ньютона этого тяготѣнія и доказывает его сценами изнасилованія, которых, напримѣр, в разсказѣ «Женщина, стоящая посреди», насчитывается нѣсколько. Признаком умственной смѣлости считает наш автор и такія разсужденія: «мать. . . другом, конечно, может быть, но какая же это заслуга — быть другом чѣмбы то ни было, а тѣм болѣе — своего собственнаго щенка! . . . любая свинья — друг своего поросенка». . . Когда с отвагою передоваго гимназиста вам преподносят такого рода откровенія, то становится неловко, и вы чувствуете, что всякій ум легко доказал бы здѣсь свое полное alibi. И все так аляповато, неубѣдительно и примитивно у Арцыбашева, что, помимо других ощущеній и привкусов, читатель испытывает впечатлѣніе какой-то общей неинтеллигентности. Ничего тонкаго, ниче-

го духовно-аристократическаго, сѣрое умственное плебейство. . . Арцыбашев как бы бросает печатку обычной морали, но прежде всего он должен был бы устроить свои счеты с психологіей и эстетикой: он их законы нарушает, своей надуманностью и грубостью, он их элементарным требованиям не удовлетворяет, и это *онѣ*, а не нравственность, терпят обиду и урок от того шаблона, который однажды навсегда сочинил себѣ автор. Арцыбашев покорен арцыбашевщиной, больше ничего не ищет, не работает, и потому он повторяется. На страницах с неуклюжим заглавіем «Женщина, стоящая посреди», эта женщина, смутно и неотчетливо написанная, скорѣе кукла, заведенная механиком-автором, чѣм живое существо, стоит среди мужчин. «Всѣ одинаково смотрѣли на нее, всѣ хотѣли одного и того же, и она уже знала чего. Она шла к ним с каким-то мучительным вопросом, но отвѣта не было. Ей хотѣлось сказать так много, высказать то огромное, нѣжное и преданное, что было на душѣ, но они не слушали и только жадными, грубыми руками тянулись к ея тѣлу, срывали платье, комкали, терзали, унижали ее». Слово звучит в этих строках заступничество за женщину; но в контекстѣ раз-

сказа оно теряет всякій смысл, потому что героиня Арцыбашева сама, с первых же страниц, оказывается достойной тѣх мужчин-павіанов, среди которых угодно было ее поставить автору. Ромео и Юлія у него всегда друг друга стоят. Но и тот, и другая, к счастью являются только порождением немудрой публицистики, кое-как наряженной в убогія беллетристическія одежды, а не реальными образами. Побѣдителей не судят, и надо было бы признать живыми трафареты Арцыбашева, если бы он художнически нас побѣдил и убѣдил. Но он не побѣдил. За исключеніем немногих второстепенных штрихов, рассказы его поражают эстетической беспомощностью и пошлостью. Автор не хочет вѣрить, что любовь одухотворяет тѣло, и кромѣ тѣла, он не видит ничего: это — его дѣло, его право; но и мы вправѣ удостовѣрить пред самими собою то, что своих читателей он не сумѣл сдѣлать своими прозелитами, не окрестил их в свою натуралистическую вѣру и даже не выявил той правды, которая в натурализмѣ есть, — т.-е. не показал всей мощи стихійнаго порыва, всей красоты и неотразимости пола. В морѣ духовном Арцыбашев совсѣм не пловец, а в морѣ матеріи он плавает мелко.

Ю. Айхенвальд.

БЕЗ ГЕРОЯ.

О новых русских писателях.

(«Народный завиток». Серапіоны. Пять рубрик. Пять признаков. Без героя. Подражаніе, но не школа. Значеніе и цѣнность).

1.

А не знаете ли вы, что обозначает слово: *Седни*? Или, напримѣр: *Шишигина голова*? Может быть, слышали про слово: *Ширкунок*? И не приходилось ли вам самим произносить: *загудошный погошане? струсями? торчкатый? хрустеж?* Не встрѣчалось ли вам такое женское имя: *Пристиленья?* Нѣтъ? Ну, вот и мнѣ тоже не встрѣчалось. Я тоже не слышал.

Но, конечно, и я и вы при нѣкотором напряженіи можем догадаться, что обозначают всѣ эти лексиконныя шарады, словесные ребусы и литературныя загадки.

— Вы спросите: из каких раскопок я их достал? А из очень близких. Всѣ эти слова — которыя, конечно, можно было без конца умножать — мнѣ попались в альманахѣ «Пчель» у одного из «Братьев Серапіонов», у Ник. Никитина. Впрочем, эти выкрутасы, эти словеса, как выражался Достоевскій, «с народным завитком» можно в избыткѣ найти и у всѣх остальных.

2.

«Серапіоны» — довольно значительная группа, все это — плодовые писатели, преимущественно петербургскіе, которым никак нельзя отказать в извѣстном дарованіи.

— Здѣсь, во-первых, несомнѣнно талантливый Михаил Зоценко, автор «Рассказов Назара Ильича господина Синябрюхова», затѣм этот Ник. Никитин, написавшій повѣсть «Рвотный форт», «Камни» и «Американское счастье», участвовавшій во многих альманахах, знакомый нам по ряду эскизных набросков из жизни современной російской провинціи.

Есть здѣсь еще и Всеволод Иванов, помѣстившій на нашей памяти в совѣтских журналах небезинтересные «Цвѣтныя вѣтры», «Партизаны» и «Голубые пески».

В группу «Серапіонов» входят еще и Кон. Федин, Мих. Слонимскій, Лунц, Ирина Одоевцева и др. К ним же примыкает даровитый московскій

беллетрист Яковлев, автор отличнаго разсказа «Идут».

Это и есть центр литературной группы «Серапионов», а их отцом, зачинателем, главой и вдохновителем является Алексѣй Ремизов.

Кружок—значителен. На него нельзя закрывать глаза. Мимо этих литературных опытов нельзя пройти равнодушно или невнимательно.

При всѣх своих недостатках, промахах, нарочитости, даже извѣстном филлярствѣ, эти люди знаменуют собою одну из типичных страниц русской литературной исторіи.

Всѣ они — дѣти послѣдних грозных лѣт, это — души, выварившіяся в котлѣ революции и гражданских войн, вынесшія на себѣ всѣ тягости их потрясеній, обоженныя их страшным огнем, люди, наблюдавшіе всю тьму російских бѣдствій, горя, ужасов, голоданія, мѣшечничества, разрухи, общей вшивости, повальных сыпняков, бродившіе по колѣно в лужах крови.

Это — живые наблюдатели нынѣшней Россіи.

Психологически их можно было бы раздѣлить: 1) на озлобленных и нигилистичных (Ветлугин), 2) нарочито *растрепанных*, каких-то размашистых Алешек, как бы с горьковского литературнаго «Дна» (Бор. Пильняк), 3) *тоскующих* в своем *упрямствѣ* (Аросев), 4) *циничных* в своем идейном надломѣ (Всеволод Иванов), 5) *тяготѣющих* к об'ективизму и *правдѣ* (Яковлев).

Разумѣется, эти рубрики можно было бы увеличить. Литературныя души не так легко классифицируются. Но всѣ эти люди будто выскочили из какой то страшной бани послѣ крѣпких хлестов революціоннаго вѣника и, должно быть, от этого — сильно покраснѣвшіе.

Это новое литературное поколѣніе — интересно.

Без сомнѣнія, оно идет своими собственными путями, тая в себѣ всѣ надрывы и боли російскаго сегодняшняго дня. И не надо скрывать: эти книги, эти писанія станут впослѣдствіи единственным матеріалом для изученія психологіи современнаго человѣка Россіи.

Эти литераторы выросли из ея посѣвов, и они несут на себѣ всѣ фамиліныя черты этой наслѣдственности.

3.

Искажается російская жизнь — искажается и литература. Потрясенность и там и тут и над обѣими нависла тьма. Дороги спутались. Кошмар дѣл стал кошмаром художественных воспріятій, и унылость видѣній предстала унылостью строк. В русской литературѣ идет глубокое перерожденіе.

Ясно чувствуются большія внутреннія муки, конвульси, зубонный скрежет. Рвущая и разрушающая революціонная стихія прошла по душам своей страшной и безжалостной стопой, расшвы-

ряла, прогноила, разворотила, избуянила одни сердца, смяла другія, растрепала третьи.

Она стоит в обломках, окутанная темным туманом, в уродствѣ форм, в огромной и небывалой тревогѣ, неся всѣ признаки изступленности, растерянности, тайной злобы и невыраженнаго, неотстоявшагося броженія.

Она криклива, но и это крик не побѣды, а сокровеннаго перепуга. Она озорлива. А озорство — всегда или избыток сил, или бѣдный героизм отчаянія. И вызовы не страшат, позы не убѣждают, угрозы не дѣйствуют, гордый тон не потрясает, не эпатирует словесная грубость и плохо скрыта нарочитость, подбѣлки под *новую народность*.

Безуміе пришло и в книгу. Грубость проникла и в язык. Распад дѣл явился распадом образов.

А вмѣстѣ с исчезновеніем интеллигенціи, ея духовной благодати, тонких ароматов ея вкусов, ея преданій и учителей литературное слово отразило настроенія и склад новаго пришельца.

Как всегда, и здѣсь, и в эти минуты литература осталась зеркалом жизни. Не будем винить авторов: плоть от ея плоти и кость от ея кости, они стали ея выраженіем, отраженіем, наблюдатели ея уродливаго роста, изобразители ея кривоколѣннаго ствола, ея уродства, зла, борьбы и лишеній.

4.

На мѣсто прежней повѣсти, былого романа, вечерняго разсказа явился *сказ*.

Это нужно признать вполне *естественным*.

Он — проще, он освобождает от необходимости художественнаго орнамента, от утончанія языка, от литературнаго мастерства, от изобрѣтательности литературных приѣмов.

В то же время — это вполне законная форма повѣствованія.

Сказ для современнаго російскаго автора — очень умѣстен. В нем раскрывается движеніе, он легче передает *дѣйствіе, факт, случай* — все то, что сейчас с кинематографической быстротой мелькает на экранѣ этой суетящейся, припрыгивающей, безтолковой и страшной дѣйствительности.

Сказ не *объясает* и *послѣдовательности* в развитіи своей темы. Но этой послѣдовательности нѣтъ и в самой жизни.

И вот пристрастіе к сказу — *первая характерная черта* новѣйшей русской литературы.

5.

Ея *вторым* признаком нужно признать *словесную рисовку*, лексиконный розыск.

Здѣсь строки пестрят *нарочито простонародными* выраженіями. В книгах новых авторов расцвѣлъ *жаргон*. Современную книгу пишет улица, слобода, фабричный поселок, область: кромѣ жаргона сюда вошли и *мѣстныя нарѣчія*. Пронзая слух, в

строках стали остріями непривычныя, колюція слова.

Раньше литература знала их, как рѣдкость.

Индѣ встрѣчались они у Лѣскова, очень рѣдко у Глѣба Успенскаго, часто — у Мельникова-Печерскаго. В послѣднее время их привел в литературу Алексѣй Ремизов, и они попадались еще у сибирских и иных областников, вродѣ Георгія Гребенщикова.

И все-таки это не было эпидеміей. Это были случаи. Но и это явленіе было и понятным и логичным. Среда, быт, край, эпоха, описываемые этими беллетристами, требовали колорита, окрашивали повѣствованіе в свой собственный, мѣстный, в свой индивидуальный цвѣт.

Теперь это пристрастіе к лексиконной нарочитости, стало повѣтріем, настоящим недугом, болѣзненным пристрастіем. Автор отразил жаргонный говор, словесную неразбериху, путанную разнородность російской современности, и это стало новой литературной позой, гримасой, каким то новым книжным шиком.

6.

В общей кривобокости, раскиданности, несуразности русской жизни литература *утратила стройность* форм. Ея книги *утеряли чувство гармоніи*. Ушла симметрія. Исчез рисунок. *Погибла* прекрасная архитектуроника.

Как у всякаго больного организма, появилась гипертрофія отдѣльных членов и частей тѣла. Появилось увлеченіе вводным: вводным предложеніем, вводным эпизодом, вводными лицами, вводными мыслями, вводными описаніями, вводными рисунками.

Бросается в глаза непропорціональность. Чувствуется сознательное пристрастіе к неуклюжести. У иных авторов почти всѣ произведенія отмѣнены какими то наростами, большими опухольями, литературными флюсами.

Даже тѣ, кто так недавно начинал в полном подчиненіи былым художественным манерам и вкусам, теперь протестантски возстали против них, разбудив в себѣ стремленіе к завѣдомому художественному беспорядку. Без сомнѣнія, в этом сказалося инстинктивное преклоненіе перед окружающим хаосом, а если не преклоненіе, то, во всяком случаѣ, явное ему подчиненіе.

И эта вражда с былой эстетикой, это неприятіе прежней гармоніи, это отрицаніе цѣльности и архитектуроники, этот беспорядок частей, этот тайный и явный хаос — все это составляет *третью* знаменательную черту новаго литературнаго поколѣнія.

7.

Четвертой отмѣтиной молодого литературнаго направленія, нужно признать *кинематографической* характер писаній.

Похоже, будто нѣкто, стоящій за кулисами, какой то нервнѣйшій кино-механик завертѣл ручкой с невѣроятной и безумной быстротой. И на экранѣ слилось все: люди, лошади, собаки, телѣги, исполком, бѣлогвардеец, чекист, голодная старуха и убитый священник.

И в этой кинематографической спѣшкѣ, в мельканіи сѣро-черных пятен, в безумном бѣгѣ тѣней сюжет, завязка и развязка проходят в каком-то прыгающем оцѣпенѣніи, неясные, туманные, расплывчатые и слинялые.

Здѣсь есть что-то *огульное*.

Здѣсь кричит *стадное и множественное*.

И в том, что здѣсь *нѣтъ единичнаго, отдѣльнаго, обособленнаго, типичнаго* сказалося в этой литературѣ еще одна черта — *пятая: исчезновеніе чело-вѣка*.

Новая литература утратила личность. В ней пропал герой. Ушла индивидуальность. Лопнула душа. Исчезли рѣзкіе контуры. Растаяло чело-вѣческое лицо.

В этой литературѣ кончилось имя *существительное собственное*, и все стало нарицательным.

Здѣсь *нѣтъ дѣйствительнаго* залога, ибо остался только страдательный, в прямом и переносном смыслѣ этого слова.

Здѣсь *нѣтъ одушевленных* предметов, ибо всѣ — неодушевленные.

Забылось и схоронено междометіе *радости*, и по всѣм страницам проползало одно междометіе — *ужаса*.

В *новѣйшую русскую литературу побѣдно пришла великая Безличность*.

8.

Человѣк исчез. Пропала *личность*.

Дух, Фигура, Индивидуальность, Лицо — все это жило на землѣ, *единственное*, творящее, исполненное страстей и мысли, принесши сюда свои страданія жизни, судьбы, свои побѣды и трагедіи, отразив свою волю и своеобразіе в дѣлах, в исторіи, в памяти чело-вѣчества, наконец, в *главнѣх* книг.

С какой великолѣпной огненностью блещут эти слова, эти нестирающіяся имена: «Царь Эдип»... «Антигона»... «Отелло»... «Гамлет»... «Макбет»... «Король Лир»... «Дон-Кихот»... «Вертер»... «Ругоны»... «Мадам Бовари»... «Тартарен»... «Сафо»... «Пьер и Жан»... и т. д. и т. д. не перечестъ.

А в русской литературѣ: «Евгеній Онѣгин»... «Герой нашего времени»... «Рудин»... «Обломов»... И дальше: «Три сестры»... «Иванов»... «Дядя Ваня»... «Сашка Жигулев»... «Жизнь чело-вѣка»...

Это все — заглавія, наименованія, династическія прозвища. Всегда чело-вѣк с его судьбами и жизнью стоял здѣсь в центрѣ, единственный предмет вниманія, торжественных и мучительных раз-гудок.

Он *исчез*. Его *нѣтъ*. Он испепелен, смят, сброшен.

Героем новїйшей русской литературы встал хаос. Это даже не обобщанный коллектив. Это — и не народ, не групповая, отточенная и заостренная единица. Это — *неопредѣленность*, ряд неизвѣстных, психологически и социальнo, это — уравненіе, гдѣ мечутся, сталкиваясь и расходясь, одни X, Y, Z, и гдѣ не найти, ни одной опредѣленной, ни одной положительной величины, — неразрѣшимое уравненіе, чадный Хаос!

Живое человѣческое лицо сникло. Оно расплылось.

Еще движется, еще хлопочет и суетится этот жилец, бѣок и носит даже какое-то имя, но ни профиля, ни контура нѣт. Это винт, часть механизма, автомат. Отдѣльно о нем даже не упоминают. Он растворился в множествѣ:

— «*Ъхали... запылились, загорѣли, оборвались*, еще больше, устали, говорили хрипло.

И заглавіе разсказа такое же:—«*Идут*»¹⁾). Или в среднем родѣ:—«*Все шевелилось*». И даже совсѣм различно:—«*Существовать невозможно*». И тоже — у других. Тоже ведѣ.

В. Лидин по своему литературному возрасту, старше Яковлева. Его и книги вышли до революціи. Он воспитан иной эпохой. Но у него:

— «*Повезли... вошло много людей... зачернтли в дверях, стали выдергивать ящики... находили... проходили... не узнавали... провели*»²⁾).

Кто они? Откуда? Какіе? В чем их жизнь? Неизвѣстно!.. Невѣдомо! Должно быть неинтересно... Сознательное ушло. Ясное померкло. Осталось *автоматическое*.

У Яковлева:

— *Ъхать!.. Куда ѣхать?.. Но чьи то руки тянут. Надо-ть ѣхать..*

У Пильняка так прямо и поставлены рядом:

— *Телефоны и люди!*³⁾.

И у Лидина:

— «И носятся, носятся со свинным и дроздинным и вѣтренным воем машины — вперед, назад, спѣшат *люди*».

Лидин разсказывает о своей Урываевой тоже, как о живой машинѣ:

— «*Неслась Урываева по Никитской и Моховой... без пяти десять проходила Урываева в свой кабинет... Начинала Урываева свой день*»

Чѣм, как отличается она от того «чернаго миноносца», — автомобиля, — который носился «из ночи в ночь, из одного в другой конец города»?

Жизнь швыряется из стороны в сторону, расширяет какую-то дикую пестрядь, ураганно безумным потоком устремляет, — будто камни, «они сталкиваются, разлетаются, плывут, — неизмѣн-

но, на волѣ этой стихіи, влекомые безразсудством, случаем, круговоротом.

Люди — *сплщи*. Колесница — *сумбур*. Кучер — *разрушеніе*. Возжи — *страх!*

Опорожненные, заушаемые, уничтоженные, иные механизмы, правда, и в этих разсказах пишутся еще с большой прописной буквы, и, все-таки, это не люди и не имена. Это — стертые до глады пятаки, пыль поднятая буйным ходом революціонных коней; стрѣлы, пущенныя из сумасшедшаго лука, выпавшія из разваливагого колчана.

Театр живых смѣнился театром маріонеток. Онѣ покорны, онѣ послушны, онѣ пассивны, незрячи и обезкровлены.

Работает дребезжащій кинематрограф и на его туманном фонѣ прыгают, кидаясь из стороны в сторону, полубезумныя фигуры, какія-то *два измѣренія*, выталакиваемая на эту сцену опьянѣвшим режиссером. Захлестнутые стихійной волной, утопленники всплывают на поверхность безжизненными трупами!

Характерно: в этих разсказах совсѣм отсутствует *діалог*, свидѣтель человѣческаго общенія, взаимности, духовных треній и любви. Здѣсь рѣчи — коротки, безсодержательны, случайны. Членораздѣльные звуки доведены до обезьяньего минимума. Дѣйствующія лица носятся, сталкиваются, спѣшат, их что-то волочит, тащит, тянет, бросает. *Но бесѣд нѣт. Мыслей нѣт*. Духовный мір поражает столбняком.

И самыя заглавія такія же нѣмыя, — отраженіе стихійности, бездуховности и подчиненія:

— «*Идут*» (А. Яковлева).

— «*Рязань-яблоко*»... «*Рязань-баба*»... «*Город Росчиславль*»... «*Шама*».

Это — у Бор. Пильняка.

— «*Гори-Цвѣт*» (Ал. Ремизов).

— «*Апрѣль* — называет свой разсказ В. Лидин.

И, как общій вывод, общій итог, общій символ, — этот заключительный полудневник редактора А. Бѣлаго.

— «Я».

Подзаголовок говорит:

— «*Сумасшедшее*».

Хаос... Сумбур... Стихія. Города, длинныя дороги, ночныя сумятицы, безцѣльный бѣг, толчея и—безуміе:

«Мы на порогѣ образованія в нас новых душевных болѣзней»,⁴⁾ — говорит Бѣлый в предисловіи к своему «Я» (сумасшедшее).

И здѣсь—тоже. И тут—отсутствіе лица. И у этого автора—пустыня. И в этом разсказѣ опять и снова—сумятица, потревоженность, хаос и тѣ же подзаголовки: географіи («Бергенъ»), мѣста («Перед Бергеном»), «Площадь» и только напрас-

¹⁾ «Московскій Альманах». Изд. «Огювки». Берлин. 1922 г. Разсказ А. Яковлева «Идут». Стр. 11, 12, 13, 14.

²⁾ «Моск. Альман.». Разсказ В. Лидина «Апрѣль». Стр. 150, 154, 162, 164.

³⁾ «Моск. Альманах». Разсказ 5. Пильняка. «Рязань-яблоко». Стр. 63.

⁴⁾ «Моск. Альманах». Андр. Бѣлый. «Я» (Сумасшедшее). Стр. 176.

но одна из глав названа: «Моя біографія». Біографія нѣтъ.

Но общій итогъ выраженъ вѣрно и точно: — «*ничто!*» — «*Нас много*»...

И потомъ: — «*нѣтъ ничего!*»

И еще: — «*никого*»...

И вновь: — «навсегда: *ничего, никого*».

Лица смазаны, будто оторваны головы и убитъ человекъ. Толстовскій Холстомѣр, Чеховская Каштанка, Купринскій Изумруд, любой чижъ изъ басни—яснѣй, индивидуальнѣй, чѣмъ всѣ эти безглазые, безликіе псевдолюди. Ихъ такъ и описываютъ здѣсь — гуртомъ, скопомъ, собирательно, — даже не какъ политическую партію, а будто партію скота.

— «У всѣхъ членовъ ячейки, — рассказываетъ Пильнякъ, — были бѣлесые глаза — почти бѣлые, пустые, и сидѣли глаза у всѣхъ по разному, смотрѣли этими глазами люди изъ разныхъ угловъ — то волчьими, то лисьими, то свиными».

Всѣ они такіе же: общіе, пустые, безымянные.

У Лидина одинъ изъ такихъ называется *Непомнящевъ*, но и всѣ другіе, всѣ эти Женішки и Егоръ Егорычи, и Мериновы — тоже непомнящіе, тоже смутные и механическіе.

Изъ литературы изгнанъ *герой*. Индивидуальность замѣнена. Кѣмъ-то, чѣмъ-то.

Она — «*Нѣкто*». Но больше всего и чаще всего она «*Никто*».

Ея залогъ — *страдательный*. Ея наклоненіе — *неопредѣленное*. Это имя существительное, *нарцательное*. Это междометіе — *ужаса и гибели*, а судьба — *приговоренность*.

Всѣ здѣсь проходятъ и уходятъ какими-то *неосязаемыми* тѣнями, готовыми, или готовящимися мертвецами. На нихъ и смотрятъ глазами гробовщика, — такъ, какъ представляя себѣ міръ и человекъ Андреянъ Андреяновичъ у того же Лидина, — тоже гробовщикъ:

— «Были для него давно уже живые люди — только будущіе его покупатели»...

Такъ и во всемъ. Повсюду — печать мертвенности, пророчества смерти безжизненныхъ тѣлъ, бездыханность, опустошенность, маята, изможденіе и покорность.

Вмѣсто жизни — склеп, вмѣсто людей — кинематографическія видѣнія!

Иные изъ писавшихъ о новой литературѣ (в томъ числѣ пресловутый Ал. Толстой) славили... какъ вы думаете: что? — Динамику этой жизни, динамичность новой личности!! Это — динамика погребальныхъ дрогъ и динамичность похороннаго обряда. Личность убита. Человекъ схороненъ.

9.

А потому, что эти люди, эти беллетристы потянулись къ сказу и еще къ лексиконной оригинально-

сти, они естественно должны были подчасъ под большое и исключительное вліяніе такого мастера, какъ Алексѣй Ремизовъ.

А потому, что эти писатели, эти молодые авторы населили свои книги, какъ и свои души, устремленіемъ къ Хаосу, къ разлому бывлой архитектурности, къ литературной апропорціонности, они должны были пойти въ мятежный, неровный и нервный слѣдъ Андрея Бѣлаго.

Неоспоримо: надъ всей новой російской беллетристикой вѣетъ духъ именно этихъ двухъ авторовъ.

И все же это — не школа. Ни у Ремизова, ни у Андрея Бѣлаго не можетъ быть истинныхъ послѣдователей. Отъ судьбы они могли бы получить только временныхъ подражателей, литературныхъ учениковъ безъ твердаго эстетическаго принципа, безъ традицій, безъ опредѣленныхъ нажитыхъ навыковъ. Это — листья, но это — не корни. Это — не почва, а только вѣяніе. Это — не течение, а повѣтріе.

Иначе и не можетъ быть.

И тотъ, и другой — и Ремизовъ, и Бѣлый — не мэтры. Для этого они прежде всего — слишкомъ индивидуальны, слишкомъ капризны, слишкомъ и навсегда *одни*.

Этимъ выводамъ предустанавливается важная истина.

Молодая беллетристическая группа лишена корневой спайки, и, значитъ, она — случайна. Это — не школа, а орда, хотя бы и одаренная въ своихъ отдѣльныхъ участникахъ.

Все, что есть у нихъ общаго, рождено только временемъ и на время, на не длинный срокъ лихолѣтія.

И этимъ мутнымъ лихолѣтьемъ рождены и ихъ волнующія и страшныя темы: гражданская война, унылость російскаго запустѣнія, чепуха и путанность дѣлъ — которыхъ они, къ ихъ чести, не хотятъ таить, но, какъ художники и не могли бы скрыть, — общая російская неурядица, голодъ, убійства, людоедство.

Невеселыя темы, горькія темы, пугающія темы!..

И вотъ почему всѣ писанія этихъ беллетристовъ, ихъ книги, ихъ повѣсти, ихъ рассказы, даже ихъ фотографіи — корреспонденціи —

1. Литературно-знаменательны, какъ крикъ сегодняшняго дня,

2. Противорѣчивы, какъ продиктовавшая ихъ жизнь, но и

3. Цѣнны какъ свидѣтельскія показанія литературы.

Этихъ двухъ писателей будутъ изучать. Надъ ними будутъ думать. Къ нимъ не разъ еще вернется критика, и ихъ имена на своихъ страницахъ не осмѣлятся забыть будущій литературный историкъ.

Петръ Пильскій.

Р. Ашкенази.
(С нѣмецкаго).

ХУДОЖНИК МАКС БАНД.

С момента окончанія войны начался наплыв русских художников различных направленій и убѣжденій в Берлин, результатом чего было возникновеніе взаимоотношеній и взаимодействій русских и нѣмецких художественных сил.

В настоящее время нельзя еще точно учесть, как велико было для нѣмецких художников знаніе новых идей, перенесенных русскими из своего отечества. Современное развитіе нѣмецкой живописи теперь уже немислимо без вліянія этих идей, которыя в послѣдовательном продумываніи всѣх послѣ-импрессионистских представленій о формѣ, пошли гораздо дальше, чѣм Германія. Но естественно, что и восточные эмигранты, соприкасаясь с выдающимися представителями нѣмецкаго современного искусства, попадали под их вліяніе. Совершалось это различными путями. Наряду со зрѣлыми художниками из Россіи и из новых окраинных государств переселялись в Берлин и молодые начинающіе художники. Прослѣдить каким путем в них совершалось смѣшеніе восточно-европейской сущности с западно-европейскими вліяніями — представляет особый интерес.

К ним принадлежал и молодой Макс Банд, в настоящее время надежда литовских художников. Он родился в 1899 году в Науместис (прежде Владиславово), рано осиротѣл и рос своевольным, самостоятельным мальчиком. Отец умер, когда ему было три года; шести лѣт он лишился матери. В маленьком городкѣ, бывшем его мірком, среди родных, воспитывавших его, вряд ли был хоть один человек, представлявшій себѣ, что такое художественное произведеніе. Но для Макса Банда, который с ранняго дѣтства рисовал и привык высказываться в своих рисунках, — не было сомнѣній и колебаній. Он хотѣл стать художником. Правда, он сам не знал, как взяться за это. О систематическом художественном образованіи нечего было и думать в этом городкѣ с его 5.000 жителей. Какіе либо художественные образцы совершенно отсутствовали. Банд мнѣ как то говорил, что он до девятнадцатаго года своей жизни вообще не видѣл ни одной оригинальной картины. Единствен-

ное, что давало пищу его фантазін, — были репродукціи, которыя случайно попадали в его руки. Несомнѣнно, что мальчик и юноша, оставшіяся при таких условіях вѣрным своему рѣшенію стать художником, подчинялся внутреннему голосу, которому нельзя было сопротивляться. Ему предстояло одно из двух: либо при наличности достаточных способностей, достигнуть высокой цѣли, либо остаться побѣжденным в пути. Но какой юноша вѣрит во вторую возможность? Вѣрят, безусловно вѣрят только в первую, в необходимость пробиться. Итак, в 1918 году 19-ти лѣтній Банд собрал свои пожитки и отправился туда, гдѣ, как он знал, нашли убѣжище многіе русскіе художники, — в Берлин.

И вот он очутился в огромном городѣ, который оглушал его своим шумом, смущал своей необычайной жизнью, подавлял головокружительной смѣлой зрительных и художественных переживаній. Банд искал учителя, который мог бы указать ему путь через этот лабиринт. Но и это было не так то просто. Поступить в Академію он не хотѣл: слишком уже в нем укоренились основныя идеи молодого искусства, слишком близко соприкоснулся он с новыми стремленіями, чтобы довольствоваться этой закостѣвшей, заржавѣвшей государственной школой. Но вѣдь в Берлинѣ были музеи. Вѣдь, наконец, ему представилась возможность ознакомиться с творчеством великих художников. Музей Императора Фридриха стал его школой.

Двадцать лѣт тому назад молодой начинающій художник прежде всего ознакомился бы с искусством нидерландцев и погрузился бы в тайны Рембрандта и Франца Гальса. Характерно, что молодой литовец предпочел в берлинском музее совершенно другія отдѣленія. Около 1920 года исчезло безграничное преклоненіе перед великими голландцами 17-го вѣка, в которых предыдущее поколѣніе увидало предков импрессионизма, и возник новый интерес к итальянскому искусству, особенно к величественной манерѣ мастеров конца средневѣковья и начала Ренессанса. Здѣсь нахо-

дили тот величественный стиль, по которому сами так тосковали. Здѣсь находили ясное построение красочных плоскостей и художественное выражение, которое не было только отраженіем міра дѣйствительности. Маленькое «Распятіе Христа» Джіотто, немногія, избранныя картины Мазаччіо, весеннія нѣжності молодой женщины у Domenico Veneziano приводили в восторг молодого художника; картины флорентинскаго ранняго Ренессанса дали ему представление о живописи, которое он до сих пор искал ошупью.

Но преклоненіе перед обожаемыми мастерами не перешло у него в безусловное подражаніе им. И это характеризует отношеніе нашей молодежи к великому искусству прошлаго. Полвѣка тому назад молодой художник, преклоняющійся перед твореніями Ренессанса, усмотрѣл бы высшую цѣль в том, чтобы создавать подобныя творенія. Поколѣніе 1920 года совершенно инстинктивно, не планомерно, а по естественному побужденію перерабатывало то, чѣм оно восхищалось в старых картинах, для своих собственных современных цѣлей.

Банд почувствовал, что на этом пути ему необходимо руководителем. Его вниманіе привлек Willy Jaeckel, который как раз в то время в своих больших актах стремился слить современное чувство красок с обновленным стилем Ренессанса. Нѣсколко мѣсяцев он работал у Jaeckel'a. Но его манера письма, все больше тяготящаяся к новому барокко, не могла на долго удовлетворить его. Он мечтал о болѣе строгой, болѣе суровой живописи, и встрѣча с русским художником Григорьевым, поселившимся также в Берлинѣ, была для него знаменательна.

Григорьев принес из своей родины стремленіе в тщательно сочетаемых красочных плоскостях создавать вырѣзки дѣйствительности, фигуры, головы, а также и пейзажи. Главным образом, он открыл новыя возможности для портрета. Обладая ярко выраженным чувством красок, Григорьев стремился постигнуть тайну индивидуальных человѣческих голов, дѣйствуя при этом подобно архитектору. Он слѣдил за безконечно разнообразными конструкціями, которыя нужны природѣ, чтобы придавать каждой личности соответствующее ей тѣлесное выраженіе. Метод кубизма сильно помогал ему в этом. Так возникли портреты Григорьева, в каждом из которых издали можно узнать его руку. Они не подчинялись требованію сходства, но стремились исполнить его, не заботясь, однако, о каждой детали образца, а выделяя из цѣлаго рѣшающія черты, плоскости и линіи с тѣм, чтобы соединить их в новое построение. То, что они давали, была дѣйствительность и все-таки больше, чѣм дѣйствительность, как бы толкованіе формальнаго основнаго содержанія, заключающагося в объектѣ или за ним.

Под непосредственным влияніем старшаго художника Банд нарисовал головы, которыя привлекли к нему вниманіе берлинских художников. Вліяніе Григорьева несомнѣнно сказывается в них, но он не подчинился ему всецѣло. Уроки Григорьева смѣшивались с впечатлѣніями, которыя он воспринимал в берлинских художественных кругах и которыя он быстро научился перерабатывать. Кубистическій разрѣз плоскости не особенно привлекал его. Он только случайно встрѣчался в этих работах. Гораздо существеннѣе были для него тѣ свѣдѣнія, которыя он приобрѣл у своего учителя в области познанія формы, как принципа картины, в области ритма игры линій и распределенія красок. Но именно в красках Банд проявил свою самостоятельность. Григорьев любил свѣтлую, текучую, часто почти неуловимую окраску, Банд искал болѣе выразительных колористических контрастов и сочетаній. В портретѣ мальчика, одной из его лучших картин, он стремился создать выразительный контраст между темными плоскостями волос, с которыми согласуются отвороты воротника, и оживленной игрой красок вокруг. Лицо выдержано в желтоватых и коричневых тонах. Четкіе контуры обрисовывают голову и ея части, глаза, рот, нос, ухо. В плоскостной пластикѣ центр четырехугольной картины выделяется из свободной и оживленной красочной обстановки.

Характерны уклоны его творчества.

Когда Банд рисует фигуру человѣка на фонѣ литовско-русских избушек, когда он располагает эти маленькія постройки с их высокими соломенными крышами почти кругообразно по верхней плоскости картины, так что онѣ как бы подражают окруженію головы фигурки; фигура же выдержанная еще в духѣ Григорьева, соединяется с обстановкой, напоминающей Шагалла.

Но скоро он собственными силами нашел новый путь: появляется ряд его *natures-mortes*, создавшій ему много друзей.

Исходная точка и тут ясно видна. Молодые парижскіе художники неоднократно посылали в Берлин свои «*Natures-mortes*», свидѣтельствующія о своеобразном поворотѣ в современном воспріятіи. Со времени Сезанн'a она была пробным камнем для каждаго поколѣнія французских живописцев. Сам Сезанн здѣсь впервые примѣнил свой революціонный новый метод. Matisse послѣдовал за ним. Кубисты в період классическаго развитія их системы, также жадно ухватились за *nature-morte*. А теперь опять таки в *nature-morte* проявился рѣшительный поворот к нео-натурализму, который перенял построение плоскостей из кубистическаго доктрины, но сочетал его с простым оптическим ощущеніем. Архипенко, прѣхавшій из Парижа в Берлин и встрѣтившійся здѣсь со своими соотечественниками, указал на этот переход. В Бандѣ,

принадлежащему к болѣе молодому поколѣнію, очень сильно было стремленіе вновь сблизиться с природой. Но для него, как и для его современников, было ясно, что рѣчь здѣсь не могла идти о возвращеніи к чистой иллюзіи дѣйствительности В своих nature-morte¹⁾ он искал гармонію предметов, которые должны были быть правдивыми и в то же время служить орнаментом. Ритм линій и плоскостей, а также ритм красочных измѣненій — существенное в этих картинах, таких прелестных и убѣдительных.

Банд соединяет очень простые предметы. Тарелку, нѣсколько груш, бутылку, стакан, лампу, чашку. Все это соединяется на столѣ, с плоскостью котораго согласуются плоскости раскрытой книги или нѣскольких досок или картонок. Вещность об'ектов ощущается совершенно тѣлесно, но еще важнѣе инструментовка их кубических и линейных взаимоотношеній. Таким образом, при всей точности в деталях все таки есть абстракція в живописном смыслѣ. Картина не должна совершенно точно репродуцировать природу. Этому уже содѣйствует художественный приѣм, которым все обиліе отдѣльных предметов помѣщается в одной плоскости, чѣм одновременно

подчеркивается декоративный характер картины.

С упорной энергіей, лежащей в основѣ его характера, Банд стремился приблизиться к завѣтной цѣли. Сперва замѣтны еще неловкости, шероховатости, натяжки. Ясно видно, как художник борется со своей задачей, и как постепенно очищается перед ним путь. Послѣднія nature-morte, результат долгой неутомимой работы, свидѣтельствуют о полной успѣшности его трудов. Распределение красок, соотношение углов и изгибов, ясность построения в полной мѣрѣ удовлетворяют глаз. В этих твореніях рано сложившейся художественной личности чувствуется внутренняя закономѣрность, с которой пріятно соприкоснуться. В законченной композиціи мы чувствуем каждый раз новый принцип, которому она подчинена. Но все это замерло бы быть может в интеллектуальности, если-бы чуткое распределение красок не придавало бы картинѣ и чувственное очарованіе.

Теперь Банда повлекло в Париж, к источнику современнаго развитія искусства. Нам интересно знать, как талант 25-лѣтняго художника удался реагировать на безчисленныя новыя впечатлѣнія и какія новыя пути и возможности раскроются перед ним.

Berlin, 1924.

Dr. Max Osborn.

М. АЛДАНОВ. СВЯТАЯ ЕЛЕНА, МАЛЕНЬКІЙ ОСТРОВ.

Эта прелестная вещь поистинѣ является маленьким островом, на котором отдыхает затравленный литературный вкус читателя. Выдержанная в благороднѣйшей традиціи нашего стараго писательства, она является рѣдким в наше время образом изящества, пропорціи частей, острога и тонкаго юмора и прекраснаго русскаго языка. Сдержанными, даже скупыми приѣмами автор выпукло и живо выявляет образы и характеры своих героев. Над всѣм царит величественная фигура умирающаго Наполеона, и на ней скрещиваются тихія, спокойно-примиренныя мысли автора о тщетѣ жизненных достиженій пред лицом смерти. Сильное и жуткое впечатлѣніе производит хорошо выдержанная автором постепенность болѣзни и умирание императора, немощь тѣла — и царственный, борющійся, несдающійся дух падшаго властителя міра.

Главное очарованіе книги состоит в удивительном чувствѣ стила и характера эпохи, проникающее каждую страницу. Автор как-бы дышит воздухом того времени и всецѣло переносит читателя в атмосферу русскаго политической и культурной жизни начала 19-го столѣтія. Прекрасно удалась М. Алданову сцена в Михайловском дворцѣ послѣ убійства Павла, и мастерски стилизовано письмо Кривцова — так, что даже не вѣрится, что оно не подлинно.

Герои «Святой Елены» очеркнуты живо и естественно. Очень колоритен Александр Антонович де-Бальмен, дипломат, вивѣр и, пожалуй, интеллигент блестящей Александровской эпохи. И, может быть, еще лучше удалась автору маленькая, но великолѣпно исполненная фигура Тишки, составляющая такой забавный и родной контраст кукольной англичаночкѣ Сузи и ея чопорному антуражу. Мимоходом автор показывает нам красивый, немного загадочный образ Байрона.

¹⁾ Будет помѣщенъ в одном из ближайших номеров альманаха.

Книга насыщена содержанием: на протяжении многих страниц автор дает так много картин, характеристик, мѣтких замѣчаній, интересных мыслей, что она читается неотрывно и дочитывается с сожалѣніем.

«Святая Елена, маленькій остров» издана очень хорошо. Из литографій Пинегина останавливаютъ внимание мертвая голова Павла, Наполеон на смертномъ одрѣ и концовки в видѣ расписных фарфоровых тарелок.

Эскогор.

Варвара Бутягина. «Лютики». Государственное издательство. Петроград 1922.

Вѣра Звягинцева. «На мосту». Стихотворенія. Москва. 1922.

Наталія Бенар. «Корабль отплывающей». Альциона. Москва. 1922.

«Лютики» Бутягиной — поэты, обычно, удачно озаглавливаютъ книги — только лепетъ желторотого бутона. Удобрение — Ахматова, Бальмонт, но стих неумѣл, ритм — неразвит, рифмы — ребячьи; сложныя рифмы неумѣстно громоздки, образы — однообразны. Не пренебрегается наслѣдіе символизма: «корабли», «скаты», «закаты», «зори». Свои образы тоже однообразны, большей частью зоологичны. Оставляя в сторонѣ образ, как стихотворный приемъ, и, разсматривая его, как индивидуальное воспріятіе поэтомъ міра, видим, что кругозор Бутягиной неширок; одна из особенностей в творествѣ Бутягиной — большее сводитъ к меньшему, а именно:

Вечер — «косарь», осень — «лань», память — «голубка».

Вечер — «мышенок», мѣсяц — «серна». Вечер — «сверчек» и т. д.

Однообразіе ея поэтического словаря связано с нѣкоторымъ безсиліемъ передъ стихотворнымъ русскимъ языкомъ; особенно сказывается это в тягѣ к существительному в кавычкахъ (излюбленно у французов) — мое первое «вѣрю», мое «наконецъ», твои «прощай» и т. д.

Вся книга купается в трафаретной красивости, в цвѣтахъ: бѣлое и золотомъ. Бѣлое — часто у Бутягиной — самохарактеристика в дни несимволизма от такой самохарактеристики — неловко. Здѣсь слишкомъ явное подчиненіе символистамъ. Довольно, кажется, упомянуть «бѣлый порывъ», «бѣлыя пѣсни». От ахматовскаго очень многозначительнаго и лирическаго цѣннаго «блага дома» у Бутягиной только «бѣлыя двери», — почти незначительный штрихъ, — и «бѣлая калитка». Наконецъ — бессознательный курьез: образ, синтезирующей названія двухъ книгъ Ахматовой — «бѣлыя четки».

Затѣмъ: птица — золотая, колосья — золотые, золотая паутина, золотые углы, золотые рога, золоченныя (?) копыта, скат — золотой, золотые жаворонки, золотые вѣнчики, золотые сходни, золоченый ларецъ, золотая рыба, золотые латы, золотой туманъ, вся золотая дѣвушка, золотыя кувшинки, золотой набат, золотосный самумъ. . .

Перечень утомителен. Портитъ — даже рецензію. Не ясно ли, как утомляетъ золотомъ книга Бутягиной, как суть золота, в сущности, автору не нужна, не важна. И если рога — золотые, то в чемъ дѣло, почему копыта — низкопробнѣе: золоченныя?

Повидимому, золотое — не явь дѣтства, гдѣ этотъ масштабъ прекраснаго в уши вкладывался няньками:

«будешь в золотѣ ходить
«злато-серебро носить».

Вся книга — дѣтская еще. Это, кстати, первая книга Бутягиной. Хорошо когда в первой книгѣ много смуты — лирической и всяческой — в образахъ, в приемахъ творчества вообще. Но в книгѣ Бутягиной нѣтъ смуты, а только — смутность. Напрасно критикъ — Луначарскій в предисловіи к «Лютикамъ» предупреждаетъ читателя о «необыкновенной четкости». Этой как раз — акменстической — отличной черты отживающихъ приемовъ творчества Ахматовой Бутягина не восприняла.

★

«На мосту» Вѣры Звягинцевой — стихи: о тщетѣ жизни, о скорой кончинѣ, о своей исключительности, о холодности людской, обусловленной, конечно, не холодностью людской и не исключительной пламенной душой автора, а просто отраживаньемъ себя в одиночество, что свойственно нерѣдко юности. Несмотря на столь мрачныя рецензіи, книга производитъ впечатлѣніе легковѣснаго, незначительнаго, несерьезнаго. Это — о матеріалѣ. В стихотворномъ отношеніи книга очень слаба, интонаціи — Ахматовой.

Не своевольна ни в чем.
 Не пастушка и не Психея,
 Просто женщина в старой тоскѣ,
 Сердце на солнцѣ грѣя
 Что то пишет на бѣлом листкѣ.
 Можно звать и не звать поэтом
 Ту, которая плачет в стихах. . .

Это «что то пишет» и послѣднія двѣ строки вводнаго к книгѣ стихотворенія, такой уж предѣл скромности, который окончательно (и много больше, чѣм дерзкія заявленія о своей талантливости нѣкоторых авторов) компрометирует поэтессу.

И не напрасно стихотвореніе это — предупрежденіе читателю. Предупрежденный, он может быть не так уж изумлен, что (это в эпоху то Хлѣбникова, Пастернака, Боброва) — бѣден и блѣден словарь поэтессы, ея стих плох. Подштопан всякими:

«там» — «тут» — «так» — «ты»,

зарифмован такими созвучьями, как:

куда-да, сердце-скерцо, шелестя-метя.

Неинтересно и воспріятіе жизни у поэтессы; очень показательно, напримѣр, присутствіе такой исключительно - оригинальной сентенци, как «жизнь есть сон». Не менѣе показателен такой образ, как «Мировой матчиш» и сильно отстававшая от Михаила Лермонтова, а может быть и от Маяковского тоже, дерзость:

«Сами вы там наверху (на небесах) виноваты,
 «Что безпокоен наш легкій нрав».

Москва, 1923.

Вся книжечка — не поэзія. Обывательское поэтизирование. Кое кому, вѣроятно, придется по вкусу. Это непроходимо - обывательское особенно рѣзко сказалось в строках мертвому Александру Блоку:

«О тоскѣ великой, повсемѣстной
 Говоришь пред Господом в стихах».

Александр Блок — большой поэт. Многими любимый. Но заставляя его отчитываться перед Господом в стихах — верх обывательской изобрѣтательности и дурного пафоса.

★

«Корабль отплывающій» — Наталии Бенар может производить на читателя впечатлѣніе и новизны и свѣжести. Бенар отчасти усвоила «стихотворную манеру» Бориса Пастернака, этот сумбур и напор лирическаго, сдвиг вещей, крѣпость, мѣткость — за сердце и за совѣсть — которую всегда защитит поэт. Это — власть творчества Пастернака. При нѣкоторой слабости, на известной высотѣ дарованья, войти — хотя бы на время — творчеством в сферу Пастернака — заманчиво, и для многих начинающих, затѣвающих ссору с солнцем, неизбежно.

Но за стихами Пастернака: вся дикарская интенсивность лиризма, напор первобытнаго, весь обнаженный Мир и — вся культура европейца. . .

«Корабль отплывающій» — скромно, хорошо, но слишком безцвѣтно и плавно для стихов Бенар. Не «Корабль отплывающій» мы видим. Мы видим — и слышим: Корабль карабкается.

В. Монина.

ЭКОНОМИЧЕСКІЙ ОТДѢЛ.

ЭКОНОМИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

Со времени окончанія войны прошло уже пять лѣтъ. Между тѣм только теперь сознаніе огромных опустошеній и разрушеній произведенных войной стало болѣе или менѣе общим, и лишь теперь начинает глубоко проникать сознаніе в то, что насущнѣйшіе экономическіе вопросы мірового и національнаго характера, разрѣшеніе которых мыслилось в результатѣ побѣдоносной войны, в силу побѣды и пораженія только усложнились. Борьба за хлѣб, эта простѣйшая формула всего экономическаго бытѣя и всѣх экономическх проблем, нынѣ стала значительно болѣе сложной, чѣм она представлялась еще 10 лѣтъ тому назад, когда в цѣлях разрѣшенія усложнившейся до катастрофы проблемы, нація взялась за оружіе. Ударом меча разрубить этот узел не удалось. Не удалось также разрѣшеніе вопроса путем мирных договоров, путем созданія новых экономических организаций в видѣ новых государств, к учрежденію которых подчас было приступлено по методу учрежденія акціонернаго общества. И война и мир в смыслѣ экономическаго творчества потерпѣли неудачу. Лишь теперь начинается подсчет нанесенных ран. И надо сказать, что в теченіе пятилѣтняго мирнаго періода раны нанесенныя міровому хозяйству и экономической жизни цѣлага ряда государств в нѣкоторых случаях оказались болѣе серьезными, чѣм раны нанесенныя мечом.

Когда говорят о довоенной и послѣвоенной экономикѣ и сравнивают положеніе хозяйства в отдѣльных странах, а также мірового производства и оборотов под знаком войны и мира, то очень часто упускают из виду самое важное обстоятельство, о котором всегда слѣдует помнить. Заключается оно в том, что дѣловой мір, культурная трудовая міровая ассоціація работников физическаго и умственнаго труда на полях сраженія оставила свыше десяти миллионх трупов, и что из арміи труда в качествѣ инвалидов и полуинвалидов вышло также не менѣе 15 миллионх труженников или же потенциальных работников. В общем, в сравненіи с 1914 годом міровое хозяйство ли-

шилось от 8 — 9% живой мускульной силы. Но кромѣ того, не участвовавшіе в войнѣ и вернувшіеся с полей сраженій неповрежденные солдаты, в силу недоѣданія, нервнаго потрясенія и отвычки от регулярнаго труда, потеряли значительную часть своей трудоспособности и продуктивности. По исчисленіям американских экономистов, спеціально интересовавшихся вопросом о пониженіи производительности физическаго труда, как непосредственнаго или посредственнаго результата войны, цѣнность всего рабочаго люда культурнаго міра понизилась против цѣнности довоеннаго періода не менѣе чѣм на 25%.

Фактическіе результаты хозяйственных кампаній, взятых вмѣстѣ, в общем подтверждают эти изслѣдованія. Мимоходом замѣтим также, что с одновременным уменьшеніем цѣнности труда и его производительности в силу указанных причин, в подобной-же мѣрѣ понизилась и сумма имѣвшихся в распоряженіи человѣчества капиталов, т.-е. сумма, цѣнность и пригодность орудій производства. Достаточно лишь вспомнить об обширных площадях земли, не обработанных рационально в годы войны и разрухи, о разрушенных заводах и машинах, о вымираніи рабочаго скота, о переходѣ от высокоцѣнных культур на культуры болѣе примитивныя и менѣе производительныя с точки зрѣнія наилучшаго использованія продукта в цѣлях удовлетворенія человѣческих потребностей. Фактически мы нынѣ стоим перед грудой развалин когда-то, несмотря на всѣ свои недостатки, весьма цѣлесообразнаго, болѣе или менѣе разумнаго и, что самое главное, кормящаго человѣчество аппарата. И только в самые послѣдніе мѣсяцы обывателям стало ясно, что тѣ мѣры возсозданія экономической жизни, которыя были придуманы побѣдителями и отчасти проведены в жизнь, представляют собою ничто иное, как чинка Тришкина кафтана. В общей суммѣ и в общем зданіи мірового хозяйства, без котораго не может быть и здороваго хозяйства національнаго, рѣшительно ничто не измѣнится, если перевести из одной

страны в другую известное количество миллиардов. Особенно эта мысль становится безумной, когда из страны побѣжденной, т.-е. сугубо обездоленной в результате войны, выкачиваются миллиарды в страну побѣдившую, в то время, как экономическая логика, наоборот, предписывает ввозить капиталы из стран имѣющих избыток в страны, в которых чувствуется потребность в новых орудиях производства.

Наибольше характерным примѣром подтверждающим всю нелѣпость экономической политики, как послѣдняя сложилась в течение послѣдних пяти лѣт является валютный кризис, охвативший поочередно Австрію, Германию и Францію. Нынѣ уже совершенно очевидно, что падение курса австрийской кроны и германской марки явилось результатом крайняго выкачивания из этих стран капиталов. При этом то обстоятельство, что это выкачивание не было доведено до конца, рѣшающей роли не играло. Важно было то, что мирные договоры давали побѣдителям право на такое выкачивание, а фактическая власть, оставшаяся в руках побѣдителей, в случаѣ желанія имѣла возможность окончательнаго оголения побѣжденных. И наоборот: вывоз капиталов в видѣ контрибуцій и реквизицій, а также в видѣ военных трофеев и аннексий в побѣдившія страны нисколько не обогатил послѣднія, поскольку нѣкоторыя из них, благодаря недостаточному числу работников, творческих интеллектуальных и технических сил, не оказались в состояніи переварить попавшія в их распоряженіе богатства.

Журнальному обозрѣвателю, к сожалѣнію, не приходится останавливаться в свое время на явлениях, знаменующих собою начало длительного экономического процесса. Эти первые стадіи процесса для широкой публики едва замѣтны. Она удѣляет им чрезвычайно мало вниманія. Они — одним словом — не актуальны, а потому и всякое указаніе на возможное развитіе их и на огромныя послѣдствія едва намѣчающагося процесса, очень часто считается фантазерством, а предлагаемая мѣры — утопіей. Интересными эти явленія становятся в послѣдствіи, когда они фактически уже оказываются изжитыми. Так напр., в свое время всякое указаніе на невѣрность и нецѣлесообразность пути избраннаго в Версали побѣдителями, поскольку этот путь должен был привести к восстановленію нарушеннаго національнаго хозяйства и к возрожденію мировой экономической жизни, общественным мнѣніем были заклеены как утопическое в лучшем случаѣ, как вредное в національных интересах — в худшем. Нынѣ эти «лжепророки» оказались правыми. Совершенно оставляя в сторонѣ вопрос о справедливости финансовых и экономических условий мирных договоров, не могущих нас в данный момент интересовать, надо сказать, что нынѣ в нецѣлесообраз-

ности и пагубности этих условий, и притом как для побѣжденных, так и для побѣдителей и нейтральных, почти никто уже не сомнѣвается. Для того, чтобы осознать весь вред и все безуміе этих условий, надо было, чтобы весь мір прошел через испытаніе торговопромышленнаго кризиса, через катастрофу небывалой еще безработицы и недоѣданія и через період нарушенія мирового хозяйственнаго организма, переживаемаго нами в настоящее время.

В первых строках настоящаго очерка было указано на тѣ огромныя потери живой энергіи физической силы, которая получилась по окончаніи войны. Другими словами — на непосредственное сокращеніе числа потребителей и производителей, причем естественно, что отношеніе потребляющих к производящим измѣнилось не к выгоду послѣдних. Равновѣсіе рынка таким образом было нарушено и восстановленіе этого равновѣсія, т.-е. нормальнаго количественнаго отношенія потребителей к производителям продуктов и товаров требует срока в нѣсколько десятилѣтій. Этот дефект особенно ярко должен чувствоваться в странах, в которых с одной страны выбыло из строя относительно большее число производящих продукты и товары работников, как Германия и Франція, и в которых, с другой — произошло болѣе глубокое чѣм в иных государствах уничтоженіе и перемѣщеніе капиталов, т.-е. опять таки в Германии и во Франціи.

Что касается измѣненія в количествѣ рабочей силы, т.-е. абсолютнаго и относительнаго выбытія из строя экономических работников, то Германия в результатѣ войны потеряла приблизительно 25% своей трудоспособности, Франція-же болѣе 30%. Характерно, однако, то, что в течение пяти лѣт мирнаго времени населеніе Германии увеличилось приблизительно на 2 милліона человекъ, Франціи-же осталось неизмѣненным. Другими словами, рабочая энергія Германии нынѣ относительно большая, Франціи-же меньшая чѣм она была пять лѣт тому назад. Если еще вспомнить, что Германия содержит армію всего в 100.000 человекъ, Франція-же в 600.000 бѣлых солдат, то получится, что Германия имѣет на пол милліона больше работников производящих цѣнности, в то время как Франція содержит на казенный счет лишнних 500.000 человекъ ничего не производящих и очень много потребляющих. И если по настоящее время Франція избѣгла безработицы в остром масштабѣ, то только потому, что она имѣет известныя резервуары, в который стекаются безработные. Не будь арміи, Франція имѣла бы сейчас не менѣ полумилліона безработных, и даже болѣе, так как казенное снабженіе этой арміи предполагает приложеніе рабочих сил в обмундировочных мастерских, в ткацких фабриках, в оружейных и поро-

ховых заводах и т. д. в самом широком масштабѣ.

В Германіи, правда, перманентная безработица. В ней, как по другому случаю выразился Клемансо, имѣется 20 миллионов лишних нѣмцев. Но дѣло в том, что волюно или неволюно, но созданіе такой безработицы было цѣлью экономической войны, поскольку послѣдняя велась со стороны конкурентов Германіи. В противном случаѣ трудно себѣ представить экономическую цѣль войны ведомой Англійи и Франціи. Уничтоженіе германской конкуренціи — это главное заданіе, поставленное себѣ государственными людьми правящихъ партій и классов союзниками, по меньшей мѣрѣ послѣ того, как война уже вспыхнула. В этом заключается и экономической смысл побѣды над Германіей с точки зрѣнія ея противников. Безработица в Англійи или Франціи с точки зрѣнія англійской или французской идеологій войны, т.-е. безработица среди побѣдителей не имѣет никакого смысла. Между тѣм, и она стала фактом, и в этом заключается одна из самых причудливых гримасъ результатов войны и мирных договоров. Очевидно это произошло от того, что война, как она была закончена, и условия мира, страдают каким-то недостатком, грѣшат против законов экономической логики. Найти эти грѣхи нынѣ, на шестом году мира, дѣло, конечно, легкое.

Германская безработица, явленіе столь же нормальное, если рассматривать его как послѣдствіе мирных договоров, как ненормально и обманчиво было явленіе кажущагося оживленія германскаго экспорта в теченіе 1921 и 1922 годов. В Германіи имѣется слишком мало капиталов, т.-е. орудій и средствъ производствъ. Версальскій мир лишил Германію огромных запасов ея естественнаго сырья, отнялъ у Германіи большую часть ея тепловой энергій в видѣ каменнаго угля и лѣса, лишил Германію почти всего торговаго флота, всѣх ея колоній, отрѣзал от нея области наиболѣе цѣнныя в сельско-хозяйственном отношеніи. Договор этот фактически лишил Германію и наличныхъ капиталов помѣщенных ею за границей и в хозяйственном отношеніи отбросил страну на болѣе низкую ступень производствъ, в то время как сам мирный договор требовал от нея выполненія обязательств, возможных лишь при наличіи большихъ капиталов и при состояніи земледѣлія и промышленности, технически и организационно чрезвычайно совершенных и болѣе высокихъ, чѣм состояніе хозяйства в странах побѣдителей. В частности-же получилось положеніе, при котором Франція, вышедшая из войны с огромной потерей людей и с большим приростомъ капиталов в видѣ полученных от Германіи цѣнностей, не в состояніи организовать своего народнаго хозяйства на началах, соотвѣтствующих богатству имѣющагося в ея распоряженіи орудій производствъ и сырья. Германія-же, сравнительно

быстро возстановливающая свои живыя потери, не в состояніи организовать своего производства и возстановить свое народное хозяйство за отсутствіемъ капиталов и сырья, а, при дальнѣйшем существованіи условий версальскаго договора, также и своего международнаго кредита; Франція страдает от недостатка живыхъ сил, слишкомъ малочисленных по отношенію к имѣющемуся капиталу. Германія-же имѣет слишкомъ мало капиталов по отношенію к начальнымъ живымъ силам. К этой краткой формулѣ сводится сравненіе положенія обѣихъ стран в мировомъ хозяйствѣ нашихъ дней. На фактѣ контроля производственныхъ сил французскимъ оружіемъ, мы в данномъ очеркѣ не останавливаемся, как на моментѣ политическомъ. Для нашихъ цѣлей достаточно указаніе на исключительно экономическіе результаты войны и мирныхъ договоров, поскольку эти результаты стали очевидными в переживаемые нами дни. Выводы для рѣшенія репараціоннаго вопроса из этой краткой формулы напрашиваются сами собою.

Напрашиваются также сами собою объясненія неуклоннаго паденія курса французской валюты. Противодѣйствовать такому паденію французское правительство намѣрено самыми энергичными мѣрами. Опыт паденія австрійской и германской валюты долженъ указать Франціи, что леченіе палліативами не приводит к цѣли. Наиболѣе трезвые практическіе дѣятели отлично сознают, что причины паденія франка тѣ же самыя, что и паденія марки, а именно: хроническое состояніе дефицита государственнаго хозяйства и нерациональная организациа хозяйства народнаго. Но в то время, как государственный дефицитъ Германіи отчасти не могъ быть превращенъ в превышеніе доходов над расходами в силу опять таки требованій версальскаго договора, французскій дефицитъ не былъ устранен по причинамъ лежащимъ внутри самой Франціи. Французская налоговая полтика уже издавна грѣшитъ крайней отсталостью. Ошибки были сдѣланы еще до войны, а, в особенности в теченіе послѣдней. Война была финансируема всякими способами, но только не тѣм, который является наиболѣе рациональнымъ. Французскіе законодатели всячески старались добывать средства путемъ займовъ внѣшнихъ и путемъ печатанія бумажныхъ денегъ. Лишь самый вѣрный путь — всемѣрное увеличеніе прямыхъ налоговъ ими не былъ использован. Огромныя надежды возлагались на военную контрибуцію, которая-де сразу освободитъ Францію от всякихъ финансовыхъ обязательствъ и приведет в равновѣсіе пошатнувшійся бюджетъ республики.

Наконецъ, были сдѣланы попытки приобрѣсти с помощью французскаго франка вліяніе в другихъ государствахъ. Такъ напр., в самое послѣднее время французскія палаты одобрили заимообразную выдачу в размѣрѣ 600 миллионовъ франковъ двумъ государствамъ, входящимъ во французскую систему

союзов, и притом специально на вооружение. Естественно, что такія выдачи со стороны государства, ссылающагося по адресу своих кредиторов на свои претензии к Германіи, произвели самое плохое впечатлѣніе на международную биржу, и, в частности, сыграли свою роль в дѣлѣ пониженія расцѣнки французской валюты. Большое значеніе в этом-же направленіи имѣли и также старанія французскаго правительства в смыслѣ распространенія франка, как платежнаго знака, в оккупированной союзниками области Рейна и Саар. Как только франк начал колебаться, населеніе этих областей, скопившее довольно большое количество французской валюты, выбросило послѣднюю на рынок. Этот момент сыграл рѣшающую роль в пониженіи курса франка. К этому слѣдует добавить фактической неуспѣх послѣдняго періода репарационной политики, поскольку она выражается в эксплуатаціи природных богатств, промышленности и желѣзных дорог Рура и Рейна. Здѣсь мы опять сталкиваемся с фактом, на котором нам приходилось уже останавливаться, на невозможности наладить производство и хозяйственную жизнь с помощью наличных французских технических и организаціонных сил, оказывающихся слишком малочисленными.

Поэтому не подлежит никакому сомнѣнію, что дальнѣйшее паденіе французскаго франка неминуемо, если Франція не найдет других путей и не измѣнит своих методов выполнения экономических условій мирнаго договора. Напрасно думают, что для Франціи нѣтъ путей обезпечивающих ея претензіи, помимо путей политических. Наоборот — экономическія требованія версальскаго договора вообще невыполнимы без разоренія Франціи, Германіи и всего культурнаго міра. Выполнимы требованія возмѣщенія убытков от военных разрушеній, при условіи, что Франція откажется от попутнаго преслѣдованія политических цѣлей, ведущих к расчлененію и порабоженію германскаго государства и германской націи. Имѣется даже ряд весьма практических проектов и планов в этом направленіи. Всѣм этим планам — англійским, американским, итальянским и германским обще одно: они исходят из сознанія общих экономических интересов и из принципа международной коопераціи. Планы эти в текущем году окажутся в центрѣ экономического интереса и наше вниманіе будет удѣлено этим планам в сугубой мѣрѣ.

В. Назимов.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ПРИБАЛТИКИ.

ЛИТВА.

Лѣсное хозяйство.

Лѣсная площадь Литвы составляет 800.000 гектаров и является собственностью государства. Вывоз лѣса составляет главную статью во внѣшней торговлѣ Литвы и равняется 30% общей суммы экспорта. Но в настоящее время вывоз лѣса искусственно ограничивается высокими вывозными пошлинами на необработанный лѣс. Этой мѣрой имѣется в виду усилить обработку лѣсных матеріалов внутри страны и также доставить мѣстным лѣсопильным заводам дешевое сырье. Однако мѣстные заводы не в состояніи обработать болѣе 25% всего ежегодно вырубяемаго лѣса. Таким образом экспорт необработаннаго лѣса был единственным выходом для правильной поставки лѣсных разработок в Литвѣ. В соответствии с этим и был измѣнен вывозной тариф на лѣсные матеріалы.

До 1-го января 1923 года вывозная пошлина на лѣсные матеріалы составляла 40—50% стоимости товара на заграничном рынкѣ. 5-го ноября 1923 года пошлина была понижена 45—50% для сырого лѣса и на 35% для обработаннаго лѣса.

Вывоз лѣса в первую половину 1923 года был значительно ниже, чѣм в тот же період 1922 года. Экспорт необработаннаго лѣса понижался по сравненію с 1922 годом на 79,6%, а обработаннаго на 37,5%.

Сравнить количественный вывоз лѣса за первую половину 1923 и 1922 года можно по слѣдующей таблицѣ:

	Вывезено в первую половину 1922 г. Кб. метров	Вывезено в первую половину 1923 г. Кб. метров
Необработанный лѣс	172.000	35.000
Обработанный лѣс	189.000	118.000

Паденіе лѣсного экспорта в 1923 году объясняется тѣм обстоятельством, что в 1922 году лѣс на пню был куплен по очень высокой цѣнѣ, так что разработка его в 1923 году оказалась невыгодной.

В 1923 году с торгов были проданы для разработки лѣсныя дачи всего на сумму в 3.000.000 литов. В этом числѣ для экспорта продано лѣсу на 2.000.000 литов и для внутренняго потребленія на 1.000.000 литов. Т. к. правительству желательно выручить от продажи лѣса в 1923 году 9.000.000 литов, то им назначены к продажѣ еще 5 участков лѣса — 4 по 500 гектаров и 1 в 300 гектаров. Иностранныя фирмы в торгах участія не принимали.

Спичечное производство.

До 1923 года в Литвѣ работали три спичечныя фабрики. Двѣ из них существовали на территоріи Литвы еще в мирное время и снабжали своим товаром довольно обширный район — Ковенскую, Виленскую, Сувалкскую и Гродненскую губерніи.

В настоящее время рынок сбыта ограничен территоріей Литвы. Между тѣм спичечное производство в Литвѣ усилилось открытіем еще одной фабрики. Однако существующій рынок не может поглотить всего производства спичечных фабрик, и послѣднія вынуждены сократить число рабочих дней до 4 в недѣлю.

Лѣтом 1923 года в Литвѣ открылась еще одна спичечная фабрика. Таким образом в настоящее время в этой отрасли работает четыре предпріятія. Вызванная усиленным предложеніем спичек конкуренція заставила 3 старых спичечных фабрики объединиться и координировать производство. Новь открытая фабрика не примкнула к соглашенію, однако и не конкурирует с ним.

Кромѣ этих спичечных фабрик в Литвѣ существует еще одно предпріятіе, вырабатывающее спичечную соломку. Все свое производство фабрика вывозит в Англію. Экспорта готовых спичек из Литвы не наблюдалось. В виду наличія четырех фабрик, ввоз заграничных спичек воспрещен.

Старый экономист.

ЛАТВІЯ.

Частные банки.

В настоящее время в Латвіи имѣется 38 частных банков, из них 16 коммерческих и 22 общества взаимнаго кредита. Послѣднія представляют до-

вольно могучій аппарат и владѣют резервным капиталом в 56.300.000 латв. рублей, а также спеціальным резервным капиталом в 2.400.000 латв. рублей. Коммерческіе банки располагают резервным капиталом в 9.172.000 латв. рублей. Самым большим резервным капиталом владѣют рижскій городской учетный банк, латвійскій торгово-промышленный банк и рижскій биржевой банк.

Внѣшніе долги.

Общая сумма внѣшняго государственнаго долга Латвіи равняется 35 милліонам латов, которая распределяется между государствами и организаціями помощи слѣдующим образом:

Сѣв. Америк. Соедин. Штатам	2,5 мил. долларов
А. Р. А.	2,6 „ „
Норвегія	6,7 „ нор. крон
Англій (правит. и банкам) .	0,187 м. ф. стер.

В послѣднее время сумма долгов не подвергалась измѣненіям.

Вывоз хлѣба.

За первая двѣ трети 1923 года из Латвіи вывезено 953.164 пуда зерновых хлѣбов. На первом мѣстѣ стоит овес, котораго вывезено 732.929 пудов. Затѣм слѣдует ячень — 220.235 пудов. Муки всего вывезено 41.363 пуда. Кромѣ того вывезено 115.556 пудов гороха и 241.639 пудов кормовых трав.

Экспорт масла.

Латвія ведет очень интенсивную внѣшнюю торговлю коровьим маслом и вывозит до 500 тысяч килограммов масла в мѣсяц. Главным потребителем латвійскаго масла является Англія, которая поглощает болѣе 90% всего экспорта. Остальные 10% распределяются между Даніей (свыше 5%), Швеціей (болѣе 3%), Германіей (0,5%) и Чехословакіей (0,2%).

Почти 85% вывозимаго масла 1-го сорта. Главным экспортом является латвійское центральное молочное общество, которое вывозит 65% всего экспортируемаго из Латвіи масла.

Правительственная поддержка.

Латвійское правительство оказывает очень значительную денежную поддержку дѣятельности, направленной к отстройкѣ Латвіи и к возрожденію ея промышленности. К декабрю мѣсяцу общая сумма выданных ссуд из средства государственнаго казначейства составила 23 милліона латов. Сумма

эта по категориям распределялась следующим образом:

Суды на новья постройки . . .	5	мл. лат.
„ самоуправлений	4,3	„ „
„ на возрожд. сельск. хоз. . .	2,1	„ „
„ „ „ промышленности . . .	5,5	„ „
„ „ разныя цѣли	2,5	„ „

Суды обеспечены недвижимым имуществом или другими залогами постоянной и прочной цѣнности.

Рига, 29 ноября 1923 года.

Д-р. Икс.

★

ПОЛЬША.

Лѣсное хозяйство.

Общая лѣсная площадь Польши равняется 10 миллионoв гектаров. Полагая средній полезный возраст деревьев в 75 лѣт, ежегодный прирост лѣса в 30 миллионoв куб. метров.

В Польшѣ имѣется 1.300 лѣсопильных заводов. Однако они не в состояннн обработать болѣе 25% ежегоднаго прироста.

В 1922 году было вывезено из Польши 6 миллионoв куб. метров лѣса. Внутреннее потребление поглотило 8 миллионoв куб. метров.

В 1923 году польское правительство приняло мѣры к усилению лѣснаго экспорта. В июнѣ мѣсяцѣ был измѣнен желѣзнодорожный тариф в том смыслѣ, что лѣс перевозится по 4-му классу, а не по третьему, как прежде. Кроме того с фрахтов на обработанный лѣс представляется скидка 25% при вывозѣ лѣса за границу, т. е. при условнн погрузки до гавани (Данцига) или до пограничных пунктов.

До послѣдняго времени Польша экспортировала свой лѣс главным образом, через Данцигскую гавань. Непосредственно в Польшѣ закупали только Германія и Чехословакія. Теперь при участнн англійских и французских финансов организован в Варшавѣ польскій лѣсной банк с основным капиталом в 10 миллиардов польских марок. Банк организован с цѣлью финансировать экспорт лѣсных и сельских продуктов из Польши.

Торговля с Россіей.

В Данцигѣ образовалось акціонерное общество польских финансистов для торговли с Совѣтской

Россіей, основной капитал — один миллион золотых рублей. Основателями общества являются извѣстный сахарозаводчик Пржевальскій и предсѣдатель правленія Международнаго банка, Бадіор.

Данциг, декабрь 1923 г.

А. Месхіев.

★

ЭСТОНІЯ.

Бумажная промышленность.

По производству бумаги среди прибалтійских стран Эстонія занимает слѣдующее послѣ Финлянднн мѣсто. Еще до войны в ней работало нѣсколько фабрик, изготовлявших бумагу. С 1922 года в Эстоннн насчитывается 9 бумажных фабрик. Из этого числа 5 больших и хорошо оборудованных технически предприятий. По характеру своего производства фабрики эти дѣлятся на:

изготавливающих бумагу	3	предпр.
„ „ и бумажную массу 1	„	„
„ только бумажную массу 4	„	„
„ целлюлозу и бумагу . 1	„	„

Производство целлюлозы за год составляет 688.775 пудов. Бумажной массы вырабатывается в год 900.730 пудов. Все производство целлюлозы и бумажной массы поглощается мѣстными фабриками в качествѣ сырья.

Остального сырья эстонская бумажная промышленность поглощает в год:

Ели	9.700	пудов
Обрѣзков бумаги	19.011	„
Тряпок	35.212	„

В 1922 году фабриками было выработано 395.000 пудов бумажной массы, 83.000 пудов деревяннаго картона, 444.000 пудов целлюлозы, 1.560.000 пудов бумаги и 15.000 пудов курительной бумаги. По сравненнн с прошлыми годами производство сильно повысилось.

Спичечное производство.

Развитіе спичечнаго производства в Эстоннн шло очень усиленным темпом. С 1921 по 1922 год оно

поднялось болѣе, чѣм на 60%, что можно видѣть из слѣдующих цифр:

В 1921 году изготовлено 38.543.050 кор. спичек
 „ 1922 „ „ „ 61.833.500 „ „

В 1922 году в Эстоніи работали 4 спичечных фабрики, которая за год использовали сырых матеріалов:

Дерева . . . . . 400 ф. метров
 Хим. матеріалов . . . 8.500 пудов

Кромѣ спичек фабрики в большом количествѣ вырабатывают еще и спичечную соломку, которая усиленно экспортируется, главным образом в Англию.

В 1922 г. вывоз спичек представлялся в слѣдующем видѣ:

Вывезено спичек . . . . . 12.288 пудов
 „ спичеч. соломки . . . 4.040 „

В 1923 году (первая половина) спичечной соломки было вывезено 14.038 пудов.

Эстонскій лѣс.

Одна пятая часть всей территории Эстоніи покрыта лѣсом. Площадь послѣдняго составляет 841.678 гектаров, почти 90% этой площади, а именно 724.213 гектаров являются собственностью государства, 108.142 гек. принадлежат частным лицам и 9.323 гек. составляют городскую собственность.

Почти $\frac{2}{3}$ лѣсной площади красный (хвойный) лѣс. Вообще по сортам дерева распредѣляются слѣдующим образом:

Ель 42%
 Сосна 21%
 Береза 19%
 Осина 10%
 Ольха 7%
 Остальныя породы 1%

Лѣс поставляет сырье цѣлому ряду промышленных отраслей в Эстоніи. Кромѣ лѣсопильных, здѣсь имѣются еще мебельныя, столярныя, фанерныя, спичечныя и бумажныя фабрики. Хвойный лѣс идет преимущественно для строительных матеріалов (балки, доски и тес) и для выдѣлки целлюлозы. Из пней и вѣтвей гонят смолу и скипидар.

В первую половину 1923 года экспорт лѣсных матеріалов из Эстоніи достиг очень крупных цифр.

Он значительно превысил экспорт за тот же период 1922 года. Особенно сильно повысился вывоз строительнаго лѣса (балки и тес), затѣм слѣдуют бревна. Вывоз досок повысился сравнительно незначительно. Вывоз фанеры и спичечной соломки также во много раз превысил вывоз в первую половину 1922 года.

Вот сравнительная таблица вывоза:

	Вывезено пудов		Сравнительно %
	В первую половину 1923 г.	В первую половину 1922	
Балок и теса	146.294	6.064	2433
Досок	1.994.294	1.705.458	111,11
Бревен	825.472	399.406	210,00
Фанеры	245.380	150.459	163,33
Спичечной соломки	14.038	2.020	700

Ежегодно вырубается в Эстоніи в среднем менѣе $\frac{1}{70}$ части всей лѣсной площади.

В 1920 году было вырублено лѣса 10.706 гктр.
 „ 1921 „ „ „ „ 9.483 „
 „ 1922 „ „ „ „ „ 13.682 „

Tallinn (Eesti), декабрь 1923.

Ф. Р.

Ф И Н Л Я Н Д И Я .

Внѣшняя торговля.

В первую половину 1923 года из Финляндіи вывезено всего разных товаров на сумму 1.999,3 миллиона финских марок.

На первом мѣстѣ стоит экспорт дерева, превышающій 50% общаго вывоза. Из предметов фабричнаго производства главное мѣсто занимает писчая бумага — 37%.

Вот таблица вывоза главных групп продуктов с января по июль 1923 года:

	Милліоны Фин. мар.
Лѣс и лѣсные матеріалы	1081.2
Бумага (писчая)	742.7
Животные продукты (мясо и мясные продукты)	175.4

Торговля с Польшей.

С Польшей Финляндія ведет почти исключительно ввозную торговлю. Весь экспорт Финляндии в Польшу за первую треть 1923 года равнялся 1.005.639 финским маркам в то время, как ввоз из Польши составлял сумму в 18.260.061 фин. мар. Главную статью ввоза составляют колониальные товары и пряности, что видно из слѣдующей таблицы:

Helsinki, Suomi.

Ввоз из Польши в Финляндію за первую треть 1923 года.

	тысячи Фин. мар.
Колониальные товары и пряности	15.515.99
Текстильные товары	693.08
Зерно, мука и крупа	531.5
Масла, жиры и воск	105.9

Д. З-ин.

Saldainių fabrikas

„RŪTA“

Šiauliuose

Tilžės g-vė N 21

Telef. N 140 / Teleg. adr.: „Šiauliai „Rūta“

Gamina geriausius visų rūšių

SALDAINIUS

FABRIKAS APDOVANOTAS:

1922 m. Lietuvos Žemės Ūkio Parod.

1923 m. „ ir Panevėžy ” ” ”

AUKSO MEDALIAIS

Turi 8 pagyrimo lap. I rūšies

Urmo sandėliai:

Kaunas, Laisvės Aleija, 61 N

Panevėžys, Respublikos g-vė, 31 N

VON HEYDEN

DRESDEN-RADEBEUL

ХИМИЧЕСКАЯ ФАБРИКА

настоящим доводит до свѣдѣнія общества,
что ея генеральным представителем в Литвѣ

АКЦ. О-ВОМ

»PROGRESS«

КОВНО, МАЙРОНИО, 4

за коллекцію образцов

ЦУКЕРИНА (САХАРИНА)

на Вселитовской С.-Х. Выставкѣ 1923 г. получена

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ.

Одновременно с этим доводится до свѣдѣнія уважаемых
потребителей, что выпущен в продажу новый сорт *цукерина*

CRYSTALLOSETTEN VON HEYDEN

(в таблѣтках)

*не дающій мутнаго осадка при растворѣ,
абсолютно безвредный,*

*не содержащ. извести, соды, алколоида,
равномѣрно дозирующій сладость,
незамѣнимый для всѣх сахар. жидкостей.*

„Crystallosetten“ von Heyden продается в
оригинальных упаковк. по 500 табл.
в коробкѣ.

Оптовый склад продаж:

АКЦ. О-ВО „PROGRESS“, Kaunas
Maironio, 4, Telef. № 150

Jau metas užsisakyti 1924 metams

didžiausias ir pigiausias Lietuvoje
visuomenės ir politikos dienraštis

„LIETUVA“

„LIETUVA“ nepartinis 6—8 puslapių dienraštis, skiriamas Lietuvos nepriklausomybės gynimo, jos stiprinimo ir visuomenės kultūrinio brendimo reikalams.

„LIETUVA“ seka ir nagrinėja Lietuvos vidaus ir užsienio, taip pat ir kitų valstybių politiką.

„LIETUVA“ duoda rimtų straipsnių iš visų gyvenimo sričių.

„LIETUVA“ deda daugiausia žinių iš Lietuvos, iš visų lietuvių išeivių kolonijų ir iš užsienių gyvenimo, ir telegramų iš viso pasaulio.

Tik „LIETUVOJE“ dedama valdžios įsakymai, pranešimai, kuriuos būtinai privalo žinoti valdžios ir privatinės įstaigos ir visi piliečiai. Taip pat spausdina visų draugijų ir organizacijų trumpus pranešimus.

„LIETUVA“ spausdina apysakų, fejetonų, eilėraščių, ir t. t., skiria savo skiltyse vietos muzikos ir teatro reikalams.

„LIETUVOS“ prenumerata: Lietuvoj metams kainuoja 36 litai, pusei metų — 18 litų, 3 mėn. — 9 litai, 1 mėn. — 3 litai. Atskiro n-rio kaina 20 centų. Užsieny metams 72 litai, pusei m. — 36 lt., 3 mėn. — 18 litų.

Atskirų pardavinėtojų domei. „LIETUVA“ galima užsisakyti didesnį egzempliorių skaičių ir pardavinėti: atskirais n-riais, pasilikant uždarbiui, susitarus, nuošimį. Atskirų n-rių pardavinėtojai atsiskaito su Administracija kas du mėnesiai.

„LIETUVA“ labiausiai išsiplatinęs dienraštis Lietuvoje ir užsieniuose; turi daugiausia įvairiausių skelbimų.

Laikraščiu užsakymus ir skelbimus drauge su pinigais siųskite šiuo adresu:

**KAUNAS, KANTO G-VĖ NR. 14,
„LIETUVOS“ ADMINISTRACIJAI**

Prašome gerbiamuosius prenumeratorius, agentus, iš anksto pannaujinti užsakymus 1924 metams, kad neapsunkinus Administr. ir kad tuoj po Naujųjų Metų be pertraukos gavus dienraštį.

AKCINĖ BENDROVĖ

»NEMUNAS«

KAUNAS, VYTAUTO PR. 26 NR.

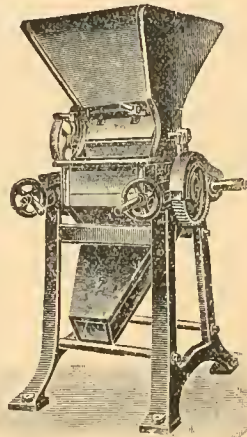
Tel. 321 Nr.

MAŠINŲ FABRIKAS ir ŠPIŽO LIEJYKLA

MAŠINŲ fabrikas
dirba:

Žemės ūkio mašinas.
Gontams dirbti
mašinas.

Malūnų įtaisymus.
Vilnoms karšti mašinas.
Transmisijas.
Krosnims durelės.
Visokius liejimus ir t. t.

TECHN. BIŪRAS
įrengia:

Malūnus.
Krakmolo fabrikus.
Spirito varyklas.
Lentpiuvės.
Plytničias.
Turbinus.
Gazomotorus
Lokomobilius.
Artezijos šulinio
kasimas ir t. t.

Didelis sandėlis žemės ūkio mašinų ir įrankių

Du aukso medaliu ir du pagirimo lapu

SKYRIAI: ŠIAULIAI, KEDAINIAI, PANEVĖŽYS

Ц Ъ Н Ы У М Ъ Р Е Н Н Ы Я

ОПТОВЫЙ СКЛАД
ВСЕВОЗМОЖНЫХ
КОЛОНИАЛЬНЫХ
и ФРУКТОВЫХ
ТОВАРОВ

Z. Riskinas • Kaunas, Vilniaus G-vė, N 25

На складъ
всегда:

САХАР, ИЗЮМ,
МИНДАЛЬ, СЛИВЫ, КОФЕ

и др. колониальные товары

АПЕЛЬСИНЫ, ЛИМОНЫ
ВИНОГРАД

и различн. свѣжіе фрукты

EN GROS

Ц Ъ Н Ы У М Ъ Р Е Н Н Ы Я

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ БАНК

для поощрения еврейской кооперации в Литвѣ

צענטראל באנק

צו אונטערשטיצן
די יידישע קאאפעראציע אין ליטע

ZENTRALBANK

zur Förderung des
jüdischen Genossenschaftswesens in Litauen

Telegramm-Adresse:
„CENTROBANKAS“

KOWNO
LAISVĖS ALEJA NR. 48

Telephon:
NUMMER 282, 384

Корреспонденты в 82 мѣстечках Литвы

*Прямая связь со всеми странами включая **Россию.***

Отдѣленіе в Кибартах.

Salomon Warschawski

Kowno, Wilnaerstr. 19

E
X
P
O
R
T

NADEL- UND LAUBHÖLZER
GRUBENHOLZ, PAPIERHOLZ
Baumaterial und Sägewaren
aller Art.

Export of Soft and Hard Woods, Mining,
Timber, Pulpwood.

E
X
P
O
R
T

H. MIŠELSKIO IR S. BURGINO

BANKINĖ KONTORA.

Производит
всѣ банковскія операціи добросовѣстно
и аккуратно

KAUNAS,
LAISVĖS ALĖJA 82 NR.
TEL. 157 IR 402

Telegr. adr.:

MIBURG

ŠIAULIAI,

KURŠĖNŲ G-VĖ 1-A NR.

TEL. 154 IR 155

КОВЕНСКІЙ ЛОТО-КЛУБ.

Уютно! Весело! Непринужденно!

Часы игры: 8—12 ч. веч.

При клубъ-буфет:

Холодныя и горячія кушанья.

Запись в члены клуба производится ежедневно в часы игры.

Kaunas, Ugnėgesių g-vė, 13.

United Baltic Corporation

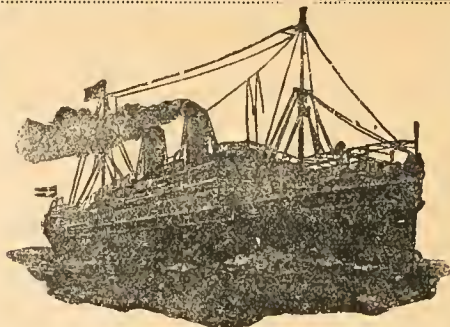
LIMITED

158, Fenchurch str. LONDON E. C. 3.

Ковенское Отделение

7a Gedimino gvė 7a

Телефон № 175.

Генеральные представители для Литвы всемирно известной Африканской Линии

UNION CASTLE LINE

Удобная и скорая поездка в
ЮЖНУЮ АФРИКУ
из Либавы на пароходах

ANGLO BALTIC LINE,

которые отходят из Либавы каждую неделю по пятницам и согласуются со всемирно известными пароходами Union Castle Line, отходящими прямо безпересадочно в Южную Африку каждую неделю.

Справки и сведения выдаются бесплатно в отделениях

КОВНО, Gedimino gve 7a. — ЛИБАВА, Kurmajas iela 2. — РИГА, Kalku iela 10.
(Бывш. Laisves al. 20)

United Baltic Corporation, Ltd.

Единственное прямое безпересадочное сообщение из Литвы в

АМЕРИКУ И КАНАДУ

на быстроходных почтово-пассажирских двухвинтовых пароходах

BALTIC AMERICA LINE

„Latvia“, „Polonia“, „Lituania“ и „Estonia“.
Удобная поездка до порта.

Специальные каюты также и для пассажиров 3-го класса.

Для еврейских пассажиров кошерная кухня. По вечерам на пароходах демонстрируются для пассажиров кинематографические картины.

ЕКОНОМИНЕ КАРИУ ВЕНДРОВЕ

Военно-Экономическое Общество с отделениями, обслуживающими
:: уважаемых членов Общества и полковья лавки. ::

Обувная мастерская Daukanto g-vė N 8 Заказы. Починки	Мясная лавна Laisvės Alėja N 23 Продажа членам О-ва	Парикмахерская Ковно, Laisvės Al. N 19 Шанцы, Juozap. pr. N 59 Доступныя цѣны	Швальная мастерская Laisvės Alėja N 34 Аккуратное исполнение по доступным цѣнам

Центральный Военный Магазин

Laisvės Alėja N 29

Мануфактура, галантерея, косметика, кожа, письмен. принадлеж.
различные продукты.

Шанцевское отделение магазина и парикмахерской Juozapaviciaus pr. 59	Фотография Laisvės Alėja N 43 Аккуратное исполнение по доступным цѣнам	Часовая мастерская и оптик Laisvės Alėja N 29	Аптека Краснаго Креста, Соборн. площадь Лекарства отпускаются г. членам О-ва по пониженным цѣнам

A. ŠPILLER

LAISVĖS ALĖJA, 46

Большой выбор учебных пособій для всех музык.
инструментов и пѣнія

НОВИНКА:
CH. BERIOT. Школа для сярпкы. На Литов-
ском яз.

Классныя в лучших наданіях. Тѣ же изданія в
роскошных переплетах для подарков.

Салонная музыка. Интернаціональныя новинки:
Fox-trott, Jimmy, One-step, Boston
в большом выборѣ.

К открытію сезона Государственной Оперы на складѣ
имѣются Клавиры (с текстом для пѣнія и для
фортепиано) всех опер, ндущих на госуд. сценѣ.

Популярные романсы. Огромный выбор.
Каталог высылается по первому требованію.

Сумки для нот.

Музыкальные инструменты: струнные и духовые.
К сезону — бубны для балета.

Граммофонныя пластинки и иголни.

МЕТРОНОМЫ

Бюсты, барельефы и статуэтки
композиторов-классиков

НОВОСТЬ!.. „Les derniers accords
de Chopin.“ НОВОСТЬ!..
Собств. издавіе. („Последніе
аккорды Шопена.“) Для
рояля.

Свыше 50 разных модных журналов дамских и мужских. Продажа en gros и в розницу.

Скорая и аккуратная доставка в провинцію.

Comptoir Mondial, Paris

Agence à Kovno

9, rue Maironio

Всегда в большом выборѣ:

Всевозможныя

Французскія вина, Коньяки,
Шампанское, Ликеры

наилучших французских фирм.

Всегда на складѣ парфюмерія

PARFUMS „ARYS“ PARIS

Продажа только en gros.

Цѣны весьма умеренныя.

Первоклассная кондитерская
М. КОЛОМИНСКАГО
и **М. КОЗЛОВСКАГО**
KAUNAS, Лайсвес-Аллея, № 31.

ЛУЧШЕЕ КАФЕ.

Печенія, всевозможные торты, пирожные всѣх сортов, кекс, шоколадныя издѣлія, бисквит, лучшія лакомства, изготовленныя на чистом сахарѣ. карамель и шоколадные конфеты, различныя кондитерскія издѣлія собственнаго изготовленія.

Принимаются срочные заказы
::: на торты и печенія. :::

Лучшее качество.
Доступныя цѣны.
Добросовѣстное исполненіе.

С. ВИДЕНСКИЙ и Ко.

KAUNAS, OŽEŠKIENĖS g. N 1
Телефон 453.

РАЗСРОЧКА ПЛАТЕЖА

Спеціальная продажа мужского и дамского готового платья для служащих и рабочих правительственных учреждений, фабрик и заводов.

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА

М. БРАУНА

Kaunas, Laisvės Alėja 49

Телефон: № № 339, 778

ПРОИЗВОДИТ
всѣ банковскія операціи.
ПОКУПАЕТ и ПРОДАЕТ
инострannую валюту.
КОРРЕСПОНДЕНТЫ
во всѣх центрах міра.
ПЕРЕВОДЫ
во всѣ страны свѣта.

Apdovanota aukso medaliu Kauno parodoje 1922 m.

DIDŽIAUSIAS LIETUVOJE ALIEJAUS FABRIKAS

Akcinės Bendrovės

„RINGUVA“

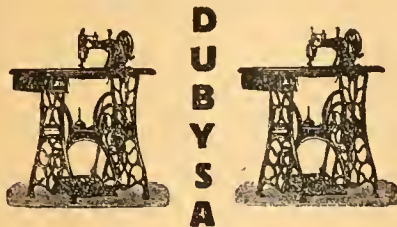
KAUNE ŽEMUT. ŠANČIAI
(prie buv. Šančių Elektros stoties)

::: Telef.: Šančių centr. Nr. 15 :::
Telegr. adr.: Kaunas, Šančiai „RINGUVA“

Gamina ir parduoda geriausios rūšies
VALGOMĄJĮ IR TECHNIKINĮ ALIEJŲ
POKOSTĄ, DAŽUS, IŠSPAUDAS
ŽALIAJĮ MUILĄ ir
TERPAŲ RATAMS

Nuolatos perka linų sėmenis

Specialius Skyrius
Akc. Bendrovės „DUBYSĄ“
Kaunas, Laisvės Alėja Nr. 61

**D
U
B
Y
S
A**

Siuvamos mašinos:
„Original“, „Viktorija“
fabrikos „Mundlos“

Dvyračiai:

Prancuzu, Vokiečių ir
Anglų fabriku.

Visos dalyd dvyračioms
taisiti.

Prancuziškos rašamos
mašinos M. A. P.

geriausios pasaulje,
daug patogumų.

Skaitliavimo mašinos,
(arifmometrai)
„Brunsvyda“

Speciales dirbtuves: rašomosioms mašinoms,
Skivamosioms mašinoms ir dvyračiams taisiti.

КОНДИТЕРСКАЯ КОНРАДА

Laisvės Aleija Nr. 25

Основана в 1852 г.

Телеф. № 107

Различные пирожные. Заказы исполняются быстро и аккуратно.

Торты, кекс, пирожные и шоколадные конфеты собственного издѣлія.

Первая в Литвѣ фабрика
производства бумаги и картона

„BEKARA“

KAUNAS
KEISTUČIO G-VĖ, N 2

картонажный отдѣл выработывает
в большом выборѣ:

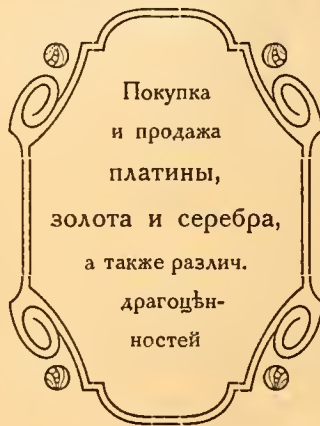
Коробки для папирос всевозможного формата и сорта, различные бонбоньерки и изящныя коробки для шоколада, конфект, карамели и парфюмерии. Упаковочныя издѣлія для аптекарских товаров, коробки для ботинок.

Писчебумажный отдѣл изготовляет:
Тетради, блокноты, талонныя книжки, регистраторы, портфели и т. д.

При фабрицѣ собственная литографія

Levi Günstling & Co.

ФАБРИКА ЧАСОВ

Kaunas, Laisvės Al. № 57

Первоклассный ресторан
А. ЧИПУРНО

*Обеды а ля-карт.
Ужины, завтраки. Всевозможныя закуски.
Изысканный буфет. Дежурныя блюда.*

Струнный
квнтет салонной
музыки.

Напитки
лучшаго качества.
Аккуратное обслужи-
ваніе г. г. посѣтителѣй.

Единственный представитель
для Литвы

швейных машин
„PFAFF“

Велосипеды. Музыкальные
инструмент. Разные прина-
длежности к ним

Š. VOŠČINAS, Kaunas,
Laisvės Alėja, 45

СЕГОДНЯ
НЕЗАВИСИМАЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ
ГАЗЕТА

ЦѢНА ОТДѢЛНАГО НОМЕРА 5 РУБЛЕЙ
ПОДПИСНАЯ ПЛАТА ЗА МѢСЯЦ
В ЛАТВИИ 125 РУБЛЕЙ
ЗАГРАНИЦЕЙ 135 РУБЛЕЙ

РЕДАКЦІЯ,
ГЛАВНАЯ КОНТОРА И ЭКСПЕДИЦІЯ
РИГА, ГЕРДЕРОВА ПЛОЩАДЬ 1

Фотографія

Первая
в Литвѣ „Modern“
Kaunas, Laisvės Alėja, 45

Выполняет всевозможныя фото-
графическія работы по
послѣдней техникѣ.

Szanowne Panie i Panowie!
U w a g a!

Kto chce mieć ładne, tanie i dobrego wyrobu
obuwie, niech obstaluje albo kupi
je w składzie obuwia firmy

P. M. ŠILAJKIS Kowno,
ul. Mickiewicza Nr. 20

Уважаемые покупатели!

Внимание!

Кто желаетъ имѣть обувь хорошаго качества
и отличной работы, пусть заказываетъ ее
или купить въ обувномъ магазинѣ фирмы

P. M. ŠILAJKIS Kaunas,
Mickevičiaus g - ve, 20

Dažimas ir chemiškas
VALIMAS,

ir

modernų konfekcionas

ABRAMO CENTERO

Kaunas, Laisvės Aleja, N 50.

LIETUVOS
KOMERCIJOS BANKAS

—
K A U N E
Laisvės Alėja 56 Tel. 330/189
—

Daro visas bankines operacijas. Korespondentai visose pasaulio šalyse.

Skyriai: Kybartuose Tel. 15.
„ „ Šiauliuose, Tel. 163.

ЛИТОВСКИЙ
КОММЕРЧЕСКИЙ БАНК

—
К О В Н О
Аллея Свободы, 56. Тел. 330.189.
—

Производит все банковские операции. Корреспонденты во всех странах мира.

Отделения: в Кибартах. Тел. 15.
„ „ Шавляк Тел. 163.

ЕЖЕДНЕВНАЯ
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА
„НАРОДНАЯ МЫСЛЬ“

РИГА (Latvija)
Почтовый ящ. № 347.

СОБСТВЕННЫЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ
ВО ВСЕХ ЦЕНТРАХ ЕВРОПЫ

Выходит по понедельникам

ЕЖЕДНЕВНАЯ
ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА
„ПОСЛѢДНІЯ ИЗВѢСТІЯ“

РЕВЕЛЬ (Eesti)
РЕДАКТОР Р. ЛЯХНИЦКІЙ
Tallin, Ратушная, 17.

В ЧИСЛѢ СОТРУДНИКОВ ПРОФЕССОРА
ДЕРПТСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

Выходит по понедельникам

LIETUVOS
ŽINIŲS

Vienintelis Lietuvoje laisvos ir progresyvos
minties dienraštis

» LIETUVOS ŽINIŲS «
gina Lietuvos liaudies reikalus, tvirtai stovi už
žemės reformą ir stovi sąrytėje obalsio: Laisva,
nepriklausoma, demokratiška Lietuva, su
Vilnium, Klaipėda ir Amerika.

» LIETUVOS ŽINIŲS «
suteikia kas dieną naujausių žinių ir nesibijo tarti
teisybės žodį.

» LIETUVOS ŽINIŲS «
Vienintelis Lietuvoje dienraštis, kuris gina Amerikos
Lietuvių reikalus ir paduoda naujausių žinių iš
gyvenimo mūsų išeivių Amerikoje.

» LIETUVOS ŽINIŲS «
laikas nuo laiko yra papuošiamas karikatūromis
ir pašiniais.

KAINA: Lietuvoje mėnesiui 5 lit., užsienyje 7 lit.

„LIETUVOS ŽINIŲ“ Administracija

K A U N A S, Laisvės Al. 60. /// Tel. 223.

Politikos, ekonomijos
ir kultūros dienraštis
„RYTAS“

Naktinės Telegramos, rimti užsienio korespon-
dentai, rinkos kainos, pinigų kursai, ūkio žinios,
felj tonai.

Pristatome moestuose
patys savos kaitytojam.

Kas suranda 10 metinių prenumeratorių gauna
„RYTA“ dovanai.

Didelis šešių puslapių kvieslys su aukso
mintimis siunčiamas kiekvienam parei-
kalavūs.

Reikalaukite visur mūsų perlaidų.

ADRESAS:

KAUNAS, OŽEŠKIENĖS G-VĖŽNR.

Kaina: Kaune: a/ su pristatymu į namus mėn.
— 6 lt., met. — 62 lt.; b/ siunčiant paštu mėn.
— 5 lt., met. — 50 lt.

Kltur: su pristatymu į namus per agentus mies-
tuose ir miesteliuose mėn. — 7 lt., met.
— 74 lt.; b/ siunčiant paštu mėn. — 5 lt.,
met — 50 lt.

Užsieniuose mėn. 10 lt., met. — 100 lt.

ВОЕННО-НАУЧНЫЙ И ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
MŪSU ŽINYNAS

4. год издания

В журнале сотрудничают: полк.-лейт. БЕТХЕР, полк.-лейт. запаса, доцент В. БИРЖИШКА, полк. инженер А. БОБИНСКАС, ген. штаба полк. К. БОЛЕЦКИС, майор БРАЗЮЛЯВИЧИУС, полк. БРОФЕЛЬДТ, ген. штаба полк.-лейт. ЧЕРНИВЕЦКИЙ, морского ген. штаба полк. Ф. ДАУКАНТАС, воен. чин. запаса К. ДИНЕЙКА, капитан ГАБРИС, художник П. ГАЛАУНЕ, воен. чин. ГРИГАЙТИС, полк. ГРИГАЛЮНАС-ГЛЮВАЦКИС, воен. интендант ГРУДЗИНСКАС, капитан ГИНЕНТАЛИС, профессор ЯНУЛАЙТИС, А. Б. КЛАЙПЕДИШКИС, ген. штаба, ген.-лейт. запаса КЛЕЩИНСКАС, полк.-лейт. КРАУЦЯВИЧИУС, ген.-лейт. КУБИЛИУС, ген. штаба полк. ЛАДИГА, майор ЛАУРИНАЙТИС, ген. штаба генерал РАДУС-ЗЕНКАВИЧИУС, полк. доктор РАДЗВИЦКАС, полк.-лейт. инженер РЕЙНГАРДАС, доцент А. РИМКА, майор П. РУСЯЦКАС, майор А. РУЖАНЦОВ, майор В. СТЕПОНАЙТИС, полк.-лейт. ШИЛИНГАС, профессор И. ШИМКУС, полк.-лейт. ШКИРПА, полк. ШНЮКШТА, лейт. ШУЛЬЦАС, капитан ТАЛЛАТКЕЛПША, майор ТАРАСЕНКА, каноник доцент ТУМАС, доцент ВАБАЛАС-ГУДАЙТИС, полк. ВЕЛИКИС, полк. ЖУКАС и др.

В журнале широко поставлен отдел критики и библиографии.

„MŪSU ŽINYNAS“

редактирует майор В. СТЕПОНАЙТИС, издает Военно-Научный отдел Генерального Штаба, журнал вместе с тем является органом Воен-Научного Общества.

ЦЕНА: в Литве, Латвии и Эстонии на год 30 литов, воюгода 15 литов. В прочих странах вдвое. РЕДАКЦИИ И КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА ПРОСЯТ ПРИСЫЛАТЬ ЖУРНАЛЫ НА ОБМЕН И КНИГИ ДЛЯ ОТЗЫВА.

АДРЕС: KAUNAS, ЛИТВА. „MŪSU ŽINYNO“ REDAKIJA.

ТИПОГРАФИЯ
МАКС МАТТИССОН

РУССКИЙ ОТДѢЛ

КНИГИ, ЖУРНАЛЫ, ГАЗЕТЫ, БРОШЮРЫ, ПРОСПЕКТЫ, КАТАЛОГИ, ИЛЛУСТРИРОВАННЫЯ ИЗДАНИЯ, БЛАНКИ и пр. ТИПОГРАФСКИЯ РАБ. ХУДОЖЕСТВЕН. МНОГОЦВѢТНЫЯ ИЗДАНИЯ.

МАШИННЫЙ И РУЧНОЙ НАБОР
ИЗГОТОВЛЕНИЕ МАТРИЦ И КЛИШЕ
ПЕРЕПЛЕТНАЯ

ПЕЧАТАНИЕ НА РУССКОМ, УКРАИНСКОМ, СЕРБСКОМ, БОЛГАРСКОМ, ЛИТОВСКОМ, ЛАТВИНСКОМ, ЭСТОНСКОМ И ФИНСКОМ ЯЗЫКАХ

ПРИЕМ ЗАКАЗОВ ИЗ-ЗАГРАНИЦЫ

ПО ПЕРВОМУ ТРЕБОВАНИЮ ВЫСЛАЮТСЯ
ПОДРОБНЫЯ СМѢТЫ

ПЕРЕПИСКА НА РУССКОМ ЯЗЫКѢ

РУССКИМ ОТДѢЛОМ ЗАВѢДУЕТ П. В. ВАСИЛЬЕВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ЕЖЕГОДНАГО СПРАВОЧНИКА „KINO - ADRESSBUCH“
И ЕЖЕМѢСЯЧНАГО ЖУРНАЛА „NEUE ADRESSE
DER FILM- UND KINO-INDUSTRIE“

BERLIN SW 68, RITTERSTRASSE 71-75

ТЕЛ.: DÖNHOF 3360, 3361, 3362.

BUCHDRUCKEREI
MAX MATTISSON

BÜCHER, ZEITSCHRIFTEN, ZEITUNGEN
BROSCHÜREN, PROSPEKTE, KATALOGE
ILLUSTR. DRUCKSACHEN, GESCHÄFTS-
KARTEN, BRIEFBLÄTTER USW.

KÜNSTLER. MEHRFARBENDRUCK

HAND- UND MASCHINENSATZ
IN ALLEN WELTSPRACHEN

HERSTELLUNG VON KLISCHEES UND MATERN
BUCHBINDEREI - AUSFÜHRUNG ALLER AUS-
LANDSAUFTRÄGE IN SORGFÄLTIGSTER WEISE
— PREIS-ANSTELLUNG AUF WUNSCH —

VERLAG DES KINO-ADRESSBUCH

UND DER MONATLICH ERSCHEINENDEN

„NEUE ADRESSEN DER FILM- UND KINO-
INDUSTRIE“

BERLIN SW 68, RITTERSTRASSE 71-75

FERNSPRECHER: DÖNHOF 3360—3362.

Geriausia, patogiausia ir tikriausia

pinigams saugoti vieta

Pietuvos Ūkio Bankas

Kaunas

Laisvės Alėja Nr. 31

Didžiausias Bankas Lietuvoje ☉ Atlieka greit ir gerai visas bankines operacijas ☉ Turi skyrius visoje Lietuvoje ir artimiausius ryšius su Amerikos ir kitų valst ubių bankais

Kapitolas 15.000.000 Litu

Priima indelius ir perlaidas į visas pasaulio šalis ☉ Už padėtus pinigus moka geriausius nuošimčius ☉ Išmoka greitai perlaidas ☉ Perka visų šalių pinigus.

Tad kas nori turėti teisingą ir greitą banko reikalais patarnavimą tesikreipia tik į

Pietuvos Ūkio Banką

ir jo Skyrius

ЛИТВА - АМЕРИКА.

Наилучшее, удобнейшее и быстроходнейшее сообщение ИЗ ЛИТВЫ В АМЕРИКУ величайшими и комфортабельными пароходами Американской Правительственной Линии

„UNITED STATES LINES“

Американская Правительственная Линия имѣет слѣдующіе суда :

Leviathan, George Washington, President Harding, President Roosevelt

AMERICA
PRESIDENT ADAMS
PRESIDENT GARFIELD
PRESIDENT MONROE

PRESIDENT POLK
PRESIDENT WAN BUREN
PRESIDENT ARTHUR
PRESIDENT FILLMORE

За всѣми справками устно и письменно обращаться в Генеральное Представительство

United States Lines

для Литвы:

KASTANTAS NORKUS — Kaunas Laisves Aleja, 9.

Telegr.: Kanorkus Kaunas или Seapostes Kaunas.

Telef.: N 324.

СТРАХОВОЕ ОБЩЕСТВО

„LIETUVA“

Страхует от огня всякаго рода имущество.
Страхованіе транспортов от всяких случаев.
В непродолжительном времени открывається
отдѣл страхованія жизни и от
несчастных случаев.

ПРАВЛЕНІЕ: Kaunas, Laisvės Alėja 60

Телефон 288

Телегр. адр: Kaunas Lietdrauda

ГЛАВНОЕ АГЕНСТВО в Клайдѣ, Alte Sorgenstr. 2a

АГЕНСТВА во всѣх городах и болѣе значительных мѣстечках.